

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

P Slav 236.4

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

ДѢЛО

ГОДЪ СЕДЬМОЙ.

СОДЕРЖАНІЕ.

- I. ТЮРЬМА И ЕЯ ПРИНЦИПЫ.** (Ст. первая). П. Н.
- II. ОСВОБОЖДЕННЫЙ ПРОМЕТЕЙ.** Лирическая драма Перси Биши Шелли. (Окончаніе). Д. Д. МИНАЕВА.
- III. ПОГОНЯ ЗА НАЖИВОЙ.** Романъ. (Часть вторая. Гл. V — X) Н. Н. БАРЗИНА.
- IV. ПРОРОЧЕСТВО.** Стихотвореніе. (Изъ Петефи). А. Ш.
- V. СОВРЕМЕННОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНІЕ ПОВОЛЖЬЯ.** (Продолженіе). Д. Л. МОРДОВЦЕВА.
- VI. ВОСПОМИНАНІЕ.** Стихотвореніе. П. БЫКОВА.
- VII. ПОЛОЖЕНІЕ ЖЕНЩИНЫ ВЪ РОССИИ ПО ДОПЕТРОВСКОМУ ВОЗВРЪЩЕНІЮ.** (Продолженіе). АФ. П. ЩАПОВА.
- VIII. РОПОТЬ.** Стихотвореніе. (Изъ А. Петефи). А. Ш.
- IX. ПЕРВОНАЧАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНІЕ ВЪ ШВЕЙЦАРИИ.** (Продолженіе). А. ЖИХАЙЛОВА.
- X. ВОСПОМИНАНІЯ О ТЕАТРѢ ГРАФА КАМЕНСЕАГО ВЪ Г. ОРДѢ.** ГУРИЯ ЭРТАУЛОВА.
- XI. ВОЙНА.** Стихотвореніе. (Изъ А. Петефи). А. Ш.
- XII. КРЕСТЬЯНСКІЕ ВЫБОРЫ.** (Сцены.) (Продолженіе). Н. П. ПАУМОВА.

См. на оборотѣ.

XIII. ПАРИЖСКОЕ ВРУХО. («Le ventre de Paris», par Emile Zola. Paris. 1873.) (Окончаніе)

XIV. ВЕСНА. Стихотвореніе В. И. СЛАВЯНСКАГО.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

XV. ТЕНДЕНЦІОЗНЫЙ РОМАНЪ. (Ст. вторая.) . . . ПОСТНАГО.
(Сочиненія А. Михайлова. 5 томовъ. Спб. 1873.)

**XVI. УСЛОВІЯ ПРОГРЕССА ВЪ СФЕРѢ ПОЛОЖИ-
ТЕЛЬНОГО ЗНАНІЯ.** (Окончаніе.) Б. П. ОНГЕРСКАГО.
(Histoire des sciences et des savants depuis deux siecles, par A. de-Candolle, Genève, 1873.)

XVII. НОВЫЯ КНИГИ.

Письма изъ Америки. М. Бутина. Спб. 1872.—Письма объ Америкѣ и русскихъ переселенцахъ, Николая Славинскаго. Спб. 1873. — Полное собраніе сочиненій Гофмана. Перев. и издано подъ редакц. В. Н. Гербеля и А. Л. Соколовскаго. Т. I. Спб. 1873. — Еврейскія тайны. Очеркъ религиозныхъ вѣрованій евреевъ, ихъ обычаевъ и нравовъ. Въ двухъ частяхъ. Сост. и изд. Л. М. Зарѣцкій. Одесса. 1873.—Народныя чтенія въ Соляномъ Городѣ. О сохраненіи силъ и здоровья. Чтенія П. А. Ильинскаго. Спб. 1873. — Ученіе о здоровьѣ. Популярное изложеніе гигиеническихъ и медицинскихъ наставленій для всѣхъ возрастовъ различныхъ родовъ трудовой жизни. Соч. д-ра Отто Шраубе, съ приложеніемъ статьи: «Главныя основы гигиены». Спб. 1873.

XVIII. ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ХРОНИКА.

Адольфъ Тьеръ.

Популярность имени Тьера. — Происхожденіе Тьера. — Харчевня сестры министра. — Школьное свидѣтельство открываетъ Тьеру путь къ карьерѣ. — Первый шагъ Тьера къ извѣстности. — Журнальная дѣятельность Тьера. — Знакомство съ Лафитомъ. — Успѣхи въ свѣтѣ. — Сотрудничество Тьера съ Бодэномъ. — Успѣхъ «Исторіи французской революціи». — Характеристика Тьера. — Причина популярности Тьера, какъ оратора и литератора. — Его оппозиціонная дѣятельность въ «National». — Июльская революція. — Революціонныя рѣчи Тьера въ палатѣ. — Поворотъ его въ другую сторону. — Министерство Лафита. — Его паденіе. — Тьеръ становится министромъ. — Буржуазная теорія свободы. — Герцогиня Беррійская. — Неутомимая дѣятельность Тьера. — Борьба праваго и лѣваго центровъ, характеризующая июльскую монархію. — Слабость французской дѣятельности. — Пораженіе Франціи по Египетскому вопросу. — Отставка

**ОБЪЯВЛЕНІЕ ОБЪ ИЗДАНІИ
ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКАГО ЖУРНАЛА**

„Д Ы Л О“

въ 1873 году.

Журналъ «ДЪЛО» будетъ выходить въ 1873 г. на прежнихъ основаніяхъ, по прежней программѣ и въ томъ-же направленіи, какъ и въ прежнія шесть лѣтъ.

Подписная цѣна журналу на годъ:

безъ пересылки и доставки . . 14 р. 50 к.
съ пересылкой 16 р.
съ дост. въ Петербургъ . . . 15 р. 50 к.

Подписку просятъ адресовать исключительно въ С.-Петербургъ, въ Контору Редакціи журнала „ДЪЛО“, по Надеждинской ул. д. № 39; въ Москву, въ книжный магазинъ Н. Г. Соловьева, на Страстномъ бульварѣ, въ д. Алексѣева.

Въ случаѣ жалобъ на несвоевременное полученіе книжекъ „Дѣла“, Редакція проситъ покорнѣйше гг. подписчиковъ заявлять таковыя жалобы не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки. Въ противномъ случаѣ, на основаніи объявленныхъ правилъ отъ Почтоваго вѣдомства, Газетная Экспедиція къ своему разсмотрѣнію жалобъ не приметъ.

ПРИ ГЛАВНОЙ КОНТОРЪ ЖУРНАЛА

„ДЪЛО“

(Адресоваться въ Главную контору журнала «ДЪЛО», въ С.-Петербургѣ, по Надеждинской ул., д. № 39/5.)

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ ИЗДАНІЯ РЕДАКЦІИ ЖУРНАЛА „ДЪЛО“.

Происхожденіе челоуѣка, Ч. Дарвина. Три выпуска, около 80-ти печатн. листовъ, съ рисунками. Цѣна всѣмъ тремъ выпускамъ 5 р., съ перес. 5 р. 50 к. Каждый выпускъ отдѣльно стоитъ 2 р.

Избранныя Рѣчи, Дж. Брайта. Съ біографическимъ очеркомъ и портретомъ автора. Перев. съ англійскаго, подъ редакц. Г. Е. Благосвѣтлова. Ц. 2 р.; съ перес. 2 р. 30 к.

Вопросы общественной гигіены, В. Португалова. Около 40-ти печатныхъ листовъ. Цѣна 3 р.; съ пересылкою 3 р. 50 к.

О Питаніи въ фізіологическомъ, патологическомъ и терапевтическомъ отношеніяхъ, Д-ра Жюля Сира. Перев. съ французс. подъ редакціею А. Н. Моригеровскаго. Цѣна 2 р.; съ перес. 2 р. 30 к.

Понудительная гигіена. Настольная книга для сохраненія здоровья и рабочей силы въ средѣ народа. Соч. Карла Ренлама. Изданіе третье. Съ приложеніемъ *Дѣтской гигіены* д-ра М. С. Зеленскаго и вступительной ст. В. О. Португалова: «Безпредѣльность гигіены». Съ рисунками. Цѣна 2 р.; съ пересылкой 2 р. 30 к.

Одинъ въ полѣ — не воинъ. Романъ Фр. Шпильгагена. Съ портретомъ автора и съ предисловіемъ Г. Е. Благосвѣтлова. Въ двухъ томахъ. Богѣе 60-ти печ. лист. Цѣна 2 р.; съ перес. 2 р. 50 к.

Уроки элементарной фізіологии, Томаса Гексли. Изданіе второе. Перев. съ англійскаго; съ предисловіемъ Д. И. Писарева. Около 100 рисунковъ. Ц. безъ перес. 1 р. Съ пересылкой— 1 р. 20 к.

Подписчикамъ на журналъ „Дѣло“, равно и книгопродавцамъ, дѣлается уступка 20% съ вышеозначенныхъ цѣнъ.

ДѢЛО

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ.

ГОДЪ СЕДЬМОЙ.

№ 6.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ В. ТУШНОВА, ПО НАДЕЖДЕНСКОЙ УЛИЦѢ, ДОМЪ № 39.

1873.

Имв. № 24476

Рис. 2.36.4. (1873 / 6)

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 25 іюня, 1873 года.

HARVARD
UNIVERSITY
LIBRARY
APR 3 1963

6342

ЗАНЕСЕНА
ВЪ
ИНВЕНТАРЬ

ТЮРЬМА И ЕЯ ПРИНЦИПЫ.

(СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.)

I.

Если-бы въ Россіи не имѣлось на-лицо весьма серьезныхъ мѣстныхъ причинъ, вполне объясняющихъ то важное значеніе, которое получилъ у насъ въ настоящее время *тюремный вопросъ*, то можно было-бы подумать, что наши соотечественники заинтересовались имъ изъ подражанія Европѣ. Европа, несмотря на обиліе, повидимому, болѣе важныхъ и существенныхъ вопросовъ, со всѣхъ сторонъ осаждающихъ ея мысль, несмотря на переживаемые ею экономическіе, политическіе и религіозные кризисы, не только не забыла своихъ тюремъ, но, напротивъ, стала теперь заниматься ими съ гораздо болѣею настойчивостью, чѣмъ прежде. Даже Франція, среди всѣхъ ужасовъ и катастрофъ послѣднихъ лѣтъ, находитъ досугъ думать о нихъ; двадцать лѣтъ о тюрьмахъ никто не думалъ, двадцать лѣтъ тюремный вопросъ находился въ полномъ забвеніи. Въ 1869 году о немъ вдругъ вспомнили; рѣшено было собрать точныя свѣденія какъ о состояніи тюремъ, такъ и о тѣхъ реформахъ, которыя желательно было-бы ввести въ нихъ. Началось изслѣдованіе, но роковой 1870 годъ прервалъ его. Впрочемъ, какъ только внѣшній миръ былъ гарантированъ, національное собраніе назначило особую комиссію, въ составъ которой вошло нѣсколько членовъ національнаго собранія, нѣсколько официальныхъ представителей отъ судебного вѣдомства и вѣдомства министерства внутреннихъ дѣлъ, нѣсколько прокуроровъ и адвокатовъ, инспекторовъ и директоровъ тюремъ и пенитенціарныхъ

колоній; комиссія должна была всесторонне разработать тюремный вопрос и изготовить проект тюремнаго преобразованія. Нѣкоторые изъ ея членовъ были отправлены въ Англію, Италію, Швейцарію, Бельгію, Голландію, Швецію, Данію и Германію для изученія состоянія тамошнихъ тюремъ. Въ то-же время и въ Италиі, и въ Пруссіи образованы комиссіи для той-же цѣли. Наконецъ, лѣтомъ прошлаго года въ Лондонѣ былъ собранъ международный тюремный конгрессъ, поставившій свою задачу „собрать достовѣрныя статистическія и инныя свѣденія о тюрьмахъ, сопоставить прагматическія послѣдствія различныхъ системъ тюремнаго заключенія и уголовного законодательства, сравнить устрашающее вліяніе различныхъ наказаній и тѣхъ способовъ, съ помощью которыхъ достигается устрашеніе преступника и предупрежденіе преступленія“. На конгрессъ съѣхались со всѣхъ концовъ свѣта люди, интересующіеся тюремнымъ дѣломъ; европейскія государства прислали туда 66 официальныхъ представителей (въ томъ числѣ Россія четырехъ); сѣверо-американскіе штаты — 82; кромя того, въ немъ приняли участіе 68 представителей мировой юстиціи въ Англіи, 56 начальниковъ тюремъ или ихъ помощниковъ и 68 делегатовъ отъ разныхъ исправительныхъ заведеній и благотворительныхъ обществъ; вообще число членовъ конгресса превышало 340 человекъ, не считая постороннихъ посѣтителей—гостей. Конгрессъ этотъ не былъ дѣломъ единичныхъ усилій нѣсколькихъ личностей: онъ былъ созванъ по инициативѣ сѣверо-американскихъ штатовъ, и всѣ цивилизованныя государства приняли въ немъ дѣятельное участіе не только тѣмъ, что послали на него своихъ официальныхъ представителей, но и тѣмъ, что предоставили въ его распоряженіе всѣ сколько-нибудь цѣнныя матеріалы, могущіе содѣйствовать конгрессу въ разрѣшеніи принятой имъ на себя задачи. Конгрессъ или, лучше сказать, исполнительная комиссія конгресса предложила имъ 69 вопросовъ, исчерпывавшихъ, по ея мнѣнію, самыя существенныя стороны тюремнаго вопроса, и пятнадцать европейскихъ государствъ, Мексика и Соединенные Штаты прислали ему свои отвѣты. Такимъ образомъ, конгрессъ имѣлъ въ своихъ рукахъ такую богатую коллекцію всевозможныхъ данныхъ о современномъ состояніи тюремъ, каковую только можно было составить по *официальнымъ* источникамъ. Самые компетентные люди по части „тюремной спеціальности“ приняли участіе въ его

дебатахъ и приготовили для него цѣлыя „меморандумы“. Онъ во-площалъ въ себѣ, по выраженію одного оратора, „знанія, опыт-ность и мудрость всего свѣта“, — разумѣется, знаніе, опытность и мудрость въ предѣлахъ тюремнаго вопроса. По мнѣнію другого оратора (на этотъ разъ женщины, миссъ Карпентеръ), онъ состав-ляетъ „новую эру въ исторіи человѣческой цивилизаціи“. И это мнѣніе раздѣлялось, повидимому, большинствомъ членовъ конгрес-са. Конечно, на него нельзя-бы было обращать серьезнаго внима-нія, если-бы дѣло шло о собраніи какихъ-нибудь религіозныхъ мистиковъ и сектантовъ, — этимъ людямъ свойственно увлекаться и черезъ мѣру преувеличивать свое собственное значеніе, — но въ залу Middle Temp'l'a въ Лондонѣ собрались, 3-го іюля 1872 года, совсѣмъ не фанатики и не сектанты: это были солидные чиновники въ статскихъ и военныхъ мундирахъ, даже въ жен-скихъ юбкахъ, ученые юристы, профессора, доктора, опытные „тю-ремщики“ и посѣдѣвшіе на судейскихъ скамьяхъ „представители правосудія“. Такимъ почтеннымъ людямъ несвойственно увлекать-ся, и потому ихъ мнѣніе о значеніи ихъ конгресса довольно мно-гознаменательно: оно показываетъ, что во всѣхъ концахъ свѣта начинаетъ сознаваться нѣкоторое соотношеніе между цивилизаціей и тюрьмою. А отъ этого сознанія недалеко до мысли о необхо-димости согласовать принципы послѣдней съ принципами первой. Конечно, до извѣстной степени такое согласованіе всегда устанав-ливается самою жизнью, помимо воли и вѣдома законодателей. Но жизнь дѣлаетъ свое дѣло очень долго и совсѣмъ не систе-матично; она очень любитъ сохранять старое и весьма микроско-пическими дозами вводитъ новое. Потому всѣ ея согласованія, всѣ тѣ грубо-эмпирическія приспособленія, съ помощью которыхъ она старается пригнать старыя учрежденія къ своимъ новымъ требо-ваніямъ, отличаются обыкновенно массою противорѣчій и непослѣ-довательностей. Точно также и то соответствіе, которое устанав-ливаетъ жизнь во всѣ періоды человѣческой исторіи между прин-ципами уголовного законодательства и принципами данной куль-туры, было до крайности неполно и неудовлетворительно. Эта не-полнота и неудовлетворительность нерѣдко вызывала со стороны частныхъ и официальныхъ лицъ попытки внести какой-нибудь по-рядокъ, какую-нибудь систему въ хаосъ несогласимыхъ противорѣчій отживающей старины съ нарождающеюся новизною. Но такъ

какъ при всѣхъ этихъ попыткахъ ученые, филантропы и законодатели дѣйствовали „по образу и подобию“ самой жизни, т. е. старались угодить „и нашимъ, и вашимъ“, и старое тряпье сохранить и новые фасоны удержатъ, то нѣтъ ничего удивительнаго, что принципы уголовного законодательства вообще и тюрьмы въ частности представляютъ и въ наше время почти столько-же непоследовательности и противорѣчій, сколько и во времена средневѣкового варварства, а можетъ быть, даже и болѣе. Въ первобытномъ, патриархальномъ обществѣ уголовная репрессія сводилась къ ясному, отчетливо опредѣленному принципу *родовой мести*. Принципъ этотъ былъ очень простъ и первобытное общество не осложняло его никакими другими побочными соображеніями и дополнительными поправками. Съ переходомъ патриархально-родовой общины въ государство, рядомъ съ родовой местию, обращенною теперь съ помощью юридическихъ фикцій въ общественную, *государственную мечь* (т. е. въ нѣчто такое, что не имѣетъ само по себѣ никакого реального смысла), въ основу уголовного права полагаются другія соображенія, — соображенія уже чисто-утилитарнаго свойства. Послѣднія соображенія съ теченіемъ времени берутъ рѣшительный перевѣсъ надъ фикціей мести и эта фикція сохраняетъ свою силу только въ тѣхъ отдѣлахъ уголовного законодательства, гдѣ примѣненіе ея имѣетъ еще хоть нѣкоторое реальное значеніе. Такъ, въ римскомъ правѣ, правонарушенія, направленныя противъ общественной безопасности, затрогивающія непосредственно интересы самого государства, вызывали со стороны законодателя особую, такъ-сказать, экстраординарную уголовную репрессію, которую можно было мотивировать столько-же соображеніями пользы, сколько и чувствомъ мести. Напротивъ, правонарушенія, направленныя исключительно противъ частныхъ лицъ, затрогивающія только частные интересы, вызывали такую уголовную репрессію, которая только въ первое время, въ періодъ XII таблицъ, старается приспособиться къ идеѣ *мести* *), впоследствии-же она сообразуется съ количествомъ и ка-

*) По законамъ XII таблицъ, воръ, схваченный съ поличнымъ прежде, чѣмъ онъ успеетъ отнести его въ безопасное мѣсто, или схваченный въ томъ домѣ, гдѣ онъ совершилъ воровство, подвергался — если это былъ рабъ — смертной казни; если-же это былъ человекъ свободный — отдачѣ въ рабство. Воръ-же, схваченный послѣ того, какъ онъ уже успѣлъ скрыть украденное, т. е. по про-

чествомъ вреда, наносимаго преступленіемъ частному интересу. Мотивы преступленія, обнаруживаемая имъ степень развращенности преступника и вообще всѣ такъ-называемыя *внутреннія* условія преступленія, его субъективная сторона, не имѣли въ глазахъ законодателя почти никакого значенія; онъ обращалъ свое исключительное вниманіе на объективныя послѣдствія преступнаго дѣйствія, на тотъ матеріальный ущербъ, который оно наносило частному лицу. Такимъ образомъ, преступленіе давало поводъ къ одному только гражданскому иску, и въ гражданскомъ правѣ римлянъ, рядомъ съ *обязательствами, возникающими изъ договоровъ*, мы встрѣчаемъ *обязательства, возникающія изъ преступленія*. Самыя формы уголовного процесса имѣли характеръ частнаго гражданского спора. Государство сохраняло при этомъ *полнѣйшій* нейтралитетъ; оно не вмѣшивалось въ тяжбу и играло въ ней приблизительно ту-же роль, какую оно играетъ теперь въ процесѣ гражданскомъ. „Магистратъ, говоритъ одинъ знатокъ древне-римскаго права, — держалъ себя такимъ образомъ, что его поведение напоминало частнаго посредника, случайно призваннаго для рѣшенія спора“. (Мэнъ, Древ. Пр., стр. 293).

Съ усиленіемъ государственнаго или, выражаясь точнѣе, правительственнаго элемента кругъ тѣхъ преступныхъ дѣйствій, въ которыхъ государство видѣло прямое и непосредственное посягательство на свои интересы, постоянно расширялся и охватилъ, наконецъ, всю сферу возможныхъ уголовныхъ правонарушеній. Вмѣстѣ съ измѣненіемъ точки зрѣнія на преступленія измѣнились

шестви нѣкотораго времени послѣ совершенія воровства, подвергался только денежной пени въ размѣрѣ двойной цѣны украденнаго. Эту страшную неравномѣрность наказанія за одинъ и тотъ-же проступокъ Мэнъ объясняетъ именно тѣмъ, что древній законодатель старался соразмѣрить свою кару съ *чувствомъ* лица, потерпѣвшаго отъ преступленія. «Древній законодатель, говоритъ онъ (Древнее Право, стр. 297), — вѣроятно, разсуждалъ такимъ образомъ, что потерпѣвшій собственникъ, будучи предоставленъ самому себѣ, вѣроятно, стгоряча наложилъ-бы на вора совершенно иное наказаніе, чѣмъ то, какимъ-бы онъ довольствовался, если-бы воръ былъ открытъ по истеченіи значительнаго промежутка времени, и всѣ правосудія были приноровлены къ такого рода разсчету». Точно такъ-же поступали древніе англо-саксонскіе и другіе германскіе кодексы: они допускали, чтобы воръ, схваченный на мѣстѣ или съ поличнымъ, былъ тутъ-же обезглавленъ или повѣшенъ; но въ то-же время они называли, какъ простаго убійцу, всякаго, кто убьетъ вора по истеченіи извѣстнаго срока съ момента совершенія преступленія. Добросовѣстный анализъ откроетъ слѣды этихъ архаическихъ воззрѣній на наказаніе и въ новѣйшихъ кодексахъ.

и принципы наказанія. Принципъ гражданскаго права — принципъ вознагражденія за убытки, причиненные частному лицу преступнымъ дѣйствиємъ, господствовавшій въ первое время въ римскомъ правѣ, теперь хотя и не исчезъ совершенно, но отодвинулся на задній планъ. Принципъ мести, напротивъ, снова сталъ преобладающимъ, а рядомъ съ нимъ возникъ третій принципъ, навѣянный уже чисто-утилитарными соображеніями, — принципъ устрашенія. Такъ-какъ этотъ послѣдній принципъ опирался на основанія несравненно болѣе реальныя, чѣмъ пустая фикція мести, то онъ скоро сдѣлался самымъ главнымъ и, такъ-сказать, основнымъ принципомъ уголовного права. Однако, его господство все-таки не было исключительнымъ. Развитие общества установило новыя взгляды на преступленіе. Съ этой точки зрѣнія оно было прежде всего нравственнымъ паденіемъ человѣка; внутренніе мотивы — испорченная воля человѣка — вотъ на что эта теорія обращала свое исключительное вниманіе. Внѣшнія послѣдствія преступленія, его объективная сторона отошли на задній планъ. Но злая воля преступника потому только и была *зла*, что ею овладѣвалъ злой духъ, дьяволъ, нечистая сила, а такъ-какъ, по понятіямъ тогдашняго міросозерпанія, главное сѣдалище дьявола — наша плоть, то для того, чтобы высвободить волю изъ-подъ его власти, нужно измучить и истерзать человѣческое тѣло. Мучая и терзая тѣло, мы будемъ мучить и терзать сидящаго въ немъ дьявола, а чѣмъ больше измучается и истомится дьяволъ, тѣмъ легче восторжествовать надъ нимъ. Отсюда возникла мысль о необходимости *искупленія преступленія при посредствѣ физическихъ лишеній, тѣлесныхъ мукъ и страданій*. Виѣсть съ принципомъ устрашенія эта мысль легла въ основаніе средневѣкового уголовного права. Можно себѣ представить, къ какимъ неожиданнымъ послѣдствіямъ должны были привести на практикѣ подобныя теоріи! Все самое ужасное, что только могъ выдумать человѣческій умъ на погибель своего ближняго, было выдуманно и пущено въ дѣло подъ именемъ „правосудныхъ каръ“. Никогда самыя страшныя злодѣянія не доходили до такой изысканной виртуозности, совершая свои преступленія, до какой доходили судьи, осуществляя надъ ними свои „правосудныя кары“. Первые дѣйствовали въ большинствѣ случаевъ подъ вліяніемъ какого-нибудь сильнаго, непосредственнаго чувства, а потому въ ихъ поступкахъ

было больше порывистости и страсти, чѣмъ разсчетливаго предумышленія. Простой убійца нерѣдко щадилъ свою жертву, но судья и законодатель не знали пощады. Это были своего рода фанатики. Они слѣпо вѣрили, что всякое преступное дѣйствіе должно неизбѣжно повлечь за собою такія шѣры, которыя въ одно и то-же время, и устрашали-бы боязливыхъ и искупили-бы вину преступника, а искупленіе вины возможно только при посредствѣ физическихъ лишеній и тѣлесныхъ страданій. Эта вѣра такъ глубоко вкоренилась въ умѣ людей, что даже въ наше время, когда естественныя науки дали намъ возможность составить болѣе вѣрное понятіе о человѣческой природѣ, чѣмъ какое имѣли о ней средневѣковые аскеты, даже въ наше время уголовная репрессія опирается почти на тѣ-же самыя принципы, на которыя она опиралась въ средніе вѣка. Принципъ искупленія принявъ, правда, подѣ влияніемъ идей новѣйшаго времени, нѣсколько иную форму, но сущность осталась та-же. Прежде физическія лишенія и тѣлесныя страданія считались средствомъ искупленія вины, съ ихъ помощью средневѣковые законодатели надѣялись достигнуть спасенія души преступника, возстановленія его нравственной личности. Теперь, съ помощью тѣхъ-же средствъ, думаютъ достигнуть обращенія его на путь истины и добродѣтели; слово *искупленіе* замѣнилось словомъ *исправленіе*. Но съ точки зрѣнія самого преступника совершенно безразлично подвергаютъ-ли его тѣлеснымъ мукамъ въ интересахъ предполагаемаго искупленія или въ интересахъ предполагаемаго исправленія. И теперь, какъ прежде, въ преступномъ дѣйствіи обращаетъ на себя исключительное вниманіе не столько его внѣшняя сторона, его матеріальныя послѣдствія, сколько его внутренняя сторона, такъ называемая злая воля преступника. Сообразно съ этимъ, новѣйшее уголовное право, въ противоположность римскому и въ полномъ согласіи съ средневѣковымъ, соразмѣряетъ репрессію не со степенью ущерба, нанесеннаго преступленіемъ, а съ степенью проявленной въ немъ злой воли челоуѣка. Такимъ образомъ, и теперь, какъ прежде, воздѣйствіе на *злую волю* является существеннѣйшею задачею уголовного законодательства. Однако, на этомъ и оканчивается параллель. За предѣлами этой параллели начинаются глубокія различія. Средневѣковое уголовное право непоколебимо вѣровало въ свою непогрѣшимость; оно не знало никакихъ вопросовъ, ника-

кихъ сомнѣній. Для него *всякое* преступленіе было синонимомъ злой воли; *всякая* злая воля могла быть исправлена, т. е. искуплена съ помощью однихъ и тѣхъ-же, вездѣ неизмѣнныхъ, вездѣ примѣнимыхъ, вездѣ одинаково пригодныхъ средствъ, — пытки, вѣчной, постоянной пытки. Напротивъ, для новаго уголовного права все—вопросъ и сомнѣніе. Что такое злая воля? Всегда-ли она имѣется на лицо при совершеніи преступленія? Достаточно-ли одни физическія лишенія для подавленія злой воли? Съ помощью какихъ средствъ можно исправлять ее? и т. д., и т. д. Рядъ подобныхъ-же вопросовъ возникаетъ и относительно второго основного принципа уголовной репрессіи—принципа устрашенія. Всегда-ли оно бываетъ дѣйствительно? Выгодно-ли оно для общества? Воспоминаніе о вытерпѣнномъ наказаніи, а тѣмъ болѣе мысль о наказаніи, еще невыстраданномъ и по личному опыту неизвѣстномъ, можетъ-ли удержать человѣка отъ совершенія преступнаго дѣйствія? При какихъ условіяхъ можетъ, и часто-ли такія условія имѣютъ мѣсто въ дѣйствительности? и т. д. и т. д.

Психологія, фізіологія, статистика, общественная наука, медицина, съ одной стороны; юриспруденція, житейскій опытъ и, наконецъ, наблюденія лицъ, изучавшихъ на практикѣ жизнь подсудимыхъ въ тюрьмахъ, на галерахъ и т. п.—съ другой стороны, даютъ на эти вопросы не только не вполне несходные, но часто даже прямо противорѣчивые отвѣты. Нерѣдко отвѣты, почему-либо соответствующіе видамъ того или другого законодателя, вводились въ принципъ, и этотъ, такъ сказать, дополнительный принципъ присоединялся къ двумъ главнымъ. Почти въ каждой, современной намъ уголовной системѣ, накопилось не малое количество подобныхъ дополнительныхъ поправокъ. При господствующемъ разногласіи относительно большей части указанныхъ выше вопросовъ, очевидно, что отъ господствующихъ системъ уголовныхъ наказаній нельзя ожидать строгой отчетливости и единства въ принципахъ. Онѣ походятъ на зданіе, надъ которымъ послѣдовательно, а иногда даже и одновременно работало нѣсколько школъ и на которое каждый архитектурный стиль положилъ свою отлѣтку. Только, сравнительно говоря, въ недавнее время въ области уголовной репрессіи начало устанавливаться пѣкоторое, хотя и чисто внѣшнее единство. Разнообразные виды и роды наказаній, завѣщанные намъ отъ среднихъ вѣковъ, были, мало-по-малу, вы-

тѣсненіи однимъ—лишеніемъ свободы—тюрьмою. Тюремное заключеніе на различные сроки, съ работами и безъ работъ, въ предѣлахъ и за предѣлами отечества, вотъ почти единственная форма уголовной репрессіи, допускаемая современными законодательствами цивилизованныхъ государствъ стараго и новаго свѣта. Правда, хотя смертная казнь еще сохраняется формально большинствомъ кодексовъ, хотя и въ наше время она находитъ пламенныхъ защитниковъ не только среди юристовъ клерикальной партіи, среди государственныхъ мужей, но даже и среди замѣчательнѣйшихъ мыслителей нашего вѣка; однако, на практикѣ она примѣняется въ очень рѣдкихъ случаяхъ, и общественное мнѣніе Европы и Америки такъ рѣшительно возстаетъ противъ нее, что, по всей вѣроятности, дни ея сочтены и скоро одни только полуварварскія общества оставятъ за собою право распоряжаться человѣческой жизнью и смертью.

Внѣшнее единство, достигнутое сведеніемъ почти всѣхъ уголовныхъ наказаній къ тюрьмѣ, не обезпечиваетъ, однако, внутренняго единства,—единства принциповъ. Напротивъ, все разнообразіе и разнокалиберность этихъ принциповъ никогда такъ рѣзко не бросались въ глаза, какъ тогда, когда они были ограничены въ своемъ практическомъ примѣненіи одною лишь реформой уголовной репрессіи. Правда, обиліе уголовныхъ каръ скрадывало внутреннее противорѣчіе принциповъ, лежавшихъ въ основѣ цѣлой системы, теперь-же однообразіе этихъ каръ не только ничего не скрадываетъ, но еще рельефнѣе обнаруживаетъ это противорѣчіе. Потому-то теперь оно и чувствуется гораздо сильнѣе, чѣмъ чувствовалось прежде. Теперь, когда противурѣчивые принципы столкнулись на поприщѣ, сравнительно говоря, довольно узкомъ,—на поприщѣ *организации тюрьмы*, ихъ противурѣчивость становится очевидною для самого близорукаго глаза и потребность въ ея устраненіи должна признаваться настоятельною и неотложною для самыхъ недалководидныхъ умовъ. На ту агитацію, которая ведется въ настоящее время по поводу вопроса о реорганизации тюремъ, на всѣ эти тюремныя комиссіи въ Германіи, Франціи, Италіи и Россіи и т. п., на тюремный конгрессъ въ Пенсильваніи и, наконецъ, на знаменитый лондонскій международный конгрессъ, мы должны смотрѣть, какъ на частныя проявленія этой общей, повсемѣстно чувствуемой потребности,—потребности согла-

сить принципы современной тюрьмы съ принципомъ современной цивилизаціи, устранить изъ системы организаціи первой все, что не соотвѣтствуетъ цѣлямъ и стремленіямъ послѣдней; все, что завѣщено намъ средними вѣками, что осталось цѣлымъ и нетронутымъ со временъ религіозной инквизиціи и баронскаго феодализма.

II.

Международный тюремный конгрессъ въ Лондонѣ взялъ на себя, если не вполне, то хоть отчасти, разрѣшить трудную задачу *объединенія и обновленія* принциповъ тюремной организаціи. Повидимому, онъ имѣлъ всѣ необходимыя данныя для ея рѣшенія. Масса драгоценныхъ матеріаловъ, почти недоступныхъ для большинства частныхъ лицъ, опытъ различныхъ тюремныхъ системъ чуть не всѣхъ странъ цивилизованнаго міра, наблюденія и мнѣнія самыхъ компетентныхъ, въ тюремномъ дѣлѣ, людей, самая полная, никакимъ официальнымъ вмѣшательствамъ нестѣсняемая, свобода слова,—имѣя все это въ своемъ распоряженіи, конгрессъ, долженъ-бы былъ, какъ кажется, сдѣлать хоть что-нибудь для удовлетворенія той настоятельной потребности, которая вызвала его самого на свѣтъ божій. И члены конгресса разстались съ полнымъ убѣжденіемъ, что они, дѣйствительно *кое-что* сдѣлали и что за это *кое-что* они заслужатъ вѣчную память въ потомствѣ. „Результаты, достигнутыя конгрессомъ, говоритъ международная коммисія, охарактеризовавшая конгрессъ въ своемъ, такъ сказать, прощально-поздравительномъ адресѣ къ нему, „въ высокой степени удовлетворительны. „Значеніе этого конгресса, восклицаетъ одна ораторша въ прощальномъ засѣданіи конгресса, такъ велико, что его даже невозможно понять!“ И какъ-бы для вящаго доказательства этой „непонятной“ важности сдѣланнаго дѣла, всѣ члены конгресса наперерывъ пустились вотировать другъ другу „благодарность“. Все послѣднее засѣданіе было посвящено этому лестному и, вѣроятно, очень пріятному занятію. Прежде всего, какъ водится, вотировали благодарность предсѣдателю, потомъ секретарямъ, затѣмъ м-ръ Уайнсъ (Wines) предложилъ вотиро-

вать благодарность м-ру Гастинксу, м-ръ Гастинксъ—м-ру Уайнсу, м-ръ Аспиналль—м-ру Муа, м-ръ Муа—м-ру Аспиналлю, баронъ Мокай (Москау)—м-рамъ Брафтону и Дю-Кэну, м-ры Брафтонъ и Дю-Кэнь... ну и т. д., а архіепископъ Маннингъ предложилъ вотировать благодарность не только тѣмъ, „которые со всѣхъ странъ свѣта собрались на этотъ конгрессъ, но также и тѣмъ, которые оставались на мѣстѣ“.

Читая всѣ эти самоблагодаренія и самовосхваленія, можно подумать, что конгрессъ достигъ своей цѣли, и если не привелъ ни къ какимъ практическимъ результатамъ, то, по-крайней мѣрѣ, выяснилъ и опредѣлилъ, хоть теоретически, основные принципы тюремной организаціи. Однако, стоитъ только пробѣжать отчеты о его дебатахъ и о принятыхъ имъ рѣшеніяхъ, стоитъ только свести во едино все сказанное его ораторами для выясненія того или другого вопроса тюремной реформы, чтобы сейчасъ-же убѣдиться въ совершенной неосновательности подобной мысли. Конгрессъ ничего не выяснилъ, и никакихъ рѣшеній не принялъ; правда, было заявлено много очень вѣрныхъ мыслей и выражено много очень прекрасныхъ пожеланій, но такъ-какъ рядомъ съ вѣрными мыслями и прекрасными пожеланіями, было заявлено и выражено не малое количество мыслей невѣрныхъ и пожеланій не прекрасныхъ и такъ какъ и тѣ и другія, и прекрасныя и не прекрасныя пожеланія высказывались людьми, повидимому, одинаково компетентными, то первыя, въ виду послѣднихъ, и не могутъ имѣть никакого существеннаго значенія. Чтобы читатель не принялъ нашего отзыва за слишкомъ голословный, мы приводимъ здѣсь для примѣра нѣсколько общихъ заключеній конгресса по поводу дебатировавшихся въ немъ вопросовъ. Всѣхъ вопросовъ, обсуждавшихся на конгрессѣ было 29 *), почти на каждый

*) Вотъ перечень этихъ вопросовъ: 1) Какъ великъ можетъ быть maximum арестантовъ, содержащихся въ одной тюрьмѣ? 2) Классификація арестантовъ на различныя категоріи сообразно характеру совершенныхъ ими преступленій и другихъ обстоятельствъ, составляетъ основной принципъ всякой системы тюремнаго заключенія, общей или уединенной? 3) Насколько можетъ быть допущено вмѣшательство закона въ регулированіе тюремной организаціи? 4) Слѣдуетъ-ли допускать тѣлесныя наказанія въ тюрьмахъ? 5) Въ какой степени и какого рода воспитаніе можетъ быть примѣняемо въ тюрьмахъ, въ интересахъ исправленія преступниковъ? 6) Слѣдуетъ-ли образовывать спеціальныя школы для приготовленія тюремныхъ надзирателей и какихъ именно? 7) Можно-ли допу-

изъ нихъ данъ двоякій отвѣтъ: „ни да, ни нѣтъ“. Если же иногда и давались положительныя отвѣты безъ примѣси отрицательнаго элемента, то они облекались обыкновенно въ такую общую, неопредѣленную форму, что изъ нихъ рѣшительно не-

стать наказаніе *смысломъ*, и если можно, то какъ оно должно быть организовано? 8) Должно-ли тюремное заключеніе быть одинаково для всѣхъ, различаясь только по своей продолжительности, или можно допустить и нѣкоторыя отступленія отъ общихъ правилъ и какія именно? 9) Слѣдуетъ-ли подвергать тюремному заключенію, безъ разбора и безъ сообщенія съ другими арестантами, за какія-нибудь спеціальныя преступленія, необнаруживающія большой нравственной испорченности? 10) Возможно-ли замѣнить заключеніе на короткіе сроки или за неплатежъ штрафовъ принудительною работою, безъ лишенія свободы? 11) Можетъ-ли лишеніе свободы, подъ какою-бы то ни было формою заключенія, простирается на всю жизнь? 12) Какимъ способомъ всего удобнѣе можетъ быть осуществлена система *условнаго* освобожденія? 13) Должны-ли условно-освобожденные находиться подъ надзоромъ, и какимъ образомъ онъ можетъ быть примѣненъ къ практикѣ? 14) Слѣдуетъ-ли рецидивистовъ подвергать болѣе строгому заключенію, сравнительно съ лицами, совершившими преступленіе въ первый разъ? 15) Работа въ тюрьмахъ должна-ли имѣть исключительно уголовный характеръ, или она можетъ преслѣдовать и какія-нибудь промышленныя дѣла? 16) Въ какой степени тюремная администрація должна подлежать контролю судебныхъ властей и тюремныхъ комитетовъ (Boards of prisons)? 17) Должно-ли тюремное управленіе находится исключительно въ рукахъ центральной, правительственной власти? 18) Съ помощью какихъ средствъ всего скорѣе можно достигнуть нравственнаго исправленія малолѣтнихъ преступниковъ? 19) Желательно-ли имѣть статистическія свѣденія о тюрьмахъ въ различныхъ странахъ, (международная статистика тюремъ) и если это желательно, то какъ этого достигнуть? 20) Какимъ образомъ слѣдуетъ оказывать помощь освобожденнымъ арестантамъ? 21) Какимъ образомъ можетъ быть достигнуто возстановленіе чести и репутаціи освобожденнаго арестанта? 22) Какимъ образомъ можно содѣйствовать искорененію одного изъ самыхъ опасныхъ классовъ преступниковъ—*преступниковъ-капиталистовъ*—дающихъ матеріальныя средства для совершенія преступленій? 23) Должны-ли всѣ виды тюремнаго заключенія исключать тѣлесное наказаніе, подъ какою-бы то ни было формою? 24) Какъ великъ можетъ быть максимумъ тюремнаго заключенія, какъ общаго, такъ и уединеннаго? 25) Какой тюремной дисциплинѣ должны быть подвергаемы арестанты—*подсудимые*? 26) Не требуютъ-ли интересы предупрежденія и коренія преступленія, чтобы между цивилизованными государствами были заключены трактаты о взаимной выдачѣ преступниковъ? 27) Пенитенціарная система (вопросъ этотъ одновременно обсуждался въ двухъ секціяхъ: въ одной пренія велись на французскомъ языкѣ, въ другой на англійскомъ). 28) Тюрьмы *мастечекъ и графствъ* (Borough and County gaols). 29) Учасіе женщинъ въ наблюденіи и исправленіи арестантовъ и малолѣтнихъ преступниковъ.—Многіе изъ этихъ вопросовъ, какъ видитъ читатель, до такой степени наивны, что по поводу ихъ никакіе дебаты были не мыслимы. И дѣйствительно, по нѣкоторымъ изъ нихъ (напр., по 26-му вопросу) преній и совѣсьмъ не было, все дѣло ограничивалось одною постановкою вопроса.

возможно вывести никакого точнаго, практическаго правила. Вотъ три, четыре образчика эквилибристической мудрости и мудрой неопредѣленности господъ специалистовъ „по тюремному дѣлу“.

Вопросъ 1. Какъ великъ долженъ быть максимумъ числа лицъ, заключаемыхъ въ одну тюрьму? *Ответъ* (т. е. гешмѣ изъ пре- ній): *смотря по мѣстнымъ обстоятельствамъ и степени развитія арестантовъ*: одни находятъ, что и 1,000 и 2,200 арестантовъ не много (Кальвилль, Ливитто); другіе стоятъ за 300, 400 (Петерсенъ, Экертъ и др.).

Вопросъ 2. Должна-ли быть установлена между арестантами какая-нибудь классификація, сообразно съ степенью ихъ нравственности? *Ответъ.* Никакой такой классификаціи установить невозможно, потому что „чужая душа потемки“ (Стевенсъ, Муа, Маркардзенъ, Таллокъ), но все-таки лучше хоть какая-нибудь классификація, чѣмъ никакой (Коксъ)—классификація необходима и возможна (Алинусъ, Рателлифъ).

Вопросъ 3. Должна-ли законодательная власть регулировать тюремную организацію? *Ответъ.* Тюремная организація должна быть регулирована общимъ закономъ, но законъ не долженъ вдаваться въ излишнія подробности.

Вопросъ 4. Тѣлесныя наказанія могутъ-ли быть допускаемы въ тюрьмахъ, иными словами: слѣдуетъ или не слѣдуетъ съечь арестанта? Шесть ораторовъ (и въ томъ числѣ генераль-инспекторъ англійскихъ тюремъ, майоръ Дю-Кэнъ) краснорѣчиво и даже очень остроумно защищали плеть, какъ средство нравственнаго исправленія преступленій. „Мягкосердечные люди съ утонченными чувствами, увѣрялъ одинъ ораторъ, не должны думать, будто преступники чувствуютъ также, какъ и они“. Съ преступниками-же никакъ нельзя обойтись безъ плети. Майоръ Дю-Кэнъ утверждаетъ, что они даже сами это сознаютъ и остаются очень благодарны попечительному начальству за то, что оно во-время умѣло вразумлять ихъ палкой. Въ доказательство необходимости такого вразумленія генераль-инспекторъ англійскихъ тюремъ порадируетъ Вольтера. Вольтеръ, говоритъ онъ, по поводу уничтоженія смертной казни, сказалъ: пусть убійцы первые подадутъ примѣръ, пусть они первые откажутся отнимать жизнь у своихъ ближнихъ, и тогда общество не будетъ имѣть основаній отнимать жизнь у нихъ. Пусть-же, острить Дю-Кэнъ, пре-

ступники откажутся пускать въ дѣло кулаки и смертоносное оружіе, и тогда тѣлесное наказаніе можетъ быть уничтожено, но до тѣхъ поръ оно должно быть удержано. Мистеръ Аспиналъ, изъ Ливерпуля, пустился по этому поводу въ длинныя разсужденія. „То, что имѣетъ видъ филантропіи, разсуждалъ онъ, не всегда есть на самомъ дѣлѣ филантропія; въ наше время, когда нравственность стала такою уступчивою и сговорчивою, намъ не слѣдуетъ забывать, что наказаніе должно столько-же исправлять, сколько и устрашать. Тѣ, которые бьютъ своихъ женъ, которые поднимаютъ руку на женщину, — ничего болѣе не заслуживаютъ, какъ плети. Посмотрите на опухшіе глаза, выпвѣтшія лица, искаленные члены этихъ несчастныхъ женщинъ и дѣтей, неужели чудовища, сдѣлавшія ихъ такими, должны быть освобождены отъ тѣлеснаго наказанія?“ Такимъ образомъ, даже старая доктрина Моисеева закона, „око за око, зубъ за зубъ“ нашла себѣ въ лондонскомъ конгрессѣ краснорѣчивыхъ защитниковъ. Вопросъ о томъ, слѣдуетъ или не слѣдуетъ бить преступника, показался членамъ конгресса на-столько важнымъ и спорнымъ, что они дважды подвергали его своему обсужденію, и оба раза одна половина ораторовъ рѣшала его отрицательно, другая положительно. Такихъ двоякихъ образомъ, какъ мы уже сказали, разрѣшены были всѣ вопросы, подвергшіеся обсужденію конгресса, за исключеніемъ только тѣхъ, которые не требовали уже никакихъ обсужденій, въ родѣ, напримѣръ, вопросовъ о томъ, нужна-ли международная статистика тюремъ, слѣдуетъ-ли цивилизованнымъ государствамъ въ интересахъ преслѣдованія и каранія преступленій заключать взаимные договоры о выдачѣ преступниковъ? Въ результатъ оказалось, что спорные вопросы такъ и остались спорными и, можетъ быть, сдѣлались еще болѣе спорными, потому что ораторы, вмѣсто того, чтобы аппелировать постоянно къ фактамъ, ограничивались выраженіемъ своихъ личныхъ мнѣній или ссылкой на такія данныя, которыя никѣмъ и никогда не могутъ быть провѣрены. Возьмемъ для примѣра хоть вопросъ о maximum'ѣ срока уединеннаго заключенія. Повидимому, члены конгресса были самыми компетентными людьми въ разрѣшеніи этого чисто практическаго вопроса, а между тѣмъ они его еще болѣе запутали своими противорѣчивыми показаніями. Сэръ Крафтонъ, опираясь на свой опытъ, заявилъ, что наибольшій срокъ уединеннаго заключенія не можетъ

простирается долѣе 18 мѣсяцевъ безъ существеннаго вреда для здоровья заключенныхъ. Д-ръ Маркардзень (изъ Баваріи) увѣрялъ напротивъ, что оно можетъ продолжаться, по меньшей мѣрѣ, года 3. Онъ рассказывалъ, будто зналъ людей, которые пробыли въ уединенномъ заключеніи по собственному желанію—10, 12 и даже 13 лѣтъ, безъ малѣйшаго вреда для своего умственнаго и физическаго здоровья. Баронъ Мокай (изъ Голландіи) точно также утверждалъ, что трехгодичный срокъ не вредитъ здоровью, а г. Стевенсъ (изъ Бельгіи) пошелъ еще далѣе; по его мнѣнію, уединенное заключеніе вообще не можетъ оказывать болѣе вреднаго вліянія на здоровье, чѣмъ совмѣстное. М-ръ Анкрумъ, напротивъ, утверждалъ, что уединенное заключеніе не имѣетъ дурнаго вліянія на здоровье, когда оно не продолжается болѣе 1 года и 9 мѣсяцевъ. Кто-же правъ: Крафтонъ, Анкрумъ или Мокай, Стевенсъ, Маркардзень? Большинство ораторовъ высказалось за продолжительный срокъ уединеннаго заключенія. Но очевидно, что большинство тутъ ничего не значитъ, потому что, кромѣ *личныхъ мнѣній* ораторовъ, ни большинство, ни меньшинство не представило никакихъ другихъ болѣе солидныхъ аргументовъ.

Вслѣдствіе такого страннаго, чтобъ не сказать, легкомысленнаго отношенія къ предмету своихъ преній, конгрессъ и не могъ придти ни къ какимъ практическимъ рѣшеніямъ. Все его значеніе ограничивалось только тѣмъ, что онъ поставилъ публику, такъ сказать, au courant мнѣній, господствующихъ въ средѣ „специалистовъ по тюремному дѣлу“ на счетъ наиболѣе общихъ принциповъ тюремной организаціи. Эти мнѣнія были резюмированы въ отчетѣ исполнительнаго комитета международнаго конгресса. Хотя, судя по дебатамъ конгресса, они не составляютъ мнѣній большинства лицъ, говорившихъ на конгрессѣ, но такъ какъ ихъ раздѣляютъ его наиболѣе авторитетные члены, и въ томъ числѣ официальные организаторы конгресса, вошедшіе въ составъ исполнительнаго комитета *), то намъ и необходимо поближе ознакомиться съ ними. Вотъ какъ формулируетъ ихъ отчетъ.

*) Исполнительный комитетъ конгресса состоялъ изъ слѣдующихъ официальныхъ представителей различныхъ государствъ: отъ Англіи—Гастингсъ, отъ Австріи—Фрей, отъ Бельгіи—Стевенсъ, отъ Бразиліи—Анрада, отъ Чили—Вилува, отъ Даниі—Брѣкъ, отъ Франціи—Луазонъ, отъ Германіи—Шт ейнманъ, отъ Греціи—Арменій, отъ Голландіи—Поль и Мокай, отъ Италіи—Скаліа,

„Признавая, что цѣль уголовныхъ кодексовъ — огражденіе общественной безопасности, комитетъ полагаетъ, что цѣли этой нисколько не противорѣчатъ, а, напротивъ, вполне сообразно съ нею положить въ основу тюремной дисциплины принципъ нравственнаго перевоспитанія (regeneration) преступника. Для осуществленія этой задачи, нравственнаго перевоспитанія преступника, нужно дѣйствовать на него не столько страхомъ, сколько надеждой. Надежду эту слѣдуетъ постоянно поддерживать наградами за хорошее поведеніе и трудолюбіе; награды могутъ состоять или въ уменьшеніи срока заключенія, въ предоставленіи заключенному части заработка, въ постепенномъ уменьшеніи тюремныхъ строгостей и въ расширеніи льготъ. По мнѣнію комитета, во всѣхъ тюрьмахъ должна быть введена такая классификація заключенныхъ, при которой послѣдніе могли-бы, по жѣрѣ своихъ успѣховъ въ дѣлѣ нравственнаго усовершенствованія, переходить изъ низшаго разряда въ высшій (такъ называемая progressive classification)“.

„Дисциплинарныя наказанія, сопряженныя съ *ненужною* (?) болью и униженіемъ должны быть уничтожены. За нарушеніе правилъ тюремной дисциплины, наказаніями должны по возможности служить: уменьшеніе допускаемыхъ въ тюрьмѣ удобствъ, отнятіе какихъ-нибудь льготъ или право воспользоваться заслуженнымъ сокращеніемъ срока заключенія. Нужно стараться дѣйствовать чисто нравственными средствами, по крайней жѣрѣ, на сколько это можетъ быть совмѣстно съ сохраненіемъ тюремной дисциплины, къ физической силѣ слѣдуетъ прибѣгать только въ крайнихъ случаяхъ. Но, говоря это, комитетъ далекъ отъ мысли защищать неумѣстную снисходительность, которую онъ считаетъ на столько-же вредною, на сколько вредна и неумѣстна строгость. Самый вѣрный принципъ тюремной системы долженъ состоять въ томъ, чтобы, постоянно внушая преступнику, что онъ согрѣшилъ передъ обществомъ и обязанъ искупить передъ нимъ свою вину, поставить его въ суровыя условія жизни, изъ которыхъ онъ могъ-бы выйти только съ помощью собственныхъ усилій. Приучить преступника

отъ Россіи — Солмогубъ, отъ Испаніи — Агульера, отъ Швеціи — Гераль, отъ Швейцаріи — Гильомъ, отъ Турціи — Музурузъ-бей, отъ Соединенныхъ Штатовъ и Мексики — Уайнсъ, отъ Викторіи — Уть.

усиліями собственной воли достигать нравственнаго совершенствованія. Такова должна быть задача тюремной дисциплины. Последняя только тогда и можетъ имѣть истинно исправительный характеръ, когда она сумѣетъ вполне подчинить себѣ волю заключеннаго. Преступники, переступая порогъ тюрьмы, не перестаютъ быть людьми, а потому надо стараться вліять на нихъ человѣческими интересами, затрогивать въ нихъ человѣческія побужденія; съ ними нужно обращаться, какъ съ людьми, т. е. какъ съ существами на столько-же способными дѣйствовать подѣ вліаніемъ чисто нравственныхъ и умственныхъ импульсовъ, какъ и тѣлесныхъ потребностей“.

„Между всѣми средствами нравственнаго перевоспитанія преступника, религія занимаетъ первое мѣсто, потому что религія оказываетъ самое могущественное вліаніе на нашу душу и на всю нашу жизнь. Образование точно также существенно необходимо для нашего нравственнаго совершенствованія и оно должно составлять необходимое условіе всякой тюремной системы. Постоянно напряженный и полезный трудъ составляетъ основу разумной тюремной дисциплины, служить и средствомъ и пробнымъ камнемъ исправленія. Трудъ, образование и религія, вотъ три великія силы, къ содѣйствію которыхъ тюремная администрація должна постоянно обращаться. Для осуществленія этихъ основныхъ началъ необходимо принимать во вниманіе индивидуальность преступника; имѣя дѣло съ заключенными, слѣдуетъ, какъ и со всѣми вообще людьми, никогда не терять изъ виду личныя свойства и особенности характера каждаго. Едва-ли надо прибавлять, что изложенные здѣсь принципы только тогда съ успѣхомъ могутъ быть примѣнены къ практикѣ, когда лица, которымъ поручается надзоръ за тюрьмами, будутъ вѣрить въ возможность исправленія преступника, и когда они всецѣло отдадутся своему дѣлу. По-возможности они должны специально подготавливаться къ исполненію своихъ обязанностей; при этомъ, въ порядкѣ замѣщенія тюремныхъ должностей, необходимо установить строгую соразмѣрность между должностью, отвѣтственностью и вознагражденіемъ съ одной стороны, испытанною опытностью и способностями—съ другой; такимъ образомъ, достойнымъ открытъ будетъ путь къ постепенному возвышенію“.

Таково profession de foi наиболѣ либеральныхъ членовъ конгресса, profession de foi, утвержденное и подписанное офи-
„Дѣло“, № 6.

ціальными представителями всѣхъ важнѣйшихъ государствъ, какъ Старого, такъ и Новаго свѣта.

Нельзя сказать, чтобы оно отличалось большою ясностью и опредѣленностью. Каждое положеніе выражено въ такихъ общихъ чертахъ и обставлено такими оговорками, что изъ него весьма трудно извлечь какія-нибудь точныя, практическія правила. „На преступника, говоритъ комитетъ, — нужно дѣйствовать по-преимуществу нравственными средствами“, но тутъ-же прибавляетъ: „насколько это совмѣстно съ поддержаніемъ тюремной дисциплины“. Прибѣгать къ физическому принужденію онъ не совѣтуетъ, однако, „въ крайнихъ случаяхъ“ можно прибѣгать и къ нему. Но кто-же будетъ опредѣлять эти „крайніе случаи?“ Само тюремное начальство. Слѣдовательно, мысль комитета можетъ быть точнѣе формулирована слѣдующимъ образомъ: „къ физической силѣ нужно прибѣгать во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда тюремное начальство сочтетъ это необходимымъ“. Самыя средства, рекомендуемыя комитетомъ для исправленія и нравственнаго перерожденія преступника, взяты ими непосредственно изъ практики господствующихъ тюремныхъ системъ. Ихъ дѣйствию десятки лѣтъ подвергаются сотни тысячъ преступниковъ, однако, какъ мы увидимъ ниже, результаты получаются далеко не сооѣтствующіе розовымъ надеждамъ, высказываемымъ комитетомъ. Кромѣ того, нѣкоторые весьма существенные вопросы тюремной организаціи оставлены комитетомъ безъ отвѣта. Онъ ничего не говоритъ, напримѣръ, о томъ, какой системѣ уединеннаго или совмѣстнаго заключенія слѣдуетъ отдать предпочтеніе, или если обѣ системы одинако хороши, то какимъ образомъ всего удобнѣе и цѣлесообразнѣе можно ихъ сочетать, какъ великъ долженъ быть максимумъ срока уединеннаго заключенія и т. п. По его мнѣнію, тюремное начальство обязано обращать вниманіе на личныя особенности каждаго арестанта и относиться къ нему, сообразуясь съ его индивидуальностью. Но при какой-же системѣ индивидуальность арестанта всего рельефнѣе обрисовывается? При совмѣстной или уединенной? Члены конгресса не пришли на этотъ счетъ ни къ какому опредѣленному заключенію. Одни утверждали, что только уединенное заключеніе, полное обособленіе арестанта отъ его со-заключенниковъ, можетъ дать начальству возможность ознакомиться, какъ слѣдуетъ, съ его характеромъ, уловить и ясно опредѣлить его индивидуальность. Другіе,

напротивъ, полагали, что личныя свойства и особенности характера всего ярче обнаруживаются въ отношеніяхъ человѣка къ его ближнимъ и что потому при совмѣстномъ заключеніи можно скорѣе и вѣрнѣе узнать арестанта, чѣмъ при изолированномъ. Вопросъ такъ и остался открытымъ. Точно также открытымъ остался вопросъ о *принципѣ классификаціи арестантовъ*. Мы видѣли уже, что на конгрессѣ часть ораторовъ выразила самымъ рѣшительнымъ образомъ сомнѣніе въ возможности установить классификацію по степени нравственности преступниковъ. Другіе ораторы — считали такую классификацію необходимою и предлагали за мѣрило нравственности принять трудолюбіе арестанта и его поведеніе въ тюрьмѣ. Третіе, наконецъ, предлагали классифицировать арестантовъ по роду совершеннаго ими преступленія. Комитетъ не обмолвился на этотъ счетъ ни единымъ словечкомъ.

III.

Общія начала, заявленныя исполнительнымъ комитетомъ отъ лица международнаго конгресса, независимо отъ своей неясности и неопредѣленности, страдаютъ полнѣйшимъ отсутствіемъ всякой самостоятельности: отчетъ комитета представляетъ не болѣе, какъ весьма краткое и поверхностное изложеніе мнѣній, подробно развитыхъ въ запискѣ, представленной конгрессу американскою делегаціею. Записка эта заключаетъ въ себѣ 25 предложеній: первыя 13 излагаютъ основныя принципы тюремной организаціи: Они совершенно тождественны съ тѣми принципами, которые выражены и въ отчетѣ комитета *), только въ „запискѣ“ рельефнѣе опре-

*) Чтобы читатель могъ самъ убѣдиться въ этомъ, мы приведемъ здѣсь въ краткомъ резюме сущность первыхъ 13 предложеній. 1) Въ интересахъ общественной безопасности, тюрьма должна болѣе заботиться объ исправленіи преступника, чѣмъ о его караніи. 2) Надежда можетъ сильнѣе побуждать преступника къ исправленію, чѣмъ страхъ, а для того, чтобы она никогда не покидала его, рекомендуется та-же система наградъ, о которой говорится и въ отчетѣ комитета. 3) При классификаціи преступниковъ, нужно руководиться единственно ихъ личными заслугами (прилежаніемъ, трудолюбіемъ, хорошимъ поведеніемъ) а не какими-нибудь вѣшними признаками, какъ-то глѣтами, совершеннымъ преступленіемъ и т. п. 4) Въ обращеніи съ арестантами нужно избѣгать употребленія физической силы, нужно стараться дѣйствовать на нихъ убѣжденіемъ.

дѣляется ихъ общій характеръ. По мнѣнію делегации, въ основѣ *тюремныхъ отношеній* должно лежать то-же самое начало, которое лежитъ и во вѣхъ тюремныхъ отношеній между собою. Какъ въ свободномъ обществѣ, говоритъ делегация, главнымъ и самымъ могущественнымъ стимуломъ человѣческой дѣятельности и человѣческаго развитія служить личная выгода, такъ точно должно быть и въ тюрьмѣ. Личная выгода, эгоизмъ—вотъ та сила, которая съ несомнѣнною пользою можетъ быть примѣнена къ нравственному исправленію преступника. Давъ ему возможность видѣть въ его хорошемъ поведеніи средство къ улучшенію своего положенія, мы тѣмъ самымъ будемъ содѣйствовать укорененію и развитію въ немъ хорошихъ привычекъ. И, такимъ образомъ, то, что оказывается въ большинствѣ случаевъ не осуществимымъ при строгихъ наказаніяхъ, будетъ безъ труда достигнуто простымъ возбужденіемъ личныхъ интересовъ арестанта.“ Въ этомъ-то исключительномъ *возбужденіи личныхъ интересовъ* состоитъ вся высшая мудрость тюремной системы, рекомендуемой американцами и одобренной лондонскимъ конгрессомъ, имъ объясняются и къ нему сводятся всѣ основныя положенія. Сдѣлать человѣка расчетливымъ и трудолюбивымъ значить, съ точки зрѣнія этой системы, сдѣлать его вполне достойнымъ гражданиномъ современнаго об-

5) Однако излишняя слабость также вредна, какъ и излишняя строгость. Нужно, чтобы положеніе преступника постепенно улучшалось, сообразно съ его трудолюбіемъ, самообладаніемъ и самоотверженностью (self daniel). 6) Всякія наказанія, сопряженныя съ болію и униженіемъ, должны быть уничтожены, затѣмъ предлагается ограничиться тѣми только карами, о которыхъ говорить и отчетъ. 7) Нужно стараться прежде всего подчинить себѣ волю преступника и приучить его *добровольно* дѣлать все то, что начальство желаетъ, чтобы онъ дѣлалъ. 8, 9) и 10) говорить о лицахъ, которымъ долженъ быть ввѣряемъ надзоръ за арестантами. Здѣсь почти дословно повторяются тѣ-же мысли, которыя развиваетъ и отчетъ. 11) Трудъ, образованіе и религія (подразумѣвая тутъ-же и нравственное воспитаніе)—вотъ три великія силы, содѣйствующія нравственному исправленію преступника. 12) Въ основу тюремной системы долженъ быть положенъ принципъ *индивидуализации*, съ каждымъ преступникомъ слѣдуетъ обращаться, сообразуясь съ его личными свойствами и особенностями. 13) Чтобы тюрьма могла достичь своей задачи исправить преступника, необходимо подвергать послѣдняго довольно продолжительному сроку заключенія. Заключеніе-же на короткій срокъ почти бесполезно. Лица, присуждаемыя къ краткосрочному заключенію должны быть подчинены совершенно иной дисциплины, чѣмъ дисциплина исправительной тюрьмы. Если задача тюрьмы относительно долгосрочныхъ состоитъ въ томъ, чтобы исправить ихъ, то, относительно коротко-срочныхъ она сводится, по преимуществу, къ одному устрашенію.

щества. Цѣль тюрьмы выработать въ человѣкѣ этотъ расчетливый эгоизмъ и научить его согласовать свою личную выгоду съ требованіями формальнаго закона. Такимъ образомъ, въ предложеніяхъ делегации и въ отчетѣ комитета смутное сознание необходимости примиренія основныхъ началъ тюрьмы съ основными началами общественной жизни возводятся въ категорическій, ясно выраженный принципъ. Составители „предложеній“ съ большимъ тактомъ и знаніемъ человѣческаго сердца указываютъ на средства, съ помощью которыхъ тюрьма можетъ разрѣшить свою воспитательную задачу—привить преступнику чувство, мысли и привычки, наиболѣе соответствующія условіямъ данныхъ общественныхъ отношеній. Они изгоняютъ изъ ея дисциплинарнаго кодекса все, что можетъ утрапачать, запугивать и озлоблять арестанта. Запуганныя, застрашенные и озлобленные личности совѣмъ не годятся для практической жизни, онѣ вносятъ только диссонансъ въ ту экономическую гармонію, которая составляетъ основную сущность современнаго намъ періода цивилизаціи. Чтобы жить среди этой гармоніи и не выходить въ то-же время изъ рамокъ легальности, не оскорблять правилъ общепринятой нравственности, для этого нужна особая выдержка характера, высоко развитое чувство личной выгоды, большая доза выносливости, находчивости, упорства въ стремленіи къ личному благополучію, гибкая изворотливость ума и т. п. Всѣ эти качества возможно пріобрѣсти только постояннымъ упражненіемъ своей воли, въ одномъ и томъ-же направленіи, развитіемъ личной самостоятельности. Отсюда, очевидно, что тюрьма, ставящая своею цѣлью перевоспитать арестантовъ сообразно съ тѣми требованіями, которыя жизнь предъявляетъ свободнымъ людямъ, не можетъ дѣйствовать на нихъ грубыми, чисто механическими средствами старой, отживающей тюремной практики. Это сознаетъ и отчетъ комитета, но только отчетъ, въ виду, быть можетъ, рѣзкихъ заявленій нѣкоторыми изъ членовъ конгресса, о необходимости и полезности плети и палки, не счелъ удобнымъ слишкомъ рѣшительно стать на сторону ихъ антогонистовъ. Американская делегация не имѣла надобности стѣсняться брать въ соображеніе мнѣнія почтенныхъ защитниковъ исправительнаго значенія розги. Потому онъ съ несравненно большею настойчивостью проводитъ мысль о необходимости болѣе мягкаго, гуманнаго обращенія съ заключенными. Грубая сила, читаемъ въ запискѣ деле-

гаці, — формируетъ хорошихъ *арестантовъ*; но для того, чтобы воспитать хорошихъ *гражданъ*, нужно дѣйствовать на заключенныхъ убѣжденіемъ, нужно устранить изъ тюремъ старую, военную дисциплину и замѣнить ее болѣе гуманнымъ нравственнымъ обращеніемъ съ арестантами. Цѣль военной дисциплины и тюремнаго заключенія диаметрально противоположны: одна должна стараться приучить людей дѣйствовать *вмѣстѣ*, другая — *порознь*. Первая достигается съ помощью грубой силы, другая чисто нравственными средствами. Одна стремится подавлять всякую индивидуальность, превратить человѣка въ пассивное орудіе чужой воли, другая, напротивъ, стремится развить индивидуальность, укрѣпить личный характеръ, возбудить въ человѣкѣ самодѣятельность. Одна какъ-бы снимаетъ съ него отвѣтственность за его поступки, другая заботится о томъ, чтобы сознаніе этой отвѣтственности не покидало его ни на единую минуту. Одна, говоря короче, хлопочетъ объ *обезпеченіи* человѣка, другая старается воспитать въ немъ чувство собственнаго достоинства, сдѣлать личный интересъ главнымъ стимуломъ и регуляторомъ при его дѣятельности. Однако, какъ не противоположна задача исправительной тюрьмы и военной дисциплины, но все-таки исправительная тюрьма не можетъ, по мнѣнію делегаци, всецѣло отказаться отъ всѣхъ атрибутовъ старой тюремной практики. Средневѣковая тюрьма, какъ было сказано выше, исходя изъ той мысли, что наказаніе должно имѣть характеръ устрашающій и искупительный, подвергала арестанта всевозможнымъ физическимъ страданіямъ, заковывала его въ цѣпи, морила голодомъ, лишала его самыхъ необходимыхъ удобствъ жизни, истязала его розгами и плетью. Повидимому, съ точки зрѣнія тѣхъ воззрѣній, которыя защищаются американскою делегациею и одобряются комитетомъ конгресса, устрашающее значеніе тюрьмы окончательно теряетъ свой *raison d'être*. Но на самомъ дѣлѣ это не такъ. Отчетъ комитета, а въ особенности записка делегаци, очень много толкуютъ о необходимости дѣйствовать на арестанта, по-преимуществу, нравственными средствами, поученіями и убѣжденіями, но въ то-же время, они понимаютъ, что однихъ поученій и убѣжденій слишкомъ недостаточно. Чтобы возбудить въ арестантѣ чувство личнаго интереса, они предполагаютъ систему наградъ и распредѣленіе заключенныхъ на классы, по степени ихъ трудолюбія и хорошаго поведенія. Для того-же, чтобы

возбудить въ немъ энергическое желаніе добиваться перевода изъ низшихъ классовъ въ высшіе, чтобы дать толчекъ его самодѣятельности, они желали-бы сдѣлать положеніе его въ низшихъ классахъ наименѣе выносимымъ. Они вѣрно разочли, что человѣкъ, непривыкшій къ упорному и постоянному труду, не станетъ, ради однихъ только ожидаемыхъ благъ, добровольно подвергать себя чрезмѣрнымъ усиліямъ, не станетъ заботиться объ улучшеніи своего положенія въ будущемъ, если оно въ настоящемъ хоть сколько-нибудь сносно. И вотъ тюремные реформаторы совѣтуютъ поставить заключеннаго, тотчасъ по поступленіи его въ тюрьму въ такіе тиски, изъ которыхъ простой инстинктъ самосохраненія долженъ заставить его выбиваться со всею силою имѣющейся у него на лицо энергіи. Если начальство придетъ къ нему на помощь и укажетъ ему путь къ освобожденію изъ этихъ тисковъ, (которые отчетъ характеризуетъ словами *steraq adversity*, а делегация называетъ *benevolent adversity*), то есть много шансовъ думать, что онъ съ радостью устремится на указанный путь, а разъ это случится, система умно разсчитанныхъ наградъ и поощреній, страхъ лишиться пріобрѣтенныхъ льготъ и очутиться въ прежнемъ положеніи—довершить остальное. Арестантъ втянется въ упорный трудъ и не будетъ беспокоить начальство своимъ дурнымъ поведеніемъ. Все пойдетъ, какъ по маслу. Вотъ въ короткихъ словахъ сущность той механики, съ помощью которой исправительная тюрьма должна нравственно переродить и перевоспитать человѣка. Повидимому, механика весьма искусно приноровлена къ человѣческимъ потребностямъ, повидимому, творцы ея приняли въ разсчетъ не только хорошія, но и дурныя стороны человѣка и ловко утилизировали послѣднія въ интересахъ своей системы. Повидимому, они превосходные сердцевѣды и очень тонкіе и дальновидные психологи.

Къ несчастію, однако, на дѣлѣ выходитъ не совсѣмъ такъ. Основныя начала тюремной организаціи, возвышенныя комитетомъ и подробно развитыя въ запискѣ американской делегаціи, хотя въ первый разъ санкціонуются въ принципѣ представителями почти всѣхъ цивилизованныхъ, и даже только *отчасти цивилизованныхъ* странъ Европы и Америки, однако, на практикѣ они уже довольно давно начали примѣняться въ тюрьмахъ стараго и новаго свѣта. Конечно, они примѣнялись не совсѣмъ въ чистомъ

видѣ, но все-же тюремный опытъ даетъ возможность оцѣнить до извѣстной степени ихъ практическое значеніе и ихъ вліяніе на нравственное исправленіе арестантовъ.

Посмотримъ-же, что говорить этотъ опытъ.

IV.

Въ наиболѣе чистомъ видѣ основныя начала тюремной организаціи, одобренныя комитетомъ конгресса, примѣняются въ тюрьмахъ Англіи и Ирландіи. Организація ирландскихъ и англійскихъ тюремъ, вѣроятно, болѣе или менѣе, извѣстна нашимъ читателямъ, объ ней много у насъ писалось и еще недавно въ одномъ изъ толстыхъ журналовъ была напечатана статья одного изъ бывшихъ русскихъ официальныхъ представителей на лондонскомъ конгрессѣ, въ которой читатель можетъ найти довольно обстоятельное изложеніе тюремной системы, практикуемой въ этихъ странахъ. Поэтому, не вдаваясь въ подробности, мы ограничимся здѣсь лишь общою характеристикою тѣхъ началъ, которыя лежатъ въ ея основѣ.

Въ Англіи и Ирландіи преступники, приговоренные къ уголовному наказанію, прежде всего подвергаются строгому одиночному заключенію. Для этого ихъ отправляютъ въ особыя тюрьмы—въ Англіи въ пентонвильскую или мильбанскую, въ Ирландіи—въ монтжуискую, устроенныя по принципамъ пенитенціарной системы. Пребываніе въ этихъ тюрьмахъ составляетъ первую стадію или первый періодъ того длиннаго искуса, черезъ который каждый заключенный обязанъ пройти. Тутъ-то именно онъ и попадаетъ въ тѣ „тиски“, которые рекомендуются комитетомъ конгресса. Какъ ужасны эти тиски, лучше всего можно видѣть изъ того, что, по заявленію самого Дю-Кэна, арестантъ не въ состояніи вынести его долѣе 9 мѣсяцевъ. Прежде, и еще очень недавно, срокъ одиночнаго заключенія доходилъ до 18 мѣсяцевъ, но опытъ показалъ, что даже самыя крѣпкіе, сильныя и здоровые люди не могутъ выдержать подобной пытки: они сходили съ ума, или впадали въ такое душевное состояніе, при которомъ нечего было и думать объ исправленіи преступника и всѣ дальнѣйшіе теремные эксперименты оказывались совершенно излишними. Во все время одиночнаго заключенія арестанты подчинены самой строгой дисцип-

линѣ и самому бдительному наблюденію. Въ Пентонвилѣ и Мильбанкѣ они обязаны заниматься въ своихъ казематахъ ремеслами, (сапожнымъ, портняжнымъ и т. п.), а кто не знаетъ никакого ремесла — выдѣлкою волосяныхъ рогожъ. Въ монжуйской тюрьмѣ ихъ заставляютъ щипать пеньку, этою крайне вредною для здоровья и нечистою работою ихъ заставляютъ ежедневно заниматься 9, 10 часовъ. Кормятъ очень плохо; въ ирландскихъ тюрьмахъ, въ первые 4 мѣсяца уединеннаго заключенія совсѣмъ не дается мяса. Изнуривъ арестанта скучною работою, ослабивъ діетою, доводя его одиночествомъ почти до сумасшествія, его допускаютъ, наконецъ, къ общимъ работамъ. Тутъ для него начинается второй періодъ исправительнаго искуса. Болѣе здоровые и сильные переводятся изъ Пентонвиля и Мильбанка въ Портлендъ, Чатамъ или Портсмутъ, менѣе сильные и менѣе здоровые отправляются въ Дортмутъ, Паркгерстъ, Бригстонъ и т. п.; а изъ монжуйской тюрьмы въ Спикъ-Исландъ. Въ этихъ тюрьмахъ арестанты раздѣлены только на ночь и во время ѣды, работаютъ-же они вмѣстѣ, работа тяжелая, почти каторжная, особенно въ Портсмутѣ и Портлендѣ, гдѣ ихъ занимаютъ портовыми работами, устройствомъ доковъ, рытьемъ каналовъ, рубкою и тасканіемъ тяжелыхъ камней и тому подобное. По количеству исполненной арестантомъ работы опредѣляется степень его нравственнаго исправленія и онъ переводится изъ низшихъ классовъ въ высшіе. Онъ обязанъ за все время своего заключенія, считая со дня поступленія въ тюрьму, пройти четыре класса: испытательный (probation class) продолжающійся по меньшей мѣрѣ одинъ годъ (считая въ томъ числѣ 9 мѣсяцевъ одиночнаго заключенія); втеченіи этого года онъ долженъ заработать на общей работѣ 720 марокъ. За каждый день работы арестантъ, при среднемъ прилежаніи получаетъ 6 марокъ; если-же онъ обнаружитъ усиленную ревность къ работѣ и сработаетъ болѣе средняго урока, то онъ получаетъ прибавочныя марки, число которыхъ, однако, не можетъ превышать двухъ марокъ въ день. Изъ испытательнаго класса арестантъ, заработавшій установленное число марокъ, переводится въ третій классъ. Здѣсь онъ обязанъ заработать 2,920 марокъ; слѣдовательно, если онъ ежедневно будетъ получать двѣ дополнительныя марки за прилежаніе, то время пребыванія въ этомъ классѣ тоже сокращается до одного года; въ противномъ случаѣ, ему при-

дется провести въ немъ еще около четырехъ лишнихъ мѣсяцевъ. За третьимъ классомъ слѣдуетъ второй, гдѣ арестантъ тоже долженъ выработать 2,920 марокъ и minimum срока пребывания въ которомъ тоже, слѣдовательно, равняется одному году. Затѣмъ онъ переводится въ первый классъ, а изъ перваго въ такъ называемый специальный. По мѣрѣ перехода изъ высшаго класса въ низшій, положеніе заключеннаго облегчается. Въ испытательномъ классѣ арестантъ не получаетъ никакого вознагражденія за свой трудъ; ему не дается свиданій, онъ не имѣетъ права ни получать, ни писать къ роднымъ писемъ. Въ третьемъ классѣ онъ получаетъ въ видѣ платы за работу 1 шил. въ мѣсяцъ за 243¹/₃ мар., или въ годъ за 2,920 мар. 12 шил.; разъ въ шесть мѣсяцевъ ему разрѣшается свиданіе втеченіи 20 минутъ; разъ-же въ шесть мѣсяцевъ ему дозволяется написать и получить одно письмо. Арестантамъ второго класса за 2,920 марокъ полагается въ годъ 18 шил.; 20-ти минутное свиданіе разрѣшается одинъ разъ въ четыре мѣсяца; разъ въ четыре мѣсяца они могутъ написать и получить письмо. Кромѣ того, они получаютъ, если пожелаютъ, вмѣсто арестантской кашицы и два добавочныхъ унца хлѣба. Въ первомъ классѣ свиданіе и писаніе писемъ разрѣшается черезъ каждые три мѣсяца; время свиданій вмѣсто 20-ти минутъ, продолжается полчаса; за высшее годовое число марокъ (2,920) они получаютъ 30 шил.; но когда количество заработанныхъ, такимъ образомъ, денегъ, доходитъ до 3 ф. стер., то плата за работу совсѣмъ прекращается. Арестанты перваго класса, какъ и арестанты второго, имѣютъ право на полученіе чаю и двухъ добавочныхъ унцевъ хлѣба, вмѣсто кашицы и кромѣ того, на жареное кушанье вмѣсто варенаго. Каждый классъ содержится совершенно отдѣльно одинъ отъ другого, и, съ внѣшней стороны, отличается по нашивкѣ на арестантской курткѣ и цвѣту послѣдней. Въ испытательномъ классѣ арестанты носятъ сѣрую куртку безъ нашивокъ; въ третьемъ, съ черными нашивками; во второмъ съ желтыми; въ первомъ съ синими; въ специальномъ вмѣсто сѣрой куртки синюю.

Вотъ и всѣ главныя льготы, которыми высшіе классы пользуются передъ низшими. Читатель легко пойметъ, что не ради ихъ арестанты лѣзутъ изъ кожи, чтобъ какъ-нибудь поскорѣе перескочить изъ послѣднихъ въ первыя, не они служатъ стиму-

ломъ, постоянно подталкивающимъ ихъ, постоянно заставляющимъ напрягать всё свои силы, всю свою энергію, чтобъ какъ-нибудь, заработать двѣ лишнія марки въ день. Строгая дисциплина, бдительный надзоръ, скудная пища *), полнѣйшая отчужденность отъ міра свободныхъ людей, безустаннй трудъ, почти не оставляющій времени для отдыха — вотъ характеристическіе атрибуты арестантскаго житья-бытья, какъ въ низшихъ, такъ и въ высшихъ классахъ. Но за то въ перспективѣ, арестанту рисуется возможность сократить срокъ этой суровой, каторжной жизни почти на $\frac{1}{4}$; каждый годъ заключенія опредѣляется извѣстнымъ числомъ марокъ, эти марки онъ можетъ заработать въ болѣе долгой или болѣе короткой періодъ времени, смотря по тому, будетъ-ли онъ получать въ день 6, 7, или 8 марокъ. Такъ, если преступникъ присужденъ къ 5-лѣтнему заключенію, то ему придется отработать

*) Существуетъ мнѣніе (высказываемое даже людьми, повидимому, хорошо знакомыми съ положеніемъ арестантовъ въ англійскихъ тюрьмахъ; для примѣра можно указать ихъ на Рыбо, напечатавшаго въ февр. книж. *Revue des deux mondes*, за 1873 свое изслѣдованіе «о пенитенціарной системѣ въ Англіи»), — существуетъ мнѣніе, будто арестанты въ англійскихъ тюрьмахъ пользуются обильною и сытною пищею. Это мнѣніе положительно ложно, въ чемъ не трудно убѣдиться, просмотрѣвъ меню арестантскаго стола, утвержденное высшею исполнительною властью для всѣхъ тюремъ Англіи. Мы приведемъ для примѣра меню стола мужчинъ, обѣдъ женщинъ еще скромнѣе и скуднѣе.

Росписаніе обѣдовъ арестантовъ, занятыхъ ремесленными работами.

Росписаніе обѣдовъ арестантовъ, занятыхъ тяжелыми работами.

Дни.		
Воскресенье.) хлѣбъ и $\frac{1}{4}$ ф. сыру	тоже.
Понедѣл. и субб.)		$\frac{1}{4}$ ф. мяса и 1 ф. карт. и хлѣбъ
Вторникъ.) 1 пинта супа, 1 ф. карт. и хлѣбъ . .	тоже.
Среда.) $\frac{1}{4}$ ф. говядины, 1 ф. карт. и хлѣбъ . . .
Четвергъ.) пуддингъ, карт. и хлѣбъ	тоже.
Пятница) $\frac{1}{4}$ ф. говяд., карт. и хлѣбъ
Хлѣба ежедневно (кромя воскресенья) полагается $\frac{1}{4}$ ф., въ воскресенье $1\frac{3}{4}$ ф.		Хлѣба ежедневно 49 лотовъ.
		Въ воскресенье 60 »

Кромѣ обѣда арестантамъ даютъ еще *завтракъ* (утромъ) и *ужинъ* (передъ спаньемъ) Завтракъ состоитъ изъ $\frac{3}{4}$ пинты жиденькаго какао (1 лота какао 4 лота молока); ужинъ изъ 1 пинты овсяной кашки. Вообще на арестанта этого тяжелаю работою въ недѣлю отпускается 20 лотовъ мяса бычачаго и 10 лотовъ свинины, 32 лота костей для супа. Арестантамъ, занятымъ ремеслами, отпускается въ недѣлю: мясныхъ костей для супа 16 лотовъ, мяса отъ быка $\frac{1}{2}$ ф. и $\frac{1}{2}$ ф. мяса свинины.

въ тюрьмѣ около 9,200 марокъ; получая каждый день по 6 марокъ, онъ выйдетъ изъ тюрьмы, отбывъ сполна весь срокъ, а который приговоренъ на 51 мѣсяць въ тюрьмѣ съ общою работою и 9 мѣсяцевъ одиночнаго заключенія, получая ежедневно по 8 марокъ, сократитъ ихъ почти на 500 дней. Правда, эти 500 дней, остающіеся ему до срока, на который онъ приговоренъ, арестантъ проведетъ не на полной свободѣ, а такъ называемой *условной*. Онъ будетъ снабженъ особымъ билетомъ *ticket of leave*, по которому долженъ жить, его подчинять строгому полицейскому надзору, онъ не будетъ имѣть право, безъ согласія начальства перемѣнить мѣсто жительства, онъ долженъ будетъ найти себѣ непременно какое-нибудь занятіе и т. д. При малѣйшемъ подозрѣніи насчетъ его благонадежности, иногда, просто за то только, что онъ знакомъ съ людьми неблагонадежными *ticket of leave* отнимается отъ него и условно-освобожденный снова отводится въ тюрьму. Но эта призрачная фиктивная свобода распояляетъ воображеніе несчастнаго арестанта, онъ ждетъ ее съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ, онъ рисуетъ ее себѣ въ самыхъ розовыхъ, привлекательныхъ краскахъ, надежда скорѣе вырваться за ненавистныя стѣны тюрьмы служить главнымъ стимуломъ, побуждающимъ арестанта работать безъ устали, не навлекать на себя гнѣвъ начальства, изъ всѣхъ силъ стараться не засиживаться въ классахъ, терпѣливо сносить строгую дисциплину и т. п. Онъ знаетъ, что дурное поведеніе и недостатокъ прилежанія будутъ имѣть своимъ послѣдствіемъ переводъ изъ высшаго класса въ низшій, переводъ, сопряженный не только съ потерю нѣкоторыхъ льготъ, но нерѣдко и надежды на сокращеніе срока заключенія. Изъ 1,631 арестанта, освобожденнаго въ 1871 году только 128 человекъ не заработали сокращенія своего срока, у 1,503 срокъ былъ сокращенъ. Этотъ фактъ лучше всего показываетъ, какое громадное вліяніе на поддержаніе тюремной дисциплины можетъ имѣть надежда немножко приблизить срокъ освобожденія. Эта надежда заставляетъ арестанта всѣ свои мысли, всю свою душу вкладывать въ работу, и ему, какъ свидѣтельствуютъ Дю-Кэнъ и Крафтонъ, просто некогда нарушить дисциплину. Потому, хотя тѣлесныя наказанія *de jure* и существуютъ, но на практикѣ они почти совсѣмъ не примѣняются. Директоръ *West-Riding's*кой тюрьмы, вмѣщавшей въ себѣ среднимъ числомъ до 1000 аре-

стантовъ, утверждалъ на конгрессѣ, что втеченіи 30-ти лѣтъ ни одинъ заключенный не былъ подвергнутъ тѣлесному наказанію. Сэръ Крафтонъ удостовѣрилъ, что „какъ въ англійскихъ, такъ и въ ирландскихъ тюрьмахъ — тѣлесное наказаніе употребляется только въ исключительныхъ случаяхъ, — и что эти исключительные случаи — крайне рѣдки“. — По свѣденіямъ, сообщеннымъ маіоромъ Дю-Кэномъ, изъ 13,582 лицъ, пребывавшихъ въ 1871 году въ англійскихъ тюрьмахъ, больше половины (6,796) ни разу ни въ чемъ не преступили правилъ тюремной дисциплины. — Работали арестанты такъ прилежно, что общій итогъ ихъ труда, переведенный на деньги въ трехъ главныхъ тюрьмахъ королевства (Портлендѣ, Портсмутѣ и Чатамѣ) не только покрылъ, но даже превысилъ стоимость содержанія этихъ тюремъ. Въ 1871 году стоимость арестантской работы въ Чатамѣ, Портлендѣ и Портсмутѣ — равнялась 149,745 ф. стерл. (не считая стоимость такъ-называемыхъ хозяйственныхъ работъ); содержаніе-же ихъ обошлось въ 131,986 ф. с., — слѣдовательно, чистаго дохода правительству получило 17,759 ф. с. Въ Портлендѣ они соорудили гигантскую плотину въ 2 мили длиною, состоящую изъ двойной каменной стѣны, глубиною отъ 50—60 ф. — стѣны обхватывающей 21,000 акровъ воднаго пространства; ихъ-же руками построена большая часть укрѣпленій для защиты острова отъ неприятелей, въ случаѣ если онъ вздумаетъ сдѣлать высадку. По словамъ Дю-Кэна, постройки эти построены такъ прочно и хорошо, что выдержать какое угодно нападеніе и развѣ только продолжительная блокада или изнуреніе горизонта голодомъ, можетъ открыть врагу доступъ за ихъ крѣпкія стѣны. Въ послѣднее время въ Портсмутѣ и Чатамѣ начаты обширныя работы по устройству домовъ, — и самая трудная и самая большая часть этихъ работъ опять-таки производится арестантскими руками. Такимъ образомъ, государство извлекаетъ весьма существенныя выгоды отъ эксплуатаціи труда преступниковъ. И эти выгоды были-бы еще существеннѣе, — если-бы арестантовъ немножко лучше кормили.

При теперешней діетѣ — арестантъ, работая почти столько-же часовъ и при условіяхъ несравненно менѣе благоприятныхъ, сравнительно съ обыкновеннымъ, свободнымъ поденщикомъ, потребляетъ чуть не вдвое менѣе питательныхъ веществъ, чѣмъ послѣдній. По вычисленію капитана Гервея рабочій, на свободѣ,

потребляетъ еженедѣльно, среднимъ числомъ, 10,308 ф. твердой пищи и выпиваетъ нѣсколько пинтъ пива; тогда какъ арестантъ получаетъ въ недѣлю всего 6,377 ф. твердой пищи, а вмѣсто пива пьетъ одну воду, да жидкій отваръ какао.

Если мы вспомнимъ еще, что при недостаточномъ питаніи, арестантъ принужденъ работать почти за-даромъ (въ годъ онъ получаетъ, какъ мы видѣли, отъ 12—18 шил., т. е. не болѣе стоимости своей двухнедѣльной работы), то, само собою станетъ понятно, — почему арестантскій трудъ въ два раза менѣе производительнѣе, чѣмъ трудъ свободнаго рабочаго. По вычисленіямъ того же Гервея, въ то время, какъ средняя стоимость ежедневнаго труда свободнаго рабочаго, въ Портсмутѣ, равняется 4 фр. — средняя стоимость ежедневнаго арестантскаго труда (въ портсмутской тюрьмѣ) не превышаетъ 2 фр. 50 сант. Капитанъ Перси-Смитъ составилъ слѣдующую табличку производительности труда арестанта, солдата и свободнаго рабочаго; *для всѣхъ ихъ принятъ одинаковый* рабочій день, опредѣленный по масштабу для свободнаго рабочаго, въ 9¹/₂ часовъ.

Стоимость ежедневнаго труда свободнаго рабочаго 4 шил. 8 д.

„	„	„	солдата	3	„	2	„
„	„	„	арестанта.	2	„	2	„

Нѣтъ сомнѣнія, что при лучшихъ условіяхъ питанія и при болѣе справедливомъ вознагражденіи за трудъ, государство могло-бы извлечь вдвое болѣе выгоды изъ арестантской работы. Но, быть можетъ, тогда „тиски“, рекомендуемые конгрессомъ, были-бы недостаточно „суровы“ и арестантъ не имѣлъ-бы, пожалуй, никакой надобности слишкомъ усердно работать, — иными словами, можетъ быть, тогда исправительныя задачи тюрьмы не были-бы вполнѣ достигнуты и нравственность заключенныхъ проиграла-бы ровно на столько, на сколько выигралъ интересъ казны?

Однако, и при настоящихъ условіяхъ достигаютъ-ли эти задачи? Исправляется-ли нравственность заключенныхъ, — возвращаетъ-ли ихъ тюрьма обществу — перерожденными, трудолюбивыми, честными гражданами? Въ стѣнахъ тюрьмы, подъ бдительнымъ надзоромъ начальства, — арестанты, какъ мы видѣли, рѣдко совершаютъ важные проступки противъ тюремной дисциплины, — они ведутъ себя весьма удовлетворительно, — такъ удовлетворительно, что большинство ихъ совсѣмъ даже не подвергнется ни-

какимъ наказаніямъ,—они работаютъ прилежно,—такъ прилежно, что почти всѣ зарабатываютъ право на сокращеніе срока заключенія—повидимому, они исправились или, по крайней-мѣрѣ, начинаютъ исправляться... Но вотъ они выходятъ изъ тюрьмы,—ихъ не тревожить болѣе бдительный взоръ тюремныхъ надсмотрщиковъ,—и они снова принимаются за прежнюю профессію, — и снова попадаютъ въ тюрьму. По отчету Крафтона за послѣднія пять лѣтъ съ 1867 — 1872 г., среднее число рецидивистовъ (мужчинъ) къ общему числу приговоренныхъ въ тюрьму относится какъ 1 къ 3, т. е. $\frac{1}{3}$ попадающихъ въ тюрьмы уже раньше побывала въ нихъ и побывала даже не разъ: такъ, изъ числа вторично приговоренныхъ мужчинъ сидѣли прежде въ тюрьмахъ: въ 1867 г. $\frac{54}{62}$; въ 1868 — $\frac{20}{23}$; въ 1869 — $\frac{69}{80}$; въ 1870 — $\frac{38}{51}$; въ 1871 — $\frac{13}{16}$; женщинъ: въ 1867 году $\frac{77}{81}$; въ 1868 — $\frac{74}{75}$; въ 1869 — $\frac{51}{53}$; въ 1870 — $\frac{11}{44}$; въ 1871 — $\frac{68}{73}$.

Въ Англіи, на 1,900 приговоренныхъ въ 1870 г. число рецидивистовъ доходитъ до 400, что составляетъ слишкомъ 21⁰/₀; въ нѣкоторыхъ тюрьмахъ число рецидивистовъ доходитъ до 35 — 40⁰/₀. Притомъ-же, изъ году въ годъ, число ихъ скорѣе увеличивается, чѣмъ уменьшается *); по даннымъ маіора Дю-Кэна оказывается, что число рецидивистовъ къ числу лицъ присужденныхъ къ уголовнымъ наказаніямъ относилось слѣдующимъ образомъ:

съ 1855—59 г. 1 рецид. на 8,5 осужд.; съ 1859—64 г. 4,6; съ 1864—69 г. 4,9; въ 1870 г. 5,8 и въ 1871 г. 4,4.

Въ дѣйствительности, по всей вѣроятности, число рецидивистовъ еще значительнѣе,—во первыхъ, потому, что большинство рецидивистовъ очень ловко умѣетъ скрывать свое прошлое и выдавать себя полиціи за *homines novi* въ дѣлѣ преступленія: во вторыхъ,—многіе изъ освобожденныхъ преступниковъ эмигрируютъ

*) Среднее судебное число рецидивистовъ за 5-тилѣтіе съ 1855—60 г. 357; въ 1871 г. число ихъ увеличилось до 413. Въ то-же время, среднее число ежегодно приговариваемыхъ къ уголовному наказанію уменьшилось съ 3,042 (1855—1860) до 1,818 (1871). Слѣдовательно: въ концѣ 60-хъ годовъ 1 рецидивистъ приходился на 8,5 осужд.; въ началѣ 70-хъ годовъ 1 рецидивистъ приходился на 4,4 осужденныхъ.

и продолжают свои „закономъ не дозволенные“ занятія за предѣлами отечества. Самъ Дю-Кэнъ не отрицаетъ вліянія эмиграціи на число рецидивистовъ въ Англіи. Онъ тоже готовъ согласиться, что официальные власти не имѣютъ точныхъ свѣденій о *дѣйствительномъ* числѣ рецидивистовъ, и что въ официальныхъ документахъ оно имѣетъ болѣе скромные размѣры, чѣмъ на самомъ дѣлѣ.—Однако, этотъ фактъ его ни мало не смущаетъ. Напротивъ, по его мнѣнію, чѣмъ болѣе рецидивистовъ, тѣмъ лучше. „Если-бы,—воскликнулъ онъ въ конгрессѣ,—наши тюрьмы, вмѣсто 25—39% рецидивистовъ давали 100%, т. е. если-бы каждый освобожденный изъ тюрьмы, по прошествіи извѣстнаго времени, снова возвращался въ тюрьму,—то средній ежегодный контингентъ преступниковъ пополнялся-бы постоянно одними и тѣми-же лицами, и язва преступленія не распространялась-бы на свѣжихъ людей. Зло уменьшалось-бы, вмѣсто того, чтобы расширяться“. — Подобная теорія, высказанная человѣкомъ, обладающимъ, повидимому, всѣми нормальными человѣческими способностями и занимающимъ одно изъ очень видныхъ мѣстъ въ англійской чиновничьей іерархіи, брасаетъ совершенно новый свѣтъ на назначеніе тюрьмы. Очевидно, что если число шансовъ совершить преступленія для „свѣжаго“ человѣка (т. е. не рецидивиста) обратно пропорционально числу рецидивистовъ, то назначеніе тюрьмы должно состоять не въ исправленіи преступника, а напротивъ, въ возвращеніи его; тюрьма никогда не должна терять изъ виду, что чѣмъ больше рецидивистовъ она выпуститъ, тѣмъ больше услугъ она окажетъ обществу, тѣмъ больше „невинныхъ душъ“ она спасетъ отъ соблазновъ преступленія.—И Дю-Кэнъ надѣялся, что принципы, положенные въ основу англійской и ирландской системы тюремнаго заключенія, могутъ привести къ этимъ счастливымъ результатамъ, онъ не только не соболѣзнуетъ о томъ, что $\frac{1}{4}$, $\frac{1}{3}$ и даже $\frac{1}{2}$ преступниковъ, прошедшихъ черезъ искусы исправительныхъ пенитенціарій, снова возвращаются въ тюрьму, онъ жалуется, что только $\frac{1}{2}$, а не *всѣ исправленные* преступники снова впадаютъ въ преступленіе.

Само собою понятно, что подобная теорія могла возникнуть только у представителей такой теоретической системы, которая разводитъ рецидивистовъ, т. е. которая весьма плохо способствуетъ „нравственному перерожденію“ заключенныхъ. Вмѣстѣ

съ официальными данными о среднемъ ежегодномъ числѣ рецидивистовъ, она служитъ лучшею критикою принциповъ, лежащихъ въ основѣ тюремной практики соединеннаго королевства. Но принципы эти совершенно тождественны съ принципами, изложенными въ запискахъ американской делегаціи и въ отчетѣ комитета. Примѣненные впервые на о—въ Норфолькъ известнымъ капитаномъ Макончи (котораго, замѣтимъ кстати, за изобрѣтенную имъ *систему марокъ*, г. Анненковъ называетъ въ „Вѣстникѣ Европы“ вторымъ Колумбомъ!), затѣмъ положенные въ основу ирландской тюремной системы и изъ Ирландіи перешедшіе въ Англію, они оказались на практикѣ весьма мало удовлетворяющими возлагаемымъ на нихъ надеждамъ.

Но едва-ли и нужно было ждать свидѣтельство опыта, для того, чтобы убѣдиться въ ихъ несостоятельности съ чисто психической точки зрѣнія. Въ основѣ ихъ лежитъ известная прописная сентенція: *льнь мать встѣхъ пороковъ*. Исходя изъ этой мысли, тюремные реформаторы воображаютъ, что достаточно *приучить* преступника къ физическому труду, чтобы сдѣлать изъ него благонамѣреннаго гражданина. Они забываютъ, что нужно еще заставить его *полюбить* этотъ трудъ. Человѣкъ по необходимости можетъ привыкнуть къ всякой гадости, но по минованіи необходимости, онъ, конечно, не станетъ гоняться за нею, если только онъ не успѣлъ ее полюбить. Что-же дѣлаетъ система, одобренная конгрессомъ, для развитія въ арестантѣ любви къ труду? Она награждаетъ трудолюбіе, она дѣлаетъ его *выгоднымъ* для арестанта. Это правда. Ну, онъ и привыкнетъ трудиться, когда это ему будетъ выгодно. Въ тюрьмѣ ему это выгодно, но всегда-ли это выгодно внѣ тюрьмы? Если-бы это было такъ, тогда быть можетъ, дѣйствительно, приучить арестанта дѣлать постоянно только то, что ему выгодно—значило-бы исправить его. Но вѣдь на самомъ дѣлѣ, честный трудъ, т. е. занятіе дозволенными, легализированными профессіями, бываетъ подчасъ уже очень невыгодно и гораздо болѣе рискованно, чѣмъ занятіе недозволенными, преступными профессіями. При томъ-же всегда-ли возможно найти не только выгодную, но хоть какую-нибудь (лишь-бы не даровую) *честную* работу? И всякій-ли способенъ къ труду? На первый вопросъ каждый, запинаясь, даетъ отрицательный отвѣтъ. На второй—вотъ что отвѣчаетъ человѣкъ вполне

въ этомъ дѣлѣ компетентный, маіоръ дю-Кэнъ: „огромное число преступниковъ, говоритъ онъ,—абсолютно неспособны, даже и при благопріятныхъ обстоятельствахъ, добывать средства къ существованію собственнымъ трудомъ. На 8,362 мужчинъ, выдерживающихъ въ настоящее время то или другое уголовное наказаніе приходится 252 помѣшанныхъ и слабоумныхъ, 308 страдающихъ разными тѣлесными недугами, отнимающими у нихъ возможность добывать самимъ себѣ средства къ жизни и, наконецъ, 1140 неспособныхъ вслѣдствіе душевныхъ или тѣлесныхъ недостатковъ ни къ какому тяжелому труду. Всего, слѣдовательно, 1700 или 20⁰/о, пятая часть изъ общаго числа преступниковъ. На 1300 женщинъ, неспособныхъ, по тѣмъ или другимъ причинамъ, работать приходится 255, т. е. 17⁰/о“. Такимъ образомъ, почти для $\frac{1}{5}$ лицъ приговариваемыхъ къ тюремному заключенію, тѣ исправительныя средства, которыя рекомендуетъ разбираемая система, *абсолютно нигуда не годятся*, безусловно не применимы на практикѣ. Положимъ остальные $\frac{4}{5}$ вполне могутъ и способны трудиться, т. е. трудиться честнымъ образомъ. Но система, вмѣсто того, чтобы воспользоваться этою ихъ способностью въ интересахъ ихъ нравственнаго совершенствованія, пользуется ею въ интересахъ развитія въ нихъ такихъ именно наклонностей и чувствъ, которыя и раньше привели ихъ на скамью подсудимыхъ. Развѣ большинство изъ нихъ не потому и покушалось на чужую собственность, потому и предпочитало нелегальные способы пріобрѣтенія—легальнымъ, что въ его умѣ слишкомъ глубоко вкоренилась мысль о необходимости трудиться только *такъ* и только *настолько*, *сколько* и *какъ* для него это выгодно?

При томъ, система впадаетъ въ противурѣчіе сама съ собою: съ одной стороны, она старается укрѣпить въ умѣ преступника связь между идеею труда и идеею личной выгоды; съ другой, она соединяетъ въ его мысляхъ представленіе о трудѣ съ представленіемъ о тяжелой, непріятной обязанности. Правда, теорія хочетъ, чтобы арестантъ трудился не по обязанности, а по доброй волѣ, чтобы онъ, такъ-сказать, самъ на себя наложилъ эпитетію труда. Но вѣдь это пустая игра словъ, и практика англійскихъ и ирландскихъ тюремъ самымъ безцеремоннымъ образомъ облачаетъ все ея лицемѣріе, всю ея софистичность. Въ самомъ дѣлѣ система говоритъ арестанту: трудись, трудись какъ можно

больше, и я не только облегчу тебѣ твою каторжную жизнь въ тюрьмѣ, но даже сокращу ея срокъ; если-же ты не будешь трудиться, то я ухудшу твое положеніе и ты выйдешь изъ тюрьмы только тогда, когда выслужишь весь срокъ, на который осудилъ тебя законъ. Можетъ-ли тутъ быть выборъ? И неужели трудъ, предлагаемый при такихъ условіяхъ, можетъ быть названъ *добровольнымъ*? Реформаторы могутъ окрестить его этимъ именемъ, но, конечно, ни одинъ арестантъ не скажетъ, что онъ работаетъ *по своей воли*; для него тюремный трудъ, какихъ-бы наградъ за него ни сулили, всегда будетъ казаться трудомъ *вынужденнымъ, подневольнымъ, навязаннымъ* извнѣ. А все вынужденное, подневольное, въ силу простого закона самосохраненія, заставляющаго насъ инстинктивно удаляться отъ непріятнаго, всегда возбуждаетъ въ насъ отвращеніе. Арестантъ проклянеть трудъ, онъ возненавидитъ работу, потому что съ нимъ неразрывно свяжется воспоминаніе о рабствѣ, о неволѣ. Такимъ образомъ, если-бы даже и дѣйствительно лѣнь была „мать всѣхъ пороковъ“, то тюрьма, „пріучивъ арестанта къ труду“, нисколько не отучитъ его отъ лѣни. Прежде онъ лѣнился *по неприличію* къ работѣ, теперь онъ будетъ лѣниться *по ненависти* къ ней, изъ отвращенія къ труду. Вотъ разгадка, почему арестанты въ тюрьмѣ ведутъ себя хорошо, трудятся прилежно, а изъ тюрьмы все-таки выходятъ съ прежнею наклонностью къ преступленію.

Но почему-же конгрессъ остановился именно на этой, а не на какой-нибудь другой системѣ? Почему въ провозглашеніи ея принциповъ нѣкоторые изъ его ораторовъ усмотрѣли *новую эру* человѣческой цивилизаціи?

Отчасти мы уже отвѣтили на этотъ вопросъ. Крафтоны, дю-Кэны, американскіе делегаты, члены исполнительнаго комитета, — всѣ эти тюремные либералы и реформаторы невольно и безсознательно подчинились требованіямъ практической жизни. Жизнь, какъ мы уже говорили, всегда стремится внести нѣкоторое единство, однообразіе въ сложную и запутанную ткань общественныхъ отношеній; она всегда стремится подчинить всѣ сферы этихъ отношеній господству тѣхъ именно началъ, которыя лежатъ въ основѣ господствующей сферы, въ основѣ экономической структуры общества. Сфера нашихъ юридическихъ отношеній вообще и нашихъ уголовныхъ наказаній въ частности до

сихъ поръ еще сохраняетъ въ себѣ множество отжившихъ свой вѣкъ остатковъ первобытной, римской и средневѣковой культуры. Жизнь естественно должна стремиться устранить эти остатки и согласить принципы юриспруденціи, принципы уголовного права, принципы наказанія или, что то-же, принципы тюрьмы съ принципами современной цивилизаціи. Въ теоріи тюремнаго заключенія, предложенной американскими делегатами, одобренной конгрессомъ и до извѣстной степени практически осуществленной Макончи и Крафтовомъ, мы видимъ одну и, какъ кажется, едва ли не единственную попытку подобнаго согласованія. Вотъ почему теорія эта пришлась по вкусу тюремнымъ реформаторамъ, вотъ почему она удостоилась официальной санкціи „экспертовъ тюремнаго дѣла“, собранныхъ со всѣхъ концовъ цивилизованнаго міра.

П. И.

ОСВОБОЖДЕННЫЙ ПРОМЕТЕЙ.

Лирическая драма

ПЕРСИ БИШИ ШЕЛЛИ.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Дѣсь близъ пещеры Прометея. Пантея и Іо спать и постепенно пробуждаются
подъ звуки приближающейся мелодіи.

Голосъ невидимыхъ духовъ.

Золотны звѣзды въ небѣ исчезаютъ
И, гонимы солнцемъ; быстро убѣгаютъ
За его блестящей, яркой колесницей,
По стезѣ лазурной, блѣдной вереницей.
Такъ отъ леопарда фавны быстро мчатся
И за ними даже вѣтру не угнаться.

Но гдѣ-жь вы, скажите,
О, духи? Спѣшите,
Спѣшите сюда!

(Пролетаетъ рядъ образовъ и духовъ, тихо поющихъ.)

Мы давно здѣсь, мы давно здѣсь!..
Несемъ мы гробъ протекшихъ лѣтъ,
Давно помершихъ,
Мы сами слѣдъ —
Часовъ умершихъ.
Несемъ мы время

Въ его могилу,
 Ей имя — вѣчность.
 О, омочите покровъ надгробный
 Слезами скорби,
 Цвѣтами смерти осыпьте ложе
 Царя часовъ.

Го.

Что это за туманныя видѣнья?

ПАНТЕЯ.

Они — уже умершіе часы,
 Усталые и слабые отъ всей
 Добычи, ими собранной на свѣтъ,
 И той отягощаемы побѣдой,
 Которую могъ одержать одинъ
 Титанъ.

Го.

Они прошли?

ПАНТЕЯ.

Вихрь обогнавъ,
 Они прошли, пока мы говорили.

Го.

Буда-же?

ПАНТЕЯ.

Къ мертвецамъ, туда,
 Гдѣ прошлое нашло успокоенье.
 Голосъ невидимыхъ духовъ.

Въ ясножъ небѣ плаваютъ
 Облака румяныя
 И роса перловая
 Блещетъ въ полѣ звѣздами;
 Волны изумрудныя
 Въ морѣ поднимаются,
 Словно все охвачено
 Новымъ полнымъ счастиемъ,
 На землѣ и на небѣ

Блескъ и ликование.

— Гдѣ-жь вы, духи, гдѣ вы?

*
* *

Новой силой ожили
И гѣса безмолвные,
И долины мертвыя,
И звучать серебряной
Музыкой источники,
И въ ущельяхъ весело
Вновь перекликаются
Бури благодатныя,
И съ эфиромъ шепчутся
Травы ароматныя.

Io.

Я вижу мнѣ невѣдомыхъ возницъ.

ПАНТЕЯ.

Но только колесницъ ихъ я не вижу.

Половина хора часовъ.

Духи неба и земли
Передъ нами разорвали
Тотъ недвижный пологъ сна,
Подъ которымъ всѣ мы спали,
И подъ нами мракъ исчезъ.

Голосъ.

Мракъ исчезъ среди небесъ.

Первая половина хора.

Среди заботъ и ненависти лютой
Мы прожили вѣка;
Когда-жь, порой, отъ сна мы пробуждались,
То смутный, долгій сонъ
Для насъ былъ лучше пробужденья:
Жизнь на яву являлась хуже сна.

Вторая половина хора.

Ужаснѣй сна!

ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА ХОРА.

Когда-жь во снѣ надежды звукъ отраднѣй
 Достигъ до насъ
 И пала съ глазъ
 Повязка тьмы угрюмо-непроглядной,
 То безъ оковъ
 На чуднѣй зовъ
 Помчались мы, какъ мчатся волны въ морѣ.

ВТОРАЯ ПОЛОВИНА ХОРА.

Какъ мчатся волны въ морѣ.

ХОРЪ.

Начнемъ-же по вѣтру кружиться,
 Пусть въ небѣ безмолвномъ опять
 Восторженный гимнъ нашъ промчится,
 Успѣть въ немъ день задержать.

*
 * *

А прежде мы дни прогоняли,
 И каждый измученный день
 Бѣжалъ отъ насъ дальше и дальше,
 Какъ раненый на смерть олень.

*
 * *

Теперь-же въ гармонію счастья
 Свои голоса мы сольемъ,
 Помчимся, какъ облако въ небѣ,
 Согрѣтое солнца лучомъ.

ХОРЪ ДУХОВЪ.

Съ толпой либующихъ тѣней
 Хотимъ и мы соединиться,
 Чтобъ въ прославленнѣ лучшихъ дней
 Всеобщей радостью упиться.

*
 * *

Такъ въ индѣйскомъ океанѣ
 Рыбъ летучихъ караваны

Поднимаются, мѣшаясь
Вмѣстѣ съ птицами морскими.

ХОРЪ ЧАСОВЪ.

Принеслись откуда вы,
Рѣзвые и легкіе?
Вашихъ ногъ сандаліи —
Огненные молніи.
Ваши крылья нѣжныя
Быстротѣ равняются
Мысли человѣческой,
И любовью пламенной
Ваши очи свѣтятся.

ХОРЪ ДУХОВЪ.

Принеслись мы, странники,
Отъ людского разума.
Слѣпъ и мраченъ нѣкогда
Былъ онъ, въ рабствѣ ползая,
А теперь сталъ моремъ онъ
Чувства вѣчно яснаго,
Небомъ, гдѣ красуется
Солнце незакатное.

*
* *

Мы примчались весело
Изъ эфира вольнаго,
Гдѣ надъ всѣми властвуетъ
Мысль неутомимая,
Съ гнетомъ незнакомая,
Думъ великихъ полная.

*
* *

Изъ туманной области,
Гдѣ рука любовниковъ
Васъ ловить старается;
Съ острововъ лазурныхъ тѣхъ,
Гдѣ улыбки мудрости
Замедляютъ шествіе
Ваше въ міръ забвенія.

*
* *

Мы пришли изъ дальняго
Края, гдѣ вздымаются
Храмы колоссальные
Лучшимъ выраженіемъ
Высочайшихъ гевіевъ
И полѣта мощнаго
Мысли человѣческой,
Одарившей крыльями
Всѣхъ своихъ избранниковъ.

*
* *

Шли мы годы цѣлые
Черезъ моря кровавыя,
Черезъ адъ страданія,
Ненависти демонской,
И убитыхъ помысловъ,
И надеждъ задавленныхъ
Вѣчнымъ угнетеніемъ.

*
* *

Но теперь расправили
Мы крыло усталое,
И полѣтъ нашъ радостенъ.
Солнце счастья нашего —
Есть любовь всемірная,
Міръ весь обратившая
Въ рай неувыдаемый.

Хоръ духовъ и часовъ.

Между небомъ и землею мы свиваемъ
Связь одну, таинственную связь,
Мы духовъ могущества сзвиваемъ!
Пойте, быстро въ воздухъ кружась,
И, какъ рѣки постоянно къ морю мчатся,
Такъ и вы къ намъ по небу стремясь,
Прилетайте, чтобы вновь не разставаться.

ХОРЪ ДУХОВЪ.

Подвигъ нашъ свершили мы
И свой долгъ исполнили.
Будемъ-же по воздуху
Надъ землею счастливою,
Наслаждаясь отдыхомъ,
Плавать невидимками.

*
* *

И когда по звѣздному
Небу будемъ плавать мы,
Смерть и ночь угрюмая
Отъ полета нашего
Въ мигъ одинъ соброются;
Такъ отъ дуновенія
Бурь разсѣиваются
Облака туманныя.

*
* *

Воздухъ, свѣтъ и счастье,
Мысль, любовь, жизнь свѣтлая,
Все, что вѣчно борется
Съ смертию ненасытною,
Вмѣстѣ все послѣдуетъ
По дорогѣ, избранной
Нами въ быстромъ шествіи.

*
* *

Наша пѣсня вѣщая
Новый, лучший міръ творить,
Міръ, лишь охраняемый
Мудростью единою.
Силу мы заимствуемъ
Въ обновленныхъ націяхъ
И нашъ трудъ всѣ будутъ звать
Прометея именемъ.

ХОРЪ ЧАСОВЪ.

Пляску прекратите и оставьте пѣнье!

Пусть одни умчаты въ это-же мгновенье,
На землѣ другіе—остаются пусть.

Одна половина хора.

Въ небо улетимъ мы, въ дальнія селенія.

Другая половина хора.

Улетимъ съ земли мы—насъ охватитъ грусть:
Дороги намъ слишкомъ прелести земныя.

Одна половина хора.

Воспаримъ мы выше дальнихъ облаковъ,
Гдѣ живутъ въ эфирѣ призраки инны.
Создадимъ на диво будущихъ вѣковъ
И другую землю, и другое море...

Другая половина.

Не спѣша, торжественно въ жизненномъ просторѣ,
Ночь предупреждая, днемъ руководя,
Въ свѣтломъ мірѣ станемъ плавать мы безъ горя,
Радости земныя всюду находя.

Одна половина хора.

Мы вокругъ сферы новой будемъ обращаться,
Будемъ терпѣливо той минуты ждать,
Какъ начнутъ инны твари появляться,
И цвѣты и травы станутъ выростать,
Изъ хаоса міра вызваны любовью,
Не извѣдавъ страха, не облиты кровью.

Общій хоръ.

Пляску прекратите и оставьте пѣнье!
Пусть одни умчаты въ это-же мгновенье,
А другіе могутъ оставаться здѣсь.
Гдѣ-бъ мы ни плясали, гдѣ-бы мы ни пѣли,
Гдѣ-бъ мы ни витали, хоть-бы облетѣли
Міръ надзвѣздный весь,
Но вездѣ мы будемъ, оживлять народы.

ПАНТЕЯ.

Они уже исчезли.

Го.

Развѣ ты

Нечувствуешь восторга и волненья
Отъ зрѣлица, здѣсь видѣннаго нами?

ПАНТЕЯ.

Я нахожусь въ томъ самомъ состояннѣ,
Которое испытываетъ вѣрно
Зеленый холмъ, опрысканный дождемъ,
И небу посылающій улыбки
Миллионами своихъ блестящихъ капель.

Го.

Пока мы говоримъ съ тобой, опять
Несутся къ намъ невѣдомые звуки.
Прислушайся!

ПАНТЕЯ.

То музыка вселенной.

Въ своемъ пути вращающійся міръ
Такъ въ воздухѣ рождаетъ Эола звуки.

Го.

При каждой краткой паузѣ я слышу
Мелодіи серебряные тоны,
Которые въ насъ чувства шевелятъ
И душу освѣщаютъ, точно звѣзды,
Прорѣзавшія ночью зимній воздухъ
И моремъ отраженныя мгновенно.

ПАНТЕЯ.

Взгляни туда, гдѣ, перерѣзавъ лѣсъ,
Два ручейка, соединясь, бѣгутъ,
Между зеленыхъ мшистыхъ береговъ
Усыянныхъ фіалками. Надъ ними,
Какъ двѣ сестры, которыя со вздохомъ
Съ тѣмъ расстаются въ мірѣ, что встрѣчаютъ

Одной улыбкой радости,—плывутъ
 Въ какомъ-то океанѣ дивныхъ звуковъ
 Два призрака. Какъ хороши они!..

10.

Я вижу колесницу, и она
 Подобна той, въ которой проѣзжаетъ
 Мать мѣсяцевъ къ себѣ, въ свою пещеру.
 Надъ этой колесницею покровъ
 Изъ мрака точно сотканъ, но сквозь мракъ
 Воздушнаго покрова ясно видны,
 Какъ въ зеркалѣ волшебномъ, горы, рощи.
 Лазурно-золотыя облака
 Колеса замѣняютъ колесницѣ:
 Когда ихъ гонитъ бури нагоняетъ
 И солнце появляется, тогда
 Они мгновенно въ дѣйствіе приходятъ
 И катятся, впередъ гонимы вѣтромъ,
 Брызлатое дитя въ той колесницѣ
 Сидитъ. Его лицо бѣлѣй,
 Чѣмъ первый снѣгъ, и какъ морозный иней,
 Сверкающій на солнцѣ, надъ челою
 Блестаютъ перья. Члены также бѣлы,
 Какъ и одежда, сотканная словно
 Изъ перловъ драгоценныхъ. Волоса
 Ребенка свѣтлы, только очи темны
 И изъ-подъ ихъ рѣсницъ блеститъ огонь,
 Который нагрѣвалъ окрестный воздухъ;
 Въ своей рукѣ онъ держитъ лунный лучъ,
 Имъ колесницей въ тучахъ управляя,
 И облака, блуждая надъ волнами,
 И рощами и травами полей,
 Въ природѣ порождаютъ море звуковъ,
 Ласкающихъ и нѣжныхъ...

ПАНТЕЯ.

Изъ другого
 Пролѣска, между тѣмъ, сейчасъ взвился
 Съ гармоніей торжественной и дикой

Громадный шаръ; онъ твердости кристалльной
 И сквозь его огромнѣйшую массу
 Свѣтъ льется вмѣстѣ съ музыкой, а вокругъ
 Безчисленные сонмы всякихъ сферъ,
 Пурпуровыхъ, лазурныхъ, изумрудныхъ
 И золотыхъ, и бѣлыхъ, сфера въ сферѣ
 Кружатся въ разрушительномъ стремленьи
 И гимнъ міровъ сливается въ одну
 Гармонію. Обширная планета,
 Окружена туманомъ голубымъ,
 Благоухаетъ запахомъ цвѣтовъ
 И зеленью роскошной, согрѣваясь
 Дыханьемъ дня. На той планетѣ дремлетъ,
 Какъ отъ труда уставшее дитя,
 Крылатый духъ земли, и можно видѣтъ
 Игру его измѣнчивой улыбки,
 Какъ будто-бы онъ говорить во снѣ.

Io.

Привыкъ онъ только этимъ выражать
 Всеобщую гармонію планеты.

Пантея.

Ея чело увѣнчано звѣздой.
 Ея лучи въ тѣ бездны проникаютъ,
 Гдѣ многіе вѣка погребены
 Обломки кораблей и колесницъ,
 Трофеи и знамена, близъ которыхъ
 Смѣется смерть. Эмблемы разрушенья
 Встаютъ кругомъ. Освѣщены лучами
 Развалины когда-то вѣнчавшихъ стѣнъ
 Громаднѣйшаго города. Землею
 Давно засыпаны гроба его гражданъ.
 Вотъ, посмотри—лежатъ среди песковъ
 Уродливыми массами постройки
 Древнѣйшихъ націй—статуи и зданья,
 Поверженные въ прахъ, и надъ ними
 Скелеты намъ невѣдомыхъ существъ,

Огромныхъ рыбъ, величиною съ островъ,
 Брылатыхъ змѣй, ужасныхъ бегемотовъ,
 Недвижныхъ аллигаторовъ, когда-то
 Считавшихся царями межъ животныхъ
 И сильно размножавшихся, какъ черви
 На трупахъ отвратительныхъ, пока
 Охваченъ не былъ бѣшеннымъ потокомъ
 Испуганный и потрясенный мѣръ,
 И все живое въ мѣръ утонуло,
 Не выдержавъ съ стихіею борьбы.
 Какъ будто-бы какой-то мощный богъ,
 Живущій на какой-нибудь планетѣ,
 На этотъ шаръ слетѣлъ и произнесъ:
 „Не существуете больше!“ И они
 Исчезли, какъ словно звукъ въ пространствѣ.

Земля.

Какой восторгъ, какое торжество!..
 Какое безграничное блаженство—
 Отъ тяжкихъ узъ своихъ освободиться!
 Вокругъ меня все ожило, воскресло,
 Все обновилось, разцвѣло, и я несусь,
 Какъ облако, туманное подъ вѣтромъ.

Луна,

О милый братъ, небесъ покойный путникъ!
 Счастливый шаръ изъ воздуха и суши!
 Какой-то духъ исходитъ изъ тебя,
 Меня, какъ лучъ волшебный, согрѣвая
 Теплою любви, дыханьемъ благовоній
 И музыкой чарующей своей.

Земля.

Я трепещу отъ радости! кругомъ
 Мои пещеры, горы и волканы,
 И звонкіе фонтаны и ручьи
 Моимъ восторгамъ вторятъ и смѣются
 Однимъ неудержимымъ, громкимъ смѣхомъ.
 Пустыни, океаны, бездны, воздухъ—

Все подражаетъ мнѣ. Да, трепещу
 Я отъ восторга. Грозное проклятье,
 Грозившее разрушить цѣлый міръ,
 Дробившее въ своей жестокой власти
 Все созданное мною, — гдѣ оно?
 Когда-то всѣ владѣнія мои,
 Мои поля и царственные горы
 Громами и огнями потрясались.
 Дворцы, колонны, храмы, обелиски,
 Лѣса, цвѣты и каждая былинка
 Подъ гнетомъ вѣчной ненависти были
 Истощены и мертвенны, утративъ
 Послѣдніе задатки жизни, но теперь,
 Когда тиранъ безчувственный низверженъ
 И поглощенъ ничтожествомъ, какъ капля,
 Пропавшая въ пустынь безграничной,
 Теперь любовь единая царить
 Надъ цѣлою вселенной, освѣщая
 Воскресшій міръ.

Луна.

Растаялъ вѣчный снѣгъ
 Въ моихъ горахъ, всегда беззвучно-мертвыхъ,
 И полился каскадами живыми.
 Мои моря бѣгутъ, режутъ, сіяютъ.
 Изъ сердца моего исходитъ духъ,
 Духъ творчества и всюду порождаетъ
 Богатую растительность. Не ты-ли
 Дала мнѣ эту силу? На тебя
 Смотрю теперь и чувствую, какъ быстро
 Цвѣтами покрываюсь, зеленѣю,
 И сонмы новыхъ образовъ живыхъ
 Мою поверхность всюду занимаютъ.
 Моря и воздухъ звуками полны;
 То тамъ, то здѣсь плывутъ по небу тучи,
 Спадаая внизъ живительнымъ дождемъ,
 И все растетъ, цвѣтетъ, благоухаетъ...
 Такое чудо можетъ совершить
 Лишь безграничная свобода.

ЗЕМЛЯ.

Она все оживила, воскресила,
 Проникла въ листья, въ чашечки цвѣтовъ,
 Своимъ дыханьемъ воздухъ упоила
 И жизнь дала забытымъ мертвецамъ,
 Поднявъ ихъ изъ могилы. Словно буря,
 Она свои оковы порвала
 И ворвалась въ хаосъ недвижной мысли,
 Разсѣявъ страхъ, и ненависть, и горе.
 А человѣкъ... Оставимъ человѣка,
 Каковъ онъ есть. Онъ — зеркало природы;
 Всѣ образы обманчивыя міра
 Всегда въ немъ отражаются. Царить
 Онъ надъ землею, какъ солнце надъ вселенной,
 Людская жизнь есть непрерывный рядъ
 Глубокихъ думъ, проникнутыхъ любовью
 И тайнами могущества. Въ груди
 Земного человѣчества таится
 Всеобщая гармонія; оно
 Всегда само собою управляетъ.
 Всѣ обыденныя поступки человѣка
 Становятся прекрасны отъ вліянья
 Высокой, всеобъемлющей любви,
 И до сихъ поръ ниго еще не вѣдалъ,
 Какъ кротокъ онъ въ своихъ страданьяхъ даже.
 Людская воля съ низкими страстями,
 Съ заботами корыстными, — ихъ духъ,
 Руководить который не умѣетъ
 И только можетъ лишь повиноваться, —
 Подобны непоборнымъ кораблямъ,
 Любовью управляемымъ одною
 Среди житейскихъ волнъ, гдѣ власть ея
 Невольно признается моремъ жизни.
 Все покорилось силѣ человѣка.
 Въ холодной глыбѣ мрамора и въ краскахъ
 Онъ воплотилъ мечты свои и думы.
 Его языкъ есть вѣчный гимнъ Орфея,

Его рабыня — молнія, ему
 Доступны стали звѣзды золотыя
 И онъ ихъ пересчитываетъ такъ-же,
 Какъ въ полѣ пастухи свои стада.
 Какъ смиренный конь, ему покорна буря;
 Осѣдываетъ воздухъ онъ и въ бездны
 Спускается до самой глубины.
 О, небо безпредѣльно-голубое!
 Имѣешь-ли ты тайны отъ него?
 Я-жь не имѣю тайнъ отъ человѣка.

Луна.

Зловѣщій призракъ смерти удалился
 Съ орбиты, по которой я плыву;
 Мои равнины, скованныя стужей
 И мертвымъ сномъ, очнулись наконецъ.
 Въ моихъ садахъ и обновленныхъ рощахъ
 Созданія счастливыя блуждаютъ,
 Которыя хотя не такъ сильны,
 Но точно такъ-же кротки и прекрасны,
 Какъ и твои, земля, созданья.

Земля.

Едва румяная заря
 Зажжетъ пол-неба на востокѣ
 Игрою живого янтара
 И брызнуть въ мѣръ лучей потоки, —
 Какъ пробужденная земля
 Теплою охватится мгновенно
 И, свѣтъ бросая на поля,
 Въ своихъ законахъ неизмѣнно
 Все выше по небу плыветъ
 Свѣтило дня, всѣхъ грѣтъ готово;
 Когда-же полдень перейдетъ
 Среди эфира голубого,
 Оно начнетъ склоняться снова,
 И море блещетъ, какъ броня,
 И, въ золотыхъ лучахъ, пылай,

Трепещеть, словно ткань живая
Изъ аметиста и огня.

Луна.

Ты, окруженная сіяньемъ
Созвѣздій, солнцевъ и планетъ,
Одарена очарованьемъ,
Свои улыбки, свой привѣтъ
И силы мнѣ ты посылаешь,
Даешь мнѣ новой жизни строй
И сладость счастья раздѣляешь
Съ своею младшею сестрой.
Какъ поцѣлуи двухъ влюбленныхъ
Въ сердцахъ рождаютъ новый жаръ
Восторговъ, страстью пробужденныхъ,
Такъ изъ предѣловъ отдаленныхъ
Обворожилъ меня твой шаръ,
Моя прекрасная планета,
И подъ вліяньемъ дивныхъ чаръ
Я млѣю вся, тобой согрѣта.

*
* *

Горишь ты межъ свѣтилъ небесъ
О, міръ лазурно-изумрудный,
Исполненъ тайны и чудесъ
И одаренный силой чудной!
Любовь насъ сблизила и я
Твоей любовницей хрустальной
Вращаюсь вѣчно вокругъ тебя:
Для насъ разлуки нѣтъ печальной...
Твоею силой, красотой
Я непрерывно упиваюсь
И красотой, и силой той
Сама невольно проникаюсь.
Такъ точно и хамелеонъ
Цвѣтъ тѣхъ предметовъ принимаетъ,
Какіе видитъ только онъ;
Такъ и фіалка полевая,

Любуясь небомъ голубымъ,
 Растеть, какъ небо, голубая;
 Такъ туча сѣрая, какъ дымъ,
 Надъ снѣгомъ горь, въ эфирѣ чистомъ
 Горить на солнцѣ аметистомъ.

Земля.

Подруга милая, луна!
 Тебя я слушаю съ отрадой,
 Какую ты рождать должна
 И въ моряхахъ, когда лампадой,
 Съ небесъ бросая млечный свѣтъ,
 Ты освѣщаешь путь опасный
 И избавляешь ихъ отъ бѣдъ,
 Какъ другъ далекій, но прекрасный.
 О, сребролицая луна!
 Ты звуковъ сладостныхъ полна.
 Въ мои пещеры проникаютъ
 Они, чтобъ сладко усыплять,
 И даже тигровъ заставляютъ
 Про кровожадность забывать.

Пантея.

Мнѣ кажется, что будто-бы сейчасъ
 Я испытала чудное купанье,
 И вышла изъ потока влажныхъ звуковъ.

Io.

Потокъ уже унесся далеко,
 О милая сестра моя, и снова
 Въ моихъ ухахъ звучать твои слова,
 Похожія на чистую росу,
 Что падаетъ съ волосъ и съ тѣла нимфы.

Пантея.

Остановись, умолены! Выростаетъ
 Могучая, невѣдомая сила
 Изъ нѣдръ земли, со всѣхъ сторонъ небесъ,
 Окружена одной ночью тьмою...

И воздухъ разрывается, и духи
 Являются за черной ризой мрака,
 Подобно метеорамъ, сквозь туманъ
 Мелькающимъ...

Іо.

Не правда-ли, какъ будто
 Звучать слова какія-то?

Пантея.

Пока

Ихъ смысла уловить мнѣ невозможно;
 Но слушай, слушай!

Демогоргонъ.

Дивная земля,
 Блаженная планета высшей жизни,
 Гармоніи божественной страна,
 Прекрасный шаръ, гдѣ царствуетъ любовь,
 Ты — украшенье лучшее вселенной!

Земля.

Я слушаю тебя, уподобляясь
 Росинкѣ, поглощаемой тобой.

Демогоргонъ.

О, ты, луна, смотрящая на землю
 Съ такимъ-же удивленьемъ, какъ она
 Любуется тобою! Объ вы
 Даруете для всѣхъ своихъ твореній
 Покой, любовь, гармонію свободы
 И красоты. Я обращаюсь къ вамъ.

Луна.

Я слушаю тебя и трепещу,
 Какъ листъ травы отъ дуновенья бури.

Демогоргонъ.

Вы, всѣ владыки солнць и дальнихъ звѣздъ,
 Вы, демоны всеильные и боги,

Живущіе въ надзвѣздныхъ небесахъ
И цѣлый міръ держащіе въ рукахъ!

Голосъ изъ-за облаковъ.

Предѣла нѣтъ владѣньямъ нашимъ въ мірѣ.
Блаженствуемъ мы сами и даемъ
За то другимъ такое-же блаженство.

Демогоргонъ.

Вы, мертвецы, незнающіе горя,
Которымъ все равно, что облака,
Что солнца лучъ. Но все-жь природа ваша
Подобна той вселенной, гдѣ вы жили,
Гдѣ вы страдали.

Голосъ изъ глубины.

Всѣ мы таковы,
Какъ тѣ, кого оставили мы въ мірѣ.

Демогоргонъ.

Вы, гени стихійные, вездѣ
Живущіе—и въ сердцѣ человѣка,
И въ камнѣ, и въ волнахъ морскихъ и звѣздахъ.

Смутный голосъ.

Мы слушаемъ тебя: твои слова
Забвенъе будятъ.

Демогоргонъ.

Слушайте меня—
Вы, духи, обитающіе въ тѣлѣ,
Животныя, растенья, рыбы, птицы,
Туманы, громы, молніи и вѣтеръ.

Голосъ.

Для насъ твой голосъ—тотъ-же ураганъ,
Раздавшійся въ безмолвіи всеобщемъ.

Демогоргонъ.

Ты, человѣкъ, когда-то бывшій въ мірѣ
Тираномъ беспощаднымъ иль рабомъ,

Или лжецомъ, иль жертвою обмана,
Отъ люльки и до гроба прозябавшій
Въ невѣжествѣ и въ вѣчномъ полуснѣ!

Всѣ.

О, говори! Вѣдь истина сильнѣй,
Чѣмъ власть царей, чѣмъ вѣчность.

Демоногоргонъ.

Въ тотъ день,
Когда все въ мірѣ измѣнилось,
Любовь въ немъ перестала быть рабой,
Страдалицей безгласно-терпѣливой
И широко раскрыла надъ землей
Свой мирный ореолъ. Кротость, мудрость,
Терпѣнье, добродѣтель—вотъ тѣ силы,
Которыя противиться должны
И злу, и разрушенію. Но если-бъ
Мать-вѣчность, столь всемогущая, рѣшилась
Освободить ту самую змѣю,
Которая такъ долго міромъ управляла,
И если-бъ вновь чудовище явилось,
То можно будетъ съ нимъ бороться вновь:
Есть чары очень сильныя, которымъ
Ему никакъ нельзя сопротивляться:
Умѣть страдать, умѣть прощать враговъ,
И забывать жестокия обиды,
Ужасныя, какъ смерть, и темныя, какъ ночи;
Противиться насилію и рабству;
Любить и твердо ждать, пока надежды
Желанныя не сбудутся опять.
Служа единой истинѣ, не знать
Раскаянія иль колебанья...
О, Прометей! вотъ сила и величье,
Которыя ты міру завѣщаль,
Уча его быть кроткимъ и великимъ,
Достойнымъ лучшей доли, безъ чего
Онъ рабство съ плечъ усталыхъ не страхнетъ.

Дмитрій Мининъ.

ПОГОНЯ ЗА НАЖИВОЙ.

РОМАНЪ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

V.

«Вѣднѣй, наивнѣй ребенокъ».

Сколько-бы кому въ своей жизни ни приходилось путешествовать по русскимъ рѣкамъ, все-таки онъ не могъ-бы составить себѣ и приблизительнаго понятія о плаваніи пароходовъ аральской флотиліи по главной артеріи всего среднеазіятскаго края—Сырѣ-Дарѣ.

Медленно, съ безконечными препятствіями самаго разнообразнаго свойства, чуть-чуть вспѣвивая мутную воду своими высокоустановленными колесами, шагъ за шагомъ подвигается неуклюжій, плоскодонный пароходъ и тянетъ на буксирѣ за собою такую-же неуклюжую баржу, а иногда и двѣ.

Наступаетъ ночь; быстро темнѣютъ печальныя окрестности; послѣдній красноватый отблескъ исчезъ съ вершины мачты и окраинъ пароходныхъ трубъ. Линія плоскаго берега, то изжелта-песчаная, волнистая, то заросшая безконечными, непроходимыми камышами, теряется, сливаясь въ темнотѣ въ сплошную массу тумана, встающаго надъ мертвою рѣкою.

Пароходъ причаливаетъ къ берегу и останавливается. Большинство пассажировъ высаживается, разводять огни, ставятъ шалаши, разстилаютъ войлоки; всякій устраивается по-возможности комфортабельнѣе.

Проводится ночь. Съ разсвѣтомъ опять всѣ спѣшатъ занять свои мѣста на пароходѣ, на баржѣ, въ каютахъ, подъ парусиннымъ навѣсомъ, растянутымъ надъ всею палубою. Разводятся пары; опять начинается и тянется на цѣлый день утомительное, невыносимо-скучное, черепашье движеніе. И такъ подвигаются къ далекой цѣли плаванія, дѣлая не болѣе шестидесяти-семидесяти верстъ въ сутки, особенно вверхъ по теченію, когда рейсъ отъ Казалы до Чиназа дѣлается не менѣе какъ въ двадцать пять дней, а чаще въ цѣлый мѣсяцъ.

Мнѣ кажется, что финикіане путешествовали именно подобнымъ образомъ и приблизительно съ такою-же скоростью, когда имъ пришлось исполнить просьбу египетскаго царя Нехао.

Пароходъ „Аралъ“ уже часа три какъ остановился на ночлегѣ близъ урочища „Баюзакъ на Джаманъ-Дарьѣ“. Оригинальный бивуакъ раскинулся по берегу, занимая небольшую песчаную отмель, единственную, незаросшую камышами; кругомъ-же все сплошь тянулись густыя заросли, то неподвижно-тихія, таинственныя, то внезапно всеохлахнувшіяся и глухо шумящія отъ легкыхъ порывовъ влажнаго, пропитаннаго туманомъ рѣчного вѣтра.

Ночь была темная, безлунная, мгlistая; ни одной звѣзды не было видно на небѣ; какъ привидѣнія, подымались и бѣлѣли во мракѣ высокія пароходныя трубы; между ними, на мостикѣ, медленно двигалась взадъ и впередъ такая-же неопредѣленная, бѣловатая фигура часового.

Вотъ еще кто-то поднялся на мостикъ; легкія ступеньки трапа заскрипѣли подъ ногами взшедшаго, мелькнула бѣлая фуражка, заискрилась красная точка закуреной сигары.

Дмитрію Ледоколову не спалось въ душной, тѣсной каютѣ: тамъ было такъ жарко, тамъ такъ невыносимо мучили и словно огнемъ жгли кожу какіе-то пренесносные паразиты, а тутъ еще вдобавокъ забрались въ голову черныя думы, печальныя воспоминанія, другое что-то, неясное, въ чемъ еще Ледоколовъ не отдалъ себѣ отчета.

„Эхъ!“ вздохнулъ онъ, надѣлъ сапоги, надѣлъ свое парусин-

ное пальто, шапку, захватилъ съ собою буйволоный хвостъ на деревянной ручкѣ для отмахиванія мириадъ назойливыхъ комаровъ, забивающихся въ носъ, ротъ, уши, недающихъ ни промолвить слова, ни даже свободно вздохнуть безъ этого спасительнаго хвоста — необходимой принадлежности каждаго, временнаго и постояннаго обитателя этой мѣстности, — закурилъ сигару и выбрался на палубу.

Прежде, чѣмъ попасть на мостикъ, ему надо было пройти мимо небольшой двери, ведущей въ каюту у праваго колеса. У этой двери, до половины стеклянной, завѣшанной извнутри зеленою шторкою, Ледоколовъ на минуту приостановился и вздохнулъ протяжнѣе обыкновеннаго. Въ этой каютѣ горѣлъ огонь; спущенная шторка свѣтилась ярко-зеленымъ, изумруднымъ транспарантомъ. На этомъ свѣтломъ фонѣ мелькнулъ неясный силуэтъ. Ледоколовъ замеръ, какъ лягавая собака на стойкѣ. Силуэтъ исчезъ. Ледоколовъ вздохнулъ еще разъ и пошелъ дальше, осторожно шагая черезъ свертки канатовъ, черезъ головы двухъ спящихъ кочегаровъ, пробираясь къ трапу.

Яркіе огни пылали у самой воды на берегу; около нихъ двигались темныя фигуры кашеваровъ. Сырой камышъ тлѣлъ въ той сторонѣ, откуда потягивалъ вѣтеръ, и густой бѣлый дымъ стлался надъ бивуакомъ. Тамъ и сямъ бѣлѣлись конусы наскоро поставленныхъ палатокъ; злобно ворчала собака, настороживъ уши и косясь на туманъ, будто чуяла тамъ невидимаго врага; кто-то тихимъ, ровнымъ голосомъ рассказывалъ какую-то безконечную сказку; кто-то бредилъ во снѣ и метался; отовсюду несея храпъ спящихъ и уныло, монотонно звенѣли мириады комаровъ, легкими, туманными облачками носившіеся надъ водною поверхностью.

— Мама, ты не спишь? тихо спросила Адель, приподнимаясь съ кушетки и отыскивая ногою туфлю.

— Охъ, что-то нѣтъ сна, такъ душно, жарко! простонала Фридерика Казиміровна, тяжело ворочаясь на раскинутомъ складномъ креслѣ-кровати.

— Развѣ отворить дверь?

— Что ты, что ты! налетятъ комары и тогда что мы будемъ дѣлать? Пододвинь ко мнѣ арбузъ, — ты его опять не прикрыла салфеткой!

Рой мухъ загудѣлъ по каютѣ, когда Адель тронула блюдо, на которомъ лежала половина сочнаго, темно-розоваго арбуза.

— „Онъ“ тоже, мама, не спитъ, произнесла дѣвушка, минуту помолчавъ.

— Ты почему знаешь?

— Онъ сейчасъ мимо прошелъ.

— Ты видѣла?

— Да. Я слышу, кто-то идетъ, — Адель отодвинула немного шторку, — онъ! Такой грустный, задумчивый: идетъ, подъ ноги не смотритъ, чуть не упалъ, наступилъ на кого-то...

— Хочешь? Фридерика Казимировна отрѣзала большой ломоть арбуза и пододвинула блюдо къ дочери.

— Нѣтъ, я сейчасъ пила воду съ виномъ... ..Такъ вздохнулъ глубоко-глубоко и на нашу дверь посмотрѣлъ.

— Очень нужно!

— Знаешь, мама, онъ мнѣ рассказывалъ про свою жизнь въ Петербургѣ... теперь я знаю, почему онъ такой всегда грустный.

— Особенно, когда видитъ, что ты на него смотришь.

— Нѣтъ, это у него не притворно.

— Отчего-же это онъ груститъ все?

— Его обманула любимая женщина и предпочла другого. Онъ говорилъ мнѣ, что теперь не можетъ вѣрить больше ни одной женщинѣ... онъ потерялъ вѣру во все человѣчество. Онъ говорилъ мнѣ, что даже въ моихъ глазахъ, въ моей улыбкѣ...

— Ада, когда-это ты изволила такъ съ нимъ распространяться?

Фридерика Казимировна приподнялась на локтѣ и пытливо посмотрѣла на свою дочь.

— Когда? А помнишь, на прошедшемъ ночлегѣ, когда мы выходили гулять на берегъ...

Адель немного смутилась и потупила глазки.

— Это когда вы изволили съ нимъ вдвоемъ подъ ручку уйти отъ насъ впередъ? Очень хорошо! не безъ язвительности произнесла госпожа Брове.

— Нѣтъ, это было тогда, когда вы, маменька, такъ отстали отъ насъ, идя подъ руку съ капитаномъ парохода...

Адель вспыхнула; ея брови задвигались, предвѣщая грозу въ каютѣ.

— Въ эти вентиляторы совершенно не тянетъ, поспѣшила Фридерика Казиміровна переменить тонъ и тему разговора.

Адель сунула, наконецъ, свои ножки въ туфли и навинула на плечи кружевную тальму.

— Ты-это куда, Адочка?

— На палубу: тамъ такъ хорошо, прохладно!

— Ахъ, Ада, ангелъ мой, не ходи!

— Это почему?

— Потому что... ну, мало-ли, почему!—ну вотъ, напримѣръ, тамъ близко спать матросы, могутъ въ бреду глупость какую-нибудь сказать... сонный человѣкъ...

— Вотъ еще глупости!

Адель приотворила дверь.

— Я тоже пойду съ тобою.

— Идите, кто-же вамъ мѣшаетъ!

«Amis! La nuit est belle,

«La lune va briller.»

тихо, въ полголоса напѣвалъ Ледоколовъ, облокотившись о перила мостика.

— Я не знала, что вы такъ мило поете! услышалъ онъ сзади себя и быстро обернулся.

— Адель Александровна, это вы?!

Ему вдругъ захотѣлось ринуться къ ней и принять ее въ свои объятія; Адель тоже почувствовала желаніе, нѣсколько на это похожее. Оба, впрочемъ, ограничились однимъ только желаніемъ и остались на прежнихъ мѣстахъ: онъ—у перилъ, она—посрединѣ площадки, стройная, граціозная, потупивъ глазки и пощипывая пальцами кружева своего легкаго костюма.

— Вы не спите? начала Адель.

— Могу-ли я спать! глубоко вздохнулъ Ледоколовъ.

— Комары мѣшаютъ? лукаво улыбнулась Адель.

— О, если-бы только комары!

Она подошла къ периламъ, заглянула за бортъ, покосилась на часового и передернула плечикомъ.

„И зачѣмъ торчитъ здѣсь этотъ болванъ?“ промелькнуло у ней въ головѣ.

— Нельзя, другъ ты мой любезный: служба! говорилъ внизу чей-то голосъ.

— Извѣстно, служба. Макарова за что вчера линьками лупили? отвѣчалъ кто-то другой.

— А за то-же самое: служба!

— И всталъ салтанъ съ своего золотого трона и взялъ ее за бѣлы руки, чмокнулъ три раза во сахарны уста... слышалось откуда-то продолженіе сказки.

— Адель Александровна, началъ Ледоколовъ и пемного подвинулся къ дѣвушкѣ.

Въ отвѣтъ на это Адель тоже чуть-чуть шагнула въ его сторону и, приложивъ пальчикъ къ губамъ, стала прислушиваться. Ей показалось, что скрипнула дверь ихъ каюты.

— Это можетъ показаться страннымъ: я вообще не довѣряю никакимъ предчувствіямъ, но — что вы на это скажете? — выходя сюда ночью—теперь уже около часу пополуночи—я былъ убѣжденъ, что увижусь съ вами, что буду говорить съ вами... Не имѣя никакого права, никакого повода, я ждалъ васъ. Вы пришли. Конечно, это только случайность, не болѣе, какъ случайность, но...

— Это, дѣйствительно, только случайность, замѣтила серьезнымъ тономъ Адель.

Если-бы было не такъ темно, то Ледоколовъ могъ-бы замѣтить насмѣшливую улыбку, скользящую на губахъ дѣвушки.

— Я иначе и не смѣлъ думать. Но не сердитесь на меня, если я воспользуюсь этою случайностью. Я давно собирался поговорить съ вами, высказать вамъ то, что почти съ первой встрѣчи стало моею господствующею мыслью... я хочу предостеречь васъ, спасти васъ... вы на краю...

— Дмитрій Николаевичъ, вы меня ужасно пугаете! чуть не вскрикнула Адель, и въ ту-же минуту почувствовала, что ея рука очутилась между ладонями Ледоколова.

— Не бойтесь! я чуть было не назвалъ васъ: „мой дорогой другъ.“ Отвѣчайте мнѣ откровенно, просто:—Знаете-ли вы, куда вы ѣдете?

— Въ Ташкентъ, наивно глядя ему въ лицо, отвѣтила Адель.

— Знаю, знаю! Мой вопросъ былъ направленъ совсѣмъ не къ этому; дѣло ни въ городѣ, ни въ названіи мѣстности... Но зачѣмъ? Что вы думаете найти тамъ? Знаете-ли вы это?

— Конечно, знаю, по крайней мѣрѣ, мнѣ кажется, что я знаю.

— Ну, такъ говорите мнѣ:—что-же?

— Господинъ Лопатинъ, какъ старый знакомый, то-есть болѣе знакомый моей маменьки, предлагаетъ мнѣ тамъ мѣсто гувернантки съ хорошимъ, обезпеченнымъ содержаніемъ. Я буду трудиться, учить маленькихъ дѣтей; я буду заниматься дѣломъ, не то, что прежде въ Петербургѣ, когда мы съ маменькою съ утра и до ночи не знали рѣшительно, какъ-бы убить невыносимую скуку.

— Вы убѣждены въ томъ, что вы оживете именно въ Ташкентѣ?

— А какъ-же!?

— Бѣдный, наивный ребенокъ!

— Пожалуйста, не плачьте обо мнѣ, надулась Адель, однако руки своей не отняла, и даже отвѣтила легкимъ пожатіемъ на энергичныя рукопожатія Ледоколова.

— Слушайте-же!

Ледоколовъ говорилъ торжественнымъ тономъ, подчеркивая и отгвнявая каждую фразу.

— Слушайте, Лопатинъ зналъ васъ прежде. Вы ему нравились,—даже болѣе, чѣмъ нравились. Онъ уѣхалъ. Вы очутились въ самомъ безвыходномъ положеніи: безъ денегъ, съ одними долгами, ждать помощи не откуда. Замятъте, я говорю только то, что слышала отъ васъ самихъ и вашей маменьки. Я не основываюсь на тѣхъ оскорбительныхъ слухахъ, которые движатся вѣстѣ съ вами, вокругъ васъ, опережаютъ васъ, и навѣрное теперь облетѣли уже весь Ташкентъ.

Глубоко вздохнула Адель; сердце ея билось сильно и такъ близко отъ локтя Ледоколова, что тотъ чувствовалъ эти лихорадочныя, учащенныя пульсаціи.

— Въ такую скверную минуту, къ вамъ, какъ съ облаковъ, слетаетъ предложеніе Лопатина. Вамъ предлагаютъ мѣсто гувернантки, которое, впрочемъ, только обѣщаютъ найти, такъ какъ у самого Лопатина дѣтей нѣтъ. Жалованья шесть тысячъ. Везутъ, какъ царицу, отрываютъ васъ отъ общества, къ которому вы привыкли, съ которымъ вы освоились.

— Мнѣ страшно, вы говорите зловѣще. Господи! что-же со мною будетъ! чуть не заплакала Адель.

— Видимое дѣло, васъ продаютъ. Васъ губятъ! воодушевился Дмитрій Николаевичъ.

— Губять, тихо, чуть слышно повторила Адель.

— Я не рѣшаюсь даже назвать настоящимъ именемъ, что хотѣть изъ васъ сдѣлать. Но не плачьте, дитя мое, не плачьте. Еще не поздно, еще не все потеряно.

Адель стояла передъ нимъ, закрывъ лицо руками. Ледоколовъ внутренно торжествовалъ. Онъ сіялъ!

— Меня обманываютъ? Обманываютъ? Да?

— Да, да! и я рѣшился помѣшать этому, открыть вамъ глаза... Что вы, что съ вами?

Ошеломленный Ледоколовъ отшатнулся назадъ и смотрѣлъ на Адель широко раскрытыми глазами.

Она смѣялась ровно, почти беззвучно, глазенки ея искрились въ темнотѣ.

— Неужели вы думаете, что вы мнѣ сказали хотя что-нибудь новаго? кто-же изъ насъ теперь „бѣдный, наивный ребенокъ“!

— А дочка, Ада! слышался снизу голосъ Фридерики Казиміровны.

— Иду, мама, сейчасъ! Ну, до свиданья! Уже разсвѣтаетъ.

— Ада!

— Да погоди, мама, какая ты несносная! ну слушайте-же теперь вы: вы мнѣ очень нравитесь; надѣюсь, что, по прїѣздѣ въ Ташкентъ, вы не прекратите нашего знакомства, завязавшагося въ дорогѣ. Прощайте!

Адель сбѣжала съ лѣстницы и черезъ секунду щелкнула дверная задвижка ихъ каюты.

— Ахъ, Ада, я такъ боюсь за тебя, говорила Фридерика Казиміровна въ каютѣ.

— Это еще что? не переставала смѣяться Адель.

— Ты такая увлекающаяся, влюбчивая.

— Вся въ тебя, шашап.

Адель повосилась въ ту сторону, гдѣ была капитанская каюта.

— Ты права и потому, по собственному опыту, я желаю тебя предостеречь, такъ сказать, открыть тебѣ глаза.

На всю каюту разразилась Адель громкимъ, неудержимымъ хохотомъ. Фразы были такъ похожи.

— Pas de danger! Pas de danger! хохотала она, и ея ве-

сильный смѣхъ доходилъ до ушей растерявшагося, пораженнаго, все въ одной и той-же позѣ стоявшаго Ледоколова.

Разсвѣтало. Зашевелился народъ, затрещалъ смолистый саксаулъ въ парходныхъ топкахъ. Бодманскій свистокъ прокатился развеселю, лихою трелью.

— Разводить пары! хрипло пробасилъ сонный голосъ въ капитанской каютѣ.

VI.

«Отъ скуки — больше».

Капитанъ Сипаковъ, завѣдующій почтою въ „Забитомъ“ фортѣ, произнесъ:— Пики! почесалъ колѣно и звѣнулъ такъ, что у него хрустнуло даже за ушами.

— Стоитъ вистовать изъ-за такой дряни, замѣтилъ юнкеръ Подковкинъ, малый лѣтъ за сорокъ, никакъ неосилившій до сего преклоннаго возраста русской грамоты и четырехъ правилъ арифметики, и потому неудостоенный офицерскаго ранга.

— Нѣтъ, отчего-же? потрудитесь отереть! заявилъ маркизъ Моисей Касимовъ, ни то изъ литовскихъ жидовъ, ни то изъ казанскихъ татаръ.

— Поразсмотримъ, эге! нуко-таеъ! еще, пожалуй, ремизецъ будетъ!

— Ну-те къ чорту! только пульку затягиваешь.

— Позвольте-же, нельзя-же.

Сипаковъ дремлетъ, пока Касимовъ разбираетъ его игру. Подковкинъ востится на графинъ и тарелку съ остатками какой-то соленой снѣди.

— Еще-бы немножко рыбки-то подерошили, Анфиса Петровна, сладкимъ голосомъ обращается онъ къ перегородки.

— Не довольно-ли? слышится пріятный, нѣсколько ожирѣлый женскій голосъ.

— Соснуть передъ вечернимъ-то чаемъ. Эка скува, прости Господи! произноситъ Сипаковъ, онъ-же хозяинъ дома.

— Тоска такая, страсть! вздыхаетъ за перегородкою Анфиса Петровна,—его половина.

— Скоро почту ждать надо; вы уже не забудьте газетку или

книжечку какую, просить маркитантъ и отми́чаетъ мѣломъ на истертомъ, порыжѣломъ сукнѣ карточного стола.

— Э-эхъ! зѣваетъ Сипаковъ.

— А-ахъ! зѣваетъ Анфиса Петровна.

— И-то спать, рѣшаетъ юнкеръ Подковкинъ, поднимаясь со стула.

Выпили гости, выпилъ хозяинъ; разошлись, залегли каждый на своемъ мѣстѣ и понесся храпъ по всему форту Забытому.

Мертвая тишина, тоска, скука!

Сѣрое, знойное небо, сѣрая даль, сѣрныя безконечныя чащи джиды, колючаго терновника, сѣрныя сыпучіе пески, сѣрая лента дороги, на которой давно уже невидно ни одного живого существа и покойнымъ, мягкимъ, двухвершковымъ слоемъ лежитъ солонцеватая пыль, бережно храня полукруглыя слѣды верховой лошади, разползшійся слѣдъ верблюдовъ, прошедшихъ здѣсь чуть не трое сутокъ тому назадъ. Сѣрныя, однообразныя линіи крѣпостного вала, скучный казенный фасадъ одноэтажной казармы, покривившійся полосатый флагштокъ и безжизненно висящая на немъ запылившаяся тряпка.

А неподалеку, сквозь рѣдѣющую чашу, — мутная, лѣнивая рѣка, словно дремлющая въ своихъ печальныхъ берегахъ, словно въ тихомолку прокрадывающаяся мимо Забытаго форта, боясь какъ нибудь потревожить безконечный сонъ его обитателей.

Жаръ, зной, духота. Не шелохнется воздухъ, не провѣетъ въ немъ ни одна живая струйка и не разнесетъ по беспредѣльной степи ни этого смрада помойныхъ ямъ, поднимающагося изъ-за угла полуразрушенной башни — остатка прежнихъ коханскихъ укрѣпленій, ни кислаго, капустнаго запаха солдатскихъ кухонь, пріютившихся рядомъ съ башнею, ни даже спиртуознаго запаха отъ маркитантскихъ бочеевъ, выставленныхъ на солнце для просушки.

Все живое дремлетъ и спитъ, забившись отъ этой мертвящей жары всюду, гдѣ только есть хотя какой-нибудь намекъ на тѣнь и прохладу. Ни одной собаки невидно на улицѣ; даже оволо навѣса мясника, гдѣ ихъ собираются всегда цѣлыя стаи, и здѣсь дремлетъ только одна паршивая, рыжая собаченка и зализываетъ во снѣ свою искалѣченную лапу.

Большая жирная свинья съ полудюжиною поросятъ одна только

бродить по опустѣлымъ улицамъ и, глухо, внушительно хрюкая, тычетъ своимъ притушеннымъ рыломъ во все, что только не найдеть для себя любопытнаго. Перешла она улицу, подобрала мимоходомъ дынную корку, захватила кстати подошву солдатскаго сапога, да наколола рыло на гвоздь и бросила.

У опрокинутаго тележнаго ящика, правѣ дегтярнаго боченка, лежитъ старое солдатское кѣпи, рядомъ видѣется стриженный затылокъ, корявая рука, сжатая въ кулакъ; закушенный пучекъ зеленого лука стиснуть въ этомъ кулакѣ, рой мухъ гудитъ надъ спящимъ и слышно тяжелое, носовое прихрапыванье.

Ткнула свинья рыломъ въ этотъ загорѣлый, мясистый затылокъ; одинъ поросенокъ принялся теребить лукъ изъ кулака, другой сталъ обнюхивать кѣпи, третій навѣдался, нѣтъ-ли чего въ дегтярномъ боченкѣ, четвертый еще полѣзъ куда-то.

— Отстань, землякъ! не могу больше, глухо мычить во спѣ кузнецъ Малышка, унтеръ. — Сказано, шабашъ, да и полно! тетка Дарья, отваливай. Ишь ты, каторжная, а я было...

Воспаленные глаза на минуту открываются.

— Комендантская, бормочетъ кузнецъ и, повернувшись на другой бокъ, снова предается своему сладкому *face-à-rienté*.

Свинья со всѣмъ семействомъ путешествуетъ далѣе.

А по дорогѣ, мелькая въ заросляхъ, шажкомъ плетется верблюдъ; онъ тащитъ за собою что-то въ родѣ тележки на трехъ колесахъ, вмѣсто четвертаго подвизана гибкая жердь; на этой повозкѣ большой кожаный чемоданъ съ желѣзною цѣпью, нѣсколько зашитыхъ въ холстъ ящичковъ, два, три узла; поверхъ всего сидитъ вязакъ оренбурецъ въ сѣрой армячинной рубахѣ съ винтовкою за плечами. Совсѣмъ почти голый киргизенокъ сидитъ на горбахъ верблюда и всматривается въ даль: не завидитъ-ли надъ этою безконечною чащею тонкую черточку ерѣпостнаго флагштока.

Это идетъ давно ожидаемая, желанная почта въ фортъ Забытый, а отсюда она пойдетъ уже далѣе, по всѣмъ остальнымъ фортамъ, вплоть до самаго Ташкента.

Проснулся передъ вечеромъ капитанъ Сипаковъ и подошелъ къ окошку.

— А, вот оно, вот! улыбнувшись крикнулъ онъ, завидѣвъ вѣзжающую въ ворота почтовую повозку, и потерь себѣ руки.

— Шляпку вотъ эту отправь, не забудь, въ Чимкентъ; вотъ и укупорка вся цѣла прежняя, только адресъ я маленько залила саломъ; ну да тамъ разберуть! говорила Анфиса Петровна, принеся изъ-за своей перегородки шляпку съ цвѣтами и бантами, надколотый ящикъ, тряпку и веревочки съ припечатанными концами.

— Экъ ты ее потрепала! какъ я ее теперь отправлю?!

— Извѣстно носится, не желѣзная она; матерьялъ ишь ты какой дрянной!..

Анфиса Петровна потянула за банты.

— Говорила—на одинъ разъ, въ церковь только сходить, а вотъ какъ заносила чужую вещь!..

— Ничего, не въ первой; мантилю, что въ Ташкентъ купчихѣ Федоровой изъ Петербурга высылали, я почитай два мѣсяца носила, а ничего, сошло.

— Да, пока жалобъ не было, Богъ миловалъ!

— Была-бы укупорка въ порядкѣ, а то не наше дѣло.

— Поди, чай готовъ.

— Тутъ что-ли пить будешь?

— На дворѣ, за сараемъ. Ну поди, не мѣшай! Пстой! тамъ у тебя еще что-то есть. Душегрея никакъ?

— Цардеса, да ты ея погоди до слѣдующей почты; послѣ завтра надѣтъ надо.

— Ну, проваливай!

Анфиса Петровна вышла, захвативъ изъ почтового чемодана какую-то газету въ обертокѣ. Сипаковъ принялся за разборку.

Пришелъ юнкеръ Подковкинъ, забѣжалъ маркитантъ Моисей Касимовъ, заглянула въ окно еще какая-то физиономія съ бакенбардами.

— Вы, братцы, идите-ка за сарай, къ Анфисѣ Петровнѣ, а я пока займусь по службѣ, пригласилъ ихъ Сипаковъ.

— Служба прежде всего, согласился Подковкинъ,—а поглядѣть, что это за книжица? полюбопытствовалъ онъ и, захвативъ съ собою „книжицу“, вышелъ.

— Газеточекъ парочку можно? освѣдомился Моисей Касимовъ и, не дожидаясь отвѣта, направился за сарай, тщательно осво-

бождая на ходу „Сына Отечества“ изъ его оболочки, съ печатнымъ адресомъ.

— Смотри, назадъ въ порядкѣ вернуть! крикнулъ имъ вслѣдъ капитанъ.

— Эхъ служба! вздохнулъ онъ. — А частной-то переписки нынче что-то немного.

— Вотъ такъ-то оно, думалъ онъ, занимаясь „разборкою“, — другой заоретъ: незаконно, моль, подло! А поди-ко самъ поживи здѣсь, въ Забытомъ, шестой годъ, какъ я, не то еще со скуки сдѣлаешь. Анфиса, ножичекъ мой перочинный пришли и свѣчку. Кому какой отъ того вредъ можетъ быть? а никакого; другой и не замѣтитъ вовсе, что въ его писульку заглядывали, а мнѣ польза и назиданіе. Эхъ, подумаешь, другой разъ какія только письма бывають занятныя, никакихъ романовъ не надо. „Петру Максимовичу Пустопорожнему, въ собственныя руки“, ну это по боку, что-же ножичекъ-то? „Его превосходительству“, гмъ, печать частная, безъ орла, эхъ! подмываетъ и страшно... а въ этикихъ-то настоящей смакъ и сидить... Нѣшто Подковкина позвать, онъ мастеръ. Въ прошломъ году эдакъ-то большое бѣдствіе для друга своего закадычнаго предупредилъ; доносъ это на него шелъ куда слѣдуетъ, шелъ-то онъ шелъ, да не дошелъ... хе, хе... „Господину Перловичу въ Ташкентъ“, ну, это значить въ карманъ; ужо поглядимъ.

— Герася, нонче изъ нарядовъ ничего нѣтъ? появилась въ дверяхъ Анфиса Петровна со свѣчкою и ножичкомъ.

— Погоди послѣ, еще не глядѣлъ по тюкамъ.

— Маланья Ивановна забѣгала, сказывала: можетъ для ней пока ботинковъ какихъ-нибудь не будетъ-ли, или тамъ что нибудь изъ другой обуви.

— Такъ вотъ я для твоей Маланьи Ивановны службою рисковать стану. Накось!

Сипаковъ сложилъ свои персты весьма не почтительно и протянулъ ихъ къ своей супругѣ.

— Только на невѣжество и способенъ, потому — мужикъ.

— Чаю пришли, ступай! графинчикъ то-же.

Часа два „разбираль“ капитанъ почту. Анфиса было сунулась къ нему, да дверь была на крючкѣ.

— Что занять еще? освѣдомился Моисей Касимовъ.

— Заперся! со злостью отрѣзала Анфиса Петровна. — Все, чтобы только отъ жены сдѣлать тайно.

— Нельзя-же, можетъ какой секретъ государственной.

— Окна изнутри завѣшаны, сообщилъ юнкеръ Подковкинъ,— я было заглянулъ, анъ нѣтъ.

— Графинъ я ему туда снесла; не скоро теперь выйдетъ.

— А мы пока своимъ дѣломъ заняться можемъ... сдавай-во, братъ.

— Засядемъ... согласился Подковкинъ.

Анфиса Петровна занялась по хозяйству.

Совсѣмъ стемнѣло и давно уже пробили вечернюю зорю на фортовой гауптвахтѣ. Засвѣтились ряды красноватыхъ четверугольниковъ—казарменныхъ оконъ; мутная луна поднялась надъ рѣкою. Окончилъ Сипаковъ свои служебныя занятія.

— Ты что, словно, какъ не по себѣ? замѣтила ему заботливая супруга.

— Ничего, что-же; я въ порядкѣ. Все какъ слѣдуетъ. А что?

— Важное есть что-либо, надо полагать? спросилъ Моисей Касимовъ.— Вѣрно-съ?

— Пустяки все... Что-же, господа, проферансикъ?

— Не поздно-ли?

— Что за поздно, самое время. Днемъ-то выспались, небось. Усѣлись за проферансъ.

Невнимательно игралъ Сипаковъ, не замѣчалъ ходовъ своего партнера, не замѣчалъ даже сигналовъ, которые дѣлала ему Анфиса Петровна, успѣвшая какъ-то подглядѣть прикупку. Семь въ червахъ безъ четырехъ остался.

— Фю-фю! подвиснулъ юнкеръ Подковкинъ и подозрительно поглядѣлъ на хозяина.

— Такъ молъ и такъ Иванъ Иларіановичъ, вотъ молъ, какія дѣла подъ васъ подвод...

— Что такое? озадачился юнкеръ.

— Чего-съ? Даже со стула вскочилъ Моисей Касимовъ.

— А? Какъ? Кто съ чего ходилъ? опомнился Сипаковъ и, выхвативъ какую-то карту, поспѣшилъ прихлопнуть ею пойденаго Касимовымъ козырного туза.

— Нѣтъ, шалить изволите, такъ не полагается, засмѣялся маркизантъ.

— Не лучше-ли бросить? посоветовала Анфиса Петровна, предвидя для своего супруга плохіе результаты пульки.

— Доиграемъ—отчего-же?

— Ужинъ простынетъ.

— Ну, побережемъ записи до завтра, предложилъ сорокалѣтній юнкеръ.

Покончили, поужинали, разошлись.

— Что-бы такое было? не догадываетесь? спрашивалъ у Подковкина Моисей Касимовъ, когда они оба пробирались домой.

— Завтра проврется, много, много если послѣ завтра узнаешь. Дѣло бывалое, особенно, ежели выпьетъ.

— Кто идетъ! протяжно доносилось съ гребня крѣпостного вала.

— Свои! пробасилъ юнкеръ Подковкинъ.

— Свои, голубчикъ, свои, поспѣшилъ Касимовъ удовлетворить любопытнаго часового.

А Сипаковъ передъ тѣмъ какъ лечь въ постель, прошелъ къ себѣ въ комнату вынулъ изъ кармана письмо, адресованное къ Перловичу и прочелъ его внимательно, останавливаясь, потирая себѣ лобъ и вдумываясь въ каждую фразу письма, въ каждое его слово. Это было уже вторичное чтеніе, и по мѣрѣ того, какъ оно приходило къ концу, подъ нависшими усами читавшаго разрасталась все болѣе и болѣе самая самодовольная улыбка.

— Голубчикъ, Герася, родной ты мой, что такое? приставала супруга, ласкаясь къ нему.

— Отстань! спать ложись, рѣшительно объявилъ ей Герася.

— Ну ужь будто-бы мнѣ нельзя сказать? а, нельзя! Ну хорошо-же!

Анфиса Петровна сердито отвернулась. Сипаковъ принялся разоблачаться.

— Послѣдній разъ говорю—не скажешь?—поднялась на постели супруга.—Ну что-же?

— Не вашего, бабьяго, ума дѣло, произнесъ капитанъ и за-вернулся съ головою въ одѣяло.

VII.

Какого рода вьюки привезены были въ Большой фортъ киргизами ауловъ Термекъ-бесъ.

Эта была очень большая палатка. Человѣкъ до ста могло-бы помѣститься въ ней безъ особенной тѣсноты; парусина, изъ которой она была сдѣлана, выкрашенная ярко-зеленою краскою, такъ и горѣла на солнцѣ; особенно сверкали и искрились, отражая отъ себя безчисленные лучи, мѣдный крестъ на гребнѣ шатра и такіе-же мѣдные шарики на верхушкахъ палаточныхъ кольевъ. Это была временная церковь Большого форта на Сыръ-Дарьѣ и стояла она по срединѣ громадной площади, покрытой сплошною пылью. Кругомъ, по окраинамъ этой площади, виднѣлись приземистые мазанки-домики фортовыхъ обитателей, и подслѣповато глядѣли на площадь своими крохотными окошками, заклеенными большею частію промасленной бумагою.

Несмотря на сильный полуденный жаръ, большая толпа собралась передъ церквою. Кромѣ того со всѣхъ сторонъ шли и даже бѣжали обыватели форта, направляясь къ толпѣ и на лицѣ каждаго написано было тревожное, даже нѣсколько боязливое любопытство.

Нѣсколько верблюдовъ, ободранныхъ, усталыхъ, запыленныхъ стояли немного въ сторонѣ; лаучи сидѣли около нихъ на короткахъ; только одинъ, стоя, сворачивалъ въ пучки волосяные арканы, которыми подвѣшивались вьюки. Вьюковъ самыхъ не было при верблюдахъ, они были сложены у входа въ церковь. Вьюковъ этихъ не было видно, потому что они были совершенно окружены народомъ.

Да, это был довольно интересный грузъ, который давно уже не привозился въ Большой фортъ въ такомъ количествѣ, — настолько интересный, что комендантъ форта заблагоразсудилъ представить даже часовыхъ къ тюкамъ и штыки этихъ часовыхъ, столбами стоявшихъ другъ противъ друга, видѣлись надъ толпою и еще болѣе подстрекали любопытство отставшихъ обывателей, запыхавшихся и сисящихся пробраться впередъ, гдѣ было повиднѣе.

Всѣхъ тюковъ было четыре, они лежали рядомъ и, несмотря на то, что были прикрыты общею кошмою, можно было замѣтить по складкамъ войлока, что каждый изъ нихъ имѣлъ удлинненную форму, форму чрезвычайно похожую на человѣческое тѣло; одно только обстоятельство разрушало это сходство, это то, что тамъ, гдѣ, по всѣмъ соображеніямъ, должны были бы вытягиваться округленныя формы головъ, тамъ войлокъ плотно прилегалъ къ землѣ, не образуя рѣшительно никакихъ складокъ.

— Остав! слышь ты! остановилъ одинъ изъ часовыхъ любопытнаго молодца въ халатѣ и въ туфляхъ на босую ногу.

— Нельзя развѣ посмотрѣть? что за важность!..

— Отойди!

— Я только уголочекъ приподниму.

— Фу, разить какъ, страсть! Авдотья, пойдемъ домой. Чего тутъ дѣлать? обратился отставной матросъ — рыбакъ къ бѣлокурой солдаткѣ въ ярко-красномъ кумачномъ платьѣ.

— Погоди, Кузьмичъ — свать, погоди; куда спѣшить, останавливалъ его подгулявшій прикащикъ изъ хлѣбнаго магазина, — стой!

— Вовища ишь ты какая!

— Извѣстно жарко, *они-то* чай всѣ прокисли.

— Теперь скоро комендантъ явится съ докторомъ: вскрывать будутъ, сообщилъ щеголеватый писарь въ кителѣ и съ папирскою въ зубахъ.

— Это значить, потрошить. Ахъ, страсти какія! Для чего же это?

— Для дѣлопроизводства по всей формѣ... фу, ты, чортъ, папиреска погасла! У кого огонь?.. Чтобы доподлинно узнать отъ какихъ причинъ и почему, для занесенія всего въ протоколъ, при надлежащемъ постановленіи. Спасибо, братъ. Ну, — и все прочее.

Писарь приостановился и сталъ закуривать потихоньку папирску.

— Пакость кака! Да я теперь цѣлую недѣлю ѣсть ничего не стану мягкаго: все это мерещиться будетъ, право... ей-богу!.. Пойдемъ домой, Кузьмичъ!

— А пойдемъ. Авдотья, чортъ, лѣшій, ты опять съ этимъ рыжимъ!

— Въ выраженіяхъ нельзя-ли осторожнѣй! окрылся обруганный халатъ въ туфляхъ на босую ногу.

— Ладно, братъ, сочтемся послѣ. Возьми весла, свать, гребни въ „прохладу“.

— Охъ, Господи! помани души усопшихъ рабъ твоихъ!

— Позвольте, господинъ писарь, позвольте почтенивѣйшій! Конечно, мы по своей малогромотности, однако, при всемъ прочемъ... Для чего-же ихъ теперь рѣзать, когда доподлинно видно, что головъ нѣту. Какія-же тутъ еще причины требуются?

— Гмъ! ваки! А хоть-бы для того, напримѣръ, чтобы точно опредѣлять: по смерти-ли произошло отдѣленіе отъ туловища сего необходимаго члена, или-же до оной?

— Какъ-съ?

— Лопатинскій караванъ ограбленъ весь до чиста, и народъ, что при немъ былъ, въ Хиву уведень, кромѣ вотъ *этихъ*, — это вѣрно.

Сѣдой старикъ въ плисовыхъ шароварахъ, въ красной шелковой рубахѣ и офицерскомъ сюртукѣ безъ погоновъ, произнося эту фразу, сдѣлалъ жестъ рукою, такой, какъ-будто только-что скрѣпилъ своею подписью самый важный документъ, затѣмъ вынулъ изъ кармана цвѣтной фуляръ и сталъ его медленно разворачивать.

— Почему-же это вы изволите полагать? подвернулся къ нему рыжій халатъ.

Старикъ уставился на него своими слезящимися глазами, выморгался и, тщательно обтершись, произнесъ:

— По нѣкоторымъ соображеніямъ.

— Таеъ-съ; да и къ тому-же, уже это, повѣрьте, не даромъ. Отойдите-съ сюда: вѣтерокъ отъ насъ будетъ, все дышать легче.

Они отошли.

— Слухъ не даромъ по всему форту идетъ, не даромъ. Одного господина проѣзжаго, съ рыжею бородою, словно изъ иностранцевъ, изволили видѣть?

— Кто такой?

— Гмъ! кто такой-съ? А кто его знаетъ, кто онъ таковой-съ! Вчера-съ былъ день святая великомученицы Евпраксii; супруга моя покойница имянинница, и я завсегда...

Слезы зазвучали въ голосѣ рыжаго халата и онъ протеръ кулакомъ, а потомъ полою халата свои охмѣлѣвшіе глаза.

— И я завсегда не то, чтобы очень, но праздную и ликую... то бишь... Ну, да это все единственно. Прихожу я къ другу своему, пріятелю Маркычу, что на станціи состоятъ... Ну, тутъ рябиновая пошла, осетрина въ укусу на закуску, и эта борода. рыжая, мы ее никогда до-прежъ не видали, а тутъ баць: „здравствуйте, говоритъ, миръ честной компаніи!“ Садитесь, говоримъ, милости просимъ.

— Откудова?

— Чего-съ?

— Господинъ этотъ откудова и что за человекъ?

— А Христось его вѣдаетъ... сѣли, выпили: „что это моль у васъ по городу; замѣйте, *по городу*,—какой-же у насъ городъ? — фортъ! и завсегда, коли что говорятъ: „по фортъ“... да-съ, вотъ оно какъ, а онъ это „по городу“. Ну, ладно, по городу, такъ по городу, думаемъ мы съ Маркычемъ. Что это у васъ по городу, говоритъ, слухъ идетъ... и это рассказываетъ. Про все, какъ слѣдуетъ, на счетъ убійства и разграбленія. А у насъ, сами знаете, до сего никакихъ слуховъ не было, это вѣрно потому, коли что, мы съ Маркычемъ первые... а онъ знаетъ; откуда-же онъ знаетъ? обидно-съ!

— Ближе было, надо полагать!

— То-то, ближе. Я говорю Маркычу: прислушайся, а онъ шепчетъ: запи дверь на крючокъ! какъ-же это возможно?!

— Рискованное дѣло!

— А послѣ всего этого пришли мы съ Маркычемъ въ безпамятное состояніе.

— Это перемахнули, значитъ?

— Воля божья! Пришли мы это въ безпамятство и проснулись уже сегодня утромъ; думаемъ: какъ, что, а онъ купаться

идеть; полотенце подъ мышкою, зонтикомъ прикрылся; валить прямо къ пристани, на насъ и не глядѣть, какъ мы съ Маркычемъ квасомъ прохлаждаемся.

— Замѣтилъ и я. На комендантскомъ дворѣ, въ канцеляріи освѣдомился—кто такой? сказывали, еще не былъ.

— Какъ вотъ *этихъ* привезли, все тутъ стоялъ; при немъ и разгружали. Съ косоглазыми говорилъ по ихнему бойко. Я подошелъ—замолчалъ и прочь пошелъ опять на пристань.

— Посторонись, посторонись, дорогу дайте!

Толпа заволновалась, подалась немного то вправо, то влѣво; образовался довольно свободный проходъ. Часовые перемигнулись и отхватили ружьями подходящій къ случаю приемень.

— Капитана Шиломордива нѣтъ еще?! А, каково вамъ это покажется?! слышался внушительный, видимо, начальническій голосъ.

— Я далъ ему знать уже давно, какимъ-то боковымъ поклономъ согнулся на ходу адъютантъ съ портфелемъ подъ мышкою.

— Послать!

— Я, позвольте вамъ сообщить, думаю, что онъ не болѣвъ-ли.

— Опять?

— Теперь его недѣля. Онъ всегда цѣлую недѣлю, а потомъ ничего; сходить въ баню и опять мѣсяца на два подрядъ исправенъ, если не случится какой-либо особенный случай: годовой праздникъ или-же чье тезоименитство.

— Ну, за Горошкинымъ послать, ежели на охотѣ, то Викторову дать повѣстку.

— Слушаю-съ!

— Войлокъ отвинуть! Брр! какая гадость!

— Полнѣйшее разложеніе и къ вскрытію никакой возможности приступить не представляется, сообщилъ худощавый докторъ съ чахоточнымъ, пятнистымъ румянцемъ, въ теплой шинели, несмотря на жару, и безпрестанно что-то нюхающій изъ стекляннаго флакона съ цѣпочкою.

— Ну, для формы нужно-же, нельзя безъ этого.

— Что-же, взрѣжу! азвительно вздернувъ плечами, вздохнулъ докторъ.

— Но, во всякомъ случаѣ, прійдется подождать до пріѣзда

этого господина Катущкина. Опъ мнѣ пишеть... что такое онъ мнѣ пишеть?

— Судя по его письму, онъ долженъ быть сегодня къ вечеру...

Адъютантъ сталъ поспѣшно рыться въ портфель и вытащилъ оттуда смятый полулистъ исписанной бумаги.

— Вотъ извольте видѣть.

— Прочтите еще разъ.

— Онъ пишеть... э... гмъ! „Вслѣдъ за отсылкою тѣлъ, подобранныхъ на мѣстѣ нападенія съ киргизами аула Термекъ-бесъ, я выѣжаю самъ. Остановлюсь въ аулахъ „Бугать-ты-сай“ для снятія необходимыхъ вопросовъ и для отобранія показаній отъ старшинъ. Аур...

— Точно слѣдователь каковой официальной!

— Чего-съ?

Комендантъ обернулся, адъютантъ остановился перечитывать письмо. За нимъ стоялъ человѣкъ средняго роста, нѣсколько полный, съ окладистой рыже-красною бородою и въ крупныхъ синихъ очкахъ съ боковыми сѣтками отъ пыли, въ золотой массивной оправѣ. Онъ-то и сдѣлалъ это замѣчаніе.

— Извините! Я, кажется, помѣшалъ: вы здѣшній комендантъ?

— Къ вашимъ услугамъ.

Чистенькій, весьма приличный дорожный костюмъ незнакомца и его солидная фізіономія внушали нѣкоторое почтеніе и заставили коменданта взяться за козырекъ своей фуражки съ назащитникомъ. Адъютантъ тоже отковырялъ, докторъ холодно раскланялся.

— Нигебауэръ, аптекаръ. Буду въ Ташкентъ; заходилъ къ вамъ, но мнѣ сказали, что вы здѣсь на площади. Такое необыкновенное происшествіе.

— Что тутъ необыкновеннаго, просто оказія! замѣтилъ комендантъ. — Ну-ка, дальше что? аптекаръ—не велика птица, подумалъ онъ.—Извините; вотъ мы тутъ по службѣ, кончимъ сейчасъ и тогда... добавилъ онъ вслухъ.

— Сдѣлайте одолженіе! поклонился аптекаръ, отошелъ къ тѣламъ и началъ ихъ довольно внимательно осматривать.

— Онъ самый, шепнулъ рыжій халатъ на ухо старику.

— Дураки вы оба съ Маркычемъ, такъ-же тихо отвѣтилъ ему старикъ.

— Гмъ, гмъ! откашлялся адъютантъ.— По расчету, изложенному въ письмѣ господиномъ Катускинымъ, онъ долженъ быть какъ-разъ сегодня вечеромъ.

Нигебауэръ приподнялъ голову.

— Тутъ присланныя тѣла?

Адъютантъ кивнулъ головою куда слѣдуетъ.

— Ефима Мякенькаго съ сыномъ, англичанина Эдуарда Симсона и одного изъ работниковъ.

— Голые и безъ головъ: какъ тутъ ихъ разбирать: кто и кто? пожалъ плечами комендантъ.— Да я полагаю этого и не надо. Какъ вы, докторъ, думаете?

— А, что такое? Вы меня спрашиваете?

— Васъ.

— Да, конечно; господинъ Нигебауэръ, вы, какъ-будто, поблѣднѣли, вы взволнованы?

Докторъ пристально посмотрѣлъ на рыжебородаго аптекаря.

— О, это ничего. Дорожная усталость, этотъ запахъ, видъ изуродованныхъ труповъ— все это не можетъ дѣйствовать благоприятно.

— Ну, понятно.

— Вотъ еще наоборотъ, перевернулъ адъютантъ исписанный листокъ,— господинъ Катускинъ проситъ о задержаніи въ фортѣ, если, конечно, таковой окажется, одного человѣка, примѣты: средняго роста, полноватъ, небольшая черная борода и таковыяже усы, одѣтъ по-киргизски, лошади вороные безъ отпѣтинъ.

— А ну, примите мѣры: осмотрѣть постоянные дворы, почтовую станцію, а главное, на базарѣ, у Бузаева въ трактирѣ тоже...

— У заставы не мѣшаетъ поставить человѣкъ четырехъ для наблюденія, шепнулъ докторъ на ухо коменданту.

— У заставы! у заставы непременно!

— Да вы-бы не такъ громко...

— Мое почтеніе! откланялась рыжая борода.

— Зайдите въ правленіе, тамъ вамъ поставятъ отпѣтку на паспортъ! крикнулъ адъютантъ.

— Непременно!

Нигебауэръ медленно зашагалъ черезъ площадь, распустивъ свой парусинный зонтикъ.

— Чего это вы такъ смотрите? замѣтилъ комендантъ доктору, все время слѣдившему за удаляющейся фигурою аптекаря.

— Хорошая борода, густая, ровная, произнесъ докторъ какъ-бы про себя.—Куда это онъ повернулъ? А, въ слободку.

— Ну, такъ что-же?

— Справьтесь, пожалуйста, на какихъ лошадахъ пріѣхалъ этотъ Нигебауэръ.

— Это для чего?

— Я видѣлъ, вчера еще видѣлъ, выставился рыжій халатъ, все время прислушивавшійся къ разговору начальства,—на почтовыхъ; рыжая съ лысиной въ корню, сѣрая на пристяжкѣ; ящичекъ Каримка, тотъ самый, что въ прошломъ году пальцы на ногахъ отнимали—отморозилъ зимою, я помню...

— Гмъ! странно! нервно скривилъ ротъ чахоточный докторъ.—Я готовъ прозакладывать все, что угодно, ежели-бъ оказалось, что этотъ аптекарь пріѣхалъ на вороныхъ лошадахъ—верхомъ, что борода у него накладная.

— Ну, что за вздоръ!

— Не вздоръ, позвольте вамъ замѣтить.

— Да чухъ!

— Это удивительно! вѣроятно, я на чемъ-бы то ни было да основываюсь. Эти крючки за ушами.

— Это отъ очковъ крючки, поспѣшилъ заявить адъютантъ.

— Нѣтъ, то золотые; а стальные, стальные зачѣмъ? Я ихъ довольно ясно замѣтилъ. Они, положимъ, отлично были замаскированы волосами, но я ихъ видѣлъ... видѣлъ, какъ вотъ вижу васъ, какъ *этихъ*... Фу! просто нѣтъ никакой возможности дышать! и чего мы здѣсь стоимъ?

— Приврой! распорядился адъютантъ.

Рыжій халатъ и человекъ три изъ толпы ринулись исполнять приказаніе адъютанта.

— Потому я замѣтилъ еще одну вещь, чрезвычайно подозрительную. Конечно, при другихъ обстоятельствахъ это пустяки.

— Знаете-ли что? остановилъ его комендантъ. — Идите домой, пора обѣдать. Моя барыня приготовила удивительную ботвинью.

— Изъ раковъ?

— Да еще изъ какихъ! вотъ...

Комендантъ показаль на пожнахъ своей сабли приблизительныя размѣры раковъ.

— Ну-съ, и въ ожиданіи пріѣзда этого Катужкина, поднявшаго всю тревогу, мы будемъ выслушивать всѣ ваши подозрѣнія, allons!

— Онъ согнулъ руку калачикомъ, докторъ сунулъ туда свою, освободивъ ее предварительно изъ-подъ шинели, и они, не спѣша, отправились по направленію въ комендантскому домику, побѣленные трубы котораго видѣлись надъ группою чахоточныхъ, запыленныхъ кустиковъ. Адъютантъ зашагалъ за ними, переложивъ портфель изъ-подъ одной мышки подъ другую.

— И по частнымъ домамъ посмотрѣть не мѣшаетъ! доносился уже издали начальнической голось.

Толпа тоже стала понемногу расходиться.

„Я вечеръ въ лужахъ гуляла!“

Доносился съ базара развеселый пьяный голось.

— Ребята, слышь! не видали-ли гдѣ тетки Бородихи! спрашивалъ запыхавшійся деньщикъ, обращаясь больше ко всѣмъ и ни къ кому въ особенности.

— Тебѣ зачѣмъ эта воструха понадобилась? спросилъ кто-то изъ толпы.

— Поручикъ требуетъ, чтобы безпремѣнно. Допросъ снятъ слѣдуетъ по дѣлу.

— Ладно, братъ.

„Гру-у-сть хотѣла разогнать.“

Доносилось съ базара, но уже нѣсколько ближе.

Рѣзкій звонъ колокола на пристани и барабанъ на площадкѣ, передъ казармами, мѣстнаго батальона звали „на работу“.

Дневная жара начала спадать.

VIII.

Улики накопляются.

Солнце только-что сѣло, когда къ сѣверной заставѣ Большого форта подъѣхала довольно оригинальная кавалькада. Впереди

всѣхъ ѣхалъ Иванъ Демьяновичъ Катупкинъ, верхомъ на иноходцѣ своего пріятеля, одного изъ старшинъ аула Бугать-ты-сай, всадникъ былъ видимо измученъ, запыленъ съ ногъ до головы и почти качался на сѣдлѣ отъ усталости. За нимъ рысиль высокій тощій-киргизъ, вооруженный длинною пикою и какимъ-то допотопнымъ огнестрѣльнымъ оружіемъ. Два ободранныхъ, почти голыхъ киргиза, тоже верховыхъ, вели между своими лошадьми третьяго пѣшаго, руки котораго были привязаны къ заднимъ сѣдельнымъ лямкамъ; боссы ноги плѣнника были покрыты кровью и грязью, колѣни ссажены и стерты почти до костей; видно было, что несчастный вѣсколько разъ падалъ отъ изнеможенія, а такъ какъ привязанныя у сѣделъ руки не давали ему совсѣмъ упасть на землю, то ему приходилось тащиться волокомъ на колѣняхъ, пока всадники не останавливались и не поднимали его ударами нагаекъ. Сзади всѣхъ еще ѣхала группа вооруженныхъ киргизовъ и вели двухъ лошадей, осѣдланыхъ по - походному.... Свободно болтающіеся по бокамъ сѣделъ выючные мѣшки, коржуны, были пусты, розмотавшіеся арканъ тащился по землѣ... Обѣ лошади были тоже сплошь покрыты пылью, обратившея въ грязь тамъ, гдѣ ремни сѣдловки натирали мыльную пѣну... Трудно было распознать масть лошадей, развѣ только очень опытный глазъ могъ опредѣлить, что обѣ были чисто вороные, безъ всякихъ отмѣтинъ.

Когда Иванъ Демьяновичъ вѣхалъ въ ворота Большого форта, почти никого не было на опустѣлыхъ улицахъ. Эта часть больше торговая, тутъ все были временные навѣсы и ятки для товара, убираемаго на почъ, и потому, кромѣ двухъ трехъ туземцевъ-сторожей, дремавшихъ вдоль забора, гдѣ осталось еще немного нестоптанной, свѣжей травки, и не было такъ пыльно, какъ посреди улицы и площади. Иванъ Демьяновичъ не замѣтилъ никого, какъ не приглядывался на право и на лѣво.

Если-бы не было такъ темно, то онъ, пожалуй-бы, замѣтилъ въ окнѣ разломанной сакли худощавое женское лицо, выглянувшее на мгновеніе и спрятавшееся снова такъ-же быстро, какъ и показалось, — замѣтилъ-бы, пожалуй, и всю женщину, промелькнувшую въ свѣтломъ промежуткѣ между саклею и угломъ хлѣбнаго лабаза... Если-бы онъ потомъ обернулся, то, навѣрное, видѣлъ-бы, какъ эта женщина перебѣжала улицу, позади кавалькады,

но онъ ничего этого не видѣлъ, а прямо направился къ свѣтлымъ четверо-угольникамъ комендантскихъ оконъ, периодически заслоняемыхъ тѣнью шагающаго взадъ и впередъ линейца часового.

Черезъ полчаса Иванъ Демьяновичъ сидѣлъ уже у коменданта за ломбернымъ столомъ, на этотъ разъ раскрытымъ вовсе не для карты. Самъ хозяинъ ходилъ по комнатамъ и пыхтѣлъ изъ длиннаго черешневаго чубука, докторъ полу-лежалъ на диванѣ, адъютантъ сидѣлъ на стулѣ у дверей и, съ позволенія начальства, крутилъ папиросу. Супруга коменданта, бойкая старушка, находилась въ сосѣдней комнатѣ и, упершись лбомъ въ мѣдную планку замочной доски, внимательно наблюдала за всѣмъ, что ей было видно въ ключевую скважину.

— Я самъ согласенъ съ предположеніемъ господина Батушкина, что тутъ совсѣмъ не обыкновенный случай простого грабежа,—тутъ очевидны другія цѣли, произнесъ докторъ.

— Не предположеніе это мое, прервалъ его Иванъ Демьяновичъ,—какое тутъ, помилуйте Бога ради, предположеніе? а просто такъ оно и есть!

— Ну, понятно, пыхнулъ комендантъ.

— Я по слѣду добрался до Кара-ташъ. Вы бывали тамъ?

— Не случилось.

— Весь берегъ плоскій, кромѣ только этого мѣста; здѣсь-же камень чистый, надъ водою стоитъ кручею и глубина тутъ, а вамъ доложу, страсть! Опять-же иломъ все затагиваетъ. Какъ тутъ ихъ затащило?

— Такъ, вы говорите, слѣды привели васъ къ самому Кара-ташъ?..

— Докторъ поднялся съ дивана, подошелъ къ стѣнѣ, гдѣ была развѣшана мѣстная карта и началъ по ней водить пальцемъ.

— Къ самому. Машины и все громоздкое было свалено туда. Это вѣрно! Куда имъ было тащить ихъ?!

— Здѣсь! произнесъ докторъ,—дайте-ко, родной, свѣчку—темновато.

— Если-бы это простой грабежъ, ну, забрали-бы бакалею, красный товаръ, скотину-бы увели, а то на кой имъ чортъ? Паровикъ-бы и всѣ машины остались-бы на мѣстѣ, и потеря была-бы не богъ вѣсть какая.

— Однако! пожалъ плечами комендантъ, и тоже началъ разсматривать карту.

— Это-то Кара-ташъ? пригнулся онъ къ самой бумагѣ, такъ что чуть не дотронулся до листа носомъ.—А, вошь оно что... тсъ... такъ!

Небольшая звѣздочка, начерченная на картѣ, приняла для него теперь особенное значеніе; онъ ее разсматривалъ съ такимъ вниманіемъ, что невольно думалось, не отыскиваетъ-ли онъ тамъ слѣдовъ погибшаго паровика и дорогихъ машинъ разграбленнаго каравана?

— Далѣе, позвольте вамъ доложить, по разспросамъ киргизовъ, оказалось, что въ разныхъ пунктахъ видѣли человѣка весьма подозрительнаго виду-съ; на ровныхъ лошадяхъ, этихъ самыхъ, что, изволили видѣть, я привелъ ихъ съ собою.

— Хорошія лошади.

— Таперича этотъ человѣкъ,—не тотъ значить, а мосоль-киргизецъ, что работникомъ состоялъ у Ефима Мякинъево; мы его поймали въ кочевьяхъ и очень онъ мнѣ подозрителенъ показался.

— Вы ему уши обрѣзали? замѣтилъ докторъ.

— Нельзя-же; маленько попытали его, иначе нѣшто отъ нихъ чего допросишься, опять-же только одно уху.

— Что-же онъ показываетъ?

— А то, что состоялъ съ ними въ заговорѣ и хотя положительно не знаетъ, кто такой этотъ былъ—на воронихъ лошадяхъ, однако въ лице узнать можетъ.

Докторъ сталъ шептать что-то на уху коменданту.

— Почему-жъ не заарестовать, отвѣтилъ тотъ уже въ слухъ.

— Человѣкъ, о которомъ я вамъ писалъ.

Катускинъ всталъ; на лицѣ его мелькнуло какое-то выраженіе таинственности, даже голосъ его сталъ тише, доходя почти до полупонота.

— Это на счетъ задержанія-то? остановился посреди комнаты комендантъ. Иванъ Демьяновичъ, вздрогнулъ и боязливо оглянулся.

— Такъ точно-съ. Онъ теперь здѣсь, произнесъ онъ еще тише, какъ-бы намекая этимъ коменданту на необходимость понизить голосъ, когда рѣчь коснулась этого предмета.

— Ага! обернулся докторъ, все еще разсматривавшій карту.

— Ну-съ.

Комендантъ пальцемъ подманилъ вѣстоваго, взглянувшаго было въ дверь и Богъ вѣсть по какимъ соображеніямъ также шопотомъ произнесъ.

— Трубку набей и раскури.

— Негдѣ ему быть, окромя, какъ здѣсь. Выѣхать онъ еще не успѣлъ. Пароходъ еще не отходилъ, на станціи тоже надо прописать-ся—когда уснѣтъ? Я его прослѣдилъ до почтовой станціи Алтыбудукъ, оттуда онъ поѣхалъ уже на почтовыхъ, смѣнныхъ, своихъ-же лошадей бросилъ онъ въ табунъ Ибрагимъ-бея. Мы нагнали въ скорости; потому кони еще были горячіе—я ихъ забралъ изъ табуна...

— На почтовыхъ... соображалъ про себя докторъ.

— Только теперь, надо полагать, этотъ человѣкъ совсѣмъ въ другой одежѣ.

— Пожалуй, изъ чернаго рѣжимъ сдѣлался, перебилъ докторъ.

— Вы все на своемъ стоите? А вы, любезнѣйшій, не подозрѣваете-ли кого-нибудь, а? обратился комендантъ къ Катускину.

— Какъ не подозрѣвать? Да что толку въ подозрѣніи-то? Вотъ когда-бы намъ его захватить здѣсь какъ ни на есть, ну, тогда другое дѣло!..

— Узнайте, гдѣ остановился этотъ аптекаръ Ниге... какъ-бишь его? И попросите его сейчасъ-же ко мнѣ, распорядился комендантъ самымъ рѣшительнымъ, безапелляционнымъ тономъ.

Адъютантъ поспѣшно поднялся со стула. Дверь во внутренніе апартаменты распахнулась настезь, комендантша влетѣла, какъ бомба, и подбоченясь обѣими руками, остановилась по срединѣ комнаты.

— Ну не колпакъ-ли ты? ну не дубина-ли? отчеканивала она, глядя въ упоръ на своего ошалѣвшаго супруга.

Иванъ Демьяновичъ поспѣшилъ отвѣсить самый почтительный поклонъ; докторъ началъ лязвительно хихикать, писарь и два вѣстовыхъ зафыкали въ сосѣдней комнатѣ.

— Что-же это ты, въ самомъ дѣлѣ, мать моя? развелъ руками комендантъ.—За что-же это ты такъ сразу?

— Исподоволь, потихоньку, узнать, разнюхать, окружить, сцапать и съ глазу на глазъ къ допросу... Вотъ что нужно сдѣлать—понимаешь? А ужинать я дамъ послѣ.

— Аграфена Павловна, ручку вашу поцѣловать позволите? подошелъ къ ней докторъ.

— Господинъ комендантъ, явите такую божескую милость, помогите, чтобы, значить, такъ точно, какъ вотъ онѣ сказать изволили.

Иванъ Демьяновичъ указалъ на комендантшу.

— Да я готовъ, я сейчасъ. Эй! казаковъ десять человекъ сюда живо!

— А ужь, Иванъ Илларионовичъ, ежели что, будьте благонадежны, васъ не забудемъ.

— Что, что такое?

Густыя брови коменданта сдвинулись, глаза выкатились, ноздри запрыгали; онъ сложилъ руки на груди по-наполеоновски и шагнулъ къ озадаченному Катущкину.

— Да что-же, помилуйте, господ... Ваше...

Докторъ поспѣшилъ на помощь къ оторопѣвшему Ивану Демьяновичу.

— Не теряйте времени, если хотите, чтобы вышло что-нибудь путное, а главное послушайте вы моего совѣта. Вы отъ этого ничего не потеряете вы уже не разъ были въ выигрышѣ отъ этого.

— Благодарю.

Онъ протянулъ доктору свою широкую ладонь.

— Самое лучшее—предоставьте это самому господину Катущкину. Онъ, какъ лицо болѣе всего заинтересованное...

— Будьте милостивы, господинъ комендантъ!

На дворѣ затопотали лошади, забрякало что-то металлическое, гнѣдая морда съ лысиною заглянула въ окно.

— Команда готова! доложилъ вѣстовой.

— Однако, собирайтесь! А послѣ всѣхъ ко мнѣ ужинать! рѣшила Аграфена Павловна, и сама собственноручно надѣла на голову мужа его холщевую фуражку.

IX.

На базарѣ.

По одной изъ очень узкихъ и кривыхъ улицъ азіятскаго Ташкента, скрипя и завывая немезанными ослими, толкаясь концами этихъ осей о все выдающіеся углы плосккрышихъ домовъ — сакель, пробирались четыре арбы, нагруженные головами сахара всехъ существующихъ размѣровъ и фирмъ; арбы эти были прикрыты войлоками и перевязаны веревками, для того, чтобы этотъ сладкій товаръ не разсыпался отъ скачковъ и толчковъ, которыми награждала дорога, грубо вымощенная крупнымъ, неровнымъ камнемъ... Вообще-же укладка сахара была самая небрежная, видно было, что его, — во-первыхъ, — собирали изъ разныхъ пунктовъ, по десяткамъ и даже менѣе головъ, а во-вторыхъ — и везли не особенно далеко.

Арбакешы сидѣли верхомъ на тѣхъ-же лошадяхъ, что были запряжены въ арбы; весь транспортъ, нѣсколько растянувшись по дорогѣ, сопровождали два русскіе прикащика: русскіе только по тому признаку, что изъ подъ ихъ бараньихъ шапокъ видѣлись рыжеватяя пряди волосъ, всемъ-же остальнымъ они мало чѣмъ отличались отъ таджиковъ-арбакешей.

Различныя препятствія поминутно загроживали движеніе арбъ: то на встрѣчу лѣнливо шагали махнатые верблюды съ тюками табаку и хлопка... то попадалась такая-же арба, то верховые: — туземцы и русскіе, пробирающіеся на центральный туземный базаръ, смѣшанный гулъ котораго, расходясь изъ подъ сплошныхъ навѣсовъ, достигалъ уже слуха проѣзжихъ.

— Вой, вой! покачивали головами въ чалмахъ всадники туземцы, подбирали ноги почти на сѣдло и, осторожно прижимаясь къ стѣнамъ и обтирая ихъ своими полосатыми халатами, пропускали арбы...

— Держи въ сторону, дьяволы! еще изъ дали кричали и грозно взмахивали нагайками всадники русскіе и развѣ только крайняя необходимость заставляла ихъ взять въ право или въ лѣво.

— А куда намъ держать? жми самъ въ сторону, отвѣчали конвоирующіе прикащики.

— Да что-же вы, братцы, не той дорогою идете? вы-бы на

„медрессе“ взяли, а то вамъ все на встрѣчу будетъ, понижали тонъ и вступали въ разговоры всадники, узнавъ своихъ.

— Ладно; намъ вездѣ дорога! Эй ты тамъ, чортова голова, сворачивай верблюдовъ во дворъ... А ты, песъ, съ ишаками куда лѣзешь?!

— Что везете?

— Сахаръ.

— Чей?

— Перловича...

— Эй, эй, тамыр! робко окликаетъ одного изъ прикащиковъ передній арбакашъ.

— Чего тебѣ?

— Вонъ „казы“ ѣдетъ, самъ „казы“ *)... какъ-же быть?

— Гайда! чего стали?! Гайда, гайда!

— Дорогу, дорогу, дорогу! кричатъ пѣшие, босоногіе скороходы сѣдобородаго казы, размахивая своими бѣлыми палками.

Угрюмо глядитъ изъ подъ нависшихъ бровей маститый старикъ, сдерживаетъ своего аргамака, покрытаго бархатною попоною, сверкающею шитьемъ и блестками, и сворачиваетъ, избѣгая скандала, въ первый дворъ, досчатые ворота котораго мгновенно распахиваются передъ нимъ, при одномъ только движеніи поводыевъ въ ихъ сторону...

Дорога становится шире; вдали видны темные входы базара. Смихъ, говоръ, визгъ точильныхъ колесъ, ржаніе лошадей, хриплый ревъ верблюдовъ, бряцаніе чего-то металлическаго сливается въ сплошной гулъ... Тамъ и сямъ вьются голубоватые дымки, шипитъ поджаренное масло и заражаетъ спертый воздухъ; во всѣхъ углахъ сверкаютъ мѣдные бока массивныхъ самоваровъ, мелькаютъ красные халатики мальчиковъ, прислужниковъ въ чайныхъ лавкахъ. Гремя въ бубны и уныло распѣвая стихи корона, бродятъ странствующие нищіе монахи „дивона“ и выбираютъ мѣста по суше и по-люднѣй, гдѣ-бы удобно было начать свои проповѣди.

Въ одной изъ чайныхъ лавокъ, нѣсколько большихъ размѣровъ, чѣмъ остальные, собралось довольно много посѣтителей. Полъ

*) „Казы“ высшее духовное лицо, „сартовскій митрополитъ“, какъ его называютъ наши солдаты.

этой лавки поверхъ циновокъ былъ устланъ полосатымъ ковромъ „шлямомъ“; по стѣнамъ, на полкахъ стояли ряды самыхъ разнообразныхъ кунганчиковъ, мѣдныхъ и даже посеребренныхъ, сверкающихъ мелкимъ чеканомъ и рѣзбю. Громадный самоваръ, ведерь въ 10, свисталъ и пыхтѣлъ, выпуская изъ своей трубы клубы черного дыма; закопченный, покрытый каплями грязнаго пота, сартъ, согнувшись на корточкахъ, раздувалъ его снизу кожанными мѣхами. Хозяинъ чернобородный таджикъ Исса-Богузъ, какъ будто предвидѣлъ такое многочисленное собраніе гостей въ своей лавкѣ,—онъ успѣлъ надѣтъ, поверхъ своего сѣраго, замасленнаго халата, новый адрасный, такъ и шумящій при каждомъ движеніи таджика.

— Точно шелковый, самодовольно думалъ Исса-Богузъ и прѣворно перетиралъ краснымъ кумачнымъ платкомъ ярко-зеленыя чашечки, настоящія китайскія, съ замысловатыми знаками на ихъ плоскихъ доньшкахъ.

Мальчики прислужники, самые толстенькіе, самые красивые по всей чайной линіи, бойко сновали по лавкѣ, едва успѣвая складывать въ хозяйскій кошель мѣдныя чеки *) и даже серебряныя кованы **),—два водоноса, полуголыхъ атлета, сваливъ съ своихъ плечъ одиннадцатый турсукъ (кожанный мѣхъ) съ водою—подобострастно ухмыляясь и сверкая своими зубами, просили за свои труды, не въ счетъ платы (по ковану въ сутки) по чашкѣ горячаго зеленого чая.

Богатый купецъ, Шарипъ-бай, выпилъ уже очень много чашекъ чая, такъ много, что уже отрыгнулъ раза три и безпрестанно вытиралъ потъ на лбу и шеѣ полою своего нижняго халата; верхній-же, шелковый, прошитый мѣстами золотомъ и блестящими, былъ спущенъ съ одного рукава, и полы его раскинута такъ ловко, что невольно кидались въ глаза всякому. Не безъ расчета это было сдѣлано; и не одинъ уже проходящій мимо лавки, съ скрытою завистью любовался блестящей матеріей.

Важно поглядывалъ слѣсивый Шарипъ-бай, какъ-бы раздумывая: кого-бы удостоить своимъ разговоромъ.

— Хорошъ кипмишь? Я думаю одинъ соръ и навозъ? пре-

*) Чека—три копейки.

**) Кованъ—двадцать копеекъ

зрительно скрививъ ротъ, спросилъ онъ своего сосѣда, купца изъ кожевеннаго ряда Мушана-Али, скромно отбиравшаго у себя на колѣнахъ ягодки изюма по свѣжее и почище.

— Пить чай можно. Конечно, тому, кто не старается возвеличиться питьемъ чая съ сахаромъ, когда не чѣмъ другимъ гордиться, отпаривоваль тотъ, и взглянулъ на него такъ, какъ будто говорилъ: „что, братъ, не на беззубаго попалъ!“

— Сколько съ меня за чай? обратился сконфуженный задира къ мальчику прислужнику, сдѣлавъ видъ, что не слышалъ отвѣта Мушана.

— А, что-же право, началъ кто-то изъ самаго дальняго угла лавки.—Нынче сахаръ такъ дорогъ сталъ, такъ дорогъ, что не всякому, охъ, далеко не всякому, можно имъ пользоваться.

— Ужасная дороговизна! повернулся отъ самовара хозяинъ Исса-Богузъ. — Двѣнадцать русскихъ рублей за пудъ, а было только десять.

— Да теперь нѣтъ его совсѣмъ у насъ на базарѣ. Последнйй, что привезли изъ Бухары, купцы русскіе у насъ закупили.

— Словно сами не могутъ выписывать? Имъ выгоднѣе; и мы-бы у нихъ покупали, а то, шутка-ли, мы беремъ изъ Бухары, изъ вторыхъ рукъ, они у насъ и своимъ-же по тройной цѣнѣ продаютъ въ русскомъ городѣ.

— Караваны у нихъ не пришли—я знаю! поднялся на ноги и шагнулъ къ выходу Мушанъ-Али.

Ему тамъ было уже очень жарко и онъ выбрался на передъ, гдѣ и сѣлъ снова на корточки, облокотившись спиною о рѣзную колонку навѣса.

— Теперь въ русскихъ лавкахъ и нѣтъ сахара. Откуда его взять? Перловичъ купецъ, что на Чимкентской дорогѣ сидитъ... вотъ тотъ самый, что еще здѣсь съ Саидъ-Азимою рядомъ караванъ сарай съ краснымъ товаромъ держитъ...

— Знаю.

— Видалъ его не разъ и я.

— Ну, такъ вотъ онъ и скупилъ весь сахаръ изъ нашихъ лавокъ; а наши дураки его и продали; себѣ даже ничего не оставили.

— Потому хорошую цѣну далъ, ну и продали. По пяти копеекъ на кадакъ (фунтъ) набавиль—какъ не продать?!

— А вѣрно ты, бай, самъ тоже свой продалъ, что вступился? Такъ, что-ли? засмѣялся Исса-Богузъ.

— До моихъ торговъ нѣтъ тебѣ дѣла, огрызнулся Шарипъ.

— Такъ вотъ, продолжалъ Мушанъ-Али, — караваны ихніе прійдутъ еще, пожалуй, черезъ мѣсяцъ, а то и больше; сахаръ-то весь въ его рукахъ. Какую цѣну хочешь, такую и запросить. Его воля!

— Хорошую цѣну возьметъ, почесаль затылокъ сосѣдъ.

— Ярмъ-цѣлковый (полтинникъ) за фунтъ... Мнѣ говорили сегодня утромъ, вмѣшался еврей торговецъ крашеннымъ шелкомъ, все время прислушивавшійся изъ подъ своего навѣса напротивъ къ разговору въ чайной лавкѣ.

— Слышите, что джюгудъ (еврей, жидъ) говорить? ярмъ-цѣлковый!

— Ой, ой, какія деньги загребеть! покачалъ головою сѣдой мулла и понюхаль табуку изъ своей тыквяной бутылочки.

— Будто наши не могли сами продавать свой сахаръ въ русскій городъ, пожалъ плечами Исса-Богузъ.

— А ты спреси вонъ у него, онъ возилъ на прошлой недѣлѣ, десять пудовъ возилъ—хорошо-ли продалъ?

Мушанъ-Али указаль на таджика въ розовомъ ситцевомъ халатѣ, прятавшаго въ эту минуту себѣ за пазуху остатки недоѣденной лепешки.

— И не спрашивай! махнулъ тотъ рукою.

— Что, или плохи барыши были? засмѣялся Исса-Богузъ.

Только вздохнулъ въ отвѣтъ розовый халатъ и, шагая черезъ ноги гостей, началъ пробираться къ выходу.

— А не пора-ли и мнѣ въ свой караванъ-сарай? поднялся тоже на ноги Шарипъ-бай и началъ отыскивать свои туфли „ичеги“ между цѣлыми рядами верхней обуви, стоявшей на ступеняхъ лавочнаго возвышенія.

— Слышалъ: „караванъ-сарай?“ подтольнулъ локтемъ Мушанъ-Али одного изъ сосѣдей.—Только успѣлъ завести лавку побольше, чѣмъ у другихъ, уже караванъ-сараяемъ величаетъ...

— Таджигъ хвастунъ — сартъ! презрительно сплюнулъ въ сторону сосѣдъ.

— „Сартъ“! да ты-то кто самъ? остановился въ вызываю-

щей позѣ Шарипъ-бай и пристально посмотрѣлъ черезъ плечо на говорившаго.

— Я... я кто? Я узбекъ, природный узбекъ, а не...

— Э, э, э! зачѣмъ ссору заводить; не надо ссоры заводить... эй, бай, не хорошо! вмѣшался хозяинъ лавки.

— Великъ Аллахъ, и гроза, и солнце въ рукахъ его, бормоталъ мулла одинъ изъ стиховъ корана.

Звуки бубна и погремушекъ медленно приближались съ правой стороны, изъ-за угла мечети, выдвинувшейся къ самому базару. Толпа быстро густѣла; въ сосѣднихъ лавкахъ замѣтно было особенное движеніе: торговцы запахивали свои халаты и выбирались изъ-за сундуковъ съ товарами на пороги лавокъ... десятка два мальчишекъ скакали и бѣсновались по улицѣ, ловко увертываясь между лошадиныхъ ногъ, прыгая по камнямъ, положеннымъ, какъ переходы, черезъ топкую черную грязь улицы.

— Святые идутъ! пронесся крикъ изъ толпы.

— Дорогу, дорогу дайте!..

Посѣтители лавки Исса-Богузъ тоже поспѣшили перебраться въ порогъ.

Серединою улицы шла группа „дивона“ изъ шести человекъ.

Грязные, покрытые саломъ, присохшими объѣдками, на нѣсколько шаговъ вокругъ заражающіе воздухъ халаты не доставали до колѣнъ, и рваной бахромою трепались по голымъ, костлявымъ ногамъ монаховъ. Эти халаты пестрѣли самыми разнообразными цвѣтами; казалось, они были спиты изъ всевозможныхъ образчиковъ матерій, такъ они были покрыты заплатами. У каждаго черезъ плечо висѣла холщевая сума на веревкѣ. Поясы у всѣхъ были обвѣшаны кисточками, звонками и разными путевыми предметами; главную роль тутъ играли ножи, сверкавшіе, несмотря на грязь и нищету всего костюма, серебряными бляшками и бѣлыми костяными головками черенковъ. На головахъ, не бритыхъ, какъ у всѣхъ мусульманъ центральной Азіи, надѣты были высокіе, конусообразныя шапки, влѣтчатныя—черныя съ зеленымъ; края этихъ шапокъ оторочены были бахромою, совершенно сливающейся съ грязными, сбитыми въ колтунъ волосами.

Эти шапки „дивона“ почти никогда не снимаютъ. Что должно быть тамъ, подъ этими тяжелыми, теплыми колпаками?

Полосы грязнаго пота струились по исхудалымъ фанатическимъ

лицамъ. Босня ноги тяжело, безъ разбору дороги ступали и мѣсили уличную грязь, никогда не просыхающую подъ навѣсами базаровъ.

За спинами этихъ юродивыхъ висѣли большія бубны, затянутыя бычачьимъ пузырямъ и обвѣшанныя бубенчиками и побрякушками. Станный, чрезвычайно неприятный, раздражающій нервы, сухой металлическій звукъ издавали эти инструменты при каждомъ движеніи дивона.

Въ рукахъ у нихъ были тяжелыя, точеныя палицы изъ темнаго орѣха, окованныя желѣзомъ, снабженныя на концахъ остріемъ въ видѣ пики.

Шли эти монахи всѣ пятеро въ рядъ, занявъ почти всю ширину улицы. Одинъ, шестой, шелъ впереди, мѣрно, черезъ шагъ ударяя въ бубенъ кусочкомъ толстой, подошвенной кожи.

Это былъ совсѣмъ уже одряхлѣвшій старикъ. Онъ шелъ согнувшись въ поясицѣ и ковыляя на своихъ кривыхъ ногахъ, тощихъ, какъ ноги скелета, чуть обтянутыя кожей. Беззубный ротъ шевелился, причитая что-то непонятное. Изъ подъ косматыхъ, совершенно сѣдыхъ бровей тупо смотрѣли желтоватая бѣлѣма и придавали всему лицу что-то страшное, отталкивающее.

— Самъ „Магома-Тузай“, слѣпой „Магома!“, тихо, шепотомъ пробѣжало въ толпѣ.

— Здѣсь! остановился одинъ изъ дивона, чернобородный атлетъ, и съ размаха воткнулъ въ землю свою палицу.

„Благословеніе и миръ мѣсту, гдѣ остановятся, о Аллахъ, твои служители!“ пробормоталъ Магома-Тузай и тяжело опустился сперва на колѣни, потомъ, отбачнувшись, какъ верблюдъ, съ котораго хотятъ снять вьюки, сѣлъ на свои мозолистыя, корявыя пятки.

Всѣ остальные дивона сѣли сзади него, полукругомъ.

Передъ старикомъ поставлена была деревянная чашка для сбора приношеній.

— Аллахъ отобралъ отъ стада своихъ любимыхъ овецъ и далъ имъ то, чего лишены были остальные.

— Онъ далъ имъ способность видѣть то, чего не видятъ другія. Смотрѣть впередъ и знать все, что встрѣтится на дорогѣ. Когда другія могутъ только знать то, что пройдено ими.

— Что онъ говоритъ? ничего не слышно! произнесъ довольно громко хозяинъ чайной лавки Исса-Богузъ.

— Тише ты, горластый! крикнуть кто-то из толпы.

— Да когда и вправду не слышно, что толку. Говори, старикъ, громче! поддержаль Богуза аьъ-сакаль Годдлай-Агалакъ, остановившись верхомъ на своемъ конѣ передъ его лавкою.

— Не перебивайте вы!

— Да тише-же!.. Эй, перестаньте тамъ посудю брякать! Да уйми-же, собака, своего осла!

— Шевелить только своими дохлыми губами; ничего не разберешь... проворчалъ Шарипъ-бай, не ушедшій только потому въ свой караванъ-сарай, что хотѣлось тоже послушать проповѣди.

— Да скорчить пророкъ твою спину и пошлетъ нѣмоту на поганый языкъ твой за эти слова, прошипѣлъ сѣдобородный мулла.

— Ну, гляди, самъ на себя не навликай!

На ноги поднялся тотъ самый чернобородный дивона—атлетъ и потрясъ надъ головою своимъ бубномъ.

— Гмъ, гмъ... откашлялся онъ и это громкое откашливаніе, покрывшее собою гулъ толпы, обѣщало могучій голосъ; такой, что не заглушать его ни говоръ, ни бряканіе посуды, ни даже завыванія безпкойнаго осла, длинныя уши котораго шевелились между двухъ рогатыхъ вязанокъ топлива.

— Вотъ это такъ!

— Эко рявкнулъ!

Послышались одобрительные возгласы.

— Тринадцатый десятокъ лѣтъ лежитъ на плечахъ праведника, началъ чернобородный, указавъ рукою, сжатою въ кулакъ, на замолчавшаго Магома-Тузая.

— Ой, ой, какой старый! покачалъ головою одинъ изъ зрителей.

— Что за старый, презрительно пожалъ плечами хвастунъ Шарипъ-бай,—моему отцу, если-бъ онъ остался живъ, теперь было-бы пятнадцать десятковъ.

— Попался-бы ты мнѣ три года тому назадъ *), шепталъ сѣдобородный мулла.

— Торба съ ячменемъ не всегда виситъ у воя на мордѣ **), усмѣхнулся Шарипъ-бай.

*) Намекъ на бухарское владычество, когда вся сила была въ рукахъ духовенства.

***) Мѣстная пословица, по смыслу подходящая къ нашей: «не все когу масляница».

— Время отняло у него силу голоса, ревѣль чернобородный,— но прибавило ему ума... Умъ его,—голосъ мой... я начинаю!..

Онъ сѣлъ на корточки рядомъ съ Магома-Тузаемъ, который шепталъ ему что-то на ухо — другой дивона — сѣлъ передъ нимъ, шагахъ въ четырехъ, да такъ и усталился глазами на проповѣдника.

Его обязанность была вторить проповѣднику,—и умѣстно поставленными вопросами и перерывами отгнать извѣстное мѣсто проповѣди.

Глухо забренчали, разомъ поднятыя надъ головами, бубны. Дивона учащенно закивали своими колпаками. Магома-Тузай поднималъ глаза къ небу, которое, впрочемъ, скрыто было отъ него, какъ его слѣпотю, такъ и закоптѣлымъ навѣсомъ базара, и сильно три раза ударилъ себя кулакомъ въ грудь.

Дивона-атлетъ началъ:

О бѣломъ верблюдѣ *).

— Была земля. На этой землѣ стояло вѣчное лѣто, потому что деревья, трава, кусты были вѣчно зелены... На этой землѣ была вѣчная весна, потому что вѣчно все цвѣло и никогда не вяли красныя махровыя розы... и какъ-же эти розы хорошо пахли!.. На этой землѣ былъ вѣчный день, потому что солнце стояло на одномъ мѣстѣ, какъ разъ по срединѣ неба...

— О, Аллахъ, какая эта была хорошая земля!.. удивился другой дивона. — Слушайте, слушайте, правовѣрные!

— На землѣ этой былъ вѣчный отдыхъ, потому что зачѣмъ было трудиться и работать, когда все было готово, — все подъ руками. Всѣ деревья были снизу до верху покрыты плодами, и если ты сорвалъ одинъ, на томъ-же мѣстѣ сейчасъ выросалъ другой. Бараны паслись уже совсѣмъ готовыя, варенныя и жаренныя... молоко текло по всѣмъ аркамъ. И даже вездѣ были

*) Одна изъ проповѣдей, записанныхъ докторомъ Авдѣевымъ въ 1867 году; мусульманское духовенство, возбуждая народъ къ поголовному возстанію противъ русскихъ, къ «хозоватъ» (священной воли) разсылали по городамъ своихъ агентовъ—«дивона» съ подобными подстрекательными рѣчами.

зарыты колодцы съ бузою *)! провозгласилъ дивона, —напротивъ...

— Нѣтъ, колодцевъ съ бузою не было, кротко остановилъ его чернобородый.

— Какъ не было?! я самъ...

— Не перебивай, не кстати.

— И на этой-то счастливой землѣ жили вѣчно счастливые люди.

Снова загудѣли бубны. Разскащикъ перевелъ духъ и запилъ изъ поданной ему чашки. Магома-Тузай снова принялся ему шептать на ухо.

— Земля эта принадлежала бѣлому верблюду... Чистый, самимъ Аллахомъ посланный на землю, онъ жилъ на этихъ блаженныхъ лугахъ, ѣлъ одиѣ розы, пилъ чистое молоко, спалъ на шелковыхъ халатахъ и одѣялахъ.

— Что за житье было этому верблюду! вскрикнулъ другой дивона.

— А развѣ людямъ было хуже? замѣтилъ проповѣдникъ.

— Кто говоритъ, что худо, и людямъ хорошо, только за что-же людямъ все это давалось, мнѣ кажется, что они этого не стоили?

— Нѣтъ, стоили, потому что были очень хорошіе мусульмане — не то, что нынѣшніе!

— Ну, гдѣ теперешнимъ! согласился другой дивона.

— Люди должны были знать только одно дѣло — это ходить за бѣлымъ верблюдомъ, они должны были рвать ему розы, подавать молоко и подстилать на ночь одѣяло. Они должны были чистить его, мыть и обливать розовымъ масломъ. Вотъ все, что они должны были дѣлать.

— И какъ, подумаешь, мало было дѣла!... и за такую-то малость жить на такой блаженной землѣ!

— Великъ и многомилостивъ Аллахъ: онъ не хотѣлъ налагать на плечи человѣка тяжелаго груза.

— И долго жили на этой счастливой землѣ счастливые люди; — жили-бы и теперь, но...

Чернобородый вдругъ зарыдалъ, вцѣпилъ себѣ руками въ бороду и ожесточенно принялся тереть грязные волосы. Грустно

*) Хмѣльной напитокъ — первобытное пиво.

опустилъ голову на грудь Магома-Тузай, остальные дивона затаили протяжную, плачевную ноту.

Въ этихъ заунывныхъ звукахъ, въ этихъ всхлипываніяхъ, — прорывающихся въ монотонномъ дребезжаніи бубновъ, въ этой мертвой тишинѣ, охватившей всю толпу, было что-то странное, тоскливо сжимающее сердце, тяжелое, отъ чего свѣжому человеку хотѣлось-бы, во что-бы то ни стало, отдѣлаться, какъ отъ давящаго кошмара.

И Шарипъ-бай пересталъ язвительно улыбаться, и Исса-Богузъ потупилъ глаза въ землю, и большинство слушателей занялось упорнымъ созерцаніемъ почвы у себя подъ ногами. Только сѣдобородный мулла торжествовалъ и смѣло глядѣлъ на толпу кажимъ-то вызывающимъ взглядомъ.

— Но эти люди стали забывать служить бѣлому верблюду, прорвался сквозь общее рыданіе всего хора дивона голосъ чернорадаго.

И все разомъ затихло.

— Разъ они не принесли ему розъ. „Зачѣмъ, думаютъ, когда онъ самъ можетъ нарвать себѣ сколько угодно“; другой разъ они забыли поднести молоко къ его мордѣ. „Зачѣмъ, думаютъ, когда оно течетъ у него подъ ногами“. А разъ такъ даже забыли подослать ему для спанья одѣяла.

— О, неблагодарные, о, паршивыя собаки, они только не забывали думать о своихъ животахъ.

— Нахмурилъ Аллахъ свои грозныя брови и потемнѣло вѣчно сверкающее солнце. Холодомъ пронесло надъ землею и надвинулись съ сѣвера, изъ-за ледяныхъ горъ, черныя, тяжелыя тучи.

— У-ухъ! разомъ произнесли всѣ дивона и затряслись подъ своими халатами.

— Не унялись дурные люди, и не поклонились они бѣлому верблюду, не стали просить его умилостивить грознаго Аллаха, а еще сами разсердились на святое животное. „Изъ-за твоей лѣни все Богъ посылаетъ намъ бѣды“, сказали они и со злостью отвернулись.

— Несчастные, они сами на себя накликали свою гибель!

— По ледянымъ горамъ загремѣлъ громъ... Ярче прежняго солнца загорѣлась въ тучахъ кровавая молнія. Завылъ вѣтеръ

съ сѣвера и въ этомъ вѣтрѣ завывло еще что-то страшное, чего люди еще и не слыхивали. То были проклятыя сѣверныя волки.

„Черезъ ледяныя горы, изъ ледяной страны, безчисленными стадами шли голодные звѣри. Изъ ихъ открытыхъ пастей валили смрадный дымъ, изъ гортаней вылеталъ расплавленный свинець и чугуны, и поражалъ смертью все встрѣчное. У этихъ волковъ были стальные зубы — острые, крѣпкіе, и никакая кольчуга не могла зашитить тѣла отъ этихъ страшныхъ вликовъ. Волки эти были всѣ бѣлые, и шли они рядами; и, казалось, конца не будетъ этимъ рядамъ, такъ ихъ было много. Дорога передъ ними была зеленая, сзади-же красная. Красная потому, что вся земля покрывалась кровью. И цѣпенѣли отъ ужаса всѣ люди.

— Еще-бы не оцѣпенѣть? этакія страсти! ввернулъ другой дивона.

— Ринулись волки на бѣлаго верблюда, принялись жечь его своими раскаленными языками, рвать стальными зубами, и полилась святая кровь на землю и подогнулись крѣпкія колѣна бѣднаго животнаго. Упалъ бѣлый верблюдъ. Разомъ потухло солнце; холодъ и смерть стали на землѣ, замерзли рѣки, высохли деревья, и погибшая земля покрылась бѣлымъ снѣгомъ. Такъ настало волчье царство! Залился слезами умирающій верблюдъ и громко вскрикнулъ: Аллахъ многомилостивый, пощади свой народъ, онъ еще исправится и будетъ помнить твою грозную волю!

И отвѣчалъ Аллахъ:

— Ну, хорошо, еще не все потеряно, я прогоню отъ васъ этихъ волковъ, только...

— Пойдемъ-ка, братъ, къ начальнику; тамъ вашего брата уже одиннадцать человѣкъ забрано, вывернулся изъ толпы уральскій казакъ въ армячинной рубахѣ и схватилъ чернобородаго за воротъ.

— Кой! (оставь), заревѣлъ тотъ и сильно толкнулъ казака.

Тотъ упалъ отъ этого могучаго толчка, способнаго сбить съ ногъ даже дюжину лошадей.

Всѣ дивона вскочили на ноги. Старога Магома-Тузая окружила заволновавшаяся толпа. Глухой ропотъ пробѣжалъ подъ базарными сводами.

— Ну васъ къ чорту, заворчалъ Исса-Вогузъ и поспѣшно сталъ задвигать досками входъ въ свою лавку.

— Уйти, пока чего не вышло, попятился задомъ Шарипъ-бай.

— Бей его! крикнулъ кто-то въ толпѣ.

Человѣка четыре накинулись на казака, только что успѣвшаго подняться на ноги.

— Брось, брось! не трогать, ринулся въ толпу акъ-сакаль Годдай-Аггалыкъ и раздвинулъ ее своею лошадыю.

Сзади, въ базарномъ выѣздѣ, показались силуэты горбоносныхъ конскихъ мордъ и замелькали темныя фигуры, съ торчащими за плечами концами винтовокъ.

Въ кулакѣ чернобородаго свернулъ ножъ, тяжелыя палцы дивона взмахнули высоко въ воздухъ.

— Въ ножи ихъ! громко крикнулъ сѣдобородный мулла и махая рукою, съ пѣною у рта, ничего не видя, не сознавая, ринулся на казаковъ, въ какомъ-то изступленномъ азартѣ.

— Свяжи его, дурака стараго, кушакомъ! распорядился казачій офицеръ, командовавшій коннымъ патрулемъ.

Толпа быстро стала расходиться.

— Предатели! второй разъ предали волкамъ бѣлаго верблюда! задыхаясь, кричалъ сѣдобородный мулла, барахтаясь въ казачьихъ рукахъ.

Ему на голову накинули башлыкъ и завернули концы его на шею.

— Что-же меня вязать? я и такъ пойду, кротко, слезливо глядя по сторонамъ, бормоталъ Магома-Тузай.

— А гдѣ еще одинъ, самый-то рассказчикъ?

— Чернобородный?! онъ сюда побѣжалъ, вотъ въ этотъ переулокъ, кричалъ Исса-Вогузъ, указывая на-лѣво.

— Я тоже видѣлъ: сюда! указалъ нагайкою акъ-сакаль Годдай-Аггалыкъ.

— Здѣсь, здѣсь! кричалъ таджикъ Хакимъ мясникъ. — У меня, за бурьяномъ, на задворкѣ спрятался.

Кинулись на крикъ три казака, и изъ народа человѣка четыре, и вытащили со двора на улицу „чернобородаго“, волкомъ озиравагося на толпу и на-скоро шарящаю у себя на поясъ рукою.

Онъ ножа искалъ; думалъ, что виситъ у него на своемъ мѣстѣ, и забылъ совсѣмъ, что обронилъ его, когда прыгалъ черезъ сундуки джюгуда Иссава, пробираясь къ Хакимову задворку.

И поволокли конные казаки злопудучныхъ дивона къ канскимъ воротамъ, на русскую половину, къ допросу, въ канцелярію начальника города.

И снова закипѣла встревоженная этимъ эпизодомъ базарная жизнь, и снова повалилъ народъ въ чайную лавку Исса-Богуза. Зашуршали приостановившіяся на время точильныя колеса, застучали молотки въ лавкахъ мѣдныхъ и серебряныхъ дѣлъ мастеровъ и зашипѣлъ кипятокъ, полившись изъ самоварныхъ крановъ въ мѣдные чеканенные кунганчики.

Богузъ громко крикнулъ:

— Эй вы, батча, подавай живѣе? Гляди, тамъ въ углу „бай“ чаю спрашиваетъ!

Х.

Бупцы изъ «Кърмине».

Недоѣзжая полуверсты до центрального базара, перебравшись черезъ довольно плохой деревянный мостъ, перекинутый черезъ оврагъ Бо-су, дорога раздваивается: одна идетъ нѣсколько лѣвѣе, къ базару, другая-же круто поворачиваетъ направо и, лѣпясь по обрывистому берегу, безчисленными зигзагами выводитъ въ жилую часть города, занятую преимущественно домами мѣстной аристократіи и только крупными торговыми дѣятелями, имѣющими здѣсь свои обширные караванъ-сарай.

Наружный видъ этой части города, несмотря на отборность ея населенія, мало чѣмъ отличается отъ остальныхъ частей, заселенныхъ болѣе скромными обитателями: тѣ-же узкія улицы, тѣ-же приземистыя сакли съ плоскими крышами, та-же грязь по колѣна въ дождливое время, а въ сухое — мелкая, сѣрая пыль, полуаршиннымъ слоемъ лежащая на дорогѣ. Ни одного окна, ни одной двери не ведетъ прямо на улицу; все это смотритъ во внутрь, сосредоточивая замкнутую жизнь въ своихъ „хане“ (дворахъ), скрытыхъ отъ глазъ посторонняго наблюдателя.

Мертвая тишина стоитъ здѣсь; пусты улицы, лежація въ сторонѣ базарныхъ, проѣздныхъ линій; только въ извѣстные промежутки времени важно проѣзжаютъ по нимъ верхомъ на аргамакахъ сановные обитатели, сопровождаемые пѣшею прислугой. Да

на крышахъ, между зеленью выглядывающихъ изъ-за нихъ фруктовыхъ деревьевъ и стройныхъ, пирамидальныхъ тополей, мелькаетъ иногда цвѣтной рукавъ шелковой рубахи, сверкнувъ два живые глаза изъ-подъ накинутого на голову халата, прозвенить колокольчикомъ голосъ ребенка или послышится веселый женскій смѣхъ, внезапно оборвавшійся, будто-бы затворица во-время спохватилась, сама испугавшись своей смѣлости.

Немного дальше, почти на рубежѣ этой жертвой части города съ живою базарною, виднѣются высокія ворота караванъ-сараявъ и приплюснутые куполы мечетей. Темно-зеленныя группы развѣсистыхъ карагачей бросаютъ густую тѣнь на поверхность заплесневѣлыхъ прудовъ — водныхъ резервуаровъ города. Вездѣ, гдѣ только улица становится шире, образуя небольшія площадки, лежатъ ряды отдыхающихъ верблюдовъ, стоятъ распряженныя арбы, снуютъ и суетятся лаучи и арбакеши. Новые, еще неразгруженные караваны тянутся по улицамъ и сворачиваютъ въ ворота караванъ-сараявъ. Полукруглыя, заостренныя къ верху арки словно всасываютъ въ себя эти цѣпи верблюдовъ, проглатывая одного за другимъ вмѣстѣ съ ихъ вьюками, качающимися по бокамъ, съ ихъ всадниками, кивающими съ высоты сѣдла своими мѣховыми малахаями.

Здѣсь уже шумъ, оживленіе, — не тотъ нестройный, неопредѣленный шумъ базара, а что-то совсѣмъ особенное, опредѣленное; наблюдатель только по слуху, еще издали можетъ разобрать, гдѣ что дѣлается, чѣмъ тотъ или другой караванъ-сарай занятъ.

— У Шарофея чай и табакъ вьючатъ, говорить караванъ-башъ Мангитъ, отбирая верблюдовъ, черезчуръ ужъ потершихъ себѣ спину.

— У русскаго купца опять собрался народъ: все съ желѣзомъ не можетъ покоячить, говорить другой. — Смотри, Ахматъ промѣнялъ-таки своихъ двухъ „наровъ“ (одногорбый верблюдъ изъ Андуки): взялъ четырехъ „тя“ (двугорбыхъ) и ишака авганскаго, — здоровая скотина: я видѣлъ, больше лошади поднимаетъ.

Въ этой-то части города и находился новый караванъ Перловича, передѣланный имъ недавно изъ остатковъ индійскаго караванъ-сарая, сгорѣвшаго во время недавняго землетрясенія.

Этотъ караванъ-сарай былъ отдѣланъ очень роскошно, сооб-

разно съ мѣстными условіями. Недаромъ прїѣзжіе изъ Бухары и Кокана купцы считали первымъ долгомъ завернуть къ „богатому русскому купцу Станиславу-баю Перловичу“, — его имя безъ частицы „бай“ теперь уже не произносилось, — и полюбоваться его просторными навѣсами для отдыха прислуги, крытыми, чистыми сыладами для товара, тѣнистыми галлерейми вокругъ всего двора и почти единственнымъ прудомъ — „хаузъ“, — непокрытымъ зеленою плесенью и незаражающимъ вѣздухъ, какъ большинство остальныхъ городскихъ резервуаровъ.

Едва только посѣтитель вѣзжалъ въ ворота, ему не приходилось привязывать свою лошадь гдѣ попало, на солнцепекъ: для этого ему тотчасъ указывали на сараи вдоль стѣнъ, съ правой стороны воротъ, гдѣ все было уже заранѣе прилажено для своего назначенія. Пройдя черезъ первый дворъ, посѣтитель уже пѣшкомъ попадалъ на второй, нѣсколько меньшихъ размѣровъ. Часть этого двора была занята „хаузомъ“, къ которому вели арники, вводя въ него чистую воду и выводя ее потомъ другими путями далѣе. Посреди другой части находилось довольно большое, четырехугольное возвышеніе, глинобитное, расположенное такъ, что какъ-разъ приходилось подъ густою тѣнью карагачей, роскошною группою поднимающихся посрединѣ двора. Здѣсь помѣщены были большіе вѣсы, съ поднятыхъ лотковъ которыхъ товарные тюки можно было прямо накатывать на арбяныя платформы. Цѣлый рядъ полуворотъ велъ въ просторныя пакгаузы, а лѣвѣе, подъ навѣсомъ, поддерживаемымъ точеными и колонками въ мѣстномъ вкусѣ, расписанными яркими красками и позолотою, находилась рѣзная дверь, ведущая въ помѣщеніе самого хозяина и прїемныя для его гостей.

Перловичу часто приходилось, по своимъ торговымъ дѣламъ, по цѣлымъ днямъ проводить въ караванъ-сараѣ и потому все здѣсь было имъ приспособлено для жизни такъ-же, какъ и въ его городскомъ домѣ.

— Хорошо обстроился, очень хорошо, говорилъ его сосѣдъ Саидъ-Азимъ-бай, побывавъ въ новомъ помѣщеніи Перловича и вернувшись домой.

— Гмъ, хорошо; я думаю, у эмира въ Бухарѣ хуже, согласался съ нимъ его тамыръ (прїятель) Шарофей и, взявшись за луку своего красного, раззолоченнаго сѣдла (онъ собирался вѣз-

жать), остановился, взглянул въ ту сторону, гдѣ изъ-за стѣны видѣлись вершины карагачей въ русскомъ караванъ-сараѣ, и добавилъ, улыбувшись:

— Хорошій человекъ этотъ Станиславъ-бай Перловичъ.

— Хорошій хозяинъ, поправилъ его Саидъ-Азимъ, сдѣлавъ особенное удареніе на словѣ „хозяинъ“.

Станиславъ Матвѣевичъ только-что вернулся изъ города. Онъ слезъ съ лошади, бросилъ поводья черномазому татарину-конюху, расправилъ колѣна, шелькнулъ нагайкой по лакированному раструбу сапога и тихонько поднялся на ступеньки крыльца.

Четыре бѣлыя чалмы разомъ произнесли „хопъ“ и „аманъ“, нагнулись въ поясъ и показали ему верхушки красныхъ тюбетеекъ, вокругъ которыхъ намотано было полотно чалмъ.

— Кто такіе? обернулся Перловичъ къ Шарипу, встрѣтившему его на порогѣ.

— Купцы изъ Кэрмине по вчерашнему дѣлу, отвѣчалъ старшій Шарипъ, съ почтеніемъ принимая отъ своего хозяина шапку, перчатки и нагайку.

— Будьте здоровы! Милости просимъ въ домъ! Давно здѣсь?

Четыре чалмы поднялись такъ-же одновременно, какъ и опустились, и открыли четыре бородатыхъ лица узбекскаго типа.

— Пришли вотъ опять къ тебѣ; были у сосѣда твоего, почтеннаго, достославнаго Саида-Азима-бая; общалъ тоже прійти сегодня сюда, чтобы уже все кончить, произнесъ одинъ изъ купцовъ и, предупредительно рванувшись впередъ, сжалъ легонько обѣими ладонями протянутую ему руку.

— Прійдетъ, Саидъ прійдетъ; онъ мнѣ говорилъ утромъ. Ну, подождите, пока Шарипъ дастарханъ *) приготовить! распорядился Перловичъ, здороваясь по-очередно съ купцами.—Ну, хорошъ путь былъ?

— Твоимъ благочестіемъ доѣхали благополучно! Въ Кызыль-Купуръ на границѣ взяли съ насъ одинъ разъ закятъ со всего

*) Угощеніе изъ разныхъ сластей, на столько-же неизбежное, какъ угощеніе чаемъ въ Москвѣ.

товара, а потомъ въ Дюзакѣ еще разъ, вдвое противъ прежняго. Это такъ и слѣдуетъ?

— Стало быть, слѣдуетъ, когда берутъ. Прошу пожаловать!

Перловичъ прошелъ въ дверь и жестомъ пригласилъ узбековъ слѣдовать за собою. У самаго порога купцы сняли верхнюю обувь, остались только въ однихъ мягкихъ кожаныхъ сапогахъ, въ видѣ чулокъ, „мусса“ и другъ за другомъ, пригнувъ головы, хотя дверь была на столько высока, что самый высокій человекъ не могъ бы достать до притокови верхушкою своей шапки, взошли въ прохладную пріемную, устланную полосатыми коврами, съ мягкимъ, нѣсколько возвышеннымъ сидѣньемъ вдоль стѣнъ комнаты.

Усѣлись. Перловичъ сѣлъ тоже по туземному образцу на коверъ. Два мальчика-батчи принесли кальянъ и подносы съ дастарханомъ.

Гости Станислава Матвѣевича въ первый разъ только находились въ Ташкентѣ. Они пришли съ караваномъ бухарскаго хлопка и табаку, который рассчитывали сбыть здѣсь и закупить партію русскихъ товаровъ, преимущественно ситцу и каленкору. Перловичъ черезъ своихъ агентовъ предложилъ имъ не дожидаться, пока распродается товаръ, а промѣнять имъ ихъ грузъ на готовый товаръ изъ своихъ складовъ, конечно, съ нѣкоторою уступкою.

Дѣло было очень выгодно для Станислава Матвѣевича и не безвыгодно для купцовъ изъ Кэрмине, и сегодня эта сдѣлка должна была оформиться и скрѣпиться; ждали только Саидъ-Азима, который тоже участвовалъ въ сдѣлкѣ, такъ какъ у Перловича въ настоящее время не оказалось всего количества нужнаго товара.

Свѣтлый четырёхугольникъ отворенной настежь двери разомъ загородился массивною фигурою Саидъ-Азима.

— А ну, теперь мы всѣ въ сборѣ, произнесъ Перловичъ; онъ не здоровался съ вошедшимъ, потому что уже видался съ нимъ сегодня утромъ.

— Какъ-же жарко! вздохнулъ Саидъ и, приподнявъ свою кашемировую чалму, оберъ съ лица и головы потъ концемъ шелковаго пояса.

— У насъ еще жарче, замѣтилъ одинъ изъ купцовъ.— Арыки

пересохли; на Чапакъ-аша заперли воду и не даютъ на низы. Боятся наши, какъ-бы рисъ не выгорѣлъ.

— Отчего-же не даютъ? спросилъ Перловичъ.

— Плотина, говорятъ, неисправна; отъ нашихъ народу въ Самаркандъ требуютъ для земляныхъ работъ.

— Послали?

— По человѣку съ каждаго десятка выслали. Много народу пошло; мы обогнали дорогою. Бекъ Заадинскій съ ними.

— Рахмедъ-инакъ?

— А то кто-же. Онъ сидитъ пока крѣпко. Эмиръ ему халатъ прислалъ недавно.

— Халатъ? презрительно скорчилъ губы Саидъ-Азимъ. — У васъ тамъ еще все халаты?! Халатъ что... халатъ вздоръ, а вотъ это!..

Онъ раздвинулъ руками свою густую черную бороду и показалъ большую золотую медаль на владимірской лентѣ.

Не менѣе презрительно пожали плечами купцы изъ Кэрмине и только вскользь взглянули на этотъ яркій металлическій кружокъ, такъ и сверкавшій на лиловомъ бархатѣ Саидъ-Азимова халата.

— Всякому по заслугамъ, равнодушно произнесъ одинъ изъ нихъ.

— А что-же твой муфти, пріятель? пора-бы ему прійти, замѣтилъ Станиславъ Матвѣевичъ и поглядѣлъ на часы.

— Прійдетъ; черезъ полчаса прійдетъ, отвѣчалъ Саидъ, прижавъ указательнымъ пальцемъ дырочку кальяна и собираясь втянуть дымъ. — Я ему все велѣлъ приготовить, какъ прійдетъ, этимъ, — онъ кивнулъ головою на купцовъ, — прійдется только подписать, и дѣло сдѣлано.

— Да, надо-бы кончать, заявилъ ближайшій узбекъ. — И мы-бы даромъ не теряли времени; нагрузились-бы и пошли.

— Поспѣете. Лопатинскихъ прикащиковъ видѣлъ: муку у Шарофея торгуютъ для послѣдняго подряда.

— Что-же, сторговали? процѣдилъ сквозь зубы Перловичъ.

— Цѣну хорошую даютъ, отчего не продать.

— Дуракъ твой Шарофей!

— Что такъ?

— Сядетъ этотъ подлецъ у васъ у всѣхъ на шеѣ, помяните

мое слово; все къ себѣ заберетъ, увидите тогда, спохватитесь — поздно будетъ!

— Всѣмъ дѣла хватить и намъ останется, задумчиво произнесъ Саидъ-Азимъ.

— Объ комъ это онъ говорить? спросилъ купецъ изъ Бэрмине. Остальные переглянулись и стали тихо переговариваться.

— Вчера, я знаю, шепнулъ Саидъ-Азимъ хозяину, — отъ него къ этимъ все-таки присылали надбавку, противъ нашего дѣлалъ...

— Какъ-же, дѣлалъ, подтвердилъ купецъ, разслышавшій объ чемъ идетъ рѣчь.

— И, Аллахъ васъ спаси, съ нимъ связываться, этотъ человѣкъ — ходячая ложь и обманъ.

— Да мы не потому, а какъ-же, когда мы тебѣ уже общались!

— И хорошо сдѣлали; вышли-бы иначе изъ Ташкента пѣшкомъ, въ однихъ халатахъ.

— Оборони пророкъ!

— Что-же ты такъ его чернишь сильно, лукаво улыбнулся Саидъ-Азимъ, — или все за послѣдній подрядъ сердиться? Вѣдь ишь ты сколько грави накидалъ на его голову.

— И Шарофей твой на всю жизнь мнѣ врагомъ сдѣлается, если продастъ ему муку. Лопнетъ онъ съ своимъ подрядомъ.

— То его дѣло, мнѣ что!

— Слушай. Скажи ему, ты его сегодня увидишь еще, скажи ему, что я сверхъ послѣдней Лопатинской цѣны по пяти копейекъ на пудъ надбавки во всякомъ случаѣ дѣлаю.

— Въ убыткахъ будешь, мотнулъ головою Саидъ-Азимъ, какъ-бы думая: вѣдь вотъ чудакъ-то! — Ужь больно ты золь на него. И чего это только вы неподѣлите? Отчего-же теперь наши купцы...

Быстро поднялся на ноги Станиславъ Матвѣевичъ и шагнулъ къ дверямъ. Ему послышались голоса на переднемъ дворѣ.

Собственно одинъ голосъ такъ поразилъ его...

— Коняку моего ты, краснощекий чурбанъ, привяжи гдѣ-нибудь. Сюда что-ли? говорилъ этотъ голосъ въ воротахъ.

— Лопатинъ пріѣхалъ, произнесъ Саидъ-Азимъ, узнавъ голосъ. — Вонъ съ своего иноходца слезаетъ, говорилъ онъ, выглядывая за дверь, — какой-же онъ право толстый!

Перловичъ быстро вышелъ изъ сакли.

Видимо озадаченные, въ полнѣйшемъ недоумѣніи переглядывались между собою оставшіеся купцы. Уже изъ одного только того обстоятельства, что вчера вечеромъ, видимо тайкомъ, были къ нимъ отъ Лопатина подслышны, что-бы отбить отъ Перловича выгодную сдѣлку, пользуясь тѣмъ, что сдѣлка это существовала пока только на словахъ, они догадались о враждѣ этихъ двухъ торговыхъ дѣятелей. Нѣсколько фразъ, вскользь брошенныхъ Перловичемъ и послѣдній разговоръ его съ Саидъ-Азимою окончательно убѣдили ихъ въ этомъ. А тутъ вдругъ, самъ къ нему пріѣхалъ! Что за диковина! Не могли наивные узбеки переварить этого обстоятельства.

— Смотри, подерутся сейчасъ, шепнулъ одинъ другому.

— Онъ безъ ножа пошелъ? Ты не замѣтилъ? спросилъ другой.

— Нѣтъ что-то было въ рукахъ. „Жизнь человѣка и всякаго звѣря, большого и малаго и птицы и рыбы все въ волѣ Аллаха!“

Пронзительный, раздирающій душу вопль пронесся по двору.

— Зарѣзалъ! крикнулъ Узбекъ и вскочилъ на ноги.

Поднялись и остальные трое, сильно поблѣднѣвшіе, смущенные и поспѣшили къ порогу.

— Чему я обязанъ, дорогой мой Иванъ Илларионовичъ, вотъ неожиданность! благодарю, тысячу разъ благодарю!

— Нѣтъ, чтоже, я давно собирался, экъ онъ его ожегъ! и это часто случается?

Станиславъ Матвѣевичъ обнялъ Лопатина правою рукою затылокъ, лѣвою-же поддерживалъ его подъ локоть. Такимъ образомъ, они вошли на крыльце и остановились передъ дверью въ позахъ Чичикова и Манилова.

— Въ старыхъ постройкахъ ихъ попадается довольно много. Поди, скажи Шарипу, чтобы масломъ деревяннымъ тебя намазалъ скорѣе! обернулся Перловичъ къ одному изъ мальчиговъ конюховъ, присѣвшему на землю и скорчившемуся отъ невыносимой боли.

— Какіе эти скорпіоны ядовитые... Онъ вѣрно наступилъ на него.—Что, это не очень опасно? спрашивалъ Лопатинъ.

— Пустяки, сегодня-же къ вечеру здоровъ будетъ, отвѣчалъ Перловичъ—но что это больно—то дѣйствительно; ужасно!—Я

сейчасъ веду подать стулья, эй, Шарипъ! Мы знаете, обжились здѣсь, привыкли уже просто на коврахъ.

— Въ повалку-то?..

— А то, пойдите, пожалуй, на другую половину, на европейскую, я ея называю европейской потому, что она меблирована по нашему. Туда намъ подадутъ кое чего со льдомъ, vous comprenez?

— Отчего-же не здѣсь. Тутъ такъ прохладно. А, Саидъ-Азимъ, пріятель, здорово! А я было къ тебѣ тоже заѣхалъ, да говорить, изъ дому уѣхалъ. Ахъ ты старнй грѣхководникъ!

Лопатинъ потрепалъ Саидъ-Азима по животу.

— Ну, экъ, икнулъ тотъ... однако улыбнулся и произнесъ:

— Другой разъ прійдешь, дома буду.

— Мы поидемъ, робко подступилъ одинъ изъ купцовъ.

Перловичъ сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе.

— А вотъ и мой мулла муфтій пришелъ, сказалъ Саидъ-Азимъ. — Мы сейчасъ и къ дѣлу можемъ прис...

Онъ разомъ остановился, почувствовавъ, какъ Перловичъ дернулъ его за полу халата.

— Да я, можетъ быть, мѣшаю? Вы, пожалуйста, не стѣсняйтесь, поспѣшилъ заявить Лопатинъ.

— Выведи ихъ на второй дворъ я сейчасъ приду, шепнулъ Перловичъ Саиду.

Маленькая, старческая фигурка въ необъятной чалмѣ, въ полосатомъ зеленомъ халатѣ, съ длиннымъ футляромъ подъ мышкою и сверточкомъ проклеенной прозрачной бумаги, сунулась было въ дверь, но, замѣтивъ жестъ Саидъ-Азима, быстро юркнула назадъ и скрылась.

— Хорошо, хорошо, съ большимъ вкусомъ! разсматривалъ Лопатинъ штучный потолокъ и алебастровыя украшенія стѣнъ, дѣлая видъ, что совершенно не замѣчаетъ ничего происходящаго.

Перловичъ проводилъ купцовъ за порогъ, Саидъ-Азимъ помедлилъ съ минуту, побарабанилъ пальцами по своему колѣну, съ видомъ челоуѣка, которому положительно снѣшить некуда, спросилъ Лопатина о состояніи его здоровья и здоровья его домашнихъ, порылся въ фисташкахъ, одномъ изъ основныхъ блюдъ дастархана, и потомъ уже вышелъ изъ сакли. Онъ переступилъ

порогъ медленно, верхніе сапоги надѣлъ еще медленно, за то, шагнувъ за дверь, сразу поддалъ ходу и почти бѣгомъ перешелъ дворовую площадку.

Въ саклѣ, гдѣ Саидъ рассчитывалъ найти купцовъ, ихъ не было... „Куда-же это они дѣлись,“ подумалъ онъ и сталъ оглядываться.

Крикливой голосъ муллы несся съ перваго двора... Грамотѣй горячился и что-то доказывалъ, тамъ-же слышны было и голоса купцевъ изъ Кэрмине.

— Вотъ, Саидъ-бай, они отъ дѣла отказываются! кинулся на встрѣчу Саидъ-Азиму его писецъ.

Вопросительно взглянулъ тотъ на купцовъ... Всѣ четверо стояли кучкою подъ карагачами и пощипывали бахрому своихъ поясовъ.

— Что-же это вы? спокойно спросилъ ихъ Саидъ.

— Мнѣ что-же, я, пожалуй, началъ одинъ изъ нихъ.— Да мой товаръ вмѣстѣ съ другими, какъ его выдѣлишь?

— И ты не хочешь? улыбувшись, обратился Саидъ къ другому.

— Я одинъ, что? какъ другіе. Вотъ они не хотятъ.

— А ты?

— Я уже вмѣстѣ со всѣми, какъ они, такъ и я.

— Ну, мулла, пиши договоръ. Печати съ вами?

— Мы печатей класть не будемъ и договора вашего не хотимъ. Мы уже лучше по-прежнему на базарѣ сдавать будемъ.

— Да вы чего это, вѣтеръ перемѣнили; то съ одной стороны былъ, а теперь вотъ уже откуда дуть начало.

— Слушай, бай, ты одинъ съ нами дѣлай, а „того“ не надо, Богъ съ нимъ. А то мы, пожалуй, съ другимъ, что вчера прислалъ къ намъ; у него въ глазахъ все-таки немного больше правды.

— А лучше всего если мы по-прежнему, на базарѣ, хоть долго, за то вѣрнѣе, а то съ вами связываться—еще бѣды наживешь, е выступишь изъ группы другой купецъ.

— Ложь у васъ на языкѣ, ложь и въ глазахъ, началъ третій, борода съ просьбью и съ укоромъ взглянулъ на Саида-Азима.— А вѣдь съ тобою, бай, прежде можно было дѣло дѣлать.

И не сказавъ прощальнаго привѣтствія, купцы повернулись и

не спѣша пошли къ воротамъ, мелькая изъ-подъ халатовъ зелеными задками своихъ туфель.

Вопросительно посмотрѣлъ мулла-муфтій на Саидъ-Азима и сталъ улаживать въ футляръ свои письменныя принадлежности: камышинныя перья, кривыя ножницы для обрѣзки этихъ камышинокъ, мѣдную ложечку для восковыхъ чернилъ, кисточку для намазыванія печатей и сами печати, сердцеобразныя металлическія пластинки съ вычурными вырѣзными знаками.

Изъ-подлѡбья смотрѣлъ Саидъ-Азимъ на удаляющихся купцевъ и, когда послѣдняя чалма скрылась за воротами, съ досадою плюнулъ въ сторону, прямо на отпечатокъ на пескѣ ноги одного изъ ушедшихъ.

Сильно бросившаяся въ глаза двуличность Станислава Матвѣевича, разомъ пробудила все недовѣріе и подозрительность азіятской природы.

А Перловичъ, сидя, какъ на игловкахъ, съ глазу на глазъ съ Иванъ Илларионовичемъ и, давась глотками холоднаго шампанскаго, ждалъ: когда-же это его позовутъ скрѣпить своею подписью ихъ выгодную сдѣлку.

— Какъ посмотрю я на васъ, на вашу предпріимчивость, на все это вокругъ васъ; какъ это все растеть, обставляется, такъ мнѣ даже немного завидно становится, право! говорилъ Лопатинъ и дружески, нѣсколько даже фамиллярно, притиснулъ слегка къ столу холодную, сухую руку хозяина.

Саидъ-Азиму баю въ эту минуту подавали его аргамака, и онъ, съ помощью конюховъ, лѣниво взбирался на свое высокое сѣдло. Не ловко ему было, да и не хотѣлось какъ-то идти къ Перловичу объявить о несостоявшейся сдѣлкѣ и онъ предоставилъ это своему муфтію, который уже переминался на порогѣ съ ноги на ногу, придумывая оборотъ рѣчи, могущій менѣе всего обидѣть русскаго купца Станиславъ-бая.

Должно быть, на его языкъ наворачнулись, наконецъ, подходящія фразы, потому что мулла рѣшительно крякнулъ, оправился, сложилъ руки на желудкѣ и смѣло переступилъ порогъ комнаты.

Н. Караминъ.

(Продолженіе будетъ.)

ПРОРОЧЕСТВО.

(Изъ А. Петѣфи.)

Мнѣ мать твердила: „Сновидѣнья
Съ небесъ намъ посылаетъ Богъ,
Чтобъ человекъ свой вѣкъ грядущій
Сквозь сонъ порою видѣть могъ.“

И вотъ я помню: мнѣ однажды
Приснился странный, чудный сонъ,
Что въ безпредѣльное пространство
Я былъ на крыльяхъ унесенъ.

„Дитя мое, мой свѣтикъ ясный,
Съ улыбкой мать шептала мнѣ,—
Жизнь долговѣчную пророчить
Тебѣ Господь нашъ въ этомъ снѣ.“

Ребенокъ выросъ: съ страстнымъ жаромъ
Помчался юноша въ свой путь
И только пѣсни облегчали
Въ тѣ дни взволнованную грудь.

Онъ пѣлъ о томъ, что возникало
Въ его душевной глубинѣ
И мчались пламенные пѣсни,
Какъ птицы, къ милой сторонѣ.

Въ своемъ волшебномъ вдохновеньи
До яркихъ звѣздъ взлеталъ пѣвецъ,—
Изъ ихъ лучей ему въ награду
Сплетался славою вѣнецъ.

Но полонъ ядомъ нектаръ пѣсенъ:
Приноситъ въ жертву имъ поэтъ
И сердца пламенные чувства
И жизнь цвѣтущахъ лучшихъ лѣтъ.

Въ адъ превратился сердца пламень—
И въ этомъ сердцѣ съ каждымъ днемъ
Слабѣли жизненныя силы
Подъ этимъ внутреннимъ огнемъ.

Но пробилъ часъ: теперь поэту
Не долго мыслить и страдать,—
Подходить смерть,—а надъ страдальцемъ,
Какъ прежде тихо шепчетъ мать.

„Нѣтъ! не умретъ мой сынъ такъ рано!
Нѣтъ! долголѣчнымъ будетъ онъ!
Я знаю, это воля неба...
Не могъ-же лгать тотъ вѣщій сонъ.“

Да, онъ не лгалъ, моя родная:
Во мнѣ порвется жизни нить,
Но поэтическое имя,
Сверкая, вѣчно будетъ жить.

А. Ш.

СОВРЕМЕННОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНІЕ ПОВОЛЖЬЯ.

VI.

Въ предыдущихъ главахъ настоящихъ очерковъ мы указали на существенныя черты, отличающія экономическій бытъ и производительныя силы верхней части волжской трапеціи отъ характера производительныхъ силъ и экономического быта нижней ея половины. Мы видѣли, какъ первая половина, постепенно утрачивая фізіономію и характеристическія особенности первобытной русской колоніи, въ то-же время какъ-бы теряла свои естественныя творческія силы и искала помощи въ творческихъ силахъ по преимуществу своихъ мышцъ и своего ума. Земля скудѣла, земля утрачивала свою творческую силу отъ поколѣнія къ поколѣнію постоянно нарождавшихся на ней колонистовъ, превратившихся потомъ какъ-бы въ аборигеновъ по отношенію къ новымъ насельникамъ, все еще тянувшимся къ волжской окраинѣ, въ районъ поволжской трапеціи изъ метропольныхъ губерній, давно оскудѣвшихъ и давно переполненныхъ до того, что земля отказывалась уже питать ихъ въ достаточной мѣрѣ. Проѣзжайте теперь по московской губерніи, по самой сердцевиנѣ всѣхъ нашихъ бывшихъ и настоящихъ метрополій, всмотритесь въ тамошнія поля, въ тамошнюю почву, въ характеръ тамошней естественной производительности, и вы увидите ту-же чахлую землю, ту-же истощенную землю, какаѣ васъ поражаетъ въ новгородской губерніи, въ тверской, въ псковской, въ самыхъ старинныхъ нашихъ метрополіяхъ, гдѣ было когда-то, какъ мы видимъ изъ лѣтописей, достаточное плодородіе („вѣліе обильное“), а если и выпадали голодные года, то все-же это были исключительныя бѣд-

ствія, и ихъ лѣтописцы не обходятъ. То-же самое начинается переживать верхняя половина волжской трапеціи. Мы знаемъ о ея производительныхъ силахъ отзывы царя Ивана Грознаго, потомъ императрицы Екатерины II, наконецъ, еще послѣ отзывы академикомъ Палласа и Лепехина. Дѣвственной прелестью дышетъ картина естественныхъ богатствъ этого угла волжской трапеціи, поэтически изображенная въ царственной книгѣ Грознаго. Черезъ двѣсти лѣтъ — громадная разница; но естественная продуктивность, повидимому, еще велика; нѣтъ чухлости въ землѣ; нѣтъ истощенія почвы. Еще черезъ сто лѣтъ, и вотъ населеніе, триста-четыре-ста лѣтъ жившее отъ земли, жившее хлѣбомъ, питается уже только отъ производства гвоздя, отъ дѣланья сундуковъ, тканья рогожъ и цыновокъ и т. п.; а въ противномъ случаѣ оно голодало бы непремѣнно, какъ голодала, на примѣръ, та часть населенія метропольной новгородской губерніи, благосостояніе которой, благодаря инициативѣ земства и его матеріальной помощи, было поднито единственно лишь правильнымъ посѣвомъ картофеля, устройствомъ крахмальныхъ терочныхъ и обезпеченнымъ сбытомъ крахмала.

Между тѣмъ, на этой половинѣ волжской трапеціи, въ общественномъ мнѣніи всей Россіи, все еще продолжаетъ лежать старая историческая репутація, что производительныя силы этого угла трапеціи и экономическій бытъ населенія почти не оставляютъ желать ничего лучшаго. Но надо было ближе всмотрѣться въ обыденную жизнь населенія, подмѣтить распространеніе промысловыхъ кустовъ, въ родѣ расковки гвоздя, уловить не только процентъ населенія, выбывающаго, по нуждѣ, въ отхожій промыслъ, который втеченіи нѣсколькихъ лѣтъ, такъ сказать, высосалъ изъ этого угла до 500,000 однихъ мужчинъ, какъ это недавно замѣчено г. Гацинскимъ, но и процентъ вырожденія, безслѣднаго исчезновенія населенія; надо было призвать на помощь личный осмотръ мѣстностей, изученіе промысловъ жителей, ихъ заработковъ, ихъ крестьянскій бюджетъ и число рабочихъ часовъ въ днѣ, употребляемыхъ, огульно, всѣмъ населеніемъ, отъ стариковъ до дѣтей, чтобы видѣть громадный переворотъ въ экономической жизни этого угла, особенно въ сравненіи его съ самарско-саратовскою частью волжской трапеціи. Переворотъ этотъ подмѣченъ недавно, по поводу совершенно посторонняго обстоятельства: замѣ-

чено было, что почему-то нѣтъ прироста въ населеніи этого угла трапеціи, нѣтъ какъ-бы естественнаго народженія, а представляется явленіе обратное, такое явленіе, которое менѣе всего желательнo въ жизни государства, — вырожденіе населенія, превышеніе процента смертности надъ процентомъ рожденій, выселеніе или вообще какое-то непонятное исчезновеніе населенія, какое обыкновенно замѣчается въ мѣстностяхъ наиболѣе бѣдныхъ, какъ-бы самую природою обреченныхъ на безлюдье, на гибель, и которое въ послѣднее время подмѣчено въ губерніяхъ архангельской, вологодской и псковской. По поводу такого явленія, обнаруженнаго „Статистическимъ временникомъ“ (т. II), Мельниковъ писалъ секретарю нижегородскаго статистическаго комитета г. Гадинскому, и между прочимъ, замѣчаетъ: „Есть какая-то причина, препятствующая нормальному приращенію населенія въ нижегородской губерніи, причина давняя, идущая за тридцать лѣтъ передъ симъ и болѣе. Въ чемъ-же она заключается? Нижегородская губерніи хлѣбородна; ее нельзя сравнить въ этомъ отношеніи ни съ сѣверными губерніями, ни съ бѣлорусскими; промыслы въ ней развиты болѣе, чѣмъ во многихъ другихъ губерніяхъ, въ ней соединяются двѣ главныя внутреннія рѣки Россіи, къ Нижнему проведена желѣзная дорога, въ южной части губерніи мѣста черноземныя, хлѣбородныя, не хуже тамбовскихъ или казанскихъ; по разнообразію промысловъ едва-ли найдется въ Россіи другая губерніи, подобная нижегородской. Словомъ, нижегородская губерніи, по своимъ географическимъ, климатическимъ и экономическимъ условіямъ, представляетъ такую, въ которую-бы, казалось, должно было приливать населеніе изъ другихъ губерній (и оно приливаетъ въ нѣкоторыя ея мѣстности). Отчего-же народа не прибываетъ въ ней, даже путемъ обычнаго естественнаго приращенія?..“ (Нижегород. сборникъ, А. Гадинскаго, т. IV, 312).

Въ вопросахъ и замѣчаніяхъ г. Мельникова — отголосокъ прежней, установившейся исторической репутаціи этого угла волжской трапеціи; недоумѣніе это — то-же, что практическое недоумѣніе и теоретическое разрѣшеніе этого недоумѣнія, которое мы видѣли въ письмѣ Екатерины II къ Панину, и которое сводилось къ тому выводу, что „тамъ люди лѣнны“. Не то говоритъ актъ настоящаго времени и ближайшее изученіе, въ совокупности, всѣхъ условій жизни: это изученіе, на мѣстѣ, всѣхъ невидимыхъ сто-

ронъ экономическаго быта доказываетъ, что тамъ „люди не лѣнны“. Это подтверждается самимъ распредѣленіемъ рабочихъ часовъ. Такъ какъ теперь земля тамъ не прокармливаетъ населенія, то народъ питаетъ себя кустарнымъ промысломъ, чѣмъ только можно, и вотъ, между прочимъ, какъ онъ работаетъ надъ тканьемъ рогожъ, именно на Алатарѣ, въ селѣ Кочкуровѣ, тамъ гдѣ прежде были „лѣнныя люди“, по замѣчанію императрицы, вслѣдствіе богатства почвы: шесть человѣкъ хорошихъ рабочихъ въ состояніи сработать въ недѣлю только одну сотню рогожъ; двое такихъ-же хорошихъ рабочихъ могутъ шить изъ этихъ рогожъ сотню кулей въ сутки; изъ шести ткачей обыкновенно трое работаютъ, а трое отдыхаютъ; при этомъ работа между ними распредѣляется такъ, что на сонъ каждому изъ шести рабочихъ, особенно въ жаркую пору работы, т. е. въ спѣшную пору, выпадаетъ не болѣе *трехъ часовъ въ сутки*, слѣдовательно, *21 рабочій часъ въ сутки*, всю ночь рабочее село горитъ огнями, потому что когда одна смѣна ложится спать, что бываетъ въ 1-мъ часу ночи, другая встаетъ; освѣщаются избы при этой работѣ березовою лучиной; въ 8 часовъ утра всѣ вмѣстѣ завтракаютъ, въ 1-мъ обѣдаютъ, въ 10-мъ ужинаютъ; послѣ завтрака, обѣда и ужина и даже во время этой ѣды не отдыхаютъ, а ѣдятъ между дѣломъ, второпяхъ. Работаютъ мужчины, женщины и дѣти, послѣднія начиная обыкновенно съ 6-лѣтняго возраста. „Этихъ несчастныхъ ребятишекъ (замѣчаетъ изслѣдователь этого кустарнаго промысла) поднимаютъ на работу отъ сна силой, потому что сами они еще не въ состояніи сообразить всей ея необходимости и всѣхъ неотразимыхъ послѣдствій отъ каждаго пропущеннаго часа; только самый нѣжный и сердобольный отецъ поднимаетъ своихъ ребятъ какимъ-нибудь часомъ позднѣе, т. е. часа въ 2 ночи. Недѣля такого неимовернаго труда даетъ шести хорошимъ рабочимъ выручки около 5 р., хотя плата эта относится лишь къ высшему сорту рогожъ; средній и низшій сортъ оплачиваются всего 2-мя рублями съ сотни. По-этому, полагая средней цифрой задѣльной платы въ недѣлю около 3 р. на 6 человѣкъ, мы найдемъ, что одинъ рабочій получить въ недѣлю только 50 к. или $8\frac{1}{3}$ к. въ сутки (тамъ-же, 332—333).

Вообще новѣйшія изслѣдованія обнаруживаютъ, что оскудѣ-

ніе почвы волжской трапеціи уже совершилось и еще продолжает идти по нисходящей линіи очень быстрыми шагами, пока этому экономическому ниспаденію и пониженію уровня народнаго благосостоянія не будут поставлены разумныя преграды, болѣе сильныя, чѣмъ тѣ сложныя, явныя и скрытыя причины, которыя ведутъ населеніе этого угла къ нищетѣ, къ вырожденію, а край незамѣтно обезлюдѣваетъ. Несомнѣнно, что если въ данной мѣстности еще дѣло не дошло до „положительнаго“ уменьшенія народонаселенія, то оно дошло уже до „относительнаго“, т. е. до пониженія, и притомъ постепеннаго, правильнаго, ежегоднаго пониженія цифры избытка рождаемости передъ смертностью и другою убылью. Это пониженіе идетъ уже, какъ замѣтилъ и г. Мельниковъ, тридцать лѣтъ не останавливаясь, „и чѣмъ ближе къ намъ, тѣмъ рѣзче и рѣзче“, замѣчаетъ г. Гадинскій. „Неужели слѣдуетъ искать причинъ, объясняющихъ это явленіе, въ пониженіи нашего экономическаго состоянія за послѣднее время? (Спрашиваетъ онъ далѣе). Факты, по крайней мѣрѣ, по отношенію къ нижегородской губерніи, ясно говорятъ — да!“ Положеніе это, по словамъ г. Гадинскаго, „къ сожалѣнію, оправдывается не одними только голыми цифрами“. Отвѣчая г. Мельникову собственно по вопросу объ уменьшеніи народонаселенія данной мѣстности и связывая это явленіе, по выработаннымъ уже статистическою наукою законамъ вытекаемости извѣстной категоріи явленій изъ извѣстной категоріи причинъ, какъ стимуловъ нравственныхъ и физическихъ, — съ экономическими причинами, г. Гадинскій замѣчаетъ: „Просмотрите матерьялы, печатающіеся въ издаваемомъ нижегородскимъ статистическимъ комитетомъ, подъ моею редакціею, „Нижегородскомъ Сборникѣ“ *), и вы убѣдитесь, что я имѣлъ полное право сказать, въ предисловіи ко II-му тому „Сборника“, слѣдующія прискорбныя слова: „Что-бы ни говорили наши „душевные оптимисты“ и

*) Къ чести нижегородскаго статистическаго комитета слѣдуетъ отнести, что изданія его, выходившія подъ редакціею г. Гадинскаго, положительно могутъ быть названы лучшими изданіями между всѣми тѣми скудными трудами, которые печатались всѣми остальными статистическими комитетами въ Россіи. Желательно было-бы, чтобы больше было такихъ добросовѣстныхъ и разумно составленныхъ изданій, какъ нижегородскія: тогда-бы мы дѣйствительно знали Россію не поверхностно, не по-наслышкѣ, и знали-бы самыя нужды населенія.

„оптимисты на случай“, видящіе въ существующемъ земельномъ надѣлѣ, въ положеніи многочисленнѣйшаго слоя населенія всяческіе залого обезпеченнаго его состоянія, ничего неоставляющаго и желать, мы согласны со взглядомъ на бѣдственное положеніе большинства, высказываемымъ тѣмъ дикимъ лагеремъ, представителемъ котораго является газета „Вѣсть“ (писано въ 1869 г.), но только совершенно инныя желанія возбуждаетъ въ насъ это положеніе большинства“; и далѣе: „Привыкли у насъ думать, что нижегородская губернія — богатая губернія; привыкли въ нижегородской губерніи думать, что лукояновскій уѣздъ — золотое дно ея, съ обезпеченнымъ вполнѣ населеніемъ; насколько это справедливо, по отношенію къ лукояновскому уѣзду, доказываютъ частныя описанія, относящіяся къ нему, и одно общее — Н. И. Русилова, несмотря на его-же собственныя слова, что мѣстное народонаселеніе находится въ довольно благопріятныхъ условіяхъ для приложенія своихъ рукъ. Что-же дѣлается въ другихъ уѣздахъ, гдѣ населеніе находится въ менѣе благопріятныхъ отношеніяхъ?“

На то отвѣчаютъ весьма вѣскія данныя, наполняющія собою пѣлыхъ четыре тома изданій нижегородскаго статистическаго комитета и рисующія совершенно въ новомъ свѣтѣ этотъ — если вѣрить прежнимъ свидѣтельствамъ — счастливый нѣкогда уголь волжской трапедии, въ настоящее время спустившійся до уровня оскудѣвшихъ мѣстностей по бассейнамъ окскому, обоимъ двинскимъ и такъ называемой алаунской плоской возвышенностямъ, включая сюда, конечно, и бѣлорусскій край. „Вотъ почему — продолжаетъ г. Гадинскій въ отвѣтѣ г. Мельникову, — я рѣзко расхожусь съ мнѣніемъ, высказаннымъ въ вашемъ письмѣ, относительно того, что „нижегородская губернія принадлежитъ къ разряду губерній хлѣбородныхъ“, полагая, что вы этимъ хотѣли сказать, что она принадлежитъ къ разряду зажиточныхъ. Нѣтъ. Это мнѣніе, правда, существуетъ; оно когда-то и почему-то установилось, но внимательное изученіе современнаго положенія экономическаго быта нижегородской губерніи привело меня къ совершенно инымъ выводамъ, на которые я считаю своей обязанностью громко указывать при всякомъ удобномъ случаѣ, для того, чтобы подорвать это ложное мнѣніе. Припомните фактъ, о которомъ никто не спорить, что населеніе крупной половины нижегородской губерніи (всего заволжья) постоянно голодаетъ, сидя на своемъ голодномъ

пескъ, и всегда покупаетъ хлѣбъ на сторонѣ; но припомните и то, что правая, нагорная сторона Волги, составляющая нижегородскую губернію, только *считается* хлѣбородною. По показанію „Памятной книжки нижегородской губерніи“ на 1865 годъ — и это показаніе никто не заподозритъ въ пристрастіи — почти полныхъ 8 уѣздовъ, изъ 11-ти (семеновскій, балахнинскій, заволжская часть макарьевскаго, васильскаго и части уѣздовъ горбатовскаго, нижегородскаго, арзамасскаго и ардатовскаго), принадлежатъ къ числу нуждающихся въ стороннемъ хлѣбѣ, остальные же три уѣзда (княгининскій, сергачскій и лувожановскій) только *болѣе или менѣе* обеспечены своимъ собственнымъ хлѣбомъ... И выходитъ, что порядочно живетъ лишь той незначительной долѣ населенія, которая занимаетъ два ничтожныхъ клочка земли, такъ называемыя запьяновскую и започинковскую стороны; но вѣдь подъ ними нельзя разумѣть всей нижегородской губерніи, и если въ риторикѣ существуютъ фигуры, принимающія часть за цѣлое и обратно, то въ опредѣленіяхъ степени и районовъ народнаго благосостоянія такой риторической вольности допустить никакъ нельзя“ (тамъ-же, 316 — 318).

VII.

Подвигаемся снова къ югу по волжской трапеціи, не переходя, однако, до времени въ заволжскую или самарскую ея часть, какъ мѣстность, обнаруживающую совершенно инныя черты экономическаго быта и производительности, и придерживаясь пока нагорной стороны трапеціи, за которой остается относительно большая историческая давность: она была уже русскою окраиною и колонию, когда заволжье, можно сказать, еще не существовало въ смыслѣ государственномъ.

Изъ чисто-кустарныхъ промыслово-рабочихъ мѣстностей мы переходимъ на врѣзавшіеся въ эти мѣстности клинья земли иного свойства. Это — упомянутыя выше „запьяновская“ и „започинковскія стороны“. Первая — это клочъ земли, ограничиваемый забѣгающею въ нижегородскую губернію изъ симбирской и вновь въ послѣднюю убѣгающею рѣкой Пьяной. Вторая, започинковская — это клинь земли, меньшій, чѣмъ запьянье, лежащій къ югу

отъ заштатнаго города Починокъ. Замѣчательно, что съ этой чертой, съ Починками, соединилось даже въ народѣ особенное характеристическое представленіе, давшее самимъ починкамъ нарицательное значеніе: Починки — это „починки безхлѣбья и безземелья“, когда вы вступаете въ эту мѣстность или переходите починковскую демаркаціонную линію, подвигаясь по волжской трапеціи въ обратномъ направленіи, съ юга на сѣверъ, отъ Саратова къ Нижнему. Выше этой линіи массы дѣтей и женщинъ, особенно въ наименѣе урожайный годъ, встрѣчаются по дорогамъ. въ селахъ и при переправахъ черезъ рѣки, съ котомками и съ сумами: это — започинковская сторона проситъ хлѣба, собираетъ милостыню. Но чѣмъ южнѣе вы подвигаетесь, тѣмъ рѣже встрѣчается это явленіе, хотя и тутъ вы часто видите признаки безхлѣбья, малоземелья, а селенія смотреть какими-то черными, безпорядочными кучками, безъ хозяйственныхъ построекъ, безъ торчащихъ у окраинъ одоньевъ хлѣба, съ маленькими, такими-же черными, точно заброшенными церквями. Въ поляхъ рѣдко попадаются ометы сѣна или стада. А между тѣмъ черная, а мѣстами красноватая земля вырыта, искрещена полосами, паралелограммами и квадратами пашень. Села обнаруживаютъ признаки иного рода труда, котораго не знаютъ, или почти не знаютъ села южной половины волжской трапеціи: это „трудъ сидячій“, тотъ трудъ, который у кабинетнаго труженика или у чиновника, а равно у городского и фабричнаго рабочаго портитъ кровь, сущитъ грудь, ослабляетъ преждевременно силу нервовъ и ясность зрѣнія, съ чѣмъ еще мало знакомъ крестьянинъ, осѣвшійся въ болѣе новое время на самарскихъ, николаевскихъ, новоузенскихъ, балашовскихъ, аткарскихъ и камышинскихъ степяхъ и равнинахъ. Этотъ сидячій трудъ выпадаетъ на долю одной части населенія помянутыхъ „черныхъ“ селъ, а равно на долю женщинъ и дѣтей; другую половину населенія вы не увидите ни на селѣ, ни въ полѣ—она потянулась въ „отхожій промыселъ“, хотя не такъ повально, не такими поголовными массами, какъ идетъ всюду костромичъ, владимірецъ, частью нижегородецъ.

„Сидячій трудъ“ и „отхожій промыселъ“ въ этой мѣстности волжской трапеціи, начиная отъ починковской черты чрезъ всю симбирскую губернію и кончая широкой полосой земли ниже сѣверныхъ окраинъ саратовской, давно уже борется и, повидимому,

начинает оспаривать незавидное первенство передъ трудомъ болѣе или менѣе колониальнаго характера, примитивнаго, земельно-хлѣбнаго. Но сидячій трудъ на пространствѣ этой полосы, имѣя характеристическія точки соприкосновенія съ такимъ-же сидячимъ трудомъ самаго верхняго угла волжской трапеціи, угла нижегородскаго, въ то-же время представляетъ не мало своеобразныхъ особенностей, вытекающихъ изъ условій мѣстности. Тамъ, напр., въ верхнемъ углу разросшійся кустъ кочкуровскаго рогожнаго производства захватываетъ собой селенія Кенду, Саятовку, Целу Казенную, Ильинское, Пузо, Сыратино, Усадъ, Дивѣво, Новоспасское, Наруксово, Константиново, Ризоватово, Мадаево, Березовку, Новоалександровку и Починки; кустарная расковка гвоздя остается за песчаной Красной Раменью; кустарная выдѣлка саней привилась преимущественно къ Большому и Малому Болдину и Львову; стально-слесарное производство получило громкую извѣстность на всю Россію, выходя изъ промысловыхъ кустовъ Ворсмы (перочинные ножи Завьялова и пр.), Павлова, Богородскаго и др.; село Избылецъ около Горбатова снабжаетъ почти всю Россію своими прядильно-канатными издѣліями и снастями, обогативъ въ то-же время нашу техническую терминологию названіями снастей — „бичевка ходовая“, „тяжъ“, „постромка“, „межеумокъ“ и т. п. Здѣсь, ниже починковской черты, сидячій трудъ тоже дѣлаетъ усилія обособить свои промысловые кусты и завоевать себѣ если не монополію, то, по малой мѣрѣ, почетное мѣсто въ ряду кустарныхъ промысловъ Россіи. Его также вызвалъ живѣйшій экономической стимулъ — нужда, хотя не въ такой степени усилившая здѣшнее населеніе, какъ въ верхнемъ углу трапеціи, гдѣ кустарное производство и сидячій трудъ вообще угнѣздились въ мѣстностяхъ или въ селеніяхъ, сидящихъ на „холодномъ пескѣ“. Здѣсь крестьяне, еще до освобожденія отъ крѣпостной зависимости, вслѣдствіе недостатка земли, съ давнихъ поръ съ барщинами посажены были на оброкъ, т. е. на необходимость не отработывать урочные дни и часы, а зарабатывать оброчныя донги: напр., въ самыхъ многочисленныхъ и промысловыхъ селеніяхъ алатырскаго уѣзда, именно тамъ, гдѣ, по поверхностному наблюденію царственной путешественницы, „люди лѣнны“, но гдѣ, на самомъ дѣлѣ, пашенной земли приходилось, до освобожденія крестьянъ, не болѣе 1 дес. на

душу (Сбор. истор. и статис. матер. симбир. губ., отд. IV, 21). И вотъ Порѣцкое историческимъ путемъ дошло до прочно уже установившихся промысловъ—изготовленія оконныхъ рамъ, мебели, дверей, паркетовъ, а въ кузнечномъ, слесарномъ и мѣдномъ мастерствахъ до специальной оковки экипажей и колесъ, выдѣлыванія земледѣльческихъ орудій, изготовленія судового гвоздя, якоря, желѣзной и мѣдной посуды и даже самоваровъ. Астрадамовка развила выдѣлку кожъ, изготовленіе сапоговъ и преимущественно рукавицъ, гнутые колесъ и дугъ. Въ сотняхъ другихъ селъ этой мѣстности угнѣздился сидячій трудъ, обособившій отчасти свои собственныя ремесленныя производства: валянье шлѣпъ, войлоковъ и сапоговъ-валенковъ, гнутые полозьевъ, бондарничество, синенье пряжи, тканье кулей и рогожъ какъ и въ Кочкуровѣ верхняго угла волжской трапеціи, а равно слесарное производство.

Весь этотъ разнообразный сидячій трудъ, при недостаткѣ и скудости питательныхъ силъ земли, даетъ кусокъ хлѣба сотнямъ тысячъ народа данной полосы поволжья.

Въ тѣхъ-же „черныхъ“ селеніяхъ, въ которыхъ вы какъ-бы замѣчаете отсутствіе жизни, отсутствіе самого населенія, какую-то пустоту и въ избахъ, и на грязныхъ улицахъ, и на тощихъ поляхъ—тамъ нужда вызвала отхожій промыселъ и выгнала большую часть населенія туда, гдѣ и питаться легче, и зарабатывать копѣйку выгоднѣе. Это селеніе, большею частію „пораженное бурлачествомъ“, т. е. необходимостью, за неимѣніемъ другого заработка, идти въ бурлаки. Но и бурлачество въ послѣднее время сильно подорвано развитіемъ пароходства и желѣзнодорожной транспортировки владѣй. Бурлакамъ по рожденію надо было искать другихъ заработковъ, что не всегда легко достигается. Въ отхожій промыселъ по необходимости должно было превратиться „коновальство-знахарство“, изъ поволжскаго крестьянина сдѣлавшее нѣчто въ родѣ цыгана, которые всѣ—по прозванію коновалы и знахари. Такъ, на примѣръ, въ бродячихъ цыганъ превратилась почти вся жемаринская волость (села Жемарулино, Скрипино и друг.), ардатовскаго уѣзда, симбирской губерніи: населеніе жемаринской волости замѣчательно оригинальнымъ отхожимъ промысломъ, который мѣстные жители сами называютъ коновальствомъ; но эти коновалы не столько лечатъ лошадей, сколько знахарствуютъ. Отправляясь на свой промыселъ, они заходятъ очень далеко,

въ губерніи вятскую, пермскую, оренбургскую и друг.; коповалы набирають съ собою разныхъ травъ лекарственнаго свойства, большею частію, конечно, безвредныхъ, и травами этими пользуют народъ, изгоняють злыхъ домовыхъ, ворожатъ при помощи напештыванья разныхъ заговоровъ и народныхъ молитвъ. Этихъ коповаловъ кормить не земля, а ихъ знахарство, которое даетъ имъ средства и на уплату податей. Жемаринская волость—центръ кушта коповаловъ-знахарей; но этимъ промысломъ занимаются также жители и другихъ селеній ардатовскаго уѣзда, именно въ Кляжухѣ, Ростислаевѣ и Меленкахъ, затѣмъ въ селѣ Щукинѣ—курмышскаго уѣзда, Михайловкѣ—буинскаго и друг. (тамъ-же, 97—103).

Хотя искони въковъ существуетъ справедливое мнѣніе, имѣющее за собою историческую давность, что земледѣльческій трудъ тяжелъ, что человѣкъ, папущій землю, поливаетъ ее своимъ потомъ и „въ потѣ лица сѣждаетъ“ этотъ извлеченный имъ изъ земли кусокъ хлѣба, однако, не менѣе, если не болѣе того, тяжелъ и сидячій трудъ и отхожій промыслъ. Дѣйствительно, если-бъ земля даже въ достаточномъ количествѣ давала рабочему кусокъ хлѣба, то нечего ему было-бы сидѣть по 21-му часу въ сутки за тканьемъ рогожи и циновки, за отдѣлею перочинаго ножичка и микроскопическаго замочка, нечего ему было-бы ходить въ отхожій промыслъ за сотни и тысячи верстъ отъ своего роднаго села, чтобъ тянуть ляжку—да и всегда-ли еще онъ находить эту ляжку?—чтобъ косить башкирское или казачье поле отъ самой ранней лѣтней зари до самой поздней. Мы часто видѣли на пространствѣ богатой волжской трапеціи толпы обносившихся и голодныхъ бурлаковъ, которые, не вынося непосильнаго труда при сплавѣ барокъ съ богатою „золотою“ пшеницею кубанкою, гирькою и переродомъ по рѣкамъ Медвѣдицѣ, Хопру и Дону, бросали на произволъ судьбы караваны сопровождаемыхъ ими барокъ, бросали свои паспорта у хозяевъ, бросали даже свои заработныя деньги и шли съ Дона на родину, куда-нибудь въ курмышскую и буинскую глушь, скудно питаясь нищенскимъ, не всегда получаемымъ подаліемъ. А эту „золотую“ пшеницу тоже добывалъ изъ земли такой-же рабочій, какъ бурлакъ, только не съ такимъ убивающимъ трудомъ, и добывалъ ее въ нижней и заволжской части описываемой нами

трапеціи. Изъ отхожаго промысла, какъ съ войны, не возвращается значительный процентъ работниковъ: много ихъ остается на волковомъ и смоленскомъ владбищахъ въ Петербургѣ, въ Москвѣ; много крестовъ попадаетъ по берегамъ Волги, Дона, Медвѣдицы, Хопра, Суры, Цны, Оки, Камы—и все это надъ одинокими, сиротствующими могилками воиновъ отхожаго промысла. Цѣлое владбище бурлаковъ можно найти въ Ростовѣ-на-Дону, и лежатъ тамъ вятичи, лаишевцы, курмышане, костромичи и т. д. Нижняя, болѣе богатая половина волжской трапеціи, особенно богатые города поволжья полны пришлымъ элементомъ: все это факторы отхожаго промысла — кучера, поденщики, сторожа уличные и въ садахъ, пыльщики (самый эпитетъ отъ пыльного промысла, приложенный къ понятію работы, означаетъ трудъ непосильный; „пыльная работа“—это въ поволжьѣ означаетъ самую тяжелую, самую „потную работу“); дровоколы, ледоколы, кровельщики, бондари, печники, шавалы-швцы, коновалы-знахари и вся безконечная нить разныхъ рабочихъ, повидимому, ничтожныхъ специальностей, которыя созданы человѣческой нуждою и роскошью.

Болѣе 80,000 душъ обоего пола крестьянъ одной симбирской губерніи уже не находятъ себѣ заработковъ на родинѣ и принуждены искать средствъ къ существованію на сторонѣ, въ тяжеломъ отхожемъ промыслѣ. Замѣчательно, что это скитаніе для пріисканія работы, при неустановившихся формахъ болѣе или менѣе правильной экономической жизни, принуждаетъ крестьянъ экономически тяготѣть къ такимъ мѣстностямъ, тяготѣніе которыхъ относительно волжской трапеціи казалось-бы положительно невыслышимъ; нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, конечно, что ардатовцы, курмышане, алатырцы и другіе обитатели средняго поволжья своими отхожими промыслами тяготѣютъ къ хлѣбородному заволжью, гдѣ они находятъ заработокъ въ уборкѣ хлѣба, къ саратовской и оренбургской губерніи, наконецъ, къ Дону, гдѣ, при недостаткѣ рабочихъ рукъ, чувствуется нужда въ пришлыхъ рабочихъ силахъ; неудивительно также и то, что пути тяготѣнія отхожихъ промысловъ сходятся въ нашихъ промышленныхъ и торговыхъ центрахъ—въ Нижнемъ-Новгородѣ, Москвѣ, Петербургѣ, даже въ Сибири, куда поволжскіе рабочіе нерѣдко идутъ для найма на золотые пріиски; но удивительно и положительно необъяснимо, какимъ образомъ изъ поволжья, изъ симбирской гу-

берніи, рабочіе рѣшаются пробираться въ кіевскую губернію: тысячи верстъ они проходятъ пѣшкомъ, чтобы наняться на тамошніе сахарные заводы, и оттуда снова возвращаются на родину съ скуднымъ заработкомъ, чтобы опять потомъ для новаго заработка колесить черезъ всю почти центральную Россію. Такія странныя, повидимому, нарушенія законовъ экономического передвиженія, трудно поддаются наблюденію нашихъ изслѣдователей. Это просто метанье слабыхъ, бродячихъ экономическихъ силъ, неумѣющихъ отбиться отъ нужды, благодаря патріархальнымъ приемамъ земледѣльческаго труда.

Самыя большіе проценты вытѣсняемыхъ этою нуждою изъ симбирской губерніи отхожихъ крестьянъ выпадаютъ на долю уѣздовъ ардатовскаго, алатырскаго и сєнгилеевскаго, именно отъ 25% до 30% всего мужского населенія, не исключая дѣтей; или, другими словами, до половины наличнаго мужского рабочаго населенія въ этой мѣстности не находятъ для себя средствъ къ существованію.

Но чѣмъ ниже подвигаетесь вы по этой половинѣ волжской трапеціи къ окраинамъ саратовской губерніи, тѣмъ замѣтнѣе понижается процентъ населенія, вынужденнаго искать заработка вдали отъ родины.

VIII.

Отхожій промыслъ населенія поволжской трапеціи, имѣя свои невыгодныя стороны, едва-ли, однако, можетъ вызывать такія серьезныя опасенія за судьбу нашихъ земледѣльческихъ классовъ, какъ, въ большинствѣ случаевъ, трудъ осѣдлый или промыслъ сидячій, при настоящихъ его условіяхъ. Трудъ на сторонѣ таеъ или иначе окупается нѣсколько выгоднѣе, чѣмъ трудъ прикрѣпленнаго къ мѣсту работника, которому не на кого покинуть семью. Тамъ представляется еще возможность излишняго заработка, усиленной платы за трудъ, смотря по увеличенію процента запроса на рабочія руки. На желѣзныхъ дорогахъ средняго поволжья, при сооруженіи полотна дорогъ, хотя симбирскій, пензенскій и даже мѣстный саратовскій землекопъ конкурировалъ съ массами рабочихъ, нахлынувшихъ въ поволжье изъ смоленской и другихъ скудныхъ губерній, однако, заработная плата при всемъ этомъ не

могла понизиться до того, чтобы превратить задѣльную выручку въ отрицательную величину, какъ это иногда и случается. Молодой парень изъ „черныхъ“ алатырскихъ или буинскихъ селеній, гдѣ земля не даетъ достаточнаго обезпеченія, пробравшись въ Петербургъ и имѣя крѣпкія ноги, поступаетъ въ полотеры. Артель молодыхъ поволжанъ поступаетъ къ хозяину по 8 руб. въ мѣсяць и, имѣя извѣстный районъ домовъ и магазиновъ, гдѣ хозяинъ заподряженъ для чистки паркетовъ, распределяетъ между собою работу, по-возможности поровну. Работа продолжается отъ утра, не особенно ранняго, съ 9-ти и 10-ти часовъ и продолжается до 2-хъ пополудни; затѣмъ отдыхъ до вечера, т. е. большею частію до сумерекъ или, смотря по времени года, по 6-й или по 7-й часъ, а послѣ этого работа возобновляется часа на два, на три и болѣе. Артель состоитъ у хозяина на семь готовомъ. Каждый парень, такимъ образомъ, получаетъ чистаго заработка отъ 90 до 100 руб. и болѣе въ годъ или отъ 2 до 3 руб. въ недѣлю, работая, положимъ, отъ 10 до 12 часовъ въ сутки.

Посмотримъ теперь, что могъ заработать этотъ-же алатырскій парень, оставаясь въ среднемъ поволжьи, въ своемъ родномъ селѣ Порѣцкомъ, и какою суммою труда могъ-бы добываться для него этотъ заработокъ.

Въ селѣ Порѣцкомъ, между прочимъ, кустарно развитъ слесарный промыселъ, — кустарное производство мелкихъ стальныхъ и желѣзныхъ издѣлій. Петербургскій парень полотеръ вышелъ именно изъ семьи такого слесаря и долженъ былъ унаслѣдовать занятія своего рода, своего куста. Жизнь и трудъ такого куста распределяются слѣдующимъ образомъ: для того, чтобы кормиться втеченіи недѣли и притомъ кормиться не на хозяйскій счетъ, а на свой собственный заработокъ, рабочій отправляется въ базарный день за покупкой рабочаго матерьяла на недѣлю и хлѣба тоже на недѣлю, потому что, живя и работая изо дня въ день, онъ не въ состояніи сдѣлать для себя запасовъ ни въ матерьялѣ, ни въ кормѣ. Матерьялъ покупается у торговцевъ, получающихъ его изъ Нижняго и потому значительно набавляющихъ цѣну за провозъ, за помѣщеніе, проценты комиссіонерскіе, торговые, пошлинные и проч. Работа слесарнаго куста, какъ и рогожнаго, начинается съ полночи, т. е. день для рабочаго начинается въ 12 часовъ ночи,

когда петербургскій полотерь въ это время давно спитъ. Втеченіи шести часовъ онъ работаетъ безъ промежутка и безъ ѣды. Въ 6 часовъ утра завтракаетъ, когда петербургскій полотерь еще спитъ или только просыпается. Здѣсь настааетъ отдыхъ; но, какъ это соблюдается и въ наемной поленной работѣ, не болѣе часу. Съ семи часовъ работа возобновляется и продолжается безъ перерыва до двухъ часовъ пополудни. Въ это время кусть обѣдаетъ, проработавъ, такимъ образомъ, въ утро, въ первую половину дня, одиннадцать часовъ. Затѣмъ, послѣ часового отдыха, а иногда и совершенно безъ отдыха, особенно въ горячее время, передъ базарами и мѣстными ярмарками, слесарный кусть опять садится за работу, которая тянется до 9 часовъ вечера. Здѣсь слѣдуетъ ужинъ и сонъ до 12 часовъ, т. е. сплошныхъ два или три часа. Всего слесарный кусть тратитъ на сонъ и отдыхъ четыре часа, а около двадцати часовъ идетъ на сидячій и далеко не легкій трудъ. Надо замѣтить притомъ, что такая работа производится въ полунагомъ состояніи, такъ какъ работать приходится безъ рубашекъ, которыя отъ слишкомъ обильнаго пота скоро согниваются и мокрая мѣшаютъ свободной работѣ мускуловъ. Въ болѣе нижнемъ поволжѣ, въ Саратовѣ, Камышинѣ и Царицынѣ, въ такомъ полунагомъ состояніи рабочіе обыкновенно принуждены заниматься въ соляныхъ лабазахъ верченіемъ жернововъ при разломѣ соли; но на это обстоятельство было обращено вниманіе въ видахъ гигиеническихъ, т. е., чтобы больные рабочіе не могли своимъ потомъ заражать соль, и потому солеторговцамъ запрещается употреблять въ работу поденщиковъ и лѣтниковъ безъ рубашекъ. Впрочемъ такая мѣра, не можетъ быть примѣнена къ рабочимъ на кустарныхъ промыслахъ, такъ какъ тамъ работа идетъ на домахъ, не публично.

Недѣльная цѣнность слесарнаго производства, смотря по рабочему и по достоинствамъ самой подѣлки, восходитъ отъ 1 р. до 2 р. не болѣе, что на первый взглядъ кажется тождественнымъ съ заработкомъ того-же алатырскаго парня, ушедшаго въ Петербургъ въ полотеры. Но это только кажущееся тождество: въ Петербургѣ онъ получаетъ 2 р. въ недѣлю за 10 часовъ работы въ сутки, и притомъ на всемъ хозяйскомъ содержаніи, съ хозяйскимъ матеріаломъ; въ Порѣцкомъ-же и даже въ Ворсѣ, Павловѣ и т. п. онъ получалъ-бы эти 2 р. въ недѣлю, за 20 ча-

совъ работы въ сутки, на своемъ кормѣ и матеріалѣ, купленномъ изъ того-же заработка.

Г. Лабзинъ въ своемъ „Обзорѣ парижской всемірной выставки 1867 года“, между прочимъ, говоритъ, что международные эксперты на этой выставкѣ удивлялись дешевизнѣ русскихъ ножевыхъ издѣлій; но при этомъ добавляетъ, что „когда удивлявшимся иностранцамъ было сообщено свѣденіе, что наши рабочіе въ ножевомъ районѣ зарабатываютъ себѣ отъ 1¹/₂ до 2 руб. въ недѣлю, то также единогласно выражено было мнѣніе, что подобная обстановка не нормальна и непременно должна измѣниться въ пользу слесарей; среднимъ числомъ они (эксперты) считаютъ заработную плату въ день во Франціи отъ 75 к. до 1 р., а въ Англіи отъ 90 к. до 1 р. 20 к., т. е. отъ 2 до 4 разъ выше нашего.

Мы видѣли выше, какой ошибочный взглядъ существовалъ до настоящаго времени относительно экономическаго довольства и производительныхъ силъ самаго верхняго угла волжской трапеціи и какъ этотъ взглядъ, только благодаря настойчивому и добросовѣстному изученію всѣхъ сторонъ экономической жизни этой части средняго поволжья, начинаетъ уступать мѣсто понятіямъ правильнымъ, основаннымъ на точныхъ цифровыхъ данныхъ и на выводахъ среднихъ итоговъ изъ сопоставленія и оцѣнки всей суммы экономическихъ явленій данной мѣстности; тотъ-же взглядъ до настоящаго времени упорно держался, благодаря недостатку критическихъ приѣмовъ въ сортировкѣ статистическаго матеріала, и относительно слѣдующей затѣмъ полосы волжской трапеціи, чему отчасти помогала и предвзятость мысли о положеніи даннаго края, предвзятость, имѣвшая свои историческія основанія. Понятіе о крайѣ сначала строилось на чисто-исторической, а потомъ на традиціонной почвѣ, наконецъ, просто на недостаткѣ свѣденій о предметѣ, на недостаткѣ знанія. Разъ установившаяся о крайѣ репутация переходила отъ поколѣнія къ поколѣнію, какъ непровѣряемая статистическія цифры переходятъ изъ отчета въ отчетъ, изъ года въ годъ и т. д. Разъ когда-то сказано было, наприм., что въ среднемъ поволжьѣ золотое дно рыбнаго промысла и что только на Волгѣ можно разнообразить свой столъ дешевою хорошею рыбою; теперь оказывается, и давно уже оказалось, что городское населеніе средняго поволжья гораздо труднѣе достаетъ рыбу для

своего продовольствія, чѣмъ Москва; что поволжскіе города нуждаются въ рыбѣ и, вмѣсто историческаго волжскаго осетра, довольствуются рыбою привозною, соленнымъ осетромъ уральскимъ; что, наконецъ, въ центръ рыбной торговли средняго поволжья, въ Саратовъ, къ Волгѣ — источнику рыбы, привозится нерѣдко мороженая рыба изъ Пензы, изъ тамошнихъ нищенскихъ, по отношенію къ Волгѣ-царицѣ рѣкъ и рѣченоевъ. Разъ установилось мнѣніе, что эта-же срединная полоса волжской трапеціи — житница не только Россіи, но и часто западной Европы; что пшеницей и крупчатой мукой Саратовъ, Самара и Казань составили себѣ и всему поволжью почетное имя на хлѣбныхъ рынкахъ Лондона, Марсели, Константинополя; что булками изъ саратовской муки Зейферта и Рейнеке „питаются лучшіе умы въ Европѣ и всемірныя дѣятели“ (чего, конечно, отчасти нельзя отрицать, такъ какъ поволжская крупчатка дѣйствительно идетъ на лондонскія и другія европейскія пекарни); что, поэтому, крупчатый и вообще бѣлый хлѣбъ долженъ быть дешевле въ поволжьи: — оказывается-же изъ наблюденій нашихъ путешественниковъ и торговцевъ, что въ поволжьи бѣлый хлѣбъ изъ своей муки и хуже и дороже, чѣмъ тотъ-же хлѣбъ, изъ той-же зейфертовской муки, но приготовляемый въ Лондонѣ. Разъ бессмертный Грибоѣдовъ сказалъ, что „Саратовъ — глушь“, и это слово осталось доселѣ бессмертнымъ пятномъ на Саратовѣ, составляя ему репутацію донныи; между тѣмъ Саратовъ — эта „столица поволжья“ (какъ его серьезно называютъ) — до извѣстной степени не глушь, и ужъ во всякомъ случаѣ во многихъ отношеніяхъ далеко оставилъ за собою многіе метропольные города наши, не считавшіеся глушью при Грибоѣдовѣ. Вообще старая традиціонная репутація удерживается долго, переживая самую логику реальныхъ фактовъ и времени.

То-же самое смѣшеніе прошедшаго и настоящаго повторяется и по отношенію къ срединной полосѣ волжской трапеціи, собственно по отношенію къ симбирской губерніи. Современное экономическое значеніе этого края продолжаетъ взвѣшиваться на старыхъ вѣсахъ, тогда какъ тутъ-же рядомъ стоящія цифры и постоянно повторяющіяся явленія говорятъ, что экономическія силы этого края нуждаются въ неотложномъ подъемѣ, въ разумной помощи.

Напримѣръ, въ изданныхъ симбирскимъ статистическимъ комитетомъ матеріалахъ о симбирской губерніи, мы находимъ сравне-

ніе этой губерніи, проведенное между положеніемъ ея въ послѣдней половинѣ прошлаго столѣтія и въ настоящее время, съ тѣмъ, что было въ этомъ краѣ 80 лѣтъ назадъ. Обрисовавъ темными красками картину прошлаго, изобразивъ всѣ ужасы разбоевъ низкой вольницы и непошрное взяточничество всякаго рода чиновныхъ людей, воеводъ и губернаторовъ, какъ будто взяточничество было единственною причиною паденія экономическаго уровня населенія и даже оскудѣнія земли съ прогрессивно-развивающимся городскимъ и сельскимъ обѣднѣніемъ, авторъ восторженно восклицаетъ: „Въ какія-нибудь 80 лѣтъ положеніе дѣлъ *страшно* измѣнилось. Взятничество, объ искорененіи котораго первый началъ заботиться Петръ Великій, нещадившій даже губернаторовъ, уличенныхъ въ лихоимствѣ, приказавшій казнить сибирскаго генераль-губернатора за взятки, въ настоящее время немислимо въ такихъ размѣрахъ, какъ это было въ 18 столѣтіи“, и т. д. Но дѣло вотъ въ чемъ. Переходя къ экономическому положенію губерніи въ настоящее время, авторъ замѣчаетъ: „Промышленность и торговля, правда, хотя не получили у насъ въ губерніи еще того развитія, какъ другія стороны общественной жизни, но это зависитъ отъ другихъ, чисто мѣстныхъ причинъ. *Въ этомъ виновато ни что иное, какъ плодородіе почвы (!),* дающее возможность имѣть средства къ жизни, помимо промышленности, отъ земледѣлія хоронить деньги въ землю вышло изъ обычая; въ губерніи существуетъ до 30 городскихъ и сельскихъ банковъ, замѣнившихъ собой прежній способъ храненія денегъ. Земледѣліе наше ушло значительно впередъ; стародавнія орудія—соху, цѣпъ, деревянную борону замѣняютъ все болѣе и болѣе входящія въ употребленіе плуги, молотильныя машины и проч., по крайней мѣрѣ, въ помѣщичьихъ имѣніяхъ. Если мы еще вспомнимъ, что въ настоящее время существуетъ болѣе 500 школъ и училищъ съ 14,000 учащихся, что нашу губернію перерѣзываетъ телеграфная нить, что неуклюжія разшивы на Волгѣ и на Сурѣ замѣнились стройными и легкими на ходу пароходами и баржами, отчего хлѣбъ нашъ доходитъ въ столицы вдвое скорѣе, чѣмъ прежде, что, наконецъ, уже проэктируется черезъ нашу губернію желѣзная дорога, то *этимъ еще болѣе украшается картина настоящаго положенія края, сравнительно съ прошлымъ*“ и т. д. („Сборн. матер. о симб. губ.“ 125—126).

Изъ вышеприведенныхъ нами свѣденій объ отхожихъ и осѣдлыхъ промыслахъ этого края, а равно о томъ, насколько земля въ состояніи прокормить сидящее на ней населеніе, можно судить, въ какой мѣрѣ вѣрна правдѣ эта размалеванная авторомъ „картина настоящаго положенія края.“ Землю, безсилную прокормить до 80,000 душъ населенія, онъ „винить“ за излишнее плодородіе, мѣшающее будто-бы развитію торговли и промысловъ и т. д.

Вотъ какимъ образомъ составляются и долго укрѣпляются ошибочныя мнѣнія объ экономическомъ значеніи разныхъ мѣстностей Россіи, въ томъ числѣ и поволжья.

Въ числѣ признаковъ, обнаруживающихъ относительно низкій уровень экономическаго состоянія разсматриваемой нами полосы средняго поволжья, нельзя не поставить замѣтный недостатокъ въ краѣ рабочихъ животныхъ. Площадь губерніи занимаетъ до 4.500,000 дес. земли или болѣе 880 квадр. миль. Для того чтобы обработать хотя четвертую долю этой площади, а при истощеніи почвы — возможно чаще и правильнѣе обновлять ея производительныя силы, для этого необходимо не мало рабочихъ животныхъ силъ. Наконецъ, эти силы, вообще, составляютъ первое условіе для извлеченія изъ земли того, что она въ состояніи дать. Между тѣмъ на этой обширной производительной территоріи на каждомъ шагу является поразительная скудость и рабочаго и вообще домашняго скота. Около селеній вы положительно не видите стадъ. Во дворахъ изрѣдка окажется одна лошадь, или одна корова, двѣ и три овцы, а иногда и этого нѣтъ. На 1.200,000 населенія приходится—на 4 души одна корова, одна лошадь. Но и это только кажущіяся цифры: въ значительномъ числѣ крестьянскихъ хозяйствъ нѣтъ ни одной лошади, потому что общій итогъ скота въ губерніи, особенно лошадей, увеличиваютъ заводы—до 40 конскихъ и до 40 овчарныхъ. Но эти заводы не составляютъ достоянія сельскаго населенія и не входятъ въ составъ вспомогательныхъ силъ его экономическаго быта. Только тѣ хозяйства имѣютъ лошадь и заботятся о поддержаніи ея рабочихъ качествъ, которыя все свое благосостояніе извлекаютъ изъ лошади: это тѣ хозяйства, которыя исключительно держатся извозомъ.

IX.

Послѣ всего вышеизложеннаго казалось-бы, что самыя характеристическія стороны экономическаго быта населенія всей верхней (одной нагорной) половины волжской трапеціи достаточно выяснены. Но мы не вполне, однако, считаемъ эту характеристику законченною: остается далеко не освѣщенной другая сторона этого быта—по преимуществу земледѣльческая, такъ какъ вся сумма данныхъ, изъ которыхъ могло нѣсколько уясниться экономическое положеніе разсматриваемаго края, относится едва-ли не исключительно къ экономической обстановкѣ промысловаго населенія, которое какъ-бы уже отвернулось отъ земли, недостаточно его питающей, и, такъ сказать, вступило во вторичный фазисъ развитія своей экономической индивидуальности.

Поэтому, прежде чѣмъ мы перейдемъ къ южной, по преимуществу именуемой *счастливою* половиною средняго поволжья, мы должны нѣсколько освѣтить и земледѣльческую сторону въ экономической жизни населенія верхней половины трапеціи, чтобы этимъ въ свою очередь сдѣлать болѣе необходимымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе легкимъ переходъ къ нижней, богатой ея половинѣ, гдѣ до сего времени къ жизни тамошняго населенія принято прилагать эпитетъ „привольной“.

Мы видѣли отчасти, каковъ въ этой мѣстности заработокъ промысловаго населенія и каково вообще его положеніе. Само собою понятно, что оно не можетъ быть удовлетворительно, особенно когда почти до настоящаго времени большинство поволжскаго населенія считаетъ землю естественной своей кормилицей; а у этихъ промысловыхъ земли или почти нѣтъ, или есть, но ея мало. Къ удивленію оказывается, что экономическая обстановка чисто-земледѣльческаго населенія этой половины волжской трапеціи едва-ли удовлетворительнѣе промысловаго, если еще не хуже. По крайней мѣрѣ, сидящее на пахотной землѣ населеніе и питающееся исключительно отъ земли, по наблюденіямъ члена и секретаря нижегородскаго статистическаго комитета, завидуетъ населенію, сидящему на голомъ пескѣ. „Вездѣ (говорить этотъ изслѣдователь о своихъ впечатлѣніяхъ во время экономическо-статистическихъ экскурсій по данному району поволжья), на каждомъ

шагу встрѣчалась мнѣ нищета самая тягостная, соединенная съ убійственнымъ трудомъ, разстраивающимъ даже привычныя къ нему съ малолѣтства силы; такъ какъ не выносящія его организациі заблаговременно уносятся изъ жизни, наполняя собою регистраціонныя графы тѣхъ 30—40 тысячъ дѣтей, которыя ежегодно умираютъ въ нижегородской губерніи, — нищета, которая не называется этимъ именемъ лишь потому, что не протягиваетъ руки за подаемъ всякому проходящему, но которая обращается къ этому единственному способу существованія тотчасъ-же, какъ постигнетъ трудового человѣка какой-нибудь экстраординарный непрошенный гость, въ видѣ, напр., пожара. За частую въ мѣстахъ, исключительно занимающихся хлѣбопашествомъ, положеніе дѣлъ еще хуже, чѣмъ въ мѣстахъ безземельныхъ. Положеніе дѣлъ въ чисто-земледѣльческихъ мѣстностяхъ хуже, по моему мнѣнію, еще и потому, что здѣсь нерѣдко является отсутствіе самаго сознанія о невыносимости его, довольно яснаго и опредѣленнаго въ представителяхъ чисто-промышленныхъ округовъ, напр., въ павловскомъ или краснораменскомъ рабочихъ, очень хорошо понимающихъ свое положеніе, причины его и возможные послѣдствія. Но, несмотря на это сознаніе, и въ промышленныхъ, какъ въ земледѣльческихъ округахъ, общую нивелирующую линію бросается въ глаза огульное невѣжество, соединенное притомъ — и это еще обиднѣе, конечно, лишь въ данный моментъ, такъ какъ въ будущемъ это задатокъ лучшей жизни — съ природнымъ умомъ и дарованіями.

Но вотъ цифры, подкрѣпляющія эту общую, повидимому, голословную характеристику экономической обстановки данной мѣстности *). Возьмемъ бюджетъ чисто-земледѣльской крестьянской семьи, т. е. ея годичный доходъ и годичный расходъ. Прежде надо только условиться о нормѣ крестьянской семьи, чтобы это была по возможности семья средняя, нормальная, большинство которыхъ преобладаетъ въ крестьянскомъ населеніи всѣхъ полосъ, земледѣльческихъ и не земледѣльческихъ. Есть разныя крестьянскія семьи — съ однимъ, съ двумя и тремя работниками, у кото-

*) Всѣ цифровыя данныя по этому предмету мы извлекаемъ изъ обстоятельно составленнаго г. Русиновымъ описанія лукояновскаго уѣзда нижегородской губерніи, напечатаннаго въ II-мъ томѣ трудовъ нижегородскаго статистическаго комитета.

рыхъ, въ свою очередь, предполагаются жены и дѣти всѣхъ возрастовъ. Многорабочей семьѣ, какъ маленькой рабочей компаніи, конечно, легче живется, чѣмъ той семьѣ, на которую приходится только одинъ работникъ; при этомъ совершенно одинокому живется легче, чѣмъ одинокому-же, безъ жены, но съ кучею ребятишекъ. Вотъ почему берется нормальною семьею ни та, ни другая, а тѣ, которыя преимущественно стали образовываться послѣ реформы 19-го февраля, когда большія семьи пошли въ раздѣлъ, и отъ этого образовались мелкія семейныя группы, по преимуществу съ однимъ работникомъ-мужиномъ. Наконецъ, есть одинокіе домохозяева, у которыхъ много дѣтей, но изъ нихъ подростки, мальчишки и дѣвочки служатъ не малой подмогой для семьи, а равно вышедшіе изъ категоріи работниковъ старики-отцы и старухи-матери въ рѣдкихъ случаяхъ не составляютъ значительной помощи для домохозяина по домоводству. Во всякомъ случаѣ, нормальное избрать такую семью, гдѣ домохозяинъ имѣетъ жену, и хотя дѣтей у него еще и не много народилось, чтобъ требовать лишняго куска и лишняго призора, однако, двое ребятишекъ, мальчикъ и дѣвочка (7 и 5 лѣтъ), не составляютъ еще никакой подмоги.

Крестьянскій надѣлъ въ данной мѣстности опредѣляется $3\frac{1}{4}$ дес. на душу, слѣдовательно, на двѣ мужского пола души $6\frac{1}{2}$ дес., или, по трехпольному хозяйству, при отдѣлѣ $\frac{1}{2}$ дес. на усадьбу, по 2 десятины въ каждомъ полѣ. Взявъ средній урожай и среднія цѣны продуктовъ, получимъ: съ 2-хъ дес. ржи по 5 четвертей съ каждой или 10 четвертей съ двухъ по 3 р.—30 р.; съ одной десятины овса, по 8 четверт., цѣны по 1 р. 50 к. четв.—12 р.; съ $\frac{1}{2}$ дес. гречи—3 четв. по 2 р. за каждую—6 р.; съ $\frac{1}{4}$ дес. гороху 2 четверти по 2 р. 40 к. за каждую,—4 р. 80 к.; съ $\frac{1}{8}$ дес. льна 6 мѣръ сѣмени по 80 к. за мѣру—4 р. 80 к.; съ усадника на два человѣка возьмется 2 четв. коноплянаго сѣмени по 62 к. за мѣру—9 р. 92 к.

Всего валового доходу съ двухъ надѣловъ 67 р. 52 к., не считая сѣна, которое идетъ на кормъ скоту и въ бюджетъ не вносится; на эту сумму крестьянская семья должна прожить годъ и отбыть денежныя повинности.

А вотъ нормальный расходъ этой семьи:

Пища. Въ этомъ случаѣ берется въ расчетъ почти исключи-

тельно растительная, такъ какъ мясо употребляется только въ хромовые и великіе праздники, когда, при возможности, дозволяется заболотъ поросенка или барашка, а также курицу— больше-же никогда; по воскресеньямъ и другимъ праздничнымъ днямъ—гречневая, полбенная, пшеничная или ячменная каша; въ прочіе дни—за завтракомъ, обѣдомъ и ужиномъ—преимущественно ржаной хлѣбъ, соль и квасъ, съ приправами; за завтракомъ—картофель, за обѣдомъ и ужиномъ—пустыя щи изъ капусты, рѣдька съ квасомъ, кочанная капуста, огурцы, картофель, изрѣдка молоко, да лѣтомъ еще зеленый лукъ съ квасомъ, а то просто съ хлѣбомъ и солью; капуста, картофель, рѣдька, а также огурцы, морковь и рѣпа хотя и садятся на огородахъ, но въ ограниченномъ размѣрѣ, только на зиму; послѣднихъ-же овощей не хватаетъ и на осень, потому что крестьянскія дѣти, оставаясь безъ призора во время осенней уборки хлѣба, успѣваютъ опустошить какъ свои, такъ и сосѣдніе огороды.

Такимъ образомъ, не кладя даже въ цѣну мяса и овощей, одинъ взрослый крестьянинъ вмѣстѣ съ малолѣткомъ сѣдуютъ въ годъ:

Хлѣба (муки) взрослый 18 пуд., двое—36 пуд.)	54 п. по 40 к.—21 р. 60	к.
» » малолѣт. 9 » » —18 пуд.)		
Крупы — взрослый 15 гарнц. двое—30 гар.)	45 ч. по 10 к.— 4 р. 50	к.
» малолѣтн. 7½ » » 15 гар.)		
За молово 5½ четв. ржи и обдирку 45 гарн- цевъ, плата на мельницѣ за 8 мѣръ ржи—22 фун. муки, а за обдирку крупы 10-ую мѣру	2 р. 23¼	к.
Соли втеченіи года на семью	5 р. 40	к.
На масло 5 мѣръ коноплянаго сѣмени, цѣною по 62 к.—на 3 р. 10 к. или одинъ пудъ ма- сла; за битые на масленѣ платится деньгами по 3 к. съ мѣры, или съ 5 мѣръ 15 к.	3 р. 25	к.
Итого		36 р. 98¼ к
На посылку въ кормъ одной лошади и одной коровѣ издержки ваются до 20 п. по 40 к.	8 р.	

Одежда и обувь. Тутъ расходы двоякіе — на одни тратятся деньги домохозяина, на другіе должна заработать взрослая женщина. Во всѣхъ крестьянскихъ семействахъ существуетъ обыкновение, что старшій въ домѣ отдѣляетъ замужней женщинѣ, на ея часть, овецъ, сѣетъ ей загонъ льну, съ усадника передаетъ ей посконь и ту часть конопли, которая останется за домашней

потребностью на витѣ веревоеъ, и затѣмъ женщина обязана приготовить бѣлье на свою семью, наткать и выкрасить полотна для сарафановъ, причеиъ также должна приготовить кое-что и лишнее, на продажу, потому что крестьянинъ не даетъ своей женѣ денегъ для покупки нужныхъ матеріаловъ, какъ, напр., красной бумаги, иголокъ, наперстка, не платитъ за краску пряжи на сарафаны и проч.; на все это она должна употребить свои деньги. Слѣдовательно, всѣ потребности крестьянской одежды и обуви раздѣляются на двѣ части: одну—на которую домохозяйинъ не тратитъ ни копѣйки, и другую—которая сполна или частью оплачивается деньгами хозяина. Первая часть, которую обязана хозяйка приготовить—это бѣлье: мужчинѣ полагается въ годъ три рубахи и столько-же посконныхъ портовъ; изъ рубахъ одна красная праздничная, въ которой льняная пряжа мѣшается съ красной бумагой—на базарѣ такая рубаха съ портами изъ поскони 1 р. 50 к.; двѣ синихъ рубахи, въ которыя бумага не входитъ, а только крашенная пряжа—на базарѣ подобная рубаха съ портами 1 р. 20 к.; всего мужского бѣлья на 3 р. 90 к.; изъ этой суммы собственно деньгами женщина употребляетъ на красную бумагу и окраску пряжи 50 к.; женское бѣлье состоитъ изъ двухъ бѣлыхъ льняныхъ рубахъ—по 1 р. 50 к.; сверхъ того она должна наткать полотна для двухъ сарафановъ изъ крашеной пряжи—по 1 р. 20 к. сарафанъ: всего на сумму 5 р. 40 к., изъ которыхъ собственно деньгами ей обойдется за синьку пряжи 50 к. Будничные пояса, какъ мужскіе, такъ и женскіе, плетутся изъ овечьей шерсти; кромѣ того для праздника женщина должна купить мужу поясъ, копѣекъ въ 15, да и себѣ широкій въ 30 к. Женщина-же должна купить себѣ, на заработанныя деньги, кумачный сарафанъ, цѣна котораго 3 р.; два платка—одинъ въ 1 р. и другой въ 40 к. и праздничный полукафтанъ изъ нанки въ 2 р. 50 к., а всего на сумму 6 р. 90 к.; но такъ какъ всѣ эти предметы полагаются женщинѣ на три года, то ежегодно всякой женщинѣ приходится заработать деньгами 2 р. 30 к.

Обувь женщина должна также большею частью покупать на свои деньги, а именно: зимнія полуваленки на 60 к., въ нимъ шерстяныхъ чулокъ на зиму на 45 к., лѣтніе коты 1 р. 30 к. и въ нимъ портянокъ на 40 к., итого на 2 р. 35 к.; но такъ какъ эти предметы служатъ два года, то ежегодно придется за-

работать 1 р. 17¹/₂ к. Такимъ образомъ, женщина должна на мужа, на себя и на дѣтей все сработать сама и сверхъ того продать работы не менѣе какъ на сумму 4 р. 92¹/₂ к.

Вторая часть, за которую домохозяйинъ платитъ деньги или сполна или частью: изъ сукна, вытканнаго женщиной изъ домашней шерсти, шьется мужчинѣ кафтанъ цѣною на 1 р. 90 к. (8 ар. по 20 к., шитье 30 к.); чапанъ въ 3 р. 20 к. (13 ар. по 20 к., плису на обшлага на 10 к. и шитье 50 к.); женскій полукафтанъ, такой-же почти какъ у мужчинъ—1 р. 50 к. (6¹/₂ ар. по 20 к., шитье 30 к.); зимніе мужскіе штаны—1 р. 25 к. (5 ар. по 20 к., шитье 25 к.); дѣтямъ перешиваютъ изъ стараго. Всего за суконную одежду—на 7 р. 85 к.—платится деньгами только за шитье—1 р. 35 к., и такъ какъ всѣ части этой одежды служатъ крестьянину три года, то ежегодно приходится истратить на этотъ предметъ 75 к. Полушубокъ изъ домашнихъ овчинъ—7 р. 20 к. (6 овчинъ по 1 р., дубленіе по 10 к. съ овчины, шитье 60 к.); точно такой-же женскій, называемый шубою. Оба стоятъ 14 р. 40 к., изъ которыхъ деньгами платится только за шитье 2 р. 40 к.; полушубки рассчитываются на три года, и потому ежегодная трата на нихъ домохозяйина 80 к. Дѣти всегда носятъ обноски послѣ большихъ. Тулупъ мужской—13 р. 40 к. (11 овчинъ по 1 р. каждая, дубленье по 10 к. съ овчины, шитье 1 р. 10 к.); деньгами платится только 2 р. 20 к., а такъ какъ служба тулупу полагается шестилѣтняя, то ежегодная денежная трата будетъ 36²/₃ к. Зимняя шапка 80 к., лѣтній картузь или поярковая шляпа 55 к., будничная, изъ валеной шерсти—30 к., а рассчитывая ихъ на три года—деньгами сойдеть въ годъ 90 к.

Мужская обувь: половина населенія носить еще лапти, 6 паръ въ годъ, по 7 к. 42 к.; къ лаптямъ въ зимнее время шерстяныя онучи—на 1 р. (5 ар. по 20 к.), и такъ какъ онучь хватаетъ на два года—то въ годъ на 50 к., и за нихъ денегъ домохозяйинъ не платитъ; лѣтомъ—онучи посконныя—36 к. (4 ар. по 9 к.), тоже изъ домашняго матеріала. Половина населенія носить сапоги съ высокими голенищами—3 р.; носятся по праздникамъ, рассчитываются на два года—въ годъ 1 р. 50 к.; къ нимъ онучи и портянки на 35 к.—всего 1 р. 85 к. На случай зимняго извоза—валенки въ 1 р. 20 к., всего 3 р.

5 к., а складывая эту цифру съ 42 к. и дѣля по-поламъ, получимъ, что мужская обувь обходится домохозяину въ годъ въ 1 р. 73¹/₂ к.

Взятая нами за норму семья имѣеть одну избу съ большою русскою печью, на которую выходитъ, вмѣстѣ съ топкою бани (баня—большою частью въ той-же печи, въ двѣ недѣли разъ), до 6 саж. дровъ въ годъ—13 р. 80 к. (2 р. 30 к. сажень); овины топятся преимущественно соломою; освѣщеніе въ избахъ—вездѣ лучиною, которой сойдетъ на 2 р. 40 к.; свѣчей для фонаря фунта три въ годъ—на 45 к., а всего на 2 р. 85 к. Домашнее обзаведеніе всѣхъ земледѣльческихъ орудій—телѣги съ оковкой, дрогъ, саней, сбруи, ременной и оральной, дуги, оглобли, сохи съ принадлежностями, бороны, топоры, виль, скребка, лопаты, кочерги, ухвата, посуды домашней и пр.—всего на 25 р. 75 к.; а такъ какъ подобныя принадлежности полагаются на 5 лѣтъ, то ежегодная затрата 5 р. 15 к. Годовой ремонтъ веревокъ—изъ домашней конопля; за витые платится до 60 к.; деготь на смазку колесъ и сбруи—1 р. 65 к. Сѣмянъ ржи на два душевыхъ надѣла—6 р. (на 2 дес. 2 чет. по 3 р.); овса—на 3 р. 75 к.; гречи—на 1 р. 50 к.; гороху—90 к.; льна—80 к.; сѣмянъ конопляныхъ—39 к.

Наконецъ, годового расхода на церковный причтъ (отсыпкою хлѣбомъ, деньгами, яйцами на пасху) сойдетъ 1 р.

Такимъ образомъ, полный бюджетъ годового расхода крестьянской семьи, состоящей изъ двухъ взрослыхъ и двухъ малолѣтнихъ членовъ, выразится въ слѣдующихъ цифрахъ.

Пища	36 р. 98 ³ / ₄ к.
Подсыпка скоту	8 " — "
Одежда и обувь	4 " 89 "
Отопленіе	13 " 80 "
Освѣщеніе	2 " 85 "
Ремонтъ земледѣльческихъ орудій	5 " 15 "
Веревки и смазка колесъ и сбруи	2 " 25 "
Сѣмена на два надѣла	13 " 34 "
Церковный причтъ	1 " — "

Итого въ годъ 88 р. 26³/₄ к.

Расходъ этотъ, само собою разумѣется, неизбѣженъ для вся-

кой крестьянской семьи, къ какому-бы вѣдомству она ни принадлежала; но впереди стоитъ еще расходъ на разныя повинности — государственныя, земскія, мірскія. Эти расходы не у всѣхъ крестьянъ одинаковы: у казенныхъ крестьянъ они выражаются на человѣка 8 р. 92 к.; у государственныхъ крестьянъ, сидящихъ на собственныхъ земляхъ, — 4 р. 67,23 к.; у удѣльныхъ, состоящихъ на выкупѣ, — 7 р. 80,1 к.; у временно-обязанныхъ, состоящихъ отчасти на выкупѣ, отчасти на оброкѣ, — 13 р. 37 к. Слѣдовательно, прибавляя къ домашнему расходу 88 р. 26³/₄ к. расходъ на денежныя повинности, на два-же человѣка, получимъ всѣхъ расходовъ на крестьянскую семью по вѣдомствамъ:

Государственныхъ крестьянъ. . .	106 р.	10 ³ / ₄	к.
Государственныхъ-же, только			
собственниковъ	97	„ 61,21	„
Удѣльныхъ.	103	„ 86	„
Временно-обязанныхъ.	115	„ ³ / ₄	„

Значитъ, жить трудно: при воловомъ доходѣ, какъ мы видѣли выше, только въ 67 р. 52 к., обнаруживается дефицитъ у крестьянина собственникъ 29 р. 9,21 к., у удѣльнаго — 36 р. 34 к., у государственнаго — 38 р. 58³/₄ к., у бывшаго помѣщичьяго — 47 р. 48³/₄ к., т. е. у послѣдняго не хватаетъ еще почти столько-же, сколько онъ зарабатываетъ отъ своей земли въ круглый годъ (Опис. лукоян. уѣз. Русинова, „Нижегор. Сборн.“, т. II, 74—81.)

Вотъ почему сельское населеніе ищетъ спасенія въ кустарномъ промыслѣ и въ отхожемъ заработкѣ, какъ ни тяжело они ему достаются.

Х.

Передъ нами осталная, большая половина волжской трапеціи, захватывающая только уголь пензенской губерніи, саратовскую, срединную полосу астраханской, широкое приволжье самарской и часть казанской.

Въ этой половинѣ трапеціи, фундаментъ экономическаго благосостоянія — почти исключительно земля, еще не утратившая своей силы и главная, такъ сказать, артерія, по направленію къ которой совер-

шается тяготѣніе, если можно такъ выразиться, экономическихъ соковъ этого края—Волга, хотя единство этого тяготѣнія до известной степени парализуется съ другими, весьма отдаленными центрами притяженіе, лежащими внѣ района поволжья; это уже обратныя, чисто внѣшнія торговыя тяготѣнія къ заграничнымъ рынкамъ, которые хотя, повидимому, косвенно и, невидимому, имѣютъ несомнѣнное вліяніе на измѣненіе экономического быта и на то или другое направленіе экономическихъ силъ поволжья. Эту половину трапеціи перерѣзываютъ судоходныя рѣки—Волга, Хоперь, Медвѣдица, а къ сѣверу—низовья Камы. Надо замѣтить, что Хоперь и Медвѣдица, эти двѣ небольшія рѣки, орошающія хлѣбородивѣйшій уголь юго-западной части трапеціи, были едва-ли не первыми проводниками, посредствомъ которыхъ производительныя силы даннаго угла, черезъ Донъ, Ростовъ донской, Азовское море, Керчь, Черное море и т. д. пришли въ непосредственное соприкосновеніе съ западно-европейскою жизнью и дали громадный толчокъ мѣстной экономической самостоятельности: запросъ хлѣба въ Лондонъ или Марсели сталъ имѣть непосредственное вліяніе на карманъ медвѣдицкаго или хоперскаго крестьянина, на повышеніе или пониженіе его заработка, наконецъ, даже на протяженіе въ этотъ уголь рабочихъ изъ верхняго угла трапеціи, симбирско-нижегородскаго и т. д. Эту половину волжской трапеціи пересѣкаютъ три линіи желѣзныхъ дорогъ—тамбовско-саратовская, грязе-царицинская и волгодонская, изъ которыхъ каждая или извлекаетъ изъ поволжья излишекъ (а иногда и неизлишекъ) продуктовъ мѣстной производительности, или-же вноситъ въ него новые элементы производительности, еще не получившей тамъ самостоятельнаго развитія.

Хотя эта половина волжской трапеціи колонизована очень недавно сравнительно съ верхней нагорной, однако она успѣла создать огромное число такихъ крупныхъ населенныхъ мѣстностей, которыя далеко оставили за собой всѣ населенныя мѣстности старшей, такъ-сказать, половины трапеціи. Обращаясь прежде къ городамъ, мы видимъ, что города старшей по лѣтамъ половины Поволжья почти не растутъ—они точно застыли сто или двѣсти лѣтъ назадъ и такъ и остались въ этомъ положеніи; къ нимъ нѣтъ, повидимому, прилива жизненныхъ элементовъ извнѣ; въ нихъ не замѣчается какъ-будто и естественнаго прироста населенія, точно ослабѣла сила рождаемости въ людяхъ, какъ осла-

бѣла сила производительности въ чахлой землѣ. Нижній-Новгородъ, считающій свое существованіе многими столѣтіями, поставленный даже во многихъ отношеніяхъ въ исключительно-счастливыя условія, почти не растетъ; Макарьевъ не растетъ или растетъ, пожалуй, отрицательно; Васильсурскъ, Козмодемьянскъ, Чебоксарь, Свіяжскъ, Ядринъ, Цивильскъ, Курмышъ, Княгининъ, Сергачъ, Лукояновъ, Буинскъ, Алатырь, Тетюши, Сивгилей, Ардатовъ — все это остановилось въ ростѣ, какъ-бы окаменѣло; даже наружность этихъ городовъ отдаетъ чѣмъ-то неподвижнымъ, заплесневѣлымъ; торговля жалкая, движенія въ народонаселеніи никакого. Есть только одинъ городокъ въ этой половинѣ трапеціи, въ которомъ, повидимому, не изсякли еще силы жизни, это — Сызрань, да и то, можетъ быть, потому, что онъ уже стоитъ какъ-бы одной ногой на половинѣ нижней части трапеціи. Города эти меньше многихъ селъ нижней трапеціи и заволжской, гдѣ мы находимъ или многолюдныя, или кипящія торговлей села и колоніи — Николаевка, Покровская слобода, колонія Екатериненштадтъ (Баронскъ), Балаково, Майна за Волгой, Елань, Балаанда, Самойловка, Колояръ, Сердоба, Алексѣевское, колонія Норка — по нагорной сторонѣ. Между тѣмъ города младшей половины трапеціи, колонизованной еще такъ недавно, растутъ быстро, несмотря на всѣ неблагоприятныя условія, ихъ подтачивающія, благодаря неладному во многихъ отношеніяхъ съладу жизни. Саратовъ и въ особенности Самара — это дѣти и внуки такихъ городовъ, какъ Нижній, Алатырь, Карсунъ и др., а между тѣмъ эти внуки далеко переросли своихъ дѣдовъ и продолжаютъ расти прогрессивно, несмотря на многія останавливающія ихъ естественный ростъ препятствія, которыя не уступаютъ ни экономическимъ, ни духовнымъ силамъ сравнительно-свѣжаго населенія. Саратовъ имѣетъ уже до 100 тысячъ населенія; Самара перегнала во многихъ отношеніяхъ старѣйшіе губернскіе города — Нижній и Симбирскъ. Вольскъ, еще не такъ давно бывшій удѣльнымъ селомъ Малыковкою, переросъ болѣе двадцати старѣйшихъ городовъ верхней половины трапеціи. Онъ и Камышинъ думаютъ и надѣются скоро провести свои желѣзныя дороги къ общей сѣти желѣзныхъ путей и рассчитываютъ, что дорогамъ этимъ будетъ работы, которую дадутъ имъ экономическія силы районовъ, средоточіемъ и центромъ тяготѣнія которыхъ стали эти города. Не говоримъ о

Царицынѣ, отъ котораго идутъ двѣ желѣзныя дороги и который силится выдѣлиться въ отдѣльную губернію, стать самостоятельнымъ экономическимъ и административнымъ центромъ довольно большого района.

Поставимъ теперь рядомъ села верхней половины трапеціи и нижней съ заволжскою. Тамъ — Лысково, Богородское, Павлово, Ворсма, Починки, Кочкурово (въ нижегородской губерніи), Тушна, Ключищи, Шиловка, Карлинское, Тимошкино, Новодѣвичье, Печорское, Костычи, Кашпирь, Бѣлозерье, Судосево, Промзино, Порѣцкое, Барышка, Шугурово, Пичеуры, Косогоры, Цильня, Шихирданы (въ симбирской); здѣсь — Майна, Балаково, Екатериненштадтъ, Покровское, Ниволаевское (въ самарской), Алексѣевское, Елань, Самойловка, Колояръ, Норка, Камышкеръ, Сердобь, Бакуръ, Елшанка, Баланда, Рудня, Красный Яръ и много другихъ (въ саратовской). Но тамъ втеченіи нѣсколькихъ столѣтій села успѣли дорости только до 2,500, до 3,000, самое большее — до 5,000 душъ; здѣсь новѣйшая колонизація выдвинула такія села, которыя считаютъ свое населеніе въ 10,000—12,000 душъ, несмотря на то, что тамъ, въ общемъ, по отношенію къ величинѣ площади всей половины трапеціи, населеніе сидитъ не въ мѣру густо, здѣсь — не въ мѣру рѣдко.

Еще есть разница, можно сказать — моральная. Разнообразіе элементовъ, входящихъ въ составъ населенія извѣстной мѣстности, какъ дознано историческою жизнью всѣхъ народовъ, несомнѣнно ручается за болѣе или менѣе успѣшное развитіе и за болѣе прочную историческую будущность этой мѣстности. Чѣмъ самостоятельнѣе и относительно равносильнѣе элементы (это — необходимое условіе), тѣмъ больше залоговъ для будущаго развитія; борьба элементовъ между собою, — конечно, при условіяхъ относительной моральной равносильности, — не только не останавливаетъ развитія, но до извѣстной, весьма даже значительной, степени помогаетъ ему. Скорѣе останавливаются въ своемъ развитіи и кончаютъ свое историческое существованіе тѣ государства, которыя состояли только изъ одной національности, чистой, несмѣшанной съ другими, чѣмъ тѣ, которыя сплотились, нерѣдко въ упорной взаимной борьбѣ, изъ разнообразныхъ элементовъ, изъ разнохарактерныхъ народностей; первыя всегда вырождаются, какъ выродилось царство ацтековъ, какъ вырождаются старинныя „чистокровныя“,

несмѣшивающіеся съ черной костью роды; вторыя пріобрѣтаютъ особенную физическую и моральную крѣпость, относительно энергію и предпріимчивость, какъ сѣверо-американцы, создавшіе могущественнѣйшее и богатѣйшее государство рядомъ самыхъ разнообразныхъ скрещиваній всевозможныхъ національностей и въ то-же время взаимной борьбой элементовъ, относительно равныхъ.

Тотъ-же самый историческій законъ неизбежно примѣнился и по отношенію къ обѣимъ половинамъ волжской трапеціи. Русскіе колонисты верхней и старѣйшей изъ этихъ двухъ половинъ, подвигаясь въ нижегородско-симбирское Поволжье, встрѣтили тамъ уже аборигеновъ изъ другихъ, неславянскихъ народностей, — татаръ, мордву (ерзю и мокшу), мещеряковъ и чувашъ. Болѣе самостоятельную національную стойкость выказали только первые изъ нихъ, какъ бывшіе владыки Поволжья и сравнительно болѣе даровитые; финскія-же племена, подъ напоромъ сильнѣйшаго и даровитѣйшаго русскаго элемента, выказали полную податливость и даже недостатокъ расовой живучести. Ютятся около лѣсовъ, они съ приходомъ русскихъ еще болѣе прятались въ лѣса, оставляя полное, и моральное, и территоріальное господство надъ своимъ родовымъ краемъ за русскими колонистами, которыхъ свѣжія силы почти не встрѣтили въ Поволжьѣ никакого сопротивленія, кромѣ пассивнаго. Вотъ характеристическія черты, доселѣ неутраченныя этими народностями, — черты, которыми объясняется отчасти низкій уровень экономической жизни всего населенія данной мѣстности: „татары рѣзко выдаются своею предпріимчивостью, хотя, впрочемъ, земледѣліе идетъ у нихъ гораздо хуже, чѣмъ у мордвы и у русскихъ; но за то они болѣе склонны къ торговлѣ и вообще ко всякой мелкой промышленности; что-же касается чувашъ, то слабое тѣлосложеніе и меньшая умственная развитость ставятъ ихъ какъ по хлѣбонашеству, такъ и по другимъ промысламъ, ниже прочихъ племенъ; со стороны нравственныхъ качествъ, напр., русскіе болѣе исполнительны относительно требованій начальства и простодушнѣе въ сношеніяхъ съ своими обывателями, чѣмъ татары; татары, напротивъ, плутоваты, много и часто должаютъ, не стараясь заплатить; оттого въ татарскихъ селеніяхъ гораздо болѣе разнаго рода тяжбыныхъ дѣлъ, чѣмъ въ русскихъ селеніяхъ; кромѣ того, татаринъ часто съ удивитель-

нымъ тактомъ умѣть пользоваться знаніемъ русскаго закона для скрытія собственнаго преступленія; что-же касается до татаръ крещенныхъ, то нельзя не замѣтить, что они представляютъ собой самое грустное явленіе въ средѣ русскаго крестьянства: они соединяютъ въ себѣ всѣ дурныя свойства магометанина-татарина вмѣстѣ съ склонностью къ пьянству — пороку, заимствованному отъ русскихъ; о мордвѣ нужно замѣтить, что въ этомъ племени совершается менѣе преступленій, чѣмъ между русскими“ (Сборн. матер. о симб. губ., IV от., 76). Или: „татары и чуваша менѣе склонны къ усвоенію русскихъ обычаевъ и крѣпко держатся своей національной старины; первымъ мѣшаетъ въ этомъ случаѣ религія, вторымъ ихъ замкнутость; чуваша не любятъ жить *близъ торговыхъ центровъ, большихъ дорогъ*: для поселенія они избираютъ обыкновенно глухія мѣста; самые промыслы ихъ показываютъ, что этотъ народъ еще стоитъ на значительно низшей степени цивилизаціи не только сравнительно съ русскими, но даже и другими инородцами; у нихъ даже особенно развиты тѣ промыслы, которые составляютъ необходимую принадлежность младенческой цивилизаціи, какъ, напр., звѣроловство; живя очень давно съ татарами и часто даже въ однихъ съ ними селеніяхъ, чуваша имѣютъ болѣе общаго съ ними, чѣмъ съ русскими“ (тамъ-же, 22). Замѣчательна, впрочемъ, черта, общая татарскому населенію и нижней половинѣ трапеціи, — это то, что въ татарскихъ селеніяхъ вездѣ больше училищъ и учащихся, чѣмъ въ русскихъ селеніяхъ. Тѣ-же особенности, что въ сибирской губерніи, представляютъ нерусскіе элементы и въ нижегородской. „Чисто русское населеніе сейчасъ замѣтно *по его склонности къ промышленности, по бойкости и смыслености. Мордва-же хотя рачительнѣе къ землѣ, но къ ремесламъ и торговлѣ мало способна. Она не такъ подвижна и любитъ свой уголь болѣе всего. Единственный ея коренной промыселъ — лѣсной; здѣсь каждый мордвинъ полный хозяинъ и знатокъ. Мордвинъ неповоротливъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ хорошій ходокъ, искусный охотникъ на звѣря и птицу. Кажется, смиренъ, апатиченъ, но упрямъ. Мальчики мордовскіе, если ужъ ходятъ въ школу, то *учатся охотнѣе русскихъ*. У мордвина честность въ исполненіи своего слова замѣчательная, за то слабость къ воровству лѣса непреоборимая и лѣсъ*

для него не составляет ничьей собственности“ (Нижегор. Сборн., II, 22 — 23).

Совсѣмъ другія черты замѣчаются въ элементахъ, сдѣлавшихся преобладающими при колонизованіи нижней и младшей половины трапеціи. Тутъ русскіе, малороссіане и нѣмцы, почти одинаково самостоятельныя, неподатливыя и даровитыя народности, внесшія собою въ поволжскій край самобытные задатки государственности, тоже встрѣтили мордву, чувашъ и татаръ, но отмежевали имъ такую полосу земли, которая далеко уступаетъ прочимъ землямъ во всѣхъ отношеніяхъ, а сами захватили все, что было лучшаго въ краѣ. Въ этихъ трехъ или вѣрнѣе двухъ, уже культурныхъ до извѣстной степени, народностяхъ, выказались почти равныя силы, одинаковая упругость національнаго характера, нѣкоторая цивилизованная подготовка, и потому естественная борьба между этими народностями, явившаяся скорѣе въ формѣ соревонованія, нравственной и экономической конкуренціи, могла только способствовать къ поднятію въ поволжьѣ и духовнаго и экономическаго уровня.

Эти-то колонисты—нѣмцы и малороссіане—и явились лучшими производителями въ краѣ. Они, вмѣстѣ съ русскими, оживились и дали своеобразную форму экономическому быту всей этой, большей по пространству, половины волжской трапеціи, включая сюда и степное заволжское побережье.

Замѣчательно, что не славянскіе и не германскіе элементы этой половины трапеціи, придавленные, такъ сказать, этимъ колонизаторскимъ напоромъ двухъ сильныхъ расъ къ сѣвернымъ окраинамъ саратовской губерніи, до сихъ поръ напоминаютъ собою, главными чертами и направлениемъ экономической дѣятельности обитателей нижегородской и симбирской части волжской трапеціи, и также какъ эти послѣдніе сидятъ въ междулѣсьѣ, дерутъ лыки, ловятъ звѣря, охотники до сидки дегтя, лепятъ горшки изъ глины и ловятъ ястребовъ, продырявливая свои крыши. Тутъ, какъ мы замѣтили выше, есть и попытки кустарнаго промысла и исканье заработка на сторонѣ.

ВОСПОМИНАНІЕ.

(Посв. Л. А. Гуссонъ.)

Масса всякихъ хлопотъ впродолженіи дня
И обычный мой трудъ истомили меня;

Съ наслажденьемъ въ постель поздно ночью я легъ,
Но до самой зари глазъ сомкнуть я не могъ.

Я не спалъ потому, что подъ тяжестью думъ
Глубоко такъ скорбѣлъ напряженный мой умъ,

Грусть и злоба въ душѣ закипали ключемъ...
Что за жизньъ,—думалъ я,—вѣтъ отрады ни въ чемъ!

Въ прошломъ холодъ и мракъ, и туманъ впереди...
Пламень вѣры погасъ въ изнуренной груди!

Быстро дѣтство прошло средъ жестокой нужды,
А потомъ начались и борьба, и труды,

Рядъ лишній, потерь, рядъ невзгодъ, неудачъ...
О, лихая судьба! Какъ бездушный палачъ,

Ты терзала меня: всё стремленья, мечты,
Разбивала всегда такъ безжалостно ты.

Сколько сгибло надеждъ, свѣтлыхъ плановъ и грезъ...
Сколько тратилъ я силъ, сколько пролилъ я слезъ,

Въ жаркихъ битвахъ со зломъ, съ непроглядною тьмой...
И усталъ я нести крестъ страдальческій мой!

...Я любилъ горячо, я любилъ глубоко,
Да она на любовь посмотрѣла легко:

И любила меня, и ласкала шутя,
Забавлялася мной, какъ игрушкой дитя...

И разбила она мою жизнь наконецъ:
Съ нелюбимымъ пошла, мнѣ на зло, подъ вѣнецъ.

...И не знала она, какъ я въ церевн, въ углу,
Безутѣшно рыдалъ... Помню, точно съвозъ мглу,

Я, убитый, смотрѣлъ на вѣнчальный обрядъ;
Помню смутно потомъ я огней длинный рядъ...

Звуки вальса... большой, весь сіяющій домъ...
Какъ въ коморку свою добрался я съ трудомъ...

...И задумалъ тогда я покончить съ собой!
Вышелъ за-городъ я... Неба сводъ голубой

Мириадами звѣздъ быть усѣянъ. Вдали
Непрерывной грядой горы синія шли,

Лѣсъ громадный чернѣлъ, и такъ низко надъ нимъ,
Отражаясь въ прудѣ блѣднымъ ликомъ своимъ,

Полный мѣсяцъ горѣлъ, серебромъ отливалъ,
Гдѣ-то близко въ саду соловей распѣвалъ,

И на трели его изъ различныхъ концовъ
Отделикался вдругъ хоръ всевозможныхъ пѣвцовъ...

Откликалась ему тихимъ плескомъ волна,—
Вся природа была чудныхъ звуковъ полна;

По цвѣтущимъ коврамъ необъятныхъ полей
Я шагаль все впередъ съ думой злою моею,

Эта дума меня къ бурной рѣчкѣ влекла,
Что въ крутыхъ берегахъ съ быстротою текла:

Внизъ съ высокой скалы порѣшилъ я прыгнуть,
Въ темной безднѣ рѣки безпробудно уснуть...

...Но такъ дивно была эта ночь хороша,
Что сильнѣй и сильнѣй поддавалась душа

Обаянью ея. И стихалъ ураганъ
Въ сердцѣ бѣдномъ моемъ, изнывавшемъ отъ ранъ,

И казалось, мнѣ все говорило: „живи!
„Потуши эту страсть въ твоей юной крови“!

Мнѣ шептали о томъ: и раскидистый лѣсъ,
И луга, и поля, звѣзды съ яркихъ небесъ,
Золотая луна, и журчащій ручей,
И залетный пѣвецъ, другъ весны—соловей!

Мать-природа сильна: мой сердитый порывъ
Усмирила она,—и остался я живъ.

Миновало съ тѣхъ поръ много дней, много лѣтъ,
А я стражду и мнѣ облегченія нѣтъ...

О зачѣмъ-же та ночь такъ была хороша!
Не болѣла-бъ теперь, не томила душа!

П. БЫКОВЪ.

ПОЛОЖЕНІЕ ЖЕНЩИНЫ ВЪ РОССІИ ПО ДО- ПЕТРОВСКОМУ ВОЗВРЪНІЮ.

Домостроевскій взглядъ на женщину, какъ на отверженницу, змѣю и ехидницу, — взглядъ, вытекавшій изъ византійскаго міросозерцанія и историческихъ условій жизни, оказалъ глубокое вліяніе на понятія народныхъ, особенно во времена развитія народнаго церковнаго раскола. Съ одной стороны, аскетическое возврѣніе на женщину и на бракъ, во времена господства въ народѣ страха церковныхъ и гражданскихъ гоненій раскола, какъ „повсюду распростертыхъ антихристовыхъ и ѡсовскихъ сѣтей“, породило въ народѣ фанатическое стремленіе къ „дѣвству“, къ келейному уединенію и безобрачію, или, по выраженію раскольничьихъ писателей, породило разныя „вѣры дѣвственныя и согласія безбрачныя“. ¹⁾ На возникновеніе такихъ явленій имѣло прямое вліяніе вѣковое ученіе о дѣвствѣ и чистотѣ тѣлесной. Учители и наставники народа, видѣвшіе въ безбрачїи идеалъ спасенія и ангельской чистоты, особенно старались внушить отвращеніе отъ общенія съ женщиной и предпочтеніе „чистоты тѣлесной, цѣломудрія, дѣвства“. ²⁾ Вслѣдствіе этого дѣйствительно, предпочитали дѣвство браку. Боязнь соблазна ѡсовскаго многихъ побуждала презирать красоту женскую, подавлять половую любовь постами, умерщвленіемъ плоти, и брачному

¹⁾ Сочин. Андрея Сергѣева о новоженствѣ въ согласїяхъ безбрачныхъ старобрадцевъ. Чтен. Общ. Ист. 1869 г. кн. 3, стр. 126—127.

²⁾ Пам. IV, 198.

житію предпочитать иноческое житіе въ монастырѣ. Старинныя жизнеописательныя повѣсти исполнены сказаніями о томъ, какъ часто „юношѣ, еще юну сушу и плоти цвѣтущей, вмѣсто женитьбы, пріиде пламенное желаніе во иноческій чинъ“, или какъ молодой мужчина „прелѣпу жену оставляеше, поживъ съ нею только одинъ или два года“ и съ горячимъ рвеніемъ уходилъ въ монастырь, „супруга-же его остася юна суши и цвѣтомъ юности цвѣтущи“, а потомъ и она предавалась такому-же иноческому умерщвленію плоти, „дѣвственному житію“ въ монастырѣ ¹⁾.

Неизбѣжнымъ послѣдствіемъ глубокаго укорененія такихъ понятій и стремленій было то, что, когда зародилось раскольничье сомнѣніе въ православіи „никоніанскихъ“ церковныхъ браковъ,—изъ преувеличенной идеи „дѣвства“, „чистоты“ мало-по-малу возникли,—сверхъ скопчества съ его безобразной, антифизиологической „чистотой“,—разныя „дѣвственныя согласія“, „монастырскія общины“, скиты, населенныя мірскими дѣвственниками и дѣвственницами изъ купцовъ, посадскихъ людей, крестьянъ, бѣглыхъ дьячковъ и проч. Таковы, напримѣръ, были „монастырскія“ общины или согласія поморскія, дѣвственное согласіе на Репиной мызѣ въ Польшѣ, а впослѣдствіи и дѣвственныя согласія столичныя и др. Въ общинахъ этихъ первоначально во всей строгости соблюдалась жизнь аскетическая, дѣвственная, запрещалось всякое общеніе мужчинъ и женщинъ, строились особые скиты для обоеихъ половъ, новоприхожіе мужья и жены разводились и постригались въ монахи и монахини, выполнялось аскетическое умерщвленіе похоти строжайшими постами и молитвами, словомъ, господствовало „жестокое дѣвственное житіе“. ²⁾ Учители „дѣвства“, настоятели „дѣвственныхъ вѣръ и согласій“ издавали строгіе уставы дѣвственнаго житія“ и постоянно поучали братій и сестеръ со страхомъ Божиимъ блюсти дѣвственную чистоту и цѣломудріе. Семень Денисовъ (+ 1730 г.), по словамъ историографа Выговской пустыни, „всегда всю братію и сестеръ обоеихъ монастырей, муже-

¹⁾ Пам. IV, 72, 73, 74 и мног. др.

²⁾ См. подробности въ «Исторіи Выговской-пустыни» Ив. Филипова, гл. 4, 13, 14, 28, 24, 33 и др. Историч. очеркъ г. Нильскаго: «Семейная жизнь въ русскомъ расколѣ», стр. 24—30 и др.

свяго и женскаго, съ любовію и моленіемъ поучаль, дабы жили „въ страсть Божіи, во благочестіи крѣпко стояли, заповѣди Христовы и данныя отъ отецъ повелѣнія хранили, наипаче же цѣломудріе и чистоту душевную и тѣлесную хранили“. Въ своемъ „Уставѣ благочинія дѣвственнаго“, въ 29-й статьѣ Денисовъ полагалъ такой завѣтъ дѣвственницамъ - мужьямъ и женамъ: „которые мужи, живущіе въ скитахъ съ женами своими дѣвственнымъ житіемъ, начнутъ съ ними жити не по пустынному общанію, но по мірскому обычаю, таковыхъ, аще достойнѣ не исправятся, изъ пустынныхъ скитовъ вонъ высылать и отъ церкви отлучать, дондеже исправятся“¹⁾. Нарушителей обѣта цѣломудрія строгіе ревнители „суроваго дѣвственнаго житія“ подвергали разнаго рода епитиміямъ, постами, коленно-преклоненіямъ (полагая, напримѣръ, сверхъ соблюденія строгаго 40-дневнаго поста, до 18,250 поклоновъ въ годъ) и проч., а въ случаѣ нераскаянности грѣшниковъ выгоняли ихъ изъ пустыни²⁾. Писатели „дѣвственныхъ вѣръ“ наплодили цѣлую литературу, множество полемическихъ, „бракоборныхъ“ писаній въ защиту „дѣвства“. Денисовъ писалъ „Похвалы честному и высокому дѣвству“, въ которыхъ доказывалъ, что съ прекращеніемъ въ мірѣ истиннаго священства „уничтожилась въ Христовой церкви супружеская тайна“ и насталъ періодъ всеобщаго „дѣвственнаго житія“. Писатели „безбрачныхъ согласій“ не отрицали и тайнства церковнаго брака, но несравненно выше его ставили „безбрачіе, дѣвство“ и съ фанатизмомъ проповѣдовали „дѣвственную вѣру“ и „дѣвственное житіе“. „Мы не возбраняемъ брака, писалъ Андрей Денисовъ, — но почитаемъ дѣвство паче брака“³⁾. Впослѣдствіи извѣстный „бракоборецъ“ Илья Ковылинъ писалъ въ своемъ „чинѣ оглашенія дѣвственнаго“: „мы заповѣдуемъ и мужьямъ хотя и единодомовно соприбывать съ своею супружницею, но цѣломудренно. Смыъ не бракъ отмечается, но, за рассыпаніемъ (неимѣніемъ) руки людей освященныхъ, благословенія на сожитіе и дѣторожденіе получить ни отъ кого не возможно, кольми-же паче въ рожденіи молитвосло-

¹⁾ Г. Нильскаго, «Семейная жизнь въ русскомъ расколѣ». I, 29, 30

²⁾ Чтен. общ. истор. 1869 г., кн. 3, стр. 66.

³⁾ Г. Нильскаго, 1. 21.

вія и очищенія и сорокадневной молитвы, что все оное христіанскій законъ обязуетъ соблюдать. Мы учимъ также, что если бы кто и дѣтямъ своимъ устроилъ бракъ, то такіе, яко пагубу дѣтямъ устроившіе блудомъ, весьма отнюдь отъ церкви Божіей отвергнутся и не примутся въ сообщеніе во вся дни живота своего, дондеже не расторгнутъ беззаконнаго сочетанія чадъ своихъ, и даже при кончинѣ жизни такіе никакой помощи не получаютъ, ни погребенія, ни поминавенія. Да и сіе внушати весьма подобаетъ, что, по прорѣченію церковныхъ учителей, пошлетъ сатана-антихристъ бѣсовъ съ чувственными челоувѣками понирять въ дома и плѣнять женчища, сирѣчь, слабоумныхъ и маловѣрныхъ, и напентывать, яко змій Евѣ, что возможно браки составлять: таковыхъ хотящимъ спастися подобаетъ всяко, затенувъ уши, бѣгати, яко истовыхъ посланниковъ антихристовыхъ и губителей, и даже не слушать самаго перваго произношенія ихъ гласа. И неженатымъ также предъявлять, что, за неимѣніемъ священства и священниковъ тайно-совершителей, бракосовершенія получить не возможно, а должно жить въ православіи дѣвственномъ, въ цѣломудріи безженно жизнь провождать“ и т. д. 1). Всему своему ученію о безбрачїи, о дѣвствѣ писатели дѣвственной вѣры, подобно всѣмъ ученіямъ раскола, не исключая и отвратительнаго скопчества, искали опоры въ священномъ писаніи и твореніяхъ греко-восточныхъ святыхъ отцовъ; они всячески старались подтвердить свое „бракоборство“ церковными канонами, напригѣрь, 31-мъ правиломъ лаодикійскаго собора, 14-мъ правиломъ четвертаго вселенскаго собора, 72-мъ правиломъ шестого вселенскаго собора, правилами о дѣвствѣ Василія Великаго и т. п. Неизбѣжнымъ слѣдствіемъ такой антифизиологической бракоборной пропаганды раскольничьей „дѣвственной вѣры“ было сильное распространеніе самаго грязнаго разврата и самое унижительное положеніе женщины въ дѣвственныхъ согласіяхъ. 2) Удивительноли, послѣ этого, если несчастныя дѣвственницы равно возмущались и озлоблялись, какъ безбрачною, „полюбовною связью“ съ мужчинами, такъ, съ другой стороны, и брачнымъ супружествомъ. Однѣ приходили къ убѣжденію, что „въ бракѣ не

1) Собрн. для истор. старообряд., т. I, стр. 87—93.

2) Г. Нильскаго II, 102—103.

въ примѣръ „счастливыя женщина“, чѣмъ въ „простой полюбовной связи“, и желали закрѣпленія этой связи церковнымъ вѣнчаніемъ; а другія съ отчаянія доходили до радикальнаго бракоробства; такъ, около 1850 года образовался въ окрестностяхъ Москвы новый толкъ—изъ женщинъ и дѣвицъ, при вступленіи въ который отъ каждой изъ нихъ требовалось „письменное удостовѣреніе кровію изъ руки въ томъ, что она ненавидитъ брачное супружество“¹⁾. И могла-ли не накупѣть въ сердцѣ женщины такая озлобленность противъ брачнаго супружества, когда „дѣвственники“, да и другіе старовѣры, вѣря, какъ въ догматику, въ „притчу о женской злобѣ“ или въ „слово о злыхъ женахъ“, постоянно перечитывая ихъ въ своихъ моленныхъ, учили, что „баба сотворена отъ діавола“, что „сатана-антихристъ соблазняетъ и увлечетъ мужицъ женщинами“, что „у человѣка все спасеніе отъ женщины!“ „Легчае, писалъ одинъ раскольничій вожакъ,—легчае со діаволомъ часто срѣтатися, нежели съ добродѣльными женами: преложно бо есть естество человѣческое и удобно на зло прелгается; посему великое есть прельбодѣйство, еже со женами жителствовати... Вложивъ кто огонь въ иѣдра свои, ризъ своихъ не сожжетъ-ли? И аще кто ходитъ по углію огненному, не сожжетъ-ли ноги своя? Постави свѣщу въ сѣно, и аще возможеша, рцы ми, яко не можеть сгорѣти. Такъ опасно, ко грѣху удобо-преклонно общатися и съ женами и дѣвицами... Нынѣшнія дѣвицы такъ отстоятъ отъ древнихъ святыхъ дѣвицъ, елико небо отъ земли.“²⁾

Съ укорененіемъ такого мрачнаго взгляда на бракъ и женщину, естественно, долженъ былъ возникнуть такой-же мрачный, антифизиологичный взглядъ и на дѣторожденіе. Смотра на бракъ, какъ на „скверну“, дѣвственники признавали „скверною“ и самое рожденіе дѣтей, стали „ненавистниками родовъ“, дѣтей называли „кобеличищами и таймичищами“. Уорно ратуя противъ браковъ, особенно въ борьбѣ съ вновь-возникшею и все болѣе и болѣе распространявшею сектою „новоженовъ“, отдѣлившеюся отъ безбрачныхъ согласій,—фанатическіе дѣвственники въ 40-выхъ

1) Тамъ-же, II, 113.

2) Нильскаго, I, 237.

годахъ настоящаго столѣтія начали учить, будто съ 1667 г., со времени воцаренія антихриста, зачатіе и рожденіе дѣтей совершается діаволомъ, и умноженіемъ рода человѣческаго промышляетъ сатана. Въ одной тетради, имѣвшей заглавіе: „Отеческія завѣщанія изъ книги Пандекта, сочиненія блаженнаго, почившаго отца Сергія Семеновича“, и найденной на преображенскомъ кладбищѣ около 50-тыхъ годовъ, заключались, между прочимъ, слѣдующіе пункты: „отъ вѣка по Рождествѣ Христовѣ 1667 года бракъ отъяся и запретися (пунктъ 3-й); къ зачатію младенца душа отъ діавола (пун. 9-й); христіане брачующіеся суть змѣино гнѣздище, сатанино и бѣсовъ его прескверное дворище (пунктъ 10-й); въ христіанскихъ сожитіяхъ мужчинъ и женщинъ родства тѣлеснаго не признавать (пунктъ 11-й); о умноженіи рода человѣческаго промышляетъ сатана (пунктъ 12-й).¹⁾ Чтобъ сильнѣе внушить народу „ненависть къ дѣтямъ“, въ дѣторожденію, „лютые“ дѣвственники, аскетическіе маніаки стали въ виршахъ изувѣрно проповѣдовать:

Что къ зачатію человѣка,
Нынѣ въ жизни душу вѣка,
Богъ творецъ не посылаетъ
Самъ діаволь помѣщаетъ,
Сатана виждетъ людей
Множество числомъ семей.²⁾

Вслѣдствіе такого ученія, дѣвственники безчеловѣчнѣйшимъ образомъ относились и къ женщинѣ, рождавшей дѣтей, смотря на нее, какъ на скверное, богомерзкое орудіе сатаны. По словамъ Андрея Сергѣева, „дѣвственныхъ согласіевъ духовныя особы уставами соборными и частными приносили новоженамъ знаменитыя отличія, въ числѣ коихъ: въ чадородіяхъ новоженскихъ женщинъ христіанамъ не пособствовать и повиванію не служить; новоженскихъ дѣтей христіанамъ не пестовати; новоженскаго младенца, крещенаго матерью, новоженѣ не кормить, а поить молокомъ коровьимъ, и изъ горшка, а не изъ рожка“. ³⁾ Или, по словамъ извѣстнаго защитника „брачной

¹⁾ Нильскаго, 11, 95.

²⁾ Тамъ-же, 11, 94.

³⁾ Чтен. Общ. Истор. 1869 г., кн. 3, стр. 128—129.

тайны“ Ивана Алексѣева, — дѣвственники, „какъ звѣри, немилосерды были къ женщинѣ, страдавшей муками родовъ, положили уставъ, дабы отъ всякаго христіанскаго общенія и отъ домовъ, родители и служащіе родамъ отгоними были“, запретили „бабамъ помоществовати тому нужному дѣлу (родамъ), подъ угрозою отлученія отъ молитвъ и яденія за ослушаніе, не тоємо сами не сожалѣли, но и пристоящимъ на то женамъ въ бѣдствѣ родовъ не велѣли сострадати родильницѣ, напротивъ, толико страждущей рожденіемъ женѣ требовательно заповѣдали своимъ, да не помоществуютъ, и повелѣли оставляти умерети той рождавшей женѣ, нежели осквернитися, прикоснувшись болѣзнямъ она“. ¹⁾

Въ противоположность развивавшимся въ средѣ дѣвственныхъ согласій воззрѣніямъ на женщину и бракъ, въ противоположность выродившейся изъ этихъ воззрѣній отвратительной практикѣ въ той массѣ русскаго народа, которая не пристала къ „дѣвственнымъ согласіямъ“, укоренилось глубокое отвращеніе отъ всякихъ безусловно-свободныхъ естественныхъ связей мужчинъ и женщинъ. Книжники народныя, на основаніи старопечатныхъ церковныхъ книгъ, внушали народу, что идеаль его нравственной чистоты, непремѣнное условіе спасенія заключается въ бракѣ, при какихъ-бы обстоятельствахъ онъ ни заключался; что внѣ брака все — блудъ и оскверненіе плоти, что самая несчастная, тяжелая и подневольная супружеская жизнь лучше безбрачія... Подъ вліяніемъ такого ученія „божественныхъ книгъ, въ умѣ народномъ такъ глубоко укоренилась вѣра въ непреложную необходимость брака, какъ высшаго идеала спасенія, что даже вожди „бракоборныхъ или безбрачныхъ согласій“, какъ мы видѣли, прямо, искренно высказывали, что они вовсе не отрицаютъ самаго догмата о чистотѣ и нравственномъ значеніи брака, а только отвергаютъ „виконіанскіе браки, какъ еретическіе, и вѣрують, что съ оскудѣніемъ истиннаго священства въ Россіи, некому стало благословлять браковъ, а потому уничтожилось и самое бракосовершенство. Когда въ безбрачныхъ согласіяхъ, по естественной неизбѣжности, сталъ усиливаться развратъ, изъ среды самихъ „дѣвственныхъ согласій“ выступили энергическіе защитники и проповѣдники „тайны брака“, каковы, на примѣръ, были поморецъ Мих.

¹⁾ «О тайнѣ брака», глава: «изысканіе шестое о времени рожденія женъ».

Выпштинъ, федосѣевецъ Иванъ Алексѣевъ, Заяцевскій, Скочковъ и многіе другіе, все свое ученіе о бракѣ всецѣло основывавшіе на старопечатныхъ богослужебныхъ и церковно-учительныхъ книгахъ. Иванъ Алексѣевъ, по собственнымъ словамъ его, „во многія времена, съ великими трудами и нищетою тѣлесныхъ потребъ изучилъ многія церковныя книги, многія правила, исторіи и повелѣнія восточной церкви“ и такимъ путемъ пришелъ къ убѣжденію, что тайна брака установлена самимъ Богомъ и брачное сожитіе есть необходимо челоувѣку ¹⁾. Будучи самъ безпоповцемъ и въ своей „тайнѣ брака“ смѣло развивая первые зачатки не столько церковнаго, сколько естественнаго брака, — Алексѣевъ, однакожь, до того проницнуть церковно-догматическимъ воззрѣніемъ, почтенемъ къ освященному давнимъ вѣрованіемъ ученью, боязнью отступленія отъ утвержденного церковью и проповѣдованнаго святыми угодниками божіими пониманія, что съ негодованіемъ обличалъ бракоборцевъ за ихъ „клевету на учителей и столповъ церковныхъ“ и соглашался даже допустить вѣнчаніе браковъ въ православныхъ церквяхъ православными священниками. Божія церковь (старообрядческая) не умствуеть внѣшнее (никоніанское) вѣнчаніе браковъ за блудническое сходбище, но за сущій бракъ и законный, о чемъ и шестого вселенскаго собора правило 72-е ясно повазуетъ“. ²⁾ Самыя понятія о необходимости брачнаго сожительства мужчинъ и женщинъ выводимы были не изъ признанія естественныхъ, фізіологическихъ потребностей, а изъ старо-печатныхъ книгъ. ³⁾ Даже въ новѣйшее время, когда въ нѣкоторыхъ безпоповщинскихъ согласіяхъ вводились такъ называемые „сводные браки“, — и въ это время старообрядческіе учителя, составляя свои, новые, своеобразные „уставы брачныя“, никакъ не могли отрѣшиться отъ домостроевскаго элемента. Чтобы, для успокоенія своей совѣсти, освятить „сводный бракъ“ церковной санкціей, они сочиняли, по примѣру и по образцамъ православно-церковныхъ требниковъ, свои „брачныя чины“, на примѣръ: „чинъ

¹⁾ «Книга о тайнѣ брака», написан. Алексѣевымъ въ 1762 г.

²⁾ О тайнѣ брака, гл. I: «Исслѣдованіе истиннаго разума святыхъ отецъ правилъ, ихъ-же нѣдци по ложному мнѣнію на отрицаніе браковъ приемятъ».

³⁾ Нильскаго, II, 268—269.

обрученія старовѣрческой церкви брачущихся“, „чинъ или обрядъ вѣчанія“, „чинъ или обрядъ очищенія жены, родившей отрока“, „канонъ Господу Богу на обрядъ бракосовершенія нерукоположенными мужами поморской церкви, или канонъ, пѣваемый во время сочетанія брака, иначе чинъ брачному молитвословію“. Въ „канонѣ или чинѣ брачному молитвословію“, сочиненномъ Гав. Скачковымъ, — прежде всего „звѣчается, что во время пѣнія антифоновъ должно немедленно зажечь свѣчи у мѣстныхъ образовъ и въ паникадилѣ; налой-же, на которомъ полагается евангеліе съ крестомъ, или животворящій крестъ, долженъ приуготовленъ быть во всемъ своемъ видѣ среди часовни, отступя отъ крылосовъ взадъ на локоть или полтора, до входа повобрачныхъ, предъ коимъ должны горѣть въ подсвѣчникахъ двѣ свѣчи. По окончаніи антифоновъ, настоятель занимаетъ свое мѣсто, пѣвчіе-же по крылосамъ и кладутъ всѣ совоюпно, кромѣ внѣшнихъ, обыкновенныхъ началъ, послѣ коего подходитъ настоятель къ брачущимся и спрашиваетъ ихъ велегласно: „охотоу-ль и безъ всякаго принужденія берешь сію рабу Божию?“ Отвѣчаетъ: „охотоу и безъ всякаго принужденія“. „Въ вѣчную-ли и нераздѣльную жизнь съ нею вступаешь?“ Отвѣчаетъ: „Въ вѣчную и нераздѣльную“. „За самый-ли истинный бракъ вмѣняешь сіе священное обстоятельство?“ Отвѣчаетъ: „За самый истинный“. Также и съ невѣстою поступается. По обязательствѣ семъ настоятель провозглашаетъ четѣ: „Господа новобрачные, для точнаго засвидѣтельствованія вашей сердечной истины, цѣлуйте животворящій крестъ!“ кои, подхода благоговѣйнымъ образомъ къ оному, вкупѣ перекрестясь, съ двукратнымъ поклоненіемъ въ поясъ, и еще перекрестясь, цѣлуютъ правую ногу Христа Спасителя, и, пакы перекрестясь, кланяются вмѣстѣ до земли, и идутъ на свое мѣсто, Пѣвчіе-же поютъ Псаломъ 122-й: „Блаженн вси, боящіяся Господа“ на шесть приемовъ 7-мъ гласомъ. По прочтѣніи сего, настоятель замолитствуетъ: „Аминь, Царю небесный, Трисвятое, Слава и нынѣ, Пресвятая троице, Господи помилуй (3) Слава и нынѣ, Отче нашъ“. По возгласѣ, чтець: „Аминь“, „Приидите поклонимся“ съ поклонами, и читаетъ псаломъ: „Господи, услыши молитву мою“. По прочтѣніи сего: „Слава и нынѣ“, „Аллилуія“ 2-жды съ поклонами, а третій разъ пѣтъ: „Богъ Господь“ на 1-й гласъ. Затѣмъ всѣ церковныя пѣсни и молитвы въ „брачныхъ чинахъ“ или

„канонахъ“ безъ всякаго измѣненія заимствованы изъ требника или служебника православной церкви. Напримѣръ, въ „канонѣ, пѣваемомъ во время сочетанія брака“, сочиненномъ тѣмъ-же Скачковымъ, заимствованы церковныя пѣсни въ такомъ порядкѣ: „Тропарь (Гласъ), Богородичень, ирмосъ, катавасія; пѣснь 3-я, ирмосъ, богородичень, сѣдаленъ (гласъ 6-й)... Пѣснь 6-я, ирмосъ, кондакъ, икосъ, прокименъ и проч. ¹⁾. Мало того: привязанность къ церковной обрядности у безпоповцевъ доходила до того, что проповѣдники „естественныхъ“, или „сводныхъ браковъ“ старались санкціонировать церковнымъ молитвословіемъ даже самую свадьбу народную. Народнымъ свадебнымъ обрядамъ— „смотрѣнью“, „сговору“, „рукобитью“, „дѣвичнику“—они придавали церковно-обрядовую форму, совершали ихъ, по правиламъ Домостроя, съ церковными молитвами и колѣнопреклоненіями. Напримѣръ, на „рукобитіи“, по брачному уставу, сочиненному въ 1803 году Павломъ Онуфріевымъ Любопытнымъ,— „всѣ бывшіе гости кладутъ обыкновенный началъ, по окончаніи котораго старѣйшій замолвствуетъ; по сказаніи „аминя“ поютъ стихи—первый: „Владычице, пріими молитву рабъ своихъ!“ Второй: „Не остави насъ въ человѣческое предстояніе!“ Третій: „Подаждь утѣшеніе своимъ рабамъ, всенепорочная!“ И по пропѣтіи каждаго стиха власть земной повлонъ; наконецъ: „Слава и нынѣ“, „Господи помилуй“ дважды, „Господи благослови!“ и отпускаетъ старѣйшина, говоря отпускъ: „Господи Іисусе Христе Сыне Божій, ради молитвъ Пречистыя Ти Матере и святыхъ славныхъ и всехвальныхъ апостолъ (и святыхъ, которыхъ имена имѣютъ женихъ и невѣста) и всѣхъ святыхъ, помилуй и спаси насъ, яко благо и человѣколюбецъ!“ а по „аминѣ“: „Господи помилуй“ трижды, и т. д. ²⁾.

II.

До-петровское воззрѣніе на человека и природу.

Изложивъ въ общихъ чертахъ общественное положеніе женщины въ до-петровскую эпоху, ея тяжелыя судьбы впродолженіи

¹⁾ См. этотъ «Канонъ» въ Чтен. общ. истор. 1869 г. кн. 3, стр. 46—57.

²⁾ См. «Уставъ брачный» въ Чтен. Обществ. Истор. 1869 г. кн. 3, стр. 29—39.

нѣсколькихъ вѣковъ, мы невольно останавливаемся передъ вопросомъ: чѣмъ именно обусловливалась эта страдальческая роль женщины? Гдѣ источникъ ея униженія и отверженности? На это отвѣтитъ намъ общее воззрѣніе на человѣка и природу древней, допетровской Россіи.

На борьбу съ первобытнымъ естественно-религіознымъ страхомъ передъ грубой физической силой человѣка, породившимъ всѣ виды первоначальнаго общественнаго порабощенія человѣческой природы, выступала новая сила, церковно-византійская. На-встрѣчу „сильнымъ мужамъ“, богатырямъ, выходили изъ Византіи другіе „сильные человѣки“ — церковные іерархи, владыки, игумены, іереи и монахи, ¹⁾ и, объявивъ войну старому языческому міросозерцанію, грозно возвѣстили страхъ „невидимой высшей силы“. „Страшно было, братіе, говорили утрашенные язычники, — страшно было видѣть ужасныя чудеса невидимой силы Божіей: великъ есть Богъ всемогущій, творящій дивныя чудеса, и велики слуги его!“, ²⁾ Напрасно „сильный мужъ“ — богатырь „Алеша Поповичъ младъ“ вызывалъ эту „силу нездѣшнюю“ на неравную борьбу, напрасно похвалялся: „подавай намъ силу нездѣшнюю, мы и съ тою силою, витязи, справимся“!

Какъ промолвилъ онъ слово неразумное,
 Такъ и явилась сила нездѣшняя...
 Бросились на силу всѣ витязи:
 Стали они силу колоть—рубить...
 А сила все растеть—да растеть,
 Все на витязей съ боемъ идетъ...
 Не столько витязи рубять,
 Сколько добрыя кони ихъ топчуть...
 А сила все растеть—да растеть,
 Все на витязей съ боемъ идетъ...
 Бились витязи три дня, три часа, три минуточки,
 Намахались ихъ плечи могутныя,
 Уодялися кони ихъ добрыя,
 Притупились мечи ихъ булатныя...
 А сила все растеть—да растеть,

¹⁾ Памятн. стар. рус. литер. IV, 187: 'сты, іерей, сильный человекъ на земли, не бойся никого».

²⁾ Пам. I, стр. 72—73.

Все на витязей съ боемъ идетъ...

Испугалися могучіе витязи!

Побѣжали въ каменные горы, въ темныя пещеры...

Какъ побѣжить витязь къ горѣ, такъ и окаменѣть;

Какъ побѣжить другой, такъ и окаменѣть;

Какъ побѣжить третій, такъ и окаменѣть;

Съ тѣхъ-то поръ и перевелись витязи на святой Руси! ¹⁾

Пришедшіе изъ Византіи церковные іерархи и учителя возвѣстили, вмѣсто языческаго страха предъ таинственными силами природы внѣшней и человѣческой, страхъ предъ Богомъ, страхъ предъ единымъ всеильнымъ Творцомъ и грознымъ Вседержителемъ силъ природы внѣшней и человѣческой. Они отвергли всѣхъ языческихъ боговъ природы и, грозно возвѣстивши страхъ будущаго суда Божія, такимъ образомъ отклоняли отъ почитанія боговъ природы, — боговъ грома, солнца, вѣтра, рѣкъ и проч. ; Люди, учили они, — забывъ страхъ Божій, приступили къ идоламъ и начали приносить жертву молніи и грому, солнцу и мѣсяцу, или Перуну, Хорезу, Сварожичу, виламъ, берегиняамъ; а другіе стали молиться огню, камнямъ, рѣкамъ, источникамъ, лѣсамъ и дровамъ. О, злая діавольская прелесть! Если вы, творящіе такъ, не отстанете отъ проклятой службы діаволу, то достойни будете на страшномъ судищѣ Божиемъ огня неугасимаго и смолы вѣчно-кипящей“ и проч. ²⁾ Такимъ образомъ словами, направленными противъ язычества (лѣтоп. рус. словесн. и древн. т. IV) вмѣсто фетишическаго или политеистическаго чувства страха предъ таинственными силами природы, проповѣдники новаго міросозерцанія воспитывали въ народѣ монотеистическое чувство страха предъ единымъ Творцомъ и владыкой силъ природы, со страхомъ и трепетомъ исполняющихъ Его уставы и велѣнія. Въ силу новаго ученія признается только одинъ устроитель всего порядка и „чина“ въ природѣ, въ разнообразныхъ дѣйствіяхъ природы усматривается единство предустановленныхъ Творцомъ вселенной конечныхъ цѣлей, а земля и человѣкъ представляются какъ-бы центрами, къ которымъ направляются и вокругъ которыхъ сосредоточиваются всѣ совершающіяся въ мірѣ явленія... Вотъ какъ, между прочимъ, сильный

¹⁾ Буслаевъ: Истор. очерк. рус. народн. словесн. т. II, стр. 18.

²⁾ Отд. III: Слово I, II и VII-

обличитель языческаго страха природы, владимірскій епископъ Серапіонъ, говорилъ: „Вы слышали о наказаніяхъ, отъ Бога посылаемыхъ на землю издревле до потопа на исполнновъ — огнемъ, во время потопа — водою, въ Содомъ — горючею сѣрою, при Фараонѣ — десятью казнями, на хананеевъ — шершнями и огненными камнями съ неба, при Давидъ — моромъ, при Титѣ — землетрясеніемъ и паденіемъ города. А надъ нашимъ народомъ чего мы не видѣли? Голодъ, моръ и землетрясенія! А все это отъ Бога, который устроетъ намъ спасеніе наше. Нынѣ же умоляю васъ, — покайтесь въ прежнемъ безуміи!“ Когда въ 1230 году землетрясеніе поколебало Кіевъ, такъ что треснула на четыре части каменная церковь печерскаго монастыря, епископъ Серапіонъ, пользуясь этимъ случаемъ, опять внушалъ народу страхъ Божій и страхъ казней Божіихъ, проявлявшихся посредствомъ таинственныхъ силъ природы. „Господь уже не устами, говорилъ онъ, — но дѣломъ насъ наказуетъ: вотъ нынѣ землю трясеть и колеблетъ, беззаконія и грѣхи многіе отрясти хочеть, какъ листья съ дерева. Вы скажете: бывали и прежде землетрясенія. Такъ, бывали, но потомъ что было намъ? Не голодъ-ли, не моръ-ли нѣсколько разъ? А нынѣ вотъ снова землю трясеть“ и т. д. ¹⁾. Издревле на славянскія племена наводили паническій страхъ и ужасъ — то страшныя грозы, то землетрясенія, то моровыя повѣтрія, или засухи и голодовки, то непонятныя, таинственныя и страшныя знаменія на небѣ и въ воздухѣ — затмѣнія солнца и луны, звѣзды „хвостатыя“, разныя метеорологическія явленія и т. п. И вотъ, во всѣхъ этихъ грозныхъ явленіяхъ природы книжники и учителя указывали на страшный „перстъ Божій“, на гнѣвъ или „ярость Саваофа“, на „казни Божіи“, такъ какъ повсюду въ природѣ они созерцали единаго Владыку и Царя царей, которому со страхомъ и трепетомъ работаетъ вся природа. Иногда подвижники, подобно ветхозавѣтнымъ пророкамъ, выходили изъ затворовъ своихъ и страшили грѣшный народъ явленіемъ огненныхъ тучъ и воздушныхъ камней. Разъ, въ городѣ Устюгѣ, въ день недѣльный, когда множество народа собралось въ церковь, входитъ въ храмъ юродивый Прокопій устюжскій и, по окончаніи молебна, вдругъ возглашаетъ народу: „братья, покайтесь! аще-

¹⁾ Прибавл. къ твор. св. отецъ, т. II, Новгор. лѣт. I, 45.

ли не покаетесь, за то убо злѣ имате погибнути огнемъ и водою, и всему граду нашему“. Народъ, по словамъ жизнеописателя Прокочія, „не внялъ словеси его въ разумъ, говоря, яко сей человекъ юродъ есть, и никогда-же онъ смысленно глаголетъ“. Но Прокочій не умолкъ: по окончаніи обѣдни, на паперти, съ рыданіемъ и слезами онъ опять громко возвѣщалъ: „найдетъ на градъ Устюгъ туча превеликая, огненная, и будетъ громъ многъ и страшень зѣло, и каменіе огненное спадетъ съ неба“. Ту-же проповѣдь онъ повторялъ потомъ, ходя по всему городу Устюгу. Устюжане только смѣялись надъ нимъ. Но „было во вторую недѣлю, говоритъ жизнеописатель Прокочія устюжскаго, — отъ полудни нашель на градъ Устюгъ облакъ темный, и былъ какъ ночь темная, потомъ явились и возстали со всѣхъ четырехъ сторонъ тучи великія, а изъ тучъ исходила молнія огненная безпрестанная, и громъ большой и страшный гремѣлъ сильно надъ городомъ Устюгомъ, такъ что не слышно было, что говорили другъ съ другомъ, а земля отъ того страшнаго труса непрестанно колебалась и тряслась, а тучи огненныя хотѣли вскорѣ соступиться вмѣстѣ: тогда-же отъ молніи и отъ грому огненнаго зной превеликой былъ, и начало-было падать съ неба каменіе многое и безчисленное. Народъ-же многъ, видѣвъ сіе неисповѣдимое чудо, пришелъ въ смятеніе и убоаяся страшно, тогда вспомануть проповѣдь блаженнаго Прокочія: тогда весь народъ, отъ мала до велика, и матери съ младенцами, и старцы и юноши, всѣ побѣжали въ церковь и начали пѣть молебны и каноны читать, и акафистъ Богородицѣ и Благовѣщенію, на колѣняхъ, со слезами многими и воплемъ крѣпкимъ горько и жалостно вопили: „Помилуй насъ, Господи!..“ И по малѣ стала тишина велія, и не было грому и молніи, и облака огненныя, разводясь на всѣ стороны, пошли на мѣста пустынныя, и тамъ попадали многіе лѣса и дѣбри, а тѣмъ многимъ и безчисленнымъ каменьямъ инныя деревья искоренили, разбили въ дребезги, а инныя пополамъ поломали: отъ Устюга та пустыня отстоитъ 20 поприщъ, именуется Косовельская весь, въ нее попадали изъ той тучи превеликія каменія на землю ту, а ломовный лѣсъ видимъ былъ и донинѣ многими людьми“¹⁾).

1) Житіе Прокочія Устюжскаго, по рукописи Соловевк. библіот.

Въ умѣ народномъ съ крайней медленностью развивались разумныя понятія о вѣдшей природѣ и, слѣдовательно, крайне медленно раскрывалась и уяснялась мрачная, обширная область неизвѣстнаго; естественно, что надъ мыслию должно было долго господствовать чувство страха всего неизвѣстнаго, мрачнаго, таинственнаго. Къ тому-же природа сѣверо-восточной русской земли была мрачна, сурова и непривѣтлива. Въ народѣ еще не исчезъ первобытный, языческій страхъ природы. Грозная проповѣдь церковная, съ своей стороны, не могла не производить глубокаго впечатлѣнія, и вотъ подъ ея вліяніемъ первобытный фетишическій и политеистическій страхъ таинственныхъ силъ природы все болѣе и болѣе перевоспитывался въ массѣ народной въ трепетное ощущеніе вседѣйствующаго единаго Бога, сенсуальное міросозерцаніе смѣнялось супранатуралистическимъ, фетишическій страхъ предъ каждымъ отдѣльнымъ предметомъ и явленіемъ природы — монотеистическимъ страхомъ Господнимъ. „И поселяне, живущіе въ веси, говоря словами древней повѣсти объ Іоаннѣ и Логгинѣ Яренгскихъ, — зрѣли на солнцѣ и познавали присносущаго свѣта-Бога; видѣли небеса — разумѣвали творчю славу; землю зрѣли — внимали величеству владычню; море видѣли — познавали силу владѣющаго имъ; взирая на звѣздное теченіе и смотря на луну, — удивлялись сіянію положившаго то. Главизна-же и начало премудрости ихъ есть страхъ Господень: страхъ Божій они полагали въ сердцѣ своемъ, ибо подобаеъ зиждителя, животомъ и смертію владычествующаго, имѣющаго силу миловать и мучить, подобаеъ его бояться, трепетать и благоговѣть предъ нимъ“¹⁾. Въ основу физическаго міросозерцанія полагалась теологическая идея единства Божія и богопочтенія. По мѣрѣ распространенія такого теолого-физическаго міросозерцанія, самое чувство страха, возбуждаемое таинственными, грозными силами природы, выражаясь въ невольныхъ мышечныхъ движеніяхъ, — молитвахъ и колѣнопреклоненіяхъ, являлось уже въ новой формѣ, не похожей на первобытную форму. Гремѣль, напрімѣръ, громъ, и народъ, испуганный его внезапнымъ грохотомъ и ударомъ, падая ницъ, преклоняясь на колѣни, по ученію церковныхъ книжниковъ, произносилъ такую

¹⁾ Сborn. Соловец. библ. № 182: Житіе Яренгскихъ чудотворцевъ Іоанна и Логгина.

молитву: „Святъ, святъ, святъ, сѣдай въ грому, обладавый молніями, проливый источники на лицѣ земли! О, владыко страшный и грозный! Самъ суди окаянному діаволу съ бѣсы, а насъ грѣшныхъ спаси, всегда и нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ, аминь. Умъ преподобенъ, самоизволенъ, отечеству избавленіе, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ, аминь... Боже страшный, Боже чудный, живый въ вышнихъ, сѣдай на херувимѣхъ, ходай въ громѣ, обладай молніями, призывай воду морскую на лице всея земли! Боже страшный, Боже чудный! Самъ казни врага своего діавола, всегда, нынѣ и присно, во вѣки вѣковъ, аминь!“ Сія молитвы глаголати, учили церковныя книжники, — егда громъ возгремитъ ¹⁾. Новгородскій лѣтописецъ, рассказавъ о приключившейся въ 1419 году одному лицу отъ огня небснаго кончинѣ, прибавляетъ: „Невидимъ есть громъ, ни рукъ человѣческихъ не имѣеть, но вырываетъ подруги отъ ужикъ своихъ и чадъ отъ родителей, и убиваетъ, превращаетъ и растерзываетъ, а во всемъ этомъ громъ только повелѣніе владычне со страхомъ творить, и съ прещеніемъ насъ возставляетъ на такую молитву: Христось, умъ пречистъ, самоизволенъ, отъ Бога честь, отчее избавленіе!“ ²⁾ Точно также и другія физическія явленія, сильно потрясавшія нервную систему, возбуждали въ народѣ только страхъ „казней Божіихъ“. Лѣтописцы, описывая эти физическія явленія и происходящія отъ нихъ страданія народныя, обыкновенно восклицали: „о, ужась, о, страхъ! О, горе тогда, братіе, бѣше! О, горе бѣше, туга велика и печаль людемъ. Кажи, Господи, накажи, а смерти не предай!“ ³⁾ И такъ-какъ разныя естественныя бѣдствія, по физико-географическимъ условіямъ русской земли, поражали народъ весьма нерѣдко, разъ по 20 и болѣе въ столѣтіе, и дѣтъ въ пять не то, такъ другое изъ нихъ возобновлялось, — то страхъ „казней Божіихъ“ возбуждалъ нервную систему нѣкоторыхъ людей до предчувствія физическихъ золь. Новгородцы, напр., часто видѣли и испытывали наводненія и потопы изъ озера Ильмена и р. Волхова, часто страдали отъ страшныхъ, опустошительныхъ моровыхъ повѣтрій, часто подвергались ужаснымъ, разрушительнымъ пожа-

¹⁾ Рѣчь Буслаева о народн. повѣз., прилож. V, стр. 18.

²⁾ Новгород. лѣтоп. IV, стр. 118—119.

³⁾ Новг. I, 46. II, 128 и мног. друг.

рамъ,—и вотъ новгородскому пономарю Тарасію привидѣлось „ужасное видѣніе, страшной грозы исполненное“: въ первый разъ показалось ему съ верху церковнаго, будто надъ самымъ Новгородомъ великимъ озеро Ильмень поднялось на высоту и Господь хотѣлъ потопить городъ за умноженіе грѣховъ всенароднаго множества; во-второй разъ видѣлъ онъ, какъ множество ангеловъ стрѣляли огненными стрѣлами въ народъ новгородскій, и Богъ посылалъ моръ на людей на 3 лѣта; въ третій разъ видѣлъ тучу огненную надъ городомъ, угрожающую пожаромъ, отъ котораго должна была сгорѣть вся торговая сторона и людей многое множество.“¹⁾ Въ сѣверномъ поморьи, гдѣ, по свидѣтельству народныхъ челобитныхъ, „мѣсто пришло студеное, близъ студенаго окіяна-моря, и снѣги часто все лѣто мало сходили, и хлѣбъ по вся лѣта морозомъ побивало,“—въ сѣверномъ поморьи часто случались сильные морозы даже лѣтомъ и снѣгъ иногда выпадалъ въ іюлѣ мѣсяцѣ. И эти явленія, по сказанію книжниковъ, бывали для людей не всегда случайными явленіями, а и грозными казнями божіими. Напримѣръ, въ 1643 году одинъ трудникъ соловецкаго монастыря, работавшій въ „кузнечной службѣ“, рассказывалъ, что ночью на 1 Мая ему явился во снѣ нѣкій старецъ и сказалъ: „помолися, Иванъ, Богу, и послушай, что я скажу, и говорилъ ему: скажи игумену, что старцы живутъ неподобно: сего ради постигнетъ ихъ божіе наказаніе, возстанетъ въ пятидесятый день туча снѣжная большая и будетъ морозъ; если-же не послушаютъ, то вѣръ мнѣ, что попутья и роспуску людямъ мірянамъ на промыслы не будетъ до Ильина дни. И когда настала суббота седьмой недѣли по пасхѣ, въ тотъ-же день, повелѣніемъ Божіимъ, внезапно возсталъ буря страшная и нашла туча снѣжная, стоявшая три дня и три ночи, снѣга ниспало безмѣрно много и настали морозы большіе отъ яковлева дня, и лежалъ тотъ снѣгъ на землѣ дней двадцать, и послѣ того уже холодъ преложился въ теплоту и дождь благотворный большой спалъ, лилъ весь день тотъ до самой ночи: на утро-же была солнечная теплота большая и губа морская вскорѣ отъ льдовъ очистилась.“²⁾

Ученіе о грозныхъ явленіяхъ природы, какъ казняхъ божі-

¹⁾ Пам. 11, 315.

²⁾ Житіе игум. Соловец. Ирнарха. Рукоп соловец. библ. № 28^а, л. 9.

ихъ, иногда слишкомъ впечатлительно дѣйствовало на нервную систему женщинъ. Въ нихъ оно возбуждало экзальтированную ревность объ исправленіи общественныхъ нравовъ, объ искорененіи въ народѣ обычаевъ, казавшихся противными заповѣдямъ божіимъ и свято-отеческой старинѣ. Такъ, въ томъ-же сѣверномъ поморьѣ въ 1641 году многія женщины, воодушевившись чувствомъ страха Божія, ходили по волостямъ и погостамъ и проповѣдовали, что „будетъ на землю испущено каменіе много-огненное, и наступитъ морозъ сильный, и будетъ хлѣбный недородъ, и что имъ являлись самъ всемилостивый Спасъ и Пречистая Богородица и велѣли росписи росписывать и разсылать по вѣмъ городамъ и по погостамъ и по волостямъ, чтобъ православные христіане отнюдь табаки не пили, матерно не бранились-бы и по праздникамъ не работали; а буде стануть пить табаку и заповѣдей Божіихъ не слушать, за ихъ непослушанье будетъ на землю каменіе много испущено огненное, будетъ морозъ лютый и хлѣбъ не родится.“¹⁾

Но при богобоязненномъ воззрѣніи на природу, какъ проявленіе воли и силы Божіей, длилась и боязнь пытливаго отношенія къ природѣ, нерасположеніе ко всякимъ попыткамъ познавать ея явленія и законы и углубляться въ ея тайны. Византійскіе наши учителя не только не принесли никакихъ книгъ о природѣ, написанныхъ древне-греческими естествоиспытателями, но еще съ самаго начала строго запретили чтеніе всякихъ естественно-научныхъ „еллинскихъ книгъ.“ Познаніе астрономіи, напримѣръ, по ученію Гишпарха, и, вообще, усвоеніе эллинскаго естествознанія они признали „душевыми грѣхомъ! „А се, учили они, — душевніи грѣхи — учиться астрономіи и вѣрѣти въ еллинскія книги.“²⁾ Какъ физическое ученіе древне-греческихъ натуралистовъ было признаваемо богопротивнымъ, антихристіанскимъ, такъ и всякое изученіе ихъ естественно-научныхъ книгъ почитаемо было противнымъ божественному писанію и христіанству. Въ VI вѣкѣ Козьма Индикоплавтъ въ своей „книгѣ о мірѣ“ писалъ: „нѣкоторые, думая быть христіанами, но не помышляя о божественномъ писаніи и преобидя его, стараются познать міръ по ученію вѣшнихъ философовъ,

¹⁾ Сборн. Солов. библ. № 925, л. 35—45.

²⁾ Слова, направленныя противъ язычества въ Лѣтоп. Литерат., слово VI. «Дѣло», № 6.

и согласно съ ними, прельщаясь солнечнымъ и луннымъ теченіемъ, представляютъ образъ небесный кругообразнымъ. Прежде всего такъ обольщающимся, первымъ долгомъ, должно сказать, что невозможно оставаться и называться христіаниномъ тому, кто хочетъ изучить еллинскія ученія о мірозданіи, ибо всѣ ихъ мудрованія не истинны, льстивны.“¹⁾ Въ это время на Западѣ древне-греческія и арабскія книги по части естествознанія сильно пробуждали естествоиспытательную мысль, но на Руси были строго возбраняемы всякія еллинскія, арабскія и латинскія сочиненія о природѣ, даже такія, каковы, наприимѣръ, „Луцидаріусъ“ (Lucidarius)—энциклопедическій сборникъ физическихъ и астрономическихъ свѣденій. Максимъ Грекъ поучалъ русскихъ: „латиняне много прельстились вѣшними учительствами, еллинскими и римскими ученіями и арабскими книгами; а вамъ не подобаетъ внимать ихъ ученію, ни переводить ихъ книгъ на русскій языкъ. Берегитесь отъ нихъ, какъ отъ гангрены и злѣйшей коросты. Ибо заповѣдано—высшаго себя не изыскивать, ни уставлять, о чемъ открыто отъ вѣка единому Богу“²⁾. Воспрещая, такимъ образомъ, изученіе эллинскихъ, римскихъ, арабскихъ и латинскихъ книгъ о природѣ, церковные учителя возбраняли и всякія самостоятельныя попытки и стремленія любознательнаго разума къ естествознанію. Они строго осуждали „естественный разумъ“, если онъ порывался познать причины тѣхъ или другихъ физическихъ явленій или „естественныя вины вещей“, какъ выражались церковные учителя. Такой разумъ они считали чуждымъ страха божія, непокорнымъ слову божію. Такъ одинъ педагогъ-книжникъ церковный писалъ: „Обхуждается непокорство божію слову того естественнаго разума, который, будучи изощренъ художествомъ, хитростію, на естественныя вины (причины) явленій взираетъ, а божію слову не повинуется. Такая мудрость міра сего буйство есть у Бога: ибо величайшее есть начало заблужденія, когда хотятъ божественныя и умъ челоувѣческой превосходящія вещи мѣрою челоувѣческаго разума измѣрять. Это подобно тому, какъ если-бы сова хотѣла судить о свѣтѣ солнца, всеконечно силу зрѣнія ея превосходящаго. Лучше къ небу юные умы обращайтесь и клоните, дабы не земное зрѣтъ, не о зем-

¹⁾ Пекарскаго, Наука и литер. при Петрѣ великомъ I, 333.

²⁾ Лѣтоп. рус. лит. и древн. 1859 г. кн. I, отд. II, стр. 35—37.

номъ мудрствовать, а о небесномъ“¹⁾. Вслѣдствіе такого отрицанія естествоиспытательнаго разума были признаваемы „богомерзостными“ и противными страху божію всѣ естественныя, физико-математическія науки. „Богомерзостенъ, говорили они, — передъ Господомъ Богомъ всякъ, любяй геометрію“²⁾. Западныя, латинскіе богословы на геометрію смотрѣли съ теологической точки зрѣнія и въ фигурахъ геометрическихъ видѣли образы или символы божества, а наши книжники боялись и съ такимъ теологическимъ толкованіемъ принимать геометрическое ученіе: въ немъ они видѣли богохульство, ересь. Такъ, напримѣръ, въ рукописяхъ синодальной бібліотеки сохранилось слѣдующее „показаніе отъ писаній святыхъ отецъ о треугольникѣ“: „мудрѣйшій Максимъ Грекъ, обличая нѣмчина Николая Латинника, писалъ глагола, яко землѣрныя образованія (геометрическія фигуры) равноугольныя и неравноугольныя вводили нѣмчина Николая въ странныя и чуждыя благочестивныя и православныя вѣры мудрованія: хочеть симъ треугольникомъ показати Троицу, совиновна быти Отцу Сына въ исхожденіи Духа святаго.... Сія вся мудрость есть латинниковъ, юже помалѣ и сами похулять. Еже-бо кругомъ, отъ точки и времени начинаемъ и рукою человѣческою и кружаломъ описуемъ, божіе безначальное и необразуемое знаменатися — кто, благомудрствуя, не посягнетъ сему. Треугольный-бо сей и прямоугольный образъ пифагорскихъ философовъ... Что сея ереси хульнѣйшее, Бога въ кругѣ заключавшей и по угламъ разставившей! Бѣжати сего всеусердно подобаетъ“³⁾. Астрономія была также отрицаема и считалась „богомерзкою, богоотметною“, какъ и геометрія, и относима была къ „отреченнымъ книгамъ, ихъ-же не подобаетъ чести“⁴⁾. Всякое пытливое разсматриваніе звѣзднаго неба считалось несомвѣстнымъ съ истиннымъ богочтеніемъ. По случаю явленія „звѣзды съ лучомъ“ въ 1618 г., московскіе послы въ переговорахъ съ послами литовскими говорили: „Знаменія небесныя бывають всякими различными образами, и о

¹⁾ См. статью г. Лохвицкаго въ Чтен. общ. истор. «Памятники стариннаго русскаго воспитанія», стр. 33—44.

²⁾ Сборн. солов. библ. № 925, л. 25—26.

³⁾ Г. Сухоминовъ, «Матеріалы для исторіи образованія при Александрѣ I», стр. 217.

⁴⁾ Пам. III, стр. 19, «О астрономіи».

томъ разсуждать никому непригоже. Небесное знаменіе, тварь божія, ему Творцу и работаетъ, а разсуждать про то никому не надобно“¹⁾. Точно также возбранялось усвоить изъ астрономіи всякое физико-математическое ученіе о движеніи небесныхъ свѣтилъ и строго предписывалось буквально держаться одного библейскаго ученія о звѣздномъ небѣ. Такъ, въ „прѣвіи протопопа Лаврентія Зизанія съ игуменомъ Илією“ высказываются такія астрономическія воззрѣнія: „Говорилъ игумень Ілія съ братією: что было у тебя, Лаврентій, написано въ книгѣ о кругахъ небесныхъ, о планетахъ, о водіяхъ, о затмѣніи солнца, о громѣ и молніи, о кометахъ и о прочихъ звѣздахъ, то непристойно, потому что тѣ статьи взяты изъ книги острологіи, а та острологія взята отъ волхвовъ еллинскихъ и отъ идолослужителей: а это съ нашимъ правовѣріемъ несходно. — А почему несходно? спросилъ Лаврентій: я звѣздъ не писалъ, ни зла, ни счастья, ни рожденія человѣческаго, ни по звѣздамъ правленія житія нашего: я написалъ только для свѣденія, чтобы человѣкъ зналъ, какъ устроено то твореніе божіе, а о томъ мы не мудрствуемъ, чтобы звѣздами правилось житіе наше. — Игумень Ілія съ братією на это сказалъ ему: да для чего ты писалъ-то ради свѣденія, а изъ книги острологіи выбиралъ ложныя рѣчи, имена звѣздамъ, а инныя рѣчи отъ своего умышленія прилагалъ и не прямо объяснялъ? — Лаврентій спросилъ: да какъ-же по вашему писать о звѣздахъ?— игумень Ілія отвѣчалъ: мы пишемъ и вѣруемъ, какъ Моисей написалъ: и сотвори Богъ два свѣтила великія и звѣзды, и постави ихъ Богъ на тверди небеснѣй, яко свѣтити по землѣ и владати днемъ и ночью, и разлучати между свѣтомъ и между ночью.—Лаврентій еще спросилъ: а какъ по вашему свѣтила шествія творять? Игумень Ілія съ братією отвѣчалъ: по повелѣнію Божію ангелы служатъ, водятъ тварь. Ибо писано есть во второзаконіи“...²⁾ Точно также, и о землѣ, о водѣ, о камняхъ, растеніяхъ и животныхъ не смѣли иначе разсуждать, какъ по толкованію бібліи. Мало того, что боялись допустить какое-нибудь разсужденіе о природѣ, невытекающее изъ прямого смысла принятыхъ церковью

¹⁾ Ист. Россіи, Соловьева, т. IX, стр. 149.

²⁾ Дѣтоп. рус. лит., ч. II, отд. II, стр. 94—95, «Прѣвіи Лаврентія Зизанія съ игуменомъ Ілією».

книгъ; въ нѣкоторыхъ подчиненіе буквѣ освященныхъ употребленіемъ книгъ доходило до того, что самое существованіе извѣстныхъ явленій природы ставилось въ какой-то зависимости отъ сохраненія или уничтоженія названія этихъ явленій въ церковной книгѣ: такъ, когда въ первой половинѣ XVII вѣка справщики церковныхъ книгъ, исправляя требникъ, вычеркнули въ немъ ненужное, слово „и огонь“ въ молитвѣ водоосвященія: „прииди, Господи, и освяти воду сію Духомъ твоимъ святымъ (и огнемъ)“, то суетвѣры ужаснулись и завопили, что справщики, вычеркивая „огонь“ изъ „прилога“ въ требникѣ, хотятъ черезъ это *вынять огонь съ земли*, хотятъ огонь уничтожить и чрезъ то лишитъ людей огня. Точно также, когда исправлены были церковныя книги при патр. Никонѣ, суетвѣры завопили, что отъ этого исправленья богослужбныхъ книгъ произошелъ страшный моръ на людей. Вообще, испытаніе тайнъ природы представлялось продерзостнымъ высокоуміемъ. Наши книжники постоянно повторяли такую заповѣдь: „братіе, не высокоумствуйте, но въ смиренномудріи пребывайте; аще кто ти речеть: вѣси-ли всю философію? и ты рци ему: еллинскихъ борзостей не текохъ, ни съ мудрыми философиами и астрономами не бывахъ, но учуся токмо книгамаъ благодатнаго закона... Учися держати умъ, высочайшаго себѣ не изыскивай, а глубочайшаго тебя не испытывай, но елико ти предано отъ Бога, то содержи: глубочайшее убо тебя — бездны провищаніе (геологическое и геогностическое познаніе земли), а высочайшее тебя — небесное измѣреніе (измѣрительная астрономія), высокопаривая мысль, отъ Бога отлученіе. Покой умъ свой благословеннымъ спасеннымъ покоищемъ, еже предано Богомъ всякому хотящему возможно умѣти къ пользѣ вѣчной, еже готово во всякомъ человекѣ — истинное сердечное разумѣніе по мѣрѣ комуждо возможной. Истинная мудрость одна — Христось Сынъ, Божіе слово и Божія премудрость, истиненъ разумъ отъ Бога: аще кто сію мудрость вознесеть, вознесеть его Богъ“. ¹⁾ Вслѣдствіе такихъ вѣковыхъ привычекъ мышленія, даже въ то время, когда умы русскіе, подъ вліяніемъ новыхъ географическихъ открытій на Востокъ и усиливавшихся возбужденій Запада, начинали узнавать о чудесахъ природы, напримѣръ, о диковинахъ сибирской природы,

¹⁾ Сборн. Соловец. библ. № 295, л. 66—68.

о „дивныхъ и чудныхъ“ произведеніяхъ природы въ Ита-
ліи, когда предки наши начинали слышать объ „удивительныхъ
естественныхъ природахъ“, раскрываемыхъ въ западныхъ кни-
гахъ,—даже и въ это время они не иначе осмѣливались поль-
зоваться сборниками свѣденій о природѣ, какъ „съ разумомъ и
прикладомъ страха и прославленія Бога, съ боязнью коварства де-
моновъ, съ хуленіемъ еретиковъ свидѣтельствомъ ветхаго и новаго
завѣта и съ приложеніемъ церковныхъ поученій на цѣлый годъ,
на всѣ праздники Господскіе, богородичныя и святыхъ“. Да и
такія-то книги великорусскіе книжники сами еще не смѣли или
не брались переводить, а переводили ихъ западно-русскіе ученые.
Такъ, Кіевскій ученый Арсеній Сатановскій, вызванный въ Мос-
кву въ 1650 году, перевелъ большой „Сборникъ о природѣ,
собранный отъ 120 творцевъ греческихъ и латинскихъ, какъ
внѣшнихъ философовъ, врачей, также и духовныхъ богослов-
цевъ и сказателей божественнаго писанія: а писаны въ той книгѣ
имена и свойства или естественныя природы различныхъ многихъ
звѣрей четвероногихъ, птицъ, рыбъ удивительныхъ морскихъ, зми-
евъ и всякихъ пресмыкающихся, камней драгихъ, бисеръ, дре-
весь всякихъ, моря, рѣкъ, источниковъ, лѣсовъ, четырехъ стихій,
воды, земли, воздуха, огня; обрѣтаются еще въ той книгѣ по-
вѣсти философовъ на всякую вещь, врачеваніе на многовидныя
болѣзни, обычаи различныхъ языковъ, положеніе странъ, высо-
кихъ горъ, различныя сѣмена, злаки травныя и иное многое со-
бранное и во едино мѣсто совокупленное. А сложено то все ра-
зумомъ и прикладомъ въ Троицѣ Святой единому Богу, съ при-
мѣненіемъ къ ангеламъ, къ человѣку и его добродѣтелямъ и зло-
бамъ, а также и къ коварству демоновъ, къ похваленію святыхъ
божійхъ и къ хуленію еретиковъ, и все это писано съ удиви-
тельнымъ прировнаніемъ и свидѣтельствомъ ветхаго и нова-
го завѣта, и съ толкованіемъ учителей церковныхъ приво-
дится. И такими приводами и чуднымъ остроуміемъ сочине-
ны поученія на цѣлый годъ, на всѣ недѣли и на празд-
ники господскіе и богородичны и на святыхъ и на всю че-
тырдесятницу по два и по три, всякое-же поученіе таково
есть пространно, что отъ всякаго мочно два и три и четыре и пять
поученій сдѣлать“. ¹⁾ Съ такою робостью и боязливостью всту-

¹⁾ Лѣтоп. русск. литер. и древн.

пали въ область естествознанія умы русскіе втеченіи семи или восьми столѣтій, запуганные страхомъ испытанія тайнъ Божіихъ и страхомъ ересей.

Антропологическое міросозерцаніе народа русскаго, по освобожденіи его отъ естественно-религіознаго воззрѣнія на міръ и жизнь, представляло много сходства съ физическимъ его міросозерцаніемъ: какъ во взглядѣ на внѣшнюю природу, такъ и въ воззрѣніи на природу человѣческую церковная проповѣдь прежде всего внушала страхъ божій, какъ высшую, основную точку зрѣнія. По ея ученію, чувство страха божія напечатлѣно въ самомъ составѣ человѣческаго тѣла. „Слово святыхъ отецъ о постѣ“, возвѣщая народу страхъ Божій, поучало: „если, братія, изъ внѣшняго міра не научаетесь бояться Бога, то помыслите и разгадайте о своемъ тѣлѣ, чего въ нашемъ тѣлѣ нѣтъ: въ нашемъ тѣлѣ огонь, холодъ, глисты, черви, и все это лежитъ недвижимо, бояся Бога, не смѣя ничего причинить нашему тѣлу; если-же повелитъ Господь чему-либо встать въ насъ, или прійти въ дѣйствіе недугу, какой есть въ насъ, то великую болѣзнь сотворитъ тѣлу нашему и смерть причинитъ Божіимъ повелѣніемъ: ибо все, братіе, Бога боится и трепещетъ повелѣнія его“. ¹⁾ Такимъ образомъ, какъ во внѣшней, такъ и въ человѣческой природѣ предки наши видѣли только одни „уставы и повелѣнія божіи,“ со страхомъ и трепетомъ исполняемые физическими силами и человѣческимъ организмомъ. Вообще, всѣ отправленія человѣческой природы—и питаніе, и дыханіе, и кровообращеніе, и всѣ патологическія ея явленія со страхомъ исполняютъ законъ воли божіей; а потому и самъ человѣкъ, по словамъ церковныхъ учителей, „всегда долженъ имѣть страхъ божій и опасное вниманіе къ самому себѣ—и въ образѣ, и въ зрѣніи, и въ ходженіи, и въ питаніи, и въ разговорѣ, и въ молчаніи, и во всемъ просто: ибо Богъ зреть на сердце.“ ²⁾

Само собою разумѣется, что при робости ума предъ тайнами жизни природы и человѣка у предковъ нашихъ не могло

¹⁾ Правосл. Соборѣдн. 1858 г. кн. I, стр. 154.

²⁾ Памятн. IV, 201—204.

быть даже зачатковъ какихъ-нибудь точныхъ понятій о человѣческой природѣ. Такъ было и вездѣ. Извѣстно, что и древніе греки въ началѣ, когда, по общечеловѣческому закону умственнаго развитія, переживали физисъ господства чувства страха передъ таинственными силами природы, боялись смѣлаго, пытливаго изслѣдованія человѣческой природы; но потомъ, когда возбужденная, подъ вліяніемъ восточныхъ путешествій и океаническихъ открытій, чувство удивленія чудесамъ природы мало-по-малу породило смѣлый духъ мышленія и изслѣдованія, — передовые греческіе умы съ смѣлою пытливостью занялись анатомо-физиологическимъ познаніемъ человѣческой природы. Аристотель, Гиппократъ, медицинскія школы — догматическая, эмпирическая и методическая — и, наконецъ, Галенъ, достаточно отчетливо понявши идею механизма органическихъ функцій, первые положили основаніе физиологіи. Ихъ опытными изслѣдованіями выработаны были и переданы въ наслѣдство послѣдующимъ генераціямъ человѣчества первыя понятія о мускулахъ и нервахъ, о венахъ и артеріяхъ, о млечныхъ сосудахъ, о процессѣ воспроизведенія и т. п. И западные народы, подобно древнимъ грекамъ, вначалѣ, пока находились еще подъ вліяніемъ страха таинственныхъ силъ природы, также боялись изслѣдованія человѣческой природы; но потомъ, когда передъ ними раскрылся свѣтъ древне-греческаго естествознанія, когда новыя, великія океаническія открытія, возбуждивши чувство удивленія чудесамъ природы, въ нихъ мало-по-малу пробудили смѣлый духъ изслѣдованія, — и на западѣ Европы началось смѣлое, энергическое изученіе человѣческой природы. Послѣ предварительнаго изощренія мыслительныхъ способностей европейскихъ умовъ, подъ вліяніемъ платоновой и аристотелевой философіи, — анатомо-физиологическія сочиненія Галена были для европейскихъ умовъ первымъ введеніемъ въ область точнаго познанія человѣческой природы, и до конца XVI вѣка, до временъ Везалія, пользовались безусловнымъ авторитетомъ у европейскихъ ученыхъ среднихъ вѣковъ; возбужденные идеями Галена, какъ исходными точками отправленія, западные умы уже легко могли скоро выступить на путь самостоятельнаго физиолого-антропологическаго изслѣдованія. Но въ до-петровской Руси не только строго воспрещено было изученіе „еллинскихъ книгъ“ о человѣческой природѣ — сочиненій Аристотеля, Галена и другихъ, но и былъ во-

спитанъ и укорененъ въ умѣ народномъ сильнѣйшій страхъ всякаго изслѣдованія человѣческой природы. Вслѣдствіе того, по народнымъ понятіямъ, особенно богопротивными казались анатомическія наблюденія надъ человѣческимъ организмомъ. До-петровскіе предки наши не умѣли иначе объяснить себѣ этихъ наблюденій, какъ цѣлями темными и при содѣйствіи темныхъ силъ; они, при одномъ взглядѣ на человѣческой скелетъ, рефлективно трепетали и отъ испуга безума бѣжали. „Русскіе, говоритъ Олеарій, — несмотря на то, что любятъ и уважаютъ лекарей за ихъ искусство, все-таки никакъ не хотятъ согласиться съ тѣмъ, чтобы можно было анатомировать мертвое тѣло или держать у себя человѣческой скелетъ съ цѣлю изученія человѣческой природы. Къ анатомическимъ препаратамъ, къ скелетамъ они питаютъ большое отвращеніе. Одинъ голландецъ, по имени Квиринъ, повѣсилъ за столомъ у себя на стѣнѣ человѣческой скелетъ. Случилось зайти къ нему стрѣльцамъ: съ ужасомъ увидѣвъ на стѣнѣ висящій человѣческой скелетъ, они страшно перепугались и въ величайшемъ страхѣ спѣшили убѣжать и рассказать, что Квиринъ — волшебникъ. Всѣ переполошились: и царь, и патріархъ присудили было невиннаго любителя анатоміи, какъ колдуна, сжечь вмѣстѣ съ скелетомъ. И только одинъ нѣмецкій купецъ едва убѣдилъ царя отмѣнить казнь, растолковавъ ему, что по скелету никакъ нельзя принимать человѣка за колдуна, потому что въ Германіи всѣ знатные медики держатъ у себя человѣческіе скелеты, чтобы изучить ихъ, и, такимъ образомъ, раціональнѣе лечитъ людей, наприм., поправить сломанную ногу или другой какой-либо поврежденный членъ“ ¹⁾. Отвращеніе къ анатоміи и физиологіи до того было упорно въ рускомъ народѣ, что въ XVIII вѣкѣ профессора московскаго университета долго должны были напередъ увѣщевать публику не бояться анатомо-физиологическихъ изслѣдованій, а, напротивъ, познавать изъ нихъ премудрость Божию, а извѣстная княгиня Н. В. Долгорукая, отрицая физиологическія и патологическія изслѣдованія медиковъ, говорила: „не испытуйте дѣла Божіи: кто можетъ изслѣдовать премудрость Божию! ²⁾. Только на иконахъ издревле принято было изображать скелетъ или трупъ

¹⁾ Путеш. Ад. Олеарія въ Чтен. Общ. Истор. (1868 г., кн. 3, стр. 166—167).

²⁾ Записки Долгорукой, Русск. Арх., годъ 5-й, стр. 56.

единственно съ тою богобоязненною идеею, чтобы возбудить въ народѣ страхъ „суда божія — смерти“, разрушающей человѣческое тѣло, и внушить мысль о ничтожествѣ и тлѣнности человѣческой природы; аскетическій смыслъ изображенія полуистлѣвшаго трупа выяснялся при этомъ надписью: „помянухъ пророка глаголюща: азъ есмь земля и пепель и паки разсмотрѣвъ во гробѣ и видѣхъ кости, я не вѣдаю, кто убо есть, праведникъ или грѣшникъ...“ ¹⁾. Вообще мертвато тѣла человѣческаго страшно боялись и не иначе подступали къ нему, какъ перекрестясь и съ молитвой. Любопытно, какъ царь Алексѣй Михайловичъ въ письмѣ своемъ къ „собинному другу тѣлесному и душевному“, митроп. новгородскому Никону описывалъ свой страхъ передъ трупомъ патріарха Іосифа: „Вечеромъ пошолъ я одинъ къ Ризѣ-Положенью, куда вынесено было тѣло святителя, и какъ подошелъ къ дверямъ полунощнымъ, а у него никакого сидѣльца нѣтъ, только одинъ священникъ говоритъ псалтирь, и тотъ говоритъ во всю голову кричить, а двери всѣ отворилъ; и я началъ ему говорить: для чего ты не по подобію говоришь? „Прости, государь, отвѣчалъ онъ, —страхъ нашолъ великій: въ утробѣ у него, святителя, безмѣрно шумѣло, такъ меня и страхъ взялъ, вдругъ взнесло живото у него государя и лицо въ ту-жъ пору стало пухнуть: меня и страхъ взялъ, думалъ, что ожилъ, для того я и двери отворилъ, хотѣлъ бѣжать. И на меня, прости, владыко святыи, отъ его рѣчей страхъ такой нашолъ, едва съ ногъ не свалился; а вотъ и при мнѣ грыжа-то ходитъ очень прытко въ животѣ, какъ есть у живого; и мнѣ пришло помышленіе такое отъ врага: побѣги ты вонъ, тотчасъ тебя вскоча ударить! И я перекрестясь, взялъ за руку его свѣта и сталъ цѣловать, а въ умѣ держу то слово: отъ земли созданъ и въ землю идетъ, чего бояться? Да въ ту-жъ пору какъ есть треснуло у него въ устахъ и я досталъ испужался, да поостался, такъ мнѣ полегчѣло отъ страха, да тѣмъ себя и оживилъ, что за руку его съ молитвою взялъ“ ²⁾. При такомъ страхѣ человѣческаго трупа, очевидно, и немислимо было смѣлое анатомическое изслѣдованіе его. Но не-

¹⁾ См. статью гр. Уварова: «Образъ ангела хранителя съ похождениями», Русск. Арх., годъ 2-й, стр. 36—37.

²⁾ А. А. Э. IV, № 57.

только анатомическое изслѣдованіе, даже всякое метафизическое мнѣніе о человѣческой природѣ, несогласное съ установившейся доктриной, считалось „дерзкимъ, богопротивнымъ.“ „Что, Лаврентій, говорилъ московскій игумень Илья протопопу Зизанію, — въ твоей книгѣ написано о божествѣ и о человѣкѣ, то дерзостно зѣло и смѣло. Когда ты о человѣкѣ разсуждаешь, что есть человѣкъ, — ты уничижаешь божество предъ человѣчествомъ.“ Лаврентій съ смиреннымъ раскаяніемъ отвѣчалъ ему: „То мнѣ спростовалось, прости, Бога ради!“ И игумень опять сказалъ: „Иную ты притчу сказалъ о человѣкѣ, что душа и плоть въ немъ, какъ орелъ съ свиньею связаны. Ино въ нашихъ греческихъ книгахъ такихъ бесѣдъ о человѣкѣ не ведется, а думается намъ, что ты подобныя разсужденія о человѣкѣ взялъ изъ книгъ Езона, французскаго мудреца, баснослагателя, или изъ иной какой книги, той подобной“. Такое извлеченіе игумень Илія призналъ богопротивнымъ ¹⁾).

Во всѣхъ естественныхъ, психо-физическихъ проявленіяхъ человѣческой природы! до-петровская антропология видѣла, съ одной стороны, дѣйствіе Бога, съ другой — вліяніе діавола. „Братіе, поучали церковные учителя, — очистимся отъ всякія скверны плотскія и душевныя, творяще святыню со страхомъ божіимъ. Ибо глаголетъ святыи Макарій великій и святіи отцы глаголютъ тому-же подобно, яко тѣло наше есть домъ и палата божія, въ ней-же небесный царь живетъ Христосъ, а душа наша — невѣста Христова, умъ-же нашъ престолъ Божества есть, а духъ и уста наши трапеза Христова суть, а языкъ нашъ есть трость Духа Святаго. Какъ трость безъ пишущаго не гибнется, такъ и языкъ нашъ безъ Духа Святаго не дѣйствуетъ. Дѣйствуемый отъ Святаго Духа, языкъ нашъ износитъ словеса блага и полезна и утѣшительна; гиблемый-же языкъ нашъ отъ нечистаго бѣса износитъ словеса скверная и гнусная и нечистая“ и проч. Такъ и всѣ прочіе органы тѣла, по сему ученію, дѣйствующие отъ самого Бога, творятъ все благопотребное, полезное и богоугодное, а, движимыя діаволомъ, износятъ всякую скверну тѣлесную и душевную ²⁾).

¹⁾ Прѣвіе Лаврент. Зиз. съ игум. Иліемъ въ Лѣтоп. литерат., стр. 93—94.

²⁾ Пам. IV, 189—190.

Въ византійской апокрифической литературѣ наши грамотники находили развитыми дуалистическія понятія, и проводили ихъ еще съ большею опредѣленностью; въ самомъ актѣ творенія чело­вѣка уже выказывается зловредное отношеніе діавола къ созданію божію ¹⁾. Кромѣ того по апокрифической антропологіи, всѣ отправленія чело­вѣческой природы, исполняя законъ воли божіей, въ то-же время совершаются, каждое въ отдѣльности, особыми добрыми духами—ан­гелами, какъ орудіями воли Божіей въ сферѣ развитія и жизни чело­вѣческаго организма. Такъ, вмѣсто первобытнаго „рода“, общее на­рожденіе людей приписывается Богу ²⁾, а вмѣсто первобытной „Ро­жаницы“, невидимаго духа, управляющаго рожденіемъ младенца, родами женщины,—особый ангель материнъ возьметъ часть у земли или у воды, или у желѣза, или у камня, или у дерева, или у огня, или у всякія вещи смертныя, и возьметъ отъ того ангель мате­ринъ и кинетъ на отроча то, и отъ того зарождается въ немъ духъ ³⁾. Далѣе, по заимствованной у византійцевъ пневматологіи, есть особыя „ангелы людскіи—мужскіи и женскіи“, по волѣ божіей, завѣдывающіе всѣми плотскими и душевными дѣйствіями мужскаго и женскаго пола. „Слышите, чело­вѣцы,—поучало одно слово,—вся тварь повинуется Богу, отстанемъ, братіе, отъ злобъ нашихъ: ибо, по захожденіи солнца, всѣ ангелы людскіе, мужскіе и женскіе, идутъ къ Богу на поклоненіе и сказываютъ ему о дѣлахъ чело­вѣческихъ, добрыхъ или злыхъ: ангель богобоязливаго чело­вѣка съ радостію идетъ на поклоненіе Богу, а злаго чело­вѣка ангель съ плачемъ идетъ къ Господу и говоритъ: Господи вседержителю, повели, да не буду съ злымъ симъ грѣшникомъ, ибо только имя Твое нарицаеть, а угождаетъ плоти ⁴⁾. Постоянно боясь какого­нибудь неожиданнаго разстройства или вреда въ таинственныхъ отправленіяхъ чело­вѣческаго организма, наприм., въ питаніи, въ движеніи, во снѣ и т. п., предки наши вѣрили въ особыхъ ду-

¹⁾ См. напр. Пам. III, 12—13.

²⁾ Въ одной древней статьѣ говорится: «Вседержитель единъ безсмертныхъ творецъ: дуну бо чело­вѣку на лице духъ жизни, и бысть чело­вѣкъ въ душу живу; итакъ не Родъ, съда на воздухъ, мечеть на землю груди и въ томъ рож­даются дѣти, но всѣмъ творецъ есть Богъ, а не Родъ. (Архивъ историко­юридич. свѣд. Калачева, ч. 2, стр. 21).

³⁾ Костомаровъ, Очеркъ нрав. великорус. народа, стр. 186.

⁴⁾ Пам. III, 129, 132.

ховъ, которые предохраняли ту или другую функцію человѣческаго тѣла отъ всякаго зла и вреда, и ихъ со страхомъ и благоговѣніемъ поминали при томъ или другомъ физиологическомъ актѣ: „аще воду піеши, поучали книжники, — помяни св. ангела Ноиля; аще ложася спати, — помяни св. ангела Помаила: той бо есть ноцный стражъ намъ спящимъ; егда налѣши пиво или медъ, или ино что, — помяни св. ангела Рахфаила: споро ти будетъ; егда будеши въ печали, — помяни св. ангела Афонаила: той бо есть утѣшеніе ангеламъ и человѣкамъ; егда идеши въ путь, — помяни св. ангела Русаила: супротивника ти не будетъ“ и т. п. ¹⁾ Съ другой стороны, укоренилось убѣжденіе, что различныя отправленія, наклонности и дѣйствія человѣческой природы, по Божію попущенію, предоставлены особымъ „духамъ прелестнымъ“, вліянію діавола и бѣсовъ. Вслѣдствіе того, какъ во времена господства естественно-религіознаго чувства страха внѣшней и человѣческой природы, предки наши боялись особыхъ зловѣщихъ духовъ въ глазѣ, въ „окомигѣ“, въ „ухозвонѣ“, въ „чиханьи“ и проч., — такъ, подъ вліяніемъ занесенной изъ Византіи пневматологіи, они стали бояться особыхъ „прелестныхъ духовъ“, управлявшихъ функціями органовъ чувствъ, головного мозга, питанія, половой сферы и т. д. Именно, „завѣтъ о благоумьи“ училъ: „сѣдмь духовъ дано есть отъ врага на человѣка, которые суть зачинщики (начатцы) его юностныхъ дѣлъ, и сѣдмь духовъ дано ему въ возрастѣ, отъ которыхъ зависятъ всѣ дѣла человѣческія: первый духъ — животъ, съ нимъ-же похоть начинается; второй духъ — видѣніе, отъ котораго бываетъ помышленіе; третій духъ — слышаніе, съ которымъ дается ученіе; четвертый духъ — обонаніе, даваемое въ силу воздуха и дыханія, а съ нимъ бываетъ вкушеніе; пятый духъ — глаголаніе, съ которымъ бываетъ разумѣніе; шестой духъ — вкушеніе, съ которымъ бываетъ помышленіе о яденіи и питіи и крѣпость, ибо въ пищахъ есть сила крѣпостная; сѣдмой духъ — сѣянья и зачатья, съ коимъ сходитъ любопохотный грѣхъ и вводитъ юношу, какъ слѣнца, въ пропасть; а надъ всѣми сими осьмой духъ есть — сонный, въ которомъ показывается ужасный образъ смерти. Съ сими духами совокупляется духъ прелестный: первый — блудный духъ, второй — духъ ненасытности во

¹⁾ Сборн. слов. библиот. № 889.

утробѣ, третій—духъ вражды въ сердцѣ и кручинѣ, четвертый—духъ словоохотія и приказнства, пятый—духъ прозорства, который хвалится и высокоумдрствуетъ, шестой—духъ лжи и зависти, седьмой—духъ неправды, отъ котораго бывають татьбы и обаянія: надъ всѣми сими духами къ осьмому духу присовокупляется сонный духъ, отъ котораго бывають прелести и мечтанія. Вотъ отъ всѣхъ сихъ духовъ прелестныхъ погибаетъ всякій, кто омрачаетъ умъ, не разумѣваетъ закона Божія и не слушаетъ наказанія отцовъ своихъ“¹⁾. Вслѣдствіе такого мрачнаго представленія о пребывающихъ въ человѣкѣ „прелестныхъ духахъ“, предки наши невольно во всякомъ проявленіи человѣческой природы боялись дѣйствія этихъ „прелестныхъ духовъ“ или бѣсовъ. Рука, творившая грѣшныя дѣла—татьбу, разбой, насилія надъ малосильными, по понятіямъ древняго русскаго человѣка, двигалась бѣсомъ; нога, упражнявшаяся въ скаканіи и плясаніи, управлялась дьяволомъ и т. п. Въ желудкѣ больныхъ, страдавшихъ страшными нервными припадками, видѣли легіоны бѣсовъ: отъ несчастныхъ больныхъ этихъ, какъ отъ людей бѣсноватыхъ, зараженныхъ нечистою силою и отверженныхъ Богомъ, съ боязнью отвращались. О помѣшанныхъ умомъ говорили: „умоповрежены навѣтомъ дьявольскимъ“, и этихъ несчастныхъ нерѣдко безъ разбору безчеловѣчно пытали и казнили, какъ преступниковъ, знавшихся съ дьявольскою силою. Въ психической природѣ человѣка книжники насчитывали до 26 особыхъ страстей или порочныхъ проявленій человѣческой природы, которыя специально назывались „дѣлами дьяволими“. Усиленные психическіе рефлексы, страсти, по-преимуществу считались бѣсовскимъ корнемъ всякаго нравственнаго зла. Въ частности, на страсть славолубія или честолюбія, которую въ XVII вѣкѣ восторженно восхваляли, какъ источникъ всякаго благого и возвышеннаго человѣческаго и гражданскаго воодушевленія или энтузіазма, какъ источникъ „славы иройскихъ дѣлъ и славы наукъ и художествъ“,—на эту страсть смотрѣли, какъ на сатанинскую прелесть, и поучали „вмѣнять ее яко уметы Христа ради“. „Одному дьяволу, писалъ царь Алексѣй Михайловичъ, — одному дьяволу годна и дорога здѣшняя честь, а Создателю нашему, творцу неба и земли, вельми неугодны высокопроклятыя и гордостныя помысли

¹⁾ Памятн. III, 33—34.

и дѣла, и мнѣ грѣшному здѣшная честь аки прахъ, и дороги-ли мы передъ Богомъ, дороги-ли наши высокосердечныя мысли, доколѣ Бога не боимся“ ¹⁾). Точно также и въ страсти корыстолюбія, которую въ XVIII вѣкѣ также восторженно восхваляли, какъ источникъ богатства, процвѣтанія комерціи и матеріальнаго комфорта человѣческой жизни, богобоязненные предки наши страшились особаго бѣса корыстолюбія и представляли этого бѣса въ страшномъ зооморфическомъ образѣ: „демонъ корыстолюбивый или сребролюбивый будетъ яко человѣкъ лицомъ, огонь отъ очей испускаетъ, чернъ яко муринъ, по обѣимъ раменамъ его вмѣсто рукъ змія висить, уста у него львовы, а вмѣсто зубовъ мечи у него вонзены, вмѣсто языка жала змѣвы, испускающія смертоносный ядъ, чрево-же его все влагаемое спалаетъ, ноги его лютѣ всякаго пламени, ибо на какую вещь наступятъ, спалютъ ее, и голосъ его и видѣніе очей какъ у волка и пса: ничего человѣческаго онъ не вѣщаетъ, а только изрыгаетъ странное нѣчто и страшное, и въ рукахъ имѣетъ пламень“ ²⁾). Наконецъ, впечатлѣніе, производимое каждымъ человѣческимъ существомъ, поражающимъ наружностью, тѣлодвиженіями, рѣчью или чѣмъ-либо другимъ, особенно если оно возбуждаетъ мысли, чувства и желанія, противныя аскетическому воззрѣнію, и вообще чѣмъ-либо обольщаетъ или очаровываетъ другого человѣка, сильно дѣйствуя на умъ или чувство, — впечатлѣніе такое представлялось дѣйствіемъ бѣсовской силы, дьявольскимъ омраченіемъ, обольщеніемъ и очарованіемъ. На этомъ основаніи мистическая мораль запрещала смотрѣть на „доброту чуждую“ (напр., наружную, тѣлесную красоту), заповѣдывала „каждому человѣку на доброту не взирати“, избѣгать всего, что могло удовлетворять эстетическое чувство или возбуждать восторженное веселіе, смѣхъ, чувственныя удовольствія и т. п. Все прекрасное, живое и радостное, все одушевляющее и улаждающее въ человѣческой природѣ возбуждало аскетическое чувство страха и отвращенія, какъ бѣсовское, дьявольское. Еще въ 1718 году Феофанъ Прокоповичъ говорилъ въ одной проповѣди: „суть нѣщцы мудрецы, или тайнымъ бѣсомъ льстиміи, или меланхолією помрачаемы, которые такового нѣкогого уroda имѣютъ

¹⁾ Соловьевъ, Ист. Россіи, XII, 341.

²⁾ Изъ рукописи проф. В. Н. Григорovichа.

въ мысли своей, что все имъ грѣшно и скверно мнится быти, что-либо увидятъ въ людяхъ чудно, весело, велико и славно, аще и праведно, и правильно, и небогопротивно; напримѣръ, лучше радуются вѣдомостями скорбными, нежели добрыми; самаго счастья человѣческаго не любятъ, и не вѣмъ, какъ то о самихъ себѣ думаютъ, а о прочихъ такъ: аще кого видятъ здрава и въ добромъ расположеніи, — то, конечно, не святъ; хотѣли-бы всѣмъ чело-вѣкамъ быти злообразнымъ, горбатымъ, темнымъ, неблагополучнымъ, и развѣ въ таковомъ состояніи любили-бы ихъ“. На томъ-же основаніи всякій умъ, рѣзко выдававшійся надъ общимъ уровнемъ, особенно геній нововводительный, преобразовательный, считался „разумомъ бѣсовскимъ, сатанинскимъ, духомъ діавольскимъ, антихристовымъ“: такъ называли темные люди умъ патріарха Никона и геній Петра Великаго.

Наравнѣ съ признаніемъ посторонняго дѣйствія такой злокозненной силы, какъ „ангелы прелестны“, утвердившееся въ умѣ народномъ признаніе „злаго естества человѣческаго“, естественнаго „окаянства“, глубокой растлѣнности и испорченности человѣческой природы или первороднаго грѣха постоянно возбуждало и поддерживало гнетущее чувство нравственнаго самоуничженія и внушало самое низкое понятіе о естественныхъ способностяхъ и достоинствѣ человѣческой природы. Проникнутый такимъ убѣжденіемъ моралистъ вопіялъ: „о окаянный азъ! не помянухъ, яко Богъ умъ соблюдаетъ: кто похвалится чисто имѣти сердце, или кто дерзнетъ чисто быти отъ грѣха? Человѣкъ на земли нѣсть праведенъ. Мы сами ся льстимъ: нѣсть истины въ насъ“¹⁾. Человѣческая природа, въ ея естественномъ состояніи, представлялась существенно нечистою, поганою, плѣненною діаволомъ и неспособною ни къ какому добру и развитію. Всѣ печальныя явленія частной и общественной жизни въ стихѣ „О Горѣ-Злосчастіи“ объясняются зломъ, лежащимъ въ природѣ человѣческой отъ начала вѣка человѣческаго“. Человѣческое сердце несмысленно и неуимчиво... Ино зло племя человѣческое. Въ началѣ пошло ненокорливо, къ отцову ученію зазорчиво, къ своей матери непослушливо и къ совѣтному другу обманчиво. А сего ради пошли доброубожливы (убоги, скудны добромъ) и на безуміе обратилися,

¹⁾ Пам. III, стр. 131.

учали жить въ суетѣ и неправдѣ, а прямое смиреніе отринули¹⁾. Вообще, мрачная, гнетущая мысль о первородномъ растлѣніи человѣческой природы часто заглушала мысль о достоинствѣ ея. И въ началѣ XVIII вѣка, въ эпоху преобразовательнаго возрожденія русскихъ людей, піиты духовные такъ оплакивали страшный внутренній разладъ „людской натуры“:

Натура людска во образѣ Бога есть созданна:
 Разумъ, память и воля суть мнѣ дарованна,
 Но за грѣхъ первородный отъята,
 Отъ преслушанія Бога, чрезъ змія треклята,
 Занеже ми есть отъята мудрость и святыня.
 Безсмертье, нетлѣнность, житія простыня
 Разумъ разумѣть, яко зломъ объяхся,
 Знаеть и память, яко въ раѣ наслаждахся;
 Воля-же безвольная оковася узомъ,
 А съ нею и разумъ и память единымъ союзомъ,
 Дерзаетъ воля на радость, а память памятуеть,
 Яко за малу радость вѣчная скорбь чаеть.
 Воля хоцетъ простерти въ самовольство руки,
 А разумъ речеть: помни діавола штуки,
 Како ты безсмертную въ раѣ уловиша,
 За дерзость сѣтями смерти сокрыша.
 И вѣсти отрадныя ни отъ кого не чають²⁾!

Изъ такого мрачнаго понятія о человѣческой природѣ, естественно, проистекалъ аскетическій страхъ „плоти и плотскаго мудрованія“. Тѣло человѣческое со всеми его естественными потребностями представлялось „скверною плотію“ и потому „богобоязненными людьми было презираемо, умерщвляемо“. Все чувства, мысли и желанія, протекавшія изъ естественныхъ органическихъ ощущеній и потребностей (или изъ животнo-эгоистическихъ наклонностей, считались грѣховнымъ и бѣсовскимъ „плотскимъ мудрованіемъ“, или „скотскою мудростію“, которую стяжутъ раби похотей тѣлесныхъ, плѣнницы страстей плотскихъ, любители плотскаго наслажденія и сластей всяческихъ³⁾). Изъ этого убѣжденія естественно развивалась мысль о необходимости борьбы съ плотью,

¹⁾ Пам. I, стр. 1.

²⁾ Дѣтоп. русск. литер. и древ. т. IV, отд. 2, стр. 154—158.

³⁾ Пам. стар. воспитанія — статья г. Лохвицкаго, стр. 35. Пам. стар. рус. литер IV, 201.

строгаго наблюденія надъ тѣломъ, порабощенія всѣхъ органическихъ дѣйствій и потребностей одной идеѣ о спасеніи души. Физиологическое отравленіе каждаго тѣлеснаго органа подчинялось особымъ ограниченіямъ. Въ педагогическихъ сборникахъ внушалось „всѣмъ повсюду—языкъ воздержати, очеса отъ лѣпныхъ отвращати и наипаче отъ доброты женской, ушеса да не слушаютъ скверныхъ, чрево воздержати, ноги како употреблять благопристойно и проч. ¹⁾. Надо, однако, замѣтить, что съ аскетическимъ, неблагосклоннымъ воззрѣніемъ на плотъ мирно и дружно уживалось при страстіе къ обычному, закрѣпленному въовѣчной привычкой, преимущественному употребленію правой руки и ожесточенная оппозиція бритью бороды: очевидно, что въ данномъ случаѣ на физиологическую функцію или естественную привычку того или другого органа тѣлеснаго, обусловливаемую физиологическимъ закономъ или физическимъ воспитаніемъ, смотрѣли какъ на уставъ Божій и заповѣдь святыхъ отцовъ, и потому строго возбраняли всякое произвольное или невольное уклоненіе въ нихъ. Напримѣръ, если кто ѣлъ не по обычаю, лѣвой рукой, ему тотчасъ замѣчали словами Василя великаго: почто, брате, не яси десною рукою, но лѣвою? Ибо великій Василій глаголетъ: десная убо рука служитъ отъ чреслъ до главы, лѣвая-же отъ чреслъ подобно до долу ²⁾. Въ бородѣ видѣли уставъ Божій, образъ и подобіе Божіе, священное благообразіе и богоподобіе святыхъ отцовъ, и вотъ, брадобритія боялись и отвращались, какъ ереси, и страхомъ страшнаго суда возбраняли его, какъ богопротивное искаженіе образа и подобія Божія и благообразія свято-отеческаго ³⁾.

Страхъ глубокой поврежденности человѣческаго естества породилъ недовѣріе къ естественнымъ силамъ и способностямъ человѣка, такъ что человѣкъ самъ, своею волею способенъ только падать, а возставать и исправляться нравственно самъ собою не можетъ. Протопопъ Лаврентій Зизаній говорилъ: самовластіемъ (своею волею) человѣкъ обращается къ добродѣтелямъ, какъ и къ злобамъ, тѣмъ самовластіемъ, имъ-же почтенъ былъ

¹⁾ Пам. стар. воспитанія стр. 56. Пам. стар. литер. IV, 201—204.

²⁾ Пам. I, стр. 99.

³⁾ Буслаева. статья „о бородѣ“.

исперва Адамъ отъ Бога. А московскіе богословы съ упрекомъ замѣчали ему на это: смотри, прямо разумѣй, да и прочіе укрѣпляются отъ тебя, а не падаютъ-же. — Да какъ-же? Или не такъ? спросилъ Лаврентій. — Прямо не такъ, — отвѣчали московскіе богословы, — а вотъ такъ: падаетъ человекъ самовластіемъ, возстаетъ-же властію и исправленіемъ божіимъ: зри о семъ, како Адамъ самовластіемъ палъ, Господь-же убо приде взыскати его и обрѣлъ, яко-же овча на рамо взя, ко отцу принесе, и по своему хотѣнію ¹⁾. Страпась „сновъ ноцныхъ“ и всякихъ помышленій, какъ бѣсовскихъ прелестей, моралисты поучали страхомъ Божіимъ сдерживать всякія мысли и приэтомъ договаривались до отрицанія всякаго довѣрія къ разуму, до боязни разума. „Брате, — поучалъ одинъ моралистъ, — во-истину тебѣ глаголю: не вѣрни ни во внутрь, ни во внѣ, ни явственно. Господь сохраняетъ и ублажаетъ только душу человекъ трепещущаго и боящагося прелести и лукаваго ловленія, когда зреть его со страхомъ и трепетомъ свое спасеніе содѣвающаго. А человекъ, себѣ вѣрующій, погибель себѣ искапываетъ: ибо своему разуму вѣрующіи удобъ впадаютъ въ прелести различныя и въ ереси ²⁾“. Вслѣдствіе такого недовѣрія къ разуму, ничего такъ не боялись, какъ свободнаго, самостоятельнаго мышленія и всякое естественное, свободное выраженіе пытливой мысли, котораго нельзя подтвердить священнымъ писаніемъ или ученіемъ св. отцовъ церкви, осуждалось, какъ ересь, богохульство, „буесловіе“. Вольнодумца заключали въ монастырь на покаяніе и богобоязненное вразумленіе; какая-нибудь вновь появлявшаяся ересь наводила панической страхъ и ужасъ на всѣхъ богобоязненно мыслящихъ людей. ¶ Учители церковныя боялись слово сказать не словами [св. писанія и св. отцовъ, и строго заповѣдывали не слушать тѣхъ учителей, которые дерзнули-бы говорить отъ себя, „отъ своего мозга“, да не словами библіи и святоотеческихъ твореній. Сами іерархи церковныя начинали свои поученія такимъ смиреннымъ заявленіемъ о себѣ: „Господа ради Іисуса Христа, азъ рабъ вашъ и архіерей вашъ грубый и безумный, грѣшныхъ грѣшнѣйшій и злыхъ злѣйшій, ничтоже никогда-же добродѣтельно содѣявый, точію грѣхи,

¹⁾ Преніе Лаврентія Зизанія, стр. 96, 97.

²⁾ Пам. IV, 214—215.

великаго и всеблагаго Бога милостію возмогаемый, глаголю любви вашей слово Божіе: а глаголемъ, и учимъ, и наказуемъ мы, не отъ своего нечистаго сердца износимъ словеса, въ душѣ бо законопреступной и грѣшной не раждается ничто-же доброе, ни слово душеполезное, ни совѣщаніе нѣкое благое, но якоже вчера, сице и днесь, учу я васъ догматамъ православной вѣры словами св. писанія и св. отцевъ. (Пам. IV, 194). Одинъ изъ самыхъ многокнижныхъ иноковъ, старецъ Фотій (въ XVI в.) тоже говорилъ въ своемъ поученіи объ избѣжаніи лаянія сверными матерними словами: „свидѣтель ми есть Господь Богъ, яко не отъ себе замыслихъ иже здѣ речено бысть, но написахъ отъ святаго евангелія Христа Бога нашего, отъ святыхъ апостолъ его, потомъ-же отъ святыхъ и богоносныхъ отецъ нашихъ; аще-ли же азъ здѣ отъ себе сія глаголю и пишу, то достоинъ не вѣровати симъ написаннымъ“ и проч. (Пам. IV, 19). Одинъ церковный проповѣдникъ говорилъ: „аще-бы и высокоумный человекъ поучалъ васъ отъ своего мозга, то не слушайте его, не вѣрйте ему“.

При господствѣ аскетическаго воззрѣнія на природу человека не могло выработаться надлежащее и точное понятіе о достоинствѣ человѣческой природы; напротивъ того, при существованіи такого воззрѣнія естественно было какъ оскорбленіе, пораженіе и угнетеніе человѣческой личности, такъ и пренебреженіе къ жизни другого лица. Грубое обращеніе съ другими, свернословіе ¹⁾, побои и убійства были дѣломъ самымъ обыкновеннымъ сами потерпѣвшія отъ такихъ дѣйствій лица легко примирялись съ людьми, наносившими имъ вредъ или оскорбленіе, какъ это видно изъ мировыхъ записей въ актахъ юридическихъ. Особенно грубы и злобы были отношенія къ тѣмъ людямъ, съ которыми вели религіозную или церковно-обрядовую полемику. Достаточно прочитавъ, на примѣръ, „Жезль правленія“, „Увѣтъ духовный“ и другія полемическія сочиненія, чтобы видѣть, до какой степени сами полемизаторы чужды были чувства человѣколюбивой терпимости къ людямъ иного образа мыслей. Также мало мягкосерде-

¹⁾ „Нынѣ,—жаловался старецъ Фотій въ XVI в.,—зѣло умножилось и въ братіяхъ сверное лаяніе еже глаголати брату своему, или иному человеку христіанскія наша свята вѣры: „блудникъ сынъ“, а діаволъ о томъ вельми веселится“. (Пам. IV, 189, 190).

чія выказываемо было и въ отношеніи къ людямъ чуждаго племени, иной расы или націи и вѣры. Этихъ людей иначе и не называли, какъ нечистыми, погаными, скверными, зловѣрными, звѣрями и т. п. Церковные учителя строго возбраняли имѣть съ ними всякое обращеніе, запрещали ѣсть и пить съ ними изъ одной посуды. Народъ долго до того боялся иноземцевъ, западно-европейскихъ людей, что при видѣ ихъ со страхомъ открещивался и бѣгалъ отъ нихъ.

А. Шаповъ.

Р О П О Т Ъ.

(Изъ А. Петёфи.)

Я сѣтовалъ, ропталъ и плакалъ предъ людьми,
Въ часы тяжелые я былъ слабѣй ребенка,
Идущаго ко всѣмъ съ порѣзанной рученкой,—
И не горѣлъ стыдомъ за жалобы свои!

И что за цѣль была постыдныхъ слезъ моихъ?
Толпа встрѣчаетъ крикъ, исторгнутый мученьемъ,
Насмѣшкой злобною иль пошлымъ сожалѣньемъ...
Ждала-ли грудь такихъ отвѣтовъ роковыхъ?

И могъ-ли передать я скорбь свою въ словахъ,
Когда мнѣ суждено надъ дорогой могилой
Скорѣе замертво упасть, растративъ силы,
Чѣмъ утолить вполне печаль свою въ слезахъ?

И все-же я ропталъ и плакалъ предъ людьми,
Я сѣтовалъ, какъ трусъ, я былъ слабѣй ребенка,
Идущаго ко всѣмъ съ порѣзанной рученкой
И не горѣлъ стыдомъ за жалобы свои!

Теперь довольно слезъ! Да будетъ эта грудь
Страною сказочной, гдѣ горе и невзгоды
Волшебный кругъ замкнетъ на будущіе годы
И къ выходу для нихъ на вѣкъ отрѣжетъ путь.

А. Ш.

ПЕРВОНАЧАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

ВЪ ШВЕЙЦАРИИ.

IX.

Народное образованіе съ каждымъ днемъ все сильнѣе и сильнѣе влекло къ себѣ Песталоцци. Онъ съ негодованіемъ говорилъ о людяхъ, которые „въ конюшнѣ и на царнѣ являются чловѣчными, а не умѣютъ быть чловѣчными съ народомъ, не питалъ къ нему ни капли любви“. Народъ, по его мнѣнію, одичалъ и потерялъ свое достоинство, вслѣдствіе извращеннаго и даже отсутствующаго домашняго и общественнаго воспитанія. „Я смотрѣлъ на существующее народное образованіе, писалъ онъ, — какъ на непроходимое болото... Моя опытность привела меня къ убѣжденію, что общественное и общее европейское школьное образованіе должно быть не только измѣнено, но и должно быть поставлено на совершенно новую дорогу.“ „Желая помочь бѣднякамъ, низшему классу народа, мы должны совершенно измѣнить школы и превратить ихъ въ воспитательныя заведенія, гдѣ развивались-бы всѣ нравственныя, умственныя и физическія силы, данныя чловѣку, и, такимъ образомъ, чловѣку давалась-бы возможность вести удовлетворительное, порядочное, согласное съ чловѣческимъ достоинствомъ существованіе.“

Вотъ почему Песталоцци не довольствовался литературною славою и готовъ былъ при первой возможности смѣнить литературную дѣятельность на скромную долю учителя въ первоначальной школѣ. Въ 1799 году, при помощи своихъ почитателей, Песталоцци поступилъ въ школу въ Бургдорфѣ, чтобы попробовать приложить къ дѣлу свои идеи. Учитель этой школы думалъ, что

Песталоцци желаетъ спихнуть его съ мѣста и началъ интриговать. Въ городѣ носились слухи, что Песталоцци угрожаетъ гейдельбергскому катехизису, что онъ самъ не умѣетъ ни читать, ни писать, ни считать. Но Песталоцци, добродушно замѣчавшій, что эти сплетни отчасти справедливы, твердо шелъ къ своей цѣли. Въ маленькой школѣ, въ Бургдорфѣ, онъ старался на практикѣ примѣнить свой методъ первоначальнаго обученія, основанный на наглядности, на ознакомленіи дѣтей сначала съ близкими къ нимъ предметами, отъ которыхъ постепенно переходили къ знакомству съ болѣе отдаленными явленіями. Болѣзнь груди заставила его, однако, черезъ полгода прекратить занятія. Но эта остановка была только временною и послужила къ лучшему, такъ какъ въ скоромъ времени дѣятельность знаменитаго педагога значительно расширилась. Дѣло въ томъ, что Штапферъ представилъ правительству страстно написанный докладъ, въ которомъ онъ явился просителемъ за Песталоцци. „Было-бы непростительно, писалъ онъ, — если-бы швейцарское правительство не воспользовалось для блага страны талантами этого единственнаго человѣка и не употребило-бы съ пользою способности этого старика, въ которомъ годы не могли истребить страстнаго желанія улучшить участь своихъ ближнихъ и сердце котораго наклонѣно лѣтъ кипитъ стремленіемъ быть полезнымъ и горитъ святою любовью къ человѣчеству.“ Штапферъ требовалъ для Песталоцци привилегіи на его сочиненія, выдачи заимообразно 1,600 франковъ для напечатанія элементарныхъ учебниковъ и на основаніе собственнаго учебнаго заведенія. Кромѣ того, для постройки Штапферъ требовалъ 200 штукъ деревъ изъ національныхъ лѣсовъ. Книгопродавцы ручались, что рукописи Песталоцци стоятъ болѣе 1,600 франковъ, Песталоцци-же обязывался не только возвратить эти деньги правительству, но и обѣщалъ употребить на новое учебное заведеніе все, что получится сверхъ этой суммы отъ продажи его книгъ. Онъ обѣщалъ, по мѣрѣ возможности, принимать въ училище даромъ дѣтей бѣднѣйшихъ родителей. Правительство единогласно рѣшило выдать эти деньги и прибавило, что эту сумму Песталоцци можетъ отдать тогда, когда его учрежденіе дастъ для этого достаточныя средства. Но правительство не могло дать лѣсу и потому постройка училища должна была замедлиться.

Въ эту пору Песталоцци встрѣтился въ Бургдорфѣ съ Фишеромъ и съ Германомъ Крюзи, занимавшимся обученіемъ привезенныхъ въ Бургдорфъ бѣдныхъ дѣтей. Когда планы Фишера рушились, когда Фишеръ покинулъ Бургдорфъ, когда, наконецъ, онъ умеръ, Крюзи очутился совершенно одинокимъ и съ радостью ухватился за предложеніе Песталоцци работать вмѣстѣ. Песталоцци снова обратился черезъ Штапфера съ просьбою къ правительству, прося уступить ему для школы замокъ Бургдорфъ. Просьба была исполнена и Песталоцци, вмѣстѣ съ Крюзи, помѣстились въ замокъ съ своими учениками. Черезъ нѣсколько времени Крюзи и Песталоцци пригласили къ себѣ въ помощники Тоблера и Бусса; послѣдній долженъ былъ обучать пѣнію и рисованью. Самъ Крюзи пишетъ, что его удивлялъ союзъ этихъ людей. Одинъ былъ мечтатель, котораго не считали способнымъ къ практической дѣятельности, другой—почти недоучившійся студентъ, третій—переплетчикъ, занимавшійся въ свободное время пѣніемъ и живописью, четвертый—скромный сельскій учитель и эти-то люди были основателями одного изъ важнѣйшихъ учебныхъ заведеній.

Уже 1 октября 1800 года учебная коммиссія читала отчетъ о заведеніи Песталоцци, говоря, что дѣти дѣлаютъ изумительные успѣхи, достигая въ полгода того, чему они не научились-бы въ три года въ сельской школѣ. Эти успѣхи коммиссія приписывала главнымъ образомъ методу преподаванія. „Въ чемъ-же состоитъ этотъ методъ? говорилось въ отчетѣ. — Въ томъ, что руководительницей берутъ природу; она является истинною учительницею. Ученые сказали-бы объ этомъ методѣ слѣдующее: этотъ методъ исходитъ изъ нагляднаго знакомства съ предметами и ведетъ ребенка постепенно и самостоятельно къ усвоенію отвлеченныхъ понятій. Одно изъ преимуществъ этого метода заключается еще въ томъ, что при немъ почти незамѣтно учителя. Учитель является не высшимъ существомъ, но, какъ мать-природа, живетъ и дышетъ съ дѣтьми, какъ съ равными себѣ, и какъ-будто учится самъ отъ нихъ, а не учитъ ихъ. Кто не знаетъ склонности маленькихъ дѣтей давать всѣмъ вещамъ свои имена, строить изъ этихъ вещей нѣчто, снова разрушать построенное, создавать потомъ что-нибудь еще новое и т. д.? Кто не знаетъ, по опыту, что мы прежде рисовали головы, чѣмъ умѣли писать буквы? Кто

не знаетъ, что невѣжественные люди лучше всего считаютъ въ умѣ? Кому не извѣстно, что малолѣтки, еще не умѣя вполне ходить, играютъ уже въ солдатики и бѣгутъ на приступъ, какъ самые смѣлые воины? На основаніи этихъ простыхъ фактовъ построенъ методъ Песталоцци.“ Затѣмъ комиссія описываетъ подробно обученіе при помощи передвижныхъ буквъ, рисованье буквъ и предметовъ, счисленіе при помощи отдѣльно взятыхъ, складываемыхъ и вычитаемыхъ предметовъ, гимнастическія упражненія и маршировку, связанную съ пѣніемъ родныхъ швейцарскихъ пѣсенъ и т. д. Въ концѣ отчета комиссія находитъ необходимымъ дать Песталоцци средства для устройства учительской семинаріи. Правительство сдѣлало прибавку для Песталоцци въ 500 франковъ и, кромѣ того, былъ сдѣланъ призывъ къ обществу для поддержки его учрежденія. Уже 24 октября 1800 года Песталоцци объявилъ, что онъ принимаетъ учениковъ за 16—20 лудировъ, т. е. за 370—470 франковъ, смотря по состоянію учениковъ. Первыми учениками этой учительской семинаріи были два даровые ученика: Рамзауеръ и Еггеръ.

Вся швейцарская пресса занялась такъ или иначе учрежденіемъ Песталоцци. Нашлись и такіе люди, которые говорили, что Песталоцци не выдумалъ ничего новаго, что методъ нагляднаго обученія былъ примѣняемъ уже Коменіемъ и Базедовымъ и т. д. Но всѣ эти мелкія нападенія разбивались сами собой и, конечно, общество забыло даже имена этихъ мелкихъ враговъ великаго человѣка гораздо раньше, чѣмъ умерли эти люди. Мы уже говорили, упоминая о Ланкастерѣ, что приверженцевъ извѣстной идеи нисколько не интересуютъ споры и толки о томъ, кто первый открылъ извѣстную истину, такъ какъ ихъ прежде всего интересуется сама открытая истина. Учрежденіе Песталоцци мало-по-малу разрасталось, сборы пожертвованій шли если и не особенно удачно, то все-же не прекращались. Особенно покровительствовалъ Песталоцци въ то время преемникъ Штапфера, министръ Моръ, одинъ изъ свѣтлыхъ умовъ того времени. При его содѣйствіи увеличивались правительственныя выдачи на семинарію; онъ-же хлопоталъ въ сентябрѣ 1801 года объ увеличеніи помѣщенія для учрежденія Песталоцци, такъ какъ Песталоцци долженъ былъ отказывать новымъ ученикамъ въ приѣмѣ за недостаткомъ мѣста. Въ 1802 году швейцарское правитель-

ство отправило въ семинарію Песталоцци декана Ита для экзаменовъ и, получивъ очень хорошій отзывъ, признало это учрежденіе общественною школою, при чемъ учителя должны были получать отъ казны содержаніе. Къ несчастію, въ это тревожное время правители смѣнялись одни за другими и въ 1803 г. Наполеонъ уничтожилъ существовавшее въ то время въ Швейцаріи правительство, возстановивъ кантональное законодательство. Бернское правительство опредѣлило, что замокъ Бургдорфъ будетъ мѣстомъ жительства для главнаго представителя мѣстной власти. Такимъ образомъ, Песталоцци долженъ былъ въ августѣ 1804 года удалиться изъ замка.

Въ это время дѣятельность Песталоцци уже интересовала нѣмецкія правительства и они очень серьезно смотрѣли на новатора. Но не такъ смотрѣло на него французское правительство, во главѣ котораго уже стоялъ, въ качествѣ перваго консула, Наполеонъ. Приводимъ здѣсь характерный случай встрѣчи Песталоцци съ Наполеономъ. Во время пребыванія Песталоцци въ Бургдорфѣ, въ 1802 году, Наполеонъ призвалъ въ Парижъ швейцарскихъ депутатовъ. Два округа избрали своимъ депутатомъ Песталоцци. Передъ своимъ отъѣздомъ въ Парижъ Песталоцци напечаталъ „Взглядъ, на чемъ должно быть въ настоящее время основано законодательство Швейцаріи“. Онъ передалъ, кромѣ того, первому консулу замѣтку о нуждахъ Швейцаріи. Наполеонъ, должно быть въ качествѣ великаго генія, не обратилъ вниманія ни на такую мелкую личность, какъ какой-то швейцарскій педагогъ, ни на его записку и замѣтилъ, что ему „нѣтъ ровно никакого дѣла до обученія мужиковъ азбукъ“. О, если-бы онъ зналъ, какъ знало прусское правительство, на сколько важно въ рукахъ правителя это обученіе азбукъ, тогда, можетъ быть, и его судьба и судьба его племянника сложились-бы нѣсколько иначе.

Х.

Бернское правительство предложило Песталоцци переѣхать въ монастырь Бухзе. Недалеко отъ Бухзе находился Гофвилъ, гдѣ жилъ нѣкто Фелленбергъ, человекъ, игравшій впоследствии не мало важную роль, занимаясь развитіемъ народнаго и высшаго образо-

ванія. Фелленбергъ былъ по характеру крайне противоположенъ Песталоцци: онъ былъ практиченъ, умѣлъ быть хорошимъ администраторомъ, умѣлъ управлять людьми, но у него не доставало сердечной теплоты и любви, онъ былъ сухъ и являлся слишкомъ сильно человѣкомъ разсудка. Когда Песталоцци помѣстился въ Бухзе, учителя согласились пригласить Фелленберга управлять семинаріей. „Это сдѣлалось, говоритъ Песталоцци, — не безъ моего согласія, но къ крайнему моему огорченію.“ „Въ нашемъ заведеніи, замѣчаетъ Рамзауеръ, — съ этой поры не доставало любви и теплоты, которыя дѣлали въ Бургдорфѣ всѣхъ насъ счастливыми; теперь все измѣнилось. Но надо сознаться, что у насъ въ Бухзе было то преимущество, что здѣсь царствовало болѣе порядка и учились здѣсь больше, чѣмъ въ Бургдорфѣ“. Какъ и надо было ожидать, у Песталоцци и Фелленберга начались съ первыхъ-же дней очень крупныя разногласія и распри. Это не могло не отозваться на самомъ заведеніи, такъ какъ и учителя дѣлились волею-неволею на двѣ партіи. Песталоцци, между тѣмъ, ясно видѣлъ, что его заведеніе никогда не освободится отъ вліянія Фелленберга, пока оно будетъ оставаться въ Бухзе, и потому очень охотно согласился принять предложеніе города Ифертена перевести заведеніе въ этотъ городъ. Предложенія были очень выгодны.

Уже въ 1805 году послѣдовалъ полный разрывъ между Песталоцци и Фелленбергомъ и знаменитый педагогъ, забравъ съ собою нѣсколькихъ учителей и восемь воспитанниковъ, переехалъ въ Ифертенъ. Черезъ полгода переехала къ нему и остальная часть его семинаріи, состоявшая изъ 7—8 учителей и 70 воспитанниковъ. „Имъ, пишетъ Песталоцци, — показалось гораздо хуже быть управляемыми, чѣмъ не быть управляемыми и находиться подъ вліяніемъ моей образцовой неспособности къ управленію“.

Въ Ифертенѣ Песталоцци прожилъ самую славную часть своей жизни: воспитанные имъ учителя разсѣялись отсюда въ Мадридъ, въ Неаполь, въ Петербургъ, въ Германію. Императоръ Александръ I лично выражалъ старику свое удивленіе передъ его дѣятельностью, Фихте видѣлъ въ дѣятельности Песталоцци начало обновленія человѣчества. Въ 1808 году въ заведеніи его жило до 137 воспитанниковъ, 28 воспитанниковъ жили внѣ заведенія.

Между учениками было только 78 швейцарцевъ, остальные пріѣхали изъ Германіи, Франціи, Россіи, Италіи, Испаніи и Сѣверной Америки. Обученіе находилось въ рукахъ 15 учителей, изъ которыхъ было 9 швейцарцевъ. Кромѣ того, въ заведеніи изучали методу преподаванія 32 взрослыхъ человѣка, между которыми было 7 швейцарцевъ.

Въ 1807 году Песталоцци и Нидереръ, его помощникъ, издали „Отчетъ родителямъ и публикѣ о состояніи и устройствѣ заведенія Песталоцци“.

„Мы, говорилось въ отчетѣ, — можемъ съ чистою совѣстью публично сказать: дѣти нашего заведенія веселы и счастливы, ихъ невинность охраняется, ихъ религіозное чувство поддерживается, ихъ умъ образуется, ихъ знанія увеличиваются, ихъ сердца возвышаются. Учрежденія, о которыхъ идетъ рѣчь, имѣютъ тихую, внутреннюю силу. Они носятъ на себѣ, главнымъ образомъ, полный любви и мягкости характеръ, которымъ отличаются учителя нашего дома и который поддерживается полною силой дѣятельностью. Вообще здѣсь царствуетъ духъ великаго семейнаго союза, въ которомъ вездѣ просвѣчиваютъ необходимыя чувства отеческой и братской привязанности. Дѣти чувствуютъ себя свободными, склонными отъ природы къ дѣятельности, они находятъ въ своихъ ежедневныхъ занятіяхъ живое наслажденіе; взаимная зависимость и полное довѣріе возвышаютъ ихъ души“. „Жизнь въ нашемъ домѣ является школою взаимной семейной зависимости членовъ другъ отъ друга и ихъ взаимной семейной привязанности другъ къ другу въ самомъ широкомъ смыслѣ“. „Всѣ учителя вмѣстѣ, составляющіе одно органическое цѣлое, дѣлаютъ для дѣтей все то, что могла-бы сдѣлать только заботливая мать для своихъ дѣтей“. „Масса учителей возвысилась до полнѣйшаго единодушія въ помыслахъ и дѣйствіяхъ и является передъ учениками, какъ одинъ человѣкъ.“

Мы, къ сожалѣнію, не можемъ слишкомъ долго останавливаться на этомъ отчетѣ, хотя это произведеніе очень интересно и поучительно, не какъ вѣрный отчетъ настоящаго положенія дѣлъ школы, а какъ полная передача того идеала школы, который все еще носился передъ глазами стараго Песталоцци. Школа — семья, гдѣ всѣ нуждаются въ взаимной помощи и въ взаимной любви, гдѣ нѣтъ начальниковъ и подчиненныхъ, гдѣ всѣ равны,

какъ люди и гдѣ каждый знаетъ, что если онъ помогаетъ другому, то и ему въ свою очередь помогаютъ другіе, гдѣ нѣтъ твоего и моего, гдѣ все общее, гдѣ всѣ сознаютъ необходимость труда, не очерствляясь наказаніями и не дѣлаясь тщеславными и пустыми людьми, подѣ влияніемъ наградъ и поощреній, гдѣ людей не сравниваютъ другъ съ другомъ, не превозносятъ другъ передъ другомъ, а просто признаютъ въ каждомъ тѣ или другія достоинства и знанія безъ всякихъ сравненій его съ другими, вотъ тотъ идеалъ, который такъ ярко высказывается въ этомъ отчетѣ и этотъ-то идеалъ заставлялъ такихъ людей, какъ Фихте, говорить, что съ идеей Песталоцци начинается возрожденіе человечества, этотъ-то идеалъ заставлялъ людей, измученныхъ тогдашними обще-европейскою войною и распрями, униженіемъ родной страны, внутренними неурядицами, бѣжать въ семью Песталоцци, какъ бѣжалъ туда покойный Карлъ Раумеръ, и искать здѣсь запаса новыхъ силъ для проповѣди любви, братства и обновленія народовъ, подавленныхъ великою общественною войною того времени.

Но воплощался-ли въ дѣйствительности этотъ идеалъ въ школахъ Песталоцци? Мы не станемъ вмѣстѣ съ ослѣпленными поклонниками Песталоцци подтасовывать факты и доказывать, во что-бы то ни стало, что этотъ идеалъ дѣйствительно воплощался въ его школахъ. Но въ то-же время мы не станемъ вмѣстѣ съ его озлобленными врагами бросать въ него грязью за то, что этотъ идеалъ не былъ имъ осуществленъ, и, что еще хуже, доказывать, что его идеалъ потому и не осуществился, что онъ былъ ложенъ. Нѣтъ, идеалъ Песталоцци не какая-нибудь неосуществимая мечта; если онъ не осуществился этимъ дѣятелемъ, то въ этомъ виновата уже прежде всего сама натура Песталоцци. Онъ не былъ практикомъ, не былъ администраторомъ и потому уже сразу можно было сказать, что всякое его предпріятіе должно сильно страдать въ матеріальномъ и административномъ отношеніяхъ. Кроме того, Песталоцци былъ слишкомъ идеалистъ и вѣрилъ слишкомъ горячо въ людей: онъ не умѣлъ ихъ выбирать и не умѣлъ, не могъ сразу обрывать связи съ людьми, которые сами по себѣ были хорошими, честными личностями, но которые по какимъ-нибудь причинамъ не вполне сходились съ нимъ во взглядахъ, въ характерахъ, въ стремленіяхъ. Иногда онъ не отталкивалъ ихъ по своему добродушію, иногда потому,

что онъ боялся остаться одинокимъ, не имѣя возможности быть слишкомъ разборчивымъ. Есть люди, которые скорѣе согласятся идти одиноко, чѣмъ работать вмѣстѣ съ людьми, неподходящими къ нимъ по складу ума и характера. Песталоцци не принадлежалъ къ такимъ людямъ и, что еще печальнѣе отзывалось на его дѣятельности, онъ не умѣлъ держать на уздѣ этихъ людей и повелѣвать ими. Кромѣ этихъ причинъ, говорившихъ впередъ о неудачномъ окончаніи попытки Песталоцци, было еще одно обстоятельство, которое, съ самаго начала существованія семинаріи, положило задатокъ ея гибели. Мы уже сказали, что въ Бухзе учителя огорчили Песталоцци, пригласивъ Фелленберга управлять семинаріей, далѣе мы упомянули, что Песталоцци перебрался въ Ифертенъ только съ частью учителей, а остальная часть пріѣхала къ нему послѣ: все это не могло не заронить въ сердца дѣйствующихъ лицъ задатковъ недовѣрія и тайнаго недовольства другъ другомъ. Самъ Песталоцци въ позднѣйшее время созналъ это. „Сѣмена внутренняго разложенія заведенія, говоритъ онъ,—уже были положены неравенствомъ и противорѣчіемъ наклонностей, взглядовъ, силъ и требованій нашихъ членовъ, хотя это разъединеніе еще и не высказывалось всѣми вполне опредѣленно и явно“. „Но сѣмена гибели уже были посѣяны и пускали незамѣтные, но глубокіе корни. Отклонившись, подъ вліяніемъ временнаго увлеченія и мнимаго счастья, отъ чистоты, простоты и невинности нашихъ первоначальныхъ стремленій, разъединенные въ глубинѣ души, члены школы стѣяли соединенными только по внѣшности и съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе теряли возможность дѣйствовать единодушно“. То-же самое говоритъ Рамзауеръ. „Въ Бургдорфѣ, по его словамъ, — царствовала мирная жизнь. Но она кончилась, когда семейная жизнь въ заведеніи приняла характеръ какой-то государственной жизни, установленной на основаніи извѣстныхъ правилъ и законовъ. Отдѣльная личность могла уже затеряться въ массѣ и потому у нея явилось стремленіе выставить свои заслуги, чтобы быть замѣченою. Эгоизмъ сталъ проявляться все въ болѣе и болѣе угловатыхъ формахъ. Зависть и недоброжелательство таились уже во многихъ сердцахъ.“ И сколькихъ заботъ стоило старому педагогу, чтобы придать своему заведенію видъ полнаго процвѣтанія. Вѣдь его заведеніе сдѣлалось не только моднымъ, но и образцо-

внмъ. Къ нему прїѣзжали сотни герцоговъ, наслѣднхъ принцевъ, владѣльцевъ крѣпостныхъ людей. Имъ нужно было все показывать, передъ ними нужно было дѣлать неожиданные экзамены. Школа, если можно такъ выразиться, сдѣлалась выставкой, построенной на большой проѣзжей дорогѣ. Если-бы посѣтителѣмъ показать ее во всей ея наготѣ, со всѣми ея недостатками, то они отвернулись-бы отъ нея, не умѣя понять, что и при этихъ недостаткахъ она достойна не только ихъ удивленія, но и удивленія людей болѣе умныхъ, болѣе, чѣмъ они, свѣдущихъ. А между тѣмъ, вниманіе этихъ праздныхъ посѣтителей было нужно. Провожая стараго князя Эстергази, Песталоцци говорилъ: „Онъ убѣжденъ, онъ вполне убѣжденъ и, вѣроятно, устроитъ школы въ своихъ венгерскихъ помѣстьяхъ!“ Вотъ чѣмъ объяснилось стремленіе старика привлечь къ своей семинаріи вниманіе высокопоставленныхъ лицъ. Но это стремленіе гибельно дѣйствовало на заведеніе: когда прїѣзжали эти посѣтители, Песталоцци бѣгалъ по дому и сзывалъ „лучшихъ“ учителей, прося ихъ вызвать „лучшихъ“ воспитанниковъ; такимъ образомъ то равенство, о которомъ онъ мечталъ, уничтожалось само собою, то отсутствіе завистливой конкуренціи и нелѣпыхъ сравненій людей между собою, котораго онъ добивался, исчезло на самомъ дѣлѣ. Нужно еще замѣтить, что Песталоцци былъ неутомимымъ дѣятелемъ, перенесшимъ и холодъ и голодъ, и потому онъ очень мало обращалъ вниманія на то, что не всѣ люди способны, ради идеи, переносить всевозможныя лишенія и требовалъ отъ учителей черезъ-чуръ многого. Они не имѣли отдѣльныхъ комнатъ, они должны были быть цѣлый день и цѣлую ночь съ дѣтьми, они спали крайне мало. Правда, самъ Песталоцци работалъ не меньше ихъ, одушевленный пламеннымъ энтузіазмомъ къ своему дѣлу, но это еще не давало права предполагать, что и всѣ могутъ такъ-же работать. Вслѣдствіе этого учителя роптали на тяжесть своихъ обязанностей и еще болѣе жаловались они на то, что имъ приходилось быть рабскими исполнителями того, что предначертано Песталоцци, какъ-бы говорившимъ: *la methode—c'est moi!* Таковы были причины, подрывавшія фундаментъ подъ заведеніемъ Песталоцци.

Здѣсь не мѣсто слѣдить за длиннымъ рядомъ ссоръ между учителями: Нидереръ, Крюзи, Шмидтъ, Жюльенъ, Рамзауеръ, Штернь, Аккерманъ, Раумеръ, всѣ эти люди, прекрасные сами

по себѣ, ссорились, протестовали, выходили изъ заведенія, обличали его, а оно все падало и падало, особенно послѣ смерти жены Песталоцци и послѣ удаленія распорядительнаго Шмигта. Тщетно подписывались владѣтельныя особы на сочиненія Песталоцци, причежь русскій императоръ послалъ 5,000 рублей, король прусскій 400 талеровъ, король баварскій 700 гульденовъ; тщетно поощряли старика орденами, при чемъ дали ему даже орденъ св. Владиміра 4-й степени; тщетно объявляла ему Швейцарія письменную благодарность отечества; тщетно думалъ онъ самъ снова соединиться съ Фелленбергомъ—его заведеніе падало; оно рушилось въ 1825 году и Песталоцци, попробовавъ не за долго передъ этимъ основать еще школу для бѣдныхъ дѣтей, возвратился въ Нейгофъ, гдѣ когда-то началась его практическая дѣятельность.

15 февраля 1827 года умеръ этотъ человѣкъ, сохранившій до глубокой старости весь юношескій жаръ, всю честность стремленій, всю ясность ума. Его предпріятія рушились, но не умерли его идеи: учителя, воспитанные имъ, разнесли ихъ по всему свѣту, и въ его родной Швейцаріи дѣло народной школы уже находилось не въ такомъ безпомощномъ положеніи, въ какомъ засталъ его этотъ дѣятель.

ХІ.

Мы не безъ умысла такъ долго останавливали свое вниманіе на Песталоцци. Его стремленіе, его борьба очень характеристичны. Почти подобную-же дорогу приходилось проходить многимъ и многимъ честнымъ дѣтелямъ въ Швейцаріи, конечно, уступившимъ „отцу новѣйшей педагогіи“ въ геніальности, но нерѣдко столь-же страстно стремившимся къ развитію народнаго образованія. Не безъ труда устраивалъ свои учебныя заведенія Фелленбергъ, основавшій въ 1799 году въ Гофвилѣ земледѣльческій институтъ, потомъ институтъ для бѣдныхъ или промышленную школу, далѣе институтъ для благородныхъ дѣтей и, наконецъ, нормальную школу. Въ эти заведенія стекались ученики со всѣхъ концовъ свѣта и, несмотря на множество препятствій, которыми обставляло бернское правительство его учи-

тельскую семинарію, эта семинарія дала множество благих результатовъ. Вплоть до своей смерти, т. е. до 1844 года, Фелленбергъ не оставялъ своей дѣятельности и бодро преслѣдовалъ свои цѣли. Фелленбергъ, главнымъ образомъ, старался осуществить свою идею на счетъ возможности содержать школу для бѣдныхъ, поручивъ имъ воздѣлывать землю. Не менѣе упорно шелъ по этому пути умершій въ 1855 году Верли, сначала сотрудникъ Фелленберга въ училищѣ для бѣдныхъ въ Гофвилѣ, потомъ, въ 1830 году, руководитель учительской школы въ Тургау и, наконецъ, учредитель, въ 1833 году, школы земледѣлія въ Крейцлингенѣ. Верли заботился о томъ, чтобы его ученики не только развивали свой умъ, но и занимались-бы ремеслами и потому въ его школахъ процвѣтали ремесленные занятія. И много еще другихъ дѣятелей шли по этой дорогѣ, но мы не станемъ писать ихъ біографій: ихъ внѣшняя жизнь была въ сущности повтореніемъ жизни Песталоцци — то-же стремленіе развить народное образованіе, то-же безденежье самихъ дѣятелей, общества и правительства. Прибавьте ко всему этому частую смѣну правителей и, что еще хуже, смѣну правительственныхъ системъ и вы поймете, какъ трудно было этимъ людямъ сдѣлать хотя что-нибудь, но они не унывали и шли все впередъ и впередъ.

Втеченіи десятилѣтій въ внѣшнемъ столѣтіи Швейцарія была ареною для борьбы партій, какъ клерикальныхъ, такъ и политическихъ, смѣнявшихъ одна другую и вносявшихъ въ жизнь во время своего владычества самыя противоположныя стремленія и начала. Союзный договоръ 1815 года не удовлетворилъ ни одной партіи въ странѣ и, говоря о гарантіи монастырей, очевидно, носилъ слѣды чужеземнаго вліянія. Въ 1817 году представители Швейцаріи принимали участіе въ священномъ союзѣ. Злоупотребленія вызвали оппозицію и въ 1830 году недовольство дошло до того, что нужно было пересмотрѣть союзный договоръ. Вплоть до 1832 года продолжалось сильное броженіе умовъ и возстанія народныхъ массъ; наконецъ, былъ составленъ новый проектъ союзаго договора. Но консервативныя партіи были во многихъ мѣстахъ сильны и потому новыя постановленія вышли далеко не такими, какихъ требовали радикалы. Въ 1834 году добились только гласности засѣданій союзныхъ властей. Вплоть до 1838—1839 года Швейцарія отстаивала свое право прини-

мать эмигрантовъ, въ числѣ которыхъ былъ и Людовикъ Бонапартъ, и боролась съ клерикалами изъ-за призваннаго въ Цюрихъ Давида Штрауса. Съ 1839 года начинается рядъ крестьянскихъ возстаній и революціонныхъ попытокъ: въ Тессино въ 1839 году, въ Ааргау и въ Валлисѣ въ 1840 и 1844, въ Женевѣ въ 1842, 1843 и 1846 годахъ, въ Люцернѣ въ 1844 и 1845 годахъ, въ Ваадтѣ въ 1845 году. Затѣмъ усовершенствованія союзнаго договора шли уже болѣе мирнымъ путемъ и Швейцаріи удалось сдѣлаться страной болѣе или менѣе независимой отъ чужеземныхъ вліяній и вмѣшательства. Нечего и говорить, что эта внутренняя жизнь, эта борьба партій, это отстаиванье политическихъ интересовъ отдѣльныхъ личностей и всей страны далеко не могло способствовать правильному развитію народнаго образованія, которое отходило на задній планъ за болѣе животрепещущими вопросами дня. Вотъ почему, несмотря на усиліе и труды отдѣльныхъ личностей, дѣло подвигалось впередъ довольно медленно. Политическая реакція, наступившая за временежь общеевропейской войны съ Наполеономъ I, охватила и Швейцарію; свободомысліе передовыхъ швейцарцевъ преслѣдовалось партіями, боявшимися свѣта; католики и іезуиты возставали противъ чтенія библіи и тормозили всякую попытку сдѣлать народъ грамотнымъ. Только послѣ іюльской революціи нѣсколько очистился воздухъ въ Швейцаріи и началась реорганизація народныхъ школъ, стали заботиться о болѣе серьезномъ образованіи учителей, постарались издать порядочные учебники. Еще въ 1803 году въ Цюрихѣ было постановлено, чтобы каждая община имѣла, по крайней мѣрѣ, одну школу; три года спустя была устроена здѣсь учительская семинарія Рустергольдцемъ, приготовившая въ три года своего существованія 280 учителей, но по болѣзни Рустергольца, она должна была закрыться. Но, несмотря на эти довольно раннія заботы о народной школѣ, эта школа въ началѣ двадцатыхъ годовъ все еще находилась въ довольно плачевномъ состояніи. „Плохое умѣнье читать и списыванье по буквамъ непонятныхъ отрывковъ изъ грамматики, умѣнье дѣлать кое-какъ сложенъе и вычитанье, бессмысленное кричанье по нотамъ, называемое пѣніемъ, тупые отвѣты на вопросы изъ катехизиса, — вотъ вся жатва, которую выносить ученикъ съ собою послѣ шестилѣтняго вавилонскаго плѣненія въ школѣ“, говоритъ одинъ со-

временникъ о народныхъ школахъ въ Швейцаріи. Всѣ чувствовали необходимость реорганизовать народную школу вполне и въ печати появлялись проекты и планы этой реорганизаціи. Но только въ собраніи въ Устерѣ, послѣ іюльской революціи было неотступно потребовано учителемъ Стеффеномъ, сотрудникомъ Песталоцци, коренное преобразование системы воспитанія. Въ 20 параграфѣ закона 1831 года говорилось, что „забота объ усовершенствованіи обученія дѣтей есть обязанность народа и его представителей. Государство будетъ по силамъ поддерживать и развивать низшія и высшія учебныя заведенія“. Въ томъ-же году вышелъ новый проектъ школьнаго закона, набросанный профессоромъ Орелли и Шерромъ. Этотъ проектъ съ немногими смягченіями былъ принятъ правительствомъ и въ 1832 году вошелъ въ силу. Согласно съ нимъ „народная школа должна была образовывать изъ дѣтей всѣхъ классовъ народа умственно дѣятельныхъ, способныхъ къ гражданской дѣятельности и нравственно религіозныхъ людей.“ Томасъ Игнатій Шерръ родился въ Виртембергѣ, въ маленькомъ селеніи Гогенрехбергѣ въ 1804 году. Онъ воспитывался въ общественной школѣ и, чувствуя призваніе къ учительской дѣятельности, посвятилъ себя изученію педагогій. Пробывъ полгода элементарнымъ учителемъ въ сельской школѣ, онъ въ 1821 году сдѣлался учителемъ глухонѣмыхъ въ Гмюндѣ. Здѣсь-же онъ попробовалъ обучать слѣпыхъ и въ 1825 году перешелъ въ Цюрихъ въ институтъ слѣпыхъ, принявъ реформатскую вѣру. Онъ словесно и письменно началъ проповѣдывать въ кантонѣ необходимость измѣнить народныя школы, въ то-же время онъ очень дѣятельно заботился о воспитаніи глухонѣмыхъ. Сдѣлавшись цюрихскимъ гражданиномъ, онъ былъ призванъ къ участию въ общественныхъ дѣлахъ. Послѣ шестилѣтнихъ трудовъ, его имя стало до того извѣстно, что, когда кантонъ пожелалъ составить лучшей законъ о воспитаніи, Шерръ былъ избранъ членомъ педагогическаго совѣта, а этотъ совѣтъ поручилъ ему составить проектъ новаго закона. Своды законовъ объ общественномъ воспитаніи, говоритъ Диксонъ, теперь вещь обыкновенная, и каждый кантонъ имѣетъ свой кодексъ; но во дни Шерра это было явленіемъ новымъ, страннымъ, и феодальная партія, подъ предводительствомъ доктора Блунчли (одного изъ аристократовъ, предки которыхъ управляли Цюрихомъ за долго до присоединенія его къ

лѣсными кантонамъ), подвергла его жестокимъ преслѣдованіямъ. Шерръ желалъ сдѣлать общественное воспитаніе обязанностью государства. Онъ утверждалъ, что каждый ребенокъ долженъ ходить въ школу, что каждое селеніе должно имѣть школу, что каждый гражданинъ долженъ принимать участіе въ управленіи школой и что родители обязаны посѣщать и контролировать ту школу, въ которой воспитываются ихъ дѣти. Онъ желалъ сдѣлать школу семейнымъ пріютомъ и надѣялся, что семейства ему въ этомъ помогутъ. Для него школа была серьезнѣе, важнѣе всего. Онъ хотѣлъ, чтобы весь міръ смотрѣлъ на дѣло его глазами, и надѣялся, что путемъ общественныхъ празднествъ ему удастся обратить вниманіе вліятельнѣйшихъ людей кантона на общественныя школы. Часть его реформы была безотлагательно приведена въ исполненіе кантономъ. Цюрихъ, подобно всей Европѣ, нуждался въ способныхъ учителяхъ. Нигдѣ, кромѣ Германіи, нельзя было найти педагоговъ, и Шерръ предложилъ основать близъ Цюриха педагогическую семинарію, въ которой избранные юноши и молодыя дѣвушки могли-бы учиться этому трудному и важному предмету. Въ четырехъ миляхъ отъ Цюриха, на горномъ скатѣ, усѣянномъ виноградниками, стоитъ хорошенькое селеніе Кюснахъ. Въ этомъ-то хорошенькомъ селеніи Шерръ основалъ свою педагогическую семинарію, и черезъ три года Кюснахъ приобрѣлъ такую славу, что со всѣхъ сторонъ Европы стали стекаться ученики. Громадный толчокъ былъ данъ народному образованію во всѣхъ странахъ, но преимущественно въ германскихъ кантонахъ Швейцаріи. Какъ практическій педагогъ, Шерръ былъ великій человекъ. Его лекціи о формахъ рѣчи и о красотѣ выраженія отличались необыкновеннымъ блескомъ и остроуміемъ. Среди своихъ учениковъ и ученицъ онъ имѣлъ громадный успѣхъ; его обхожденіе, убѣдительная сила его доводовъ, громадный запасъ свѣденій и ясность изложенія были просто изумительны. Но его политическія и религіозныя убѣжденія были слишкомъ радикальны для швейцарской буржуазіи; она видѣла ясно, что онъ считаетъ непремѣннымъ условіемъ процвѣтанія народной школы отдѣленіе ея отъ церкви. Шерръ не срывалъ своихъ взглядовъ и проводилъ ихъ въ отдѣльныхъ газетныхъ статьяхъ и въ редактируемомъ имъ „Педагогическомъ наблюдателѣ“. Въ 1838 году ему удалось сдѣлать обязательнымъ употребленіе

въ школахъ извѣстныхъ учебныхъ пособій и назначить обязательныхъ шесть лѣтъ пребыванія въ школѣ для дѣтей. Дѣло Шерра шло отлично и всѣ, исключая феодальной партіи, открываго врага народнаго образованія, гордились Шерромъ. Но чѣмъ болѣе росла его слава, тѣмъ болѣе увеличивались преслѣдованія. Противъ него былъ поднятъ крикъ сотней мануфактуристовъ, которые утверждали, что онъ хочетъ уничтожить всю торговлю, отвлекая мальчиковъ и дѣвочекъ въ школу. Они увѣрили, что будутъ принуждены закрыть фабрики, потому что при такихъ условіяхъ дѣло не могло идти и они только теряли свой капиталъ. Если Шерру будетъ дозволено продолжать его пагубное дѣло, то они переведутъ свои фабрики въ другіе кантоны, а быть можетъ, и во Францію, гдѣ подобнымъ дуракамъ не дозволяютъ мѣшать торговлѣ. Шерръ отвѣчалъ, что городъ распространялся во всѣ стороны, что было выстроено шестьсотъ новыхъ домовъ, что улицы были чище и безопаснѣе, чѣмъ прежде, что гавань была полна судами, что тысячи чужеземныхъ работниковъ стекались за работой. Кромѣ того, старинныя городскія стѣны были сломаны, по берегу озера разведены сады, выстроены театръ, нѣсколько хорошихъ гостинницъ, открыты новыя книжныя лавки, приступлено къ обновленію собора и начата постройка нѣсколькихъ общественныхъ зданій, открытъ клубъ для пѣнія и, наконецъ, достигнуть высшій умственный и нравственный уровень. Феодальная партія была побѣждена, но не убѣждена, и когда власть снова перешла въ ея руки, она выместила свою злобу на человѣкѣ, дѣло котораго она уже не могла уничтожить. Въ 1830 году Шерръ былъ изгнанъ изъ кантона, который онъ такъ прославилъ, но осуществленныя Шерромъ реформы не могли быть уничтожены во время недолгаго господства его противниковъ. Въ 1843 году Шерръ, возвратившійся въ Цюрихъ, поселился въ Тургау, гдѣ занимался исключительно практической педагогикой и литературными работами. Въ сущности судьба Шерра была повтореніемъ судьбы Песталоцци и многихъ подобныхъ дѣятелей.

Школа, созданная Шерромъ, не была убита, но на долгое время остались въ ней слѣды клерикальнаго вліянія и только въ новѣйшее время въ 1859 году повѣяло въ ней болѣе свѣжимъ воздухомъ. Но все-же она существовала и не могла пасть.

Мы не желаемъ бесполезно удлинять эти статьи, входя въ подробности развитія народныхъ школъ въ различныхъ кантонахъ. Исторія этого развитія вездѣ одна и та-же, перемежаются только лица. Въ Бернѣ тоже въ 1831 году признали, что „никто не имѣетъ права оставлять безъ извѣстной степени школьнаго образованія вѣрренныхъ его попеченію дѣтей; забота о воспитаніи и образованіи юношей есть обязанность народа и его представителей; государство должно основывать и поддерживать общественныя школы и образовательныя заведенія“. Съ 1832 по 1845 годъ шли очень дѣятельныя заботы о народныхъ школахъ, а въ 1846 году при пересмотрѣ законодательства началась реорганизація семинарій и учрежденіе школьнаго синода. Въ 1847, въ 1856 году были снова пересмотрѣны законы о школахъ. Въ Люцернѣ хотя и было 147 общинныхъ школъ уже въ 1812 г., а въ 1814 былъ 81 школьный домъ, но все-таки обновленіе народныхъ школъ то-же началось только въ 1830 году. Въ другихъ кантонахъ встрѣчается то-же оживленіе народнаго образованія только послѣ іюльской революціи.

ХІІ.

Государство и народъ въ Швейцаріи прежде всего заботятся о процвѣтаніи школы.

Въ Швейцаріи, говоритъ Диксонъ, главная обязанность государства—содержать школу. Школа — первое, что представляется глазамъ швейцарскаго ребенка, и послѣднее, что исчезаетъ изъ мысли швейцарскаго старика. Съ колыбели пробуждается у швейцарца мысль о школѣ и вмѣстѣ съ нею сходитъ она въ могилу. Онъ не можетъ съ нею разстаться, если-бъ и хотѣлъ; онъ не хочетъ съ ней разстаться, если-бъ и могъ. Швейцарскій ребенокъ мечтаетъ о школѣ, какъ дѣти ремесленниковъ въ англійскихъ городахъ думаютъ о работѣ. Онъ знаетъ, что ему не миновать школы. Онъ видитъ, какъ братья и сестры встаютъ на разсвѣтѣ, приготавливаютъ уроки и отправляются въ школу. Если онъ не калѣка и не слѣпой, то его очередь вскорѣ наступаетъ, и онъ весело бѣжитъ въ школу въ толпѣ своихъ товарищей. Достигнувъ извѣстнаго возраста, въ иныхъ мѣстахъ шести лѣтъ,

въ другихъ семи, онъ теряетъ право сидѣть дома, играть не-
скомъ или деревяшками. Онъ членъ своей общины, и община не
позволить ему жить и умереть свиньей. Школа принимаетъ его
въ свои объятія и не выпускаетъ его въ продолженіи долгихъ
лѣтъ, пока не образуетъ изъ него банкира, пастуха, ученаго,
ремесленника и т. д.; но во всякомъ случаѣ онъ не освобож-
дается отъ ея власти, прежде чѣмъ онъ сдѣлается человѣкомъ.
Швейцарскій ребенокъ мечтаетъ съ удовольствіемъ о школѣ, тогда
какъ наши дѣти съ ужасомъ думаютъ о предстоящемъ имъ трудѣ.
Если школа для швейцарскаго ребенка—неизбѣжная судьба, то
она представляется ему въ образѣ благодѣтельной феи, а не злоб-
ной вѣдьмы. Для молодыхъ и старыхъ школа является одина-
ково въ образѣ благородной, нѣжной, но твердой женщины, съ
любовью обнимающей дорогихъ ей питомцевъ. Нигдѣ не заботятся
такъ сильно о томъ, чтобы школа не только давала хорошее
образованіе дѣтямъ, но и пеклась-бы объ ихъ здоровьи, не вре-
дила-бы своимъ питомцамъ неумѣльнымъ устройствомъ классовъ,
сквеемъ, чрезмѣрнымъ истощеніемъ организма, грубостью нака-
заній. Д-ръ Бернгардъ Беккеръ, Фарнеръ, Фрей, Гильомъ, Ван-
ценридь, Трейхлеръ, Фюри, Гисъ, все это швейцарскіе дѣятели,
усиленно заботящіеся въ настоящее время о цѣлесообразномъ
устройствѣ школъ. Швейцарцы одни изъ первыхъ подняли во-
просъ о томъ, что школа можетъ достигнуть благихъ результа-
товъ только тогда, когда она будетъ воспитать не только уче-
ныхъ, но и физически здоровыхъ дѣтей, и въ Швейцаріи, бо-
лѣе чѣмъ гдѣ-нибудь, заботятся объ этомъ предметѣ какъ педа-
гоги, такъ и правительство, устраивая съ цѣлію изслѣдованія
санитарнаго состоянія школъ множество комиссій и наблюдатель-
ныхъ комитетовъ. Здѣсь понимаютъ, что школа должна быть
заботливою матерью, память о которой не должна помрачаться
въ челоѣкѣ втеченіи всей жизни ни однимъ темнымъ фактомъ.
И какъ выглядятъ швейцарскія школы. „Красивѣйшее зданіе,
говоритъ Диксонъ, которое видитъ швейцарецъ, выходя изъ сво-
его дома,—сельская школа или кантональная школа, смотря по
тому, гдѣ онъ живетъ, въ деревнѣ или городѣ. Тюрьма, рабочій
домъ, даже ратуша иногда скрываются отъ глазъ любопытныхъ
въ какомъ-нибудь уединенномъ уголкѣ. Но школа, академія, уни-
верситетъ занимаютъ самое видное мѣсто въ селеніи или городѣ.

Въ Цюрихѣ и Лозаннѣ, умственныхъ столицахъ (германской и латинской) Швейцаріи, красивѣйшія зданія—общественныя школы. Послѣ союзнаго дома въ Бернѣ политехнической институтъ въ Цюрихѣ есть великолѣпнѣйшее зданіе во всей странѣ, какъ по архитектурной красотѣ и блеску, такъ и по удобству расположенія и живописной обстановкѣ... Наши дѣти, рассказывалъ мнѣ одинъ ученый профессоръ: до того привыкли видѣть школу красивѣйшимъ зданіемъ въ городѣ, что за-границей они впадаютъ въ самыя уморительныя ошибки. Такъ моя десятилѣтняя дочь, увидавъ блестящій фасадъ Версаля, воскликнула, хлопая въ ладоши: „Папа! папа! вотъ и школа, смотри! смотри!“ Почти то-же самое встрѣчаете вы въ деревняхъ. Въ какомъ-нибудь, глубокомъ и мрачномъ ущельѣ съ обнаженными вершинами и kloчочащими горными потоками, вы видите вокругъ себя рѣдкія сосны и кое-гдѣ на уступахъ разбросанныя хижинны; вы не слышите никакихъ человѣческихъ звуковъ и ничто не нарушаетъ монотоннаго плеска воды и шума листьевъ. „Ну, ужъ здѣсь нѣтъ школы!“ восклицаете вы, и черезъ нѣсколько шаговъ передъ вами возвышается четырехугольный бѣлый домикъ. Въ Англіи подобный домикъ былъ-бы охотничьимъ пріютомъ, а здѣсь это сельская школа. Въ мѣстахъ не столь уединенныхъ, эти школы устроены лучше и роскошнѣе. Возьмите, напримѣръ, Зарненъ; веселое, красивое зданіе на берегу озера, считающееся первымъ во всемъ кантонѣ, — общественная школа. Поѣзжайте въ Сен-Галенъ, и тамъ, гдѣ нѣкогда былъ центръ бенедиктинскихъ ученыхъ, а теперь развивается новая, кружевная промышленность, на главной улицѣ, среди великолѣпнаго парка, вы увидите кантональную школу, которая поразитъ васъ своимъ великолѣпіемъ даже въ этой странѣ красивыхъ и удобныхъ школъ. Не только въ этихъ городахъ, но и въ самомъ Эйнзидельнѣ, противъ чудотворнаго источника, возвышается красивая общинная школа. Всѣ праздники и торжества въ Швейцаріи тѣсно связаны съ школьной жизнью. При поступленіи въ школу—праздникъ; при переходѣ изъ класса въ классъ—праздникъ; при выходѣ изъ школы—праздникъ; при началѣ курса—праздникъ; по окончаніи его—праздникъ; при поступленіи новаго учителя—праздникъ; при выходѣ стараго—праздникъ: однимъ словомъ, каждая перемѣна въ школѣ считается достаточнымъ предлогомъ для празд-

нованія. Школа для швейцарца—центръ всѣхъ его счастливыхъ надеждъ и пріятныхъ воспоминаній. Въ школѣ онъ сближается съ товарищами, вмѣстѣ съ которыми онъ учится, играетъ, маршируетъ и стрѣляетъ. Учитель для него отецъ; подъ его руководствомъ онъ образуется и дѣлается человѣкомъ среди нѣжныхъ заботъ, лишенныхъ родительскаго пристрастія. Вмѣстѣ съ учителемъ и товарищами онъ гуляетъ по окрестностямъ, собираетъ минералы и растенія, катается на лодкѣ, слушая рассказы о древнихъ озерныхъ жилищахъ, ѣздитъ по желѣзной дорогѣ въ сосѣднія общины для изученія новыхъ для него обычаевъ. Пребываніе въ школѣ имѣетъ столько веселыхъ сторонъ, что долго послѣ занятій дѣлами въ конторѣ или на фермѣ онъ вспоминаетъ о ней, какъ о лучшихъ дняхъ своей жизни. Ученики и учителя вѣчно предъ глазами общества. Часто они устраиваютъ по улицамъ торжественныя шествія съ музыкой, пѣніемъ и флагами. Всѣ прохожіе сторонятся передъ ними и снимаютъ шляпы: швейцарцы гордятся своими школами, какъ высшимъ произведеніемъ своей страны“.

Далѣе мы перейдемъ къ статистическимъ даннымъ.

ХІІІ.

Мы уже указывали на то, что въ Швейцаріи ясно сознавалась необходимость прежде всего устроить порядочныя учительскія семинаріи, такъ какъ безъ подготовки хорошихъ учителей дѣло народнаго образованія при всѣхъ усиліяхъ не можетъ двигаться впередъ. Вслѣдствіе этого прежде всего мы займемся учительскими семинаріями, чтобы показать, на сколько успѣли онѣ развиться въ послѣднее время.

Въ настоящее время въ Швейцаріи существуетъ 24 заведенія, предназначенныхъ для образованія учителей; изъ нихъ 12 евангелическихъ и 8 католическихъ, 18 кантональных и 6 частныхъ, къ послѣднимъ принадлежатъ евангелическія заведенія близъ Берна и въ Цюрихѣ, дающія строгое и религіозное воспитаніе, неимѣющее, впрочемъ, ничего общаго съ піетизмомъ или нѣмецкимъ ортодоксизмомъ. Изъ общественныхъ заведеній одно принадлежитъ тремъ національностямъ: итальянской, французской и

нѣмецкой, 6 чисто французскихъ, 17 чисто нѣмецкихъ, —исключительно итальянской семинаріи нѣтъ. Въ кантонахъ Берна, Цюриха, Ааргау, С. Галлена, Люцерна, Золотурна, Тургау, Граубюндена имѣется 12 правительственныхъ семинарій, въ Ваадтѣ и Фрейбургѣ имѣются двухклассныя нормальныя школы, въ Нейенбургѣ имѣется при академіи педагогическое отдѣленіе; одна учительская семинарія соединена съ высшимъ женскимъ учебнымъ заведеніемъ. Въ Валлисѣ имѣются двѣ нормальныя школы для учителей и учительницъ, въ Тессино существуютъ двухмѣсячныя учительскіе курсы; въ Ури есть повторительные курсы для опредѣлившихся на мѣста учителей. Какъ видите, разнообразіе этихъ заведеній довольно велико. Мольнаръ указываетъ на слѣдующія общія черты устройства этихъ учебныхъ заведеній. Прежде всего нужно замѣтить, что курсъ ученія по большей части продолжается три года въ семинаріяхъ учителей и два года въ семинаріяхъ учительницъ, что, замѣтимъ кстати, не особенно хорошо, такъ какъ учительница не должна знать менѣе учителя. Поступающіе въ семинарію должны пройти курсъ второстепенной школы или, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, прослушать подготовительный курсъ послѣ первоначальной школы передъ поступленіемъ въ семинарію. Съ семинаріею соединяется практическая школа, по большей части имѣющая программу первоначальныхъ школъ. Большою частью семинаріи закрытыя учебныя заведенія. Воспитанники, принадлежащіе къ тому кантону, гдѣ помѣщается семинарія, обучаются даромъ и получаютъ казенное содержаніе или пособія, за что обязуются втеченіи извѣстнаго времени обучать дѣтей въ своемъ кантонѣ или въ противномъ случаѣ уплачиваютъ всѣ потраченные на нихъ деньги. Эти заведенія готовятъ учителей для первоначальныхъ и второстепенныхъ школъ, причемъ приходится нѣкоторымъ семинаристамъ втеченіи года или двухъ лѣтъ послѣ выхода изъ семинаріи посѣщать высшія учебныя заведенія для пополненія своихъ знаній.

Лучшею учительскою семинаріею считается семинарія въ Кюснахѣ въ цюрихскомъ кантонѣ. Она находится подъ вѣденіемъ наблюдательнаго комитета изъ семи членовъ, избраннаго воспитательнымъ совѣтомъ по предложенію директора общественаго образованія. Президентъ этого комитета — самъ директоръ, лицо, избранное воспитательнымъ совѣтомъ. Въ этомъ комитетѣ дирек-

торъ семинаріи имѣть также совѣщательный голось, когда дѣло не касается его личности. Комитетъ наблюдаетъ за исполненіемъ обязанностей директоромъ и профессорами, за поведеніемъ и прилежаніемъ воспитанниковъ. Комитетъ сходится семь разъ въ годъ въ обыкновенныхъ засѣданіяхъ и кромѣ того можетъ собираться каждый разъ въ экстренныхъ засѣданіяхъ по мѣрѣ надобности. Отъ времени до времени его члены посѣщаютъ и ревизуютъ семинарію. Каждый членъ во время своей, обыкновенно трехнедѣльной очередной дѣятельности, долженъ осматривать библіотеку, учебныя пособія, жилище, пищу семинаріи и присутствовать, по крайней мѣрѣ, на четырехъ урокахъ. Каждое его посѣщеніе заносится въ книгу директора семинаріи съ точнымъ обозначеніемъ того, что осмотрѣно членомъ комитета. Комитетъ утверждаетъ представленный директоромъ и совѣтомъ учителей планъ уроковъ и учебныхъ пособій, дѣлитъ стипендіи, заботится о приѣмѣ учениковъ, назначаетъ экзамены, рѣшаетъ дѣла по дисциплинарной части. Его рѣшенія безапелляционны. Необходимыя улучшенія производятся имъ. Его члены получаютъ суточное вознагражденіе. Директора семинарій обыкновенно исполняютъ еще множество обязанностей и слѣдятъ за умственною жизнью учителей даже внѣ семинаріи, такъ, на примѣръ, директоръ семинаріи въ Кюснахѣ предсѣдательствуетъ на испытаніяхъ первоначальныхъ и второстепенныхъ учителей въ зрѣлости, наблюдаетъ за кандидатами на учительскія мѣста, предсѣдательствуетъ на учительскихъ собраніяхъ и т. д. Директоръ получаетъ 2,200 франковъ въ годъ, даровую квартиру, отопленіе, прислугу, содержаніе, врачебную помощь для себя и своей семьи. Жалованье учителей соразмѣряется съ числомъ уроковъ. Помощникъ директора и учитель гимнастики берутся на время, остальные учителя исполняютъ свои обязанности постоянно. Всѣ учителя подъ предсѣдательствомъ директора составляютъ совѣтъ, который собирается четыре раза въ годъ въ обыкновенныя собранія и можетъ собираться, смотря по обстоятельствамъ, въ чрезвычайныя собранія, которыя могутъ созываться такъ-же по письменному заявленію трехъ членовъ. Совѣтъ учителей совѣщается на счетъ всѣхъ дѣлъ, касающихся обученія и дисциплины, учебныхъ плановъ и пособій, приѣма и экзаменовъ воспитанниковъ, улучшеній и измѣненій, наконецъ, онъ посылаетъ представителей на окружныя сѣзды учителей.

Принимаютъ воспитанниковъ на 15-мъ году, требуя отъ нихъ свидѣтельства о хорошей нравственности и здоровьи. Ученики держатъ вступительный экзаменъ. Число поступающихъ опредѣляется воспитательнымъ совѣтомъ по предложенію директора семинаріи. По закону число кантональныхъ воспитанниковъ не должно превышать 100 учениковъ, но ихъ принимается обыкновенно болѣе. Въ 1870 году ихъ было 135 человекъ. Выдержавшіе экзаменъ принимаются на три мѣсяца на испытаніе, потомъ наблюдательный комитетъ рѣшаетъ, принять-ли ихъ совсѣмъ или нѣтъ. Кромѣ того принимаются безъ экзамена въ высшій классъ слушатели, желающіе усовершенствовать свое образованіе для занятія мѣстъ учителей въ второстепенныхъ школахъ. За ущербъ, нанесенный заведенію, платятся сначала цѣлыя классы, потомъ отдѣльныя личности. Всѣ ученики обязаны посѣщать по воскреснымъ днямъ церкви подъ наблюденіемъ одного учителя. Карточные и азартныя игры запрещены; ученики не могутъ принимать участія въ общественныхъ танцевальныхъ вечерахъ; они не должны посѣщать трактировъ, гдѣ имѣютъ, впрочемъ, право прохладиться и подкрѣпиться питьемъ послѣ утомительныхъ прогулокъ или въ жару; театръ посѣщается съ позволенія директора; курить можно только за предѣлами семинаріи; они не смѣютъ продавать своихъ учебныхъ пособій до истеченія учебнаго курса, требующаго этихъ пособій; они не должны участвовать въ постороннихъ ассоціаціяхъ; но они имѣютъ право устраивать между собою музыкальныя и гимнастическія союзы, показывая уставы директору; отдѣльнымъ ученикамъ или классамъ, неисполняющимъ своихъ обязанностей, можетъ быть воспрещено участіе въ этихъ союзахъ. Послѣ каждого семестра выдаются свидѣтельства ученикамъ, гдѣ обозначается степень ихъ прилежанія; свидѣтельства показываются родителямъ или лицамъ, заступающимъ мѣсто родителей, и эти лица подписываютъ свидѣтельства въ доказательство того, что свидѣтельства были просмотрѣны. Наказаніями служатъ выговоры директора передъ цѣлымъ классомъ или совѣтомъ учителей или заявленія наблюдательному комитету. Послѣдній даетъ заявленію дальнѣйшій ходъ, то есть даетъ сильнѣйшій выговоръ или лишаетъ ученика поддержки или исключаетъ его изъ училища. Исключенный не получаетъ никакого свидѣтельства, ни отъ училища, ни отъ отдѣльныхъ учителей, послѣднее, впрочемъ,

не вездѣ бываетъ правиломъ. Добровольный выходъ до окончанія курса затруднителенъ, такъ какъ нужно сначала уплатить все, что потрачено на ученика семинарію.

Вообще, семинаріи слишкомъ дорожатъ учениками, чтобы играть ихъ судьбою и выключать или выпускать ихъ на произволь случай. Власти очень хорошо понимаютъ, что ни лѣнь, ни дурное поведеніе юноши не исправляются тѣмъ, что этого юношу выталкиваютъ на всѣ четыре стороны, оставляя его безъ совѣтовъ, безъ надзора, отрѣзая иногда ему всѣ пути къ дальнѣйшему развитію и исправленію и большею частью приготовляя изъ бѣдняка будущаго преступника, тунеядца и обузу общества. По окончаніи курса воспитанникъ получаетъ подробное свидѣтельство. Учебный курсъ семинаріи въ Кюснахѣ продолжается 4 года, при чемъ послѣднее полугодіе посвящается повторенію пройденнаго и практическимъ занятіямъ. Праздники занимаютъ не болѣе 8 недѣль въ году. Занятія въ недѣлю равняется 15, 42, 45 и 44 часамъ для отдѣльныхъ классовъ, — это чрезчуръ много. Всѣ учебные предметы за исключеніемъ игры на фортепяно обязательны. При семинаріи находится практическая школа, въ ней обучаютъ ученики четвертаго класса подъ наблюденіемъ учителя. Кромѣ того подъ наблюденіемъ директора или его уполномоченнаго ученики четвертаго класса послѣ новаго года посѣщаютъ нѣсколько народныхъ школъ въ окрестности, гдѣ выученная методика находитъ практическое примѣненіе. Эти путешествія совершаются на счетъ заведенія. При семинаріи имѣется библіотека, физическій и естествонаучный кабинеты, — впрочемъ, эти части семинарій въ швейцарскихъ заведеніяхъ покуда очень неполны. При семинаріи имѣются музыкальные инструменты и, наприимѣръ, въ семинаріи въ Мюнхенъ-Бухзе имѣется четырнадцать фортепяно. Гимнастическій залъ и залъ для фехтованья имѣютъ мѣсто при семинаріи. О земледѣльческихъ занятіяхъ въ кюснахской семинаріи Мольнаръ пишетъ слѣдующее: заведеніе имѣетъ до 5 юхартовъ земли, занимаемой садомъ. Здѣсь ученики играютъ въ свободное время и пріучаются къ земледѣльческимъ работамъ. $2\frac{1}{4}$ юхарта земли ушли подъ огородъ и цвѣты. Ученики обрабатываютъ землю подъ наблюденіемъ проф. сельскаго хозяйства и работники нанимаются только въ случаѣ недостатка свободнаго времени у учениковъ. Кромѣ общаго сада, каждый воспитанникъ можетъ по-

лучить клочекъ земли для обработки его, согласно желанію и вкусу владѣльца. Ученики работаютъ очень прилежно весной и только въ лѣтніе жары приходится нанимать имъ помощниковъ. 2¹/₄ юхарта земли уходитъ подъ виноградъ, изъ котораго добывается до 60—80 австрійскихъ боченковъ вина, которое и распивается воспитанниками втеченіи года; оно подается четыре раза въ недѣлю. Для разсадника деревъ мѣсто очень невелико, а собственно для полевыхъ работъ вовсе нѣтъ мѣста въ кюснахской семинаріи. Кюснахская семинарія имѣетъ большую часть полныхъ пансіонеровъ, хотя допускаетъ и экстерновъ, которые должны жить въ порядочныхъ семействахъ, не далѣе какъ на двадцать минутъ ходьбы отъ семинаріи, должны имѣть зимой отдѣльную чисто содержимую кровать; тѣ, у кого они живутъ, должны заботиться о ихъ нравственности и давать знать директору о ихъ поведеніи. Квартиру можно нанять и переимѣнить съ согласія директора. Интернатъ рассчитанъ на 72 воспитанниковъ и слѣдовательно на волѣ живетъ болѣе 60 человекъ. Пансіонеры въ Кюснахѣ живутъ чисто семейнымъ образомъ подъ руководствомъ директора и его жены. Семья состоитъ почти изъ 80 членовъ и ея члены ведутъ строгую, но полную сердечной любви и непридуманной фамиллярности жизнь. Директоръ и его ассистенты живутъ среди воспитанниковъ, ѣдятъ вмѣстѣ съ послѣдними и дѣлать вмѣстѣ и горе и радость. Директоръ управляетъ домошъ, его жена управляетъ столошъ. Воспитанники спятъ въ трехъ залахъ. Часы сна, молитвы, работы, обѣда, отдыха строго опредѣлены. Пища хороша и дается въ достаточномъ количествѣ: мы уже говорили, что четыре раза въ недѣлю ученикамъ дается вино; утромъ имъ дается въ 7 час. кофе съ хлѣбомъ; въ 12 час. на обѣдъ супъ, картофель, овощи съ мясомъ или что-нибудь мучное; четыре раза въ недѣлю дается жаркое; послѣ обѣда въ 4 или 5 час. снова кофе съ хлѣбомъ; въ 8 час. вечера супъ и хлѣбъ; въ лѣтнее и осеннее время, когда есть свѣжіе плоды, ученики получаютъ утромъ и вечеромъ кромѣ обыкновенной пищи и плоды. Ни директоръ, ни его семья не ѣдятъ ничего кромѣ того, что ѣдятъ семинаристы. Это одно изъ важныхъ обстоятельствъ, которому у насъ люди, смотрящіе на все слегка, не придають достаточнаго значенія. Вопросъ о пищѣ играетъ очень и очень важную роль въ устройствѣ учебныхъ заведеній. Мы уже говорили объ этомъ

въ своихъ статьяхъ и повторяемъ это снова, потому что, въ сожалѣнію, мы вынесли изъ нашихъ личныхъ многочисленныхъ наблюденій полное убѣжденіе въ томъ, что въ большей части интернатовъ вопросъ о пищѣ есть одно изъ самыхъ больныхъ мѣстъ, — въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даютъ сознательно дурную пищу, думая приучить воспитанниковъ къ лишеніямъ, ожидающимъ ихъ въ жизни, въ другихъ же пища дурна вслѣдствіе воровства экономовъ, вездѣ же пища дурна именно потому, что власти интерната пытаются не этою, а другою, лучшею пищею. Послѣднее доходить просто до безобразія: мы видѣли классныхъ дамъ и гувернеровъ, которые ѣдятъ за однимъ столомъ съ воспитанниками другую пищу, какъ-бы дразня аппетитъ дѣтей. Нѣтъ, не педагогъ тотъ, кто не придаетъ важнаго значенія пищѣ для дѣтей; подобный человекъ просто поворить свое званіе и громко говорить о своемъ невѣжествѣ или, что еще хуже, о своей безсердечности, о своемъ узкомъ эгоизмѣ, о своемъ стремленіи раздобыть на счетъ питомцевъ. Возвращаемся къ юснахской семинаріи. Ученики изъ кантона платятъ здѣсь за содержаніе 240 франковъ, посторонніе кантону платятъ до 400 франковъ. За ученіе взимается съ постороннихъ 60 франковъ. Половина денегъ идетъ въ семинарскую кассу, половина учителямъ. Учащіеся за плату не несутъ по выходѣ изъ заведенія обязательной службы. Учебный планъ семинаріи слѣдующій:

		I кл.	II кл.	III кл.	IV кл.
Педагогика:	Общая педагогика	—	3	3	3
—	Методика и практическія занятія	—	—	2	2
—	Религія и нравственность	3	3	3	2
Язныи:	Нѣмецкій	5	5	5	6
—	Французскій	5	5	4	4
Математика:	Арифметика	3	3	3	2
—	Геометрія	2	2	2	3
Реальныя знанія:	Исторія	3	3	3	3
—	Географія	2	2	2	2
—	Естествознаніе	4	4	4	4
Искусства:	Скрипка	2	1	1	1
—	Пѣніе	4	4	4	4
—	Фортепьяно	2	2	1	1

—	Рисованіе	2	2	2	2
—	Каллиграфія	3	1	1	1
Тѣлесныя уп-	Фехтованіе	1	1	1	1
раженія. (Гимнастика	1	1	1	1
—	Земледѣльческія работы.	3	3	2	3

Всего 45 45 44 45

Обученіе педагогикѣ начинается во второмъ классѣ съ подробнаго объясненія умственной дѣятельности человѣка, чтобы можно было продолжать обученіе на чисто-психологическихъ началахъ. Въ послѣднемъ классѣ преподается въ первое полугодіе исторія педагогики вообще и въ цюрихской школѣ въ особенности, во второе полугодіе происходитъ повтореніе всего пройденнаго. Нѣмецкій и французскій языки преподаются очень обстоятельно. Арифметика и алгебра проходятся подробно. Геометрія обнимаетъ планиметрію, стереометрію и часть тригонометріи. Вообще математическія науки проходятся такъ, чтобы ученики познакомились и съ началами механики, геометрическаго черченія и межеванія. Исторія въ первыхъ двухъ классахъ проходится до реформаціи, въ третьемъ и четвертомъ всеобщая исторія доводится до 1830 г., швейцарская же до основанія новаго союза. Географія, какъ математическая, такъ и физическая, проходится подробно, при чемъ обращается вниманіе и на геологію, а также и спеціально на географію Швейцаріи. Въ классахъ естествознанія преподается физика, органическая и неорганическая химія, минералогія, ботаника и зоологія. Рисованіе заключаетъ въ себѣ рисованіе головъ съ гипса и видовъ съ натурн. Теоретическое знакомство съ сельскимъ хозяйствомъ ограничивается необходимыми свѣдѣніями о почвѣ, ея удобреніи и обработкѣ, объ уходѣ за овощами и плодами, о винодѣліи и садоводствѣ, о разведеніи шелковичныхъ червей и пчелъ. При обученіи постоянно имѣется въ виду будущая дѣятельность учителя и всѣ силы устремляются на то, чтобы изъ ученья вышла практическая польза, чтобы человѣкъ развилъ какъ можно разностороннѣе всѣ задатки своихъ умственныхъ и физическихъ силъ.

Менѣе удовлетворительны семинаріи учительницъ. Мы уже сказали, что въ нихъ только двухгодичный курсъ; число предме-

товъ тоже значительно меньше; значительная часть времени уходитъ на обученіе хозяйству и руководѣльямъ. Но въ Швейцаріи все болѣе и болѣе сознаютъ необходимость сильнаго развитія сельскихъ учительницъ и число этихъ учительницъ значительно увеличивается; во всякомъ случаѣ оно гораздо болѣе, чѣмъ число народныхъ учительницъ въ остальной Европѣ. Цифры эти довольно интересны. Въ Бернскомъ кантонѣ было:

Въ 1859 году	1276	учителей;	201	учительница.
„ 1860	„ 1077	„	313	„
„ 1861	„ 1070	„	338	„
„ 1863	„ 1054	„	386	„
„ 1866	„ 1079	„	428	„

То есть число учительницъ въ семь лѣтъ болѣе чѣмъ удвоилось. Въ Цюрихѣ 1869 г. на 555 учителей приходилось 328 учительницъ. Если эта пропорція далеко не такъ благопріятна, какъ въ Америкѣ, то все-же она гораздо благопріятнѣе отношеній, существующихъ въ Пруссіи, въ Англіи или во Франціи. Вообще-же въ Швейцаріи въ 1864 году было на 5,683 учителя 1379 учительницъ.

Выходя изъ семинаріи и поступая въ первоначальную школу, учитель можетъ получить въ Цюрихѣ 200 франковъ опредѣленнаго жалованья, квартиру, поль-юхарта земли, отопленіе, по три франка въ годъ за ученика, посѣщающаго школу ежедневно и по 1½ франка съ другихъ учениковъ и, наконецъ, добавки отъ правительства, всего отъ 500 до 700 франковъ. Послѣ извѣстнаго срока службы дѣлаются прибавки въ 100, 200 и 300 франковъ; послѣдняя прибавка дается послѣ двадцати-пяти-лѣтней службы. Учитель второстепенной школы получаетъ 1200 франковъ, квартиру, отопленіе, ¼ юхарта земли и часть дохода съ учениковъ; кромѣ того, прибавки въ 100, 200, 300 и 400 франковъ; послѣдняя прибавка за 25 лѣтъ службы. Его помощникъ получаетъ 800 франковъ. Пенсія дается послѣ 30 лѣтъ службы и составляетъ половину получаемаго учителемъ содержанія. Въ Шафгаузенѣ въ 1864 году элементарный учитель получалъ 1050 франковъ, причемъ за долгую службу давались прибавки отъ 80 до 200 франковъ въ годъ. Въ настоящее

время городскіе первоначальныя учителя получаютъ въ шафгаузенскомъ кантонѣ отъ 1500 до 2100 франковъ, а сельскіе отъ 700 до 1400 съ готовымъ жилищемъ и землею и съ прибавкою 200 франковъ послѣ 16 лѣтъ службы. Въ кантонѣ Базеля первоначальный учитель получаетъ 800, 1000 и 1200 франковъ, смотря по сроку сружбы и, кромѣ того, жилище, дрова и землю, т. е. прибавку почти въ 700 франковъ. Учитель второстепенной школы получаетъ 1800—2200 франковъ и жилище. Учительницы получаютъ вездѣ нѣсколько менѣе учителей.

Таковы подготовка и матерьяльное положеніе учителей. Если подготовка болѣею частью довольно удовлетворительна, то матерьяльное вознагражденіе далеко не достигло желаемыхъ размѣровъ. Но швейцарцы не довольны не только матерьяльнымъ положеніемъ народныхъ учителей, но и ихъ подготовкою. Здѣсь мы наталкиваемся на одну черту въ дѣлѣ народнаго образованія въ Швейцаріи, которая и является самымъ отпаднымъ лучомъ въ этомъ дѣлѣ—эта черта: недовольство настоящимъ, нелюбовь удовлетворяться полученными результатами, нежеланіе успокоиваться на совершившихся реформахъ, попытки идти дальше, однимъ словомъ, стремленіе къ прогрессу.

Остановимся на нѣсколько минутъ на этой характеристичной чертѣ швейцарскаго народнаго образованія.

XV.

Мы уже указывали на то, что одновременно съ официальными лицами въ родѣ Штапфера и Мора, заботились о развитіи народнаго образованія и частныя лица въ родѣ Песталоцци и Фелленберга; мы упомянули, что рядомъ съ общественными семинаріями существуютъ и частныя, и въ этомъ-то лежитъ главный залогъ преуспѣянія народнаго образованія въ Швейцаріи. Какъ-бы сильно ни заботилось правительство о народныхъ школахъ, частныя лица не считаютъ возможнымъ успокоиться и сложить руки: они помогаютъ правительству, они подталкиваютъ его, они дѣйствуютъ рядомъ съ нимъ, такъ что дѣло народнаго образо-

ванія становится задачей не одного какого-нибудь вѣдомства, не одной какой-нибудь части населенія, а дѣломъ всѣхъ и каждаго. Необходимымъ слѣдствіемъ этого является самая тщательная разработка всѣхъ вопросовъ, касающихся школы, и быстрое развитіе улучшеній и усовершенствованій въ этомъ дѣлѣ. Кто зналъ швейцарскія народныя школы десять лѣтъ тому назадъ, тотъ не узнаетъ ихъ теперь; кто знаетъ ихъ теперь, тотъ не узнаетъ ихъ черезъ десять лѣтъ. Довольно бросить бѣглый взглядъ на дѣятельность общества на этомъ пути, чтобы понять, какъ сильно здѣсь стремленіе всѣхъ гражданъ къ прогрессу въ народной школѣ.

„Заботы о школахъ, говоритъ Диксонъ, — для швейцарца не составляютъ временной официальной обязанности, какъ для англичанина или француза, но вѣчный, всепоглощающій долгъ, который начинается съ самой колыбели и кончается у могилы. Школа никогда не покидаетъ швейцарца, все равно, ребенокъ онъ или взрослый. Переставъ быть ученикомъ, онъ становится наблюдателемъ, руководителемъ школы. Сельскія школы управляются самими поселянами, и каждый дровосѣкъ, пастухъ или кабатчикъ, какъ членъ своей общины, долженъ принимать участіе въ управленіи общественными школами. Онъ долженъ ихъ строить, наблюдать за порядкомъ въ нихъ, выбирать учителей и директора и платить часть ихъ содержанія изъ своего собственнаго кармана. Съ теченіемъ времени у него родятся дѣти и тогда онъ становится въ новыя отношенія къ школѣ. Каждый отецъ имѣетъ право посѣщать и ревизовать школу, требовать объясненій отъ учителей и просматривать отмѣтки своихъ дѣтей. Хорошіе учителя любятъ эти посѣщенія родителей, потому что изъ разговоровъ съ ними они лучше узнаютъ характеръ дѣтей. Такимъ образомъ, кругъ обязанностей швейцарца въ отношеніи школы чрезвычайно обширенъ и онъ никогда не перестаетъ о ней думать. Школьныя дѣла принимаютъ въ Швейцаріи значеніе политическихъ, такъ какъ Швейцарцы находятъ, что только съ помощью школы можно сдѣлать человѣка достойнымъ этого названія“. Вслѣдствіе этого школы, наприимѣръ, въ Цюрихѣ находятся подъ вѣденіемъ всего общества. Государство наблюдаетъ за всѣмъ образованіемъ посредствомъ высшаго совѣта общественнаго воспи-

танія; совѣтъ состоитъ изъ 6 членовъ подъ предсѣдательствомъ директора образованія, состоящаго членомъ правительственнаго совѣта. Четыре изъ этихъ членовъ назначаются великимъ совѣтомъ, два избираются школьнымъ синодомъ. Ежегодно совѣтъ имѣетъ засѣданія съ депутатами 11 школьныхъ округовъ для обсужденія всего касающагося образованія. Въ каждомъ округѣ имѣется школьная комиссія изъ 9—13 членовъ, изъ которыхъ 3 выбираются учителями округа, другіе-же гражданами. Эта комиссія инспектируетъ школы и ежегодно даетъ отчетъ высшему совѣту. Въ каждой школьной секціи граждане назначаютъ комитетъ изъ 5 человекъ, управляющихъ административными дѣлами школы. Одинъ изъ администраторовъ специально завѣдуетъ кассою. Рѣшенія мѣстнаго комитета утверждаются окружною комиссіею. Учителя имѣютъ право присутствовать на засѣданіяхъ съ совѣщательнымъ голосомъ. Школьная община избираетъ учителей изъ кандидатовъ, прослужившихъ, по крайней мѣрѣ, два года. Учителя и профессора учебнаго округа составляютъ капитулъ, собирающійся четыре раза въ годъ для обсужденія вопросовъ образованія. Его труды представляются центральной комиссіи. Президенты капитула собираются разъ въ годъ для представленія своихъ требованій и мнѣній высшему совѣту. Каждый капитулъ имѣетъ свою бібліотеку. Синодъ заключаетъ въ себѣ всѣхъ членовъ различныхъ капитуловъ, то есть, весь наличный составъ преподавателей. Онъ собирается разъ въ годъ и выбираетъ на два года людей, управляющихъ его бюро. Засѣданія эти происходятъ публично съ большою торжественностью и сопровождаются празднествами. Такимъ образомъ, учителя всѣхъ степеней составляютъ одно цѣлое и имѣютъ возможность поддерживать другъ друга и искать поддержки себѣ. Между ними устанавливается тѣсная дружеская связь. Въ то-же время вся ихъ дѣятельность является публичною и потому здѣсь менѣе всего можно ожидать встрѣтить какіе-нибудь темные и неприглядные поступки. Учителя одного кантона, собираясь вмѣстѣ, не только обсуждаютъ свои личныя дѣла, но и стараются подтолкнуть впередъ тѣ кантоны, которые отстали въ дѣлѣ народнаго образованія, какъ Валлисъ, Тессино или Фрейбургъ. Такъ одинъ изъ съездовъ бернскихъ учителей постановилъ созвать съѣздъ всѣхъ швейцарскихъ

учителей для того, чтобы обсудить, какия статьи нужно внести въ законодательство для содѣйствія большимъ успѣхамъ народнаго образованія въ нѣкоторыхъ остальныхъ кантонахъ. Это организація школьнаго дѣла и даетъ возможность народному образованію въ Швейцаріи дѣлать изумительные успѣхи. Такимъ образомъ, народный учитель, несмотря на самый сильный контроль общества, является не приниженою, не подавленою и безгласною личностью, а членомъ сильной корпорации, общественнымъ и политическимъ дѣятелемъ. Его матеріальное положеніе не блестяще, но оно не безвыходно; онъ можетъ бороться за улучшеніе этого положенія, онъ можетъ надѣяться на созданіе болѣе лучшихъ условий, онъ можетъ опираться на своихъ собратьевъ. Кромѣ стремленій провести законодательнымъ путемъ идею объ увеличеніи окладовъ народныхъ учителей, мы встрѣчаемъ еще въ Швейцаріи массу обществъ, имѣющихъ цѣлью дать учителямъ пенсіи и пособія послѣ отставки. Такъ въ Аргау существуетъ подобное общество съ 611 членами, имѣющее до 74,800 франковъ капитала и дающее пенсіи 168 чловѣкамъ. Въ городѣ Базелѣ общество для выдачи пенсій вдовамъ и дѣтямъ учителей имѣетъ 150,690 франковъ капитала и выдаетъ пенсіи 24 лицамъ. Каковы эти пенсіи, видно изъ того, что одинъ учитель первоначальной школы получаетъ 2500 франковъ пенсіи, одна учительница швейной школы получаетъ 1000 франковъ. Въ Граубюнденѣ вспомогательная касса народныхъ учителей имѣетъ 189 членовъ, изъ которыхъ 119 застраховали здѣсь свою жизнь на 79,800 франковъ, другіе обусловили для себя полученіе пенсіи послѣ 50 или 55 лѣтъ. Въ Люцернѣ сиротская и вдовья учительская касса имѣетъ до 61,248 франковъ и считаетъ 267 членовъ и т. д.

Таково положеніе народныхъ учителей въ Швейцаріи. Пользуясь уваженіемъ общества, имѣя возможность быть общественными дѣятелями, не боясь какихъ-нибудь нелѣпныхъ и несправедливыхъ притѣсненій, развитые люди здѣсь не бѣгутъ отъ учительскихъ мѣстъ въ народныхъ школахъ и потому-то въ Швейцаріи мы считаемъ болѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь, развитыхъ и умныхъ людей на учительскихъ кафедрахъ, въ селахъ и деревняхъ. Какъ бы ни были трудны ихъ обязанности, какъ-бы ни было затруд-

нительно ихъ матеріальное положеніе, они не отступаютъ передъ своею задачею, сознавая, что они дѣлаютъ великое дѣло, и зная, что общество понимаетъ и цѣнитъ ихъ заслуги, смотря съ уваженіемъ на воспитателей народа.

Теперь мы перейдемъ къ самой народной школѣ.

А. Михайловъ.

(Продолженіе будетъ.)

ВОСПОМИНІЯ О НѢКОГДА ЗНАМЕНИТОМЪ ТЕАТРѢ ГРАФА С. М. КАМЕНСКАГО ВЪ Г. ОРЛѢ.

Вотъ уже безъ малаго сорокъ лѣтъ, какъ я живу съ моими односельцами-крестьянами въ деревенскомъ уединеніи, гдѣ главнѣйшее мое препровожденіе времени и развлеченіе состоитъ въ чтеніи почти всего того, что выходитъ изъ столичныхъ, а иногда и провинціальныхъ типографій. Приобрѣтеніе книгъ и подписка на чуть-ли не всѣ русскіе журналы, при малотребовательности сосредоточенной деревенской жизни, поглощаютъ добрую треть моихъ доходовъ, ежели не огромныхъ, то и не слишкомъ скудныхъ. Съ особеннымъ интересомъ и вниманіемъ въ послѣднія 10—15 лѣтъ сталъ я замѣчать въ отечественной литературѣ стремленіе къ обнародованію воспоминательныхъ записокъ, какъ оставшихся послѣ умершихъ, такъ и живыхъ лицъ и смѣло высказывающихъ о себѣ самихъ и о своихъ современникахъ различныя болѣе или менѣе интересныя подробности и характеристическія черты, служація къ изображенію прожитой ими эпохи. Не буду перечислять всѣхъ, болѣе или менѣе извѣстныхъ на этомъ поприщѣ авторовъ, „воспоминаній“ литературы; но не могу не упомянуть съ чувствомъ признательности о трудахъ, по этой части, такихъ тружениковъ, какъ Порошинъ, положившихъ, кажется, фундаментъ этому дѣлу, которое способно пролить много свѣта въ мракъ нашей исторической жизни, немогущей и недожденствующей довольствоваться одними, лишь официальными данными, болшею частью далеко недостаточными.

При такомъ моемъ настроеніи—вѣрномъ или фальшивомъ, представляю судить объ этомъ другимъ—само собою разумѣется, что возлюбленнѣйшимъ моимъ чтеніемъ сдѣлались какъ отдѣльные мемуары, издаваемые книгами, такъ всякаго рода біографическія статьи, печатаемыя въ нашихъ журналахъ, все болѣе и болѣе обогащающихся статьями этого именно рода. Въ числу подобныхъ статей, доставившихъ мнѣ наиболѣе удовольствія, принадлежитъ статья И. А. Шестакова: „Полвѣка обыкновенной жизни,“ помѣщенная во 2-й книжкѣ нынѣшняго 1873 года „Русскаго Архива.“ Не могу утерпѣть, чтобы не выписать изъ предисловія въ этой статьѣ нѣсколькихъ строкъ, поясняющихъ значеніе біографическихъ записокъ и вообще воспоминательныхъ статей, какъ о людяхъ, чѣмъ либо достопамятныхъ, такъ и о событіяхъ, рѣзко выдающихся изъ ряда обыденныхъ.

„Нѣкоторыя изъ современныхъ записокъ, говорится въ этомъ предисловіи, писаны мастерски, и въ нихъ, какъ въ зеркалѣ, со всею живостью и яркостью, изображено прожитое и проживаемое нами время; другія замѣчательны психологическою искренностью писавшаго, поучительны и часто увлекательны, особенно, когда приходилось передавать въ нихъ неожиданныя трудности жизни; третіи передаютъ преимущественно общественный порядокъ не такъ еще давняго времени (пожалуй, даже и не порядокъ, а бытъ, потому что болѣею частью въ немъ не было и помину о какомъ-нибудь порядкѣ). Во многихъ изъ этихъ записокъ пишущіе останавливаются на половинѣ своего труда съ вопросомъ весьма естественнымъ въ современной, исключительно счетолюбивой жизни: „Къ чему это?—Авось либо примѣръ другихъ и удовольствіе, доставляемое имъ чтеніемъ чужихъ записокъ, уничтожить сомнѣніе и поддержать рѣшимость довести начатое дѣло до конца. Записки современниковъ—далеко не праздное развлеченіе, какъ думаютъ многіе; значеніе ихъ гораздо выше и обширнѣе. Историческое повѣствованіе, какъ-бы оно ни было подробно, передаетъ и можетъ передать только внѣшность всѣхъ сторонъ жизни; записки современниковъ вливаютъ въ него душу и воскрешаютъ жизнь давно былого. Прочтите множество исторій среднихъ вѣвовъ, вы узнаете всѣ событія, внутреннія ихъ причины и послѣдствія; но если вы не читали автобіографіи Бенвенуто Челлини, вы не войдете въ обиходную жизнь того времени такъ, какъ будто вы въ ней росли

и жили, а между тѣмъ въ этой автобіографіи вы не находите ничего новаго противъ того, что уже извѣстно изъ разсказовъ историческихъ“.

По моему крайнему разумѣнію, все это справедливо. Впрочемъ, не выдаю моего мнѣнія за непреодожное; но знаю только то, что это предисловіе и откровенныя повѣствованія г-на Шестакова, который такъ, повидимому, правдиво сводитъ съ пьдесталовъ нѣкоторыя историческія личности нашего времени,—побудили меня, тридцать восемь съ половиною лѣтъ почти безвыѣздно сидящаго въ моемъ деревенскомъ захолустѣ, рѣшиться обратиться къ связкамъ тетрадей, заключающихъ въ себѣ мои „воспоминанія о разныхъ предметахъ, случаяхъ и личностяхъ мною встрѣченныхъ и въ юности, и въ лѣтахъ болѣе зрѣлыхъ. Много, много годовъ тетради эти пролежали въ ящикахъ стараго дѣдовскаго комода. Я къ нимъ давно, очень давно не прикасался; а теперь, подѣ влияніемъ воспоминаній г. Шестакова, — принялся ихъ разбирать и рассматривать. Работа эта невольнымъ образомъ, изобразила передо мною многое, очень многое давно прошедшее, и оно мнѣ показалось ожившимъ снова со всеми своими подробностями. Въ этихъ тетрадяхъ, между прочимъ, я прочелъ нѣсколько фактовъ изъ жизни нѣкоторыхъ людей, игравшихъ когда-то весьма крупныя роли на сценѣ общественной и административной. Эти факты и мои личныя замѣтки относительно этихъ личностей, когда-то мною сдѣланныя, обнаружили значительную дозу тождественности въ этихъ моихъ замѣткахъ съ мнѣніями, конечно, загробными, высказанными нашимъ поэтомъ-партизаномъ Денисомъ Васильевичемъ Давыдовымъ о фельдмаршалѣ графѣ И. И. Дибичѣ-Забалканскомъ. Если и согласиться, что отчасти Давыдовъ увлекается и ошибается въ своихъ мнѣніяхъ о Дибичѣ, подѣ влияніемъ того чувства обоготворенія, какое онъ питалъ къ своему современнику и другу своему Ермолову, которому Дибичъ — нечего грѣха таить—такъ много повредилъ въ 1826—27 годахъ,—то все-таки нельзя-же отвергать живыхъ и сильныхъ фактовъ и примѣровъ, представляемыхъ Давыдовымъ въ его запискахъ, напечатанныхъ въ „Русскомъ Архивѣ“.

Въ моихъ юношескихъ воспоминаніяхъ, въ тетрадяхъ 1826—1828 годовъ нашелъ я тамъ и сямъ, между прочимъ, случаи и факты, касающіеся жизни человѣка, далеко не столь высоко

возведеннаго на степень почестей, какъ графъ Дибичъ, однако генерала отъ инфантеріи, александровскаго кавалера и имѣвшаго орденъ Георгія 2-й степени. Я говорю о графѣ Сергѣѣ Михайловичѣ Каменскомъ. По смерти младшаго брата его, Николая, умершаго въ 1811 году въ Одессѣ отъ ранъ и подъ командою котораго началъ свое военное поприще Сергѣй Михайловичъ,—вдругъ въ началѣ войны 1812 года открывается передъ нимъ самобытная военная дѣятельность. Въ маѣ мѣсяцѣ онъ начальствуетъ корпусомъ во 2-й западной арміи, но князь Багратионъ, зорко понимавшій съ перваго взгляда каждаго своего подчиненнаго, отъ генерала до рядоваго влечителю, тотчасъ-же сбываетъ графа Каменскаго генералу Тормазову, начальствовавшему запасною арміею, взявшею Кобринъ. Іюля 30 австрійцы въ большихъ силахъ, въ сравненіи съ силами генерала графа Ламберта, бились съ нимъ подъ мѣстечкомъ Городечна. Тормазовъ вызвалъ графа С. М. Каменскаго съ 13-тысячнымъ войскомъ на помощь графу Ламберту изъ Кобрина; но онъ пришелъ подъ Городечню уже тогда, когда все было кончено и сраженіе нами потеряно по винѣ графа Каменскаго. 31 іюля графъ Каменскій устраненъ отъ командованія корпусомъ, который, кажется, отданъ Раевскому и *безъ всякаго командованія* назначенъ состоять по арміи. Огорченный Сергѣй Михайловичъ уѣхалъ въ огромное село Сабурово близъ Орла, гдѣ проживалъ въ это время его родитель, уже давно помѣшавшійся и при жизни младшаго сына Николая, дѣйствительно знаменитаго своими доблестями, лишившій его даже необходимаго содержанія. Старикъ, однакожъ, сильно разсердился и на старшаго сына, который, впрочемъ, по смерти отца, въ 1814 году сталъ полнымъ распорядителемъ фамильнаго состоянія.

Но обращаюсь къ моему меморіалу 1826 и 1827 годовъ. Въ 1826 году 12—13-ти-лѣтній мальчикъ, котораго только-что захватили изъ пансіона въ Петербургѣ, когда умерла моя мать, и привезли въ деревню, сельцо Эртаулово,—я пріѣхалъ въ г. Орелъ съ отцомъ, надѣвшимъ, съ горя по смерти матери, снова флотскій мундиръ и спѣшившимъ, покончивъ дѣла съ эртауловскою экономіею, въ Николаевъ, откуда, подъ командой стараго своего начальника, адмирала Гейдена, долженъ былъ идти въ море, чтобъ потомъ быть убитымъ подъ Навариномъ. Въ Орлѣ отецъ сдалъ меня съ рукъ на руки своему двоюродному дѣду, — grand-oncle, какъ

говорятъ французы, — Василью Петровичу Шеншину, старичку маленькому, какъ ладонь, лысому, украшенному какимъ-то словно лиловымъ завитымъ парикомъ. Тогда — въ 1826 году — ему было лѣтъ за семьдесятъ, но, маститый холостякъ, онъ былъ всегда веселъ и любезенъ со всѣми, особенно съ дамами и именно хорошенькими. Помню, что въ эту пору онъ восхищался писанной красавицей, двадцатипятилѣтней величественной брюнеткой Натальей Николаевной Бороздиной, дочерью корпуснаго командира, главная квартира котораго стояла въ Орлѣ. Шеншинъ былъ очень богатъ; домъ его былъ полная чаша; старикъ полюбилъ и приласкалъ меня, приставилъ ко мнѣ не-то дядьку, не-то гувернера, не-то нѣмца, не-то поляка, и призвалъ всѣхъ преподавателей гимназій давать мнѣ уроки всѣхъ премудростей, а мусье Гуттъ, гувернеръ губернаторскаго сына, являлся ко мнѣ ежедневно для бесѣды на французскомъ діалектѣ.

— Это необходимо, объяснял старикъ въ лиловомъ парикѣ: — забудетъ мальчикъ, чего добраго, все это *парле франсе*, которое онъ привезъ изъ Петербурга. Я вѣдь только по-русски учень, другихъ языковъ не разумѣю. Впрочемъ, конечно, Гурочка въ здѣшнемъ свѣтскомъ обществѣ всегда найдетъ съ кѣмъ *парле франсе*. Да и къ тому-же Наталья Николаевна — пріятельница моя (и у старика глаза прыгали и онъ облизывался): я ужь ее просилъ, чтобъ почаще съ нимъ *парле франсе* дѣлала.

— Вы, дѣдушка, чего добраго, у меня Гурія-то избалуете, замѣчалъ мой отецъ. — Богъ милостивъ, по окончаніи морской кампаніи пріѣду къ вамъ въ Орель, а онъ, гусь лапчатый, все только *парле франсе*, математику-же забудетъ совсѣмъ.

— Не забудетъ, не забудетъ, смѣялся старичокъ, — у насъ вонъ учитель математики — Малевскій, кандидатъ математическихъ наукъ московскаго университета, а русскій языкъ, географію и исторію преподавать будетъ другой учитель гимназій, также кандидатъ, кажись, правъ, харьковскаго университета, г. Полонецкій. Онъ-же и латынь знаетъ.

— Ну ее къ чорту, эту латынь! восклицалъ мой отецъ, встряхивая своими пышными штабъ-офицерскими эполетами: — моему Гурію не медикомъ быть, а боевымъ морскимъ офицеромъ, какъ его отецъ.

Со второй половины 1826 года городъ Орелъ, какъ извѣстно, нѣсколько разъ горѣлъ и, какъ не безъизвѣстно, совершенно перестроился и вполне измѣнилъ свою физіономію, съ какою я его зналъ за 45 — 47 лѣтъ передъ симъ. Тогда тамъ, въ Орлѣ, близъ „шеншинскаго дворца“, въ которомъ я жилъ у прадѣдушки, представлявшаго собою каменную постройку, огромную, длинную и довольно неуклюжую, съ широчайшимъ балкономъ, противъ дома дворянскаго собранія, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь высится зданія Бахтина кадетскаго корпуса, нынѣ преобразованнаго, вѣроятно, въ военную гимназію, была цѣлая художественная, обросшая травой степь, подъ наименованіемъ „Каменской площади“, обстроеной многими множествомъ сѣрыхъ съ красными крышами и бѣлыми колоннами, тогда уже очень не новыхъ и полнялыхъ одноэтажныхъ строеній, принадлежавшихъ тогдашнему орловскому вельможѣ графу Сергѣю Михайловичу Каменскому. Здѣсь, въ этихъ зданіяхъ, помѣщался театръ, извѣстный тогда во всей Россіи подъ названіемъ „Театра графа Каменскаго“. Театръ этотъ доставлялъ немалое удовольствіе орловцамъ, хвалившимся тѣмъ, что они, не въ примѣръ другимъ губерніямъ, имѣютъ-де „свой“ собственный, *доморощенный* театръ, привлекавшій къ себѣ посѣтителей не только изъ уѣздовъ орловской губерніи, но и изъ городовъ окрестныхъ губерній, неимѣвшихъ „своихъ собственныхъ“ театровъ, а пробавлявшихся театрами крайне-невзрачными, устроенными въ домахъ не специально выстроенныхъ для зрѣлищъ и содержимыми какими-нибудь антрепренерами-горемыками, нанимавшими труппы на мѣдные гроши и неимѣвшими никакой мало-мальски приличной обстановки. Былъ, правда, около того-же времени, говорятъ, истинно-изящный и блестящій театръ, поглотившій громадное состояніе своего владѣльца, нѣкогда курскаго Бреза, мѣстнаго помѣщика Анненкова, да только театръ-то этотъ, имѣвшій декорации, костюмы, машины, музыку и проч. не хуже, какъ въ императорскихъ или, какъ тогда говорили, „придворныхъ“ театрахъ, былъ далеко не для всѣхъ бурчанъ доступенъ, потому что находился въ подгородномъ имѣніи владѣльца, недопускавшаго къ себѣ безъ разбора всѣхъ и каждаго, да и то какъ гостей, безвозмездно, между тѣмъ какъ въ Орлѣ театръ былъ публичный и зала его состояла изъ нѣсколькихъ десятковъ двухъ-ярусныхъ ложъ съ галлереею въ видѣ

амфитеатра и изъ шатра въ нѣсколько десятковъ рядовъ кресель, стульевъ и даже скамеекъ, при полдюжинѣ, кажется, бенуарныхъ гнѣздъ вмѣсто ложъ. Всѣ эти мѣста предоставлялись публикѣ за деньги: ложи, помнится, отъ 10 до 7 рублей, кресла и прочія мѣста — отъ 5 до 1 рубля, если не ошибаюсь. Помню только, что представленія въ театрѣ графа бывали три раза въ недѣлю: по вторникамъ, четвергамъ и воскресеньямъ. Ежедневные сборы, помнится, доходили до 500 — 600 р. асс. за разъ, т. е. въ недѣлю театръ давалъ отъ 1,500 до 1,800 руб. асс., и эта сумма, конечно, могла-бы изрядно вознаграждать крѣпостныхъ тружениковъ-артистовъ и артистокъ. Но, къ сожалѣнію, эти деньги доставались не имъ, а ихъ хозяину, состояніе котораго въ то время было сильно потрясено безчисленными долговыми обязательствами, скупленными однимъ орловскимъ богачемъ Г.... Этотъ богачъ Г..., говорятъ, происходилъ изъ наинижайшихъ и наичистокровнѣйшихъ такъ-называемыхъ сутягъ-подъячихъ съ приписью, которыхъ такъ превосходно изобразилъ Калпистъ въ своей комедіи „Ябеда“. По поводу вотъ этой-то самой комедіи, игранной нѣкогда на орловскомъ театрѣ всего только одинъ разъ и исполненной дѣйствительно весьма отчетливо и разумно актерами, хорошо знакомыми съ привычками и бытомъ крапивнаго сѣмени, произошла нѣкоторая, какъ сказывали мнѣ орловскіе старожилы, исторія, въ силу которой кредиторъ-подъячій, задѣтый за живое многими рѣзкими намеками сильно-сатирической пьесы, особенно словами застольной пѣсни подъячихъ, восклицавшихъ навеселѣ:

И зачѣмъ привѣшены намъ руки,

Какъ не затѣмъ, чтобъ брать, брать, брать?

а равномѣрно тѣмъ, что талантливый актеръ Козловъ, исполнившій въ комедіи роль главнаго взяточника, имѣлъ парикъ съ лысиною, необыкновенно похожую на лысину господина кредитора, который настоялъ на томъ, чтобы пьеса эта была окончательно снята съ орловскаго театра и чтобы буфетчикъ Пахомка Козловъ былъ наказанъ на конюшнѣ розгами за то, что осмѣлился копировать его. Графъ Сергѣй Михайловичъ соизволилъ привести въ исполненіе, говорили тогда въ Орлѣ, то и другое требованія своего строгаго кредитора.

Однако надобно познакомить читателя нѣсколько поподробнѣе съ этимъ графомъ Сергѣемъ Михайловичемъ Каменскимъ, котораго я въ первый разъ увидѣлъ въ августѣ мѣсяцѣ 1826 года, когда его сіятельство сдѣлалъ визитъ Василию Петровичу Шеншину, въ намѣреніи посмотрѣть на отправлявшагося въ морскую кампанію, для защиты грековъ отъ турокъ, морского штабъ-офицера, еще очень не стараго, т. е. моего отца. Графъ С. М. Каменскій родился, какъ видно изъ его біографіи, составленной по его формуляру, въ 1770 году, — слѣдовательно, тогда ему было 56 лѣтъ отъ роду. Онъ не отличался ни сановитостью, ни красотой, ни изяществомъ манеръ, былъ довольно толстъ при ростѣ меньше средняго, неуклюжъ, сутуловатъ, очень лысъ, съ ключками темныхъ, полусѣдыхъ, густонапомаженныхъ волосъ, съ косыми глазами, аляповатымъ носомъ, съ отвислыми, влажными губами и съ лицомъ кирпичнаго цвѣта, почти какъ у краснокожихъ индѣйцевъ, о которыхъ я тогда только-что читалъ интересные рассказы знаменитаго Купера въ его „Могиканахъ“. На графѣ былъ бѣлый, крѣпкоакрашмаленный галстухъ и бѣлый жилетъ ниже, при широкомъ фракѣ свѣтловасильковаго цвѣта съ серебряными пуговицами, т. е. такого цвѣта, какой въ Петербургѣ уже давно вышелъ изъ моды, будучи замѣненъ синимъ Marie Louise или aille de corbeau, равно какъ темнокоричневымъ, бутылочнымъ и аделаидъ съ красноватою искрою, такъ-какъ черный цвѣтъ еще тогда не вступилъ въ права гражданства столичныхъ модъ и употреблялся только при траурѣ или въ ученыхъ собраніяхъ. Всего болѣе поразило меня, когда я въ гостиной В. П. Шеншина, сидя въ сторонкѣ, разсматривалъ этого важнаго гостя, это обиліе орденскихъ знаковъ, какими онъ былъ покрытъ: по бѣлому жилету струилась ярко-красная, безъ полосъ, лента; на шеѣ были ордена: бѣлый георгіевскій и темнокрасный владимірскій, оба огромныхъ размѣровъ; на груди ко фраку прикрѣплены были звѣзды серебряныя и изъ нихъ одна вся въ брилльянтахъ, но всего замѣтнѣе была четверугольная золотая звѣзда. Въ лѣвую петлицу фрака была вдѣта маленькая золотая шпага, вся осыпанная брилльянтовой пылью. Виднѣе-же всего этого на полосатой черно-желтой лентѣ колыхался пребольшой осьмиугольный золотой базарджикскій крестъ съ какою-то черною на

немъ надписью. Вотъ по поводу-то этого самаго креста, я помню, отецъ мой спросилъ графа:

— Позвольте узнать, ваше сіятельство, какой это крестъ съ надписью: „За Базарджикъ?“ Мнѣ какъ-то не случилось видѣть его.

— Не мудрено, что не видали, у васъ тамъ, въ Петербургѣ, сказалъ графъ съ какою-то самодовольною и, какъ показалось мнѣ, не очень умною улыбкою. — Орденъ этотъ, изъ чистаго золота, имѣлъ только братъ мой, Николай, что былъ главкомандующимъ и умеръ въ 1811 году, да имѣю я, бравшій въ 1810 году, при покореніи Силистріи, городъ Базарджикъ, страшно укрѣпленный *). Когда вы вчера сдѣлали мнѣ визитъ, то не застали меня дома, къ сожалѣнію, а то я принялъ-бы васъ въ моей парадной гостиной, украшенной огромною, сажени въ три картиною, изображающею взятіе „мною“ Базарджика приступомъ. Я на картинѣ написанъ, какъ былъ въ дѣлѣ, на бѣломъ конѣ со шпагою въ рукѣ, среди пушечнаго и ружейнаго огня. Это былъ сущій адъ!.. Турки защищались отчаянно, наши гренадеры, была секунда, будто пошатнулись; но я былъ близко, шпоры далъ, несусь впередъ, кричу: „гренадеры! за мной, впередъ! ура!“, и,—вы сами бывали въ дѣлахъ: все зависитъ отъ главнаго начальника, а братъ мнѣ поручилъ базарджикѣй приступъ, и не прошло полчаса, русское знамя водружено было на стѣнахъ турецкой цитадели, и... Но извините, мнѣ пора домой, мое почтеніе, прошу любить и жаловать и меня не оставлять вашими посѣщеніями.

Сказавъ это, очень поспѣшно, графъ уже былъ въ передней, быстро пройдя по гостиной и но обширной залѣ, не кланаясь гостю, появившемуся въ этотъ моментъ въ гостиной и имѣвшему крайне непривлекательный видъ злого, насмѣшливаго сатира. Гость этотъ былъ орловскій житель и помѣщикъ Павелъ Николаевичъ Г***, острый и даже болѣе, чѣмъ острый, очень злой языкъ котораго памятенъ всѣмъ орловскимъ старожиламъ, изъ

*) По истинѣ, крестъ этотъ былъ ничто иное, какъ общій знакъ, какой носили всѣ участвовавшіе во взятіи крѣпости Базарджикъ, точно также, какъ кульмскій крестъ, носился всѣми, участвовавшими въ кульмскомъ сраженіи.

которыхъ многіе боялись его чрезвычайно и, обыкновенно говорливые, при немъ дѣлались, словно по вліянію чародѣйства, скромны и молчаливы. Г—въ въ то время былъ лѣтъ сорока и имѣлъ лицо красно-сизое, рябое съ огромнымъ носомъ въ родѣ индучьяго нароста. Ротъ и глаза его узкіе, мышинные, всегда изображали злую усмѣшку, а языкъ его не умѣлъ почти ничего сказать безъ колкости и эпиграммы, которая иногда онъ отпускалъ и въ стихахъ болѣе или менѣе топорнаго закала. Принадлежа къ многочисленной кастѣ русскихъ помѣщиковъ, обремененныхъ долгами, онъ старался привлекать къ себѣ доброе расположеніе благодушнаго и очень богатаго моего прадѣдушки, а съ тѣмъ вѣстѣ онъ не negliжировалъ и сближеніемъ съ моимъ отцомъ, разсчитывая и соображая, что не сегодня, завтра этотъ морской капитанъ второго ранга будетъ носить генеральскіе эполеты при адмиральскомъ чинѣ и сдѣлается командиромъ надъ портомъ въ Николаевѣ, гдѣ можно ему, Г—ву, сдѣлаться комиссаромъ по провіантской части и вдругъ этимъ способомъ высоко поднять свое собственное орловское и всего ближе екатеринославское имѣніе.

Впродолженіи всего обѣда Павелъ Николаевичъ разсказывалъ намъ разные анекдоты весьма смѣхотворнаго свойства, исполнителемъ которыхъ былъ графъ Мантейфель, *) оставившій по себѣ въ г. Орлѣ громкую славу, и слава эта, какъ я слышалъ отъ нынѣшнихъ орловцевъ, не умерла еще и до сихъ поръ. Здѣсь не мѣсто разсказывать всѣ эти мантейфельскіе фарсы; но одинъ изъ нихъ здѣсь будетъ кстати. Однажды въ театральную кассу является графъ Мантейфель, въ сюртукѣ и фуражкѣ, съ хлыстикомъ въ рукѣ и, напѣвая всеобщую тогдашнюю ариетку: „Ah! quel plaisir d'être soldat!“ требуетъ отъ кассира, которымъ былъ ни кто иной, какъ самъ графъ Сергѣй Михайловичъ, нѣсколько ложъ и нѣсколько кресель, всего рублей на 25. Графъ Каменскій былъ разобиженъ безцеремонностью молоденькаго 19-лѣтняго поручика и объявилъ,

*) Этотъ самый графъ Мантейфель, бывшій впоследствии, въ 30-хъ годахъ, флигель-адъютантомъ, посѣщалъ тогда Орель въ качествѣ депутата по рекрутскому набору, причемъ проказничалъ уже не въ театрѣ графа Каменскаго, а вообще дурача членовъ, крайне благодушной въ тѣ времена, губернской публики. Но, по истинѣ, *lazzis* этого графа Мантейфеля не уступаютъ шалостямъ знаменитаго по этой части Константина Александровича Булакова, столь памятнаго всей гвардіи и всему Петербургу въ 1830—40 годахъ. *Авт.*

что не дастъ ему билетовъ, если онъ не явится въ той формѣ, какую онъ находитъ болѣе приличною въ сношеніяхъ молодого субальтернъ-офицера съ полнымъ генераломъ. Четверти часа не прошло, какъ Мантейфель возвратился въ колетѣ, ботфортахъ, каскѣ, при палашѣ, и просилъ выдать ему билеты, имъ заказанные.

— Деньги со мною, сказалъ юный проказникъ, — но только мнѣ необходимо ихъ позвать сюда.

И вслѣдъ затѣмъ онъ ввелъ въ кассу двухъ дюжихъ деньщиковъ, нагруженныхъ кожанными торбами, наполненными мѣдными копейками и грошами, которые немедленно съ великимъ грономъ были высыпаны на широкую стойку кассы, и какъ графъ Сергѣй Михайловичъ ни пыхтѣлъ, ни кряхтѣлъ, ни злился, волею неволею онъ, въ качествѣ кассира, подъ гнетомъ усиленно-настоятельныхъ, хотя и комично-почтительныхъ упрасиваній, какъ графа Мантейфеля, такъ и собравшихся тутъ нѣсколькихъ кирасирскихъ офицеровъ, его товарищей различныхъ полковъ, которые всѣ были въ подобающей формѣ, — долженъ былъ разставить пирамидами всю эту массу мелкой и вонючей мѣди и пересчитать всѣ эти гроши и копейки, приводившіе его въ отчаяніе.

Разсказъ этотъ былъ переданъ намъ Г—мъ и подтвержденъ, какъ А. П. Шеншинъ, такъ и многими орловцами того времени. Вскорѣ, т. е. дня черезъ два послѣ этого разговора, отецъ мой уѣхалъ въ Николаевъ, чтобы идти въ морской походъ, откуда уже не возвращался. Я, живя въ Орлѣ у прадѣдушки В. П. Шеншина, зналъ изъ разсказовъ постоянныхъ гостей старика, наполнявшихъ постоянно его гостиную, различныя подробности о всѣхъ фазисахъ орловскаго тогдашняго житья-бытья, о которомъ у меня накопилось не мало замѣтокъ, но изъ нихъ теперь должны быть утилизированы лишь тѣ, которыя прямо относятся къ знаменитому орловскому „крѣпостному“ театру.

Послѣ веселой стоянки кирасировъ, въ концѣ 1825 года явились въ Орелъ вроткіе и смиренныя, большею частью, весьма не роскошныя драгуны ж корпусного командира изъ нѣмцовъ, замѣнилъ чистѣйшій русакъ и истый бояринъ былыхъ екатерининскихъ и александровскихъ дней, генералъ отъ кавалеріи Николай Михайловичъ Бороздинъ. Тогда настала счастливыя и безмятежныя періодъ жизни для орлов-

скаго театра и для содержателя его, графа С. М. Каменскаго. Драгунъ - то я и засталъ въ то время, когда въ 1826 году прѣѣхалъ съ отцемъ въ Орелъ. Но вотъ въ концѣ 1827 года, вслѣдствіе какой-то новой дислокаціи, московскіе драгуны съ ихъ розовыми воротниками и такими-же лампасами, трубя во всѣ трубы походъ, вышли изъ Орла, по направленію на югъ, представивъ свою двухгодичную мирную стоянку разлихому голубому съ золотомъ павлоградскому гусарскому полку, составлявшему четвертую часть гусарской дивизіи генерала барона фон-Б... съ бригадными генералами фон-Г..., лифляндцемъ, и фон-Зольдейномъ, нидерландцемъ. Графъ Сергѣй Михайловичъ, въ виду могущихъ проявиться, съ прибытіемъ господъ гусаръ, беспорядковъ, озаботился введеніемъ нѣкоторыхъ новыхъ строгостей въ своемъ театрѣ. Его афиши возвѣстили, что всякіе апплодисменты строжайше запрещаются и могутъ совершаться лишь по сигналу его сіятельства, владѣльца театра, или его превосходительства, г. начальника губерніи. Затѣмъ актрисамъ и танцовщицамъ, молоденькимъ крѣпостнымъ дѣвушкамъ, помѣщавшимся въ отдѣльномъ длиннѣйшемъ, смахивавшемъ на острогъ, флигель по переулку, именуемому „театральнымъ“, жившимъ тутъ подъ надзоромъ одной злой дуэньи изъ мелкопомѣстныхъ дворянокъ, какъ институтки, было велѣно на строжайше, подъ опасеніемъ исправительныхъ мѣръ, никогда не смотрѣть на сцену и зажмуривать глаза въ случаѣ необходимаго по ходу піесы, обращенія къ зрителямъ. Актерамъ, танцовщицамъ и музыкантамъ отданъ былъ также приказъ, этимъ уже безъ церемоніи подъ опасеніемъ розогъ на конюшнѣ, незнаться ни съ кѣмъ изъ слугъ гусарскихъ офицеровъ и отнюдь къ молодымъ холостымъ офицерамъ не ходить для бритья, стрижки, причесыванія, равно какъ для почивки платья и сапогъ, такъ какъ всѣ артисты сцены и оркестра были лучшіе въ городѣ парикмахеры, портныя и сапожники.

Дѣло извѣстное, что регламентація, въ особенности стоящая на зыбкой почвѣ незаконности и пошлости, оказываетъ свою несостоятельность и непременно проваливается отъ недостатка точки опоры; такъ и всѣ новыя строгости сіятельнаго антрепренера орловскаго театра въ результатѣ своемъ имѣли неисполнительность, запечатлѣнную, разумѣется, барскими, свойственными той эпохѣ,

репрессаціями. Такимъ образомъ, въ первый-же вечеръ того торжественнаго дня, когда вся орловская публика высыпала, кто на улицы, кто на балконы, чтобъ глазѣть на позскадронное шествіе по городу отъ заставы голубыхъ гусаръ, зала орловскаго театра до того наполнилась гусарскими офицерами всей дивизіи, что чрезвычайно трудно было достать мѣстечко, кромѣ развѣ тѣхъ, которыя были абонированы на годъ. Я въ этотъ вечеръ былъ въ ложѣ, (племянницы и внуки Шеншина) и съ восхищеніемъ любовался пестрымъ партеромъ, имѣвшимъ видъ самаго роскошнаго цвѣтника, потому что господа гусары явились не въ однообразныхъ своихъ темнозеленыхъ виц-мундирахъ, а шикую ради, вопреки всякой формѣ, съ дозволенія начальства, всѣ были въ разноцвѣтныхъ короткихъ долманахъ съ золотыми и съ серебряными брандесурами и витушками, при разноцвѣтныхъ-же узкихъ чикчирахъ, узорно расшитыхъ и вложенныхъ въ венгерскіе лакированные сапожки съ кисточками, у однихъ золоченныя, у другихъ серебряныя. Павлоградцы блистали бирюзой съ золотомъ; изюмцы поражали ярко-красными огненными долманами и васильковыми чикчирами съ серебромъ: елисаветградцы имѣли свѣтло-стального цвѣта куртки съ кармазинными чикчирами, а въ военномъ костюмѣ ахтырцевъ соединялись кофейный колеръ съ ярко-желтымъ. Всѣ эти военные франты были, также вопреки формы, при треуголкахъ съ огромными бѣлыми перистыми панашами въ рукѣ или подъ лѣвою мышкою вмѣсто киверовъ, и, разумѣется, всѣ до одного при гремящихъ и ярко сіявшихъ сабляхъ. Въ тѣ времена усы имѣла право носить только легкая кавалерія, т. е. гусары, уланы, конные-егеря и казаки, другого-же рода войскъ получили это право лишь съ 1832 года, сладостное право отращиванія усовъ, и вслѣдствіе этого орловскія дамы, не выдавшія еще у себя представителей легкой кавалеріи, впервые, кажется, могли въ это время, въ декабрѣ 1827 года, любоваться гусарскими усами, и, надо правду сказать, у нѣкоторыхъ офицеровъ усы были великолѣпные. Особенно отличался ими высокій, темнорусый, съ кудрями почти до серебрянаго воротника, ротмистръ изюмскаго полка, баронъ Унгерль-Штернбергъ, красавецъ изъ красавцевъ, усы у котораго были, по крайней мѣрѣ, въ четверть аршина. Общее вниманіе обратилъ на себя также чрезвычайно молоденькій, почти еще ребенокъ, павлоградскаго полка корнетъ, по виду четырнад-

цатилѣтній мальчикъ, только что на дняхъ прибывшій изъ пажескаго корпуса въ полкъ, которымъ тогда командовалъ мужъ, его только что вышедшей за-мужъ сестры. Корнетъ этотъ былъ Анатоль Ипполитовичъ Бешметовъ *), котораго впоследствии весь Орель, разумеется, Орель бомонднѣй, зналъ подъ названіемъ *l'aimable monsieur Anatole*. Представьте себѣ юношу средняго роста тоненькаго и стройнаго, словно пальма, живого, подвижнаго, вертляваго, граціознаго съ маленькою смуглорозовою головкою, покрытою густыми каштановыми, натурально вьющимся волосами, впрочемъ, довольно строго стриженными, при весело игривыхъ глазкахъ и при слегка вздернутомъ носикѣ. Весь ансамбль этой миленькой головки какъ-то напоминалъ собою очаровательную головку Грезевской гризетки изъ латинскаго квартала, недоставало, казалось, воздушнаго чепчика этой непремѣнной принадлежности туалета парижскихъ не столько падшихъ, сколько увлекательныхъ созданій. Гусарикъ этотъ, исправлявшій и тогда уже должность полковаго адъютанта, казалось, былъ весь изъ ртути и отличался живостью и подвижностью. Очевидно, этотъ мальчикъ былъ баловнемъ всей дивизіи, потому что не только всѣ молодые офицеры наперерывъ привѣтствовали его очень радушно и дружески, но и степенное штабъ-офицерство протягивало къ нему внимательно руки и обращало ласковыя улыбки, а разрумяненный, въ корсетъ затянутый и огромнымъ чернымъ парикомъ украшенный, дивизионный начальникъ, покрутивъ осторожно бѣлою перчаткою свои густо нафабреныя усы, безъ фабры и краски обыкновенно совершенно сѣдые, послалъ ему, что-то въ родѣ ласковаго поцѣлуя на вѣтеръ, за какую начальническую любезность миловидный и приличный юноша отвѣчалъ почтительнымъ и ловкимъ военнымъ поклономъ съ легонькой, однако, едва замѣтной улыбкой. Дамы и въ особенности дамы, такъ называемыя не первой молодости, т. е. просто никакой уже молодости, жадно обратили свои бинокли и лорнеты на этого интереснаго юношу, а хозяйка театра, черезъ-чуръ дородная и преисправно молодившаяся тогда графиня Каменская съ своими двумя дебѣлыми-же дочерьми отъ перваго брака съ полковникомъ Курилинимъ, довольно тогда славившимся

*; Фамилія вымышленная, но лицо живое.

въ Орлѣ demoiselles Курилиными, даже громко высказывала свой образъ мнѣній и восклицала своимъ крайне не французскимъ акцентомъ, при далеко не фэшенебельныхъ движеніяхъ: „Кель адорабль анфанъ!“

Когда занавѣсъ, изображавшій, помнится, Парнасъ и Апполона съ десятью музами поднялся, Апатоль Бешметовъ помѣстился на свое кресло перваго ряда, подлѣ одного изъ моихъ дядей, гвардейца, бывшаго тогда въ отпуску въ Орлѣ. Дядя этотъ былъ страстный любитель музыки и, какъ я замѣтилъ изъ ложи, они между собою довольно долго и оживленно разговаривали, и какъ наша ложа была одна изъ боковыхъ, недалеко отъ рампы оркестра, то я невольно услышалъ, что разговоръ Бешметова съ моимъ дядей вертѣлся на музыкѣ, и что имена знаменитыхъ петербургскихъ виртуозовъ: Фильда, Бема, Маурера, Домберга и гитариста-аматера Аксанова, изъ которыхъ скрипачъ Бемъ оказался учителемъ Бешметова, произнесены были неоднократно съ особеннымъ уваженіемъ къ ихъ талантамъ обѣими разговаривавшими. Тогда я тотчасъ подумалъ, про себя, что гусарикъ этотъ, какъ музыкантъ-любитель, непременно сдѣлается интимнымъ гостемъ моего дяди, жившаго у Василя Петровича Шеншина.

Мысль эта мнѣ улыбалась, потому что я тогда, 15-лѣтній мальчикъ, въ молоденькомъ Бешметовѣ надѣялся обрѣсти милаго товарища. Послѣдствія покажутъ, что это мое предчувствіе меня не обмануло.

На сценѣ шла опера „Днѣпровская Русалка“, часть первая, и партеръ нашелъ декораціи и всю обстановку до того совершенными и превосходными, что, несмотря на запрещенія, зааплодировалъ съ оглушительнымъ громомъ, не давая дѣйствующимъ на сценѣ лицамъ начинать піесу. Графъ Сергѣй Михайловичъ всталъ съ своего мѣста въ первомъ ряду кресель подлѣ барона фон-Будберга и замахалъ своимъ батистовымъ платкомъ, прося тѣмъ публику прекратить аплодисменты, но то былъ гласъ вопіющаго въ пустынь: рукоплесканія усилились до неимоверности. Графъ приказалъ остановить представленіе и музыку, шепнувъ что-то крѣпостному капельмейстеру, ламповщику Еремѣю Тупорылову, и пославъ за кулисы своего домашняго заведателя и обычнаго адъютанта, плотнаго, красиваго съ густыми русыми бакенбардами губернскаго архитектора Петонди, прозваннаго злымъ Глѣбовымъ Петонди-

ромъ (Peut on dire?) Музыка умолкла, актеры ушли за кулисы и занавѣсъ упалъ, явивъ снова Феба съ его дамскимъ обществомъ. Тогда рукоплесканія прекратились, замѣнясь довольно громкимъ смѣхомъ. Графъ сталъ во всеуслышаніе упрашивать дивизионнаго начальника генераль-лейтенанта фон-Будберга, приказывать подкоманднымъ ему офицерамъ вести себя согласно съ правилами, имъ хозяиномъ театра установленными. Генераль глубоко-мысленно крутилъ нафабранные и высмоленные свои усы, намѣреваясь разрѣшиться спичемъ, какъ вдругъ, словно изъ райка, послышался возгласъ на весь театръ: „Афиша еще не сепаратный указъ правительствующаго сената!“ — Неизвѣстно кому принадлежала инициатива этого громогласнаго мнѣнія; но слухи потомъ ходили, что крикъ этотъ вылетѣлъ изъ глотки всегда полупьянаго писаря дивизионнаго аудитора. Слова эти были покрыты новыми аплодисментами расходившагося партера. Дивизионный генераль чувствовалъ себя въ затруднительномъ положеніи и недоумѣвалъ. Вдругъ къ нему подлетѣлъ, откуда не возмись, любимецъ всей дивизіи Анатолий Бешметовъ, и что-то шопотомъ сказалъ его превосходительству. Результатомъ этого было то, что теперь уже не графъ Каменскій, а генераль Будбергъ махнулъ платкомъ, и все замолкло до того, что, казалось, полетъ мухи могъ-бы быть услышанъ. Тогда превосходительный баронъ, обратясь къ графу Сергѣю Михайловичу, очень громко сказалъ:

— Въ подтвержденіе правилъ театра вашего сіятельства, я завтра-же отдамъ приказъ по дивизіи и, надѣюсь, что тогда желанія ваши будутъ уважены на будущее время, ежели мы захотимъ посѣщать вашъ театръ, при стѣсненіяхъ, какихъ нѣтъ ни въ какихъ другихъ театрахъ. На сегодняшній-же вечеръ прошу ваше сіятельство допустить исключеніе, и дозволить „намъ“ всѣмъ, вашимъ новымъ гостямъ, аплодисментами выразить наше искреннее удовольствіе при посѣщеніи нами въ первый разъ такого прелестнаго театра, какового мы давно нигдѣ не видали.

Графъ хмурился и вытиралъ потъ съ своего темно-фіолетоваго широкаго лица съ раскосившимися болѣе обыкновеннаго глазами и съ мокрыми, низко отвисшими губами. Генераль, не довольствуясь русскимъ своимъ спичемъ, нашель нужнымъ еще болѣе успокоить его сіятельство, сказавъ ему слѣдующее привѣтствіе на какомъ-то галло-тавтонскомъ нарѣчій:

— „La faute est à fous, monsieur le comte, puisque la perversion te fotre théâtre fait ouplier doutes les lois de l'ordre et de la discipline!“ (Виноваты вы, графъ, потому что совершенство вашего театра заставляетъ забывать правила порядка и дисциплины).

Эти слова нѣсколько успокоили полнокровнаго, нервически разстроеннаго графа. Онъ благосклонно улыбулся, что-то пробормоталъ, сѣлъ и велѣлъ продолжать піесу. Сѣлъ и весь партеръ; подняли занавѣсъ, оркестръ заигралъ; запѣли густо набѣленные и наруганные не въ мѣру пѣвцы и пѣвицы, костюмы которыхъ, по крайней мѣрѣ, были издали не дурны и отличались свѣжестью, блескомъ и довольно пріятною пестротою. За то сами пѣвицы не отличались ни молодостью, ни красотою; очень красивыя актрисы этого театра, Маша и Аннушка, сестры Кабазины, въ этотъ день въ спектакль не участвовали, не играла также и очаровательная голубокая блондинка Паяя Краснова, изображавшая на орловской сценѣ Психею въ балетѣ этого имени, сочиненномъ нѣбогда знаменитымъ петербургскимъ хореграфомъ того времени Дидло и передѣланнымъ для орловской сцены мѣстнымъ балетмейстеромъ Дейбелемъ, котораго, впрочемъ, шутки ради, весь Орелъ называлъ „Тейфелемъ“ (чортомъ). Все шло довольно спокойно, какъ вдругъ аплодисменты, сопровождаемые громкимъ и неумолкающимъ смѣхомъ, загремѣли такъ неистово, что, казалось, стѣны деревяннаго театра рухнуть. Графъ въ отчаяніи склонилъ побагровѣвшую лысую голову на руки, оперши локти на колѣни, и точно окаменѣлъ отъ отчаянія. Но сосѣдъ его, начальникъ четырехъ гусарскихъ полковъ, заливался старческимъ хохотомъ, наблюдая, однако, при этомъ, съ благоразумною осторожностью за своею искусственною челюстью, которая могла, чего добраго, сыграть его превосходительству дурную шутку, по-хуже той, какая въ этотъ моментъ совершалась на сценѣ и возбуждала неудержимое ликованье и восторгъ не только всего партера, состоявшаго изъ пестрой массы усачей въ разноцвѣтныхъ долманахъ, а даже дамъ, наполнявшихъ ложи обонхъ ярусовъ. Нечаянная шутка эта была разыграна на сценѣ совершенно неожиданно и внѣ всякой программы и либретто оперы, — какъ-бы бы вы думали—кѣмъ?—рогатымъ, бѣлымъ и тщательно выхоленнымъ и вымытымъ, взятымъ съ графской конюшни четвероногимъ актеромъ, возломъ Васькой, сбросившимъ съ своей, осѣдланной

краснымъ чепракомъ, спины двуногого артиста, баритона Матюшку Кравченко, портного и башмачника по-ремеслу. Кравченко исполнялъ роль конюшаго князя Видостана, веселаго Тарабара, и долженъ былъ явиться верхомъ на козлѣ, въ котораго волшебница Русалка превратила его лихого коня. Матюшка Кравченко и въѣхалъ въ своемъ шутовскомъ костюмѣ, съ готовою арією въ бравурномъ тонѣ на устахъ, довольно благополучно; но, при появленіи живого четвероногого актера, гусары не утерпѣли и встрѣтили его съ громкими аплодисментами; Васька-козелъ, вовсе не знакомый съ звукомъ аплодисментовъ, не умѣлъ понять сути дѣла, испугался, заартачился, за-что кучера, его гувернеры, бывшіе за кулисами, приняли его въ арапники, и вотъ импровизированный брадатый конь взвился на дыбы, сбросилъ на полъ всадника и, боясь, въ виду кнотовъ, ретироваться къ кулисамъ, поскакалъ укороченнымъ галопомъ по всей сценѣ, разгоня своими позолоченными рогами, обвитыми фольгою и бумажными цвѣтами, все и всѣхъ на своемъ пути, что, разумѣется, произвело великолѣпный и удивительный эффектъ, достойный лучшей судьбы, потому что кучера съ арапниками, выскочивъ изъ-за кулисъ, съ трудомъ увлекли разъярившагося, обыкновенно смирнаго, козла. Пьеса снова остановилась на нѣсколько минутъ, пока несчастный Тарабаръ не всталъ съ пола и, прихрамывая, не выступилъ впередъ для продолженія и окончанія своей аріи. Наконецъ, твореніе князя Александра Александровича Шаховскаго, знаменитаго во времена оны корифея нашей литературной драматургіи, вступило въ свои права на орловской сценѣ и пошло своимъ чередомъ. Нечего и говорить, что появленіе зеленювласныхъ русалокъ въ числѣ десяти довольно хорошенькихъ кардебалетныхъ танцовщицъ, несмотря на ихъ отвратительныя малахитоваго цвѣта шелковые парики, вызвало новыя аплодисменты. Но графъ—диктаторъ театра, уже не видѣлъ ни продолженія, ни окончанія первой части „Дяпрювская Русалка“: онъ улетучился, проклиная гусаровъ и пугливаго козла. Изъ театра, едва набросивъ легкую соболью шубу на плеча, онъ убѣжалъ далеко, далеко, именно на конюшенный дворъ, гдѣ нашелъ нужнымъ сорвать свою досаду и гнѣвъ, во-первыхъ, на двухъ 14—15 лѣтнихъ мальчижахъ фореиторахъ, попеченію и воспитанію которыхъ былъ порученъ негодный козелъ Васька, во-вторыхъ, на самомъ виновникѣ этого происшествія, козлѣ Васькѣ.

Пока все это происходило на дальнемъ конюшенномъ дворѣ, откуда графъ Сергѣй Михайловичъ изволилъ уже пройти въ свои апартаменты, потребовалъ туда своихъ наперстниковъ и совѣтниковъ, архитектора Петонди или Петондира и балетмейстера Дейбеля или Тейфеля для обсужденія новыхъ важныхъ вопросовъ, — въ театральной залѣ шла пьеса болѣе или менѣе плавно, все-таки при рукоплесканіяхъ, но сдѣлавшихся умѣреннѣе, потому что гусары, замѣтивъ удаленіе графа изъ театра и понимая, что безъ его присутствія всѣ ихъ шутки лишаются на сто процентовъ своей соли, нашли нужнымъ поберечь свои руки, ноги и глотки, тѣмъ болѣе, что послѣ театра имъ предстояли еще и балльные подвиги въ дворянскомъ собраніи. Антракты въ этомъ театрѣ были обыкновенно страшно продолжительны, вслѣдствіе того обстоятельства, что во время этихъ антрактовъ чинился судъ и расправа съ актерами и актрисами, въ чемъ-либо, во время представленія, по мнѣнію графа, провинившимися и являвшимися потомъ въ слѣдующемъ дѣйствіи или въ слѣдующей пьесѣ, какъ встрепанными, хотя иногда, при помощи бинокля, можно было разглядѣть остатки слезъ на хорошенькомъ личикѣ актрисы, долженствовавшей, по ходу пьесы, хохотать, изображая вполне собою „смѣхъ и горе“. Во время одного изъ такихъ междудѣйствій въ нашу ложу вошелъ мой дядя, гвардеецъ, съ тѣмъ крайне-юнымъ голубымъ корнетомъ, Анатоліемъ Ипполитовичемъ Бешметовымъ, о которомъ я сейчасъ вамъ такъ подробно говорилъ. Онъ былъ от-рекомендованъ моею тетускѣ, какъ „петербуржецъ“ въ полномъ смыслѣ слова (*Petersbourgeois pure-sang*) и какъ страстный музыкантъ, съ которымъ съ завтрашняго-же дня у дяди начнутся дуэты. Этотъ молодой человекъ, еще почти дитя по наружности, дѣйствительно, отличался такою милою, обворожительною свѣтскостью и такимъ вѣрнымъ тактомъ въ наукѣ всѣхъ приличій хорошаго общества, что, не дѣлаясь нисколько фамильярнымъ, а тѣмъ болѣе, не вдаваясь въ возмутительное запанибратство и амикошонство, онъ съ перваго-же раза успѣлъ сдѣлаться въ домѣ Василья Петровича вполне своимъ и совершенно интимнымъ.

По окончаніи спектакля, пока еще вся толпа не хлынула въ фойе или въ довольно пространныя сѣни этого длиннаго неуклюжаго зданія, носившаго названіе „театра“, наша ложа опустѣла:

моя тетушка съ моей кузиною, тогда только что вышедшею замужъ, еще крайне молоденькою женщиною, обѣ уѣхали домой въ маленькой докторской каретѣ, а я остался пока въ сѣняхъ, чтобъ поглазѣть на развѣздъ, и тутъ нечаянно попалъ въ разноцвѣтную толпу гусарскихъ офицеровъ, около которой егосилъ архитекторъ Петонди, старавшійся тотчасъ свести съ этими господами знакомство. Онъ, между прочимъ, объяснялъ имъ, что на будущее время уже, конечно, ничего подобнаго съ козломъ не случится по той простой причинѣ, что козель Васья „ведѣлъ долго жить“.

— Кому? спросилъ, хохоча, одинъ изъ офицеровъ.—Вѣроятно, вамъ, господинъ архитекторъ?

— А рога кому онъ завѣщалъ? съострилъ еще какой-то молодой поручикъ.

— Ужь, конечно, не нашему смотрителю судоходства, замѣтилъ проходившій мимо острякъ Г....,—такъ какъ у него этого добра довольно.

— Дѣло-съ въ томъ, объяснялъ Петонди, не безъ причины кольнутый замѣчаніемъ о рогахъ смотрителя судоходства, въ существованіи и процвѣтаніи которыхъ онъ принималъ дѣятельное участіе въ качествѣ услужливаго Меркурія, — дѣло-съ въ томъ-съ, — и при этомъ онъ высоко поднималъ свои и безъ того огромные туго накрахмаленные брыжи, — что его графское сіятельство приказалъ, за невозможностью имѣть хорошо дрессированнаго козла, снять окончательно съ репертуара первую часть „Днѣпровской Русалки“.

— Весьма жаль, весьма жаль, докторально цѣдилъ и внушительно объяснялъ по квартирмейстерской части капитанъ Швахманъ.— Въ столичныхъ городахъ: С.-Петербургѣ и Москвѣ шеса эта идетъ совершенно благополучно, при искусственномъ, вполне подражающемъ натуральному, козлѣ.

— Но какъ-же это, г. капитанъ, спросилъ искательно Петонди,—какъ-же это въ столицахъ-то козель искусственный? Вѣроятно, его возятъ на колесахъ?

— Ничего не бывало, пояснялъ крайне педантично квартирмейстеръ Густавъ Карловичъ,—ничего не бывало. Зачѣмъ такой патриархальный, примитивный и игрушечный способъ движенія манекена, когда въ распоряженіи театральнаго механизма есть хоть

малѣйшая доза знанія своей науки для устройства автомата? Жолобковыя рельсы, подпольный механизмъ, соединенный съ корпусомъ автомата, внизу воротъ, архимедовъ винтъ, канаты. О! да это азбука дѣла!

— О! какъ-бы графъ былъ радъ, если-бы, воскликнуть, ухмыляясь, Петонди,—вашими устами, капитанъ, да медъ пить. Въ томъ-то-съ и бѣда, что у насъ былъ старикъ механикъ англичанинъ. Онъ уѣхалъ во-свояси, а ученики его все молодежь, такая недозрѣлая, сколько ихъ розгами не пори, а выдумать дѣланого чего-нибудь они не умѣютъ.

— Да-съ, замѣтилъ Швахманъ,—побоями дѣло науки не дѣлается. Но если графу угодно-бы было предоставить мнѣ устройство такого механическаго козла для вашей сцены и для оперы, которая, по истинѣ, идетъ у васъ прекрасно, то въ болѣе или менѣе непродолжительномъ времени вы будите имѣть на вашей сценѣ такого козла, котораго не смутятъ никакіе въ свѣтѣ рукоплесканія, даже хотъ-бы всей нашей дивизіи, въ составѣ всѣхъ нижнихъ чиновъ. Такой козелъ будетъ свободно и плавно двигаться по всему верхнему полу, а Тарабаръ, сидя на немъ, преспокойно будетъ пѣть свою арію. Можно будетъ утилизировать кожу, рога, бороду, словомъ, все принадлежности скончавшагося вашего Васьки и сфабриковать манкенъ прелестный.

— Ну, однако, какъ все тамъ это ни прекрасно, замѣтилъ, расправляя свои великолѣпные усы, постоянно позировавшій съ афектаціею ротмистръ баронъ Унгернъ-Штернбергъ,—а вѣдь мы и не замѣчаемъ въ разговорахъ о козлѣ, что мы здѣсь одни одишешеньки остались, вся публика разѣхалась по домамъ. Пора и намъ, но напередъ заѣдемъ, господа, въ здѣшнюю единственную кофейню синьора Пиватто, и хватимъ дюжинку водички нашей разлюбезной вдовушки Эрнестины Карловны Кликко. Кто гусаръ, тотъ маршъ со мной!

И, высказавъ этотъ спичъ, онъ сѣлъ въ поданныя ему пошевные вѣстѣ съ двумя еще товарищами, а прочіе крикнувъ: „Съ Унгерномъ въ огонь и въ воду!“ послѣдовали его примѣру, разѣлись въ разныя сани и поѣхали. Но на театральномъ подъѣздѣ однако еще довольно долго видѣнъ былъ черный пѣтушій султанъ, колыхавшійся на переулкѣ квартирмейстера Швахмана, съ жаромъ толбовавшаго, повидимому, объ устройствѣ механическаго козла

архитектору Петонди, который на другой-же день съ утра прикотилъ къ нему, приглашая капитана, отъ имени графа Сергѣя Михайловича, къ обѣденному столу его сѣятельства.

Баль, данный дворянствомъ гусарству, какъ прокричала вся губернія, а съ нею и вся дивизія, въ честь которой онъ состоялся, былъ на славу и отличался блистательными и рельефными особенностями, имѣвшими въ результатѣ нѣсколько свадебъ и нѣсколько отставокъ отъ дѣйствительной службы, для вящаго преумноженія персонала орловскаго дворянства, съ чинами не выше ротмистрскаго.

При всемъ томъ, что гусарство, особенно голубое, павлоградское, квартировавшее въ самомъ городѣ, очень тѣсно слилось съ орловскимъ обществомъ, — въ домѣ Василья Петровича изъ всѣхъ этихъ господъ, отъ времени до времени, да и то въ какіе-нибудь экстренные дни, показывался полковой командиръ, полковникъ Пашковъ, да еще бывалъ у насъ бригадный командиръ, генераль-майоръ фон-Зольдайнъ на музыкальныхъ вечерахъ, заканчивавшихся въ полночь ужиномъ. Этотъ господинъ игралъ прекрасно на віолончелѣ, почему участвовалъ во всѣхъ тріо моего дяди, яростнаго піаниста. Скрипку-же всегда держалъ Анатолий Ипполитовичъ Бешметовъ, мастерски владѣвшій смычкомъ; онъ бывалъ у насъ постоянно, разумѣется, въ тѣ дни, когда ему не случалось сидѣть на гауптвахтѣ, что съ нимъ, впрочемъ, было нерѣдко, и именно за то, что этотъ *le charmant monsieur Anatole et l'enfant chéri de la division* имѣлъ всѣ тенденціи сдѣлаться *enfant terrible* города Орла, увлекаясь легендами о предшественникѣ своемъ графѣ Мантейфелѣ, слава котораго, не давала спать спокойно розовенькому Бешметову. Близость возраста, какіе-нибудь года два разницы пустяки, — и мы съ Анатодемъ Ипполитовичемъ сошлись очень дружески. Въ домашнемъ своемъ быту Анатолий Ипполитовичъ былъ совершенно приличенъ и квартирка его, завѣдываемая какимъ-то отцовскимъ камердинеромъ, сѣдымъ и серьезнымъ, въ родѣ какъ бы дядьки, отличалась порядкомъ и опрятностью, и вмѣсто вина, водки, табака и циничныхъ литографій, что составляло въ тѣ дни особенности гусарства, имѣвшаго своимъ идеаломъ, еще не отжившаго Давыдовскаго Бурцова, — были цвѣты на всѣхъ окнахъ, ноты на всѣхъ этажеркахъ и книги на стѣнныхъ районахъ. Прав-

да, между этими книгами, девять десятыхъ принадлежали къ той породѣ пустыхъ книжонокъ, какими одарили французскую литературу Пиго-Лебрень, Поль-де-Кокъ, Огюсть Рикарь и tutti quanti. Но здѣсь-же было не мало и переводовъ Дефокомпре, романовъ Вальтера Скотта, Фенимора Купера и Вашингтона Ирвинга. О нынѣшней англійской богатѣйшей беллетристическѣ, въ ту пору, разумѣется, и помину не было. Между русскими книгами у Анатоля Ипполитовича были ряды кирпичеобразныхъ пузатенькихъ петербургскихъ и московскихъ альманаховъ вмѣстѣ съ знаменитою въ то время „Полярною Звѣздою“. Библіотеку Бешметова пополняли еще тонкіе томики поэмъ Пушкина, Баратынскаго, стиховъ Языкова, Дельвига и непремѣнная тогдашняя принадлежность кабинета всякаго порядочнаго молодого человѣка, тщательно въ сафьянъ переплетенная тетрадь съ рукописью безсмертной сатиры-комедіи Грибоѣдова: „Горе отъ ума“. Мы съ Анатодемъ Ипполитовичемъ читали и перечитывали это знаменитое произведеніе, при чемъ мой пріятель передалъ мнѣ слѣдующій ходившій тогда рассказъ: Грибоѣдовъ, когда уже разлетѣлись по Россіи первыя копии его произведенія, надѣлавшаго тотчасъ много шума, послалъ одинъ экземпляръ вѣрной копии къ Николаю Михайловичу Карамзину, выпускавшему томъ за томомъ свою „Исторію Государства Россійскаго“, при письмѣ въ стихахъ, заключавшемъ въ себѣ совѣтъ историографу перестать писать эту исторію, которой ѣдкій сатирикъ, тогда еще очень молодой человѣкъ, не симпатизировалъ, а обратиться къ продолженію воспроизведенія въ его прелестныхъ стихахъ русскихъ сказокъ, какъ уже онъ и началъ, воспѣвая подвиги сказочныхъ богатырей. Карамзинъ, всегда кроткій и невозмутимый, доставилъ Грибоѣдову въ отвѣтъ на его юношескую выходку слѣдующее въ третьемъ лицѣ двустихіе:

«Пѣть не буду я, а только Бога помолю,
Чтобы отъ «Горя»—горя не было ему».

Бывая очень часто у Бешметова, я почти никогда не встрѣчалъ у него никого изъ его товарищей гусаровъ; но почти всегда заставалъ у него кого-нибудь изъ актеровъ графскаго театра. Впрочемъ, всѣ эти артисты являлись здѣсь болѣе подъ предлогомъ своихъ ремесленныхъ обязанностей, то есть какъ парикмахеры, какъ портные, какъ сапожники, какъ переплетчики и пр. Такимъ образомъ, случилось мнѣ частенько видѣть комика, и какъ

я уже прежде, кажется, здѣсь сказалъ, комика весьма недюжиннаго въ личности буфетчика Козлова, исполнявшаго мастерски, и именно à-la Щепкинъ, весь почти щепкинскій репертуаръ *). Этотъ Козловъ доводилъ естественность въ своихъ роляхъ самодурныхъ стариковъ, въ родѣ, напримѣръ, Загоскинскаго Богатонова, до неподражаемости. Достоинъ вниманія, что именно эта-то непринужденность и художественная простота въ игрѣ Козлова особенно не нравилась графу-антрѣпренеру и режиссеру. Его сіятельство, не одаренный и каплею сценическаго вкуса, требовалъ отъ своихъ актеровъ напыщенности и ходульности, которыя восхищали чудака-театромана. Кромѣ Козлова я встрѣчалъ у Бешметова главнаго опернаго пѣвца, портного и башмачника, Кравченко, отличавшагося силоватымъ и гнусливымъ голосомъ и игрою, вполне достойною сапожника, а не артиста. Но графъ Сергѣй Михайловичъ восхищался этимъ родомъ игры, и этими жестами невозможными, и этою походкою каррикатурно-торжественною. Всего-же чаще я заставлялъ у Анатоля Ипполитовича, драматическаго героя и перваго любовника вездѣ и во всемъ, т. е. и въ операхъ, и въ драмахъ, и въ комедіяхъ, и въ водевиляхъ долгоносаго, съ крохотными усиками и съ огромнымъ, въ видѣ звѣриной пасти ротомъ, украшеннымъ длинными зубами, — парикмахера Миняева, зазубривавшаго роли вполне безукоризненно. Но этимъ и заключались всѣ его сценическія достоинства. Этотъ Миняевъ былъ уморителенъ на сценѣ своими жестами, изъ которыхъ прикладываніе къ груди скомканнаго носового платка было особенно рельефенъ и вполне у него стереотипенъ, вслѣдствіе именно того, что графъ-директоръ-режиссеръ труппы строго на строго приказалъ ему разъ навсегда, еще въ началѣ театральной дѣятельности Миняева, лѣтъ за десять почти предъ тѣмъ, какъ я его началъ видѣть на подмосткахъ орловской сцены, — выражать всегда чувство не иначе, какъ этимъ жестомъ, и непременно при содѣйствіи носового платка. Это приказаніе помѣщика драматурга, слилось въ памяти Миняева съ какою-то, совершенною тогда надъ нимъ экзекуціею, повиди-

*) Въ своихъ запискахъ, помнится, знаменитый Щепкинъ посвящаетъ страницъ двѣ, три орловскому крѣпостному театру и, если не ошибаюсь, упоминаетъ объ этомъ талантливомъ актерѣ Козловѣ и объ актрисѣ Глазуновой,

тому, столь краснорѣчивою и впечатлительною, что съ тѣхъ поръ, несмотря на десятилѣтнюю давность, онъ постоянно помнилъ необходимость употребленія носового платка, скатаннаго въ комокъ, при выраженіи на сценѣ чувствъ любви иѣжной, ревности свирѣпой, восторга торжественнаго, гнѣва раздраженнаго, все равно что-бы тамъ ни было имъ выражаемо, а лѣвая рука съ платкомъ должна была стучать въ грудь, правая-же или махать по воздуху, или сжиматься и разжиматься, или ухватываться какъ-бы судорожно за тупей весьма хохлатый, тщательно завитой однимъ изъ его-же парикмахерскихъ учениковъ, ламповщикомъ Мишуткой, игравшимъ чертенятъ въ балетахъ и плясавшимъ краковякъ въ дивертисементахъ или второю флейтою оркестра поваренкомъ Митькой, отличавшимися также и въ парикмахерскомъ искусствѣ, которое доставляло имъ доступъ въ сокровенный чертогъ, обитаемый молодыми жрицами Талии, Терпсихоры и Мельпомены.

Молодой мой пріятель, Анатолий Бешметовъ обратилъ свое вниманіе на мою природную способность, впрочемъ, вовсе не развитую искусствомъ и правильнымъ изученіемъ рисовки съ натуры или даже съ гипса,—передавать карандашемъ свинцовымъ или цвѣтильемъ на бумагѣ довольно вѣрно и отчетливо все то, что представляло собою въ природѣ искаженность и карриатуру. Я имѣлъ неосторожность показать однажды милѣйшему Анатолию мой секретный портфель съ дюжиною другихъ листковъ, на которыхъ въ шаржированной карриатурѣ были изображены весьма неискусно, но довольно похоже въкоторыя важнѣйшіе персонажи орловскаго общества. И вотъ, вътрогонъ тотчасъ пожаловалъ меня въ Гранвиля, восхищаясь, въ особенности, шаржью моею работы фигуры барона Будберга на конѣ. Этотъ листокъ онъ выпросилъ у меня и показывалъ товарищамъ и чуть-ли даже не самому доброму, снисходительному и весьма не глупому барону за собственную свою работу. Разъ, когда я былъ утромъ у Анатолия Ипполитовича, онъ положилъ передо мною огромный, довольно тщательно переплетенный альбомъ съ бѣлыми, непочатыми страницами величинсю въ четверть обыкновеннаго листа ватманской бумаги большаго формата. Онъ выразилъ желаніе, чтобы я наполнилъ этотъ альбомъ карриатурными портретами всей орловской группы. Рѣшено было, что я у себя дома въ свободное время и, разумѣется, сохраняя тайну,—непремѣнно подготовлю

нѣсколько черновыхъ эскизовъ портретовъ-карикатуръ актеровъ и актрисъ театра графа Каменскаго въ костюмахъ тѣхъ ролей, въ какихъ они были особенно типичны. Нечего и говорить, что я съ жаромъ и любовью принялся за эту нелѣпную работу, а по исполненіи набросковъ, подвергалъ ихъ постоянно строгой цензурѣ и критикѣ Анатоля Ипполитовича, почти всегда находившаго, что сходство той или другой личности схвачено удачно и что не остается ничего желать лучше, иногда-же онъ, этотъ снисходительный и вмѣстѣ наблюдательный рецензентъ моихъ мальчишескихъ карикатурныхъ воспроизведеній персонала орловской труппы, очень рѣдко, замѣчалъ только, что у этого надо носъ удлинить, а у этой шевелюру болѣе распутать, тому въ позѣ придать большую напыщенность, той скривить еще круче руки обручемъ и пр. и пр. Замѣчательно однако, что никогда онъ не находилъ, что карикатура моя заходитъ за предѣлы естественности, правды и возможности, а, напротивъ, старался всячески усилить шаржировку, что тутъ-же мною и исполнялось очень скоро, при помощи резины и карандаша. Разъ эскизъ былъ готовъ, онъ немедленно переходилъ на страницы альбома, и ярко и рѣзко иллюминировалъ безъ всякаго соблюденія законовъ рисовальнаго искусства, при аэварельной работѣ и правильности тѣней, почему всѣ эти рисунки съ уродливыми quasi портретами смахивали сильно на ту китайскую живопись, какою бывають испещрены ящики съ чаемъ въ колоніальныхъ лавкахъ. Но это нисколько не мѣшало веселому владѣльцу альбома восхищаться отъ души почти ежедневно воспроизводимю мною его коллекцію карикатуръ орловскаго театра. Онъ хототалъ до почти истерики, разглядывая эти грубыя шаржи, изображавшія актеровъ и нѣкоторыхъ изъ самыхъ некрасивыхъ актрисъ не въ одной только какой-нибудь, а въ десяти роляхъ, и ми занимаемыхъ. Воспроизведеніе орловскаго Дидло, балетмейстера и хореографа Дейбея, имѣвшаго въ себѣ такъ много данныхъ для карикатуры,—особенно понравилось Анатолю и тѣмъ изъ немногихъ его пріятелей-однополчанъ, которымъ онъ показывалъ этотъ заповѣдный альбомъ, увѣряя ихъ съ величайшимъ апломбомъ, будто всѣ эти рисунки сдѣланы имъ самимъ, неожиданно открывшимъ въ себѣ талантъ ѣдваго карикатуриста. Этою не-

винною мистификаціей мой гусарь пріятель (спасибо ему, великое спасибо!) защищалъ меня отъ того неудовольствія моихъ родныхъ и въ особенности В. П. Шеншина, какому я могъ подвергнуться, если-бы онъ зналъ, что внукъ его упражняется въ ненавистой для него рисовкѣ каррикатуръ, а съ тѣмъ вѣсть пріобрѣталъ въ городѣ извѣстность бѣдоваго рисовальщика, отъ злого карандаша котораго трудно было уберечься всякому, кого природа одарила какою-нибудь, бросавшеюся въ глаза, наружною особенностью и рельефностью. Но если пріятели и товарищи, рѣдко бывавшіе въ квартирѣ Бешметова, не знали истины, то оригиналомъ этихъ уродливыхъ потретовъ, т. е. актерамъ, часто посѣщавшимъ Анатоля Ипполитовича, несмотря на строгое запрещеніе ихъ сіятельнаго владѣльца, — настоящій авторъ этого альбома былъ хорошо извѣстенъ, потому что они часто заставляли меня въ кабинетѣ ихъ молодого милостивца, или рисующимъ то того, то другого изъ ихъ братія, или исправляющимъ и исполняющимъ какой-нибудь портретъ „съ натуры“, благодаря присутствію тутъ въ эту минуту самого оригинала. Актеры узнавали своихъ товарищей сразу и издѣвались охотно надъ гротескностью ихъ; но ни одинъ изъ нихъ не узнавалъ своего собственного изображенія, кромѣ развѣ одного добродушнаго „перваго любовника“ Миняева, который, бывало, видѣлъ свое изображеніе всегда съ одобрительною улыбкою, то княземъ Видостаномъ съ шишакомъ на головѣ въ „Днѣпровской Русалкѣ“, то лихимъ гусаромъ или уланомъ, верхомъ на сабельныхъ ножнахъ, въ „Замужней Невѣстѣ“ или въ „Жидовской Корчмѣ“, въ „Бабушкиныхъ Попугаяхъ“, или въ другихъ пьесахъ, какихъ-нибудь, то швейцарскимъ пастушкомъ, то испанскимъ грандомъ, то венеціанскимъ гондольеромъ, то русскимъ ямщикомъ, то турецкимъ пашею, то тирольскимъ стрѣлкомъ и пр. и пр. и пр., такъ какъ его репертуаръ былъ безконеченъ.

— Ну, что, Миняевъ, скажи чистосердечно, спрашивалъ Бешметовъ, завивавшаго или стригшаго его артиста, превратившагося на это время въ парикмахера по ремеслу, — похожъ ты, а?

— Да и какъ-съ похожъ-то, Анатолій Ипполитовичъ! Мой носина, мои кривыя ноги колесомъ и мой вѣчный жестъ съ скомканнымъ платкомъ у груди. Какъ двѣ капли воды похожъ-съ!

Это простодушіе не оставалось безъ должнаго возмездія: Миняевъ уходилъ всегда съ лишнимъ четвертакомъ или даже полтивникомъ, и, замѣтивъ такое выгодное дѣйствіе своей откровенности и сознательности, онъ уже постоянно восхищался всѣми пестрыми рисунками, наполнявшими альбомъ Анатоля Ипполитовича. За отдѣльный гонорарій, онъ очень усердно доставлялъ Бешметеву различныя городскія и театральныя новости, между прочимъ сообщилъ и ту, что хотя графъ на ночь запираетъ своихъ питомцевъ, молоденькихъ артистокъ на крѣпкій ключъ, и ключъ отъ сѣней влалъ себѣ подъ подушку, предосторожность эта, несмотря на высоту оконъ отъ земли, похожихъ на окна остроговъ и этапныхъ домовъ, — ни сколько не мѣшала каждую ночь молоденькимъ и пригожимъ актрисамъ и танцовкамъ спускаться на мостовую „театральнаго переулка“ по подставленнымъ къ окнамъ лѣстницамъ, поддерживаемымъ дюжими деньщиками и солдатами гусарами, и являться въ квартирахъ своихъ обожателей, угощавшихъ ихъ конфетами, вареньями, шоколадомъ, мороженымъ, при градѣ еще болѣе сладкихъ поцѣлуевъ и ласкъ всякаго рода. А къ разсвѣту по тѣмъ-же подставленнымъ лѣстницамъ эти феи возвращались въ свои дортуары, гдѣ ихъ ждала ни жива, ни мертва ихъ подкупленная дуэнья, падкая на синія и красныя бумажки, но съ тѣмъ вмѣстѣ и трусившая гнѣва своего повелителя, который, какъ она знала шутить не любилъ и щедро раздавалъ пощечины и розги, и хотя эта дуэнья считала себя дворянкой, но, конечно, она памятовала пословицу: „съ сильнымъ и богатымъ не тягайся“.

Разъ какъ-то въ самомъ началѣ весны 1828 года, я, по обыкновенію, засталъ перваго комика-парикмахера и нувеллиста, Миняева, у Анатоля, который катался на своемъ широкомъ турецкомъ диванѣ въ пароксизмѣ такого смѣха, какому самъ Демокритъ, казалось, позавидоваль-бы. Причина этого неудержимаго смѣха, какъ онъ тотчасъ объяснилъ мнѣ, состояла въ томъ, что Миняевъ только что разсказалъ ему слѣдующее смѣхотворное событіе.

Дѣло было въ томъ, что опера „Днѣпровская Русалка“, часть первая, т. е. та, гдѣ Тарабаръ является на сцену верхомъ на замундштученомъ и осѣдланномъ козлѣ, — такъ давно не дававшаяся, — завтрашній день будетъ снова играна и уже

не съ живымъ, а съ искусственнымъ козломъ, манкенъ котораго искусно сдѣланъ изъ шкуры нѣкогда казеннаго Васьки; но только капитанъ Швахманъ нѣсколько ошибся въ размѣрахъ, при слишкомъ усердномъ распяливаніи шкуры домашними графскими скорняками, такъ что искусственный козель вышелъ ростомъ не меньше иной казацкой лошади, а ужъ никакъ не уступалъ вяткѣ или обвенкѣ, почему актеру Кравченко сидѣть приходилось довольно высокою, а отъ того и страшновато. Но его сіятельство изволилъ остаться очень доволенъ козломъ-куклою, и сказалъ, чтобъ Матюшка, т. е. Кравченко, на этотъ разъ Тарабаръ, пробовалъ ежедневно репетировать верховую ѣзду на высокомъ козлѣ. Механизмъ послѣ многихъ неудачныхъ опытовъ, былъ успѣшно выполненъ, и движеніе оказалось вполне подражающимъ легкой рысцѣ всякаго козла, когда этотъ брадатый сластолюбецъ, задравъ голову, козыремъ подходитъ къ обожаемой имъ Машкѣ. Словомъ — капитанъ Швахманъ сдѣлалъ чудо изъ чудесъ, и графъ утверждалъ, что онъ упрости дивизионнаго начальника объ исходатайствованіи ему за это подполковничьихъ эполетъ. Сегодня утромъ графъ собрался собственно для этого дѣла къ его превосходительству барону Будбергу и, какъ былъ въ своемъ новомъ шпинатнаго цвѣта фракѣ со всѣми орденами, зашелъ на генеральную репетицію въ то самое мгновеніе, когда выступаетъ Тарабаръ на козлѣ. Кравченко, когда двинулась машина, и козель-чучело пошелъ перебирать ногами, сидѣлъ ни живъ, ни мертвъ на своемъ высокомъ сѣдалищѣ, ухватившись за загривокъ. Его сіятельство, замѣтивъ эту карикатурную позу Тарабара, изволилъ разгнѣваться и крикнуть, хвативъ Матюху Кравчену вдоль лопатокъ своею камышевою съ золотымъ набабдашникомъ:

— Скотина! Развѣ ты изъ себя обезьяну, что-ли, долженъ изображать? Къ началу спектакля, мерзавецъ, выучись у меня ѣздить и сидѣть молодцомъ! — А вслѣдъ за симъ обратился къ Дейбелю, да и говоритъ: — Садитесь, геръ Дейбель, на этого козла. Вы говорили мнѣ, что когда-то въ труппѣ Кіарини въ Петербургѣ и Москвѣ вольтижеромъ были, такъ покажите этому уроду правила верховой ѣзды на этомъ манкенѣ.

— О! вре эксселенцъ, воскликнулъ балетмейстеръ, — я у Кіарини весь гроссъ-шуде прошелъ. Тамъ у меня пидъ та-

бой злафный пѣгій пѣрдъ, что терпясь только! — И при этихъ словахъ взлѣзъ на козла-коня. Какъ взлѣзъ, такъ поводя въ лѣвую руку, подбоченился правою, а на насъ такъ черезъ очки ястребомъ и смотритъ.

— Ну, молодець нѣмчура, молодець! съ улыбкой сказалъ графъ и велѣлъ музыкѣ играть маршъ, а механизмъ приводить въ движеніе. Музыка загремѣла, и козелъ задрыгалъ ногами, да прытко такъ, и, бацъ, молодець-то нѣмчура слетѣлъ съ спины своего пѣрда на полъ,—расшибъ въ дребезги очки и носъ свой тыквообразный до крови расквасилъ. Графъ сильно разгнѣваться изволилъ, и гаркнулъ:

— Всѣ вы, свиньи, дармоѣды, ничего въ толкъ взять не умѣете и не хотите! Вотъ я вамъ покажу самъ! Да, ужъ ты у меня, Матюшка, (т. е. Кравченко) держись! Запору до полусмерти, плевать мнѣ на твой баритонъ! Ъзди у меня на козлѣ, вотъ такъ, вотъ такъ, гляди на меня и на все, что я буду дѣлать во всѣ глаза.

Сказавъ это, его сіятельство, при помощи двухъ, трехъ изъ актеровъ, сѣлъ въ сѣдло, положилъ ноги въ стремяна, принялъ поводя и, помахивая камышевкой, проѣхался по всей сценѣ, до вторыхъ кулисъ. Не забудьте, что онъ былъ въ круглой шляпѣ, во фракѣ и во всѣхъ регаліяхъ. Онъ сошелъ на полъ торжествующій и строго на строго приказалъ Кравченкѣ ѣздить такъ, какъ онъ проѣхалъ сейчасъ. Сцена эта, при всемъ глубокомъ чувствѣ рабской подвластности, наполнявшемъ сердца всѣхъ присутствующихъ крѣпостныхъ артистовъ и артистокъ, заставила однако ихъ кусать себѣ губы до крови, чтобъ не фыркнуть отъ разбиравшаго ихъ смѣха. — Бешметова-же и меня, само собою разумѣется, не могло удерживать никакое чувство благоговѣнія къ сіятельному антрепренеру орловскаго театра,—и потому мы оба вмѣстѣ долго хохотали, воображая себѣ эту уморительную сцену: движущуюся по рельсамъ огромную чучелу осѣдланнаго козла, и на сѣдлѣ графа Сергѣя Михайловича съ его гротескной пурпуровой фигурой, въ той самой позѣ, въ какой изображенъ онъ, скачущимъ на бѣломъ конѣ, на картинѣ, занимавшей одну цѣлую стѣну его парадной залы. Комичнѣе, этого, конечно, едва ли что можно было представить, и съ этимъ, вѣроятно, согла-

сятся тѣ, быть можетъ, не многіе орловскіе старожилы, какіе съ 1828 года уцѣлѣли въ Орлѣ и въ орловской губерніи, и не забыли эксцентричности и самодурства тогдашняго владѣльца орловскаго театра.

Подъ вліяніемъ смѣха, произведеннаго разсказомъ Минлева и просьбъ Бешметова,—я тотчасъ схватилъ карандашъ и краски и, конечно, плохо соблюдая законы перспективы и тѣней,—быстро воспроизвелъ, безъ всякаго эскиза, на ватмановской бумагѣ альбома, бородаго и круторогаго бѣлаго возла съ краснымъ чапраккомъ и возсѣдающаго на немъ Тарабара въ полномъ шутковскомъ костюмѣ конюшаго князя Видостана, но съ широкою, красною, какъ свекла, косою, распухлою физиономіею самого графа Сергѣя Михайловича.—Бешметовъ былъ въ восхищеніи отъ этой каррикатуры. Онъ обнималъ, цѣловалъ меня и немедленно сдѣлалъ внизу рисунка подпись: „Новый Тарабаръ Орловскаго театра“.—Миняевъ, разумѣется, ушелъ уже не съ презрѣвшимъ полтинникомъ, а съ синею пятирублевою бумажкою. Одно опечалило Бешметова, что я не буду завтра въ городскомъ театрѣ, потому что долженъ былъ съ утра ѣхать съ дядею на цѣлый день въ подгородное село графа Евграфа Федотовича Комаровскаго „Городищѣ“, гдѣ самому мнѣ предстояло участвовать въ домашнемъ спектаклѣ въ какой-то третьестепенной роли одной изъ новыхъ комедій Скриба. Но Бешметовъ общалъ мнѣ, по возвращеніи моемъ изъ „Городища“, разсказать всѣ подробности, онъ намѣревался показать мой рисунокъ изъ партера всему, въ особенности, женскому персоналу сцены въ минуту появленія актера-пѣвца Бравченко на дебютирующемъ искусственномъ возлѣ, при чемъ далъ мнѣ слово скрыть имя автора рисунка.

Въ день этого знаменитаго представленія, бывшаго въ началѣ Фоминой недѣли въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, когда давно уже въ Орлѣ наступили вполнѣ весенніе, теплые дни, а деревья и земля покрывались ярко-изумрудистою зеленью,—я, какъ уже сказалъ, въ орловскомъ театрѣ не былъ, проведя почти цѣлыя сутки въ селѣ „Городищѣ“ въ гостепріимномъ и въ ту пору веселомъ и весьма пріятномъ дождѣ богатаго мѣстнаго землевладѣльца генералъ-адъютанта графа Евграфа Федотовича Комаровскаго, который, кстати замѣчу, со всѣми отиѣнно вѣжливый и обходи-

тельный, никогда не посѣщаль графа Каменскаго и не велъ съ нимъ никакого знакомства *).

Мы съ дядей возвратились въ Орель въ часу третьемъ утра слѣдующаго дня. Едва мы вошли въ комнаты, куда уже врывалось утреннее, яркое и веселое весеннее солнышко чрезъ занавѣсы и густыя сторы,—ловкій камердинеръ Василья Петровича Шеншина съ ухватками немножко трактирнаго полового, доложилъ, что во время нашего отсутствія графъ Сергѣй Михайловичъ довольно поздно, часу въ одиннадцатомъ вечера пріѣзжалъ къ Василью Петровичу, долго что-то съ нимъ разговаривали въ кабинетъ и что Василій Петровичъ изволили оставить на имя ихъ Сергѣя Павловича, передъ тѣмъ, чтобъ лечь въ постель, запечатанную записочку, которая и положена имъ у дяди въ комнатѣ. Я спалъ въ небольшой горницѣ рядомъ съ спальнею моего дядюшки гвардейца, человѣка очень положительнаго и степеннаго. Дядя прочелъ записку своего двоюроднаго дядюшки, прошелся раза два по комнатѣ и сказавъ: „Утро вечера мудренѣе. Спокойнаго сна, Гурій“, сталъ раздѣваться безъ помощи прислуги и легъ на кровать; но я слышалъ, что онъ долго не засыпалъ, потому что что-то его беспокоило. Это тревожило и меня, потому что я прочелъ въ глазахъ добраго дяди, что онъ былъ не доволенъ за что-то мною.

Въ половинѣ девятаго часа утра, какъ теперь помню, я былъ позванъ въ кабинетъ къ Василью Петровичу, и входя туда, услышалъ еще на порогѣ черезъ полурастворенную дверь въ залу, что почтенный старикъ и дядя мой, кого-то проводя черезъ залу, громко оба говорили: „Будьте спокойны, графъ, вы получите полное удовлетвореніе по вашей программѣ“.

Удовлетвореніе это должно было быть дано нигѣмъ инымъ какъ мною и никому другому, какъ графу Каменскому по случаю, нанесеннаго ему публичнаго оскорбленія моею, тогда почти дѣтскою, персоною чрезъ то, что вчера въ театрѣ въ то время, когда актеръ Кравченко, при всемъ коръ-де-балетѣ, явился на обновленномъ механическомъ козлѣ на сцену, корнетъ Бешметовъ,

*) Точно также и знаменитый А. П. Ермоловъ въ бытность свою съ августомъ 1827 года въ Орлѣ, въ разное время, не былъ ни разу у графа С. М. Каменскаго.

этотъ enfant terrible города Орла, раскрылъ альбомъ съ нама-
леваннѣмъ изображеніемъ козла, а на козлѣ самъ графъ, похо-
жій, какъ двѣ капли воды (что было очень не трудно: стояло
только изобразить по ярчѣ красную тѣнѣ) въ костюмѣ Тара-
бара и что въ особенности ужасало и Василя Петровича и дя-
дю Сергѣя Павловича, со всеми орденскими своими знаками въ
алой лентѣ черезъ плечо. Пѣвецъ Кравченко забылъ свою арію
и залился хохотомъ, которому стали вторить всѣ танцовщицы.
Петонди доложилъ графу о причинѣ этого скандала, и графъ
тихонько въ своихъ бархатныхъ сапогахъ съ резиновыми подош-
вами подкрался къ Бешметову и похитилъ у него нечестивый
альбомъ. Le charmant Anatole настоятельно утверждалъ во все-
услышаніе, что всѣ эти рисунки его работы; онъ могъ не опа-
саться дурныхъ послѣдствій за свою шутку, уже и потому, что
добрый и нѣкогда самъ повѣса, баронъ В. сказалъ громко гра-
фу, что ребяческія шалости не стоятъ того, чтобы за нихъ
серьезно сердиться, и что онъ самъ, слѣдуя примѣру Фридри-
ха Великаго, велѣвшего карикатуру, на него сдѣланную, при-
бить на стѣнѣ пониже, чтобы всѣ могли ею любоваться,—ни
мало не претендовалъ за собственную свою шаржу, исполненную
карандашемъ и акварелями этого пажа изъ пажов и хранить
этотъ рисунокъ у себя, показывая его Бешметову каждый разъ,
когда Бешметовъ у него обѣдаетъ.

— Но вы, генераль, пыхтѣлъ графъ Каменскій,—не изобра-
жены на козлѣ, въ шутовскомъ костюмѣ, покрытомъ орденами.
Васъ онъ изобразилъ на пряничномъ конѣ и только въ пересо-
ленной позѣ. За это и я не претендовалъ-бы, а теперь, о! это
ужасно!

Для Бешметова это кончилось тѣмъ, что его милый альбомъ
былъ конфискованъ графомъ, а полковой командиръ упекъ сво-
его родственничка на гауптвахту на двѣ недѣли, обязавъ его
строкою подпискою никогда въ театрѣ не бывать. Въ двухне-
дѣльномъ арестѣ Бешметовъ не видалъ ничего особенно горестна-
го, потому что это освобождало его отъ хлопотъ по должности,
сдѣлавшейся передъ скорымъ выступленіемъ полка въ походъ
для принятія участія въ турецкой войнѣ, весьма сложною и,
при взыскательности и акуратности командира, почти нестерпи-
мою. Никогда-же не бывать въ орловскомъ театрѣ тоже не бы-

до большимъ лишеніемъ, потому что до истеченія срока ареста Бешметева его полкъ долженъ былъ оставить Орель. Но какъ же однако узналъ графъ Сергѣй Михайловичъ, что я былъ авторъ, сильно покоробившей его каррикатуры? Очень просто: пѣвецъ Кравченко купилъ себѣ помилованіе отъ розогъ тѣмъ, что рассказалъ, что какъ этотъ злосчастный рисунокъ съ козломъ, такъ всѣ до одного рисунки альбома нарисованы не Бешметевымъ, а молоденькимъ внучкомъ Василья Петровича Шеншина.

Благодушный старичокъ, прадѣдушка мой и серьезный, всегда сдержанный мой дядя Сергѣй Павловичъ, которымъ графъ показывалъ альбомъ и свой портретъ въ видѣ Тарабара на козлѣ верхомъ, не могли при этомъ, удержаться отъ невольнаго смѣха; но оба они сильно негодовали на меня за то, что я, по ихъ понятіямъ людей давнишнихъ временъ, хотя и честныхъ и очень добросердечныхъ,—такъ „революціонно“, какъ они оба выражались, выговаривая мнѣ, осмѣлился отнестись къ орденамъ, надѣвъ ихъ въ картинкѣ на шутовской костюмъ Тарабара. Это только одно во всей этой малочисленной продѣлкѣ и волновало ихъ, а то, кажется, они только посмѣялись-бы.

— Если-бы тутъ изображенъ былъ графъ, говорилъ дядя—именно въ томъ платьѣ, даже съ этими орденами, въ какомъ онъ дѣйствительно сидѣлъ на козлѣ,—я видѣлъ-бы въ этомъ глупую шутку, пошлое глумленіе надъ старикомъ, сдѣлавшимъ, конечно, неосторожность, сѣвъ на это проклятое чучело; но ты, Гурій, дерзнулъ посягнуть на то, что такъ священо для каждаго вѣрноподаннаго русскаго, и этого я тебѣ простить не могу, потому что, я увѣренъ, это жестоко огорчило-бы твоего отца если-бы онъ теперь былъ живъ. Богъ, отозвавъ его къ себѣ такъ рано, не хотѣлъ, чтобы онъ увидѣлъ въ сынѣ зародышъ такихъ революціонныхъ началъ. *) Ты понесешь жестокое нравственное наказаніе, удовлетворивъ графа по его, переданной имъ мнѣ программѣ, которая есть его ультиматумъ. Будь готовъ ѣхать съ прадѣдушкой и со мною къ его сіятельству графу Сергѣю Михайловичу.

Удовлетвореніе, данное мною въ этотъ день графу состояло

*) Дядя мой былъ очнь не глупый человѣкъ; но прежде всего онъ былъ человѣкъ своей эпохи, да еще гвардеецъ былыхъ временъ. *Лст.*

въ томъ, что у него на дому, въ половинѣ двѣнадцатаго часа утра, послѣ продолжительнаго, велерѣчиваго, обращеннаго его сіятельствомъ ко мнѣ спича въ присутствіи всего его семейства, приживальцевъ, пріятелей, между прочимъ и лысаго, ухмылявшагося А. А. Глазунова и, наконецъ, всей его труппы, я принесъ въ нѣсколькихъ неловкихъ, несвязныхъ словахъ какое-то мое извиненіе. Это совершалось въ знаменитой „базарджикской“ залѣ, гдѣ, однако, несмотря на растворенныя окна и теплую погоду, — пылалъ каминъ, затопленный англійскимъ углемъ. Графъ подалъ мнѣ злосчастный альбомъ и сказалъ:

— Чтобы, молодой человекъ, уничтожены были и самыя слѣды вашего „преступнаго“ дѣйствія, возьмите этотъ вашъ „гнусный“ сборникъ „скверностей“, и вотъ въ этомъ каминѣ сожгите его, при всѣхъ насъ.

— Съ величайшимъ удовольствіемъ! сказалъ я, помнится, болѣе развязно, чѣмъ-бы того требовала торжественность всей этой обстановки, устроенной графомъ Сергѣемъ Михайловичемъ и, находясь въ разстояніи сажени отъ камина, быстро швырнулъ толстый альбомъ въ пламя, къ которому графскіе лакеи сей-часъ прикинули нѣсколько новыхъ плитокъ угля, и ауто-дафе великолѣпно совершилось, а съ нимъ вмѣстѣ и удовлетвореніе его сіятельства, послѣ чего Василій Петровичъ и дядя Сергѣй Павловичъ тотчасъ со мною и ушли домой.

Тетка и бузина мои въ эту пору гостили въ деревнѣ у другого моего дяди, тогда только что женившася. Весь этотъ день я занятъ былъ сборами въ дорогу; Сергѣй Павловичъ завтра отправлялся въ деревню къ своему брату, а оттуда мы поѣхали въ Москву, гдѣ начались приготовленія меня къ университету.

О милomъ Анатолѣ Бешметовѣ я зналъ только то, что онъ былъ переведенъ въ гвардію и потомъ служилъ въ одномъ изъ наиболѣе блестящихъ кавалерійскихъ полковъ; но впоследствии идя въ петербургской жизни разными путями, мы съ Бешметовымъ какъ-то нигдѣ и никогда не встрѣчались. Это въ петербургскомъ водоворотѣ сплошь и рядомъ бываетъ.

Въ одинъ изъ заѣздовъ моего дяди въ Орелъ послѣ уже кончины добрѣйшаго и благодунѣйшаго Василья Петровича, когда дядя, передъ принятіемъ армейскаго пѣхотнаго полка, былъ на время въ Петербургѣ, я узналъ отъ него, что графъ Сергѣй

Михайловичъ умеръ въ 1835 году въ своемъ орловскомъ селѣ „Сабуровъ“, гдѣ погребены какъ отецъ его фельдмаршалъ графъ Михаилъ Федотовичъ, такъ и доблестный братъ его, Николай Михайловичъ. Конецъ графа Сергѣя Михайловича былъ весьма не блистательный: онъ умеръ, оставленный всѣми, въ положеніи не далеко отъ нищеты и удрученный самыми мучительными физическими страданіями. Отъ громаднхъ имѣній его почти ничего не осталось, и самое это „Сабурово“, кажется, сколько мнѣ извѣстно, уже не собственность рода Каменскихъ

Гурій Зртауловъ.

В О Й Н А.

(Изъ А. Петёфи.)

Мнѣ снится, какъ нашъ старый міръ
Падеть въ борьбѣ суровой,
Какъ изъ пѣмыхъ его руинъ
Потомъ возникнетъ новый.

Я говорю: скорѣй, скорѣй
Подъ звуки боевые,
Труба—военный соловей,
Буди сердца живыя!

Ко мнѣ мой конь! Моя душа
Горитъ отъ нетерпѣнья;
Я съ дикой радостью помчусь
Съ тобою на сраженье.

Пусть рвануть пули эту грудь—
Мнѣ перевяжутъ раны,
Вольетъ цѣлительный бальзамъ
Въ нихъ поцѣлуй желанный.

Возьмутъ-ли въ плѣнъ—въ потьмахъ въ тюрьму
Проникнетъ другъ мой милый
И свѣтлый взоръ лучомъ зари
Блеснетъ во тьмѣ постылой.

И если смерть мои глаза
Въ пылу борьбы закроетъ,—
То пятна крови кто-нибудь
Слезами съ трупа смоетъ.

А. Ш.

КРЕСТЬЯНСКІЕ ВЫБОРЫ.

(СЦЕНЫ.)

(Продолженіе.)

Насколько искренно довѣряли компаньоны Данилѣ Иракліевичу трудно было рѣшить, по крайней мѣрѣ, относительно Вещнякова, настолько знавшаго людей, чтобъ не полагаться въ денежныхъ дѣлахъ на одни слова, неподкрѣпленные формальными обязательствами, и опытомъ жизни убѣжденного въ истинѣ, что обстоятельства, чаще всего складывающіяся помимо воли людей, иногда при всемъ искреннемъ намѣреніи послѣднихъ исполнить свое желаніе, лишаютъ ихъ этой возможности. Но какъ-бы то ни было, они все-таки разстались съ своимъ благодѣтелемъ въ наилучшихъ отношеніяхъ, особенно съ Трофимомъ Кириловичемъ, печальное настроеніе котораго, вызванное извѣстіемъ о возлагаемыхъ на него обязанностяхъ старшины, было такъ естественно, что и наблюдательные, хотя и подслѣповатые, глазки Макара Васильевича не открыли въ немъ ни одной черты, выдававшей дѣйствительность. Благодаря его ходатайству, Данила Иракліевичъ, тоже, въ свою очередь, безъ всякихъ росписокъ собственноручно выдалъ имъ по 200 руб. на задатки крестьянамъ и въ знакъ особеннаго благоволенія къ супругѣ Амвросія Николаевича, благоволенія, вызваннаго также ходатайствомъ Трофима Кириловича, послалъ ей 50 руб., поручивъ „орудовать“, какъ выразился онъ, заготовкой кулей для поставки хлѣба. Нечего и говорить, что Дарья Семснвна осталась весьма довольна подобнымъ порученіемъ, ей представилась возможность, во-первыхъ, сбыть старыя залежавшіяся холсты; во вторыхъ, въ видахъ того, что кули ей сошьютъ даромъ дѣвочки, обучавшіяся у ней грамотѣ и рукодѣльямъ, она приобрететъ безъ

всякой затраты двѣ, три сотни рублей, поставивъ на счетъ за шитье каждаго куля по три копѣйки.

Мартъ мѣсяцъ близился къ концу, стоявшая все время ясная, теплая погода быстро стоняла снѣгъ съ полей и горъ. Наступленіе весны всегда вызываетъ по деревнямъ оживленіе, призывая населеніе ихъ не къ отдыху, а къ труду, обеспечивающему годовое существованіе. Весна въ то-же время и самая тяжелая пора для крестьянина. Она отражается въ быту его недостаткомъ хлѣба, истомленіемъ скота, высунувшіяся ребра и понуренныя головы котораго краснорѣчиво говорятъ объ упадкѣ силъ вслѣдствіе дурного и недостаточнаго корма. Приходитъ время запашки полей, а у много изъ крестьянъ и орудія испорчены, и требуютъ, если не ремонта, то полного обновленія: и зубья у бороны вывалились, и насошникъ у сохи треснулъ и искривился. „Терпите время-то, авось къ веснѣ Богъ дастъ и поправлюсь!“ думалъ онъ все зиму, заглядывая подъ сарайчикъ, гдѣ хранились орудія, но приходитъ весна, не принося ожидаемой поправки въ хозяйство и, повѣся голову, осматриваетъ онъ испортившіяся насошникъ и пустыя ячейки отъ зубьевъ въ боронѣ. А не приведи Богъ, если еще падеть скотина, вчера такъ печально глядѣвшая на него своими тусклыми, слезящимися глазами и тихо, тихо шедшая къ проруби на водопой. Скотина-же чаще всего и падаетъ весной отъ безкормицы и истощенія. И если падеть она, то вся семья въ голодъ оплачетъ ее, а болѣе всѣхъ бѣдный, потерявшій голову хозяинъ, на плечахъ котораго лежатъ всѣ заботы.

И много, много подобныхъ бѣднѣжковъ, застигнутыхъ разными невзгодами, шло и ѣхало изъ деревень и селъ и къ компаньонамъ Данилы Иракліевича и къ самому Данилѣ Иракліевичу. Много горя давило и умъ, и душу каждаго изъ нихъ, и, говоря не утаивая истины, всему этому люду въ эти минуты было не до того, чтобъ разбирать—кто будетъ надъ ними старшиной: Бычковъ или Шебалинъ. „Выручи только, о-о-отецъ... выручи! Вотъ какая нужда, а-а-ахъ.“

— Нонѣ не прежняя пора: я денегъ зря не задаю! говоритъ обыкновенно Данила Иракліевичъ, когда къ нему собирались подобные просители, предварительно побывавшіе у Трофима Кирилловича съ просьбой о ходатайствѣ его. Но и съ Трофимомъ Кирилловичемъ произошла непонятная для всѣхъ перемена. „Я нонѣ

этихъ дѣловъ не касаюсь; идите, просите сами, а я втунѣ“, отвѣчалъ онъ на всѣ поклоны ихъ. И вотъ шли они къ самому Данилѣ Иракліевичу, съ понурыми головами, спрятавъ рукавицы и шапки за пазуху, шли и въ одиночку, шли и гурьбой, чело-вѣкъ по шести, по десяти, какъ приводилось. И гурьбой шли чаще, чѣмъ въ одиночку: „все легче, а-то одному-то и не стогворить“. И съ первыхъ-же словъ его у каждаго изъ нихъ холодило сердце.

— Што-жь ты это нонѣ завсю-то милость къ намъ на грѣвъ смѣнилъ? спрашивалъ его иной, болѣе другихъ находчивый на слово, проситель.

— Порядки не тѣ, какъ гляжу! сумрачно отвѣчалъ онъ, гладя бороду или вытягивая пальцы и прищелкивая ими.

— Нѣшто мы угнѣвили чѣмъ? печально допытывалъ проситель. — Кажись-бы, брали чего, такъ не стояло за нами — за все то-ись первому несли, и молитва-то-бы наша только за тебя и была...

— И безъ вашихъ молитвъ мнѣ не холодно: живу, терпѣть исхо Богъ!

— Съ молитвы, что и говорить, извѣстно, не грѣеть! все-жь предъ Богомъ-то...

— Слышалъ вотъ я нонѣ, прерывалъ онъ, — ума у васъ много стало.

— А-а-а! Да отколь-же-бы это? удивленно спрашивали они: — какой былъ, ровно, тѣмъ и живемъ.

— Прибавилось, слухъ есть.

— Отколь-же-бы надбавѣ-то быть? съ недоумѣніемъ спрашиваютъ просители, не зная, чему приписать подобныя выраженія.

— Учитель, вишь, сказываютъ, выискался: учить васъ новымъ порядкамъ! Съ вами-бы вотъ теперь и разговаривать-то, къ примѣру, надоть-бы не сидѣвши, а стоя. Лихо, что въ избѣ, а то-бы и шапку снялъ! насмѣшливо продолжалъ онъ.

— Часъ отъ часу не легче, ей-богу! произносили просители, переминаясь съ ноги на ногу и съ недоумѣніемъ поглядывая другъ на друга. — Да ты намъ назови хошь его, учителя-то этого, все-жь-бы знать стали, а то экъ исхо на улицѣ его встрѣтишь и не поклонисься.

— И Егора Семеныча Бычкова знать перестали, а-а?

— Вона на кого мѣтитъ! Да што-жъ намъ Бычковъ, чему онъ насъ научилъ?

— На-аучить ишо, старшиной-то посадите.

— За добрую-то науку да слово мы и всякому, Данила Ера-кычъ, поклонъ отдадимъ, а Бычковъ Егоръ, сказать въ примѣру такъ-бы надоть, худу не научить, и самъ знашь. Мужикъ онъ обстоятельный, завсе въ порядкѣ, худого про него и по волости не слыхивано. А только сказать, не тая правду, ничему ишо онъ не училъ насъ, напрасно ты это.

— На-а-учить, сказываю тебѣ, старшиной-то будетъ когда!

— Давай Богъ! отъ доброй науки никто въ отпоръ не пойдетъ.

— И поди въ нему, у него и учись, какъ жить. Можетъ, онъ тѣ съ наукой-то вмѣстѣ и денегъ дастъ, а у меня нѣту, уже сурово отвѣчалъ Данила Иракліевичъ.

Недоумѣніе просителей возрастало прогрессивно съ каждымъ его словомъ. Каждый изъ нихъ терялся, донскиваясь въ умъ, чего-же, наконецъ, хочетъ онъ? Какъ вести себя передъ нимъ? Какъ принаравливать свое слово въ угоду своеобычнаго хозяина, чтобы не потерять въ немъ своей послѣдней опоры? И, тоскливо поглядывая другъ на друга, они чесали затылки и, вздыхая, переминались съ ноги на ногу.

— У меня капиталъ наживной, снова начиналъ Данила Иракліевичъ, прерывая тяжелое молчаніе, — мнѣ зря кидать его не приходится. Стало быть, по пустякамъ и разговаривать нечего. Дашь этакъ вамъ на нужу-то вашу, да опосля при валемъ-то новомъ старшинѣ — при Егорѣ-то, говорю — и наплачешься съ вами не хуже Макара.

— Разъ онъ старшиной ишо?

— Будетъ; сказываю тебѣ, что будетъ, такъ чего-жъ ты допытывашь-то, аль нужой-то уши заложило, не слышишь!

— Чѣмъ-же-бы онъ-то помѣха въ этомъ дѣлѣ, Данила ты Еракычъ? Разсуди, нѣшто онъ...

— Помѣха, круто прерывалъ просителя Данила Иракліевичъ.

— Господи твоя воля! Часъ отъ часу не легче!

— Помѣха, — слышалъ ты это? Я-бы тѣ сейчасъ безъ сумнѣнья сто рублей далъ, кабы зналъ, что ты воѣ не учишься у него его-то порядкамъ, потому зналъ-бы, што ты моего слова сталъ-бы слушать, а ты его слушаешь, ну въ нему и за деньгами иди.

— Господи твоя воля! снова въ голосъ произносили просители, разводя руками и хлопая ими по бедрамъ.— Вездѣ-то напасть, куда ни сунься! Да нѣшто ты видѣлъ, што мы ходили къ нему за наукой какой, а?

— Я все знаю: и не гляжу, да вижу.

— Господи Боже мой! Ну-у, други, и время-же нонѣ стало!

— То и говорю, прерываль онъ, — што не прежняя пора, не тѣ порядки вы завели, а про новыя-то про ваши у меня денегъ нѣтъ. Я себѣ не ворогъ! Это я и задавай-бы вамъ деньги, а они себѣ въ старшины Бычкова посадятъ, Егора Семеннча, — а давно-ль онъ ишо Семеннчемъ-то сталъ? Кто его взвеличалъ ишо Семеннчемъ-то? постепенно входя въ экстазъ и возвышая голосъ, говорилъ онъ.— Мужикю только Егорка и клички было, а тутъ, на-а-а, и въ Семеннча выросъ! Какже, мужикъ горой за васъ стоитъ,—какъ, говорю, и не взвеличать! Я, говоритъ, и Данилу Еракова и всѣхъ экихъ-то съ земли сотру, не дамъ міра въ обиду, чтобы на его слезы наживались. А кто-жь-бы и наживался на ваши-то слезы, а? Нѣшто вотъ я къ вамъ пришелъ денегъ-то просить, а? Нѣ-ѣ-ѣтъ, вы-же сами пришли — нужа, вишь, заѣла! Я вотъ виноватъ, што ихъ нужа заѣла! такъ зазывалъ вотъ, вишь, стоя на перекресткѣ: идите, молъ, во мнѣ, я на ваши слезы хоша копейку наживу, а-ахъ-ха-ха-а! Порядки! И задавай я это деньги тому, кто слушать его, да потакать ему, да норовить набольшимъ сдѣлать, старшиной, ха-ха-а! Нѣтъ, други, подите-ка со Христомъ, мотайте свою-то нужу Егору Семенову на уши, онъ-же васъ и въ обиду-то не хочетъ давать, чтобъ на ваши-то слезы наживались. Ну-у, можетъ, самъ у всѣхъ и утретъ ихъ, а я свои деньги только тѣмъ даю, кто меня слушаетъ, изъ моей воли не выходитъ.

— Нѣшто мы причинны въ этомъ, Данило Ераковчъ? Егоръ говоритъ, а мы повинны, а? Да мнѣ первому што его слушать — не напоить, не накормить; міръ его старшиной садить, такъ мы-то при чемъ-же? И-и диво-же, братцы, и-ей-богу, диво! Ну, научи ты насъ, чего намъ дѣлать, мы и не выйдемъ изъ твоей воли.

— Не выйдете? болѣе уже смягченнымъ голосомъ спрашивалъ онъ.

— Говоримъ, што опричь твоего слова и слушать не будемъ, каковаго-же исхо тебѣ покорства?

— Ты поешь-то на этотъ голосъ, пока вотъ тѣ деньги надоть, а отхлынетъ отъ спины нужда-то и зачнете опять ужъ показывать.

— Што нашъ ужъ, коли ѣсть нечего, Данило Еракичъ! Нужа-то заставить забыть, какъ и зовуть-то тебя.

— Спознались-таки, а? И будь-бы вы это богаты, чего-бы это и было съ вами, поглядѣть-бы! Это-бы никакъ и набольшихъ-то не было надъ вами, а? съ ироніей говорилъ онъ. — Го-о-ордныи-то-бы это одной не обобрался, ха-ха-а-а! Нужа-то вотъ только смиряеть, то вамъ Господь-то и поправы не даетъ, што бодливой коровѣ роговъ, ха-ха-а! Вотъ я и говорю, ужъ коли вы и въ-забыль смирились, хотите моего добраго слова слушать, такъ кого тебѣ начальство садить въ старшины, того и держись, а не токма, штобъ на свой голосъ пѣть, вотъ и порядокъ будетъ.

— Што-жъ намъ? — кого не сади, все единственно: Егоръ-ли Семеновъ, другой-ли кто, порядокъ-то все одинъ будетъ — не напоятъ, не накормятъ, вольготы при нужѣ не дадутъ. Такъ чего-жъ ты на насъ-то серчаешь, при чемъ мы тутъ, скажи намъ?

— Слышали-ли вы, што Шебалина Трофима миръ-то выбираеть, а?

— Што-жъ, давай Богъ, — мужикъ тоже, худа не скажешь.

— И стой за него, а не за Егора, коли хошь моихъ денегъ.

— Постой-то нашего не спрашиваютъ, Данило Еракичъ. Постой-то заказывай богатымъ, а мы што-о: кто насъ слушатъ-то, глядять-то на насъ кто? Намъ все единственно, кто ни будь надъ нами, — вѣдь легче не будетъ! — а ужъ выручи ты насъ, выручи: вотъ какъ намъ, а-ахъ, другъ ты сердешный, будь отецъ!

И по долгу длились подобныя сцены съ различными увѣщаніями и наставленіями Данилы Ираклиевича, пока не достигали пріятнаго для просителей результата полученія денегъ отъ него. Но не всегда они и кончались такъ, находились люди, несмотря на крайнюю нужду, выказывавшіе самостоятельность. Особенно памяты остались для Данилы Ираклиевича двое просителей крестьяне деревни Г...ой, Ефимъ Крючковъ и Матвѣй Тарасовъ. Первый былъ когда-то мастеровымъ упраздненнаго

Т...го завода, теперь-же занимался хлѣбопашествомъ, второй и самъ былъ зажиточнымъ человѣкомъ, но потеря въ бытность сельскимъ старостой денегъ трехъ съ половиною тысячъ рублей, собранной съ крестьянъ подати, раззорила его и довела въ послѣднее время до крайней нищеты.

Данила Иракліевичъ принималъ ихъ весьма любезно, не ожидая просьбы, предложилъ денегъ Матвѣю Степановичу Тарасову, къ которому онъ благоволилъ, помня его хлѣбъ соль и хорошее житье въ двухэтажномъ обшитомъ тесомъ домѣ, проданномъ, какъ весь скотъ и хозяйство, съ аукціона на пополненіе потерянной имъ суммы. Случай этотъ, разбившій благосостояніе Матвѣя Степановича, надомилъ и характеръ его. Въ былое время всегда веселый, немного даже безпечный, человѣкъ, но ведшій трезвую, степенную жизнь, онъ сдѣлался угрюмымъ, раздражительнымъ и въ послѣднее время сильно придерживался чарочки, хотя отъ него нельзя было отнять ни силы воли, ни ума и ума далеко недюжиннаго. Данила Иракліевичъ не зналъ одного обстоятельства изъ жизни его: Матвѣй Степановичъ былъ много обязанъ Бычкову, не матеріальной, но въ нравственной поддержкѣ. Когда сдѣлалась извѣстной потеря денегъ и наряжено было слѣдствіе, въ средѣ крестьянъ родилось сомнѣніе, перешедшее въ общій говоръ, что онъ скрылъ ихъ. Одинъ Бычковъ заступился за него, пристыдивъ односельчанъ его въ несправедливыхъ нападкахъ на человѣка и безъ того убитаго несчастіемъ и, благодаря его справедливому голосу при повальномъ обыскѣ, о поведеніи Тарасова слышались одни одобрительные отзывы объ немъ, вслѣдствіе чего и самое дѣло о потерѣ имъ денегъ прекратилось съ пополненіемъ суммы, безъ всякихъ другихъ послѣдствій.

Зная слабость Матвѣя Степановича, Данила Иракліевичъ угостил его водкой и за чаемъ, также нарочно приготовленнымъ для него, незамѣтно отклонился отъ разговора о домашности, къ интересовавшему его дѣлу предстоящаго выбора старшины. — Не тѣ ужъ нонѣ порядки, Матвѣй, какіе, говорю, допрежъ были! дружески жаловался онъ. — Нонѣ ужъ вслякъ наровить своимъ умомъ жить, неznать набольшихъ!

— На то и умъ данъ отъ Бога каждому, штобъ жить имъ! Чего-жъ скучать-то это, и худой умъ, да все свой, чѣмъ и добрый, да чужой!

— Отъ ума-то непорядки одни, непорядки, говорю! Есть вотъ тутъ учитель такой, выискался народъ мутить!

— Кто-жъ бы?

— Неужъ не слыхалъ про Бычкова?

— Егора-то Семеныча, штоль? спросилъ Матвѣй Степановичъ прищурившись, и пристально глядя на Данилу Иракліевича.

— Ну, ну Семеныча-то этого, што прежде все Егоркой кликали, а новѣ и въ Семенычи произвели!

— Знаю его, какъ не знать! А чему-жъ онъ учить-то? вкрадчиво спросилъ Матвѣй Степановичъ, съ какою-то двоедушною улыбкою въ лицѣ.

— Бо-ольшія науки-то его, рассказывать-то всѣ и языкъ свихнешь!

— Не слыхивалъ!.. Объ чемъ-же это онъ, любопытно-бъ?

— Насъ сократить хочеть— торгующихъ!..

— О-о!.. За што-жъ такъ взвѣлся?

— Міръ, говоритъ, зоримъ, ха-ха-а... Вишь на мірскія слезы палаты наживаемъ, а мужикъ робить на насъ, што на баръ!

— Гля-яди-жъ!.. И-и не слыхивалъ, а чемъ-же это онъ сократить-то хочеть?

— Старшиной, вѣдь, сядеть, такъ какъ-же иначе-то, у старшины власти много, ну и хочеть всѣ хлѣбные магазей пополнить, недоимку собрать, а скушникамъ, раззорителямъ-то, и ходу въ міръ не давать! И посредника-то говоритъ сокращу съ писаремъ, недокуда имъ народомъ-то помыкать, што не путной оцой, всякую правду установить, а-а-ахъ ха-ха-а!..

— И установить, отъ него станется! прервалъ его Матвѣй Степановичъ.

— Онъ-то?.. Да ты думаешь, такъ онъ и сядеть въ старшины-то, а? Нѣтъ, Матвѣй, дай Богъ здоровья Клемену Иванчу— истинно начальникъ!.. Не пустить онъ экаго блуда въ міръ... или меня говорить не будетъ, аль Бычкова со-о-отру! А старшиной-то мой Трофимъ будетъ!

— О-о!.. Ну это худо! внезапно измѣнившимся тономъ отвѣтилъ Матвѣй Степановичъ.

— Чего худо? съ изумленіемъ глядя на него, спросилъ онъ.

— Этакого-то человѣка, какъ Егоръ Семенычъ да стереть, продолжалъ Матвѣй Степановичъ укоризненно качая головой—

ху-удо, это худо, Данило Еравичъ, што нашелся человекъ по волости съ умомъ, да съ чистой совѣстью, такъ его и стереть, а? Э-эхъ, не мнѣ-бы слушать, а не тебѣ-бы говорить это! заключилъ онъ.

Давила Иракліевичъ съ минуту смотрѣлъ на него, среди наступившаго молчанія, съ глубокимъ недоумѣніемъ. Брючковъ, то-ропливо допивавшій чай, спѣшно накрылъ чашкой блюдо, положивъ оставшійся сахаръ на доннышко ея и, лукаво покракивая, смотрѣлъ на безмолвную, происходящую предъ нимъ, сцену.

— Чего-то я слушаю, да и не вѣрю, ушамъ-то своимъ, говорю, не вѣрю! произнесъ Данила Иракліевичъ, — никакъ и ты съ его голоса запѣлъ, а?..

— Неужто правду-то поютъ только съ чужого голоса, а?.. спросилъ его въ свою очередь Матвѣй Степаничъ.

— Пра-авда! да гдѣ она правда-то эта?.. Чѣмъ онъ человекъ-то, по твоимъ словамъ, съ умомъ да съ совѣстью — нут-во?..

— Э-эхъ, Данило Еравичъ!.. Этотъ человекъ, если сказать тебѣ, то всѣ-то мы, сколь и ни есть насъ, пяти его не стоимъ!

— А-а!.. Эвона ка-а-акъ!.. И я-бы это...

— А штожъ-бы ты такое, какая особица-то?..

— Никакъ ты, Матвѣй, погляжу я, опьянѣлъ, аль такъ ужъ съ ницеты-то забылся! изумленно расширивъ глаза, произнесъ Данила Иракліевичъ.

— Передъ кѣмъ-бы это мнѣ забыться-то, а? Што ты ницетой-то меня коришь? весь вспыхнувъ и дрожащимъ отъ волненія голосомъ, заговорилъ Матвѣй Степановичъ. — Божья воля была дать мнѣ — въ его волѣ и отнять! О-опьянѣлъ!.. Аль правду-то, думаешь, только пьяные говорятъ, а-а? И ты теперь грѣха не знаешь на эваго человека, какъ Бычковъ, поклепъ нести, а? Што онъ тебѣ сдѣлалъ худого? Учитъ онъ міръ добру, а не худу и слава тѣ Господи, што слушаютъ его. Мно-ого Богъ далъ ему и ума и совѣсти!

— А-а-ахъ, Матвѣй, Матвѣй, съ улыбкой сожалѣнія, качая головой, прервалъ его Данила Иракліевичъ, — связался я съ тобой, какъ съ путнымъ по душѣ... было...

— А я, видишь, и не путный, а-а, што не потрафляю твоимъ-

то словажъ! Есть у тебя кому потрафлять-то имъ и безъ меня, правды-то только тебѣ никто не скажетъ!

— А-а... такъ не ты-ль это меня учить-то пріѣхалъ? съ ироніей спросилъ онъ.

— По Божьи, слѣпому за всегда дорогу укажу!

— Это я слѣпой-то?

— Ты!

— Ну, нечего дѣлать, надоть экому зрячему человѣку, што на путь направляетъ, пониже поклониться, и, вставъ съ сундука, Давила Иракліевичъ съ глубокой насмѣшкой поклонился ему.— До-о-воленъ-ли, а? спросилъ онъ, садясь,—я все думалъ, въ простотѣ-то, што дальше всѣхъ гляжу, а на дѣлѣ-то и слѣпой оказался, а-а-ахъ хаха-а... И дуракъ-же ты, дуракъ! качая головой, началъ онъ,—да тебѣ-ли съ твоимъ умомъ учить-то меня, а-а?..

— Ты свою-то болѣзь, Еракичъ, на чужу голову не складывай! ужъ коли пошло на правду, такъ знай, што дуракъ-то не я, а ты-ы, да еще непочатый дуракъ? то...

— Да... да... да... ты што это, въ самомъ дѣлѣ, совсѣмъ ужъ забылся...

— Скажи ты на милость, што ты за человѣкъ за твоей, што съ тобой и не разговаривай, што ты за особь, што всѣхъ ругашъ, а тебя и не тронь... такой-же мужикъ, какъ и я, какъ и всѣ мы, што деньгами начиненъ, какъ постный пирогъ вашей, про-ости меня Господи! такъ вѣдь деньги-то ума не даютъ, а погляжу на тебя, такъ и послѣдній-то какой былъ отнимають! Ужъ больно ты не въ мѣру зазнался! Вбилъ тебѣ Трофимка твой въ голову, што ты умень, штобы крѣпче тебя дурачить, да обокрасть, а ума въ тебѣ и совсѣмъ нѣтъ... дурь одна... замѣсто его! Неужъ, кабы у тебя умъ-то былъ, такъ сталь-бы ты мѣнять такого человѣка, какъ Егоръ Семенычъ на своего Трофимку! Твой-то Трофимка все-свѣтныи мошенникъ, подхалимъ, только дурачить всѣхъ!.. Неужъ, ты думаешь, мы и не знаемъ, што ты посреднику коня свель, штобъ его въ старшины посадить, а?.. Штобъ легче вамъ всѣмъ народъ-то грабить...

— Я... я... и Давила Иракліевичъ побагровѣлъ и, захлебнувшись отъ душившего его волненія, закашлялся и, качая головой, схватывался отъ удущья за грудь.

— Што-о першить?.. По-о-годи, не такая ишо перхоть тебя отъ Трофимки-то возметъ! Наплюетъ онъ тебѣ въ карманъ-то! При-идеть пора-а-а вспо-омнишь, Еракычъ, и Матвѣя Тарасова, вспомнишь его слова! Богъ меня подъ старость нищетою убилъ, съ дрожью въ голосѣ говорилъ онъ, колота себя въ грудь,—да не отнялъ ни ума, ни совѣсти, а съ ними можно и нищимъ жить.

— Ефимъ!.. крикнулъ, наконецъ, Данила Иракліевичъ сквозь кашель, обращаясь къ Крючкову:—выгони его!

— Не пойду ишо!.. Я вотъ тѣ прежде образумлю отъ твоей-то дури, што ты затѣялъ съ посредникомъ-то своимъ! Неужъ будетъ путь, коли твой Трофимка въ старшины сядетъ! И безъ того мужику ни у кого пристанища нѣтъ, да ишо и старшину-то ему на шею садите, што за грошъ душу продаетъ, а?

— Поди изъ моего дома вонъ, и не знай его, иди... иди! оправившись, наконецъ, отъ кашля крикнулъ Данила Иракліевичъ, вскочивъ съ сундука. Лицо его было багрово, глаза слезились отъ недавняго напряженія и рука, захватывавшая полу халата, дрожала.—Иди... Иди! кричалъ онъ, намѣреваясь схватить за руку Матвѣя Степановича, но послѣдній всталъ, не ожидая этой любезности.

— У-уйду! произнесъ онъ, направляясь къ двери, вмѣстѣ съ Крючковымъ, на лошади котораго и пріѣхалъ въ Ш...ъ. — Погоди ишо, Данило, вспо-о-омнишь ты меня! говорилъ онъ, спускаясь съ крыльца. — Трофимъ-то тебѣ протретъ глаза, што и правду увидишь тогда и поумишь, а мнѣ плевать на тебя и съ твоими деньгами.

Но Данила Иракліевичъ уже не слушалъ его. Захлопнувъ дверь, онъ напустился на племянницу, прибиравшую со стола чайную посуду, за то, что всякую свинью поятъ чаемъ, забывъ, что въ домѣ все дѣлалось по его приказанію; за подобное расточительство не ему нажитаго добра онъ грозилъ ее выгнать вмѣстѣ съ мужемъ и дѣтьми вонъ изъ дома. И весь тотъ день бушевалъ Данила Иракліевичъ, находя поминутно предлоги ругать то безответнаго племянника, то работника Анфима, дужаго и угрюмаго челоуѣка, имѣвшаго странную привычку сморкаться въ рукава рубахи, то страдавшую одышкой и сидѣвшую неподвижно на полатяхъ супругу. И даже, чего никогда не случалось съ нимъ,

выгнать вонъ Трофима Кириловича, пришедшаго было къ нему за какимъ-то совѣтомъ.

Въ то время, какъ дѣйствующія лица описанныхъ сценъ отвлекали крестьянъ отъ лучшаго изъ нихъ и уважаемаго ими человека, избравъ своимъ орудіемъ деньги, противъ него давно шла агитація, направленная совершенно съ другой стороны. Послѣ свиданія волостного писаря съ Клементіемъ Ивановичемъ, по волости неожиданно разнеслись слухи, Богъ вѣсть, гдѣ взявшіе свое начало, волнующая и тревожа умы крестьянъ. Такъ говорили, что во время проѣзда черезъ К. уѣздъ одной весьма важной особы, Бычковъ подговаривалъ крестьянъ представить мирового посредника и чиновъ земской полиціи проѣзжавшей особѣ, какъ людей, угнетающихъ разными прижимками народъ и всѣмъ обществомъ на колѣнахъ просить у особы защиты отъ нихъ и наказанія ихъ за угнетенія... Говорили также, что когда въ ожиданіи проѣзда особы, по волости шла экстренная и дѣятельная поправка дороги, то Бычковъ уговаривалъ крестьянъ бросить работу, увѣряя ихъ, что поѣздка особы есть ложно выдуманнѣйшій слухъ посредникомъ и земскими властями, съ цѣлью, оторвавъ народъ, въ дорогое для него время полевыхъ работъ, собрать съ него крупную взятку за увольненіе отъ исправленія дороги, и многіе крестьяне потому только своевольно бросали поправку дороги и уѣзжали въ деревни, что слушали Бычкова. Когда-же слухъ о проѣздѣ особы подтвердился, то Бычковъ, въ оправданіе себя предъ народомъ, говорилъ, что дороги приказано править за деньги, для чего и отпущено изъ казны 30,000 руб., но деньги эти посредникъ и земскія власти скрыли, подѣливъ между собой, народъ-же заставляють править дороги бесплатно. И, благодаря подобнымъ завѣреніямъ его, крестьяне противились свозить лѣсъ, необходимый для мостовъ и перилъ къ нимъ, и для перилъ къ оврагамъ и спускамъ съ крутыхъ и обрывистыхъ горъ. Что тотъ-же Бычковъ, вмѣстѣ съ крестьяниномъ А—ъ, передъ проѣздомъ особы, разѣзжали по деревнямъ, уговаривая народъ къ подачѣ прошеній на посредника и А—ъ,

какъ грамотный, самъ сочинялъ ихъ отъ имени крестьянъ, выдумывая на послѣдняго различныя, небывалыя преступленія по должности.

Передавать все то, что говорилось въ это знаменательное время по У... волости, гдѣ дѣйствующимъ лицомъ вездѣ являлся Бычковъ, было-бы лишнимъ... Достаточно сказать, что всѣ слухи заканчивались зловѣщею угрозой, что Бычкова привлекутъ къ слѣдствію и посадятъ въ острогъ. Какъ дѣйствовали всѣ эти новости на крестьянъ, особенно съ придаткомъ въ заключеніе ихъ слѣдствія и острога, я также не считаю нужнымъ разъяснять. Люди, сколько-нибудь знакомые съ жизнью нашего народа и со всѣми формальностями стараго судопроизводства, поймутъ это и безъ постороннихъ разъясненій. Скажу только одно, что въ понятіи народа вкоренѣнно тяжелыми, вѣковыми испытаніями убѣжденіе, что всякое слѣдствіе равносильно само по себѣ полному разоренію и гибели человѣка, острогъ-же только достойный начала финаль.

Конечно, большинство крестьянъ, выслушавъ все это отъ какого-нибудь словоохотливаго, заѣзжаго мужичка, скептически покачивая головами, прибавляло: „да не подвохъ-ли ишо это подѣ Егора-то? Мужикъ-то онъ основательный, тоже, братъ, зря-то въ омутъ не кинется!“ и тѣмъ чаще мысль эта появлялась у нихъ, что по волости давно не составляло секрета, какъ Безсомнѣкинъ, Вешняковъ и другіе задаютъ деньги только тѣмъ изъ крестьянъ, которые обѣщаютъ держать сторону Трофима Кириловича. „Но, какъ знать, тутъ-же съ раздумьемъ и добавляли они: — чужая душа потемки! А что Бычковъ съ начальствомъ мужикъ загористый, не потаишь грѣха!“ Находились и такіе, болѣе любопытные люди, что, имѣя какое-нибудь дѣло въ волости между разговоромъ закидывали писарю вопросъ: „правду-ли все это въ народѣ про Бычкова-то говорятъ?“ и получали отъ него лаконическій отвѣтъ, отъ котораго ни одного любознателя кинуло въ дрожь, „при слѣдствіи-де все раскроется!“ „Ой-ой!“ тихо толковали крестьяне, выслушивая любознателей и чувствуя такое-же впечатлѣніе на себѣ, какое охватывало и ихъ отъ фразы писаря, — „творится чего-то не на шутку, братцы... Ой, таперя надоть языкъ-то покрѣпче за зубами держать да почаще оглядываться!“ Въ возможности-же подобнаго слѣдствія нельзя было со-

миѣваться, всему уѣзду было извѣстно, какъ въ одной изъ волостей болѣе мѣсяца жилъ особо присланный чиновникъ, производя изслѣдованіе по дѣлу въ родѣ такого-же.

Въ болѣе развитой средѣ всегда-бы родилась при этомъ мысль: „да кому-же все это говорилъ Бычковъ, кто видѣлъ, что онъ мутитъ крестьянъ противъ посредника? Какихъ деревень крестьяне, послушавъ единственно его, сѣзжали самовольно съ дорогъ, бросая поправку ихъ и т. д.“ Но это возможно было-бы тамъ, гдѣ существуетъ общественное миѣніе, гдѣ дорожать имъ, какъ лучшей гарантіей общезитія, гдѣ каждый человѣкъ находитъ въ немъ нравственную опору. А возможно-ли оно въ средѣ полутемнаго міра.

Долетали эти слухи и до Бурановой и не могли не доходить до Егора Семеновича. Несмотря ни на какую обстановку, различіе условій и положеній, человѣкъ всегда и вездѣ обладаетъ одинаковыми недостатками. Кто откажетъ себѣ въ удовольствіи не передать подъ формою доброжелательства своему ближнему всего, что говорятъ про него дурного. И, несмотря иногда на всю мѣру уваженія, питаемую къ человѣку, у кого не появляется какое-то злорадное желаніе: „а ну-ко-де, посмотрю я, какъ это передернетъ тебя?“ И тѣ-же самые люди, если не утаять, то передадутъ вамъ съ крайнею неохотою все хорошее, касающееся васъ, нерѣдко у самыхъ добродушныхъ и даже нравственно развитыхъ людей, является при этомъ что-то въ родѣ зависти. Такъ и среди односельчанъ Егора Семеновича находились подобныя доброжелатели, передававшіе ему нерѣдко съ добавленіями своего собственнаго измышленія все, говорившееся про него. Какъ и слѣдовало ожидать отъ человѣка съ твердымъ характеромъ, Егоръ Семеновичъ относился къ слухамъ про него болѣе, чѣмъ равнодушно. Онъ смѣялся, узнавши о гоненіи, воздвигнутомъ на него Данилой Иракліевичемъ съ компаньонами и угваривалъ болѣе бѣдныхъ крестьянъ воспользоваться благопріятнымъ случаемъ для поправленія стѣсненныхъ обстоятельствъ. „Теперь они и по двадцати копѣекъ на пудъ надбросятъ, такъ чего-жь зѣвать-то: съ паршивой овцы и шерсти клокъ—прибыль!“ И тѣмъ съ большимъ равнодушіемъ онъ относился къ просякамъ ихъ, что не только не добивался званія старшины, хорошо сознавая тяжелое положеніе, въ какое будетъ поставленъ и для него, какъ для че-

ловѣка небогатаго, всякая общественная служба должна была повлечь, если не полный, то значительный упадокъ хозяйства, но когда ему передавали общее желаніе волости имѣть его старшиной, то онъ говорилъ: „не пойду!“ и говорилъ это такъ-же искренно, какъ искренно желалъ добра каждому... Смѣялся Егоръ Семеновичъ надъ слухами и предостереженіями односельчанъ „почашше поглядывать около себя!“ до тѣхъ поръ, пока не сталъ замѣчать, что за нимъ дѣйствительно наблюдаютъ, слѣдятъ каждое его слово, каждый шагъ. Все чаще и чаще въ удаленную Буранову стали навѣдываться то волостные чины, то мужички, пользующіеся репутациею „пріятеля писаря“. И, мало того, вся родня его, всѣ его свояки и братья подвергались такимъ-же наблюденіямъ и даже притѣсненіямъ. Такъ родной братъ его, человѣкъ совершенно съ другимъ складомъ характера, скромный и безотвѣтный, выселившійся при жизни отца изъ Бурановой въ село Т—ъ, пріѣхалъ однажды къ нему, со слезами жалуясь на незаслуженныя гоненія. Писарь настаивалъ, чтобъ онъ разобралъ избушку, выстроенную будто бы на чужой землѣ и снесъ самый домъ, выдававшійся изъ линіи улицы. Избушка была поставлена уже нѣсколько лѣтъ и никто не изъявлялъ претензій на землю подъ ней, какъ и на то, чтобъ выдававшійся домъ его портилъ линію улицы или планъ села. Этого факта было достаточно, чтобъ переимѣнить свой взглядъ на дѣло, сначала казавшееся шуточнымъ. Егоръ Семеновичъ понималъ, что можно относиться равнодушно ко всему, касающемуся личныхъ интересовъ его, но не тогда, когда страдательными лицами являются люди ни въ чемъ неповинные. Онъ понялъ и то, что для него настала минута борьбы и борьбы не шуточной, въ которой каждая ставка этой темной игры должна повлечь за собой разореніе не одного его, но и другихъ лицъ, причастныхъ къ нему или узами родства или дружбы. И исчезла улыбка съ лица его, все сумрачнѣе и сумрачнѣе становился онъ при каждомъ долетавшемъ до него слухѣ, хотя какъ ни сильно было сознаніе своей собственной правоты въ его возмущенной душѣ. Многое онъ понималъ слишкомъ ясно, для простого развитого только опытомъ ума, но не понималъ одного, что подобное сознаніе весьма слабая гарантія въ борьбѣ человѣка, какъ-бы онъ ни былъ нравственно высокъ, какой-бы не обладалъ энергіей, противъ интриги,

на сторонѣ, которой были люди, болѣе сильныя, чѣмъ онъ. И кто-же онъ въ сравненіи съ ними? Простой и даже небогатый крестьянинъ, самая жизнь котораго всегда можетъ дать случай смять, уничтожить его безъ всякихъ усилій. И гдѣ-же искать защиты? У кого? Какое начальство возьметъ сторону крестьянина въ борьбѣ съ посредникомъ и съ своимъ-же братомъ, богатымъ мужикомъ?

На другой-же день, послѣ приѣзда брата, Егоръ Семеновичъ поѣхалъ вмѣстѣ съ нимъ въ село Т—ъ, гдѣ находилось волостное правленіе, считая нравственною обязанностію заступиться за него. Притѣсненія брата были открыты вызовъ, брошенный ему писаремъ. Онъ зналъ, что писарь есть источникъ всѣхъ слуховъ, распространяемыхъ про него и нерѣдко намѣкалъ крестьянамъ при разговорѣ: „что щепки-то отъ купленныхъ лѣсиновъ далеко летятъ!“ Догадывались и крестьяне на что намекалъ онъ. День былъ праздничный, когда, приѣхавши въ Т—ъ, онъ пошелъ въ волость къ писарю. Въ праздничные дни въ волостныхъ правленіяхъ всегда бываетъ болѣе дѣла и народа, особенно весной, лѣтомъ и осенью, когда будни посвящаются полевымъ работамъ. Въ праздничные дни сельскіе старосты сдѣлать деньги, собранные въ подать въ эти-же дни наѣзжаютъ вызываемые по разнымъ дѣламъ и справкамъ крестьяне и нерѣдко для экзекуцій, по рѣшеніямъ окружного суда по мало-значительнымъ дѣламъ, о покражѣ бадейки меду, двухъ, трехъ копеекъ сѣна и т. п., по дѣламъ, тянувшимся лѣтъ по шести, по семи, о которыхъ и преступники, всегда круглые бѣдняки, забыли давно. Въ праздничные дни въ волости тѣснятся и мѣстные крестьяне, заходя посмотрѣть, что дѣлается въ ней, послушать что говорить для нихъ волость и почерпаемые въ ней свѣденія замѣняютъ журналы и газеты.

Писарь и помощники его занимались подготовленіемъ вѣдомостей о количествѣ выданнаго въ ссуду хлѣба изъ сельскихъ запасныхъ магазиновъ для засѣва полей. Одни богатые крестьяне засѣваютъ поля своимъ зерномъ. Большинство-же беретъ для этого въ ссуду изъ магазиновъ и нерѣдко въ весеннее время ими разбирается весь хлѣбъ, пополняемый потомъ осенью изъ свѣжаго умолата и тѣми полупудками, каковой обязанъ вносить ежегодно каждый крестьянинъ, для составленія основнаго хлѣбнаго капи-

тала *). Появленіе Егора Семеновича въ волости, благодаря всеобщему говору про него, придало къ нему еще болѣе вниманія, чѣмъ прежде. Въ тѣснащейся кучкѣ крестьянъ все стихло и инстинктивно разступилось, очистивъ ему путь къ писарьскому столу и затѣмъ плотною стѣною окружило ихъ. Десятки глазъ впились въ высокую, сановитую фигуру его, одѣтую въ нанковый халатъ, опоясанный кумачнымъ кушакомъ, въ выразительное лицо полное самообладанія при взглядѣ на писаря, съ изумленіемъ поднявшаго при видѣ его голову. Моментъ былъ достойный наблюденія и стоявшіе въ заднихъ рядахъ крестьяне поднимались на носки, наваливались на плечи переднихъ и жадно глядѣли и слушали, хотя ничего еще не было слышно, въ воцарившейся кругомъ тишинѣ. Они подмѣтили только, какъ писарь незамѣтно отодвинулся подалѣе отъ стола и на худощавомъ, постоянно блѣдномъ лицѣ его выступилъ румянецъ. Это былъ человѣкъ лѣтъ двадцати трехъ, высокаго роста, съ флегматической походкой и жестами, вызываемыми скорѣе болѣзненностью, чѣмъ привычками, въ которыхъ-бы отражался сформировавшійся характеръ. Житіе Петра Семеновича, было очень завидное по своей комфортабельности и приволью. Въ непродолжительное время служенія онъ выстроилъ домъ изящной, игрушечной архитектуры, напоминавшей флигеля, примыкавшіе къ капитальнымъ постройкамъ въ усадьбахъ богатыхъ помѣщиковъ. Обстановка внутри дома также напоминала скорѣе помѣщицье житіе, чѣмъ житіе волостного писаря съ тремястами рублей содержанія. Съ крестьянами онъ велъ себя недоступно, удалявая пожатіемъ руки одного волостного старшину, съ чинами земской полиціи гордо и самонадѣянно, относясь къ нимъ скорѣе, какъ равный, чѣмъ подчиненный. Эта-же самонадѣянность и гордость проглядывала и въ отношеніяхъ его къ Шлепфельду и, повидимому, нисколько не

*) Въ средѣ алтайскихъ ивородцевъ, вносящихъ подать ясакѣмъ, не существуетъ этого благотворнаго учрежденія, хотя большинство ихъ давно ведетъ осѣдлую жизнь и занимается хотя и небольшимъ хлѣбопашествомъ, насколько позволяютъ имъ условія гористой мѣстности и большинство ихъ «алловъ» или «улусовъ» не уступаетъ въ обстройкѣ деревнямъ. Благодаря недостатку этого учрежденія, они постоянно входят во время голодовъ съ ходатайствомъ о ссудѣ ихъ хлѣбомъ изъ крестьянскихъ запасныхъ магазиновъ, что соединяется съ большою проволочкою времени и часто вызываетъ печальные случаи смертности, буквально, съ голода.

смущала послѣдняго, хотя въ другихъ случаяхъ онъ относился весьма чувствительно ко всему, что затрогивало его самолюбіе. Проѣзжали-ли когда по участку значительныя лица, Клементій Ивановичъ всегда приказывалъ приготовить квартиру и обѣдъ для лицъ у Петра Семеновича, причѣмъ и представлялъ его лицамъ, какъ достойнаго по своимъ качествамъ писаря. Достоинства эти и отражались во всѣхъ служебныхъ дѣйствіяхъ Петра Семеновича въ формѣ „превышенія власти“ и впоследствии разбили его карьеру.

Не скоро овладѣлъ собою Петръ Семеновичъ; съ лихорадочною торопливостью перебирая книги и вѣдомости, къ какой бессознательно прибѣгаютъ люди, замаскировывая непріятное впечатлѣніе, вызванное чѣмъ-нибудь посѣщеніемъ и желая собрать въ это время во что-нибудь опредѣленное парализованныя мысли. Торопливость эта еще болѣе возбуждалась у него инстинктивнымъ чувствомъ на себѣ спокойнаго и наблюдательнаго взгляда противника и обращенныхъ на него взглядовъ посторонними зрителями. Ему въ то-же время было и досадно, что онъ выдалъ себя этимъ непрошеннымъ смущеніемъ предъ человѣкомъ, котораго ненавидѣлъ, но хорошо сознавалъ, что не можетъ первенствовать надъ нимъ.

— Ты долго, Петръ Семеновичъ, будешь разбираться съ бумагами-то? съ характерной улыбкой спросилъ его Егоръ Семеновичъ, заткнувъ пальцы рукъ за кушакъ.

— Отчетъ обязанъ я тебѣ отдавать, што-ли, долго-ли чего буду дѣлать? дрожащимъ и задорливымъ съ досады голосомъ отвѣтилъ онъ, не глядя на него.

— Отчета мнѣ въ эвтомъ отъ тебя и не надоть, а я-бы въ другомъ кое-чемъ хотѣлъ поспросить его!

— Начальникъ ты мой, што-ль? спросилъ онъ, весь вспыхнувъ и гордо взглянувъ на него, — ты зачѣмъ сюда пришелъ-то, что тебѣ нужно?

— Чего мнѣ надоть не утаю, на то и спрашиваю: дѣламъ-то твоимъ не мѣшаю-ли, а то я и обожду, коли тебѣ къ спѣху, мнѣ-то время терпѣть!

— Если тебѣ што... нужно... дѣло какое, говори!

— Што мнѣ надо-то? Мнѣ много, Петръ Семеновичъ, надо! Я вотъ терпѣлъ, терпѣлъ, да и счета свестъ прѣхалъ, недоимка-то

на тебѣ ужь большая накопилась. Пора ее и съ косточекъ скинуть! неторопливо, но полнымъ аргументаціи голосомъ, отвѣтилъ онъ.

Петръ Семенычъ поблѣднѣлъ. Фигура говорившаго была такъ внушительна, что въ дополненіе къ слышанному въ умѣ его внезапно промелькнула мысль „медвѣжье пугало!“

— Наперво, скажи-во ты мнѣ, тихо продолжалъ онъ, не ожидая отвѣта,—изъ какихъ порядковъ ты моему брату велишь избушку-то снести и домъ-то сломать, а?

— Ты что-жъ это допрашивать пріѣхалъ меня? снова вспыхнувъ, дрожащимъ голосомъ спросилъ писарь.

— Ахъ ужь ты такой недотрога, што тебя и не спроси, а? Ты въ сердце-то не входи, Петръ Семенычъ, а разговаривай-то потише, да толкомъ! Я вѣдь не пужливый, штобъ предъ тобой-то сробѣть, а на сердце-то и у меня сердце найдется, да только ловко-ли оно будетъ тебѣ, коли я-то его показывать стану. Такъ ты, говорю, потише будь, ты вѣдь не начальство какое, а писарь! Нонѣ и начальство-то съ нашимъ братомъ разговариваетъ, такъ ужь тебѣ-то заѣдаться совсѣмъ не къ лицу! Я вотъ затѣмъ и пріѣхалъ, штобъ спросить тебя, а ты и отвѣтъ мнѣ тихимъ манеромъ, коли на этакой порядокъ есть законъ я и замолчу, а коли нѣтъ, такъ ты мнѣ резонъ укажи, а не сердчай!

— Это по приказанію посредника дѣлается! отвѣтилъ Петръ Семеновичъ, покраснѣвъ и потушившись.

— Гумагу онъ тѣ далъ на это какую, што-ли?

— Словесно!..

— Што-жъ это онъ такъ тебѣ-то и приказалъ это, а? Вѣдь, на то старшина есть властью-то править. Ну, старшины нѣтъ теперь, такъ кандидатъ по немъ до время править! А коли онъ тебѣ приказалъ, такъ тебѣ-бы, по моему, въ этокое дѣло, што тебя не касающе и не лѣзть-бы, а наказать-бы старшинѣ вѣдь его приказъ! А то вишь и старшина, и староста всѣ молчатъ, а ты одинъ грозить своей рукой размѣтать по бревнамъ! А посреднику-бы она чѣмъ помѣшала, коли никому другому не мѣшаетъ? Изба и домъ почестъ двадцать лѣтъ стоятъ на мѣстѣ, никому не мѣшали, а нонѣ посреднику, што за полтора ста верстъ отъ насъ въ городѣ живетъ помѣшали, и-и диво, ей Богу, диво!..

Въ толпѣ прокатился смѣхъ. Обвернувшись Егоръ Семеновичъ

съ ироніей посмотрѣлъ на нее, и смѣхъ усилился и превратился въ дружный хохотъ, кой-гдѣ и съ отрывочными фразами: „ва-а-ж-но... лло-овко парень!“ и т. д. Писарь тоже оглянулся и прищурившись, долго пристально смотрѣлъ на толпу, какъ-бы желая запомнить фисіономіи, мелькавшія въ ней. И точно появивъ его намѣреніе задніе внезапно спустились съ носковъ и скрылись за рядами переднихъ, передніе-же замолкли, неловко переминаясь.

— Такъ ужь ты, Петръ Семеновичъ, снова началъ, Егоръ Семеновичъ, — время-то не струни моего брата, мы и сами посредника-то спросимъ, въ чемъ ему помѣхой изба его, по какимъ порядкамъ ломать крестьянскія избы, да дома, што по двадцати лѣтъ на мѣстѣ стоятъ никому не мѣшаютъ! А теперя вторительнымъ дѣломъ скажи ты мнѣ, што тебѣ тоже посредникъ наказалъ, што-ли, якіе-то страхи про меня рассказывать, а? и онъ пристально взглянулъ на него.

Какъ ни оправился Петръ Семеновичъ, но вопросъ Егора Семеновича, касавшійся весьма щекотливаго дѣла кольнулъ его, и вызвалъ въ лицѣ багровыя пятна.

— Какіе страхи? съ плохо замаскированнымъ изумленіемъ спросилъ онъ.

— Ты лучше знаешь, такъ чего-жъ спрашиваешь какіе? Неужь ты думаешь, Петръ Семеновичъ, што мы ужь такіе дураки. што и, въ самомъ дѣлѣ, не знаемъ отколь какой вѣтеръ дуетъ, а? Ну-ко скажи ты мнѣ теперь, какое слѣдствіе надо мной-то будетъ, по какимъ такимъ причинамъ?..

— Я съ тобой, Бычковъ, не намѣренъ разговаривать, слышишь! отвѣтилъ писарь, все болѣе и болѣе краснѣя.

— Што-жъ такъ, аль ты только выдумывать, да рассказывать умѣешь, а отвѣтъ держать не твое дѣло?

— Скажи ты мнѣ, Бычковъ, что тебѣ нужно отъ меня, что ты привязываешься ко мнѣ? снова тѣмъ-же задорливымъ тономъ спросилъ Петръ Семеновичъ. — Про него тамъ говорятъ, а онъ ко мнѣ лѣзетъ, да ты съ чего это взалъ-то, что я выдумываю про тебя?

— Не сердчай, ой, не сердчай и сердце свое спрячь, превралъ его Егоръ Семеновичъ. — Знаю я тебя давно, ты свиснешь, а я ужь смеялю! Молодъ ты ишо въ эти-то игры играть, не обожгись, мотри! Ишь вотъ ты какой пакосникъ, не хуже кошки,

только заячьей-то трухи въ тебѣ не по норову много! Ты разсказывалъ и встрѣчному, и поперечному, што надо мной слѣдствіе будетъ, всякія угрозы на меня наводилъ, а до дѣла дошло и отъ своихъ словъ отпорся... Бе-езтыжіе твои глаза! И неужь ты думалъ напугать меня слѣдствіемъ-то, да каторгой. Видалъ ужь я, Петръ Семенычъ, слѣдствій-то, не напужаешь меня ими, къ чистому-то грязь не шибко льнетъ! Въ каторгу-то тоже, братъ, зря не отправятъ, много надоть дѣловъ-то надѣлать, штобъ до каторги-то, дойти, да не изъ тѣхъ я, што экія-то дѣла дѣлають! А вотъ ты ишо мо-о-олодъ, ты-бы допрежь, чѣмъ на другого экой-то ремешокъ надѣвать, по своимъ-бы плечамъ его примѣрилъ—не придется-ли ишо тебѣ въ пору! Што-жь ты молчишь, языкъ-то прикусилъ, а? Вотъ, братцы, обратившись къ стоявшимъ сзади ихъ крестьянамъ, произнесъ онъ,—людская-то совѣсть, а? Всѣ вы почестъ знаете, чего только про меня не говорятъ? И слѣдствіемъ-то всякимъ и каторгой-то угрожали, а дошло до дѣла... пришелъ прямо на лицо и первый выдумщикъ языкъ прикусилъ. Гдѣ-жь она, правда-то, опосля этого, а?..

— Бычковъ, объ одномъ прошу тебя уйди лучше отсюда! произнесъ, весь поблѣднѣвъ, Слатвинскій.

— И не любъ сталъ, какъ правду-то заговорилъ, а?..

— Въ твоей правдѣ не нуждаются, никто ее не спрашиваетъ отъ тебя, слышишь, а время придетъ—все докажется! произнесъ писарь съ многозначительнымъ удареніемъ на послѣднемъ словѣ.

— Што-жь, докажется-то?

— Говорю, такъ знаю что!

— Это ты правду связалъ, Петръ Семенычъ, што правда, то правда! Придетъ это время, што все докажется! Докажется, какъ ты и медъ силой собиралъ, и всякіе твои денежные поборы съ волости! Докажется, Петръ Семенычъ, какъ вы и воровъ, да убійць за деньги прикрываете! Ты погляди-ко, ни одного слѣдствія по воровству большому, да убійству не пройдетъ, штобъ вы его на-перво не слутали, да не прикрыли, а? Чишовки-то у васъ въ волости только отъ честнаго люду ломаются, одни воры, да мошенники безъ страха по свѣту гуляють! Къ вамъ въ волость-то безъ денегъ мужикъ и не заглядывай, хоть ходи не ходи, толку не добьется, только рубли вамъ ротъ-то отворяють, да руки шевелять! Ты посмотри-ко, сколько на міру-то однихъ фальши-

вухъ бумажекъ расплодилось, а отколь все идутъ—отъ волостныхъ, гдѣ-бы выводить экихъ мошенниковъ, а вы прикрываете, коли земскіе съ обыскомъ ѣдутъ къ экому плуту, а вы стороной даете знать ему: „припрядься-де, обыскивать ѣдутъ!“ А какой ни на есть бесталаннй мужикъ, по простотѣ, ничего не вѣдавши попадается съ ней, такъ ку-уда тѣ, сейчасъ оберете, а коли взять нечего, такъ въ полицію предоставите, купайся-де тамъ!

— Ребята, слышите, что онъ говоритъ—будьте свидѣтели! обратился писарь къ молчавшей толпѣ.

— Слышуть, какъ имъ не слышать, съ ироніей прервалъ его Егоръ Семеновичъ,—на то и говорю, штобъ все слышали, да въ свидѣтели шли!

— Ну, Бычковъ, отвѣтишь ты за все это!

— Отвѣчу! снова прервалъ онъ. — Я за тебя прататься не стану; чего я, Петръ Семенычъ, говорю, такъ знаю! Я вотъ на то и говорю, штобъ отвѣтить! Позаочъ человѣка не повиннаго я не стану марать, да выслѣживать черезъ всякую прихвощню, хоша и мужи-икъ я не грамотный, да у меня совѣсть есть. Я Бога помню. А коли знаю, чего сказать, такъ скажу въ глаза при всѣхъ, потому правду говорю! Ты зачѣмъ вотъ со старшиной-то Клестеринымъ лонскаго года деньги собиралъ съ мужиковъ, штобъ имъ ихній-же хлѣбъ на посѣвъ изъ магазеевъ выдать, а? Кто вамъ денегъ давалъ, такъ вы тому первому и выдавали, а кому нечего было дать, такъ того и волочили до самаго зникуди, иной испо такъ и увѣжалъ, обливаясь вмѣсто хлѣбнаго-то зерна слезами, а? Ну, што и это не правда, што-жъ ты не спрашивашъ мужиковъ-то, слышали-ли они, да не ставишь ихъ въ свидѣтели, а?

— Бычковъ...

— Я Бычковъ, ну, што-жъ?

— Чего ты хочешь, на что ты напрашиваешься?

— На правду!

— Кто ты такой, что такъ много-то берешь на себя. Куда ты пришелъ-то, опомнись...

— Въ волость! А што много беру, такъ и сдюжу! По росту да дородству человѣкъ и ношу на плечи беретъ, на міру-то говорятъ, а вотъ ужъ ты на себя забралъ, Петръ Семенычъ, такъ совсѣмъ не по фигурѣ!

— Я тебѣ одно говорю, Бычковъ, опомнись, гдѣ ты! сдержанно дрожащимъ голосомъ, но въ которомъ слышались слезы, прервалъ его Слатвинскій.

— Помню, въ волости!

— А знаешь-ли ты, что такое волость, какое-же ты имѣешь право говорить дерзости въ присутственномъ мѣстѣ, ты вотъ понимаешь-ли, что это стоитъ? и писарь указалъ на зеркало.

— А-а-а, во-онъ оно што-о! Ты вотъ меня и зеркаломъ угрозилъ, што при немъ и говорить ничего нельзя, такъ стало быть и худого-бы дѣлать при немъ ничего не надоть, а пошто-же ты взятки-то здѣсь при немъ берешь, а-а? Аль это ничего, такъ и въ законѣ прописано, што только за правую рѣчь при зеркалѣ отвѣчаютъ, а не за пакость, а? Только правды говорить не вѣлено, а дѣлай чего хочешь, а?

Въ толпѣ снова прокатился подавленный смѣхъ.

— Совсѣмъ ты малъ молоденецъ, Петръ Семенычъ, какъ погляжу я, иронически качая головой, продолжалъ онъ, — только вотъ пакосникъ-то не по лѣтамъ, рано ужъ ты больно за эвто-то ремесло взялся, не порѣжся! Ишь вотъ ты теперь и стоишь и хлопашь глазами, то рдѣшь, какъ кумачъ, то бѣлешь, што холстъ, и не знашь ты, куда кинуться. Чего-бъ тебѣ сказать, чѣмъ-бы угрозить, зажать-бы ротъ, штоба правды-то про тебя не говорили. Совѣсть это въ тебѣ стучить, Петръ Семенычъ... и пакосникъ хоша ты, а все человекъ, и въ тебѣ есть энтонъ молотокъ-то, только не за все ты ему ковать-то по своей душѣ даешь... А лучше-бы было, кабы ты почаппе слушалъ, чего онъ тебѣ наколочивать-то!.. Э-э-эхъ, поумнѣй-то, да почеснѣй-то человекъ не пригоденъ-бы, вишь, ты былъ на твоимъ-то мѣстѣ, вотъ и сажаютъ на наши-то головы такихъ, какъ ты! А лежалъ-бы ты, Петръ Семенычъ, на полатахъ, разводилъ-бы съ бабами горохъ; вотъ это-бы твое дѣло было самонастоящее, а то влѣзъ ты въ чужу кашу, да не знашь испо, какъ ее расхлебывать! Ты вотъ одумался-ли чего затѣялъ, аль одуматься-то некогда... съ чужого голоса пѣлъ свои-то рѣчи, а? Вѣдь теперь ужъ ты не утаишь, вся волость знаетъ, чего ты плелъ на меня-то: и посредника-то я хотѣлъ извести, и народъ-то смутилъ на дорогахъ, съ моего, вишь, голоса онъ съ работъ съѣзжалъ, а вы на тройцынь день со старшиной его за деньги распустили, такъ объ этомъ

вотъ ты мо-олчишь! Я-то и про тыщи народу наговаривалъ, да я вотъ, вишь, и съ А—ъ ѣздилъ, училъ міръ прошенья на посредника подавать. Да нішто самъ-то міръ не знаетъ, чего вы дѣлаете, своихъ-то глазъ, да ушей вѣтъ у него, а? А все ему чужая наука надоть! Молчить вѣдь онъ, Петръ Семенычъ, молчить, да вѣдь молчить-то до время! Придетъ пора и заговорить! Придетъ эта пора, сами вы заставите міръ-то заговорить своимъ голосомъ, только любн-ли вамъ будутъ тогда рѣчи-то его? А то я вотъ всему, вишь, всѣхъ учу, а?.. Да если-бъ и училъ, да коли вы по правдѣ... по закону-то живете и дѣлаете, такъ чего-жъ-бы вамъ чужихъ-то наукъ бояться, а? Вѣдь правда-то, што масло, въ водѣ ты его не утопишь—выплыветъ! Плель ты, Петръ Семенычъ, плель, страшшалъ ты, страшшалъ и слѣдствіемъ и каторгой, а слѣдствія все вѣтъ, да вѣтъ! Такъ что-жъ пужать-то меня, аль ужъ всѣ на одну стать съ одной колодки сбить! Э-эхъ, Петръ Семенычъ, Петръ ты Семенычъ, да вѣдь коли-бъ слѣдствіе-то было, такъ вѣдь ты-бы первой его испужался! Неужъ ты думаешь, если-бы пріѣхалъ къ намъ путный-то чиновникъ, аль начальство какое, што правду-то захотѣло-бы видѣть, да знать чего, въ самомъ дѣлѣ, въ мужичьемъ-то житьѣ-бытьѣ дѣлается, такъ народъ-то-бы тайтъ сталъ, а? Такъ ужъ ты и не пужай меня, и народъ-то занапрасно, за тѣмъ вотъ я и пріѣхалъ къ тебѣ, да и брата-то не шевель моего! А теперь прости, Христа ради, не серчай, што поговорили! Коль умнѣй ты будешь, Петръ Семенычъ, на уши намоташъ и языкъ прикусишь, ва предки хоша съ наукой будешь, а не поумнѣешь коли, такъ и другу дорогу найдешь на умъ-то направить!..

И, необративъ болѣе вниманія на Петра Семеновича и на окружающихъ, онъ вышелъ изъ волости, также среди почтительно раступившихся предъ нимъ крестьянъ.

Сильно было впечатлѣніе, произведенное на окружающихъ этой встрѣчей. „Ну и мужи-и-никъ, а-ахъ ты, братъ?“ „Экого не запужаешь!“ говорили крестьяне, выходя изъ волости, и, покачивая головами, повторяли, какъ-бы въ отвѣтъ на затаенныя мысли: „нѣ-ѣ-ѣтъ, не запужаешь!“ Много говору понеслось по селамъ и деревнямъ, вполне возстановившаго въ самыхъ легковѣрныхъ правоту Бычкова: „Кабы зналъ за собой грѣхъ, не заговорилъ-бы этакъ-то, не приструнилъ-бы такъ писаря-то!“ толковали они

тѣмъ болѣе, что все, что не сказалъ онъ, повторилось почти отъ слова до слова въ каждой избѣ, въ каждомъ селеніи и деревнѣ. Встрѣча эта произвела не менѣе сильное впечатлѣніе и на Петра Семеновича, онъ дня два не выходилъ изъ дома, избѣгая встрѣчи съ крестьянами, когда-же встрѣчался съ кѣмъ, то невольно краснѣлъ и вращалъ глазами по сторонамъ. Урокъ былъ силенъ для его самолюбія и гордости, и болѣе чувствителенъ еще отъ сознанія, что онъ растерялся и растерялся такъ мелочно и глупо. Сначала съ горяча онъ написалъ посреднику рапортъ и хотѣлъ составить актъ, скрѣпивъ его подписью вѣхъ бывшихъ въ волости крестьянъ „о безчинствахъ и возмутительныхъ противъ правительства рѣчахъ насильно ворвавшася въ волость Бычкова“. Но послѣ нѣкотораго раздумья отложилъ и рапортъ и въ чернѣ составленный актъ въ сторону и отправился въ городъ для личнаго свиданія и переговоровъ съ Клементіемъ Ивановичемъ.

Н. Наумовъ.

(Окончаніе будетъ.)

ПАРИЖСКОЕ БРЮХО.

III.

Спустя три дня, префектура утвердила Флорана исправляющимъ должность смотрителя рыбнаго ряда до выздоровленія настоящего смотрителя, который, несмотря на свою болѣзнь, тотчасъ вызвался познакомить Флорана съ той шумной, бурной средой, гдѣ онъ долженъ былъ поддерживать порядокъ и спокойствіе, такъ какъ смотритель соединяетъ въ себѣ полицейскаго комисара и мирового судью; съ одной стороны, онъ наблюдаетъ за чистотой и порядкомъ, а съ другой, миритъ споры между покупателями и продавцами.

Явившись впервые въ семь часовъ утра на арену своей будущей дѣятельности, Флоранъ совершенно потерялся; въ глазахъ у него помутилось и въ головѣ все стало вертѣться. Вокругъ аукціоннаго павильона морской рыбы толпились уже торговки, контрольные чиновники съ большими книгами стекались со всѣхъ сторонъ, а прикащики оптовыхъ торговцевъ, выславшихъ товаръ на рынокъ, сидѣли на опрокинутыхъ стульяхъ и, прислонясь къ аукціоннымъ конторкамъ, ждали съ своими большими, кожаными сумками черезъ плечо, сбора денегъ. Подъ крышей павильона и на окружающихъ тратуарахъ выгружали изъ постоянно прибывавшихъ телѣгъ груды ящиковъ, корзинъ, бочекъ и боченковъ. Пріемщики поспѣшно раскупоривали разнообразный товаръ и съ необыкновенной довкостью распредѣляли его для аукціона, укладывая мелкую рыбу въ большія круглыя корзины, а крупную на громадныя лотки. Тутъ роскошно растилялись всѣ сокровища, которыми щедро надѣляютъ міръ таинственныя вѣдра океана; тутъ

была сѣрватая, съ бѣлыми пятнами треска, громадныя, голубоватые угри, расплюснутые, розоватые скаты, — серебристая, словно металлическія лососки, головы съ грубой чешуей, большія, бѣлыя камбалы, золотистая макрель, опаловая корюшка, сѣрватые раки, черныя омары и проч. и проч. — вся эта пестрая, блестящая масса сверкала и искрилась подъ жгучими лучами солнца, переливая разнообразными цвѣтами радуги; а всюду вокругъ распространялся сырой, соленый запахъ моря. Нѣсколько въ сторонѣ находился аукціонный павильонъ рѣчной рыбы, съ двумя громадными, круглыми садками, раздѣленными чугунными рѣшетками на множество отдѣленій, въ которыхъ, подъ жѣрные звуки тонкой струи воды, падавшей изъ стоячихъ жѣдныхъ крановъ, плавали металлически-блестящіе рейнскіе карпы, большія, стального цвѣта шуки, темныя, великолѣпныя лини, бѣлоснѣжныя барвенны, вѣчно извивающіеся липкіе угри, вереницы форелей, окуней, пискарей и пр. Рядомъ виднѣлись корзины съ мелкими раками изъ Германіи, боченки съ бѣлой рыбой изъ Голландіи и Англии, лотки съ сонной рыбой, медленно издыхавшей среди общаго шума и гама. Здѣсь атмосфера была сырая, но прѣсная и всюду распространяла запахъ стоячей воды.

Пока старый смотритель показывалъ и объяснялъ Флорану всѣ подробности рыбнаго ряда, аукціонный торгъ начался въ обоихъ павильонахъ. Наибольшимъ оживленіемъ отличался аукціонъ морской рыбы; тамъ было болѣе покупателей, преимущественно торговцевъ толстыхъ, откормленныхъ, въ большихъ бѣлыхъ передникахъ и груды товаровъ казались громаднѣе, богаче, и, наконецъ, аукціонистъ поражалъ своимъ громовымъ голосомъ, покрывавшимъ гулъ толпы, а также необыкновеннымъ искусствомъ и быстротой своихъ выкриковъ. Въ павильонѣ рѣчной рыбы дѣло шло гораздо тише; покупателей было менѣе, аукціонистъ говорилъ медленно, вяло; очевидно, старый смотритель былъ правъ, говоря, что эта отрасль торговли клонилась къ упадку. Между тѣмъ на рыноѣ толпа, шумъ, гамъ все увеличивались. Торговки, закупивъ рыбу, выставляли ее на своихъ мраморныхъ ларяхъ, вдоль которыхъ быстро струилась вода, шумно выходя изъ большихъ крановъ и образуя на землѣ тысячи мелкихъ ручейковъ. Покупатели приходили, уходили, тѣснились, торговали все, что попадало имъ подъ руку; вездѣ была давка, суетня, вездѣ слышались говоръ, крики,

брань. Весь этот хаосъ былъ невыносимъ для Флорана и ошеломленный, подавленный, едва переводя дыханіе, онъ поспѣшно удалился, увѣряя своего любезнаго учителя, что онъ все сразу понялъ.

Это первое утро, проведенное въ рыбномъ ряду, произвело на него самое непріятное впечатлѣніе; сомнѣнія снова возникли въ его умѣ. Онъ сталъ сожалѣть, что поддался совѣтамъ Лизы. На другой-же день, послѣ того памятнаго вечера, когда онъ согласился принять казенное мѣсто подѣ одуряющимъ вліяніемъ жирной, снотворной атмосферы кухни, Флоранъ жестоко упрекалъ себя за слабость, но не смѣлъ взять своего слова назадъ. Онъ боялся Лизы и инстинктивно чувствовалъ, что нельзя перечить этой толстой, самодовольной женщинѣ. Онъ рѣшительно не зналъ, что ему дѣлать; но, по счастью, Гаваръ вывелъ его изъ затрудненія, подавъ ему мысль, которая тотчасъ его помирила съ новымъ положеніемъ. По словамъ Гавара, старый смотритель, лишаясь мѣста, терялъ почти всѣ средства къ жизни, а кромѣ расходовъ по леченію, онъ долженъ былъ содержать старуху жену, почему похвально было бы со стороны Флорана отказаться въ его пользу отъ части своего содержанія, такъ какъ онъ самъ, живя у брата, ни въ чемъ не нуждался. Флоранъ съ радостью на это согласился и послѣ совѣщанія съ женою смотрителя было рѣшено, что изъ мѣсячнаго жалованья въ 150 франкъ., онъ будетъ отдавать больному 50 франкъ. Теперь мѣсто смотрителя стало ему улыбаться и онъ охотно принялся за дѣло; онъ ориентировался въ своей роли, и, какъ всегда, работалъ для другихъ. Только, чтобы вполне вкусить сладость самопожертвованія, онъ просилъ Гавара, никому объ этомъ не рассказывать и славоохотливый старикъ исполнилъ его желаніе, хотя скорѣе изъ боязни передъ Лизой, чѣмъ изъ вѣрности своему слову.

Такимъ образомъ, въ колбасной Кеню Градель водворилось полное, безмятежное счастье. Красавица Лиза была чрезвычайно любезна съ своимъ зятемъ; она по утрамъ готовила ему горячій завтракъ, по вечерамъ посылала его рано спать, чтобы хорошенько отдохнуть отъ дневныхъ трудовъ, на улицѣ съ удовольствіемъ съ нимъ разговаривала. Кеню, радуясь этой дружбѣ жены и брата, еще съ большимъ аппетитомъ ѣлъ за обѣдомъ, который продолжался иногда до девяти часовъ, среди разсказовъ Флорана объ утреннихъ аукціонныхъ торгахъ и болтовни Лизы, знавшей

всѣ мѣстныя сплетни. Флоранъ мало-по-малу начиналъ вкушать блаженство безмятежной спячки. Это была минута общаго счастья, взаимнаго уваженія и полнаго согласія.

Но если Флоранъ пользовался въ первыя недѣли его службы мирнымъ спокойствіемъ среди домашняго кружка, то его внѣшняя жизнь была одной непрерывной борьбой. Всѣ торговки рыбнаго ряда возстали противъ него и къ нимъ присоединились ихъ знакомыя и пріятельницы, такъ что новому смотрителю пришлось ежедневно переносить всевозможныя преслѣдованія. Главные подстрекатели этой вражды противъ Флорана была семья Меноденовъ, пользовавшаяся большимъ вліяніемъ на рынкѣ и состоявшая изъ двухъ красавицъ сестеръ и старухи матери. Старшая изъ нихъ Луиза, прозванная красавицей Нормандкой, — такъ какъ онѣ были родомъ изъ Руана — была дѣйствительно великолѣпная женщина и раздѣляла съ красавицей Лизой, женою Кеню, пальму красоты на рынкѣ. Она была также хороша собою, также бѣла и почти также полна, какъ Лиза, но ея красота была смѣлѣе, ея взглядъ соблазнительнѣе, ея грудь колыхалась съ большей жизнью. Онѣ жили другъ противъ друга и естественно между ними развилось соперничество; красавица Лиза старалась, какъ можно болѣе, стянуть свою талію, а красавица-Нормандка постоянно щеголяла новыми и новыми золотыми вещами и какъ можно чаще перемѣняла роскошныя банты на шеѣ, что дѣлало ее одной изъ царицъ рынка. Долго соперничество двухъ красавицъ скрывалось подъ личиной дружбы и самой любезной предупредительности; но въ одинъ прекрасный день, вскорѣ послѣ пріѣзда Флорана, разразилась давно уже подготовлявшаяся буря. Красавица-Нормандка неосторожно упрекнула красавицу Лизу въ недоброкачественности отпущенной ей колбасы; а та отвѣчала: что Нормандка продала ей недавно гнилую рыбу. Этого было довольно; ихъ долговременная дружба разлетѣлась въ прахъ, и съ этой минуты онѣ стали самыми ярыми врагами. Отыскивая средства отомстить Лизѣ, красавица-Нормандка пришла къ тому убѣжденію, что ее можно-бы всего лучше поразить въ лицѣ таинственнаго двоюроднаго брата, который неожиданно явился Богъ въсть отеуда. Избравъ, такимъ образомъ, Флорана жертвой своей мести, она стала повсюду распускать слухъ, что онъ нисколько не родственникъ Лизы, а ея любовникъ и кромя того всячески стара-

лась возбудить противъ него торговокъ, которымъ вообще не нравилась его мрачная фигура и сухое обращеніе. Кромѣ желанія отомстить Лизѣ за оскорбленіе, Нормандку противъ нея побуждала еще зависть къ примѣрному поведенію Лизы, въ супружескую вѣрность которой вѣровалъ весь рынокъ. Что-же касается Луизы Менодень, то ей далеко было до такой репутаціи непорочной женщины. Будучи невѣста смотрителя хлѣбнаго ряда, она лишилась до свадьбы своего жениха, случайно убитаго при паденіи съ телѣги и, несмотря на то, черезъ семь мѣсяцевъ родила толстаго, здороваго ребенка. Это несчастное обстоятельство было извѣстно всѣмъ и близкіе знакомые Менодень называли красавицу-Нормандку вдовой.

Мать Луизы шестидесяти-пяти-лѣтняя старуха, громадныхъ размѣровъ, едва двигавшаяся отъ жира, представляла прекрасно сохранившійся типъ парижскихъ рыбныхъ торговокъ, нѣкогда игравшихъ роль въ исторіи. Не желая измѣнять старинной модѣ, она по-прежнему ходила въ пестромъ съ разводами платьѣ, въ желтомъ платкѣ, въ классическомъ бѣломъ чепцѣ, по-прежнему давала полную волю языку и рукамъ, и считалась грозой всего рынка. Она собственно не занималась никакой торговлей, ибо старшей дочери Луизѣ уступила свой ларь въ ряду морской рыбы, а меньшей Кларѣ—мѣсто въ ряду рѣчной рыбы. Но, несмотря на это, она постоянно переходила отъ одной дочери къ другой, и вмѣшивалась въ ихъ торговлю, причиняя большое безпокойство своими грубыми и дерзкими выходками. Не имѣя никакой причини прямой или косвенной возставать противъ Флорана, старуха Менодень однако приняла энергичное участіе въ борьбѣ, которую вела красавица-Нормандка противъ этой сухой палки, какъ презрительно его называла откормленная, заплывшая жиромъ старуха.

Вторая дочь ея Клара была чрезвычайно страннымъ, фантастичнымъ существомъ, очень мягкимъ и нѣжнымъ, но въ то-же время она отличалась упорствомъ и духомъ самостоятельности, такъ что она жила постоянно одна, какъ-бы оссбнякомъ, ссорилась со всѣми, сегодня удивляла своей прямою, а завтра поражала несправедливостью. Она была такъ склонна къ оригинальнымъ выходкамъ, что часто перевертывала весь рынокъ вверхъ дномъ неожиданнымъ повышеніемъ или пониженіемъ цѣнъ безъ всякой причины. Двадцати двухъ лѣтъ, маленькаго роста, бѣлокурая Клара, походила среди своихъ угрей и карповъ, по словамъ живописца

Клода, на мадонну Мурильо. Она не была кокеткой, ходила съ распущенными волосами, въ толстыхъ башмакахъ и въ дурно сшитыхъ платьяхъ, которыя висѣли на ней, какъ на вѣшалкѣ; поэтому она съ презрѣніемъ говорила о бантикахъ своей сестры, съ которой она постоянно ссорилась. Само собою разумѣется, что, видя неприязнь сестры къ новому смотрителю, она приняла его сторону и была единственной женщиной на всемъ рынкѣ, которая привѣтливо ему улыбалась и любезно съ нимъ разговаривала. Но это сочувствіе Клары было небольшимъ утѣшеніемъ для Флорана, ибо каждый разъ, какъ онъ останавливался передъ ея ларемъ, со всѣхъ сторонъ раздавались ядовитыя замѣчанія и грязныя шутки. Что-же касается самой Клары, то она только презрительно пожимала плечами, говоря, что ея мать старая вѣдьма, а сестра просто дрань, но Флоранъ выходилъ изъ себя отъ несправедливости къ нему всего рынка.

Дѣйствительно, побуждаемая словами и примѣромъ красавицы-Нормандки, всѣ торговки принялись преслѣдовать новаго смотрителя, особенно послѣ того, какъ Флоранъ, выведенный изъ терпѣнія насмѣшками, дерзкимъ хохотомъ и различными выходками Луизы, наконецъ, вступилъ съ нею въ открытую борьбу. Однажды утромъ онъ замѣтилъ на ея ларѣ, среди прекрасной живой рыбы, гнилую, вонючую камбалу, нарочно положенную на самое видное мѣсто.

— Надо выбросить эту камбалу, сказалъ Флоранъ тихимъ, спокойнымъ тономъ.

Красавица-Нормандка отвѣчала презрительнымъ хохотомъ и дерзко смотрѣла на него съ высоты своего величія, такъ какъ за минуту передъ тѣмъ она взобралась на большой ящикъ, чтобъ предохранить ноги отъ сырости. Въ этой позѣ она казалась великаншей и никогда ея красота не бросалась такъ рѣзко въ глаза.

— Что-жь, вы слышали? выбросьте рыбу, повторилъ Флоранъ.

— А зачѣмъ ей бросать рыбу! дерзко воскликнула старуха Меноденъ, подымаясь со стула позади ларя, — она куплена не на ваши деньги.

Флоранъ понялъ, что его хотятъ вывести изъ терпѣнія и заставить сдѣлать какую-нибудь глупость. Всѣ сосѣднія торговки изподтишка подсмѣивались надъ нимъ и онъ чувствовалъ, что

одного слова было достаточно для возбужденія грозы. Оль сдержала свой гнѣвъ, молча взяла гнилую рыбу и бросила ее въ грязное ведро. Старуха Менодень дерзко сжала кулаки, красавица Нормандка ядовито усмѣхнулась, а всѣ сосѣдки стали громко шикать, но Флоранъ, словно ничего не замѣчая, медленно удалился.

Съ этой минуты открылась рѣшительная война. Каждый день возбѣшенные женщины придумывали новыя средства оскорбить и унижить зрителя. Онъ ходилъ теперь по рынку, какъ по неприятельской странѣ, на каждомъ шагу онъ долженъ былъ остерегаться засадъ и неожиданныхъ нападеній. Тутъ передъ самымъ его носомъ выливали воду, тамъ выбрасывали ему подъ ноги всякую нечистоту, съ одной стороны его толкали въ затылокъ корзиной, съ другой встрѣчали насмѣшками; даже однажды, разбѣгая ссору между двумя торговками, онъ долженъ былъ вынести цѣлый дождь маленькой рыбы, летѣвшей на него съ обѣихъ сторонъ при всеобщемъ хохотѣ. Его прежняя учительская дѣятельность научила его ангельскому терпѣнью, и онъ умѣлъ прикрывать свое негодованіе личиною гордой холодности; но никогда уличные мальчишки не доходили до такой жестокости, какъ эти безстыжія торговки, хохотавшія не только жирнымъ, отвисшимъ горломъ, но и откормленнымъ брюхомъ, когда бѣдный зритель попадалъ въ разставленную ему западню. Всякій на его мѣстѣ, привычій къ подобной средѣ, легко-бы раздѣлся съ этой ватагой грубыхъ, издававшихъ прохода женщинъ, но Флоранъ, всегда застѣчивый передъ прекраснымъ поломъ, совершенно терялся среди этихъ чудовищныхъ, толстыхъ, дикихъ торговокъ.

Борьба эта росла съ каждымъ днемъ и принимала такіе размѣры, что Флоранъ не разъ думалъ отказаться отъ мѣста, но его удерживала мысль, что Лиза сочтетъ его трусомъ. Его беспокоила мысль: что она скажетъ, что она подумаетъ. Конечно, она ежедневно знала подробности великой войны между рыбными торговками и ихъ зрителемъ, которая возбуждала интересъ на всея рынкѣ и служила предметомъ всеобщихъ разговоровъ.

— Всѣ эти женщины не стоятъ ни гроша, говаривала она часто Флорану за обѣдомъ: — все это дрянь, сволочь! а хуже всѣхъ Нормандка! Будь я на вашемъ мѣстѣ, я-бы имъ задала. Я просто прогнала-бы съ рынка эту Нормандку. Вы совершенно

не правы съ вашими гуманными идеями. Все это вздоръ. Сила— вотъ передъ чѣмъ преклоняются люди. Покажите строгій примѣръ и вы увидите, что все пойдетъ, какъ по маслу.

Долго Флоранъ не слушался этихъ соотѣтовъ, но, наконецъ, сами обстоятельства сложились такъ, что строгія мѣры явились необходимою. Однажды утромъ кухарка сосѣдней булочницы, простая, безхарактерная женщина, недавно прибывшая изъ провинціи, купила у красавицы Нормандки большую камбалу за десять франковъ, причѣмъ ловкая торговка подсунула ей рыбу, изъ брюха которой былъ вырванъ большой кусокъ до самой кости. Бѣдная женщина, довѣряя на слово и не осмотрѣвъ хорошенько купленный ею товаръ, заплатила деньги и ушла, сопровождаемая восклицаніями красивой торговки:

— Вы увидите, какая прекрасная рыба! Вы мнѣ скажете спасибо!

Черезъ четверть часа кухарка прибѣжала съ красными отъ слезъ глазами и гнѣвно бросила камбалу на мраморный столъ.

— Госпожа не беретъ этой дряни! воскликнула она. — Она не можетъ подать ее гостямъ. Она назвала меня дурой, которая дозволяетъ всѣмъ себя надувать. Вы видите, какого въ ней недостаетъ большого куса; а я вамъ повѣрила и не осмотрѣла ее... возвратите мнѣ деньги!

— Покупая товаръ, надо его смотрѣть, отвѣчала спокойно красавица-Нормандка.

— Проваливай! прибавила старуха Меноденъ, вставая съ своего мѣста, — купленную рыбу не берутъ назадъ. Къ тому-же, кто знаетъ, что вы съ ней сдѣлали...

— Я! я! произнесла кухарка, всхлипывая, — вы просто воровки. Моя хозяйка права.

Тогда обѣ торговки, мать и дочь, ѣеистово напустились на несчастную женщину, грозя ей кулаками и осыпая бранью.

— Ишь какая! Да твоя-то барыня глѣбе этой рыбы!

— Захотѣла хорошую рыбу за десять франковъ! Не взыщи, любезная, такихъ для тебя не держимъ!

— А что стоятъ твои серьги? Видно, онѣ тебѣ достаются даромъ!

— Еще-бы! Уличная сволочь!

Среди этихъ восклицаній, градомъ сыпавшихся на бѣдную жен-

щину, явился Флоранъ, за которымъ поспѣшно сбѣгалъ рыночный сторожъ. Весь павильонъ рѣшительно возмущился. Всѣ сосѣдки сбѣжались съ различныхъ сторонъ и поощряли криками, насмѣшками и топаньемъ разъяренныхъ торговцевъ, словно дикихъ звѣрей, которыхъ травятъ на несчастную жертву. Бѣдная кухарка была совершенно уничтожена этимъ наплывомъ дерзостей и угрозъ.

— Возвратите десять франковъ этой женщинѣ, сказалъ Флоранъ, разобравъ дѣло.

— А ты, мальчишка, чего вмѣшиваешься? воскликнула старука Меноденъ, — я тебѣ покажу... Вотъ какъ я возвращаю деньги.

И съ этими словами она изо всей силы пустила рыбой въ лицо кухарки. Кровь хлынула у нея изъ носа, а рыба расплющилась и упала на землю, какъ мокрая тряпка. Эта выходка вывела изъ себя Флорана и даже красавица-Нормандка испугалась, увидя, какъ онъ поблѣднѣлъ отъ злости.

— Я вамъ запрещаю торговать впродолженіи недѣли! воскликнулъ онъ гнѣвно: — и если это повторится, то на-всегда удалю съ рынка.

Со всѣхъ сторонъ послышались шиванье и свистъ, но Флоранъ быстро оглянулся и такъ грозно взглянулъ на окружавшихъ его торговцевъ, что онѣ тотчасъ присмирѣли. Менодены молча отдали десять франковъ и, по требованію Флорана, должны были прекратить торговлю. Старука задыхалась отъ злобы, а красавица дочь блѣдная, безмолвная, съ отчаянья кусала себѣ губы. Какъ, ее, красавицу-Нормандку, прогнали съ рынка! Но дѣлать было нечего, надо было повиноваться. Въ эту минуту раздался спокойный, звонкій голосъ Клары, громко заявившей, что смотритель поступилъ прекрасно, вслѣдствіе чего вечеромъ дома обѣ сестры едва не вцѣпились другъ другу въ волосы. Черезъ недѣлю Менодены возвратились на рынокъ и заняли свое прежнее мѣсто, но онѣ были тихи, смиренны, затаивъ гадкое чувство въ глубинѣ своего сердца. Къ тому-же, онѣ нашли весь рыбный павильонъ совершенно измѣнившимся; вездѣ царствовали порядокъ и спокойствіе. Всѣ торговки помирились съ своимъ новымъ смотрителемъ и даже находили, что онъ гораздо лучше стараго.

Но съ этого дня красавица-Нормандка поклялась жестоко отомстить за свое униженіе. Она чувствовала, что ударъ былъ ей нанесенъ ея соперницей Лизой, которая при встрѣчѣ смотрѣла те-

перъ на нее съ гордымъ, презрительнымъ торжествомъ. За это она должна была дорого заплатить, но долго красавица-Нормандка не могла придумать достойнаго способа мести. Она громко рассказывала рыночнымъ кумушкамъ самыя невозможныя сказки о развратныхъ похожденияхъ Лизы съ Флораномъ, но этого было ей мало; она желала ее поразить въ самое сердце. Наконецъ, обстоятельства, совершенно независящія отъ нея, натолкнули ее на мысль, давшую возможность вполнѣ удовлетворить ея ненависть и доставить ей блестящее торжество надъ ея гордой соперницей.

Мы уже говорили, что у красавицы-Нормандки былъ сынъ; онъ взросъ на рынкѣ, среди грубыхъ рыбныхъ торговкохъ и теперь семилѣтній мальчикъ представлялъ странную смѣсь ангельской красоты и развратной грубости. Его кудрявая головка и голубые глазки напоминали херувима, а грубыми манерами и грязными ругательствами, лившимися неизсякаемымъ потокомъ изъ его невинныхъ устъ, онъ могъ затѣнуть за поясъ любого возницу или жандарма. Торговки катались со смѣху отъ его уморительныхъ выходокъ и всячески его баловали. Поэтому онъ цѣлыя дни проводилъ на рынкѣ, бѣгая съ мѣста на мѣсто и всюду суя свой носъ. Съ наступленіемъ холодовъ, любимымъ его убѣжищемъ была контора смотрителя, въ каминѣ которой постоянно пылалъ привѣтливый огонекъ. Флоранъ чрезвычайно любилъ дѣтей и мало-по-малу заинтересовался этимъ страннымъ существомъ. Онъ позволялъ ему сидѣть цѣлыми часами передъ огнемъ, грѣть свои окостенѣвшія ноги, жарить на угольяхъ картофель и рыбу, которую мальчуганъ похищалъ у своей тетки Клары. Онъ даже вознамѣрился сдѣлать изъ этого сорванца человѣка и принялся съ любовью за его воспитаніе. Ребенокъ оказался очень способнымъ; въ два мѣсяца онъ научился читать и писать. Флоранъ-же такъ пристрастился къ нему, что по-временамъ ему казалось, что возвратилось старое, счастливое время, когда онъ нянчился съ своимъ маленькимъ братомъ Кеню.

Красавица-Нормандка не могла не знать о добротѣ Флорана къ ея ребенку. Сначала она сердилась и не пускала мальчугана къ своему злѣйшему врагу; но онъ такъ горько плакалъ, когда его не выпускали изъ дома, и съ такимъ восторгомъ рассказывалъ о попеченіяхъ его друга Флорана, что мало-по-малу Нормандка стала волей не волей примиряться съ нимъ. Она есте-

ственно чувствовала къ нему благодарность, особенно, когда услыхала однажды, какъ бѣгло читаетъ ея ребенокъ; Флоранъ ей казался уже не такимъ дурнымъ человѣкомъ, какимъ она его себѣ представляла, она питала уваженіе къ его званіямъ и ее подстрекало любопытство узнать его лично, такъ какъ благодаря вѣчнымъ рассказамъ ребенка, она была знакома со всѣми его обычаями и привычками. При этихъ-то обстоятельствахъ ее вдругъ осянула мысль, что лучшей мстью за причиненныя ей униженія было отбить у толстой Лизы ея любовника. Однажды остановившись на этомъ планѣ, красавица-Нормандка начала дѣйствовать энергично. Она прямо отправилась къ Флорану во время урока сына и, рассыпавшись въ благодарности, предложила ему давать уроки ребенку по вечерамъ у нея дома за известное вознагражденіе. Флоранъ, смущенный этимъ неожиданнымъ посѣщеніемъ, не зная, что отвѣчать на ея любезности, обѣщалъ продолжать уроки ребенку на дому, но рѣшительно отказался отъ денегъ. Такимъ образомъ, между ними былъ заключенъ миръ, и красавица-Нормандка взяла смиреннаго зрителя подъ свое покровительство. Одна мысль о будущемъ торжествѣ надъ гордой соперницей, наполняла ея сердце радостью; она стала еще болѣе кокетничать и наряжаться, а при встрѣчѣ съ красавицей Лизой, не только отвѣчала на ея презрительный взглядъ еще большимъ презрѣніемъ, но громко смѣялась ей въ лицо.

Такимъ образомъ, Флоранъ прожилъ около восьми мѣсяцевъ на центральномъ рынкѣ, и во все это время онъ чувствовалъ себя, какъ-бы въ безсознательной спячкѣ. Послѣ семи лѣтъ страданій и лишеній, онъ велъ жизнь такую правильную и спокойную, что едва признавалъ это прозябаніе за жизнь. Онъ вполне отдавался увлекавшему его теченію и каждое утро съ удивленіемъ видѣлъ себя на томъ-же мѣстѣ, въ той-же маленькой конторѣ зрителя. Но мало-по-малу, какое-то смутное безпокойство стало имъ овладѣвать; онъ былъ не доволенъ собою, упрекалъ себя въ какихъ-то неопредѣленныхъ проступкахъ, приходилъ въ отчаяніе отъ пустоты все болѣе и болѣе распространявшейся въ его головѣ и сердцѣ. Потомъ сырыя испаренія и запахъ гнилой рыбы душили его повреженамъ до тошноты. Вообще, онъ чувствовалъ, что въ немъ медленно происходитъ какое-то органическое разстройство, неопредѣленная, чудовищная скука возбуждала въ немъ сильное напряженіе нервовъ.

Дѣйствительно, жизнь его была самая скучная, однообразная. Съ утра до вечера онъ находился въ одной одурѣвающей средѣ, окруженный шумомъ, гамомъ, зловоніемъ. По утрамъ громкіе выклики аукціонистовъ оглушали его, словно колокольнымъ звономъ; и часто въ виду наплыва товаровъ аукціоны продолжались очень долго, такъ что онъ оставался въ павильонѣ до полудня. Каждую минуту ему приходилось разбирать споры и дразги, которые онъ старался разрѣшать, какъ можно справедливѣе, но на это требовалось много времени и иная глупая исторія отнимала у него нѣсколько часовъ. До полудня онъ ходилъ медленно взадъ и впередъ въ толпѣ торговцевъ и покупателей, останавливаясь на каждомъ шагѣ и наблюдая вездѣ за порядкомъ. Потомъ шумный хаосъ на рынкѣ стихалъ и громадные павильоны погружались въ сонную дремоту. Флоранъ удалялся въ контору, вносилъ въ книги замѣтки изъ своихъ памятныхъ листковъ и предавался своимъ безконечнымъ мечтамъ. Если ему случалось пройти днемъ мимо рыбнаго ряда, то его поражало пустынное безмолвіе этой столь многолюдной и шумной мѣстности по утрамъ. Торговки, сидя за своими пустыми ларями, вязали чулки, и только тамъ и сямъ видѣлись запоздавшія хозяйки. Наконецъ, въ сумерки Флоранъ запералъ рѣшетки рыбнаго ряда и отправлялся домой, унося съ собою рыбной запахъ, пропитывавшій его волосы и одежду. Въ первые мѣсяцы онъ не очень страдалъ отъ этого заразительнаго зловонія, ибо зима была холодная, но съ весенними дождями и туманами распространились сырые, удушливые миазмы. Когда-же наступили жаркіе, іюньскіе дни, зловоніе достигло до размѣровъ заразы, и Флорана нестерпимо мучили нагроможденные груды пищи, среди которыхъ онъ жилъ. Въ немъ снова пробуждалось съ большею силою отвращеніе ко всѣмъ этимъ одуряющимъ запахамъ съѣстного. Его желудокъ, желудокъ человѣка худощаваго, громко протестовалъ и часто, подъ вліяніемъ зловонія, доводившаго его до тошноты, онъ воображалъ, что передъ нимъ громадный вонючій котелъ, въ которомъ топилось грязное сало цѣлаго народа.

Чтобы побороть терзавшее его нервное безпокойство, Флоранъ прибѣгнулъ къ умственной работѣ и, по своему пристрастію къ методическому раздѣленію занятій, посвятилъ два вечера въ недѣлю на составленіе большого труда о Кайенѣ. ~~Въ~~ просиживалъ онъ съ перомъ въ рукахъ за полночь и мало-по-малу его

комодь наполнился многочисленными рукописями. Сочиненіе о Кайенѣ не подвигалось впередъ, такъ какъ постоянно являлись у него проекты новыхъ, гигантскихъ трудовъ, программу которыхъ онъ набрасывалъ на нѣсколькихъ страницахъ. Такъ онъ составилъ планъ общей реформы административной системы центрального рынка, замѣны пошлинъ съ привозимаго товара налогомъ на торговныя сдѣлки, и новаго распредѣленія продовольствія по бѣднымъ кварталамъ, наконецъ, онъ начерталъ основанія, очень еще смутныя, новаго закона, по которому всѣ доставляемые въ городъ продукты должны были складываться въ одну груды, обеспечивающую всѣ парижскія хозяйства богатыя и бѣдныя ежедневной, достаточной пищей. Такимъ образомъ, мало-по-малу, силою вещей, Флоранъ вернулся къ политикѣ. Если-бъ не внѣшнія обстоятельства, то онъ, повидимому, былъ рожденъ для скромной доли провинціального учителя и былъ-бы счастливъ такимъ мирнымъ существованіемъ. Окружающій его гигантскій рынокъ съ чрезвычайнымъ изобиліемъ всевозможной пищи только ускорилъ кризисъ. Подъ его колоссальными сводами Парижъ казался ему чудовищнымъ толстобрюхимъ животнымъ, самодовольно переваривавшимъ жирную пищу, залывшимъ саломъ и поддерживавшемъ подъ шумокъ имперію. Всюду вокругъ него этотъ чудовищный рынокъ выставялъ круглыя, пухлыя лица, громадныя отвисшія шеи и колоссальныя бедра, которыя служили постоянными аргументами противъ его худощавой фигуры и желтаго, испитого лица человѣка недовольнаго. Здѣсь откормленное брюхо мелкаго торгашества и животной, узкой честности самодовольно прозябало, грѣясь на солнцѣ и находя, что все шло прекрасно, что никогда мирные люди такъ отлично и спокойно не жирѣли. Чувство лютой ненависти овладѣвало теперь снова всѣмъ существомъ Флорана, кулаки его инстинктивно сжимались, онъ готовъ былъ каждую минуту вступить въ смертельный бой и мысль о претерпѣнныхъ страданіяхъ во время ссылки возбуждала теперь его гнѣвъ гораздо болѣе, чѣмъ въ первые дни возвращенія во Францію.

Находясь въ подобномъ раздраженномъ настроеніи, Флоранъ естественно сталъ забывать свою прежнюю осторожность и любилъ бесѣдовать о политикѣ съ Гаваромъ, небольшимъ кружкомъ его пріятелей, которые собирались въ сосѣдней виноторговлѣ. Съ первыхъ дней поступленія его на службу, Гаваръ ввелъ его въ свой

политическій кружокъ, среди котораго онъ проводилъ всѣ вечера, давая полную свободу своей болтливой, мелочной оппозиціи противъ правительства. Его друзья раздѣляли вполне его ненависть къ имперіи и громко, въ тиши маленькой, отдѣльной комнаты виноторговли, предавали проклятію всѣ дѣйствія правительства, замыслили свергнуть въ одинъ прекрасный день „всю эту сволочь“. Заведеніе, въ которомъ происходили эти бурныя, шумныя пренія, находилось прямо противъ колбасной Кеню Граделя и поражало входящихъ своимъ блестящимъ, чисто современнымъ убранствомъ. Снаружи подъ зеркальными окнами въ зеленыхъ кадкахъ красовались четыре норвежскія листовницы; внутри зала блестяла мраморомъ, бронзой, стѣны были покрыты живописью, изображавшей цвѣты и плоды, посреди билъ изящный фонтанъ, а на красивыхъ стойкахъ сверкали всевозможные хрустальные ставаны, рюмки, кружки, рядомъ-же въ разнообразнѣйшихъ бутылкахъ и графинахъ искрились, особливо при свѣтѣ газовыхъ рожковъ, разноцвѣтныя вина, ливеры и напитки. Чтобы придать своему заведенію видъ кофейной, хозяинъ его поставилъ передъ конторкой, за которой всегда торжественно онъ возсѣдалъ, два маленькихъ лакированныхъ, чугунныхъ столика и четыре стула. Въ верхнемъ этажѣ былъ устроенъ бильярдъ, а за конторкой находилась маленькая комната или вѣрнѣе уголокъ залы, отдѣленной перегородкой. Днемъ этотъ уединенный пріютъ освѣщался маленькимъ окошкомъ, а по вечерамъ газовымъ рожкомъ, возвышавшимся надъ двумя столами, вырѣшенными подъ мраморъ.

Здѣсь-то собирались каждый вечеръ Гаваръ и его друзья; хозяинъ заведенія Лебигръ, здоровенный, красивый человѣкъ съ полнымъ, жирнымъ лицомъ, оказывалъ имъ всякое уваженіе, дозволялъ кричать сколько угодно и не пускалъ никого посторонняго въ это привилегированное помѣщеніе. Поэтому онъ и пользовался полнымъ довѣріемъ этихъ неизмѣнныхъ посѣтителей виноторговли, которые хотя и считали его простякомъ, негодящимся въ политическіе ораторы, но надежнымъ человѣкомъ. Онъ вообще былъ очень не разговорчивъ и только молча пожималъ руку каждому изъ посѣтителей; когда-же онъ самъ иногда приходилъ въ отдѣльную комнату, то безмолвно пилъ кофе и, не говоря ни слова, слушалъ шумныя пренія. Поэтому никто его не остерегался и при немъ говорили все, что входило въ голову, тѣмъ болѣе, что онъ

однажды рассказал о своемъ участіи въ уличной борьбѣ въ 1848 году. Однако, на рынкѣ между торговками ходили о Лебигрѣ очень подозрительные слухи; многіе увѣряли, что онъ служилъ въ полиціи шпиономъ и давалъ деньги мелкимъ торговцамъ подѣ страшные лихвенные проценты. Когда эти слухи дошли до Флорана, то онъ немедленно сообщилъ ихъ Гавару и его друзьямъ, но тѣ только подняли его на смѣхъ, говоря, что онъ такъ боится полиціи, что вездѣ видитъ ея слѣдъ. Причемъ Гаваръ давалъ честное слово, что Лебигрѣ чистый, искренній республиканецъ. Но горячѣе всѣхъ заступился за Лебигра самый ярній ораторъ кружка, Логрѣ, который занималъ въ рыбномъ ряду мѣсто аукціонера и славился своимъ громовымъ голосомъ. Онъ просто вышелъ изъ себя и объявилъ, что если всѣхъ будутъ подозрѣвать въ шпионствѣ, то лучше сидѣть дома и ни съ кѣмъ не сходитьсѣ. Конечно, обвинять человѣка было легко и даже находились люди, которые дерзали подозрѣвать его, Логра, сражавшагося на барикадахъ въ 1848 и 1851 годахъ, и чуть было два раза несосланнаго въ Байену. Съ этими доказательными доводами всѣ остальные согласились и вопросъ о Лебигрѣ былъ окончательно рѣшенъ въ его пользу.

Политическій кружокъ, въ которомъ очутился Флоранъ, состоялъ кромѣ Гавара и Логра еще изъ четырехъ мужчинъ и одной женщины. Первое мѣсто въ этомъ маленькомъ клубѣ занималъ Шарве, человѣкъ высокаго роста, худощавый, съ чисто-выбритымъ подбородкомъ, длиннымъ носомъ и тонкими губами. Онъ выдавалъ себя за профессора безъ кафедры и въ политикѣ былъ гебертистомъ. Съ длинными, въ кружечкѣ остриженными волосами, въ изношенномъ сюртукѣ, съ большими отворотами, онъ игралъ роль революціоннаго оратора временъ конвента и безконечнымъ потокомъ рѣзкихъ, ядовитыхъ выраженій, презрительно поражалъ своихъ противниковъ. Гаваръ побаивался его и говорилъ за-глаза, что онъ заходитъ слишкомъ далеко, но остальные передъ нимъ преклонялись; только одинъ Логрѣ иногда смѣлъ ему противорѣчить по вопросу о заработной платѣ. Такимъ образомъ, Шарве оставался главою и деспотомъ кружка въ силу его большаго знанія и большей энергіи. Остальные члены кружка, играя болѣе пассивную роль, именно Александръ, здоровенный, веселый пріятель живописца Клода, разнощикъ Лакаль, сѣдоватый старикъ,

сгорбленный отъ постоянныхъ странствій по улицамъ Парижа, и Робинъ, чрезвычайно оригинальный человѣкъ, который приходилъ ежедневно въ заведеніе Лебигра первый и уходилъ послѣдній, внимательно слушалъ пламенные рѣчи своихъ пріятелей, самъ не говорилъ никогда ни слова, выражалъ одобреніе безмолвнымъ наклоненіемъ головы и считался Гаваромъ за сильнаго оппозиціоннаго дѣятеля, чрезвычайно опаснаго для правительства. Но, быть можетъ, самымъ оригинальнымъ членомъ этого импровизированнаго клуба была посѣщавшая его единственная женщина Клемансъ, которая служила счетчикомъ при аукціонахъ въ рыбномъ ряду. Болѣе десяти лѣтъ она жила въ гражданскомъ бракѣ съ Шарве и ихъ союзъ былъ основанъ на полнѣйшей равноправности, такъ что каждый вырабатывалъ сколько могъ и жилъ на свои деньги. Никто изъ нихъ не былъ обязанъ другъ другу ничѣмъ; квартира, пища, стирка и прочіе расходы аккуратно записывались и дѣлились пополамъ. Являясь ежедневно вмѣстѣ съ Шарве въ виноторговлѣ, Клемансъ строго наблюдала, чтобъ каждый изъ нихъ платилъ за себя, причемъ она постоянно пила стаканъ грога, который сама себя приготавливала, а Шарве кружку пива. Эта женщина высокаго роста, серьезная на видъ, говорила рѣдко и слушала горячія пренія своихъ пріятелей съ какимъ-то гордымъ, часто презрительнымъ вниманіемъ. Отгнувшись на спинку стула и медленно попивая свой грогъ, она пристально слѣдила за рѣчами собесѣдниковъ, то насупляя брови, то улыбаясь, такъ что, очевидно, она понимала все, что говорилось вокругъ нея и безмолвно выражала свое одобреніе или осужденіе. По временамъ она свертывала папиросу и пускала мелкія кольца дыма, причемъ ея вниманіе какъ-бы удваивалось. Вообще казалось, что всѣ ораторы говорили на призъ, который она должна была присудить. Конечно, она поддерживала свое женское достоинство, не вмѣшиваясь въ горячія пренія мужчинъ и только изрѣдка позволяла себѣ произнести мѣткую фразу, которая, по словамъ Гавара, резюмировала весь разговоръ. Въ сущности она считала себя умнѣе всѣхъ окружавшихъ ее мужчинъ и уважала только безмолвнаго Робина. Что-же касается мужчинъ, то они не обращали на Клемансъ никакого вниманія, считали ее за хорошаго товарища и едва не ломали ей руки ежедневнымъ грубымъ пожатіемъ.

Этотъ маленькій кружокъ политическихъ единомышленниковъ

сдѣлался вскорѣ для Флорана необходимымъ условіемъ въ жизни. Въ этой пламенной средѣ его политическія стремленія находили себѣ исходъ. Часто работая дома надъ своими различными проектами, онъ нетерпѣливо бросалъ перо; теоретическихъ изысканій свободы было ему теперь недостаточно, его тянуло въ вивоторговлю Лебигра, гдѣ онъ забывался, слушая рѣзкія выходки Шарве и пламенное краснорѣчіе Логра. Сначала его нѣсколько смущали шумъ, гамъ этихъ собраній и излишняя словоохотливость ораторовъ, но теперь, хотя онъ и сознавалъ по-прежнему ихъ пустоту, онъ чувствовалъ необходимость забыться и подстрекнуть себя на что-нибудь рѣшительное, что могло-бы успокоить его взволнованный умъ. Онъ мало-по-малу привыкъ къ своимъ обычнымъ собесѣдникамъ и искренно ихъ любилъ. Мягкое, доброе лицо Робина, серьезный взглядъ Клемансъ, блѣдный худошавый Шарве и знакомыя лица Логра, Гавара, Александра и Лакала занимали все большее и большее мѣсто въ его жизни. Въ ихъ обществѣ онъ испытывалъ какое-то инстинктивное удовольствіе. Отворяя дверь въ отдѣльную комнату вивоторговли, онъ какъ-бы ощущалъ невѣдомую жизненную силу въ мѣдной ручкѣ, силу, гораздо большую, чѣмъ отъ прикосновенія къ нѣжной рукѣ женщины.

Естественно, что среди преній наибольшимъ авторитетомъ пользовались Шарве и Флоранъ. Гаваръ не могъ долго держать языкъ за зубами и кончилъ тѣмъ, что рассказалъ всю исторію Флорана, который, такимъ образомъ, въ глазахъ своихъ новыхъ товарищей приобрѣлъ славу; его слова уже не были пустыми звуками, а подкрѣплялись дѣлами. Но это видимое преимущество сердило Шарве и онъ изъ зависти сдѣлался мало по-малу систематическимъ противникомъ Флорана. Всѣ пренія обыкновенно кончались единоборствомъ этихъ двухъ ораторовъ и они спорили по цѣлымъ часамъ среди общаго безмолвія, никогда не признавая себя побѣжденными.

IV.

Жизнь Флорана со времени полученія мѣста пошла однообразнымъ, правильнымъ путемъ; время его было распределено съ методической точностью: ежедневно въ опредѣленные часы онъ

исполнял свои служебныя обязанности, давалъ два раза въ недѣлю послѣ обѣда уроки маленькому сыну Нормандки, посвящаятъ одинъ вечеръ въ недѣлю красавицѣ Лизѣ, чтобъ ее не разсердить, а все остальное время проводилъ въ отдѣльной комнатѣ виноторговли Лебигра съ Гаваромъ и его друзьями. Уроки своему маленькому ученику онъ давалъ теперь на дому у Меноденовъ, гдѣ, несмотря на явное нерасположеніе къ нему старухи матери и холодность Клары, онъ встрѣчалъ самый любезный пріемъ со стороны красавицы-Нормандки. Во все время урока она сидѣла за тѣмъ-же столомъ, за которымъ занимался ребенокъ, то штопая бѣлье, то безмолвно слѣдя за всѣми движеніями Флорана. Мало-по-малу она стала глубоко уважать этого человѣка, который при всей своей учености былъ очень добрымъ и терпѣливымъ съ ребенкомъ. Теперь онъ ужъ не казался ей уродомъ, какъ прежде; въ ней явилось чувство зависти и она дала себѣ слово отбить у своей соперницы Флорана, котораго она считала ея любовникомъ. Твердо рѣшившись достигнуть этой цѣли, Нормандка пустила въ ходъ все свое кокетство; она садилась съ нимъ рядомъ, пододвигала свой стулъ, какъ можно ближе къ нему, при всякомъ удобномъ случаѣ поднимала руки и поворачивалась то въ ту, то въ другую сторону, выказывая всѣ прелести своего дѣйствительно великолѣпнаго торса, едва скрытаго подъ складками полупрозрачной кофты. вмѣстѣ съ тѣмъ она старалась насказать какъ можно болѣе дурного о Лизѣ, увѣряя, что та скрываетъ свои года, стягиваетъ себя корсетомъ до дурноты и пр. Флоранъ слушалъ молча эту болтовню, подсмѣваясь иногда надъ ревностью женщинъ, на которыхъ онъ смотрѣлъ вообще, какъ человѣкъ, неимѣющій никакого успѣха у прекраснаго пола. Поэтому, можетъ быть, кокетство красавицы-Нормандки не производило на него никакого дѣйствія, и хотя онъ мало-по-малу сталъ питать къ ней искреннюю дружбу, но никогда не позволялъ себѣ никакой фамильярности. Ему даже было какъ-то неловко, неприятно, когда онъ чувствовалъ прикосновеніе ея полнаго, нѣжнаго тѣла. Ея колоссальная, пышная грудь, бѣлыя царственныя руки, гибкій станъ, шелковистое, роскошное тѣло, безпокоили, подавляли его сухощавую, блѣдную фигуру. Она распространяла вокругъ себя какой-то грубый, хотя полный жизни запахъ морской рыбы, который ему невыносимъ, такъ какъ каждое утро ему приходилось дышать

зловоніями рыбнаго ряда. Присутствіе красавицы-Нормандки даже не возбуждало въ немъ страсти, а раздражало только его нервы; онъ находилъ ея красоту слишкомъ колоссальной, ѣдкой, одуряющей.

Несмотря на это, всѣ торговки были увѣрены, что Флоранъ перекочевалъ отъ одной красавицы къ другой и былъ теперь любовникомъ Нормандки. Съ особеннымъ рвеніемъ распространяла этотъ слухъ и влялась въ его справедливости самая злѣйшая сплетница всего рынка, г-жа Саже. Эта старая дѣва маленькаго роста, съ сѣдыми волосами была грозю околodka; никто не зналъ откуда она и чѣмъ существовала, но въ продолженіи сорока лѣтъ она проживала въ улицѣ Пируэтъ и цѣлые дни съ утра до вечера ходила взадъ и впередъ по рынку и сосѣднимъ улицамъ съ вышитымъ мѣшкомъ на рукѣ подъ предлогомъ закупокъ, но въ сущности она ничего не покупала, а только заходила во всѣ лавки и останавливалась передъ всѣми ларями, чтобы узнавать и распространять новости. Такимъ образомъ, она подробно знала исторію всѣхъ домовъ и жителей околodka; ее интересовали всѣ самыя незначительныя мелочи, ей нужно было знать, кто что ѣлъ каждый день, сколько у каждаго сосѣда было рубашекъ и т. д. Эта потребность подглядыванія доходила до того, что она не пренебрегала подслушиваніемъ у дверей и распечатываніемъ чужихъ писемъ; поэтому неудивительно, что ея языка боялись всѣ и каждый. Точно такъ-же, какъ всѣхъ сосѣдей, она знала хорошо семью Кеню и могла сообщить о ней всевозможныя свѣденія; она знала все, что дѣлалось въ колбасной, и потому неожиданное появленіе Флорана, какъ-бы упавшаго съ неба, естественно привело ее въ тупикъ. Она не вѣрила разсказу, пущенному въ ходъ Лизой о возвращеніи изъ-за границы двоюроднаго брата, но никакъ не могла разузнать—кто онъ таковой и откуда. Это тѣмъ болѣе ее тревожило, что въ умѣ ея гнѣздилося какое-то смутное воспоминаніе: гдѣ-то и когда-то она видѣла эту „сухую палку“. Такимъ образомъ, Флоранъ постоянно кололъ ей глаза и она стала чувствовать къ нему непримиримую вражду, для удовлетворенія которой изобрѣтала самыя невозможныя сказки объ его отношеніяхъ сначала къ красавицѣ Лизѣ, а потомъ къ сестрамъ Меноденъ. Особенно она не щадила красоевъ въ сплетняхъ о послѣднихъ, такъ какъ этимъ путемъ надѣялась поддѣлаться

къ Лизѣ, которую не могли не сердить частыя посѣщенія Флораномъ этихъ женщинъ, и, наконецъ, раскрыть тайну о двоюродномъ братцѣ, издававшемъ ей покоя ни днемъ, ни ночью. Къ тому-же Саже недавно поссорилась съ Нормандкой, которая продала ей не свѣжую рыбу, и желала ей отомстить. Подъ вліяніемъ такихъ разнообразныхъ побудительныхъ причинъ, старая сплетница начала еще съ большимъ ожесточеніемъ слѣдить за каждымъ шагомъ Флорана и пользуясь тѣмъ, что жила на чердакѣ того дома, гдѣ второй этажъ занимали Менодены, она не сходила съ лѣстницы во время каждаго изъ его посѣщенія красавицы-Нормандки. А на другой день она отправлялась съ позаранка въ колбасную и рассказывала Лизѣ всякія небывлицы.

— Онъ опять у нея ночевалъ, говорила она однажды:—и Нормандка, провожая его на лѣстницу, называла его „милымъ, голубчикомъ“.

— Онъ не довольствуется одной Нормандкой, говорила она другой разъ:—когда она ему надоѣстъ, онъ отправляется на цыпочкахъ къ бѣлокурой Кларѣ и такъ далѣе. Всю ночь только и слышишь, что скрипъ дверей въ ихъ комнатахъ.

Красавица Лиза съ презрительной улыбкой, но съ глубокимъ вниманіемъ слушала всѣ эти рассказы и только при очень скандальныхъ подробностяхъ замѣчала:

— Нѣтъ, нѣтъ, это невозможно. Неужели бываютъ такія женщины!

Теперь соперничество между красавицей-Нормандкой и красавицей Лизой достигло ужасающихъ размѣровъ. Первая была увѣрена, что она отбила у своей непріятельницы любовника, а вторая выходила изъ себя отъ злобы при одной мысли, что эта сволочь ихъ компрометируетъ, завлекая Флорана. Каждая изъ нихъ вносила въ борьбу свой отличный характеръ; одна была спокойна, презрительна и напоминала своими манерами женщину, которая осторожно поднимаетъ юбки, чтобы не замарать грязью своихъ ботинокъ; другая смѣлая, дерзкая была чрезъ мѣру весела и казалась бретеромъ, вызывающимъ всякаго на бой. Видя красавицу Лизу на порогѣ колбасной, Нормандка непремѣнно проходила мимо нея, задѣвая ее платьемъ; тогда ихъ взгляды встрѣчались и летѣли искры, какъ отъ столкновенія двухъ заостренныхъ винжаловъ. Съ своей стороны Лиза, бывая въ рыбномъ

ряду, съ презрительной улыбкой проходила мимо ларя красавицы-Нормандки и покупала у сосѣдней торговки какую-нибудь большую, дорогую рыбу. Но подемъ самыхъ кровопролитныхъ битвъ была улица Рамбюто, гдѣ онѣ, одна въ своей лавкѣ, а другая за ларемъ, метали другъ въ друга ядовитыя стрѣлы. Битва начиналась съ самаго утра.

— Вонъ толстая корова уже встала! кричала во все горло Нормандка: — ее стягиваютъ, какъ колбасу. Посмотрите, на ней все то-же поплиновое платье и грязной воротничекъ.

— Посмотрите на эту сволочь, говорила въ ту-же минуту красавица Лиза своей служанкѣ: — на ней, кажется, бриліантовья серьги. Жаль видѣть на такой дряни бриліанты.

Обѣ онѣ старались надѣть на себя какъ можно болѣе драгоценностей и при каждой обновкѣ на одной изъ нихъ, другая выходила изъ себя отъ зависти. Все утро онѣ высматривали, сколько у каждой изъ нихъ было покупателей и мрачно насупливали брови, когда торговля „напротивъ“ шла лучше. Потому, каждая изъ нихъ подсматривала, что ѣла за завтракомъ другая и съ какимъ аппетитомъ. Передъ-обѣденные часы были самой рѣшительной эпохой въ борьбѣ; отъ нихъ зависѣлъ успѣхъ дня. Въ это время торговля стихала и обѣ соперницы принимали самыя живописныя позы. Нормандка обыкновенно занималась тонкими вышивками, что чрезвычайно сердило Лизу, которая постоянно вязала чулки.

— Ей-бы лучше штопать чулки своему мальчику, который бѣгаетъ босикомъ, говорила Лиза: — посмотрите, какія у нея красныя руки! Отъ нихъ несетъ тухлой рыбой.

— Она все вяжетъ одинъ и тотъ-же чулокъ, замѣчала Нормандка: — она слишкомъ много ѣсть и потому спитъ за работою. Если она вяжетъ для своего болвана-мужа, то долго придется ему ходить босикомъ.

До самого вечера онѣ продолжали зорко слѣдить другъ за другомъ, замѣчая такія мелочи, которыхъ, конечно, никто другой не замѣтилъ-бы. Съ наступленіемъ ночи часто побѣда оставалась не рѣшительной; когда-же одна изъ соперницъ подвергалась полному поражению, то на другой-же день она употребляла всѣ усилія, чтобы побѣдить въ свою очередь. Всѣ торговки съ любопыт-

ствомъ смотрѣли на эту борьбу и держали пари за красавицу Лизу или за красавицу Нормандку.

Ихъ вражда дошла до того, что онѣ запретили своимъ дѣтямъ говорить другъ съ другомъ, что было для послѣднихъ большимъ горемъ, такъ какъ онѣ прежде всегда вмѣстѣ играли на улицѣ передъ лавками. Но настоящей жертвой разъяренныхъ соперницъ былъ Флоранъ, который, въ сущности, служилъ единственнымъ поводомъ къ ихъ борьбѣ. Дѣйствительно, до его прибытія все шло спокойно, мирно и только онъ ссорилъ, сердилъ и разстраивалъ весь этотъ сытый, откормленный міръ, дремавшій безмятежнымъ сномъ. Красавица Нормандка готова была собственноручно побить Флорана, когда онъ долго засиживался въ колбасной, а Лиза хотя и относилась съ холоднымъ презрѣніемъ честной женщины къ его скандальному поведенію, но едва могла скрыть свой гнѣвъ и чувство безсознательной зависти каждый разъ, какъ онъ уходилъ изъ колбасной въ улицу Пируэтъ. Мало-по-малу обѣдъ въ семьѣ Кеню становился далеко не такимъ веселымъ и радушнымъ, какъ прежде. Чисто убранная столовая, блестящая лампа, бѣлоснѣжная скатерть—все какъ-бы упрекало Флорана и онъ едва осмѣливался ѣсть, изъ боязни запачкать салфетку или уронить на полъ крошки хлѣба. Однакожь въ обращеніи съ нимъ Лизы не было, повидимому, никакой еще перемѣны и съ своей обычной наивностью, Флоранъ продолжалъ хвалить всѣмъ и каждому ея доброту. Дѣйствительно, она сохраняла въ отношеніи его внѣшнюю любезность и часто съ улыбкою говаривала:

— Странно, вы теперь не дурно ѣдите, а не толстѣете; пища вамъ нейдетъ въ прокъ.

Конечно, въ этомъ замѣчаніи скрывалась ненависть къ художавымъ и тонкій намекъ на развратную жизнь Флорана. Но онъ ничего этого не замѣчалъ. Впрочемъ, открыто она никогда не говорила при немъ о красавицѣ-Нормандкѣ, и когда однажды Кеню позволилъ себѣ шутку на этотъ счетъ, она бросила на него такой леденящій взглядъ, что онъ болѣе никогда не заговаривалъ объ этомъ предметѣ. Послѣ обѣда Флоранъ оставался нѣсколько времени въ столовой, такъ какъ его немедленный уходъ сердилъ Лизу и старался поддержать съ нею разговоръ. Она обыкновенно сидѣла рядомъ съ нимъ и ея близкое сосѣдство также беспокоило его, какъ сосѣдство Нормандки. Но въ ея красотѣ не

было той живости, одушевленія и пикантности, какъ въ красотѣ Нормандки. Ея великолѣпная грудь не колыхалась и отъ нея вѣяло не запахомъ морской рыбы, а преснымъ, жирнымъ запахомъ свѣжей говядины. Столкновение его худощавой фигуры съ твердымъ жиромъ красавицы Лизы, казалось, еще болѣе тревожило его, чѣмъ прикосновеніе къ нѣжному тѣлу красавицы-Нормандки.

Вообще отношенія Лизы къ Флорану были холодно любезны и искусственно равнодушны, но она еще старательно избѣгала выказать ему свое недовольство. Только однажды она измѣнила своему обычному спокойствію. Красавица-Нормандка подарила Флорану великолѣпную лососку; не смѣя отказаться отъ подарка и не зная, что съ нимъ дѣлать, онъ отдалъ рыбу красавицѣ Лизѣ, говоря съ улыбкой:

— Сдѣлайте хорошій пирогъ.

— Развѣ мы нуждаемся въ пищѣ? произнесла Лиза, съ поблѣднѣвшими отъ злости губами: — слава Богу, кажется, здѣсь можно быть сытымъ. Возьмите прочь эту рыбу.

— Ну такъ велите ее сварить, сказалъ Флоранъ, не понимая, на что она сердится: — я самъ ее съѣмъ.

— Здѣсь не трактиръ! воскликнула Лиза, выходя изъ себя: — велите сварить рыбу тѣмъ, которыя вамъ ее дали. Я не хочу морать своихъ востроуль. Убирайтесь вонъ съ этой дрянью.

Однакожь время глухой вражды и внѣшней хладнокровной терпимости со стороны Лизы продолжалось не долго. Политическій планъ, задуманный посѣтителями отдѣльной комнаты виноторговли Лебигра, мало-по-малу развивался и Флоранъ, наконецъ, сталъ серьезно вѣрить въ возможность его осуществленія. Его товарищи продолжали только свои шумныя пренія, а онъ основательно обдумывалъ способъ приведенія плана въ исполненіе и исписалъ на эту тему цѣлыя кипы бумаги. Сосредоточивъ, такимъ образомъ, всѣ свои мысли на этомъ одномъ предметѣ, онъ естественно старался привлечь къ дѣлу своего брата Кеню, на котораго онъ все еще смотрѣлъ, какъ на своего ученика. Толстый колбасникъ былъ совершеннымъ новичкомъ въ политикѣ, но черезъ нѣсколько засѣданій въ виноторговлѣ, онъ, подъ влияніемъ брата и невѣдомой прелести, заключающейся для сытого буржуа въ запрещенныхъ разговорахъ, сталъ вторить всей компаніи; такъ что однажды старая сплетница Саже, которая въ послѣднее время постоянно избѣгала

къ Лебигру то за тѣмъ, то за другимъ, съ цѣлью разузнать, что дѣлалось въ отдѣльной комнатѣ виноторговли, слышала наивное восклицаніе Кеню:

— Нѣтъ, съ насъ ужь довольно всѣхъ этихъ прелестей... Пора намъ взяться за умъ и высказать правительству второй имперіи все, что мы о немъ думаемъ.

Конечно, г-жа Соже тотчасъ донесла о всемъ слышанномъ красавицѣ Лизѣ. Этого было достаточно, чтобы заставить ее выдти изъ своего хладнокровнаго, выжидательнаго положенія и она рѣшилась немедленно положить конецъ опаснымъ выходкамъ ея мужа и брата, которыя могли повести къ большимъ неприяностямъ. На другое утро, когда Кеню открылъ глаза, онъ увидалъ Лизу совершенно одѣтой и разбиравшей бумаги въ его конторѣ.

— Зачѣмъ ты меня не разбудила? спросилъ онъ, потягиваясь:— ужь поздно. А что ты дѣлаешь?

— Привожу бумаги въ порядокъ, отвѣчала Лиза своимъ обычнымъ спокойнымъ тономъ: — надо приготовиться... если придетъ полиція...

— Какая полиція?

— Ты теперь занимаешься политикой, такъ всего надо ждать?

— Я занимаюсь политикой! воскликнулъ онъ: — но какое до этого дѣло полиціи? Я себя ничѣмъ не компрометирую.

— Конечно, ты только говоришь въ публичномъ мѣстѣ, что надо совершить какой-то переворотъ... Въ окологдѣ всѣ уже знаютъ, что ты записался въ красные?

Пораженный этимъ неожиданнымъ натискомъ, толстый Кеню, беспомощно опустился на подушки.

— Ты знаешь, я тебѣ предоставляю полную свободу дѣлать, что ты хочешь, продолжала Лиза: — я не желаю носить штановъ, какъ говорятъ сосѣдки. Ты хозяинъ и господинъ, можешь рисковать собою, своимъ семействомъ и лавкой... Мое дѣло только позаботиться объ интересахъ дочери.

Кеню хотѣлъ протестовать, но она жестомъ не дала ему говорить и, расхаживая взадъ и впередъ по комнатѣ, продолжала:

— Помолчи, я съ тобою не ссорюсь и даже не требую отъ тебя объясненія. Вотъ если-бъ ты у меня спросилъ совѣта, тогда дѣло другое. Напрасно полагаютъ, что женщины ничего не понимаютъ въ политикѣ. Хочешь знать политику, которой дер-

жусь я и всѣ честные люди? Я питаю благодарность къ правительству, когда торговля идетъ хорошо, я спокойно ѣмъ свой кусокъ хлѣба и мирно сплю, не боясь, что меня разбудятъ выстрѣлы. Нечего сказать, хорошо было въ 1848 году! Дядя Градель, человѣкъ очень почтенный, показывалъ намъ свои счетныя книги и рассказывалъ, что онъ потерялъ въ то время болѣе 6,000 франковъ. Со времени-же имперіи все идетъ отлично, все продается прекрасно, — ты не можешь этого отрицать. Чего-же вы хотите? Чего-же лучшаго вы добьетесь вашимъ сопротивленіемъ правительству?

Она остановилась передъ кроватью и бросила вызывающій взглядъ на Кеню, полускрытаго пуховикомъ. Онъ пытался объяснить, чего хотѣли его политическіе друзья, но такъ странно мѣшалъ всѣ слова Флорана и Шарве, что Лиза, ничего не понимая, презрительно пожимала плечами. Наконецъ, онъ нашелъ спасительный исходъ въ нападкахъ на вторую имперію, при которой всюду респросранились развратъ и мошенничества.

— Вотъ видишь, прибавилъ онъ, вспоминая слова Логра, — съ каждымъ днемъ становится все хуже и хуже жить во Франціи. Пора измѣнить такое печальное положеніе вещей!

— И это все, что ты имѣешь сказать? отвѣчала Лиза. — Какое мнѣ дѣло до такихъ пустяковъ! Если-бы это была и правда, такъ что-жь? Развѣ я тебѣ совѣтую быть безчестнымъ человѣкомъ, развѣ я учу тебя не платить по векселямъ и обманывать покупателей? Право, ты меня выведешь, наконецъ, изъ терпѣнія. Мы — честные люди, никого не грабимъ и не убиваемъ, ну, и довольно. А что дѣлаютъ другіе, мнѣ до этого дѣла нѣтъ. Конечно, нищимъ оборванцамъ хотѣлось-бы, чтобы никто не наживалъ денегъ. Да, я прямо говорю, что пользуюсь всякимъ случаемъ для честной наживы и поддерживаю правительство, которое поощряетъ торговлю. Если оно дѣлаетъ что-нибудь дурное, то я не хочу этого и знать: я сама ничего не дѣлаю дурного и этого мнѣ достаточно. Было-бы слишкомъ глупо сражаться съ вѣтрянными мельницами. Ты помнишь, во время выборовъ Гаваръ рассказывалъ, что официальный кандидатъ былъ злостный банкротъ, замѣшанный во многихъ грязныхъ исторіяхъ; можетъ быть, это была и правда, но ты благоразумно подаль голосъ за него, такъ-какъ дѣло шло не о томъ, чтобы дать денегъ займы или

отпустить товаръ въ долгъ этому господину, а доказать правительству, что ты доволенъ процвѣтаніемъ твоей колбасной.

Однакожь Кеню вспомнилъ фразу Шарве, что, благодаря эгоизму лавочниковъ, администрація хозяйничала въ странѣ по своему произволу, не обращая вниманія на законы, но Лиза прервала его, воскликнувъ съ негодованіемъ:

— Довольно. Совѣсть меня ни въ чемъ не упрекаетъ: я никогда никого не обманывала, продаю хорошіи товаръ и не дороже сосѣдей. Твои слова могутъ относиться къ людямъ, которые мошенничествомъ наживаютъ громадныя состоянія, но мы живемъ спокойно, въ пятнадцать лѣтъ едва достигли довольства, не занимаемся политикой и заботимся только о своей колбасной и дочери Полинѣ. Мы люди честные и все, что ты болтаешь, до насъ не касается.

Говоря это, Лиза сѣла на край кровати, и видя, что Кеню колеблется, сказала съ чувствомъ:

— Выслушай меня хорошенько. Ты, конечно, не хочешь, чтобъ твою лавку разграбили и похитили-бы твои деньги? Если твои пріатели восторжествуютъ, то неужели ты думаешь, что на другой день послѣ ихъ побѣды ты будешь такъ-же спокойно спать и работать на кухнѣ, какъ теперь? Конечно, нѣтъ. Такъ зачѣмъ-же ты идешь противъ правительства, которое дозволяетъ тебѣ жить спокойно и зарабатывать деньги? У тебя есть жена и дочь и первая твоя обязанность заботиться о нихъ. Ты былъ-бы кругомъ виноватъ, если-бъ сталъ рисковать ихъ счастьемъ. Только люди безъ крова и куска хлѣба, которымъ нечего терять, желаютъ борьбы. Оставайся-же спокойно дома, глупый добрякъ, спи, ѣшь, наживай деньги, будь честнымъ человѣкомъ и предоставь Франціи освободиться отъ второй имперіи, если она ей надоѣла. Вѣдь Франція въ тебѣ, дуракъ, не нуждается.

И она весело захохотала; Кеню былъ совершенно побѣжденъ. Она была права, эта красавица, такъ чисто одѣтая и такъ гладко приглаженная съ самаго утра. Онъ осмотрѣлся вокругъ себя, и ото всего — отъ прелестной Лизы, мягкой постели, покойной мебели, чистыхъ, блестящихъ стѣнъ несло кажимъ-то одурающимъ, но невозмутимымъ блаженствомъ. И всего этого онъ могъ лишиться!

— Дуракъ, продолжала Лиза, пользуясь своимъ торжествомъ, —

хорошую дорогу ты выбралъ, нечего сказать! Тебѣ пришлось-бы съ самаго начала перешагнуть черезъ меня и Поляну. Теперь, не правда-ли, ты не будешь болѣе осуждать правительство? Право, намъ слѣдуетъ думать только о томъ, чтобы, достигнувъ старости, мирно и съ спокойной совѣстью жить на честно-заработанныя деньги.

Кеню молча кивалъ головою.

— Это все Гаваръ, началъ онъ, желая оправдать свое поведеніе.

— Нѣтъ, это не Гаваръ, перебила его Лиза: — я знаю, кто это, и ему слѣдовало-бы думать о своей безопасности, а не компрометировать другихъ.

— Ты говоришь о Флоранъ? тихо спросилъ Кеню.

— Да, о Флоранъ, отвѣчала она послѣ нѣкотораго молчанія; — ты знаешь, какъ я терпѣлива; я ни за что не хочу поспорить тебя съ братомъ, — семейныя узы священны, — но вѣдь всему есть границы. Съ тѣхъ поръ, какъ твой братъ здѣсь, все у насъ идетъ вверхъ дномъ; но онъ, кажется, не понимаетъ, что мы для него дѣлаемъ: мы ему дали комнату, мы его кормимъ и онъ все принимаетъ, какъ-будто такъ и слѣдуетъ. А куда онъ дѣваетъ свое жалованье—никому неизвѣстно или, лучше сказать, слишкомъ хорошо извѣстно.

— А наслѣдство? промолвилъ Кеню, которому больно было, когда отзывались дурно объ его братѣ.

— Ты правъ, отвѣчала Лиза, быстро измѣнивъ тонъ, — но вѣдь онъ самъ не хочетъ брать своей доли. Я ему предлагала и очень была-бы рада отдѣлаться отъ этихъ денегъ; тогда у насъ руки были-бы развязаны. Поговори-ка ты съ нимъ объ этомъ. Впрочемъ, съ нимъ трудно что-нибудь устроить: онъ человѣкъ не простой, не такой, какъ всѣ мы грѣшные. Я говорю это такъ, мимоходомъ, но, въ сущности, я не обращаю никакого вниманія на его поведеніе, которое осуждаетъ весь околодокъ. Пусть его спитъ, ѣсть, надоѣдаетъ намъ своимъ присутствіемъ — все это можно перенести, — но я ему никогда не позволю впутывать насъ въ политику. Если онъ не перестанетъ сбивать тебя съ толку и чернить насъ передъ властями, то я отъ него скоро отдѣлаюсь. Помни это, я тебя предупреждаю.

Въ этихъ словахъ ясно слышалось, что судьба Флорана была

рѣшена и Лиза, въ случаѣ надобности, не остановится ни передъ чѣмъ, чтобы спасти себя и свою семью отъ гибельнаго вліянія человѣка, который шелъ наперекоръ всѣмъ ея инстинктамъ и нарушалъ ея спокойствіе.

— Я понимаю, продолжала она, едва удерживая уже давно накипѣвшую въ ея сердцѣ злобу, — что человѣкъ, неумѣвшій обзавестись своимъ домошъ и надѣлавшій много всякихъ глупостей, любить баламутить другихъ. Если ему пріятно погибнуть, пусть его и гибнетъ, но я не позволю ему завлекать честнаго отца семейства. Къ тому-же онъ мнѣ не нравится: отъ него за обѣдомъ несетъ рыбой; это мѣшаетъ мнѣ ѣсть, а онъ, небойсь, не пропуститъ ни одного блюда, только все не въ прокъ. Онъ, несчастный, такъ пропитанъ жолчью, что не можетъ толстѣть.

Черезъ два дня послѣ этого разговора Лиза нарочно зашла въ лавку Гавара, который по сосѣдству торговалъ живною стью, и хитро навела разговоръ на политику; словоохотливый старикъ такъ расхотился, что насказалъ Лизѣ цѣлый коробъ разныхъ страшныхъ вещей. Добившись довольно яснаго, по ея мнѣнію, намека на существованіе политическаго заговора, Лиза немедленно возвратилась домой и, позвавъ Кеню въ спальню, заперла за собою дверь.

— Твой братъ хочетъ насъ всѣхъ погубить! Зачѣмъ ты скрывалъ отъ меня, что ты знаешь? воскликнула она, блѣдная отъ испуга и злобы.

Кеню отвѣчалъ, что онъ ничего не знаетъ болѣе того, что ей насказалъ, и поклялся, что въ послѣдніе два дня не былъ у Лебигра и никогда болѣе туда не пойдетъ.

— Ты хорошо сдѣлаешь, продолжала Лиза: — если совсѣмъ не будешь туда ходить, иначе заплатишься, пожалуй, своей шкуркой... Флоранъ задумалъ что-то недоброе. Изъ того, что я узнала, я вижу куда его приведутъ всѣ его затѣи... назадъ въ Каенну. Несчастный!... Онъ тутъ катался, какъ сыръ въ маслѣ; онъ могъ сдѣлаться честнымъ человѣкомъ, видя вокругъ себя только хорошіе примѣры. Но нѣтъ, у него кровь испорчена, онъ кончитъ тѣмъ, что сломитъ себѣ шею своей политикой... Слушай, Кеню, я болѣе не хочу этого терпѣть. Я тебя предупреждаю.

Эти послѣднія слова она произнесла съ особымъ удареніемъ и Кеню, опустивъ голову, ждалъ своего приговора.

— Прежде всего, я требую, чтобъ онъ пересталъ у насъ ѣсть; довольно того, что онъ будетъ почевать, продолжала она; — онъ получаетъ жалованіе и можетъ кормиться на свой счетъ.

Кеню хотѣлъ протестовать, но Лиза зажала ему ротъ громкимъ восклицаніемъ:

— Такъ выбирай между нами и имъ. Клянусь, если онъ останется, то я уйду съ дочерью. Этотъ человѣкъ способенъ на все. Онъ явился сюда, чтобъ разстроить наше семейное счастье, но я водворю порядокъ... Ты слышалъ: я или онъ.

Въ тотъ день за обѣдомъ, она чрезвычайно холодно обошлась съ Флораномъ, не подчивала его ни чѣмъ и нѣсколько разъ замѣчала съ саркастической улыбкой:

— Странно, какъ много хлѣба мы ѣдимъ съ нѣкоторыхъ поръ.

Впродолженіи уже нѣсколькихъ недѣль Флоранъ сталъ замѣчать, что въ колбасной съ нимъ обращаются не такъ добродушно и любезно, какъ прежде; теперь же его видимо выживали. Лиза при всякомъ удобномъ случаѣ отворачивалась отъ него, за обѣдомъ молча смотрѣла ему въ ротъ, какъ-бы упрекая за каждый кусокъ хлѣба, давала ему надѣвать самую старую, изношенную одежду Кеню, маленькая Полина съ дѣтской наивностью смѣялась надъ сюртукомъ и панталонами, висѣвшими на немъ, какъ на вѣшалкѣ, даже прислуга, особливо служанка, комнату которой занималъ Флоранъ, слѣдовала примѣру хозяйки и позволяла себѣ различныя, неприличныя выходки. Флорану стало, наконецъ, ясно, что онъ былъ лишній въ этомъ домѣ; но онъ долго не могъ рѣшиться объявить брату и невѣстѣ, что онъ не станетъ болѣе обѣдать у нихъ, боясь нанести имъ тѣмъ оскорбленіе. Цѣлая недѣля потребовалась ему, чтобъ собраться съ силами, и, наконецъ, подъ предлогомъ какихъ-то уроковъ, онъ заявилъ невозможность обѣдать дома каждый день. При этомъ ему не пришло и въ голову потребовать части своего наслѣдства, такъ какъ онъ былъ не только безкорыстенъ, но совершенно равнодушенъ къ земнымъ благамъ. Къ тому же, онъ считалъ, что денегъ, оставшихся ему отъ жалованья, которое втеченіи послѣднихъ мѣсяцевъ почти все ушло на леченіе стараго зрителя, вмѣстѣ съ платой за уроки, доставленные ему Нормандкой, хватить на обѣдъ и завтракъ.

— Не церемонься, обѣдай, гдѣ тебѣ удобнѣе, сказалъ Кеню, понявъ настоящую причину заявленія брата: — но мы тебя не го-

нимъ, чортъ возьми! Когда-нибудь по воскресеньямъ все-же приходи обѣдать.

Красавица Лиза не промолвила ни слова, а когда взволнованный Флоранъ вышелъ изъ комнаты, она легко вздохнула и если-бъ не мужъ, то выкурила-бы сжженнымъ сахаромъ самый запахъ развратной, худощавой фигуры, заражавшей ея свѣтлую, блестящую столовую. Нѣсколько дней она торжествовала побѣду, но не прошло и недѣли, какъ безпокойство стало терзать ее еще болѣе прежняго. Она видала теперь Флорана только иногда по вечерамъ и воображала себѣ всякіе ужасы; наприимѣръ, приготовленіе въ его комнатѣ адской машины. Наконецъ, подъ вліяніемъ лихорадочнаго страха и пользуясь отсутствіемъ Флорана, она отправилась въ его комнату, тщательно осматрѣла всѣ ея углы: кровать, каминъ и т. д. Ее очень удивило, что все въ комнатѣ было въ томъ-же положеніи, какъ въ то время, когда въ ней жила служанка, лѣтнее платье которой по-прежнему висѣло на стѣнкѣ. На столѣ лежалъ исписанный листъ бумаги, въ которомъ повторялось два раза слово „революція“. Лиза испугалась и поспѣшно открыла ящикъ стола, наполненный бумагами. Флоранъ видимо очень плохо охранялъ свою тайну, онъ даже не запиралъ ящика, при этой мысли она остановилась; совѣсть въ ней громко заговорила и она судорожно закрыла ящикъ. Возвратясь въ кухню, она долго раздумывала о томъ, какъ ей слѣдовало поступить, имѣла-ли она право прочесть тайно бумаги Флорана и можно-ли назвать это дѣло безчестнымъ, если только этимъ средствомъ она могла спасти отъ гибели своего мужа, себя и Полину. Чтобы выдти изъ затруднительнаго положенія, она рѣшилась прибѣгнуть къ совѣту абата Рустана, къ которому она обращалась во всѣхъ важныхъ случаяхъ.

Красавица Лиза не отличалась особенной набожностью, она была холодна къ католицизму, но уважала патеровъ, считая ихъ необходимыми для народа, что-же касается абата Рустана, то она смотрѣла на него, какъ на добраго совѣтника и полезнаго друга. Никогда между ними не было религіозныхъ разговоровъ; она не исповѣдывалась у него, а просто спрашивала совѣтовъ, какъ у чловѣка благоразумнаго и заслуживающаго довѣрія болѣе дѣльцевъ, которые, по ея мнѣнію, были всѣ мошенники. Съ своей стороны абатъ Рустанъ относился къ Лизѣ съ безграничной

снисходительностью: онъ дѣлалъ для нея справки въ законахъ, указывалъ какіе фонды выгоднѣе покупать, рекомендовалъ поставщиковъ различныхъ товаровъ, разрѣшалъ съ необыкновеннымъ тактомъ всѣ нравственные вопросы и, вообще, отвѣчалъ на все, что она спрашивала практически, толково, не вмѣшивая въ дѣло религію, не стараясь извлечь денежной пользы для себя или для церкви, а довольствуясь улыбкой и пожатіемъ руки этой красивой женщины, уважаемой во всемъ околосѣ. Въ настоящемъ случаѣ выслушавъ тонко изложенный вопросъ Лизы, абать пустился въ длинныя, краснорѣчивыя разглагольствованія о томъ, что добрый, справедливый человѣкъ имѣеть право и даже обязанъ уничтожать зло, прибѣгая ко всякимъ средствамъ, которыя могутъ способствовать торжеству добра.

— Вотъ мое мнѣніе, сударыня, сказалъ онъ: — обсужденіе средствъ позволительныхъ и не позволительныхъ, можетъ завести насъ слишкомъ далеко... Но мнѣ извѣстно, какая у васъ возвышенная душа. Взвѣшивайте каждый вашъ поступокъ и если совѣсть не возстаетъ противъ него, дѣйствуйте смѣло... Честныя натуры отличаются необыкновеннымъ даромъ придавать честный отѣнокъ всему, что они дѣлають.

На другой день утромъ, когда Флоранъ находился на рынкѣ, красавица Лиза смѣло отправилась въ его комнату подѣ предлогомъ сосчитать бѣлье и, вынувъ ящикъ изъ стола, осторожно перебрала всѣ находившіяся тамъ бумаги. Сначала ей попадались подѣ руку различные административныя и финансовыя проекты Флорана, чтеніе которыхъ ей страшно надоѣло. Потомъ ея вниманіе сосредоточилось на совершенно постороннемъ предметѣ, на фотографіи красавицы Нормандки съ надписью на лѣвой сторонѣ: „Отъ Луизы другу Флорану“. Какъ истая женщина, она забыла цѣль своихъ поисковъ и съ жадностью набросилась на это очевидное доказательство скандальнаго поведенія ея соперницы. Ее подмывало взять эту карточку, какъ лучшее орудіе мести, но она подумала, что это будетъ не хорошо и къ тому-же она могла взять ее во всякое время; потому бросивъ ее съ отвращеніемъ, она продолжала свои поиски. Въ самомъ заднемъ углу ящика, наконецъ, нашлось то, чего она искала; свертокъ различныхъ записокъ и замѣтокъ политическаго содержанія.

Мысль о возстаніи противъ второй имперіи, заявленная одинъ

разъ Логромъ въ виноторговлѣ Лебигра, крѣпко засѣла въ пламенномъ умѣ Флорана и мало-по-малу обратилась въ цѣль всей его жизни. Онъ считалъ теперь свое возвращеніе въ Парижъ предопредѣленнымъ судьбою. При его мягкомъ характерѣ одна всепоглощающая идея совершенно имъ овладѣвала. Все принимало въ его глазахъ чудовищные размѣры и ему часто казалось, что центральный рынокъ сжималъ его, какъ въ тискахъ, одуряя своими зловоніями; потомъ ему казалось, что Лиза хотѣла его обойти и онъ нѣсколько дней избѣгалъ ее, боясь, чтобъ отъ ея прикосновенія не растаяла его воля. Всѣ эти припадки неопредѣленнаго страха и увлеченія кончались всегда болѣзненнымъ сознаніемъ жгучей потребности кого-нибудь любить, и за недостаткомъ опредѣленнаго предмета любви, онъ любилъ идею, любилъ человѣчество. Особливо тяжело Флорану становилось по вечерамъ; несчастный, недовольный своимъ днемъ, съ напряженными нервами, онъ возвращался поздно домой отъ Лебигра или Мегюденовъ и принимался за составленіе своего плана возстанія.

Прочитавъ эти листки и не совершенно понявъ ихъ смыслъ, Лиза съ испугомъ отскочила отъ стола, какъ-бы боясь, чтобъ не выстрѣлили эти опасныя бумаги. Въ ужасномъ планѣ Флорана она видѣла прямое покушеніе на ея жизнь, на ея счастье. И гдѣ-же производилось это покушеніе? Въ ея собственномъ домѣ. Она быстро закрыла ящикъ и погрузилась въ тяжелую думу. Чго ей было дѣлать? Говорить Кеню объ этомъ было совершенно излишне. Она сначала думала объясниться тотчасъ съ Флораномъ, но ее удержала мысль, что онъ могъ исполнить свое преступное намѣреніе въ другомъ мѣстѣ и по злобѣ очернить передъ правительствомъ ее и ея мужа. По этому она рѣшилась ждать, зорко слѣдя за каждымъ его шагомъ. При первой опасности она могла теперь дѣйствовать рѣшительно: у нея было въ рукахъ средство отправить его обратно въ Каенну.

V.

Въ тотъ самый день, когда Лиза открыла ехидные замыслы Флорана, грозившіе погибелью ея семейству, г-жа Саже сдѣлала съ своей стороны не менѣе важныя открытія. Встрѣтивъ случайно

на улицѣ Полину, маленькую дочь Кеню, старая сплетница стала спрашивать ее о всемъ, что дѣлалось въ колбасной, надѣясь выпытать у ребенка то, чего она столько времени напрасно домогалась, а именно: открытія тайны Флорана.

— Твоя мама добрая, не правда-ли? Ты ее любишь? спросила она.

— Да, да, отвѣчала дѣвочка, стараясь отдѣлаться отъ назязчивой старухи.

— А твой папа также добрый, онъ тебя не бьетъ, не ссорится съ мамой? Что они говорятъ вечеромъ, ложась спать?

— Не знаю; я въ своей постелькѣ сплю.

— Что они говорятъ о дядѣ Флоранѣ?

— Не знаю.

— Ты маленькая лгуныя! воскликнула старая дѣва строгимъ тономъ:—а ты знаешь, что грѣхъ лгать?

— Она слишкомъ глупа, чтобъ что-нибудь знать, произнесъ сынъ красавицы-Нормандки, неожиданно подвернувшейся тутъ-же на улицѣ:—а вотъ я такъ знаю, что мой другъ Флоранъ отвѣтилъ вчера, когда мама сказала ему шутя, что онъ можетъ ее поцѣловать, если захочетъ.

— Ну, ну, продолжала г-жа Саже, обращаясь къ дѣвочкѣ:—скажи мнѣ, я тебѣ куплю леденцевъ, ты, вѣдь, не любишь дядю Флорана?

— Нѣтъ, мама говоритъ, что онъ не хорошій.

— Вотъ видишь, твоя мама говорила о немъ?

— Я на дняхъ спала съ кошечкой въ рукахъ, какъ вдругъ, слышу, мама говоритъ папѣ: „твой братъ убѣждалъ съ каторги, чтобъ насъ всѣхъ туда отправить“.

Старая сплетница вскрикнула отъ радости. Мракъ, такъ давно царившій въ ея головѣ, вдругъ освѣтился лучезарнымъ свѣтомъ. Она, наконецъ, все узнала! Болѣе года она горѣла внутреннимъ, неугасимымъ огнемъ и вотъ вдругъ разомъ ея жажда удовлетворена. Она чувствовала, что словно воскресла отъ смерти и дѣйствительно, она зачала-бы отъ жгучаго любопытства, если-бы тайна Флорана не открылась еще нѣсколько времени. Теперь она знала его насквозь. Теперь она была увѣрена, что весь рынокъ былъ въ ея рукахъ; въ ея головѣ было все ясно, въ исторіи околodka не было ни одного пробѣла. Она была со-

вершено счастлива. Но такъ какъ для полнаго блаженства надо было, какъ можно скорѣе распространить эту вѣсть, она почти бѣгомъ, не чувствуя земли подъ своими ногами, отправилась къ своей пріятельницѣ г-жѣ Леверъ, и ея племянницѣ, которыя считались послѣ г-жи Саже самыми злобными сплетницами всего рынка.

Высокаго роста, сухая, костлявая старуха г-жа Леверъ была сестра покойной жены Гавара. Она долго тѣшила себя надеждой, что веселый толстякъ женится на ней, но онъ терпѣть не могъ худощавыхъ женщинъ и всѣ ея хитрости ни къ чему не повели; разочарованная, разгнѣванная женщина стала питать къ своему зятю непримиримую ненависть, которая еще болѣе возросла съ той минуты, какъ Гаваръ, продавъ свою съѣстную лавку въ улицѣ Пируэтъ, открылъ торговлю живностью на рынкѣ, въ двухъ шагахъ отъ павильона, гдѣ она продавала масло, яйца и сыръ. „Онъ это сдѣлалъ нарочно, чтобъ меня взбѣсить и подорвать мою торговлю“, говорила она; и дѣйствительно, она такъ много думала о недоставшихся ей деньгахъ Гавара, такъ разстроивала свои нервы, такъ сердилась, что еще болѣе исхудала, пожелтѣла, а главное запустила свои дѣла, которыя пришли въ упадокъ. Мало-по-малу, ожесточеніе противъ Гавара превратилось въ общую ненависть ко всѣмъ и сердитая, злобная старуха только и занималась, что самыми отвратительными сплетнями обо всѣхъ и каждомъ. Но она стала особенно невыносима съ того времени, какъ, по ея словамъ, племянница отплатила ей за всѣ ея попеченія самой черной неблагодарностью.

Эта молодая дѣвушка по фамиліи Сарьетъ и прозванная на рынкѣ Ла-Сарьетъ находилась съ дѣтства въ лавкѣ своей тетки, которая, однако, вовсе о ней не заботилась и она росла по волѣ судьбы среди шумной, полной соблазнами жизни центрального рынка. Въ семнадцать лѣтъ она была такой блестящей красавицей и ловкой кокеткой, что многіе мужчины только для того и приходили въ лавку и покупали сыръ, чтобъ посмотреть на нее. Но она была дитя народа и не обращала вниманія на увивавшихся вокругъ нея франтовъ, остановила свой выборъ на молодомъ, здоровомъ носильщикѣ изъ Менильмонтана. Достигнувъ двадцатилѣтняго возраста, она разсорилась съ теткою и открыла фруктовую лавку, на какіе фонды—объ этомъ никто не зналъ,—но съ тѣхъ поръ ея любовникъ началъ себя называть г. Жюль, пе-

ресталь носить товарные тюки и появлялся на рынокъ только послѣ дня въ чистой блузѣ, въ бархатной фуражкѣ и туфляхъ. Они жили вмѣстѣ въ улицѣ Вавиле и Жюль проводилъ всѣ вечера въ кофейной, гдѣ онъ, завитой и напомаженный, давалъ тонъ модной молодежи центрального рынка. Онъ читалъ скандальныя хроникн маленькихъ газетъ, зналъ по именамъ всѣхъ кокотокъ, критиковалъ новыя пьесы, толковалъ о придворныхъ балахъ, но съ особеннымъ удовольствіемъ бесѣдовалъ о полетикѣ съ своими товарищами, юными носильщиками и лавочными сидѣльцами, которые всѣ отличались моднымъ, великосвѣтскимъ реакціоннымъ направлениемъ. Его идеаль былъ Марни, который такъ остроумно издѣвался надъ республиканцами, и Жюль съ жадностью читалъ въ газетахъ его выходы, смѣясь отъ души и громко заявляя своимъ восхищеннымъ слушателямъ, что только презрѣнная сволочь ненавидѣла императора, который желалъ, чтобы всѣ порядочные люди жили весело. Пока Жюль велъ праздную жизнь свѣтскаго франта, Ла-Сарьеть весело торговала въ своей лавкѣ, гдѣ среди грудъ всевозможныхъ фруктовъ, она представляла прелестное зрѣлище. Смуглая, полная, какъ кровь съ молокомъ, съ развѣвающимися кудрями, блестящими, какъ угли, глазами, вѣчно обнаженными руками и шеей, нѣжными, какъ персикъ, и алыми губками, напоминавшими спѣлую вишню, она смѣялась съ утра до вечера и съ примѣтной наивностью сплетничала съ сосѣдками-вумушками. Какъ мы уже сказали, она была племянницей Гавара, и добродушный болтунъ ее очень любилъ, находя ее прелестной и забавной. Вотъ эти-то двѣ женщины, одна злобная старуха и другая веселая молодая дѣвушка, составляли съ г-жею Саже грозный триумвиратъ, котораго боялся весь рынокъ.

Отыскавъ своихъ пріятельницъ на рынокѣ, г-жа Саже съ торжерствомъ воскликнула:

— Вы знаете, что такое Флоранъ? Я вамъ скажу...

Она подождала нѣсколько минутъ, тѣпась любопытствомъ, терзавшемъ ее слушательницъ, и потомъ прибавила громвымъ голосомъ:

— Онъ бѣжалъ съ каторги!

Г-жи Леверъ и Ла-Сарьеть были поражены удивлениемъ. Неужели это была правда. Что-жъ онъ сдѣлалъ? Неужели г-жа Кеню,

добродѣтелю которой гордился весь кварталъ, выбрала себѣ въ любовники бѣглаго каторжника.

— Вы совсѣмъ не то говорите! воскликнула г-жа Саже съ нетерпѣніемъ:—вы только послушайте... я знала, что гдѣ-то видѣла эту сухую палку!

И она рассказала исторію Флорана. Она теперь вспоминала, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ сослали въ Каенну, племянника старика Граделя за убійство шести жандармовъ на баррикадѣ; она даже его видѣла однажды въ улицѣ Пируэтъ. Да это дѣйствительно былъ онъ. Но среди своего торжества г-жа Саже не могла удержаться отъ жалобъ на потерю памяти, она чувствовала, что вскорѣ ничего не будетъ знать и оплакивала свою память подобно тому, какъ ученый оплакивалъ-бы потерю труда, стоявшаго ему цѣлой жизни.

— Онъ убилъ шесть жандармовъ! воскликнула Ла-Сарьетъ съ восторгомъ:—вотъ должно быть здоровенный кулакъ.

-- Это еще ничего, то-ли онъ дѣлалъ! замѣтила г-жа Саже:—я не совѣтую вамъ встрѣчаться съ нимъ ночью.

— Какой разбойникъ! промолвила со страхомъ г-жа Лекеръ:—но если онъ зять толстой Лизы, то... она съ нимъ не...

И всѣ три сплетницы сомнительно поглядѣли другъ на друга. Имъ не хотѣлось отказать отъ тѣхъ слуховъ, о любовной связи Флорана съ Лизой, которые онѣ сами распространяли.

— Это нисколько не мѣшаетъ, замѣтила г-жа Саже:—по, по правдѣ сказать, это было-бы ужъ слишкомъ гадко. Впрочемъ, я за это головы не отдамъ.

— Къ тому-же, замѣтила Ла-Сарьетъ:—вѣдь это старая исторія; вы сами видѣли, что онъ теперь спитъ то съ одной, то съ другой изъ сестеръ Меноденъ.

— Конечно, я видѣла, моя красавица! воскликнула съ сердцемъ г-жа Саже, которой показалось, что ей не вѣрять:—онъ всѣ вечера проводитъ съ ними... Впрочемъ, намъ все равно, съ кѣмъ-бы онъ не спалъ. Мы женщины честныя... Но онъ-то какой подлець!

— Еще-бы, подлець изъ подлецовъ, подтвердили остальные собесѣдницы.

Но для чего возвратился съ каторги Флоранъ? Конечно, для какой-нибудь ужасной цѣли. Г-жа Лекеръ заявила, что она

запретъ свою кладовую на два замка; Ла-Сарьеть вспомнила, что у ней на прошлой недѣлѣ украли корзинку съ персиками, но г-жа Саже, считавшая себя образованной женщиной объяснила, что республиканцы никогда такъ не поступаютъ, а собравшись большой шайкой въ двѣсти или триста человекъ жгутъ и убиваютъ все, что попадется имъ подъ руку. Испуганная фантазія кумушекъ не знала теперь границъ и онѣ уже видѣли передъ собою пылающій рынокъ и груды мертвыхъ тѣлъ.

— А мы совсѣмъ забыли о наслѣдствѣ старика Граделя! воскликнула вдругъ г-жа Саже:—пріѣздъ брата, вѣрно, Кеню не по сердцу.

Разговоръ теперь обратился на Кеню и его жену, которые, конечно, скрыли отъ Флорана наслѣдство и не дали ему ни гроша, что доказывала его изношенная одежда. Всѣ они одинаковые шазурики, порѣшили кумушки; но не безопасно было привязываться къ богатой, энергичной колбасницѣ и потому слѣдовало, не поднимая вопроса о наслѣдствѣ, принять мѣры только противъ козней „краснаго“, и особенно помѣшкать ему обобрать бѣднаго добряка Гавара. Дружба послѣдняго съ Флораномъ особенно безпокоила г-жу Лекеръ и Ла-Сарьеть, которыя рассчитывали на его наслѣдство, а опасность была тѣмъ громаднѣе, что, по слухамъ, старикъ хранилъ всѣ деньги золотомъ въ своей квартирѣ. Эта опасность отъ Флорана для Гавара и его сокровищъ была двоякая; низкій ваторжникъ могъ ограбить добродушнаго болтуна и упечь его подъ судъ за политическіе заговоры. Поэтому послѣ долгихъ разсужденій было рѣшено, что три пріятельницы будутъ свято хранить тайну, открытую г-жею Саже, не потому, чтобъ Флоранъ заслуживалъ снисхожденія, но слѣдовало всячески оградить почтеннаго Гавара, отъ компрометирующихъ его слуховъ.

На другой день послѣ этого торжественнаго совѣщанія, весь рынокъ былъ взволнованъ исторіей о Флоранѣ. Г-жа Лекеръ и Ла-Сарьеть блистательно доказали, какъ онѣ умѣли держать свое слово, а г-жа Саже выказала въ этомъ случаѣ удивительную ловкость: она сама молчала, предоставляя другимъ распространять страшную сплетню. Сначала между торговцами ходилъ глухой шопотъ, одна передавала другой въ полголоса что-то, не ясное, не определенное, но мало-по-малу всѣ толки, всѣ отдѣльные эпизоды сливались въ одну грозную легенду, въ которой Флоранъ игралъ

роль чудовищнаго злодѣя. Онъ убили на баррикадѣ десять жандармовъ, возвратился изъ ссылки на кораблѣ пиратовъ, предававшихъ смерти всѣхъ встрѣчавшихся моряковъ, а времени своего прибытія въ Парижъ, онъ постепенно шлялся по улицамъ ночью въ обществѣ подозрительныхъ людей, надъ которыми онъ, конечно, былъ начальникомъ. И воображеніе торговекъ разыгрывалось на всѣхъ парахъ, онѣ выдумывали самыя драматическія подробности и вѣрили въ существованіе шайки контрабандистовъ въ центрѣ Парижа или громаднаго общества воровъ, которые сосредоточивали въ своихъ рукахъ всѣ кражи, совершавшіяся на Центральномъ рынкѣ. Кеню и красавицу Лизу всѣ очень сожалѣли, но въ то-же время саркастически отзывались о наслѣдствѣ старика Граделя. По общему мнѣнію, Флоранъ возвратился за своей долей наслѣдства и если до сихъ поръ не произошло раздѣла, то, конечно, дожидался удобнаго случая захватить все. По всей вѣроятности, въ одинъ прекрасный день Кеню и его жену найдутъ убитыми. Уже и теперь, по слухамъ, происходили каждый вечеръ въ колбасной страшныя сцены.

Когда эти слухи дошли до красавицы-Нормандки, то она только пожала плечами и громко засмѣялась.

— Полноте, сказала она;—вы его не знаете. Этотъ малый человекъ смиренъ, какъ агнецъ.

Мало-по-малу, грубая торговка совершенно поддавалась вліянію нѣжнаго характера Флорана и, видя, что онъ по-прежнему держитъ себя на приличномъ разстояніи, тогда какъ ей хотѣлось любить, какъ только могло любить ея пылкое сердце, она стала мечтать о бракѣ съ этимъ ученымъ, добрымъ человекомъ. Поэтому она на отрѣзъ отказала Лебигру, который уже давно добивался ея руки и, какъ человекъ толстый, здоровый, богатый, пользовался полнымъ расположеніемъ старухи Меноденъ. Исторія Флорана, которой она, наконецъ, повѣрила, когда услышала ее изъ его собственныхъ устъ, только увеличили ея нѣжность къ нему. Упрекая его за то, что онъ такъ долго скрывалъ отъ нея правду, она теперь не уставала слушать его рассказы о всѣхъ удивительныхъ приключеніяхъ его жизни. Одинъ лишь эпизодъ о женщинѣ, трупъ которой обогрѣлъ его кровью на Монмартрскомъ бульварѣ, возбуждалъ ея неудовольствіе; она, какъ влюбленная женщина, истинноивно понимала, что въ сердцѣ Флорана затаилась странная, непонятная любовь къ

этому призраку, что для него кромя этой мертвой женщины не было другой на свѣтѣ. Она старалась было поднять на смѣхъ „женщину, которая спала съ нимъ на бульварѣ“; но Флоранъ грубо оборвалъ, ибо онъ все еще находился подъ чарующимъ вліяніемъ этого видѣнія и часто мечталъ, что, можетъ быть, она когда-нибудь очнется и что онъ встрѣтитъ ее рано или поздно.

Но изъ разсказовъ Флорана красавицу-Нормандку всего болѣе поразило то, что она, какъ оказалось, не отбила любовника у Лизы. Это уменьшало ея торжество и она впродолженіи недѣли гораздо менѣе любила Флорана, но потомъ она утѣшилась исторіей о наслѣдствѣ. Лиза уже болѣе не была въ ея глазахъ напыщенной душой, а низкой воровкой, скрывавшей состояніе ея зятя. Несмотря на всѣ увѣренія Флорана, что ему предлагали деньги, и онъ не хотѣлъ ихъ взять, она ему не вѣрила и всячески старалась насмѣшками, угрозами, нѣжностью, побудить его принять энергическія мѣры противъ Кеню-Градела. Видя, что это ни къ чему не вело, она стала еще болѣе желать выйти за-мужъ за Флорана, такъ какъ, сдѣлавшись его женой, она сама потребовала-бы его 42.500 фр. отъ своей соперницы и тѣмъ окончательно, навсегда побѣдила-бы ее.

Вслѣдствіе этого, красавица-Нормандка, все болѣе и болѣе кокетничала съ Флораномъ и преслѣдовала его своими нѣжностями, но ея соблазнительныя чары по-прежнему не дѣйствовали на него, тѣмъ болѣе, что въ послѣднее время, онъ все-цѣло предался своей политической дѣятельности и ни о чемъ другомъ не думалъ. Но за то это поведеніе Нормандки выводила изъ себя ея старуху мать, которая не могла ей простить отказа Лебигру. Она вездѣ кричала, что ея дочь рехнулась и что вѣрно сухощавный негодяй, далъ ей какое-нибудь зелье. Узнавъ объ исторіи Флорана; она открыто называла его ваторжникомъ, убійцей; теперь ей было ясно его сухощавость и она распространяла самые ужасные варианты сложившейся о немъ легенды. Дома она довольствовалась тѣмъ, что постоянно ворчала и при появленіи Флорана запирала серебро. Однажды побранившись съ своей старшей дочерью, она воскликнула:

— Такъ не можетъ продолжаться! Эта каналья тебя возстанавливаетъ противъ меня. Не выводи меня изъ терпѣнія, а то я на него донесу.

— Вы на него донесете! воскрикнула Нормандка, дрожа всѣмъ тѣломъ и сжимая кулаки:— не дѣлайте этого. Будеть несчастье! Ахъ! если-бъ вы не были моей матерью...

Ея сестра Клара, присутствовавшая при этой сценѣ, стала тихо, нервно смѣяться. Она уже давно съ самаго начала посѣщеній Флораномъ красавицы Нормандки, молча протестовала противъ ея поведенія и словно терзаемая ревностью постоянно отвергивалась отъ человѣка, которому нѣкогда одна на всемъ рынкѣ любезно протягивала руку. Флоранъ съ грустью замѣчалъ неожиданную перемѣну въ ней и враждебное къ нему отношеніе, но его обычная застѣнчивость съ женщинами, мѣшала ему объясниться съ нею. Особенно въ послѣднее время она стала мрачнѣе и фантастичнѣе, чѣмъ когда-либо; глаза ея были постоянно красные, а цвѣтъ лица матово-блѣдный.

— Такъ что-жъ, если-бъ она не была твоею матерью, промолвила она, смотря вызывающимъ взглядомъ на сестру:— ты ее побила-бы. А меня также побьешь? Ты знаешь, вѣдь этимъ кончится. Я очишу нашъ домъ, я пойду въ префектуру, чтобъ избавить отъ этого мать.

Красавица Нормандка едва дышала отъ злобы и только что хотѣла накинуться на Клару, какъ та прибавила:

— Тебѣ нечего будетъ беспокоиться бить меня. Я на возвратномъ пути брошусь въ воду.

И молодая дѣвушка поспѣшно выбѣжала изъ комнаты, скрывая рукою крупныя слезы, выступившія у нея на глазахъ. Послѣ этой сцены, старуха Меноденъ никогда болѣе не напоминала о доносѣ на Флорана, но ее выдали почти каждый день въ оживленныхъ бесѣдахъ съ Лебигромъ, въ уединенныхъ углахъ рынка.

Теперь соперничество красавицы Нормандки съ красавицей Лизой приняло болѣе безмолвный, безпokoйный характеръ; но преимущество оставалось на сторонѣ Лизы. Она чрезвычайно спокойно и съ торжественнымъ достоинствомъ ждала роковой развязки, тогда какъ Нормандка, несмотря на всѣ свои старанія сохранить достойный, приличный видъ, постоянно позволяла себѣ какую-нибудь дерзкую выходку, о которой сама потомъ сожалѣла. Все честолюбіе Нормандки заключалось въ томъ, чтобъ быть приличной и ничто ее такъ не сердило, какъ похвалы хорошимъ манерамъ ея

соперницы. Старуха Меноденъ, замѣтивъ эту слабую сторону своей дочери, постоянно говаривала:

— Удивительно, какъ это г-жа Кеню такъ прекрасно сохраняется. При этомъ она такая опрятная, блестящая, настоящая барыня. Это все оттого, что она сидитъ за конторкой. Ты не можешь себя представить, какъ это поддерживаетъ женщину и какой придаетъ ей приличный видъ.

Въ этихъ словахъ заключался косвенный намекъ на предложеніе Лебигра. Красавица Нормандка никогда не отвѣчала, но иногда задумывалась и уже видѣла себя по ту сторону улицы Пируэтъ, за конторкой въ виноторговлѣ Лебигра, противъ самой колбасной Кеню Граделя. Это соблазнительное видѣніе набрасывало первую тѣнь на ея любовь къ Флорану.

Впрочемъ, въ послѣднее время было очень трудно защищать Флорана. Весь кварталъ возсталъ противъ него. Казалось, всѣ были заинтересованы въ его гибели. Одни увѣряли, что онъ проданъ полиціи, другіе утверждали, что его видѣли въ подвалахъ рынка, гдѣ онъ разбрасывалъ зажженные спички. По-всюду слышались противъ него самыя страшныя клеветы и гнусныя обвиненія. Павильонъ морской рѣбы возмутился послѣдній, такъ какъ рыбныя торговки любили Флорана за его доброту и мягкость. Онъ долго защищалъ, наконецъ, побуждаемый сосѣдками изъ павильоновъ фруктового и сырного, онъ поддались общему теченію. Тогда началась съ новой силой великая борьба между толстыми, откормленными женщинами и этимъ исхудалымъ, испытаннымъ человѣкомъ.

Эта борьба, на которую Флоранъ, занятый совершенно инымъ, не обращалъ почти никакого вниманія, очень занимала его пріятеля живописца Клода, который продолжалъ съ нимъ постоянно видаться, хотя рѣшительно отказался отъ всякаго участія въ его политическихъ замыслахъ. Онъ не питалъ никакого интереса къ политикѣ и относился къ ней съ равнодушіемъ художника, думающаго только о своемъ искусствѣ. Что-же касается преслѣдованія торговками Флорана, то онъ видѣлъ въ этомъ великоблѣнное по поразительному контрасту зрѣлище натиска толстаго, жирнаго брюха на исхудалую, изнуренную грудь.

Однако, несмотря на свое ослѣпленіе фанатика, сосредоточеннаго на одной идеѣ, Флоранъ мало-по-малу сталъ замѣчать ежедневно усиливавшуюся вражду противъ него всѣхъ окружающихъ.

Даже у Меноденовъ его стали принимать холодно: старуха подсмѣивалась надъ нимъ изподтишка, сынъ Нормандки пересталъ его слушаться, а сама красавица смотрѣла на него съ рѣзкимъ нетерпѣніемъ, когда всѣ ея нѣжности не могли разшевелить его. Она однажды сказала ему прямо, что, кажется, она ему надоѣла, и когда онъ ничего на это не отвѣчалъ, а только принужденно улыбался, она гнѣвно вскочила и пересѣла въ другой уголъ комнаты. Но особенно враждебно стали относиться къ Флорану слуга и служанка въ колбасной, такъ-какъ Лиза не соглашалась на ихъ свадьбу до очищенія Флораномъ занимаемой имъ комнаты. Одинъ только Кеню ничего не зналъ и не подозрѣвалъ. Лизѣ удавалось, хотя съ немовѣрными усиліями, не допускать до него тѣхъ, которые могли передать ему тревожные слухи о его братѣ. Сора Флорана съ его женою нѣсколько огорчила Кеню, но онъ утѣшался работой на кухнѣ, гдѣ Лиза, чтобы развлечь мужа, постоянно находила ему занятія. Поэтому онъ очень рѣдко выходилъ на улицу, и когда даже появлялся на порогъ колбасной, то никакъ не подозрѣвалъ, что при видѣ его толки на рынкѣ возобновлялись съ новою силою. Одни его жалѣли, находя, что онъ похудѣлъ, хотя онъ былъ, по-прежнему, чудовищно-толстъ, другіе, напротивъ, упрекали его въ томъ, что онъ недостаточно худѣлъ отъ стыда имѣть такого брата. А онъ, подобно обманутымъ мужьямъ, которые послѣ всѣхъ узнаютъ о постигшей ихъ участи, недоумѣвалъ, отчего сосѣдки на его веселія шутки отвѣчаютъ мрачно, съ какимъ-то страннымъ тономъ сожалѣнія.

— Что это съ ними? спросилъ онъ однажды у Лизы. — Отчего онѣ всѣ смотреть на меня такъ траурно? Развѣ я похудѣлъ?

Она старалась его успокоить, увѣряя, что онъ, какъ всегда, кровь съ молокомъ, ибо онъ былъ ужасно мнителенъ и боялся малѣйшаго недуга. Но въ сущности великолѣпная колбасная Кеню Граделя дѣйствительно становилась мрачной: зеркальныя стекла какъ-то потускнѣли, мраморъ казался не такимъ блестящимъ, мяса поблѣднѣли, галантиръ утратилъ свою прозрачность, окорока смотрѣли болѣзненно. Къ тому-же всѣ покупатели какъ-то странно понижали голосъ, словно находились въ комнатѣ умирающаго. Лиза среди окружающаго ее траура вела себя съ безмолвнымъ достоинствомъ. Ея длинный, бѣлый передникъ серьезно ниспадалъ на ея черное платье; ея полныя, бѣлоснѣжныя руки виднѣлись изъ-

за большихъ накрахмаленныхъ рукавчиковъ, а выраженіе ея лица, которому печальная серьезность придавала еще болѣе красоты, ясно говорило любопытнымъ кумушкамъ, что она была жертвою несчастнаго несчастія, но знаетъ причину этого несчастія и съумѣетъ, въ концѣ-концовъ, восторжествовать.

Флоранъ рѣдко теперь появлялся въ колбасной, гдѣ Лиза встрѣчала его ледоноющимъ безмолвіемъ, но все-же онъ иногда обѣдалъ по воскресеньямъ. Тогда Кеню старался развеселить всѣхъ своими шутками, но его усилія не могли оживить этихъ холодныхъ семейныхъ бесѣдъ. Онъ плохо ѣлъ, сердился на себя и другихъ и однажды сказалъ женѣ со слезами на глазахъ:

— Что-же со мною? Ты говоришь, что я хорошъ на взглядъ, и я, кажется, не боленъ, но меня давитъ какая-то тяжесть. И потомъ мнѣ грустно, скучно, право, не знаю, отчего. Ты не знаешь-ли?

— Ты, просто, сегодня не въ духѣ, отвѣчала Лиза.

— Нѣтъ, это ужь давно продолжается. А вѣдь наши дѣла идутъ хорошо, я не имѣю большого горя и все идетъ по-старому. И ты также, моя милая, что-то грустна въ послѣднее время. Если такъ пойдетъ дальше, то я пошлю за докторомъ.

— Не надо никакого доктора, сказала красавица Лиза, серьезно смотря на мужа: — это пройдетъ и такъ. Вотъ, видишь-ли, въ воздухѣ что-то дурное: въ околоткѣ всѣ больны...

Потомъ она прибавила съ материнской нѣжностью:

— Не безпокойся, мой милый толстякъ. Я не хочу, чтобы ты занемогъ. Только этого еще недоставало.

Между тѣмъ въ виноторговлѣ Лебигра происходили важныя событія. Флоранъ, съ тѣхъ поръ, какъ онъ пересталъ ѣсть въ колбасной, почти жилъ въ отдѣльной комнатѣ виноторговли, которую Лебигръ любезно предоставилъ въ его полное распоряженіе; онъ даже вынесъ изъ комнаты одинъ столъ и замѣстилъ его диваномъ, чтобы Флоранъ, въ случаѣ надобности, могъ тутъ и заснуть. Такимъ образомъ, Флоранъ, перетащивъ въ эту комнату свои вещи, книги и бумаги, въ ней завтракалъ, обѣдалъ, работалъ и отдыхалъ. Когда-же онъ иногда извинялся передъ хозяиномъ за доставляемое безпокойство, то Лебигръ просилъ его быть, какъ дома и распоряжаться всѣмъ его заведеніемъ. Также дружелюбно относился къ нему Логръ, который сдѣлался его

главнымъ помощникомъ. Онъ, по его словамъ, цѣлые дни бѣгалъ по Парижу, отыскивалъ новыхъ сообщниковъ, входилъ въ сношеніе съ многочисленными кружками, которые должны были всѣ соединиться въ назначенный день. Флоранъ слѣпо ему вѣрилъ, несмотря на то, что Логръ никогда не сообщалъ точныхъ свѣдѣній, цифръ, именъ и адресовъ, а довольствовался общими словами и общаніями все приготовить и устроить. Но если Лебигръ и Гаваръ окружали Флорана всевозможными любезностями, то Шарве, съ самаго начала невлюбившій новичка, который пошатнулъ его авторитетъ въ кружкѣ, теперь открыто возсталъ противъ него. Онъ особенно старался напугать Лебигра и Логра, говоря, что этотъ мальчишка, непонимавшій ничего въ политикѣ, только скомпрометируетъ ихъ всѣхъ и попадетъ подъ судъ.

— Впрочемъ, прибавлялъ онъ, если-бъ Флоранъ былъ такимъ опаснымъ человѣкомъ, какимъ онъ себя представляетъ, то его уже давно схватили-бы. Если полиція оставляетъ его на свободѣ, то, значить, она мирится съ нимъ. Вотъ меня преслѣдуютъ пятнадцать лѣтъ, но я не стану объ этомъ всѣмъ рассказывать, какъ онъ кричитъ повсюду о своемъ бѣгствѣ изъ Каенны... Нѣтъ, я въ этой исторіи не участникъ, я не дуракъ и не дамъ въ руки полиціи... а за нимъ, вѣрно, слѣдятъ съ полдюжины шпионовъ, которые его представляютъ въ префектуру, когда онъ тамъ понадобится.

— Нѣтъ, какая мысль! воскликнулъ Лебигръ, который никогда не говорилъ и, поблѣднѣвъ, взглянулъ на Логра.

— Эти одни предположенія, промолвилъ послѣдній.

— Конечно, отвѣчалъ Шарве:—но я знаю, какъ это дѣлается и я совѣтовалъ-бы, особенно вамъ, г. Лебигръ, не компрометировать себя, а то закроютъ ваше заведеніе.

Но эти предостереженія ни на кого не дѣйствовали; Лебигръ и Логръ были изумительно спокойны и довѣрчивы, а остальные члены кружка вполнѣ поддались энтузіазму Флорана. Особенно торжествовалъ Гаваръ, который дошелъ до того, что постоянно носилъ въ карманѣ пистолетъ и, показывая его торговцамъ, тѣшился самымъ наивнымъ хвастовствомъ. Однако, вечера въ виноторговлѣ перестали быть такими шумными, какъ прежде. Теперь ораторствовалъ одинъ Флоранъ, а Шарве хотя и прихо-

диль каждый день, но упорно молчалъ блѣдный, съ затаенной въ сердцѣ злобой. Онъ никакъ не могъ мириться съ мыслию играть второстепенную роль тамъ, гдѣ былъ нѣкогда полновластнымъ повелителемъ, торжество его соперника выводило его изъ себя, особенно съ тѣхъ поръ, какъ Флоранъ совершенно овладѣлъ всей небольшой комнатою виноторговли и, наконецъ, въ одинъ прекрасный вечеръ онъ всталъ, надѣлъ шляпу и вышелъ говоря:

— Прощайте, ломайте себѣ шею, если желаете. Я вамъ не товарищъ, я никогда не поддерживалъ честолюбцевъ.

— Вашъ планъ нелѣпный, прибавила Клемансъ, слѣдуя за Шарве.

И съ этой минуты, они никогда болѣе не возвращались въ виноторговлю Лебигра.

Но эта измѣна двухъ членовъ нисколько не охладила дѣятельности кружка, или, лучше сказать, Флорана и его помощника Логра, такъ какъ остальные довольствовались пассивными ролями. За то Логръ не зналъ ни минуты отдыха и являлся каждый вечеръ съ отчетомъ къ Флорану, усталый, изнуренный своимъ странствіемъ по всѣмъ кварталамъ Парижа, хотя г-жа Саже, постоянно слѣдившая за всѣмъ, что дѣлалось у Лебигра, не разъ замѣчала, что его сапоги при входѣ въ виноторговлю не были даже запылены. Дѣло быстро подвигалось, по его словамъ, къ развязкѣ, но необходимы были деньги. Тогда Флоранъ, готовый на всевозможное пожертвованіе, вспомнилъ о своемъ наследствѣ и общалъ достать денегъ. На другой день онъ спросилъ у брата 500 фр. самымъ простымъ дѣловымъ засогомъ, какъ человекъ, у котораго открытъ текущій счетъ. Кеню послалъ его къ Лизѣ и та молча отдала ему деньги, не спрашивая, на что онъ ему нуженъ. Логръ съ радостью взялъ эту сумму и съ тѣхъ поръ каждый день являлись новыя потребности, то надо было нанять помѣщеніе, то купить ружья, то помочь несчастнымъ патриотамъ и т. д. Флоранъ безпрекословно давалъ деньги, черная въ сундукъ Лизы, а на Логрѣ стали въ это время впервые появляться модные розовые галстуки и лакированныя ботинки.

— Онъ перебралъ въ недѣлю три тысячи франковъ, сказала, наконецъ, Лиза своему мужу:—Каково! Если это такъ продолжится, то его 50,000 не хватитъ на четыре мѣсяца. А бѣдный старикъ Градель!—вѣдь наживалъ ихъ сорокъ лѣтъ.

— Ты сама виновата, воскликнул Кеню;—зачѣмъ было говорить ему о наслѣдствѣ.

— Это его собственность, возразила Лиза, строго взглянувъ на мужа:—онъ можетъ все взять... Мнѣ не жаль его денегъ, но меня беспокоитъ—куда онъ ихъ дѣваетъ. Вѣрно, на что-нибудь недоброе. Я тебѣ уже давно говорила: пора этому положить конецъ.

— Дѣлай, какъ знаешь, я тебѣ не мѣшаю, произнесъ колбасникъ, который хотя и любилъ брата, но не могъ помириться съ мыслью о потерянныхъ деньгахъ.

Дѣйствительно, настала минута принять энергичныя мѣры; Лизу тревожила не только тайная цѣль, для которой Флоранъ брлъ столько денегъ, но и рассказы г-жи Саже, которая постоянно пугала ее извѣстиями о подготовлявшихся ужасахъ въ виноторговлѣ. Въ тотъ самый день, когда она имѣла разговоръ съ мужемъ, старая сплетница передала ей подѣ глубокой тайной, что она сама видѣла въ комнатѣ заговорщиковъ груды красныхъ тряпокъ, какъ-бы обмоченныхъ въ крови. Все это вмѣстѣ заставило Лизу рѣшиться выйдти изъ своего выжидательнаго положенія, и на другое утро, когда Флоранъ отправился на службу, она вошла къ нему въ комнату. На порогѣ она остановилась въ ужасѣ: повсюду были разбросаны красныя знамена, кокарды, перевязи и т. д. Вотъ на что шли деньги. Ее обуялъ нестерпимый страхъ, ей казалось, что завтра явятся къ ней въ колбасную убійцы и грабители съ этими кровавыми значками. Она не стала даже читать бумагъ, разбросанныхъ на столѣ, а поспѣшно вышла изъ комнаты.

Колебаться было невозможно; ей предстояло исполнить долгъ и, спросивъ свою совѣсть, по совѣту аббата Рустана, она пришла къ тому убѣжденію, что совершаетъ честное дѣло. Тогда она, не торопясь, одѣлась, какъ можно приличнѣе, закрыла лицо вуалью и, подѣ предлогомъ закупокъ, вышла изъ дома. На улицѣ она взяла фіакръ и отправилась въ полицейскую префектуру. Тамъ она очутилась въ толпѣ полицейскихъ сержантовъ и чиновниковъ; за десять сантимовъ ее провели къ кабинету префекта, но проникнуть въ это святилище можно было только по предварительному разрѣшенію аудіенціи и потому ей указали на сосѣдную узкую, плохоубранную комнату, гдѣ она увидѣла тол-

стаго, лысаго мужчину въ черно́мъ сюртукѣ. Онъ принялъ ее очень холодно, но она, не обращая на это вниманія, подняла свой вуаль, сказала свое имя и въ сжатыхъ, откровенныхъ выраженіяхъ передала все, что знала. Чиновникъ слушалъ ее внимательно, съ видомъ человѣка, которому все надоѣло. Когда она окончила, онъ спросилъ спокойно.

— Вы жена брата этого человѣка?

— Да, отвѣчала Лиза.—Мы люди честные, я не хочу чтобы мой мужъ попался.

— Вотъ видите, сказалъ чиновникъ, пожимая плечами и съ очевиднымъ нетерпѣніемъ: — мнѣ надоѣдаютъ съ этимъ дѣломъ болѣе года. Одинъ доносъ слѣдуетъ за другимъ, меня торопятъ, не даютъ мнѣ покоя. Вы понимаете, что если я не дѣйствую, то, значитъ, имѣю свои причины. Вотъ дѣло ваше, я вамъ его покажу.

Онъ подалъ ей толстое дѣло въ синей оберткѣ. Она стала пересматривать находившіяся тамъ бумаги и передъ ней постепенно началъ развиваться отдѣльными эпизодами только-что переданный ею рассказъ. Полицейскіе комиссары изъ Гавра и Руана увѣдомляли о пріѣздѣ Флорана. Потомъ шли донесенія о его жизни въ колбасной Кеню-Граделя, о поступленіи на службу въ центральномъ рынкѣ, о вечернихъ собраніяхъ въ виноторговлѣ Лебигра; ни одна мелкая подробность не была упущена. Лиза при этомъ замѣтила, что всѣ донесенія были двояки, слѣдовательно, изъ двухъ разныхъ источниковъ. Наконецъ, она нашла цѣлую грудку анонимныхъ писемъ всякаго рода и всевозможныхъ почерковъ. Она узнала мелкій кошачій почеркъ г-жи Саже, которая доносила о существованіи тайнаго общества въ виноторговлѣ Лебигра, и крупный, безграмотный почеркъ г-жи Лежеръ, обращавшей вниманіе полиціи на Гавара. Въ этомъ-же духѣ было написано письмо на почтовой бумагѣ, съ незабудкой наверху, очевидно, вышедшее изъ подъ пера Ла-Сарьеть въ сотрудничествѣ съ г. Жюлемъ; тутъ-же была громадная записка на четырехъ страницахъ неразборчивымъ почеркомъ старухи Менодень, которая передавала самыя нелѣпыя исторіи, ходившія на рынкѣ о Флоранѣ. Но Лизу особенно удивилъ счетъ съ заголовкомъ: „Колбасная Кеню Граделя“, на лѣвой сторонѣ котораго ея слуга продалъ человѣка, служившаго помѣхою его свадьбѣ.

Полицейскій чиновникъ съ цѣлью показать всѣ эти документы и когда она ихъ просмотрѣла, онъ спокойно спросилъ:

— Вы не узнаете почерковъ этихъ записокъ?

Она промолвила едва внятно: — нѣтъ. Потомъ она встала и быстро опустила вуаль, чтобы скрыть свое смущеніе.

— Вы видите, сударыня, что ваши свѣденія нѣсколько запоздали, сказалъ чиновникъ съ едва замѣтной улыбкой:—но будьте увѣрены, что вашъ поступокъ вамъ зачтется. Главное посовѣтуйте вашему мужу быть спокойнымъ. Могутъ представиться обстоятельства...

Но онъ не окончилъ фразы и, привставъ съ своего кресла, слегка поклонился. Это значило, что аудіенція кончена. Красавица Лиза вышла изъ комнаты и по дорогѣ въ передней замѣтила Лебигра и Логра, которые поспѣшно отъ нея отвернулись. Но она была смущена еще болѣе ихъ и только не много опривилась на чистомъ воздухѣ.

Итакъ, ея мужъ не подвергался никакой опасности, это ее успокоивало. Но она чувствовала какой-то неопредѣленный, смутный укоръ совѣсти. Зачѣмъ она рѣшилась на шагъ, который оказался совершенно бесполезнымъ. Она гнѣвно думала о тѣхъ, которые поставили ее въ смѣшное, глупое положеніе. Впрочемъ, хорошо было, что не она предала Флорана. Да развѣ въ этомъ было что-нибудь безчестное. Эта мысль ее поразила; неужели совѣсть ее обманула? Анонимное письмо, конечно, было дѣломъ низкимъ. Но она напротивъ дѣйствовала открыто, называла себя по имени, спасала всѣхъ. Тутъ она вдругъ вспомнила о наслѣдствѣ старика Граделя. Нѣтъ, она такъ поступила не изъ скупости, не изъ-за денегъ, она теперь готова была выбросить въ окно всю эту сумму, чтобы только возвратитъ колбасной ея прежнее мирное блаженство. Но все-же лучше было, что другіе ее предупредили; ей не придется обманывать Беню и она будетъ спать безмятежно.

VI.

Между тѣмъ, политическія событія въ Парижѣ сложились такъ, что черезъ недѣлю послѣ посѣщенія Лизой префектуры, Флоранъ

пришелъ къ тому убѣжденію, что настала удобная минута для дѣйствія. Законодательный корпусъ, раздѣлившійся на партіи по поводу закона о маіоратѣ одному изъ генераловъ второй имперіи, обсуждалъ проектъ налога, чрезвычайно не популярнаго; министерство, боясь пораженія, напрягало всѣ свои силы; предмѣстія глухо роптали. По словамъ Логра, не могло быть болѣе прекраснаго предлога для осуществленія ихъ агитаціоннаго плана.

Всецѣло сосредоточенный на мѣстѣ о скоромъ примѣненіи своего безумнаго, наивнаго плана, Флоранъ однажды утромъ, предъ восходомъ солнца отправился на рекогносцировку парижскихъ улицъ, окружавшихъ зданіе законодательнаго корпуса и потерявшись въ своихъ мечтаніяхъ, забылъ свои служебныя обязанности и возвратился на рынокъ только въ восемь часовъ. Но и тутъ, встрѣтивъ живописца Клода, онъ пошелъ съ нимъ въ громадныя погреба, находившіеся подъ рынокъ, откладывая, такимъ образомъ, какъ можно далѣе неприятную минуту своего появленія среди враждебныхъ, разъяренныхъ торговокъ. Однако, въ погребахъ онъ остался недолго; живописецъ съ восторгомъ любовался, какъ мальчишки торговцевъ рѣзали сотнями голубей съ необыкновеннымъ искусствомъ и ловкостью, а это отвратительное зрѣлище такъ подѣйствовало на мягкую натуру и раздраженные нервы Флорана, что онъ едва не упалъ въ обморокъ.

— Чортъ возьми! воскликнулъ Клодъ, выводя на чистый воздухъ поблѣднѣвшаго и тяжело переводившаго дыханіе Флорана:— плохой-бы вышелъ изъ васъ солдатъ! И чего васъ боялись люди, сославшіе васъ въ Каенну? Но послушайте, какъ-же это вы хотите драться на баррикадахъ? Вѣдь вы никогда не посмѣете выстрѣлить изъ пистолета, боясь кого-нибудь убить.

Флоранъ мрачный, съ отчаяніемъ въ сердцѣ, отправился въ рыбной рядъ и сталъ машинально обходить всѣ лари. Несмотря на поглощавшія его тревожныя думы, онъ не могъ не замѣтить, что торговки смотрѣли на него какъ-то особенно странно, подсмѣиваясь изъ-подтишка и подозрительно шушукаясь.

Дѣйствительно, во время отсутствія Флорана произошли важныя событія, взволновавшія весь рынокъ. На разсвѣтѣ, красавица Лиза была разбужена извѣстіемъ, что полиція пришла взять Флорана, но онъ бѣжалъ ночью, вѣроятно, предчувствуя свой арестъ. Она вскочила съ постели и какъ была въ вофтѣ, безъ корсета,

бросилась въ комнату Флорана, убѣдилась, что тамъ ничего не было компрометирующаго ея мужа и, отыскавъ въ бумагахъ портретъ Нормандки, спрятала его въ карманъ. Возвращаясь, она встрѣтила на лѣстницѣ полицейскаго комисара, который сказалъ ей что-то въ полголоса, помѣстивъ своихъ людей въ комнату Флорана и просилъ открыть, какъ всегда лавку, чтобы не возбуждать никакихъ подозрѣній.

Главной заботой Лизы было, чтобы Кеню не услышалъ о случившемся, такъ какъ онъ могъ своими слезами испортить все дѣло; поэтому она увѣрила его, что необходимо тотчасъ приняться за приготовленіе сосисекъ, что обыкновенно онъ дѣлалъ по вечерамъ. Такимъ образомъ, окруженный шумомъ ножей, рубившихъ мясо, и чугуниковъ, въ которыхъ кипѣло сало, онъ весело работалъ, не обращая вниманія на все, что происходило вокругъ него. А между тѣмъ, весь рынокъ былъ поднятъ на ноги.

Полицейскій комисаръ прямо изъ колбасной отправился къ Меноденамъ, гдѣ, по словамъ многочисленныхъ доносовъ, проводилъ свои ночи Флоранъ у красавицы-Нормандки. Старуха Меноденъ встрѣтила полицію съ злобной улыбкой, говоря:

— Мы люди честные, намъ бояться нечего, ищите, что хотите.

Красавица-Нормандка еще спала и не могла тотчасъ отворить двери, и потому полицейскій комисаръ приказалъ ее выломать. Черезъ секунду, въ сопровожденіи двухъ сержантовъ, онъ очутился передъ обнаженной разгнѣванной красавицей, которая никакъ не понимала, чего отъ нея хотѣли.

— Именемъ закона! Именемъ закона! произнесъ комисаръ спокойнымъ голосомъ, прикрывъ шалью Нормандку, и приказалъ своимъ людямъ обыскать постель.

— Что-же я сдѣлала? воскликнула она, заливаясь слезами:— чего вы ищите въ моей постелѣ?

Комисаръ не успѣлъ произнести имени Флорана, какъ молодая женщина быстро вскочила и неистово бросилась на свою мать, крича во все горло:

— Это—ты подлая!

Но полицейскіе сержанты удержали ее и, тщетно стараясь высвободиться изъ ихъ рукъ, она стала громко кричать:

— За кого вы меня принимаете? Флоранъ здѣсь никогда не бывалъ? Между нами ничего не было. Меня хотятъ очернить, но

пусть мнѣ скажутъ что-нибудь въ глаза, такъ я по своему раздѣлаюсь, а потомъ въ тюрьму пойду, мнѣ все равно... Эка не видаль Флоранъ! у меня есть и получше... Я выйду за-мужъ за кого хочу, и тѣ, кто васъ послали, допнуть отъ зависти.

Эти слова ее нѣсколько успокоили. Вся ея злоба обратилась теперь на Флорана, бывшаго главной причиной всего скандала.

— Я не знала, что онъ такой гусь, сказала она комиссару и какъ-бы извиняя свое поведеніе:—онъ такой добрый на взглядъ и насъ всѣхъ обманулъ своимъ мягкимъ обращеніемъ. Я не хотѣла вѣрить распространяемымъ о немъ сплетнямъ, люди такіе злые... Онъ приходилъ сюда давать уроки моему ребенку, я угощала его и иногда дѣлала подарки... Вотъ и все... Нѣтъ, шутить!.. Меня болѣе не поймаютъ... Я слишкомъ добра.

— Онъ, вѣроятно, далъ вамъ какія-нибудь бумаги на сбереженіе? спросилъ комисаръ.

— Нѣтъ, клянусь Богомъ! Я-бы вамъ ихъ отдала. Какое мнѣ до него дѣло! Ахъ! да, тутъ есть тетрадки моего мальчика. Въ нихъ писалъ и онъ. Возьмите ихъ, и хоть повѣсьте его, я право плакать не стану!

И, несмотря на крики и слезы ребенка, она отдала комиссару его тетрадки каллиграфіи и прописи Флорана, въ которыхъ на каждомъ шагу попадались слова: „Антиконституціонный“, „Революціонный“. Комисаръ прочелъ всѣ листы прописей, хмурия брови, но дойдя до фразы: „Когда настанетъ часъ, то преступникъ погибнетъ“. Онъ вскрикнулъ:

— Улика очень важная! очень важная!

И, взявъ тетрадки, онъ поспѣшно удалился. Въ дверяхъ его встрѣтила Клара, которая, прямо подойдя къ Нормандѣ и скрестивъ руки, съ полусдержанной злобой произнесла:

— Подлая!

— Ты подслушивала! воскликнула Нормандка, вскакивая съ мѣста:—Повтори-ка, что ты сказала.

— Ты подлая доносчица! произнесла Клара еще болѣе оскорбительнымъ тономъ.

Въ ту-же минуту Нормандка нанесла ей тяжелую пощечину; она поблѣднѣла и вцѣпилась ей ногтями въ шею. Онѣ схватились и нѣсколько минутъ боролись, вырывая другъ у друга волосы, а потомъ съ грохотомъ повалились на полъ. Наконецъ, Клара

высвободилась изъ рукъ сестры и побѣжала къ дверямъ, злобно восклицая:

— Низкая! Подлая! Я пойду предупредить несчастнаго, котораго ты выдала.

Но въ эту минуту на нее напали съ разныхъ сторонъ Нормандка, старуха Менодень и г-жа Саже, подоспѣвшая на шумъ. Съ тремя она не могла сладить и ее вскорѣ втокнули въ ея комнату и заперли на замокъ.

— Она меня зарѣзала-бы, если-бъ у нея былъ ножъ, воскликнула Нормандка, поспѣшно накидывая на себя платье и прислушиваясь къ шуму въ комнатѣ Клары, которая старалась ножницами отереть задвижки двери.— Вы увидите, что ея ревность не поведетъ къ добру... а главное, не отворяйте ей дверей. Она въ состояніи возмутить противъ насъ весь рынокъ.

Сообразивъ въ чемъ дѣло, г-жа Саже тотчасъ побѣжала въ колбасную Кеню-Граделя и рассказала красавицѣ Лизѣ драму, происшедшую у Меноденовъ.

— Я не имѣю ничего противъ Нормандки, сказала Лиза, выслушавъ съ торжествующей улыбкой рассказъ старой сплетницы:— я ее очень любила и всегда сожалѣла, что насъ разсорили... Вотъ доказательство, что я на нее не сердита; я готова возратить ея портретъ, спасенный мною изъ рукъ полиціи, если она сама придетъ за нимъ.

— Хорошо-ли вы сдѣлаете? замѣтила г-жа Саже, съ иронической улыбкой взглянувъ на портретъ Нормандки съ надписью: „Луиза—другу Флорану“:— Вамъ слѣдовало-бы сохранить такую улику.

— Нѣтъ, нѣтъ, отвѣчала Лиза:— я хочу, чтобы кончились всѣ непріятности и сплетни. Сегодня день общаго примиренія. Пора намъ всѣмъ успокоиться.

— Такъ не сказать-ли Нормандѣ, что вы ее ждете? спросила старуха.

— Пожалуйста, вы меня очень обяжете.

Принявъ на себя роль посредницы, г-жа Саже впродолженіи цѣлаго часа, ходила взадъ и впередъ между улицей Пируэтъ и колбасной; наконецъ, условія мира были подписаны и рѣшены всѣ подробности свиданія между враждебными сторонами. Весь рынокъ взволновался, узнавъ объ этомъ примиреніи и глаза всѣхъ тор-

говокъ устремились съ любопытствомъ на колбасную, когда настала минута великаго событія.

Красавица-Нормандка съ величественнымъ достоинствомъ вышла изъ дома и направилась въ колбасную; она шла, какъ царица, соблаговолившая на заключеніе мира съ враждебнымъ государствомъ. Она надѣла подъ свой длинный передникъ кашемировую юбку, богатый, кружевной бантъ и все свои брилліанты. Передъ дѣврю колбасной, она остановилась и, видя, что весь рынокъ смотритъ на нее, еще надмѣннѣе закинула голову назадъ. Въ эту минуту красавица Лиза вышла изъ-за своей конторки, медленно прошла черезъ лавку, и съ улыбкой протянула руку Нормандкѣ. Она также была чрезвычайно прилична въ своемъ бѣлоснѣжномъ бѣльѣ и безупречной опрятности. Все торговки вытянули головы, чтобы лучше видѣть сцену примиренія и заготовали въ одинъ голосъ. Обѣ соперницы вошли въ лавку и стали дружески разговаривать, вѣроятно, разсыпаясь въ любезностяхъ.

— Вошь, воскликнула г-жа Саже: — красавица-Нормандка что-то покупаетъ. Чтобы это такое было? Кажется, колбасу, ага! вы небось никого не видали. Красавица Лиза, подавая колбасу, сунула ей въ руку фотографическую карточку.

Потомъ красавица Лиза, выходя изъ установленной программы свиданія, проводила красавицу-Нормандку до тротуара. Тутъ онѣ простились, весело смѣялись и торжественно заявили всему рынку, что онѣ снова стали пріятельницами. Это примиреніе двухъ арыхъ соперницъ было большою радостью для всеѣхъ торговекъ и онѣ разошлись по своимъ мѣстамъ очень довольныя.

На улицѣ противъ колбасной остались только г-жа Саже, Ла-Сарьеть и г-жа Лекеръ, составлявшія триумвиратъ самыхъ жестокихъ сплетницъ всего рынка. Г-жа Саже удержала своихъ пріятельницъ, говоря, что драма только началась, и до слѣдующаго ея эпизода, заняла ихъ разказами о томъ, какъ она сама видѣла на подушкѣ Нормандки слѣды двухъ головъ, и какъ полицейскій комисаръ объявилъ, что въ тетрадкахъ маленькаго сына Нормандки были написаны такія безнравственности, что за это одно его можно было повѣсить. Кромѣ того она, къ великому изумленію своихъ собесѣдницъ, сообщила имъ, что этотъ чудовищный развратникъ не довольствовался сестрами Менодень, но имѣлъ еще любовницей отвратительную старуху, жену стараго смотри-

теля, письма которой съ просьбами денегъ, были найдены у Флорана. Среди этихъ разговоровъ къ сплетницамъ подошелъ Гаваръ, спрашивая, не видали-ли онѣ Флорана. Онѣ невольно поблѣднѣли и ничего не отвѣчали.

— Мнѣ необходимо съ нимъ переговорить, продолжалъ Гаваръ, чѣмъ-то очень озабоченный: — его нѣтъ въ рыбномъ павильонѣ, онъ должно быть дома.

— Мы здѣсь только пять минутъ, сказала г-жа Лекеръ: — онъ вѣрно до насъ прошелъ домой.

— Такъ я рискну взобраться къ нему на чердакъ, отвѣчалъ Гаваръ, смѣясь.

Ла-Сарьеть протянула руку, чтобъ его остановить, но тетка ей шепнула на ухо:

— Оставь, дура, его деньги намъ достанутся.

Гаваръ вошелъ въ домъ, а три женщины, предавшія его, стали съ лихорадочнымъ безпокойствомъ считать секунды. Не прошло и пяти минутъ, какъ Гавара вывели на улицу два полицейскіе сержанта. Онъ былъ очень блѣденъ. На верху его обыскали и нашли въ карманахъ пистолетъ и пороховницу. Онъ никогда не думалъ о такомъ результатѣ своей добродушной оппозиціи, но теперь чувствовалъ, что погибъ безвозвратно. Тюльери ему никогда не простить и ноги у него дрожали, словно его вели уже на казнь. Но выйдя на улицу, онъ собрался съ силами, чтобъ показаться достойнымъ передъ торговками. Узнавъ отъ сержантовъ, въ чемъ дѣло, г-жа Лекеръ залилась слезами, а Ла-Сарьеть очень взволнованная бросилась къ дядѣ и стала его горячо цѣловать. Онъ обнялъ ее и, незамѣтно сунувъ въ руку ключъ, шепотомъ промолвилъ:

— Возьми все и сожги бумаги.

Потомъ онъ сѣлъ въ карету, приведенную полицейскимъ сержантомъ, и центральный рынокъ уже болѣе его не видалъ.

Какъ только карета скрылась изъ глазъ, Ла-Сарьеть хотѣла спрятать ключъ въ карманъ, но тетка грубо схватила ее за руку:

— Шутись! воскликнула она съ яростью: — я, видѣла, какъ онъ тебѣ отдалъ ключъ. Пойдемъ-ка лучше къ нему на квартиру, пока не нагрянула еще полиція.

Онѣ обѣ, въ сопровожденіи г-жи Саже, которая ни за что не хотѣла отъ нихъ отстать, отправились въ улицу Косоньери, гдѣ

жилъ Гаварь. Проникнувъ въ квартиру съ помощью привратницы, онъ отперли шкафъ и послѣ жестокой, но не продолжительной ссоры помирились на томъ, что раздѣлили найденное золото, около 10,000 фр., пополамъ. Когда всѣ монеты исчезли въ ихъ громадныхъ карманахъ и онъ дали по 50 фр. г-жѣ Саже, и привратницѣ; Ла-Сарьеть напомнила теткѣ, что Гаварь просилъ сжечь его бумаги.

— Пустяки, отвѣчала старуха:—долго разводять огонь. Намъ надо поскорѣй убираться. Я чую полицію.

Дѣйствительно, выходя изъ дому, онъ встрѣтили полицейскихъ сержантовъ, и не оборачиваясь поспѣшно возвратились на рынокъ.

— Каково! воскликнула г-жа Саже: — мы поспѣли во-время. Вонъ идетъ Флоранъ.

Въ эту минуту Флоранъ обходилъ рыбной рядъ и старуха Менодень остановила его, говоря нѣжнымъ тономъ, который его очень удивилъ:

— Господинъ Флоранъ! васъ спрашивалъ какой-то пожилой господинъ; онъ ждетъ васъ въ вашей комнатѣ.

Флоранъ сомнѣвался въ справедливости словъ злобной старухи, взглянулъ на красавицу-Нормандку, которая, помирившись совершенно съ матерью, притворилась, что его не видитъ.

— Вы увѣрены въ этомъ? спросилъ онъ.

— Какъ-же, вотъ и Луиза видѣла, отвѣчала старуха, дрожа отъ удовольствія при одной мысли, что черезъ минуту ея месть будетъ удовлетворена.

Полагая, что неизвѣстный посѣтитель, вѣроятно, хотѣлъ съ нимъ переговорить по поводу предстоявшаго возстанія, Флоранъ поспѣшно вошелъ въ домъ, предварительно дружески кивнулъ головой Лебигру и Логру, которые, стоя на порогѣ виноторговли, отвѣчали ему привѣтливой улыбкой. Когда онъ исчезъ на лѣстницѣ, то водворившееся при его появленіи на рынокѣ молчаніе мгновенно нарушилось. Комедія была сыграна и радость стала всеобщая, шумная. Старуха Менодень хохотала до упада, а ея выходка о пожиломъ господинѣ приводила въ восторгъ всѣхъ торговцевъ. Наконецъ-то, упрятали сухощаваго каторжника! Всѣ желали ему добраго пути и надѣялись, что новый смотритель будетъ красивъ и молодъ. Онъ болтали, смѣялись, бѣгали отъ ларя

въ ларю; готовы были плясать отъ радости. Одна красавица-Нормандка молча и безчувственно смотрѣла на это торжество; она не смѣла пошевелиться, не смѣла открыть рта, боясь расплакаться.

Между тѣмъ, Флоранъ отдался въ руки полиціи, какъ агнецъ. Сержанты грубо бросились на него, ожидая отчаяннаго сопротивленія; но онъ мягко, нѣжно попросилъ, чтобъ его не вязали и спокойно сѣлъ на стулъ, пока собирали его бумаги и письма. Эта развязка, казалось, его не удивляла; она даже была для него желательнымъ выходомъ, хотя онъ въ этомъ не хотѣлъ сознаться. Но его терзала мысль о той ненависти, которую въ нему питали всѣ торговки, нарочно пославшія его въ разставленные полиціей сѣти. Онъ вспомнилъ слова старухи Менодень, молчаніе Нормандки и пр.; онъ ясно сознавалъ, что весь околодокъ, весь центральный рынокъ его предалъ.

Тронутый мягкостью и безмолвнымъ повиновеніемъ Флорана, комисаръ предложилъ ему проститься съ братомъ, но, слыша веселый голосъ Кеню въ кухнѣ, гдѣ варились сосиски, онъ отказался, не желая дѣлать напраснаго безпокойства колбасной и съ отвращеніемъ вспоминая душную, сальную, атмосферу кухни; однако, выйдя на улицу эту стало какъ-то совѣстно и онъ сѣлъ въ карету блѣдный, съ поникшей головой. Онъ чувствовалъ, что весь рынокъ торжествовалъ и радовался его гибели.

Въ ту самую минуту, какъ карета тронулась, изъ улицы Пирруэтъ выбѣжала Клара съ распущенными волосами и окровавленными пальцами. Ей, наконецъ, удалось отворить дверь комнаты, въ которой ее заперли. Увидавъ, что она опоздала и что Флорана уже увозятъ, она бросилась за каретой, но черезъ мгновение остановилась и съ безпомощной злобой погрозила кулаками уносившемуся экипажу. Потомъ она быстро повернулась и убѣжала домой.

— Что это она рехнулась! воскликнула Ла-Сарьеть смѣясь: или онъ обѣщалъ на ней жениться!

Мало по-яалу рынокъ успокоился, хотя до поздняго вечера торговки бесѣдовали объ утрешнихъ событіяхъ. Красавица Лиза цѣлый день не была въ лавкѣ, она ни на минуту не оставляла Кеню, боясь, чтобы кто-нибудь не сболтнулъ ему о случившемся. Наконецъ, оставшись съ нимъ наединѣ въ кухнѣ, она очень осто-

рожно и съ чисто-материнской любовью повѣдала ему страшную тайну. Онъ былъ такъ пораженъ, что долго, безмолвно плакалъ, а потомъ сталъ упрекать себя, говоря, что онъ всему виновенъ, что, если-бъ онъ отдалъ Флорану сразу его долю наслѣдства, то несчастный не сбился-бы съ толку и не попался-бы въ руки полиціи, которая его непременно разстрѣляетъ. Лиза старалась его успокоить, увѣряла, что Флорана никогда не разстрѣляютъ, что, если-бъ онъ имѣлъ болѣе денегъ, то, можетъ быть, надѣлалъ-бы еще болѣе глупостей, и что рано или поздно такъ должно было кончиться.

— Теперь мы всѣ успокоимся и будемъ жить по-старому, сказала, наконецъ, Лиза, видя, что первая вспышка горя у Кеню начинаетъ утихать:—помнишь, ты самъ чувствовалъ себя не хорошо. Я очень беспокоилась, хотя тебѣ и не говорила; я видѣла, что ты худѣешь.

— Не правда-ли? промолвилъ онъ, переставая на минуту плакать.

— И дѣла колбасной шли этотъ годъ гораздо хуже, продолжала Лиза:—ужь такая вышла линія. Но утѣшься, теперь все поправится. Вспомни, что ты долженъ побережъ себя для меня и нашей дочери. Твой долгъ о насъ заботиться.

Видя, что ея слова прекрасно дѣйствуютъ на Кеню и смутная улыбка пробивается сквозь его слезы, Лиза позвала Полину, играющую въ сосѣдней комнатѣ и, посадивъ ее на колѣни къ отцу, сказала нѣжно:

— Полина, попроси папу быть умникомъ, попроси его насъ болѣе не огорчать.

Ребенокъ съ наивною прелестью исполнилъ желаніе матери и всѣ трое—отецъ, мать и дочь, вѣжливо обнявшись, смотрѣли съ улыбкой другъ на друга, толстые, отвороченные, выздоравливающіе отъ тяготившаго ихъ цѣлый годъ недуга.

— Вѣдь въ сущности насъ только трое, говорила она:—насъ только трое, мой милый толстякъ.

Спустя два мѣсяца, дѣло Флорана разбиралось въ судѣ, оно произвело громадное впечатлѣніе; въ газетахъ печатались самыя мельчайшія подробности, портреты обвиняемыхъ продавались на улицахъ и т. д. Впродолженіи двухъ недѣль въ Парижѣ только и говорили о дѣлѣ Центрального рынка. Въ законодательномъ

корпусъ волненіе было очень сильно: центръ и правая сторона, забывъ несчастный законъ о маіоратѣ одному изъ генераловъ имперіи, который ихъ на время разъединилъ, снова примирились и приняли громаднымъ большинствомъ проэктъ непопулярнаго налога, противъ котораго даже предмѣстія не смѣли теперь возставать, такъ велика была паника, овладѣвшая всѣмъ городомъ. Процессъ длился цѣлую недѣлю. Послѣ произнесеннаго приговора, Флоранъ замѣтилъ въ толпѣ уходившаго Робина. Конечно, Флоранъ былъ приговоренъ вторично къ ссылке; Логръ и Лакаль оправданы, Александръ подвергнутъ двухъ-лѣтнему тюремному заключенію. Что касается Гавара, то онъ также, какъ Флоранъ, былъ приговоренъ къ ссылке. Этотъ неожиданный ударъ глубоко поразилъ его среди торжества, которое доставило ему судебное разбирательство, почти исключительно средоточившееся на его личности. Онъ дорого платилъ за свою добродушную оппозицію парижскаго лавочника, и двѣ крупныя слезы медленно покатались по блѣдному лицу легкомысленнаго, сѣдовласаго болтуна.

На другой день послѣ объявленія приговора заговорщикамъ, живописецъ Клодъ, по обыкновенію отправился на центральный рынокъ любоваться восходомъ солнца на безпредѣльномъ морѣ зелени. Отыскавъ добрую старуху огородницу, г-жу Франсуа, которая во все время пребыванія Флорана на рынкѣ сохраняла съ нимъ самыя дружескія отношенія, онъ съ грустью рассказалъ ей о результатѣ процесса.

— Теперь все кончено, сказалъ онъ мрачно:—его снова отправляютъ въ ссылку и уже, конечно, онъ болѣе не воротится.

— Охъ! ужъ этотъ мнѣ Парижъ, подлый городъ, промолвила съ истинной грустью старая огородница:—очень жаль его голубчика. Я его ерѣпко любила, онъ былъ такой добрый!

Слезы выступили на ея глазахъ и Клодъ, чтобы не поддаться овладѣвавшей имъ грусти, быстро отвернулся и пошелъ по улицѣ Рамбюто. Было восемь часовъ; розовые лучи солнца освѣщали только крыши домовъ, изрѣдка достигая земли. Клодъ видѣлъ передъ собою веселое пробужденіе чудовищнаго рынка съ его безчисленными запасами всевозможной пищи. Въ этомъ общемъ ликованьи слышалась радость выздоровленія, проглядывала самодовольная улыбка человека, освободившагося отъ тяготившаго его

разстройства пищеваренія. Передъ нимъ Ла-Сарьетъ, съ золотыми часами на шеѣ, громко пѣла среди груди сливъ, и съ серебрянымъ хохотомъ дергала модные усики г. Жюля, который красовался въ бархатной курткѣ. Немного далѣе г-жа Декеръ и г-жа Саже не желтыя, какъ обыкновенно, а почти съ розовыми щеками, со смѣхомъ рассказывали другъ другу какія-то сплетни. Въ рыбномъ ряду старуха Меноденъ, занявшая снова свой ларь, громко бранилась съ проходящими и отпускала колкія шутки на счетъ новаго зрителя, очень молодого человѣка, котораго она повлялась публично высѣчь; а Клара болѣе темная и фантастичная, чѣмъ когда-либо, лѣниво полоскала въ водѣ рыбнаго садка свои бѣлоснѣжныя руки. Сынъ красавицы-Нормандки и Полина, дочь Кеню, весело играли на мостовой въ лошади.

Остановившись-же на углу улицы Пируэтъ, онъ увидалъ слѣдующую сцену:

Направо красавица-Нормандка, или какъ ее теперь называли. прекрасная г-жа Лебигръ, стояла на порогѣ своего магазина. Ея мужъ, благодаря услугамъ, оказаннымъ правительству, недавно приобрѣлъ давно желаемое имъ дозволеніе присоединить къ виноторговлѣ продажу табака. Прекрасная г-жа Лебигръ, въ шелковомъ платьѣ съ золотыми волосами, показалась Клоду истинно-великолѣпной. Постоянно возсѣдая за своей изящной конторкой и окруженная мѣстными франтами, покупавшими у нея табакъ и сигары, она приобрѣла приличный, достойный видъ настоящей барыни. За нею блестѣла вновь окрашенная зала, искрился хрусталь, сверкали бутылки съ разноцвѣтными напитками, а она, счастливая, веселая, серебрянымъ смѣхомъ привѣтствовала свѣтлое утро. Налѣво красавица Лиза занимала всю ширину двери колбасной. Никогда ея бѣлье не было такой ослѣпляющей бѣлизны, никогда ея полное какъ кровь съ молокомъ, лицо не сіяло такимъ совершеннымъ, безмятежнымъ спокойствіемъ, которое не нарушилось даже улыбкой. Ея блаженство было полное, безъ малѣйшаго облачка, безъ малѣйшаго признака жизни. Ея круглое, выдающееся брюшко еще переваривало вчерашнее счастье, а ея нѣжныя, пухлыя руки, спрятанныя въ складкахъ передника, не протягивались, чтобъ схватить на лету сегодняшнее счастье, зная, что оно придетъ и безъ того. Вокругъ нея все также сіяло и благоденствовало: копченые языки казались краснѣе, чѣмъ когда-нибудь

окорока приняли свой прежній, роскошный видъ, гирлянды сосисекъ не производили того унылаго впечатлѣнія, отъ котораго приходилъ въ отчаяніе Кеню. Изъ кухни долеталъ добродушный смѣхъ колбасника и отрадный шумъ кипящихъ кастрюль. Отъ всей колбасной снова несло жирнымъ, откормленнымъ блаженствомъ. Она снова представлялась торжественнымъ храмомъ брѣха; а Лиза на порогѣ, неподвижная, великолѣпная, здоровалась съ рынкомъ безмолвнымъ привѣтствіемъ своихъ большихъ, свѣтлыхъ глазъ.

Замѣтивъ другъ друга, прекрасная г-жа Лебигръ и красавица Лиза помѣнялись дружескимъ поклономъ; Клодъ, забывшій, вѣроятно, наканунѣ пообѣдать, не могъ скрыть своей злобы при видѣ ихъ довольныхъ, сытыхъ, жирныхъ лицъ!

В Е С Н А.

Давно-ль поля подъ саваномъ бѣгъли—
А ужъ пришла цвѣтущая весна.
Растаялъ снѣгъ и унеслись мятелн,
Лазурь небесъ въ рѣкѣ отражена.
Съ высокихъ мачтъ привольно вьются флаги
И паруса на солнышкѣ блестятъ.
Гремятъ ручьи... Оживлены овраги.
Съ полей плыветъ весенній аромать.

.
.
.
.

Мечты растутъ, какъ пчелы въ полдень вьются;
Съ послѣднимъ льдомъ тревоги унесло;
И трудъ кипитъ и пѣсни раздаются...
Забыта—смерть... Грядущее—свѣтло.

На праздниѣ ликующей природы
Въ толпѣ дѣтей, смѣющихся тебѣ,
Лишь ты одинъ, не вѣдая свободы,
Проклятье плешь и жизни и судьбѣ.
Ты говоришь: безумны упованья,
Мечты, какъ бредъ обманчивы больной;
Грядущее—недуги и страданья,
Судьба, какъ врачъ, чаруетъ насъ весной.

Весна, весна—ты смерть въ одеждѣ брачной,
Ты краткій мигъ несбыточныхъ надеждъ;
Ты блѣдный лучъ среди неволи мрачной,
Минутная забава для невѣждъ.
Воскресли вы и разцвѣли душою,
Вашъ трудъ кипитъ, вы вѣрите въ любовь,
Чтобъ все опять убилъ морозъ зимою,
Что-бы мятель все заносила вновь.

Кто жилъ, какъ я, тотъ знаетъ грезамъ цѣну
Не вѣрять тотъ красѣ весеннихъ розъ,
Въ разцвѣтѣ ихъ—подмѣтитъ онъ измѣну,
Подъ зеленью—могилы старыхъ грезъ
И пусть кругомъ ливуютъ поколѣнья:
„Нашъ часъ пришелъ!.. Впередъ, друзья, впередъ!“—
Внимаю имъ, а все въ душѣ сомнѣнье
Подъ ихъ призывъ, печальное растетъ!
Вотъ съ Сѣвера холодный вѣтеръ вѣетъ,
Вотъ первый снѣгъ... Какъ не было надежды!
Онъ все убьетъ, сравняетъ и завѣетъ...
И мы заснемъ, не открывая вѣждъ!
Ливуйте-же!.. Пошли вамъ Богъ побѣду.
Пусть голосъ мой вамъ пирь не омрачитъ!
И пусть зима къ вамъ не отыщетъ слѣду
И вѣчная весна васъ озаритъ!..

В. И. Славянскій.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ТЕНДЕНЦІОЗНЫЙ РОМАНЪ.

(статья вторая.)

Сочиненія А. Михайлова, 5 т. С.-Петербургъ, 1873 г.

IV.

Я еще почти не сказалъ ни одного слова о содержаніи беллетристическихъ произведеній г. Михайлова,—не высказалъ никакого мнѣнія о ихъ достоинствахъ и недостаткахъ и ограничился только постановкой факта и безъ меня, вѣроятно, всѣмъ извѣстнаго,—факта ихъ несомнѣнной тенденціозности, а меня уже обвиняютъ въ литературномъ кумовствѣ и дѣлаютъ остроумное предположеніе: не потому-ли я выдалъ „похвальный листъ г. Шеллеру“ (*идъ и когда?*), что онъ состоитъ ближайшимъ и постояннымъ сотрудникомъ этого журнала? (см. Искру, № 13, ст. Щедринъ и его критики). Впрочемъ, по мнѣнію автора статьи „Щедринъ и его критики“, подобное предположеніе можно сдѣлать только „съ перваго взгляда“. Послѣ *второго* взгляда рецензентъ приходитъ къ другому заключенію: „дѣло въ томъ, говоритъ онъ, — что защищая тенденціозность въ беллетристикѣ, критикѣ, весьма почтенный (излишняя деликатность), но, въ сожалѣнію, одаренный однимъ только круглымъ глазомъ циклопа, подъ тенденціозностью, по всей вѣроятности, только и разумѣетъ, что вопросъ молодого поколѣнія; съ его точки зрѣнія, только тѣ романисты и тенденціозны, которые выставляютъ идеальныхъ мо-

лодыхъ реалистовъ, говорящихъ цѣлыми цитатами изъ лучшихъ европейскихъ сочиненій, преодолевающихъ всѣ препятствія и за- видно устраивающихъ свою жизнь, въ то время, какъ неразумные ближніе ихъ страдаютъ, гибнуть или умираютъ подъ гнетомъ различныхъ жизненныхъ невзгодъ и т. д.“.

Рецензентъ, повидимому, очень хорошо знакомъ, съ точкою зрѣнія „почтеннаго критика“, но если такъ-же хорошо знакомы съ нею и мои читатели, то тутъ нѣтъ для меня ничего утѣшительнаго. Во всякомъ случаѣ этотъ рецензентъ—одинъ изъ моихъ читателей; отчего-же не предположить, что и другіе читатели могутъ думать о моей точкѣ зрѣнія то-же, что думаетъ и онъ. Въ виду возможности такого предположенія, я рѣшаюсь еще на двѣ или на три страницы отложить разговоры о произведеніяхъ г. Михайлова, и объяснить относительно требованій критики вообще.

Думаю, что не только съ моей точки зрѣнія, но и съ точки зрѣнія каждаго критика, каждаго читателя, — „романисты, которые выставляютъ идеальныхъ молодыхъ людей, говорящихъ цѣлыми цитатами... преодолевающихъ всевозможныя препятствія... завидно устроивающихся...“ и т. д. и т. д., должны быть названы тенденціозными. По крайней мѣрѣ, въ нашемъ распоряженіи не имѣется никакого другого слова для характеристики ихъ талантовъ. Если у васъ оно есть, то давайте его намъ. Впрочемъ, можете не беспокоиться:—что слово?—звукъ пустой! Лишь-бы уяснено было понятіе, обозначаемое ими; назовите это понятіе, какъ хотите,—вѣдь, сущность дѣла отъ этого нисколько не измѣнится. А мы въ предыдущихъ главахъ съ достаточною, кажется, ясностью опредѣлили, что мы понимаемъ подъ словомъ тенденціозность. Мы условились обозначать этимъ словомъ точку зрѣнія автора на изображаемыя имъ явленія жизни,—точку зрѣнія, на которую онъ старается поставить и своихъ читателей. Можно-ли выводить отсюда заключеніе, будто подъ тенденціозностью я „подразумѣваю только вопросъ молодого поволенія (!)“ и тенденціозными называю только тѣхъ писателей, „которые выставляютъ идеальныхъ молодыхъ реалистовъ. Очевидно, рецензентъ спуталъ наши взгляды на этотъ предметъ съ какими-то воображаемыми и (насколько мнѣ помнится) нигдѣ, никогда и нигѣмъ въ дѣйствительности

непроводимыми взглядами, — ради шутки сочиненными и, ради-же шутки, приписанными критиками-эстетиками критикамъ-реалистамъ. Плоскую шутку, ослиную пародію — онъ наивно принялъ за чистую монету и, подражая г. Страхову, серьезно увѣряетъ своихъ читателей, будто нашъ журналъ потому обозвалъ Гл. Успенскаго писателемъ умственно не развитымъ, что онъ не рисуетъ „идеальныхъ типовъ“, и, будто, защитникамъ умственного развитія автора „Больной совѣсти“, нашъ критикъ отвѣчаетъ: „нѣтъ, если ты писатель развитой, то ты съ первой-же страницы покажи намъ это, какъ дѣлаетъ Шеллеръ; такъ сейчасъ-же и выклади передъ нами всѣ свои убѣжденія, знанія, идеалы и, чтобы прочитавши твое произведеніе, молодой реалистъ зналъ: какъ ему любить, чѣмъ заниматься, къ чему стремиться и пр.“. Неужели кто-нибудь изъ нашихъ читателей можетъ серьезно думать, что мы опредѣляемъ степень умственного развитія писателя степенью его тенденціозности? Самый неразвитой, даже просто глупый беллетристъ можетъ кропать тенденціозныя произведенія, и это нисколько не заставитъ насъ считать его умнѣе, чѣмъ онъ есть на самомъ дѣлѣ. За примѣромъ ходить не долго. Тотъ-же самый Гл. Успенскій, который до сихъ поръ скромно упражнялся на чисто-художественной аренѣ, не оглядываясь по сторонамъ на предметы, стоявшіе выше его разумія и, не выходя изъ рамокъ „нравоучительныхъ“ разсказовъ, вздумалъ въ послѣднее время ни съ того, ни съ сего, пройтись по части тенденціи; и, дѣйствительно, онъ написалъ рядъ полу-беллетристическихъ, полу-публицистическихъ этюдовъ (подъ общимъ заглавіемъ „Большая совѣсть“) съ очень ясно выраженою тенденціею, но въ чемъ состоитъ эта тенденція и насколько она соответствуетъ общему направленію того журнала, въ которомъ нашла себѣ пріютъ „Большая совѣсть“ Гл. Успенскаго, объ этомъ здѣсь пока нѣтъ надобности говорить... Я привелъ „случай“ съ г. Успенскимъ, въ доказательство только того, что и этотъ писатель можетъ писать тенденціозныя произведенія, и, однако, эта его цѣлесообразность не только не измѣнила мнѣнія нашего журнала о степени умственного развитія автора „Раззоренья“, но еще болѣе утвердила его въ этихъ мнѣніяхъ. Видите-ли, вѣдь, все дѣло въ томъ: какова тенденція автора, т. е., вѣренъ-ли, основателенъ-ли, ра-

зументъ-ли его взглядъ на изображаемыя имъ явленія. Если авторъ, по недостатку знаній, опытности и т. п. не въ состоянїи былъ составить себѣ вѣрнаго и разумнаго взгляда, то онъ поступитъ гораздо благоразумнѣе, тщательно заглушевавъ, скрывъ подъ толстымъ флеромъ художественной объективности, свою субъективную, личную точку зрѣнїя. Въ этомъ случаѣ добровольное воздержаніе отъ тенденціозности выставитъ въ несравненно лучшемъ свѣтѣ умственное развитіе автора, чѣмъ излишне откровенное обнаруженіе передъ читателемъ сокровенныхъ помысловъ души своей. Воздерживаясь отъ поползновеній къ тенденціозности, писатель имѣетъ ровно столько-же шансовъ прослыть за умнаго, сколько и за глупаго человѣка. Откровенничая-же съ публикою, выглядывая передъ нею всѣ свои теоретическія воззрѣнїя, онъ, предполагая, что воззрѣнїя эти глупы, не оставитъ ни малѣйшихъ сомнѣній насчетъ своей умственной несостоятельности. Но остава, даже, въ сторонѣ самое содержаніе тенденцій, нельзя не видѣть, что, такъ-называемыя, тенденціозныя повѣсти, романы и рассказы не даютъ намъ еще никакого повода заключать объ умственномъ превосходствѣ ихъ автора, сравнительно съ авторами не тенденціозныхъ романовъ, повѣстей и проч. Совершенно несправедливо навязывать намъ мысль, которюю мы никогда не высказывали, мысль, что, будто, одни только тенденціозные писатели сознательно относятся къ явленіямъ рисуемой ими жизни. Сознательнаго отношенія къ изображаемому явленію мы вправѣ требовать отъ каждаго литературнаго дѣятеля вообще и отъ каждаго беллетриста въ частности. Но сознательно-разумное отношеніе и тенденціозность—это не одно и то-же. Всякій, сколько-нибудь, развитой беллетристъ старается составить себѣ опредѣленный взглядъ на тѣ характеры и тѣ отношенія, которые онъ выводитъ въ своихъ произведеніяхъ, но имѣть такой взглядъ, выразить его въ своихъ произведеніяхъ,—еще не значитъ быть тенденціознымъ писателемъ. Тенденціознымъ произведеніе дѣлается только тогда, когда этотъ авторскій взглядъ, когда его теоретическое воззрѣніе на описываемый предметъ, получаетъ преобладающее значеніе, становится господствующимъ моментомъ въ его творческомъ процессѣ. Въ одной изъ предшествующихъ главъ мы согласились для удобства оцѣнки творческаго процесса, творче-

скаго произведенія, — различать въ нихъ четыре момента: моментъ преобладанія тенденціи, моментъ преобладанія общественнаго значенія рисуемыхъ отношеній и характеровъ, моментъ преобладанія психологической вѣрности и образности ихъ изображенія, и, наконецъ, моментъ преобладанія фантази. Въ первомъ случаѣ, мы можемъ назвать произведеніе — по преимуществу *тенденціознымъ* (не обращая вниманія на содержаніе самой тенденціи) во-второмъ — преимущественно-*общественнымъ*, въ-третьемъ — преимущественно-*художественнымъ*, въ четвертомъ — преимущественно-*фантастическимъ*. Это, конечно, не значить, что въ одномъ произведеніи *только* и есть, что одна тенденція, — въ другомъ *только* одинъ социальный интересъ, въ-третьемъ — *только* одна художественность и т. д.; въ каждомъ произведеніи всѣ четыре момента всегда имѣются на лицо, только въ большей или меньшей степени. Чѣмъ равномернѣе они распределены въ немъ, тѣмъ оно будетъ совершеннѣе. Но о совершенныхъ произведеніяхъ не можетъ быть и рѣчи, когда дѣло идетъ о русскихъ беллетристахъ. Въ русскихъ романахъ и повѣстяхъ мы совершенно напрасно стали-бы искать сколько-нибудь гармоническаго сочетанія всѣхъ указанныхъ элементовъ. И беллетристическія сочиненія г. Михайлова не составляютъ въ этомъ случаѣ исключенія, у нихъ преобладающимъ моментомъ является, какъ мы объ этомъ сказали выше, *личное отношеніе автора къ изображаемъ имъ явленіямъ жизни*, т. е., тенденція; потому мы и назвали ихъ тенденціозными. Тенденціозность, сама по себѣ взятая, не исключаетъ еще, конечно, присутствія и остальныхъ элементовъ. Но какую-же роль они въ нихъ играютъ, какое мѣсто занимаютъ? Вотъ вопросъ, на который должна отвѣтить критика прежде, чѣмъ она приступитъ къ анализу того, что составляетъ главный интересъ произведеній г. Михайлова — ихъ тенденціи.

V.

Тенденціозность, само собою, понятно, не исключаетъ художественности, хотя, съ другой стороны, она и не предполагаетъ ее. Между первой и послѣднею можетъ не существовать ника-

кого прямого отношенія, если только личная точка зрѣнія автора на изображаемыя явленія не получаетъ слишкомъ преобладающаго значенія въ его творческомъ процессѣ. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ, художественное изображеніе дѣйствительности становится совершенно невозможнымъ. Какою-бы наблюдательностью не былъ одаренъ авторъ, какемъ-бы правильно не работало его воображеніе, группируя въ стройныя, отчетливыя образы поддѣляемыя имъ черты характеровъ, — дѣятельность его постоянно будетъ разстраиваться и нарушаться вѣдательствомъ субъективныхъ авторскихъ воззрѣній, авторскихъ идеаловъ, авторскаго міросозерцанія. Авторъ будетъ видѣть въ изображаемыхъ явленіяхъ не то, что въ нихъ есть въ дѣйствительности, а то, что ему хочется въ нихъ видѣть. Сообразно съ такимъ своимъ желаніемъ, онъ, безсознательно, а иногда и сознательно, станетъ поддѣлывать художественныя образы, создаваемые его воображеніемъ, — разводить ихъ, такъ сказать, водою своихъ теоретическихъ умствованій. Въ беллетристическихъ произведеніяхъ г. Михайлова тенденціозность достигаетъ и даже переходитъ за этотъ предѣлъ, при которомъ она не можетъ уже развиваться далѣе, не нанося существеннаго ущерба художественности. Читая „Засоренныя дороги“, „Подъ гнетомъ окружающаго“, „Гнилыя болота“, или мелкіе рассказы въ родѣ „Жолчь“, „Сила, слабость и неразуміе“, „Vanitas vanitatum“ и т. п., вы чувствуете, что художественная форма имѣетъ для автора чисто-внѣшнее значеніе; что онъ пользуется ею, какъ средствомъ для объясненія и развитія извѣстныхъ взглядовъ, извѣстнаго міросозерцанія. Человѣческія фигуры служатъ для него какъ-бы ширмами, изъ-за которыхъ онъ бесѣдуетъ съ читателями о различныхъ вопросахъ частной и общественной морали; о страданіяхъ обиженныхъ мѣстомъ на пиру жизни, о борьбѣ, которую приходится вести „честнымъ людямъ“ за права и за возможность *честнаго труда* и т. п. Благодаря такому своему назначенію, человѣческія фигуры неизбѣжно должны потерять часть своихъ человѣческихъ свойствъ и принять болѣе или менѣе однообразную окраску. И дѣйствительно, въ характерахъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ, особенно тѣхъ, которыя выводятся авторомъ въ качествѣ представителей „новыхъ понятій“, вы напрасно

стали-бы искать какой-бы то ни было своеобразной индивидуальности. Лица, отъ имени которыхъ ведется рассказъ, въ большинствѣ романовъ и повѣстей г. Михайлова (г. Михайловъ, какъ и всѣ вообще русскіе и иностранные писатели субъективнаго направленія, предпочитаетъ автобіографическую форму рассказа всякой другой), несмотря на различіе именъ, обстоятельствъ жизни и т. п., до такой степени похожи другъ на друга, что вы охотно примете ихъ за одно и то-же лицо, присвоившее только себѣ, по неизвѣстнымъ причинамъ, различныя клички. Рудый (Гнилья болота), Шуповъ, сыновъ барона Вицли-Пуцли (Съ квартиры на квартиру), наконецъ, Владиміръ Теплицынъ (въ Разбродѣ),—все это духовные близнецы, это—кусокъ мяса отъ одной и той-же кости, только подъ четырьмя различными соусами. Поставьте Рудаго въ обстановку Шупова или Шупова въ обстановку Рудаго, сына Вицли-Пуцли въ положеніе Теплицына или Теплицына въ положеніе Вицли-Пуцли—и вы можете быть заранѣе увѣрены, что, несмотря на эту перестановку главныхъ дѣйствующихъ лицъ, въ ихъ жизни, въ ихъ „романѣ“ рѣшительно ничего не измѣнится: Шуповъ будетъ говорить и дѣйствовать, думать и волноваться совершенно такъ-же, какъ говорить, дѣйствуетъ, думаетъ и волнуется Рудый, Рудый—какъ Шуповъ, Теплицынъ—какъ Вицли-Пуцли и т. д. Общія черты характера, преобладающее душевное настроеніе и у перваго, и у втораго, и у третьяго, и у четвертаго почти тождественны. Если и есть какія-нибудь варіаціи, то самыя незначительныя. То-же самое можно сказать и о цѣлой группѣ „учащихся“ и „обучившихся“ юношей и юницъ, фигурирующихъ въ романахъ г. Михайлова въ роляхъ теоретическихъ и практическихъ пропагандистовъ новыхъ идей и новой морали,—обо всѣхъ этихъ Ключниковыхъ, Кравцевыхъ, Пашенко (Засоренныя дороги), Прохоровыхъ (Лѣсъ рубать—щепки летать), о студентахъ-пріятеляхъ Теплицына, о студентахъ-пріятеляхъ Шупова, о Борисоглѣбскомъ (Подъ гнетомъ окружающаго), о Лизѣ (тамъ-же), о Катеринѣ Прилежавой (Лѣсъ рубать—щепки летать), о Наташѣ (Въ разбродѣ), о женѣ Ивана Пашенко (Засоренныя дороги) и т. д., и т. д.—обо всѣхъ этихъ юнцахъ и юницахъ можно говорить только *огуломъ*: у всѣхъ у нихъ

одна фizioномія, одинъ складъ міросозерцанія, одни стремленія, одни интересы; даже и разговоры-то у нихъ совершенно одинаковыя. Если они и разнятся въ чемъ-нибудь другъ отъ друга, то въ сущихъ мелочахъ: одинъ, напр., болѣе угрюмъ, другой — весель, одинъ болѣе склоненъ къ сосредоточенности, другой — къ болтливости, одинъ мало пьетъ, другой — много, одинъ прохаживается больше „по части скептицизма“, другой чувствуетъ предрасположеніе къ оптимизму. Этими и имъ подобными мелочными подробностями исчерпывается вся своеобразность ихъ индивидуальностей. Само собою понятно, что ни одна изъ такихъ личностей, взятая въ отдѣльности, изолированная отъ той компактной массы, частичку которой она составляетъ, не можетъ имѣть въ глазахъ критики особеннаго значенія. По неуловимости своихъ очертаній она не поддается точному анализу; нужно слишкомъ много напирать зрѣніе и слишкомъ много добавлять „изъ собственнаго разума“, чтобы придти относительно ея къ какому-нибудь ясному и вполнѣ обстоятельному заключенію. Напротивъ, рассматривая всѣ эти почти микроскопическія единички въ общей суммѣ, въ общей совокупности, мы безъ особеннаго труда составимъ себѣ довольно вѣрное понятіе о свойствахъ и особенностяхъ этой массы, о ея идеяхъ и стремленіяхъ, — однимъ словомъ, о ея умственной и нравственной фizioноміи вообще.

Въ такомъ-же точно положеніи находится критика и относительно другой категоріи личностей, являющихся представителями понятій и интересовъ, враждебныхъ понятіямъ и интересамъ рисуемыхъ г. Михайловымъ „юношей и юницъ“. Они выведены на сцену единственно или, по крайней мѣрѣ, главнымъ образомъ для того только, чтобы контрастомъ своихъ стремленій, чувствъ и воззрѣній въ болѣе выгодномъ и болѣе вѣрномъ свѣтѣ отгнать міросозерцаніе и дѣятельность гг. Прохоровыхъ, Теплицыныхъ, Пашенко etc. Однородность роли, которую имъ приходится играть въ романахъ г. Михайлова, налагаетъ печать однообразія и на ихъ характеры. Всѣ эти господа Бубновы, Боголюбовы, Бѣлокопытовы (сынъ), Шуповы (отецъ), Обносковы представляютъ собою одну собирательную единицу, одну личность, и только образъ этой, такъ сказать, обобщенной личности остается ясно и отчетливо опредѣленнымъ въ умѣ читателя. Отдѣльные характеры, изъ кото-

рыхъ онъ слагается, недостаточно *индивидуализированы*: они въ такой степени густо покрыты толстымъ слоємъ *родовыхъ* признаковъ, что *личныхъ* особенностей за ними и не разглядишь. (О нихъ также приходится говорить en masse: всё они одной поля ягоды и такъ-же похожи другъ на друга, какъ ягода на ягоду.)

Благодаря такому недостатку конкретной отдѣлки характеровъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ, представителей двухъ противоположныхъ міросозерцаній, читатель знакомится въ романахъ г. Михайлова не съ *живыми*, реальными людьми той и другой среды, а съ общими, абстрагированными свойствами самой этой среды, съ ея господствующими идеалами, тенденціями и интересами. Отдѣльныя личности ступшевываются, отодвигаются на задній планъ, а въ умѣ сохраняются представленія только объ общихъ, родовыхъ признакахъ цѣлой среды. Романистъ, такимъ образомъ, почти не нуждается въ помощи критики. Известно, что одна изъ существеннѣйшихъ задачъ послѣдней состоитъ въ опредѣленіи характера среды по характерамъ индивидуумовъ, порожденныхъ ею. Исходя изъ анализа тѣхъ конкретныхъ данныхъ, которыя художникъ сгруппировалъ въ своемъ произведеніи, она доходитъ путемъ абстрактнаго синтеза до общихъ понятій, общихъ формулъ, выясняющихъ общую фізіономію той или другой общественной партіи, того или другого сословія, класса, кружка. Эти общія понятія, эта общая формула являются конечнымъ результатомъ, заключительнымъ выводомъ изъ критическаго разбора деталей, частныхъ, изъ обстоятельнаго изслѣдованія художественно-обрисованныхъ индивидуальностей. Г. Михайловъ избавляетъ критику отъ этой кропотливой работы: онъ даетъ ей уже совсѣмъ готовые понятія, законченныя формулы, олицетворяя ихъ, для соблюденія условій и требованій беллетристики, въ главныхъ персонажахъ своихъ романовъ. Критикъ остается только перевести ихъ съ языка *олицетвореній* на обыкновенный, разговорный языкъ, передать читателю *словами* то, о чемъ рассказываетъ ему романистъ *образами*.

Однако не всё персонажи его романовъ могутъ быть размѣщены по двумъ указаннымъ нами категоріямъ: кромѣ юношей и юницъ и ихъ враговъ и антагонистовъ, у него попадаются нерѣдко

и такія личности, которыя не принадлежатъ ни къ первымъ, ни къ послѣднимъ. Для проведенія тенденціи они не существенно важны, потому что хотя и имъ приходится играть роль ширмъ, изъ-за которыхъ раздается голосъ самого автора, но такъ-какъ ширмами они бываютъ лишь по временамъ и авторъ относится къ нимъ, въ сущности какъ къ живымъ существамъ, то въ обрисовкѣ ихъ характера, въ обрисовкѣ этихъ-то, такъ-сказать, *нейтральныхъ* персонажей и должна всего рельефнѣе обнаруживаться степень чисто-художественнаго таланта автора. И если-бы цѣль нашей статьи состояла въ эстетической оцѣнкѣ произведеній плодовитаго писателя, мы должны были-бы остановиться именно на второстепенныхъ, нерѣдко случайныхъ, вводныхъ, почти *ненужныхъ* личностяхъ, составляющихъ какъ-бы внѣшнюю обстановку, *канву* тѣхъ *тенденціозныхъ* узоровъ, которые разводятся по немъ съ помощью всякаго рода олицетвореній. Но насъ занимаетъ не канва, а самые узоры. Потому о канвѣ мы скажемъ немного, хотя и того, что мы скажемъ, будетъ, быть можетъ, достаточно для опредѣленія въ общихъ чертахъ объема и значенія чисто-художественнаго элемента въ творческомъ процессѣ нашего автора.

VI.

Не казиста та обстановка, среди которой разыгрываются маленькія драмы и трагедіи „мѣщанства“, люди вязнутъ въ „гнилыхъ болотахъ“, попадаютъ на „засоренныя дороги“ и т. п. Вотъ вамъ, для примѣра, гг. Люлюшины (Жизнь Шупова, его родныхъ и знакомыхъ). Всѣ члены этой семьи, повѣствуетъ авторъ, — каждый по-своему, были тѣми своеобразными практиками, какихъ сотни тысячъ производятъ нашъ общественный бытъ. Прежде, въ былыя времена, они наивно воображали, будто богатства — единственной цѣли ихъ желаній — можно достигнуть „честнымъ трудомъ и трудовымъ потомъ“. Подъ вліяніемъ этой розовой мечты они начинаютъ работать, — работать съ какимъ-то самозабвеніемъ, игнорируя самыя законныя и непобѣдимыя потребности своей человѣческой природы. „Они хотѣли, говоритъ авторъ, — создать

сутки въ 36 рабочихъ часовъ и приучить желудокъ ѣсть только по праздникамъ“ (т. II, стр. 60). Немного позже, сознавъ, наконецъ, всю бесплодность своей работы въ смыслѣ обогащенія, семья пускается въ аферы, если только можно назвать аферами тѣ невинныя ухищренія человѣческой изобрѣтательности, съ помощью которыхъ одинъ бѣднякъ рассчитываетъ пожитья лишнимъ грошемъ изъ кармана другого, подобнаго-же ему бѣдняка. Люлюшины вздумали нанимать большую квартиру и пускать жищцовъ, но комнаты по мѣсяцамъ стояли пустыми, да и за тѣ, которыя были заняты, часто приходилось не получать платы. Въмѣсто ожидаемой прибыли афера принесла только убытки. Заводятъ извозчицью лошадь и дрожки, но и тутъ, за недостаткомъ средствъ, афера лопается и даже одинъ изъ членовъ семьи платится за нее жизнью. Аферы предаются проклятію. Глава семейства, Абрамъ Семеновичъ, мрачный, озлобленный, впадаетъ въ какое-то ступѣніе и грызется съ женою за каждый лишній грошъ. Но въ эту именно пору, когда семья стояла, такъ-сказать, на краю конечной гибели, т. е. когда ей почти ничего болѣе не оставалось, какъ взять нищенскую суму и идти побираться по міру, судьба послала ей неожиданное счастье. Во-первыхъ, она прибрала всѣхъ дѣтей, кромѣ одного, во-вторыхъ, натолкнула Абрама Семеновича на одного богатаго барина, которому понадобился крестный отецъ. Люлюшинъ, покумившись съ богатымъ баринкомъ, получаетъ тепленькое мѣстечко. Радостные дни настаютъ для семьи: въ нѣдрахъ ея водворяется миръ и согласіе, долги начинаютъ уплачиваться и даже кое-что вносится въ сберегательную кассу „на черный день“. Люлюшинъ весь отдался *дѣлу*, весь ушелъ въ него; въ немъ была для него и поэзія, и отрада, и скорбь, и мука. Отчасти изъ боязни потерять „тепленькое мѣсто“, отчасти, быть можетъ, изъ благодарности, а отчасти по привычкѣ къ труду, онъ превратился въ какого-то несчастнаго чиновника-мономана. „Пристально осматривающій постороннихъ людей, заискивающій у нихъ, если они ему нужны, холодный съ ними, если они бесполезны, желчный съ подчиненными, молчаливый передъ начальствомъ и со всѣми сухой, какъ бумага, на которой онъ строчитъ доклады генералу, точный, какъ машина, въ исполненіи своей работы, какъ машина, втянувшійся

безъ разсужденій въ дѣло—состояло-ли оно въ томъ, чтобы расплющить кусокъ желѣза или такъ коснуться до хрупкаго стекла, чтобы оно и не зазвенѣло—Люлюшинъ вѣдѣ своихъ дѣлъ не имѣлъ ничего общаго съ симъ міромъ. Какъ строки перваго признанія въ любви, заучивалъ онъ иное дѣло отъ доски до доски и наизусть докладывалъ его генералу; иногда, поддаваясь наплыву страсти, читалъ эти дѣла передъ женою, дѣлая ударенія на особенно сильныхъ мѣстахъ канцелярской кляузы. Какъ страстному любовнику снится въ волшебныхъ сновидѣніяхъ образъ милой, такъ снились Люлюшину его дѣла“ (ib., стр. 62). Но въ то-же время этого человѣка-машину ни на минуту не покидала неутомимая страсть къ наживѣ; подъ вліяніемъ этой страсти онъ, разумѣется, былъ не прочь воспользоваться, гдѣ можно, и незаконными доходцами. Случилась крымская война; для вороватыхъ чиновниковъ того вѣдомства, въ которомъ служилъ Люлюшинъ, началась масляница. Какъ и всѣ ему подобныя, онъ не удержался отъ соблазнительнаго искушенія полакомиться „блинками“ изъ казенныхъ сундуковъ. Воровство открылось и бѣдный Абрамъ Семеновичъ погибъ: сперва попалъ подъ судъ, а потомъ окончательно сошелъ съума. Помѣшался онъ все на той-же мысли—какъ-бы разбогатѣть, — мысли, которая мучила его всю жизнь, ради которой онъ чуть не уморилъ себя непосильнымъ трудомъ, довелъ до смерти свою сестру, превратилъ себя въ дѣловаго автомата и, наконецъ, сдѣлался воровъ. Въ послѣднее время, когда передъ нимъ открылась перспектива потерять мѣсто и снова стать голоднымъ, да притомъ еще и опозореннымъ нищимъ, онъ напалъ на безумную мысль поправить свои дѣлишки карточною игрою и лотерейными билетами. Разумѣется, въ карты онъ, несмотря ни на какія симпатіи, чаще проигрывалъ, чѣмъ выигрывалъ, а о лотереяхъ ужъ и говорить нечего. Но неудачи не охлаждали, а только еще болѣе распалали односторонне-настроенное воображеніе несчастнаго бѣдняка и, наконецъ, онъ достигъ-таки самаго „совершеннаго состоянія“ — онъ впалъ въ умопомѣшательство. Въ виду этого его освободили отъ суда, отъ всякихъ служебныхъ обязанностей и дозволили умереть около жены и сына. Чего-же лучше? Это-ли не совершенство? Натуры, не одаренныя Люлюшинскимъ терпѣніемъ, Люлюшинскою

способностью выжидать „благопріятнаго случая“, и Люлюши-скою изворотливостью и изобрѣтательностью, доходятъ до „свершеннаго состоянія“ гораздо раньше. Малевинъ (Съ квартиру на квартиру), Степановъ (Двѣ семьи), Александръ Захаровичъ Прилежаевъ (Дѣсь рубяць—щепки летяць), не выдержавъ тѣлостной борьбы, бросаются съ горя въ кабакъ, и, отравляя себя алкоголемъ, впадаютъ въ *delirium tremens* и умираютъ гдѣ-нибудь подъ заборомъ, или среди нищеты и грязи какой-нибудь нищенской конуры. Малевинъ и Степановъ эти самые урядные представители спившихся чиновниковъ, у которыхъ крѣмъ вѣчной жажды водки—вымерли, кажется, всѣ человѣческія потребности, которые пьяны съ утра до ночи, и съ ночи до утра грызутъ, мучатъ и тиранятъ несчастныхъ, обреченныхъ судьбою раздѣлять съ ними ихъ жалкое существованіе. Они погибли не попробывавъ, быть можетъ, даже и бороться. Борьба была имъ не по силамъ. Прилежаевъ человѣкъ другого зачала. Онъ выступилъ на арену съ честными желаніями, съ большимъ запасомъ трудолюбія, съ воловьимъ терпѣніемъ. „Онъ, рассказываетъ авторъ, работалъ, какъ волъ, онъ никому не кланялся, онъ не бралъ взятокъ“, но въ результатѣ всѣхъ его стараній оказалось одна нищета и перспектива медленной голодной смерти. „Плохая канура, плохая пища, сырость, холодъ—все это подточило здоровье жены, сбило съ толку мужа и, наконецъ, начали его выгонять все чаще и чаще въ трактиръ, въ пріятельскую компанію, потомъ въ кабакъ“ (Т. V, стр. 14) „Жизнь была для него каторгой. Если-бы у него не было семьи, онъ, вѣроятно, не сталъ-бы пить, а повѣсился-бы гдѣ-нибудь въ темномъ чуланѣ“. (ib. стр. 15) Любовь къ семьѣ вотъ единственное человѣческое чувство, которое нужда и горе еще не вытравили въ его сердцѣ. Но что любовь только увеличивала его страданія и отъ нея семьѣ было нисколько не легче, она забла и голодала въ нищенской конурѣ; она проклинала своихъ дѣтей, она проклинала свое злосчастное существованіе. „Дѣти! Что дѣти? говорилъ отецъ за восушкой водки. Сердце они мое надорвали, сердце мое! Губители они мои! вотъ что!“ „Жена давно уже перестала сознавать, чего она желаетъ: смерти-ли мужа или прекращенія его пьянства. Въ ея запутанномъ, изстра-

давшемся умѣ было одно только желаніе—желаніе какого-бы то ни было конца этой жизни“ (ib, стр. 14). Когда однажды ночью мужъ умеръ на улицѣ, семьяосталась нищею въ самомъ буквальномъ смыслѣ этого слова. И повсюду, куда-бы вы ни обратили свои взоры въ этомъ заколдованномъ кругу нищеты и разврата, вы натываетесь на подобныя картинки, на подобныя типы. Вездѣ грязь, нищета, лохмотья, и среди этой нищеты, подъ этою грязью и лохмотьями капошатаются жалкія человѣческія существа, истомленныя физическими болѣзнями, нравственно отупѣвшія, ожесточенныя, озлобленныя; вся ихъ мысль, весь ихъ интересъ сосредоточивается на кускѣ насущнаго хлѣба; ради этого куска они грызутся, какъ голодныя собаки, тираниятъ другъ друга, убиваютъ себя непосильною работою, пресмыкаются, подличаютъ, и, въ концѣ концовъ, если чахотка или голодный тифъ не положить своевременнаго конца ихъ несчастной жизни, отравляютъ себя алкоголемъ. „Нищета, нищета!“ съ отчаяніемъ восклицаетъ одна изъ *желчныхъ* личностей этого міра (см. раз. Желчь, Т. I, стр. 221), „ты отвала у насъ все, даже сладость святой, безкорыстной любви. Твои члены любятъ другъ друга, покуда каждый можетъ добывать свою долю насущнаго хлѣба. Ты сдѣлала человѣка звѣремъ!“

Правда, это міръ „падшихъ людей“, не выдержавшихъ тяжелой борьбы съ житейскими невзгодами. Можетъ быть, побѣдителямъ живется лучше, можетъ быть, они счастливыѣ. Кто-же побѣдители? Это старыя Шуповы („изъ Шуповки“), Бубновы, Боголюбовы, Обносковы... Счастливыѣ-ли они—Прилежаевыхъ, Малевинныхъ, Люлюшинныхъ? Авторъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ отрицательно; они страдаютъ не менѣ послѣднихъ,—какъ и послѣдніе они вѣчно грызутся другъ съ другомъ изъ-за кости и всѣ свои мысли, всѣ цѣли и задачи своей жизни ограничиваютъ одною потребностью — потребностью обезпечить себя кускомъ насущнаго хлѣба;—только у нихъ эта потребность принимаетъ еще болѣе чудовищныя размѣры и превращаетъ ихъ въ какихъ-то *хищныхъ зотрей*, да притомъ еще звѣрей разсуждающихъ. Благодаря этому обстоятельству, они не просто грызутся, а грызутся, философствуютъ. Свой сухой черствый, безсердечный взгнзми они возводятъ въ теорію, или прикрываютъ какимъ-ни-

будь принципомъ. „Въ жизни нельзя пробавляться одними сантиментами, разсуждаетъ Бубновъ, въ свѣтъ нужно или кричать и приказывать, или слушать крики и приказанія. Все, чего-бы ты ни вздумалъ достигнуть, достается съ бою и кто раньше взялъ и палку взялъ, тотъ и капраль, а остальные пѣшки“. (Въ Разбродъ, Т. IV, стр. 233) Однако, не всегда случай позволяетъ гг. Бубновымъ раньше другихъ взять палку, иногда болѣе ихъ счастливые выходцы изъ подвальныхъ этажей общества перебиваютъ имъ дорогу и вступаютъ съ ними въ состязаніе за право капральства. Тогда гг. Бубновы разгрызаютъ временно роль недовольныхъ. Они находятъ, что въ обществѣ „пустота“, что „въ воспитаніи нѣтъ серьезности и строгости“. „Я консерваторъ, восклицаетъ Бубновъ, я стою противъ разныхъ теорій, но именно потому-то я и недоволенъ взяточничествомъ, развратомъ общества, его мишурнымъ блескомъ, мотовствомъ“ (ib, стр. 438). Недовольство, разумѣется, продолжается недолго. Гг. Бубновы снова всплываютъ наверхъ. Видя, что проповѣдывать теорію „палки“ не совсѣмъ удобно, и что палка бываетъ о двухъ концахъ, они начинаютъ прикрывать свой животный эгоизмъ принципами.

Въ сущности, только одною этою склонностью постоянно оправдывать какими-то отвлеченными принципами свой тупой, ограниченный эгоизмъ, эти побѣжденные отличаются отъ побѣдителей. Во всемъ прочемъ за исключеніемъ, конечно, внѣшней обстановки жизни, они или совершенно подобны, даже болѣе, они гораздо ихъ хуже. Среди грязи и жиденькихъ нищеты, страсть къ наживѣ встрѣчаетъ гораздо меньше данныхъ для своего развитія, чѣмъ среди той роскоши и богатства, которыми окружаютъ себя борцы, добравшіеся ползкомъ и втихомолку до верхнихъ ступенекъ общественной лѣстницы. Потому, характеры торжествующей тупости, несмотря на то, что эти люди не впадаютъ въ *delirium tremens*, подобно Малевину; не сходятъ съ ума, подобно Люлюшину, не умираютъ на улицѣ, подобно Прележаеву и т. п., представляютъ слѣды едва-ли не болѣе глубокаго вырожденія, болѣе глубокой порчи, чѣмъ характеры побѣжденныхъ. Животный эгоизмъ, возведенный въ принципъ, привычка куражиться и повелѣвать надъ слабыми, наконецъ, созна-

нѣ собственной силы, вытравляетъ въ ихъ душахъ безвозвратно всѣ симпатическія чувства и превращаетъ ихъ въ сухихъ, холодныхъ, отвратительныхъ резонеровъ, въ родѣ г. Благово (Засоренныя дороги). Въ „Гнилыхъ болотахъ“ и въ небольшомъ разсказѣ „Двѣ семьи“, авторъ рисуетъ намъ типъ такой матери — вѣчно работающей, никогда нежалующейся на свою судьбу, всегда готовой протянуть руку несчастному нуждающемуся въ ея помощи, бодро отстаивающей, вмѣстѣ съ мужемъ, *право* семьи на человѣческое существованіе, освящающей и созрѣвающей своею тихою любовью мрачныя, холодныя, сѣрыя будни прозаической жизни трудящагося мѣщанства. Можетъ быть, въ обрисовкѣ этого характера романистъ допустилъ нѣкоторую идеализацію. Трудно, вообще говоря, повѣрить въ возможность существованія чловѣка (будь-то мужчина или женщина—это все равно), олицетворяющаго собою, всегда и вездѣ, исключительно только тихую кротость, нѣжность, любовь, героическую самоотверженность и неутомимое трудолюбіе. Такое ходячее воплощеніе однихъ лишь прописныхъ добродѣтелей можетъ имѣть мѣсто въ розовыхъ грезахъ поэзіи, но отнюдь не среди реальныхъ условій грубой дѣйствительности. Несравненно большею реальностью отличаются характеры — матери Володи Теплицина, жены Бубнова, Вѣ Разбродъ, первой жены Шупова и въ особенности матери Прилежаевой. Здѣсь рядомъ съ положительными качествами, съ добродѣтелями любви, кротости и т. п. мы встрѣчаемся и съ качествами отрицательнаго свойства, въ родѣ слабохарактерности, узкаго эгоизма и т. п. Такая смѣсь чернаго съ бѣлымъ выходитъ гораздо правдоподобнѣе идеальной чистоты. Съ этой точки зрѣнія, мнѣ кажется, характеръ Прилежаевой (матери) выдержанъ удовлетворительнѣе всего; въ немъ нѣтъ ни капли идеализаціи; въ отношеніяхъ матери къ дочери нѣтъ никакихъ сантиментальныхъ приторностей; они дышатъ глубокою жизненною правдою. Едва-ли это не лучший художественный типъ въ цѣломъ романѣ. Однако, и въ его обрисовкѣ сказывается (хотя и въ меньшей степени) общія манера автора опредѣлять характеръ лица не столько его *дѣйствіями*, сколько своими собственными словами. Читатель постоянно видитъ передъ собою анализирующаго автора, который усердно старается объяснить

ему что вотъ такое-то лицо обладаетъ такими-то душевными качествами, такими-то добродѣтелями и пороками, думаетъ то-то, не хочетъ того-то и т. д.; но онъ не убѣждается во всемъ этомъ *самъ*; не самъ онъ составляетъ известное мнѣніе о данномъ дѣйствующемъ лицѣ, ему подсказываетъ его романность. Поэтому, и дѣйствующія лица не производятъ на читателя впечатлѣнія живыхъ, реальныхъ людей; оттого они и кажутся ему такими блѣдными, туманными, отвлеченными; передъ нимъ ставятъ не конкретнаго человѣка, ему сообщаютъ только *мнѣніе* объ этомъ конкретномъ человѣкѣ, иллюстрированное нѣсколькими эпизодами изъ его жизни. Описаніе характера лица и его диалоговъ занимаетъ въ романахъ г. Михайлова гораздо больше мѣста, чѣмъ описаніе его *дѣйствій*, въ которыхъ-бы долженъ былъ выразиться этотъ характеръ. Можетъ быть, это обуславливается (а можетъ быть, оно и само обуславливаетъ) отсутствіемъ въ романахъ г. Михайлова жизни, драматическаго движенія. Этою-же причиною т. е. наклонностью автора подставлять вмѣсто живого характера его абстрактную формулу можно отчасти объяснить крайнее однообразіе рисуемыхъ имъ характеровъ. Когда человѣкъ усвоилъ себѣ привычку всецѣло отдаваться непосредственному впечатлѣнію, производимому на него тою или другою личностью, не пускаясь въ подробный анализъ ея душевныхъ качествъ, не возводя къ общему синтезу детальныя черты ея психической фізіономіи, тогда, какъ-бы ни были тождественны встрѣченныя имъ личности, онъ всегда будутъ казаться ему не совсѣмъ *сходными*; представленія о нихъ не смѣшаются и не перепутаются въ его умѣ, но онъ будутъ существовать самостоятельно и независимо другъ отъ друга. Напротивъ, если человѣкъ чувствуетъ непреодолимую склонность къ психологическому синтезу и анализу, если при встрѣчѣ съ новымъ лицомъ, онъ, вмѣсто того, чтобы стараться удержать въ своей памяти отчетливое представленіе о всѣхъ особенностяхъ его индивидуальности, начнетъ сейчасъ-же разбирать его, какъ говорится, „по косточкамъ“, отдѣлять важное отъ неважнаго, существенное отъ несущественнаго, обобщать частности и подводить свое обобщеніе подъ то или другое готовое понятіе, тогда можно навѣрное сказать, люди покажутся ему очень однообразными

существами. Онъ размѣститъ ихъ всѣхъ въ пять, шесть ясно разграниченныхъ категорій, онъ подведетъ все конкретное разнообразіе ихъ характеровъ подъ нѣсколько абстрактныхъ рубрикъ. Г. Михайловъ и есть именно такой человѣкъ; склонность къ абстрактному анализу и синтезу преобладаетъ у него самымъ рѣшительнымъ образомъ надъ такъ называемымъ непосредственнымъ чувствомъ. Всѣ, когда-либо выведенныя имъ на сцену дѣйствующія лица, представляютъ не болѣе семи, восьми типовъ человѣческаго характера, съ удивительнымъ постоянствомъ повторяющихся во всѣхъ его повѣстяхъ и романахъ. Каждый типъ, взятый самъ по себѣ, опредѣляется такою простою и ясною формулою, что его дальнѣйшее подраздѣленіе на виды и разновидности не только весьма затруднительно, но даже невозможно. Отсюда въ предѣлахъ одного и того-же типа характеры отличаются до крайности монотоннымъ однообразіемъ. Идеальная и полу-идеальная (въ родѣ матери Шупова или Теплицина) мать — всегда является съ однѣми и тѣми-же атрибутами, почти безъ всякихъ вариаций. Типъ неудавшагося труженика — пролетарія, въ родѣ отца Прилежаевой или Абрама Семеновича Любушина, представляетъ только то разнообразіе, что одни труженики въ дѣлѣ добыванія себѣ куска насущнаго хлѣба не брезгаютъ и не совѣмъ честными средствами, другіе брезгаютъ, притомъ послѣдніе (подобно отцу расквѣлика въ повѣсти „Двѣ семьи“) любятъ жену и дѣтей, первыя-же обыкновенно бьютъ ихъ и вообще относятся къ семейнымъ обязанностямъ крайне легкомысленно (въ родѣ Малевина, Степанова и т. п.). Но особеннымъ однообразіемъ, какъ мы уже замѣтили отличается типъ молодого и честнаго труженика, представителя новыхъ идей, и типъ представителя старыхъ идей — узколобаго, безсердечнаго эгоиста, эгоиста-циника, открыто провозглашающаго и защищающаго неподобное ученіе о „палкѣ и капралѣ“, въ родѣ Бубнова, или эгоиста-идеалиста, въ родѣ брата отца Шупова, или, наконецъ, эгоиста-чиновника, въ родѣ Обноскова.

Хотя только-что указанное свойство авторскаго ума, преобладаніе абстрактнаго направленія мышленія надъ конкретнымъ, тенденціозности надъ непосредственностью, и служитъ главнѣйшею причиною той несложности и однообразности мотивовъ,

изъ которыхъ авторъ слагаетъ психическую жизнь своихъ героевъ, однако эта причина не единственная,— есть другая, не менѣе существенная. Она заключается въ свойствахъ той среды, которую изображаетъ намъ романистъ въ своихъ произведеніяхъ. Эта среда мелкаго чиновничества и вылѣзшаго въ барство „ищанства“, среди людей, исключительно поглощенныхъ заботою о кускѣ насущнаго хлѣба, людей съ ограниченнымъ кругозоромъ мысли, забитыхъ нуждою, умственно-искалеченныхъ почтенными воспитателями, въ родѣ господъ Рейтмановъ, Саломірскихъ и т. п. (см. „Гнилыя Болота“), людей, стоящихъ въ культурномъ отношеніи почти на младенческомъ уровнѣ развитія. Сознательнаго критическаго отношенія къ явленіямъ жизни тутъ нѣтъ и въ зародышѣ; тутъ все и всё безмолвно подчиняется установившемуся обычаю, сложившемуся преданію. Не разумъ, а одни только инстинкты — инстинктъ самосохраненія, инстинктивная страсть къ живящъ, инстинктивное себязлюбіе и т. п. руководятъ здѣсь человѣческою дѣятельностью. Какъ-же могутъ на такой почвѣ, среди подобнаго условія выработаться и окрѣпнуть самостоятельныя, своеобразно развитыя индивидуальности? Въ сумеркахъ всё кошки кажутся сѣрыми; точно также въ сумеркахъ цивилизаціи всё люди выглядятъ съ однимъ цвѣтомъ. Извѣстно, что чѣмъ ниже культура народа, тѣмъ однообразнѣе условія его существованія, а слѣдовательно, тѣмъ однообразнѣе человѣческіе характеры, тѣмъ больше приближаются они къ идеалу психическаго равенства. И наоборотъ, чѣмъ выше цивилизація, тѣмъ шире попріще для личной дѣятельности, тѣмъ свободнѣе развивается личность, и слѣдовательно, тѣмъ больше удаляются люди отъ этого монотоннаго идеала, тѣмъ разнообразнѣе ихъ характеры, тѣмъ запутаннѣе и сложнѣе ихъ внутренняя жизнь.

Будничное, однообразное и скучное прозаваніе среди мелкой и сѣринькой дѣйствительности, въ жалкихъ конурахъ и кабакахъ за перепискою нескончаемыхъ рапортовъ и отношеній, или за шитьемъ и вязаньемъ, или среди оргій циническаго разврата, такое прозаваніе, очевидно, должно убивать въ самомъ корнѣ всякой зародышъ личной самобытности, всякую оригинальность въ мысляхъ, чувствахъ, словахъ и поступкахъ, должно отливаетъ всѣхъ людей въ одну форму, подгонять ихъ подъ одинъ шаблонъ. Если-же дѣй-

ствительность мажет всѣхъ людей одною краскою и настраиваетъ ихъ дѣятельность на одинъ тонъ, то отъ романиста нельзя требовать, чтобы онъ создавалъ намъ рѣзко очерченные характеры, разнообразилъ ихъ душевныя качества, чтобы онъ не затемнялъ толстымъ слоемъ *родовыхъ* признаковъ ихъ *индивидуальныхъ* особенности. Какова жизнь—таково и искусство, каковы живые люди—таковы и художественные образы. Критика часто забываетъ это и потому слагаетъ подъ часъ на однихъ художниковъ отвѣтственность за то, въ чемъ виноваты всѣ мы. Откройте этимъ бѣднымъ, забытымъ людямъ доступъ къ широкой личной дѣятельности, дайте имъ побольше воздуха и простора, развяжите имъ руки, расширьте горизонтъ ихъ мысли, и вы создадите твердую почву для развитія самобытныхъ человѣческихъ характеровъ, и вмѣстѣ съ этимъ, вы создадите почву и для развитія искусства. Ваши художники не будутъ надоедать вамъ своими монотонными картинами, своими блѣдными, почти абстрактными образами и своими вѣчными повтореніями.

Но возможно-ли это? Быть можетъ, эти „бѣдные и забытые люди“ не чувствуютъ ни малѣйшей потребности въ воздухѣ и свободѣ, быть можетъ, они такъ сжились, такъ приросли къ окружающей ихъ обстановкѣ, къ своему невѣжеству, къ своимъ преданіямъ и своей морали, какъ улитка приросла къ своей раковинѣ? Нѣтъ, и въ ихъ умахъ, тѣлѣхъ отупленныхъ Рейтманами и Соломірскими, отравленныхъ міазмами „Гнилыхъ Волотъ“, начинаетъ уже пробуждаться сознание необходимости *лучшей* жизни, *лучшей* нравственности, сознание необходимости критическаго отношенія къ установившейся практикѣ. Какъ и откуда пришло это сознание, вѣзвано-ли оно логикою самой жизни или навѣяно, такъ сказать, извнѣ, какое вліяніе оказываетъ оно на человѣческую дѣятельность, въ какихъ формахъ выражается и каковы могутъ быть его практическія послѣдствія? Вотъ вопросы, на которые г. Михайловъ пытается найти отвѣтъ въ своихъ беллетристическихъ произведеніяхъ, или, лучше сказать, представить необходимыя данныя для такого отвѣта. А самый отвѣтъ должна дать критика. Много или мало этихъ данныхъ, художественно или не художественно они обработаны, во всякомъ случаѣ они служатъ матеріаломъ для характеристики того нрав-

ственного броженія, которое, начавшись на памяти всѣхъ насъ, въ косной массѣ такъ называемаго „интеллигентнаго мѣщанства“, дало сильный толчекъ развитію и нашей общественной жизни вообще. Потому критика должна признать за романами г. Михайлова вмѣстѣ съ тенденціозностью, рѣшительно преобладающею надъ элементомъ художественности и творческой фантазіи, элементъ *общественный*. Общественное значеніе его романовъ опредѣлится для насъ само собою, когда мы ознакомимся съ причинами и общими характеромъ *нравственнаго пробужденія* мѣщанства, и выяснимъ себѣ его практическія послѣдствія.

VII.

Нравственное пробужденіе это — постоянная тема почти всѣхъ беллетристическихъ произведеній нашего романиста. Разрабатывая ее съ неутомимымъ усердіемъ, онъ старается съ одной стороны выяснитъ тѣ условія, при которыхъ оно возникло, съ другой — точно и обстоятельно сформировать тѣ нравственныя доктрины, тѣ нравственные идеалы, въ которыхъ оно привело. Отсюда — двойное значеніе, двойкій характеръ романовъ г. Михайлова: *бытовой* и *публицистическій*. Въ нихъ и пропагандируются извѣстныя идеи, отвѣчающія современнымъ потребностямъ трудящагося класса, и указываются бытовыя причины, породившія эти идеи, создавшія эти потребности. Для того, чтобы удобнѣе пропагандировать свои идеи, авторъ превращаетъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ въ ширмы, изъ-за которыхъ самъ непосредственно вступаетъ въ бесѣду съ публикою для того, чтобы изъяснитъ происхожденіе идей и обусловившихъ ихъ потребностей, онъ тщательно день за днемъ слѣдитъ за развитіемъ своихъ героевъ и посвящаетъ читателя во всѣ подробности ихъ воспитанія, ихъ домашней и школьной обстановки. Три большихъ и едва-ли не самыхъ лучшихъ романа („Гнилыя Болота“, „Жизнь Шупова, его родныхъ и знакомыхъ“ и „Въ разбродъ“) и двѣ повѣсти („Съ квартиры на квартиру“ и „Двѣ семьи“) написаны имъ въ формѣ автобіографій, при чемъ рассказы, упомянувъ въ короткихъ

словахъ о жизни своихъ родителей, своего дѣдушки и своей бабушки, приступаетъ къ разсказу о самомъ себѣ, начиная его обыкновенно съ момента своего рожденія. Только въ одномъ романѣ („Въ разбродъ“) разсказчикъ знакомитъ читателя съ большою половиною своей жизни, въ другихъ романахъ и повѣстяхъ разсказъ обрывается на томъ періодѣ, когда человѣкъ переходитъ изъ дѣтства въ юность, когда онъ становится самостоятельнымъ рабочимъ, и вступаетъ на арену общественной жизни. Читателю предоставляется самому догадываться, *какъ и что* будетъ дѣлать *выросшій* герой, но за то ему сообщаются самыя подробныя свѣденія о томъ, *какъ* онъ проводилъ свое дѣтство и что онъ дѣлаетъ во времена своей юности. Процессъ развитія героя, повѣсть его дѣтства — вотъ что почти исключительно занимаетъ автора, на что сводится содержаніе большей части его произведеній. Даже и въ тѣхъ двухъ романахъ, которые написаны не въ автобіографической формѣ, „Господа Обносковы“ и „Лѣсъ рубать—щепки летать“, авторъ старается прежде всего обстоятельно познакомить читателя съ дѣтствомъ и юностью своихъ героевъ. Въ романѣ „Лѣсъ рубать—щепки летать“ исторія главныхъ героевъ изъ молодого поколѣнія, какъ, вѣроятно, помнятъ наши читатели, начинается почти съ самого ихъ младенчества и доводится до того момента, когда Александръ Флегонтовичъ и Катерина Александровна выбираютъ на торную дорожку „мирной, быть можетъ, буржуазной жизни, съ великимъ трудомъ изъ-за куска хлѣба“ (т. V, стр. 282), а Антонъ только еще собирается *жить*. „Жизнь его“, этими словами авторъ кончаетъ романъ, „была вся впереди“ (ib, стр. 285.)

Такимъ образомъ, *исторія развитія дѣтей*, — дѣтей въ буквальномъ смыслѣ этого слова, — составляетъ основную сущность и характеристическую особенность всѣхъ его романовъ. Упорство, съ каковымъ авторъ постоянно возвращается все къ одной и той-же темѣ, — заставляеть думать, что выборъ ея не былъ для него простою случайностью, — что онъ сдѣланъ вполне сознательно, — въ виду извѣстной, опредѣленной цѣли, и что эта цѣль именно и состоитъ въ выясненіи болѣе или менѣе художественномъ воспроизведеніи такихъ *реальныхъ условій*, среди которыхъ и подъ вліяніемъ которыхъ возникла потребность критическаго от-

ношенія къ жизни и стали вырабатываться новые идеалы частной и общественной морали. По крайней мѣрѣ, на выясненіи этихъ условій сосредоточивается главный интересъ беллетристическихъ произведеній нашего автора, и ими-то опредѣляется въ извѣстной мѣрѣ степень ихъ общественнаго значенія. Потому и критика должна прежде всего обратить на нихъ свое вниманіе и подвергнуть ихъ своему анализу. Анализъ этотъ покажетъ—насколько правильно или неправильно прослѣжена авторомъ логическая связь, соединяющая данныя практическія отношенія, реальные потребности грубой дѣйствительности съ тѣми новыми принципами, съ тою новою моралью, которыя пропагандируютъ юные герои и героини Михайловскихъ романовъ.

Каковы-же были первоначальныя условія развитія этихъ героев и героинь?

Въ большинствѣ случаевъ авторъ рисуетъ ихъ намъ почти одинаковыми красками, а потому для ихъ характеристики мы можемъ брать примѣры безразлично—изъ одного какого-нибудь романа или разомъ изъ нѣсколькихъ романовъ: въ обоихъ случаяхъ мы придемъ къ одинаковому результату. Невеселое было дѣтство у нашихъ маленькихъ героевъ; мало радостныхъ воспоминаній вынесли они изъ него.—„Бѣдность, часто отсутствіе всякой обстановки въ жилищахъ, все это, говорить одинъ изъ нихъ,—сливается теперь вмѣстѣ въ моей памяти и мнѣ чудится, что я провелъ дѣтство не въ жилищѣ свободныхъ людей, а въ тюрьмѣ, наполненной преступниками, обреченными на келейное заключеніе.“ (Двѣ семьи, т. I, стр. 358)—„Все мое дѣтство, рассказываетъ онъ далѣе,—сливается въ моей памяти въ какой-то длинный рядъ ночей, во мракѣ которыхъ мнѣ трудно разглядѣть хотя одинъ ясный, сверкающій тепломъ и свѣтомъ день. Порой мнѣ самому дѣлается досадно, что изъ этого непрогляднаго мрака не свѣтитъ ни одного яркаго, дневного луча, какъ будто тамъ дѣйствительно была одна сплошная ночь. Я стараюсь дать себѣ отчетъ, почему это ускользаютъ изъ моей памяти дни, и, мало-по-малу, это обстоятельство начинаетъ дѣлаться для меня яснымъ. Я вижу, что они существовали въ этой тюрьмѣ, и въ моемъ дѣтствѣ, но это были безцвѣтные, однообразные дни. Это были сплошные будни. Бывало, займется утро, я открываю

глаза и прислушиваюсь: въ комнатѣ все пусто, все тихо и развѣ только очень тонкій слухъ можетъ различить, какъ быстро шелкаетъ игла по лощенному полотну, какъ иногда шуршитъ это полотно, быстро переворачиваемое работающею рукою. — Лежать и не спать въ этомъ затишьѣ нѣтъ никакой возможности; въ немъ можно только спать или заниматься какимъ-нибудь дѣломъ, — иначе оно тяготитъ, давитъ, раздражаетъ нервы. Я поднимаюсь съ постели, выхожу босикомъ въ гостинную изъ-за перегородки; въ гостинной у окна сидитъ моя мать и торопливо шьетъ. Какое у нея озабоченное, худенькое, желтоватое лицо съ мелкими морщинками около прищуривающихся надъ строчкою глазъ, съ красными и припухшими вѣками, какъ болѣзненно нагнуть ея тонкій станъ надъ шитьемъ, — грудь вдавлена, когда-то стройная спина выгладитъ старческой, сутуловатой... Еще мгновение — и я уже нахожусь около матери. Она откладываетъ работу на столъ, поднимаетъ меня на руки, цѣлуетъ и, выправляясь, откидывается на спинку стула, — въ этомъ движеніи ясно видно изнеможеніе. Она рада разогнуть на мигъ свою спину. Еще мгновенье, — и она пошлетъ меня одѣваться, приготовить мнѣ чашку снятого молока, поправивъ въ кухнѣ горшокъ со щами, поставленный въ печку, всполоснетъ и вытретъ руки и снова шьетъ, шьетъ и шьетъ.

„Ей двадцать пять лѣтъ; она уже перемѣнила вторыя очки. Чай допить. Что мнѣ дѣлать? Не почитать-ли азбуку? подвигаю скамейку къ ногамъ матери и сбоку кладу на ея платье замасленную книжонку.

„Бо-го-ро-ди-ца дѣ-во-ра-дуй-ся, складываю я медленно и картава.

„Мать слушаетъ, не переставая шить.

— Мама, что значить дѣворадоваться? спрашиваю я, не понимая смысла складываемыхъ словъ. — Мать улыбается и объясняетъ мнѣ непонятныя слова.

„Чтеніе начинается мнѣ надоѣдать. Я оставляю книгу, беру лоскутки и шью платье куколѣ.“ — „Часы, между тѣмъ, бѣгутъ за часами, а мы съ матерью все шьемъ вплоть до обѣда; послѣ обѣда мы опять шьемъ до кофе; потомъ меня уже начинается томить дремота. Я радъ вечернему чаю, я радъ наступленію ночи, я радъ возможности уснуть“ (ib, 358—360). Иногда къ этому

однообразному дуэту сына съ матерью присоединился отецъ, но и тріо выходило не веселѣе дуэта. Отецъ, какъ и мать, вѣчно былъ занятъ работою, вѣчно былъ поглощенъ заботою о кускѣ насущнаго хлѣба. По службѣ ему не везло; тяжелая, безотрадная бѣдность держала семью постоянно впроголодь; мать видимо изнемогала подъ бременемъ непосильнаго труда и таяла, какъ свѣчка. Но, несмотря на это, отецъ глядѣлъ на все какъ-то невозмутимо ясно и иногда добродушно улыбался, даже въ самыя горькія минуты. Это не была покорность, это не была апатія; это было холодное неотразимое сознаніе, что исхода нѣтъ. „Пока живетса, говорилъ онъ, будемъ жить, умремъ и слава Богу“. Ни одна ссора, ни одинъ рѣзкій споръ не нарушали этого семейнаго затишья. Всецѣло занятые мыслию о насущномъ хлѣбѣ, вѣчно за работою, отецъ и мать жили исключительно личною жизнію. Ихъ ничто не интересовало, ихъ ничто не волновало, помимо вопросовъ домашняго очага:—что приготоить къ обѣду? какъ-бы раздобыть лишнію копѣйку? Какъ-бы заполучить еще и еще работу? и т. п. Это были двѣ улитки, приросшія къ своей раковинѣ, и видъ ея невидѣвшія никого и ничего. Ребенокъ никогда даже не слыхалъ, чтобы они говорили о своихъ убѣжденіяхъ, о своихъ взглядахъ, у нихъ не было никакихъ взглядовъ, никакихъ убѣжденій, о которыхъ стоило-бы разсуждать, для которыхъ стоило-бы отвлекаться отъ шитья и переписки бумагъ. — „Такъ тихо и мирно, какъ было тихо и мирно въ нашей семьѣ, можетъ быть развѣ только въ кружкѣ приговоренныхъ къ смерти развитыхъ, полныхъ силы личностей“ (ib, 362 стр.). Но подчасъ и среди этой могильной тишины раздавались вопли жгучаго отчаянія, слышались горькія жалобы на судьбу. Несмотря на всю терпѣливость и выносливость родителей, и они иногда, какъ говорится, *прорывались*. Ребенокъ становился невольнымъ зрителемъ того, что происходило у нихъ въ домѣ, и что обыкновенно старательно скрывалось подъ маскою наружнаго спокойствія. Минуты эти, конечно, не пропадали для него даромъ. Легко понять, какое сильное впечатлѣніе должны были оказывать на душу любимаго ребенка разговоры, въ родѣ, наприимѣръ, того, который однажды пришлось ему услышать по поводу нѣкоей Насти, которой его мать предлагала *честную* ра-

боту, но которая предпочла, однако, карьеру публичной женщины карьерѣ голодающей труженицы.

И, вѣроятно, подобные разговоры происходили не разъ въ присутствіи ребенка, и, конечно, они не могли дѣйствовать на него умиротворяющимъ образомъ. А тутъ еще, бокъ-о-бокъ съ ихъ квартирою, жила другая семья, семья такихъ-же нищихъ-тружениковъ, какъ они, но только тружениковъ озлобленныхъ, заливавшихъ горе водкою, вѣчно другъ съ другомъ грызшихся, другъ друга ненавидѣвшихъ. Пьяный отецъ, когда не былъ на службѣ, день и ночь буйствовалъ, пьяная мать ругалась и выищала на дѣтяхъ мужнины побои; дѣти, голодные, избитыя, смотрѣли на родителей, какъ на своихъ первѣйшихъ враговъ, и искали защиты отъ нихъ у сосѣдей. Брань, драки, ссоры, проклятія, грязная цинически-нерашливая нищета—всего этого вдоволь можно было наглядѣться и наслушаться, живя рядомъ съ этою несчастною семьей. Такимъ образомъ, нашъ ребенокъ очень рано ознакомился съ самыми темными, съ самыми возмутительными сторонами окружавшей его грубой дѣйствительности, и рано должны были зародиться въ умѣ его тѣ *проклятые вопросы*, передъ которыми и взрослый съ отчаяніемъ опускаетъ руки. Находишь онъ въ положеніи дѣтей другой семьи (Степановыхъ), онъ, по всей вѣроятности, никогда-бы не сталъ объ нихъ думать. Умъ его былъ-бы вѣчно занятъ одною только мыслию о самозащитѣ и о кускѣ хлѣба, и среди этихъ чисто-практическихъ заботъ онъ скоро-бы совсѣмъ очерствѣлъ и огрубѣлъ, и кончилъ-бы тѣмъ-же самымъ, чѣмъ кончили и Степановскія дѣти. Вообще, дѣти, которымъ слишкомъ рано приходится почувствовать на собственной спинѣ всѣ невзгоды бѣдности, никогда не вырабатываютъ въ себѣ сознательно-критическаго отношенія къ жизни. Прежде еще, чѣмъ они достигнуть того возраста, когда человекъ начинаетъ болѣе или менѣе сознательно относиться къ явленіямъ окружающей его дѣйствительности, они уже стануть рабами этой дѣйствительности, они уже до такой степени *стянуты* въ борьбу, до такой степени умственно и нравственно искалѣчатъ себя, что, въ данной рутинѣ, для нихъ и не мыслима будетъ никакая другая жизнь. Грустныя впечатлѣнія, испытанныя ребенкомъ въ дѣтствѣ, только тогда не извра-

тять преждевременно его характера, только тогда возникает въ его умѣ инстинктивный порывъ къ *протесту*, когда они дѣйствуютъ, по преимуществу, на *симпатическую* сторону его природы т. е., когда они возбуждаютъ его симпатическія чувства, а не его себялюбивыя, эгоистическія инстинкты. Бейте, мучьте своихъ дѣтей и вы сдѣлаете изъ нихъ черствыхъ, озлобленныхъ эгоистовъ; напротивъ, если будутъ бить и мучить васъ, васъ, которыхъ они любятъ, которыхъ они считаютъ своими *близкими*, въ судьбѣ которыхъ они принимаютъ участіе, если, однимъ словомъ, они привыкнутъ страдать *вашими* страданіями, въ ихъ умѣ рано зародится зерно недовольства окружающими ихъ условіями жизни, но ихъ недовольство получить совсѣмъ иной характеръ, чѣмъ недовольство озлобленнаго эгоиста; это недовольство не заставитъ ихъ съ ожесточеніемъ бросаться на ближнихъ и вырывать у нихъ изо рта кусокъ хлѣба, нѣтъ, оно заставитъ ихъ задуматься надъ судьбою этихъ ближнихъ, и симпатически отнестись къ ихъ горю; правда, оно тоже можетъ подвигнуть ихъ на борьбу, но борьба эта будетъ не борьбою за свои личные интересы, а борьбою за интересы всѣхъ страдающихъ людей, борьбою во имя общаго человѣческаго счастья.

Видъ чужого горя, чужихъ страданій, въ особенности, если это горе и эти страданія испытываются людьми любимыми, являются обыкновенно первымъ и самымъ могущественнымъ стимуломъ нравственнаго развитія ребенка. И въ дѣтствѣ нашихъ юныхъ героевъ не было недостатка въ подобныхъ стимулахъ. Рудый, Шуповъ, Теплицынъ, Вицли-Пуцли, Александръ и Антонъ Прилежаевы, Кольва Люлюшинъ и т. п. — всѣ они, въ періодъ своего младенчества переиспытывали почти то-же самое, что переиспытывалъ и Порѣченскій, съ воспоминаніями котораго мы только-что познакомились. На нихъ, какъ и на Порѣченскаго, впечатлѣнія ранняго дѣтства должны-бы подѣйствовать скорѣе гуманизирующимъ, чѣмъ очерствяющимъ образомъ. Такъ это и было на самомъ дѣлѣ, и въ исторіи дѣтства Александра и Антона Прилежаевыхъ (Лѣсъ рубятъ — щепки летятъ) авторъ весьма рельефно очертилъ это гуманизирующее вліяніе чужого горя на характеръ ребенка. (см. Т. V, стр. 99 — 111, 8 — 18 и др.). Вся разница только

въ томъ, что въ жизни однихъ это вліяніе дѣйствовало сильнѣе, въ жизни другихъ слабѣе, у однихъ скорѣе, у другихъ позже уступило мѣсто другимъ вліяніямъ, дѣйствовавшимъ въ противоположномъ смыслѣ, въ смыслѣ развитія себялюбивыхъ, эгоистическихкихъ инстинктовъ человѣческой природы; въ этихъ послѣднихъ вліяніяхъ тоже не было недостатка въ жизни нашихъ героевъ. Большинству изъ нихъ пришлось очень рано извѣдать на себѣ все то горе и страданіе, подъ игомъ котораго томились ихъ ближніе, — рано пришлось имъ собственнымъ, упорнымъ трудомъ начать пробивать себѣ дорогу. Порѣченскій былъ еще ребенкомъ, когда мать его умерла чахоткою, и старикъ отецъ, полумертвый, разбитый горемъ, остался на его рукахъ; ему, девятилѣтнему мальчику, приходилось „вести и поддерживать этого старика и въ то-же время пробивать себѣ путь, не ожидая поддержки ни отъ кого въ этомъ мірѣ...“ (Т. I, стр. 403). Сынъ Вицли-Пуцли былъ тоже почти еще мальчикомъ, когда ему пришлось махнуть на все рукою и всецѣло отдаться мысли: „гдѣ-бы достать денегъ?“ (Т. I, стр. 341). Рудый еще не успѣлъ окончить свое ученіе, какъ уже его начала мучить забота о добываніи куска насущнаго хлѣба. Антонъ Прилежаевъ на восьмомъ году былъ уже работникомъ въ семьѣ, собиралъ вмѣстѣ съ отцемъ дрова на взморьѣ, пилилъ доски, помогалъ матери таскать корзины съ бѣльемъ и т. п. (т. V, стр. 106). Николай Люлюшинъ еще не успѣлъ кончить курса въ медицинской академіи, какъ отца отдали подъ судъ и вся семья осталась на его рукахъ, съ ученической скамьи пришлось ему трудиться изъ-за куска насущнаго хлѣба, впречья въ поденщину, отъ которой еще ему грозило убивать свои силы за работой, къ которой не лежало его сердце. „Изъ-за куска насущнаго хлѣба уроки даю“, жалуется онъ другу своему Шупову, „статьи компилирую, остерегаюсь лишнее слово сказать, чтобы не потерять уроковъ, чтобы изъ редакціи вонъ не выгнали, молчу, когда тупица-редакторъ вычеркиваетъ мои мысли, неподходящія подъ его грошовый либерализмъ“... „И пусть-бы такъ и было“, продолжалъ онъ минуту спустя. „Такъ хоть-бы личное-то счастье было возможно, а то и оно невозможно. О женитьбѣ и думать не смѣй. Вѣдь это

глупости, что горе и нужду вдвоемъ легче сносить!...“ и т. д. (т. II, стр. 279).

Вотъ въ какіе тиски попали наши герои, чуть только столкнулись лицомъ къ лицу съ суровою дѣйствительностью. Трудъ безустанный, плохо вознаграждаемый трудъ, вѣчная забота о кускѣ насущнаго хлѣба, развѣ отъ такой жизни не загрубѣетъ и не очерствѣетъ человѣческое сердце?

Но именно потому-то, что эти очерствѣяющія вліянія жизни находились въ рѣзкомъ противорѣчій съ гуманизирующими вліяніями дѣтства, наши герои не могли безъ борьбы и колебаній подчиниться всецѣло господству первыхъ и вполне высвободиться изъ-подъ власти послѣднихъ. Могъ-ли, наприимѣръ, Антонъ Прилежаевъ, „сердце котораго сжималось“, когда онъ былъ еще мальчикомъ, при видѣ „блѣднлицыхъ, оборванныхъ, грязныхъ дѣтей-трапичниковъ“, могъ-ли онъ чувствовать склонность къ безсердечной морали гг. Боголюбовыхъ, Обносковыхъ, Бубновыхъ и т. п? Могъ-ли сынокъ барона Видли-Пуцли охотно стать въ ряды этихъ черствыхъ эгоистовъ, онъ, который морилъ себя голодомъ, для того только, чтобы накормить тайкомъ бѣднаго, забытаго больного Ваню? (Съ квартиры на квартиру, т. I, стр. 301—303). Могъ-ли Теулицинъ пойти по слѣдамъ своего отчима, когда еще ребенкомъ онъ проливалъ горючія слезы при видѣ страдающихъ ближнихъ, и въ страстномъ увлеченіи влялся передъ образомъ, что онъ „никогда, никогда не будетъ никого притяснять“ (Въ разбродъ, т. II, стр. 109)? Нѣтъ, всѣ эти юноши были слишкомъ мягкосердечны, чтобы беззавѣтно окунуться въ омутъ той практической философіи, которая логически вытекала изъ данныхъ условій окружавшей ихъ дѣйствительности. Но съ другой стороны, — и жить одними, какъ выражаются Бубновы, „сентиментами“ не было никакой возможности среди этого хаоса борющихся интересовъ, личныхъ самолюбій, — среди этой невольной свалки озлобленныхъ, голодныхъ, насквозь пропитанныхъ эгоизмомъ людишекъ... Притомъ-же, — и умственное развитіе нашихъ героевъ было не таково, чтобы они могли довольствоваться, такъ сказать, чисто-инстинктивными влеченіями, не стараясь облечь ихъ въ какую-нибудь теорію, подвести ихъ подъ какой-нибудь абстрактный принципъ, извлечь изъ нихъ какія-нибудь

общія правила для сознательнаго регулированія своихъ отношеній ближнимъ, своей дѣятельности, своего образа жизни. Уже если господа Бубновы—возводили свои инстинкты въ принципы, если у нихъ были свои нравственныя теоріи, — то какъ-же могли обойтись безъ нихъ — люди, развивавшіеся въ достопамятную эпоху нашего *rénaissance*?

Еще прежде, чѣмъ они дошли до университетовъ и академій, на нихъ повѣяло какимъ-то „новымъ духомъ“,—явившемся во образѣ Носовичей, Антоновъ Шуповыхъ (не изъ Шуповки) и иныхъ учителей развивателей. Эти „развиватели“ — если вѣрить юношескихъ воспоминаніямъ нашихъ героевъ, — дали первый толчекъ ихъ умственной самодѣятельности, — вызвали ихъ дремлющую мысль изъ той тупой апатіи, въ которую ее загнали разные Гро, Рейтманн, Ньюланды, и иные педагоги „старой школы.“ — Они говорили юношамъ: „старайтесь выработать въ себѣ честный, трезвый практическій взглядъ на жизнь. Это очень легко. Наблюдайте за собою, сближайтесь съ товарищами, но сближайтесь честно, разумно, не за раздѣленную пополамъ сахарную конфетку. Изучайте, что худо и что хорошо въ ихъ и въ вашемъ домашнемъ быту; не осуждайте старыхъ людей за худое; они воспитывались не такъ, какъ вы, — исправлять ихъ глупо и пошло; но старайтесь воспитать себя такъ, чтобы худое не повторилось въ васъ самихъ и въ вашей дѣятельности. Другихъ нечего передѣлывать, не передѣлавъ себя...“ и т. д. (Гнилья Болота, Т. II, стр. 149).—Можетъ быть, въ другое время и при другихъ обстоятельствахъ — умныя рѣчи умныхъ воспитателей остались-бы гласомъ вопіющаго въ пустынь. Но въ эпоху начинающагося *rénaissance* этого не могло случиться. То, что проповѣдывали въ классѣ господа Носовичи, — повторялось всюду и всѣми и въ литературѣ, и въ великосвѣтскихъ салонахъ, и у домашняго очага скромныхъ буржуа, и на пріятельскихъ пирушкахъ, даже въ театрѣ, на сценѣ. Ихъ нельзя было пропустить мимо ушей,—ихъ нельзя было легко забыть; потому все напоминало ихъ имъ—все приглашало ихъ критически отнестись къ окружающей ихъ жизни, и выработать въ себѣ новыя, болѣе честныя нравственныя идеалы. Того-же самаго требовалъ и ихъ личный интересъ. Ни для одного сколько-нибудь развитого

человѣка не можетъ быть особенно пріятнымъ — бродить въ хаосѣ противорѣчивыхъ побужденій, теорій, принциповъ. Въ известномъ возрастѣ онъ всегда почувствуетъ непреодолимую потребность ориентироваться въ своемъ нравственномъ мірѣ, установить какіе-нибудь точные, опредѣленные критеріи для оцѣнки какъ своихъ, такъ и чужихъ поступковъ. Безъ сомнѣнія, и отцы, по-крайней-мѣрѣ, нѣкоторые, переживали подобныя-же періоды „личнаго броженія.“ Но у нихъ, при болѣе слабыхъ умственномъ развитіи, — броженіе не могло продолжаться долго, и они очень скоро переходили или въ лагерь Обносковыхъ, Бубновыхъ, Боголюбовыхъ и т. д., или подобно брату Шупова отца, свою теоретическую нравственность строили на разныхъ *сантиментахъ*, а свою практическую мораль цѣликомъ заимствовали у тѣхъ-же Обносковыхъ и Бубновыхъ.

Итакъ, анализъ тѣхъ психическихъ данныхъ, изъ которыхъ складался характеръ нашихъ юныхъ героевъ, показываетъ намъ, что логика ихъ развитія неизбежнымъ, роковымъ образомъ сталкивала ихъ съ вопросомъ о *нравственныхъ критеріяхъ чело-вѣческаго поведенія*. Такъ или иначе, но имъ необходимо было рѣшить этотъ вопросъ, и отъ того или другого отвѣта на него должны были, въ значительной степени, зависѣть характеръ и направленіе ихъ будущей практической дѣятельности. И они принялись разрѣшать его; начались эти безконечныя и всѣмъ намъ памятныя разсужденія о томъ, что можетъ и чего не можетъ дѣлать, говорить и даже думать *честный* человѣкъ, какъ ему слѣдуетъ относиться къ своимъ ближнимъ вообще, къ женщинамъ, къ дѣтямъ, къ родителямъ въ частности, — каковыя обязанности обязанъ онъ руководствоваться при оцѣнкѣ чело-вѣческихъ поступковъ, при опредѣленіи значенія той или другой сферы чело-вѣческой дѣятельности, той или другой отрасли чело-вѣческаго труда и т. д., и т. д. Изъ частныхъ кружковъ толки эти перешли въ литературу, проникли въ критику и беллетристику, и создали въ ней особое *направленіе*, особый жанръ, который можно охарактеризовать словами: *нравственно-дидактическій*. Направленіе это получило широкое развитіе и, нужно сознаться, что ни одинъ сколько-нибудь талантливый критикъ, публицистъ и беллетристъ не избѣгъ вполнѣ его вліянія: каж-

дый заплатилъ ему свою дань, и г. Михайловъ, быть можетъ, болѣе всѣхъ. Всѣ его беллетристическія произведенія пропитаны духомъ этого направленія или, лучше сказать, имъ-то они и были вызваны и его господству они обязаны значительною долей своей популярности. Но, какъ мы уже сказали, въ нихъ не только пропагандировались извѣстныя нравственныя правила, въ нихъ не только разрѣшались извѣстныя нравственныя задачи, устанавливались критеріи „новой“ морали, въ нихъ также выяснялась и опредѣлялась та настоящая потребность, которая выдвинула на первый планъ чисто-нравственные вопросы, которая дѣлала логически-необходимымъ появленіе въ литературѣ нравственно-дидактическаго направленія. До сихъ поръ мы старались выяснить эту потребность съ точки зрѣнія психологической, теперь мы взглянемъ на нее съ точки зрѣнія соціальной.

VIII.

Нравственные идеалы общества всегда опредѣляются данными практическими потребностями жизни, т. е. тѣми чисто-экономическими отношеніями, которыя связываютъ въ данный моментъ его членовъ. Пока не измѣняются эти отношенія, не измѣняются и эти идеалы. Отдѣльныя личности, развивавшіяся подъ вліяніемъ какихъ-нибудь исключительныхъ обстоятельствъ, выросшія среди особенно благоприятныхъ условій, могутъ восчувствовать непреодолимую психическую потребность въ иныхъ, болѣе возвышенныхъ идеалахъ, могутъ выработать въ себѣ иные, болѣе разумные нравственные критеріи, но какъ-бы ни были возвышены эти идеалы, какъ-бы ни были разумны эти критеріи, они никогда не усвоятся цѣлою *средою*, они всегда будутъ имѣть чисто-личный характеръ и ихъ вліяніе не распространится долѣе того ограниченаго кружка людей, въ которомъ они впервые возникли. Вызванные индивидуальными, чисто-психологическими потребностями, они не получаютъ санкціи общественнаго мнѣнія, потому что общественное мнѣніе опредѣляется *общественными*, а не *частными* интересами. Измѣнить жизнь сообразно съ нравственными идеа-

лами, невызванными ея господствующими потребностями, можно только тогда, когда люди, выработавшіе эти идеалы, рѣшатся нарушить, во имя ихъ установившейся постепенный процессъ развитія общественной жизни. При обыкновенномъ-же ходѣ дѣлъ, не нравственность преобразуетъ практическую жизнь, а наоборотъ, практическая жизнь преобразуетъ нравственность.

Поэтому, хотя индивидуальныя условія развитія и могли натолкнуть нѣсколько личностей на необходимость установить новыя нравственные критеріи для своего домашняго обихода, однихъ этихъ условій было-бы все-таки слишкомъ еще недостаточно для реформированія нравственныхъ понятій цѣлаго поколѣнія. Если-же мы видимъ, что реформированіе это тѣмъ не менѣе начинается совершаться, или, по крайней мѣрѣ, что потребность въ немъ начинается чувствоваться не отдѣльными личностями, а цѣлою средою, что оно громко заявляется въ литературѣ и т. п., мы можемъ быть увѣрены, что въ практической жизни, въ условіяхъ быта этой среды произошли измѣненія, дѣлающія неизбѣжныи и измѣненіе ея нравственныхъ идеаловъ.

Произошли-же, въ дѣйствительности, такія измѣненія и въ чемъ они выразились?

Послѣ всего того, что было столько разъ говорено о вліяніи отчѣны крѣпостного права на развитіе нашей общественной жизни, вопросъ этотъ едва-ли даже и нуждается въ отвѣтѣ. Хотя экономическая реформа и не коснулась непосредственно условій быта той среды, изъ которой вышло большинство нашихъ героевъ, но никто не станетъ теперь отрицать, что косвеннымъ путемъ, черезъ посредство другихъ вызванныхъ ею реформъ, она измѣнила эти условія очень замѣтнымъ образомъ. Съ одной стороны, прежніе ресурсы къ существованію отчасти сократились, отчасти совсѣмъ уничтожились; съ другой стороны, открылись новыя сферы дѣятельности, совершенно недоступныя для отцевъ. Дѣло, повидимому, ограничилось замѣною спроса на одинъ трудъ, спросомъ на другой, и, конечно, если-бы тотъ трудъ, который спрашивается у отцевъ былъ-бы совершенно равнозначителенъ и имѣлъ-бы совершенно одинаковое соціальное значеніе, какъ и тотъ трудъ, который сталъ спрашиваться у дѣтей, то никакихъ замѣтныхъ измѣненій въ условіяхъ жизни стараго и юнаго поколѣнія про-

зойти не могло-бы. Но въ дѣйствительности это было не такъ. Характеръ труда существенно измѣнился, а вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ былъ измѣниться и нравственный характеръ *поставщиковъ труда*. Чего требовала жизнь отъ труда того поколѣнія, среди котораго пришлось жить и дѣйствовать разнымъ Обносковымъ, Бубновымъ, Боголюбовымъ, Люлюшинымъ? Прежде всего чисто-механическаго исполненія своихъ обязанностей; личная инициатива, личная самостоятельность строго на строго изгонялись изъ ихъ дѣятельности. Какъ школьники въ дурной школѣ, они должны были прозубрить свой урокъ *отселево* и *доселево*, не прибавляя и не убавляя ни единой іоты противъ того, что написано въ книжкѣ, т. е. ни на единый дюймъ не выходя изъ предѣловъ установленной, освященной преданіемъ рутины. Но исполнивъ свое дѣло съ чисто-формальной стороны, они исполняли все, что отъ нихъ требовалось. Старательно или нестарательно, съ большимъ или съ меньшимъ рвеніемъ, добросовѣстно или недобросовѣстно они его исполняли, до этого никому не было дѣла, никому не было дѣла и до того, правильно или неправильно рѣшена задача, лишь-бы итогъ былъ подведенъ вѣрно. Заполучивъ работу, эти живыя машины въ большинствѣ случаевъ, отдавались всецѣло, душою и тѣломъ, тому или тѣмъ, которые были на-столько милостивы, что принимали ихъ предложеніе трудиться. Нуждающійся въ трудѣ чувствовалъ, что его трудъ цѣнится не по своей внутренней стоимости, не по своей соціальной полезности, а по соображеніямъ совершенно побочнымъ, ничего общаго съ самымъ трудомъ неимѣющимъ. Съ этими-то побочными соображеніями онъ и долженъ былъ постоянно соображаться, чтобы пріобрѣсти право на трудъ. Горе ему, если-бы онъ вздумалъ когда-нибудь игнорировать ихъ, если-бы когда-нибудь онъ позволилъ себѣ увлечься дерзкою мыслию, будто его трудъ, самъ по себѣ, чего-нибудь стоитъ, будто однимъ трудомъ можно пробить себѣ дорогу въ жизни. Несчастный братъ статскаго совѣтника Боголюбова, Александръ Захаровичъ Прилежаевъ, и многіе другіе подобныя ему недалновидныя труженики на собственной спинѣ извѣдали всю опасность такихъ увлеченій. Когда они не захотѣли, по примѣру господъ Боголюбовыхъ, вмѣсто заработной платы получать подачки за ревность, преданность и исполнительность, когда они, въ наивномъ самообольщеніи, пожелали

взять за свой трудъ одну только его дѣйствительную стоимость. Имъ пришлось взяться за нищенскую суму. И это не потому, чтобы они были лѣнны; нѣтъ, они работали съ утра до ночи, спины не разгибая, корпѣя за переноскою бумагъ, трудились какъ ломовыя лошади, но трудъ ихъ, какъ ни былъ тяжелъ, скученъ и утомителенъ, былъ трудъ совершенно непродуцеленъ, и по своему общественному значенію не стоилъ даже и того, что имъ за него платили.

Само собою понятно, что подобный трудъ не могъ развить въ человѣкѣ чувства собственнаго достоинства, что съ нимъ не могли связываться никакія идеи, никакія представленія, выходящія изъ сферы узкаго эгоизма. Онъ не связывалъ труженика съ обществомъ, онъ, напротивъ, уединялъ его отъ общества. Человѣкъ, посвящающій ему все время, живущій имъ и убивающій имъ свои силы, не имѣлъ ни малѣйшаго основанія считать себя полезнымъ членомъ общества; онъ понималъ, или, по крайней мѣрѣ, смутно сознавалъ, что его труженничество полезно только для него одного и ни для кого болѣе, и онъ свыкался съ мыслию, что между нимъ и обществомъ нѣтъ и не можетъ быть никакой солидарности, что каждый долженъ думать только самъ о себѣ и что всякій трудъ хорошъ, если онъ лично выгоденъ.

На такой экономической почвѣ могли-ли вырасти иные нравственныя понятія, иные нравственные идеалы, кромѣ тѣхъ, которые теоретически и практически пропагандировались господами Вѣдокопытовыми, Боголюбковыми, Любушиными? Конечно, нѣтъ. Вѣдь эти ихъ идеалы были только логическимъ выводомъ изъ тѣхъ условій, въ которыхъ находился ихъ трудъ, изъ того положенія, въ которое поставила ихъ жизнь. Если-бы они вздумали создать себѣ какія-нибудь другія нравственныя правила, то имъ пришлось-бы вступать въ борьбу съ собственными интересами, имъ пришлось-бы или совсѣмъ отказаться отъ всякой нравственности, или измѣнить свое общественное положеніе, измѣнить характеръ своего труда. Очевидно, что ни того, ни другого они не могли сдѣлать, да, если-бы и могли, то едва-ли-бы захотѣли.

Но то, чего не могли или не захотѣли сдѣлать люди, то сдѣлала сама жизнь, то сдѣлала та неотразимая логика вещей, передъ которой такъ часто пасуетъ безсильная человѣческая логи-

ка. Два экономическіе факта были неизбѣжнымъ послѣдствіемъ отмѣны крѣпостного права: во-первыхъ, стоимость человѣческаго труда должна было подняться, во-вторыхъ, спросъ на непроеводительный трудъ долженъ былъ сократиться. Въмѣстѣ съ возвышеніемъ стоимости труда и тѣ побочныя соображенія, которыя при старыхъ порядкахъ опредѣляли его цѣнность, должны были утратить свое прежнее значеніе. Въмѣстѣ съ уменьшеніемъ спроса на непроеводительный трудъ — увеличился спросъ на трудъ производительный, открылись новыя сферы экономической и общественной дѣятельности. Трудъ этотъ, какъ мы на него ни смотрѣли, не имѣлъ во всякомъ случаѣ характера *соціальной ненужности*, которымъ запечатленъ былъ трудъ господъ Люлюшинныхъ, Боголюбовыхъ, etc. Но нельзя было смотрѣть на него исключительно съ точки зрѣнія чисто личнаго интереса; въ немъ, такъ или иначе, были замѣшаны и общественные интересы, онъ заставлялъ человѣка чувствовать, что онъ членъ общества, и что на немъ лежатъ извѣстныя общественныя обязанности. Но это еще не все. Новыя сферы дѣятельности требовали не только болѣе производительнаго, но и болѣе осмысленнаго, болѣе самостоятельнаго труда. Сухой формализмъ не успѣлъ еще пустить здѣсь свои корни. На первыхъ порахъ тутъ не только не старались систематически подавлять личную инициативу, личную самостоятельность и предприимчивость трудящагося, а напротивъ, въ немъ поощряли развитіе этихъ качествъ. Такимъ образомъ, общій характеръ труда, на который появился теперь спросъ, былъ уже не тотъ, что прежде, онъ иначе долженъ былъ и вліять на нравственную личность. Онъ не унижалъ ее въ ея собственныхъ глазахъ, напротивъ, онъ скорѣе могъ развить въ ней чувство самоуваженія. Съ представленіемъ о немъ не сочеталось теперь одно только понятіе о личномъ, узко-эгоистическомъ интересѣ, съ нимъ могла быть связана и идея общественной пользы, блага ближнихъ и т. п. Наконецъ, онъ не ставилъ труженика въ ту унижительную крѣпостную зависимость къ работодателю, въ какую ставилъ его прежній трудъ, трудъ, лишенный всякой внутренней цѣнности. Само собою понятно, этимъ измѣнившимся условіямъ труда дѣтей, этому измѣнившемуся характеру его, не могли болѣе соответствовать нравственныя понятія Обносковыхъ,

Бубновхъ и т. д. Новое экономическое положеніе требовало новой нравственности, —новой нравственности не для отдѣльныхъ личностей, а для цѣлой среды. Указанныя выше чисто индивидуальныя побужденія, обусловленныя, такъ сказать, біографическими подробностями жизни того или другого лица, и натолкнувшія его на необходимость *ревизіи* его нравственныхъ идеаловъ, были только подспорьемъ этому общему требованію практической дѣятельности.

Посмотримъ-же теперь, каковы тѣ нравственные идеалы, которые создались подъ совокупнымъ вліяніемъ разобранныхъ нами частныхъ и общихъ причинъ, подъ вліяніемъ данныхъ условій домашней обстановки дѣтей съ одной стороны, подъ вліяніемъ ихъ измѣнившагося экономическаго положенія съ другой. Чѣмъ отличаются эти „новые„ нравственные идеалы отъ старыхъ? Какъ и чѣмъ выражаются они въ практической жизни другого поколѣнія? Какое значеніе они могутъ имѣть въ исторіи развитія нашего общества? Какіхъ дѣятелей они готовятъ ему?

Вотъ вопросы, съ которыми сталкивается критика при разборѣ произведеній г. Михайлова и которые она не можетъ оставить безъ отвѣта. Къ нимъ-то мы теперь и обращаемся.

Постыгаго.

УСЛОВІЯ ПРОГРЕССА ВЪ СФЕРѢ ПОЛОЖИТЕЛЬНОГО ЗНАНІЯ.

(Окончаніе.)

(Histoire des sciences et des savants depuis deux siècles, par Alphonse De-Candolle, Genève, 1873.)

I.

Мы имѣли случай замѣтить, что Декандоль не симпатизируетъ закону наслѣдственности, какъ фактору, играющему первенствующую роль въ интеллектуальной производительности. По мнѣнію Декандоля, научная карьера человѣка опредѣляется скорѣе его личной дѣятельностью и общими соціальными условіями, чѣмъ роковой, фаталистической силой наслѣдственности. Поэтому послѣ матеріальнаго обезпеченія, какъ экономическаго дѣятеля въ развитіи умственныхъ силъ, главнѣйшимъ факторомъ научной производительности Декандоль считаетъ образованіе и воспитаніе въ годы дѣтства и юности, но, признавая всю силу образованія, всю важность его для будущности самаго талантливаго и гениальнаго ученаго, нельзя понять, почему Декандоль противопоставляетъ наслѣдственности образованіе. Эти два вліянія вполнѣ совмѣщаются и нисколько не исключаютъ другъ друга, какъ это мы замѣтили выше. Теперь нѣтъ уже никакихъ сомнѣній, что образованіе производитъ реальное, фізіологическое дѣйствіе на мозгъ, какъ это такъ ясно доказали послѣднія изслѣдованія Брока, — слѣдовательно, образованіе должно прямо измѣнять *расу*, вліяніе которой, по мнѣнію даже Декандоля, наслѣдственно. „Образованіе, говоритъ Брока въ заключеніи своихъ изслѣдованій, — не только совершенствуется

человѣка, не только даетъ ему возможность утилизовать и развивать тѣ свойства своего духа, которыми одарила его природа, но обладаетъ чудесной силой ставить человѣка выше самого себя. Люди, требующіе распространенія образованія, справедливо указываютъ при этомъ на общественные и національные интересы. Но въ настоящее время мы можемъ указать кромѣ того на интересъ, быть можетъ, болѣе высокій — интересъ расы. Распространять образованіе — значитъ совершенствовать расу“ (*Revue Scientifique*, № 48, Mai, 1873). Если представить себѣ какое-либо семейство, гдѣ втеченіи нѣсколькихъ поколѣній умственный трудъ преобладалъ надъ физическимъ, то, спрашивается, чему, какъ не наслѣдственности, обязанъ будетъ членъ этого семейства, если изъ него выработается ученый послѣ трехъ или четырехъ генерацій? Ошибка Декандоля состоитъ именно въ томъ, что, имѣя передъ собою ученаго, онъ не заглядываетъ въ его прошлое, не прямо начинаетъ анализировать его настоящую карьеру. Безъ сомнѣнія, весьма желательно и полезно, чтобы за наслѣдственностью слѣдовало образованіе, но одно образованіе не имѣетъ, очевидно, никакого вліянія на созданіе ученыхъ. Первое поколѣніе варваровъ не дастъ, конечно, ни одного ученаго, какъ-бы ни было тщательно ихъ образованіе. Необходимо нѣсколько поколѣній, втеченіи которыхъ наслѣдственность должна накопить въ средѣ одного и того-же народа, или одного и того-же класса общества достаточное количество умственной энергіи и склонности къ интеллектуальнымъ занятіямъ.

Съ особеннымъ интересомъ узнаемъ мы изъ изслѣдованій Декандоля, что лишь весьма немногіе изъ первоклассныхъ ученыхъ выросли и воспитались въ тѣхъ городахъ, гдѣ были университеты. Любопытно также, что учителя многихъ ученыхъ знаменитостей, какъ видно изъ ихъ біографій, отличались безусловной бездарностью, а ученики профессоровъ, занимавшихъ въ то-же время высокое мѣсто въ наукѣ, не выходили изъ ряда посредственностей. Декандоль смотритъ на это обстоятельство съ своей точки зрѣнія; онъ готовъ на всевозможныя объясненія, лишь-бы не прибѣгать къ несправедливой ему наслѣдственности. По его мнѣнію, весьма оригинальному, дурные учителя необходимы для прогресса науки, такъ-какъ безтолковостью своего метода, дурнымъ и неяснымъ объясненіемъ они возбуждаютъ пылливость ума, развиваютъ

самодѣтельность мысли. Они не столько обогащаютъ умъ питомца положительными свѣденіями, сколько учатъ мыслить, создавая свою педагогической неумѣлостью родъ умственной гимнастики, какихъ-то логическихъ баррикадъ, которыя нужно брать приступомъ, призывая на помощь всѣ силы мозга. Въ подтвержденіе этой странной мысли Декандоль рассказываетъ, какъ однажды онъ спросилъ у одного ученаго профессора политехнической школы въ Парижѣ, почему въ прежнее время школа производила больше знаменитыхъ математиковъ и физиковъ, чѣмъ въ настоящее время. — „Правда-ли это?“ спросилъ Декандоль. — „Очень можетъ быть“, отвѣчалъ профессоръ. — „Почему?“ — „Потому что, видите-ли, нашъ главный учитель математики излагалъ такъ темно свой предметъ, что лучшіе ученики должны были собираться послѣ каждаго урока, чтобы объяснять его общими силами. Втеченіи нѣкотораго времени я руководилъ при этомъ занятіями своихъ товарищей. Вы не можете себѣ представить, какъ это побуждало меня къ труду“. Эти слова, какъ нельзя болѣе, понятны въ устахъ *ученаго* профессора, но подъ перомъ Декандоля они обращаются въ нелѣпость. Нѣтъ ничего удивительнаго, что ученикъ, *из котораго впоследствии сформировался ученый*, могъ объяснять своимъ менѣе смѣтливымъ товарищамъ іероглифы учителя. Безъ сомнѣнія, онъ брался за эти объясненія не потому, что онъ не понималъ учителя, но, наоборотъ, потому, что понималъ онъ его преимущественно передъ другими, вслѣдствіе того, что болѣе склоненъ былъ къ математикѣ, доказательствомъ чему служить то, что онъ подвизается теперь на поприщѣ ученаго, тогда какъ, конечно, большинство его товарищей, несмотря на темноту профессорскихъ лекцій, избрало себѣ болѣе скромный удѣлъ и едва-ли даже сохранило въ душѣ своей симпатію къ наукѣ, которая въ дѣтствѣ причиняла имъ столько непріятностей. Оспаривать мысль Декандоля въ томъ видѣ, какъ онъ ее высказалъ, было-бы смѣшно, и потому мы замѣтимъ лишь коротко, что дурныхъ учителей какъ въ настоящее время, такъ въ особенности прежде, было много, до излишества, до роскоши, сказалъ-бы Декандоль, такъ что, если-бъ отъ нихъ зависѣло давать обществу ученыхъ, то мы не знали-бы, куда ихъ и дѣвать.

Но тѣмъ не менѣе фактъ, на который указываетъ Декандоль, къ несчастью, справедливъ: первоначальное образованіе многихъ уче-

ныхъ до крайности плохо. Относясь къ этому факту безъ предвзятыхъ теорій, всякій только пожалѣетъ, что какъ обыкновенныхъ смертныхъ, такъ и ученыхъ, съ самого дѣтства дрессируютъ дурные наставники, которыхъ такъ много, что отъ нихъ никакъ не скроешься. Но если недостаточное и неправильное образованіе не могло, такъ сказать, доконать мозга юнаго ученаго, извратить его умственные способности, притупить и изуродовать ихъ, то онъ долженъ благодарить судьбу въ лицѣ наслѣдственности, даровавшей его мозгу столь счастливую организацію.

Впрочемъ, необходимо замѣтить, что въ *известномъ* смыслѣ мнѣніе Декандоля заключаетъ долю истины, если только онъ желалъ выразить порицаніе общепринятой системѣ образованія, противопоставляя ей завѣдомое отсутствіе всякой системы. Сухое, догматическое преподаваніе, излагающее науку, какъ законченный фактъ, неоставляющее для мысли никакихъ вопросовъ, никакого матеріала для самостоятельной переработки, быть можетъ, скорѣе убиваетъ умъ, чѣмъ возбуждаетъ его къ дѣятельности. Приучая ученика слѣдовать по проторенной стезѣ готовыхъ умозаключеній, безъ малѣйшихъ усилій со стороны его собственной мысли, учитель забываетъ, что онъ служитъ для ученика весьма ненадежнымъ костылемъ, на который онъ будетъ опираться только тогда, когда онъ у него подъ руками. Но, разставшись съ авторитетомъ учителя, ученикъ ощутитъ свою безпомощность при первомъ столкновеніи съ жизнью. Его голова набита драгоценнымъ запасомъ научныхъ свѣденій, онъ много знаетъ, трудолюбивъ и прилеженъ, но опытный глазъ откроетъ въ немъ одинъ весьма существенный и неисправимый недостатокъ—отсутствіе активной энергіи въ мысляхъ и убѣжденіяхъ. Каждый шагъ этихъ людей носить печать мертвящаго консерватизма, отсутствія инициативы и боязни заглядывать впередъ. Если это чиновникъ, онъ способенъ просидѣть въ одномъ и томъ-же министерствѣ, на одномъ и томъ-же стулѣ 30 лѣтъ; если это политическій дѣятель, онъ держится за одряхлѣвшіе принципы отжившаго прошлаго; литераторъ—рабски копируетъ чужія мнѣнія, не рѣшаясь „смиѣть свои сужденія имѣть“. Быть можетъ, многіе читатели подтвердятъ примѣрами изъ своихъ школьныхъ воспоминаній тотъ общезвѣстный фактъ, что весьма рѣдко такъ-называемые „хорошіе“ ученики оправдываютъ надежды, возлагаемыя на нихъ учителями,

а съ другой стороны, ученики, неотличавшіеся въ школѣ ни прилежаніемъ, ни трудолюбіемъ, впоследствии, сверхъ всякаго ожиданія, заявляли силу своихъ умственныхъ способностей крупными и блестящими результатами. Вспомнимъ Бѣлинскаго, атестованнаго московскимъ университетомъ неспособнымъ, вспомнимъ, сколько высоко-даровитыхъ людей пробивало себѣ карьеру собственной грудью. Изъ 78 лучшихъ учениковъ, которые окончили курсъ въ одномъ среднемъ учебномъ заведеніи (съ 1829 по 1869 годъ) съ золотыми и серебряными медалями, едва можно набрать трехъ-четырехъ человекъ, имя которыхъ извѣстно читающему или ученому міру *). Куда-же дѣлось остальное патентованное большинство? Отчего, выдержавъ строгое испытаніе школы, оно спасовало передъ испытаніемъ жизни? Единственной причиной такого явленія можетъ быть только неудовлетворительность педагогической системы. Заботятся только о томъ, чтобъ поскорѣе и поплотнѣе набить голову юноши научными познаніями, добытыми не самостоятельнымъ трудомъ ученика, но принудительной силой учительскаго авторитета, рабскимъ подражаніемъ учебнику и книгѣ. „Знать“, а не „понимать“, — вотъ главное требованіе обыкновенной педагогической рутины. При этомъ надо замѣтить и то, что пониманіе можетъ быть различно: есть пониманіе, которое вреднѣе абсолютнаго непониманія. Это пониманіе въ предѣлахъ извѣстной программы, въ предѣлахъ учительскихъ словъ и того зазубреннаго урока, въ форму котораго случайно вылились научныя представленія самого наставника. При склонности дѣтей къ подражанію, при сравнительной безпомощности ихъ юной, неокрѣпшей мысли, ребенокъ сильно расположенъ усваивать не только сущность излагаемыхъ ему научныхъ истинъ, но даже и форму, въ которой онѣ излагаются. А тутъ его умъ предназначенно, въ силу системы, опутывается и предупреждается словомъ учителя, малѣйшее колебаніе и сомнѣніе мысли — это первое начало истиннаго знанія — подавляется учителемъ или вмѣняется ребенку въ нетвердое знаніе урока, и подъ конецъ, ребенокъ, если онъ *лучшій* ученикъ въ классѣ представляетъ изъ себя не болѣе, какъ безжизненную, но полную копію съ своего учителя безъ всякихъ слѣ-

*) Историческая записка пятидесятилѣтія третьей с.-петербургской гимназіи, составленная Н. Аничковымъ. Спб. 1878.

довъ умственного индивидуализма. Поэтому лучший ученикъ, любящее и надежда учителя, скорѣе всего теряет самостоятельность мысли и обращается въ мертвую машину школьной дисциплины, такъ какъ онъ потому и считается лучшимъ, что полнѣе и пунктуальнѣе усваиваетъ преподаанный ему урокъ, ближе сживается съ мертвыми и скучными формами логическаго мышленія. Жертвы такого обученія весьма жалки въ гимназіяхъ; имъ достаются золотыя медали, но въ жизни на каждомъ шагу проявляется жалкая пассивность ихъ мысли; они ступеньваются въ скромныхъ и едва замѣтныхъ роляхъ мелкой общественной дѣятельности и нерѣдко уступаютъ мѣсто тѣмъ изъ своихъ товарищей, которые едва терпимы были школой и которые въ силу своей неподатливости сохранили нравственную независимость, а, главное, наименѣе подчиняясь учительской ферулѣ, изощряли личнымъ трудомъ свои умственныя способности. Въ этомъ только смыслѣ можно согласиться съ Декандолемъ, что дурное преподаваніе, сбивчивое и не ясное, гораздо лучше преподаванія догматическаго, съ виду отличающагося ясностью, но въ сущности ограничивающаго весьма узкими рамками умственное развитіе юношества. Но возводить въ принципъ ошибку и несовершенство системы—верхъ заблужденія, которому не можетъ быть оправданія въ самыхъ разумныхъ и полезныхъ цѣляхъ.

II.

Христіанство оказало благотворное вліяніе на науку, судя потому, что страны не христіанскія не принимаютъ участія въ движеніи знаній, хотя, указывая на этотъ фактъ, Декандолю не слѣдовало-бы забывать, что древне-языческіе Греція и Римъ были колыбелью современной науки.

Если-бъ религія не оказывала вліянія на научную производительность тѣхъ странъ, въ которыхъ она господствуетъ въ той или другой формѣ, то можно ожидать, что, при другихъ равныхъ условіяхъ, численность ученыхъ, исповѣдующихъ какую-либо религію, будетъ соответствовать численности населенія, исповѣдующаго ту-же религію. Такъ, зная, что всѣхъ католиковъ въ Европѣ 144

милліона (51⁰/о), а протестантовъ 68¹/₂ мил. (25⁰/о *), а ргіогі можно ожидать, что ученыхъ католиковъ будетъ вдвое больше, чѣмъ ученыхъ протестантовъ. Однако, въ дѣйствительности получается обратное отношеніе: католическія страны дали несравненно менѣе ученыхъ, чѣмъ протестантскія. Въ этомъ случаѣ академіи, избравшія ученыхъ, дѣйствовали съ замѣчательнымъ согласіемъ. Такъ, въ спискѣ иностранныхъ членовъ парижской академіи 71 протестантъ и только 16 католиковъ. Парижская академія производила выборъ въ иностранные члены изъ всѣхъ націй *en* Франціи, а католическое населеніе всей Европы, за исключеніемъ Франціи, простирается до 107 мил., тогда какъ протестантское населеніе заключаетъ 68 мил. человѣкъ. Итакъ, европейскія страны, за исключеніемъ Франціи, дали въ 4 раза больше протестантскихъ ученыхъ, чѣмъ католическихъ, тогда какъ численность католическаго населенія внѣ Франціи относится къ численности протестантскаго; какъ 1¹/₂: 1. Изъ списковъ Лондонскаго королевскаго общества также видно, что число ученыхъ, данныхъ протестантскими странами, превосходитъ число католическихъ ученыхъ, при обратномъ отношеніи общей численности этихъ населеній. Если мы будемъ сравнивать по вѣроисповѣданію населеніе одной и той же страны или сосѣднихъ странъ, то и тогда увидимъ, что протестантизмъ вліялъ благоприятнѣе на прогрессъ науки, чѣмъ католицизмъ. Декандолъ приписываетъ это не столько спеціальному теологическому различію между католической и протестантской религіей, сколько общему вліянію ихъ основнаго принципа. Католицизмъ въ лицѣ римскаго духовенства всегда отличался ненавистью къ свободному изслѣдованію, духомъ котораго все-таки проникнута была Лютеровская реформа и протестантизмъ. Чтобы объяснить подавляющее вліяніе католицизма на науку, Декандолъ весьма кстати ссылается на поучительный примѣръ Декарта. Декартъ написалъ сочиненіе о мірозданіи, гдѣ онъ подробно говоритъ о движеніи земли. Но узнавъ объ осужденіи Галилея римскимъ дворомъ, онъ рѣшительно отказался обнародовать свой трудъ. Вотъ,

*) Населеніе, исповѣдующее православную религію, не принято Декандолемъ во вниманіе, такъ какъ цивилизація этого населенія слишкомъ молода, чтобы она могла произвести столько ученыхъ, сколько вышло изъ среды другихъ націй.

что онъ писалъ по этому поводу къ своему другу Мерсену. „Мнѣ сообщили, что книга Галилея сожжена въ Римѣ, а авторъ ея осужденъ на заточеніе; это до такой степени поразило меня, что я почти рѣшился сжечь всѣ свои бумажки, или, по крайней мѣрѣ, не показывать ихъ никому... Я признаю, что если несправедливо мнѣніе, что земля движется, то вся моя философія должна рухнуть, потому что она вся построена на основаніи этого положенія. Вращеніе земли до того тѣсно связано со всѣми частями моего трактата, что, исключивъ отсюда этотъ принципъ, я лишаю свою философію всякой опоры. Но такъ какъ я ни за что на свѣтѣ не желаю писать чего-либо, что могла-бы не одобрить церковь, то я лучше уничтожу свой трудъ, чѣмъ буду издавать его въ искаженномъ видѣ“ (письмо помѣчено 20 ноября, 1633 годомъ). А въ другомъ мѣстѣ Декартъ говоритъ: „Хотя все, что я изъясняю въ своемъ трактатѣ, основано, по моему убѣжденію, на самыхъ несомнѣнныхъ и очевидныхъ данныхъ, но я никогда не рѣшусь защищать ихъ вопреки авторитету римской церкви“.

Въ періодъ дѣтства науки религія оказывала могущественное вліяніе на умы, ею дышала масса, за нее она умирала и проливала потоки крови. Понятно, слѣдовательно, что если въ то время находились люди, которые жертвовали своими религіозными вѣрованіями въ пользу независимости убѣжденій и свободы мысли, то ими руководили весьма глубокія и серьезныя побужденія. Все нравственное существо ихъ должно дышать одной свободой и самоотверженнымъ, безкорыстнымъ исканіемъ истины. Такими людьми были между прочимъ французскіе гугеноты, которые изгонялись изъ Франціи до и послѣ отмѣны извѣстнаго нантскаго эдикта и селились въ сосѣднихъ странахъ, болѣе или менѣе благопріятствовавшихъ протестантизму. Они-то, какъ показываютъ изслѣдованія Декандоля, оказали весьма замѣчательное воздѣйствіе на науку, которая обязана имъ или, лучше сказать, ихъ потомству, обширной группой преданныхъ ей интересамъ и высоко даровитыхъ дѣятелей. Такъ какъ любовь къ свободному изслѣдованію вошла въ плоть и кровь первыхъ гугенотовъ и была выдающеюся чертой ихъ ума, то, разумѣется, эти качества должны были перейти въ потомство прежде другихъ, прежде даже физическихъ особенностей организма, если только вообще что-либо по-

длежить наслѣдственной передачѣ. Одаренные такими драгоценными и необходимыми для научнаго изслѣдованія свойствами ума, потомки гугенотовъ заняли въ лѣтописяхъ науки самое почетное мѣсто. Пропорція ученыхъ, которые вышли изъ среды гугенотовъ, переселившихся изъ Франціи, громадно, по вычисленію Декандоля. Такъ потомство 500,000 французскихъ гугенотовъ дало 4 ученыхъ, внесенныхъ въ списки парижской академіи, тогда какъ 300 милліоновъ всего населенія вѣдъ Франціи произвели только 88 ученыхъ. Итакъ, населеніе въ 600 разъ большее дало ученыхъ только въ 22 раза больше. Эмиграція англійскихъ пуританъ въ Америку вслѣдствіе религіозныхъ мотивовъ, сопровождалась тѣми-же послѣдствіями. Потомки этихъ пуританъ въ Новой-Англій проявили свою склонность къ научнымъ занятіямъ, подобно европейскимъ гугенотамъ. Изъ ихъ среды вышли Франклинъ и Румфордъ, а также множество другихъ ученыхъ историковъ и литераторовъ, именами которыхъ гордятся Соединенные Штаты.

По странному капризу Декандоля и тутъ, въ дѣлѣ вліянія эмиграціи на прогрессъ науки, неохотно допускаетъ наслѣдственность, тогда какъ здѣсь она играетъ слишкомъ очевидную роль. Онъ полагаетъ, что потомки эмигрантовъ въ новой странѣ окружены совершенно другими нравственными и социальными условіями, чѣмъ ихъ соотечественники. Такъ они, по мнѣнію Декандоля, избѣгаютъ (У) политики, которой они приписываютъ всѣ несчастія, постигшія ихъ родъ. Одушевленные стремленіемъ заслужить одобреніе всей просвѣщенной Европы, они почерпаютъ въ этомъ сильный стимулъ къ умственнымъ занятіямъ, при посредствѣ которыхъ гораздо легче пріобрѣсти славу, чѣмъ на другомъ поприщѣ. Наконецъ, потомки эмигрантовъ по большей части владѣютъ движимымъ имуществомъ, въ отличіе отъ своихъ прежнихъ соотечественниковъ, которые привязаны къ землѣ. Но на управленіе движимымъ имуществомъ требуется немного труда и времени, такъ что эмигранты, располагая значительнымъ досугомъ, свободно отдаются наукѣ. Послѣднее обстоятельство совершенно справедливо, доказательствомъ чему можетъ служить обыкновенная эмиграція въ Соединенные Штаты, предпринимаемая въ видахъ экономическихъ или нерѣдко политическихъ. Отъ поколѣній этихъ эмигрантовъ наукѣ нечѣмъ поживиться, такъ какъ заботы о постигшихъ нуждахъ не оставляютъ имъ свободнаго досуга. Можетъ быть, въ этомъ за-

включается одна изъ причинъ слабой научной производительности Соединенныхъ Штатовъ Америки. Америку справедливо называютъ европейской колоніей; ея населеніе состоитъ изъ людей, которые едва успѣли обезопасить себя отъ внѣшнихъ вліяній и обездѣлать себя насущное существованіе. Америка должна была прежде всего накормить, напоить и обуть эту голодную и оборванную массу. Если не принимать въ расчетъ эмиграцію и разсматривать только потомство англійскихъ пуританъ, то все-таки странно было бы ожидать, чтобы это потомство могло заявить себя въ наукѣ такъ-же блистательно, какъ и Европа. Извѣстно, что англійскіе пуритане, какъ и нынѣшніе эмигранты, не принесли въ новую страну свободныхъ капиталовъ, у нихъ ничего не было, кромѣ любви къ свободѣ и жажды труда. Земледѣлія, торговли, промышленности — ничего этого не существовало, все нужно было начинать сномъ. За все нужно было приниматься самому, рассчитывать на самого себя. А долго-ли, спрашивается, существуютъ Штаты? Два какихъ-нибудь столѣтія, тогда какъ европейская цивилизація должна считать себя по меньшей мѣрѣ 10 столѣтій — періодъ, въ который можно было накопить громадныя богатства и создать широкое поле дѣятельности въ сферѣ наукъ и искусствъ. Это, по нашему мнѣнію, вполнѣ снимаетъ съ Америки упрекъ въ томъ, что она даетъ ничтожное количество ученыхъ по сравненію съ Европой.

III.

Населеніе протестантскихъ странъ даетъ, какъ мы видѣли, больше ученыхъ, чѣмъ населенія католическаго вѣроисповѣданія. Изъ этого несомнѣннаго факта позволительно было-бы заключить, что само духовенство, еще менѣе должно быть расположено къ научнымъ занятіямъ. Однако на самомъ дѣлѣ такой выводъ вовсе не оправдывается. Изъ списковъ иностранныхъ членовъ академіи видно, напротивъ, что наука обязана весьма значительными успѣхами именно духовенству, особенно протестантскому. Если исключить изъ числа ученыхъ, которые вышли изъ среды протестантскаго населенія, сыновей пасторовъ, то научная производительность католическихъ странъ и протестантскихъ будетъ одинакова. Справедливо также предположеніе Декандоля, что про-

ентъ ученыхъ изъ католическаго духовенства былъ-бы выше, если-бы но не воздерживалось отъ браковъ. По крайней мѣрѣ, ясно, что избрачіе протестантскаго духовенства для науки было-бы невыгодно, она навсегда, можетъ быть, лишилась-бы тѣхъ сокровищъ, которыми обогатили ее такіе первоклассные ученые, какъ Агасисъ (натуралистъ), Берцеліусъ (химикъ), Камперъ (анатомъ), Клаузіусъ (физикъ), Энке (астрономъ), Дженнеръ (врачъ, изобрѣвшій оспопрививаніе), Линней (натуралистъ), Митчерлихъ (минералогъ), Валлисъ (математикъ), Волластонъ (химикъ и физикъ), Галламъ (историкъ), Гоббсъ (философъ), Сисмонди (историкъ), Аддисонъ (псѣтъ), Лессигъ (критикъ), Жанъ-Поль Рихтеръ (критикъ), Свифтъ (сатирикъ), Виландъ (поэтъ) и т. д. Все это сыновья пасторовъ, репутація которыхъ въ наукѣ и литературѣ слишкомъ извѣстна, чтобы ее можно было оспаривать. Но фактъ научной производительности протестантскаго духовенства и отчасти католическаго, только, повидимому, носитъ аномальный характеръ; онъ объясняется вполне законными и рациональными причинами. Прежде всего этотъ классъ всегда имѣлъ на своей сторонѣ преимущества образованія, а съ другой стороны онъ отличался достаткомъ и почти былъ свободенъ отъ заботъ о насущномъ существованіи, имѣя, такимъ образомъ, возможность посвящать свой досугъ культурѣ собственныхъ умственныхъ способностей и способностей своихъ дѣтей, если таковыя оказывались. Если къ тому-же предположить хоть нѣкоторую долю свободы въ образованіи и семейномъ воспитаніи дѣтей протестантскаго пастора, умѣренный и относительно строгій образъ жизни родителей, то всѣ эти условія въ связи съ вышеупомянутыми должны значительно предрасполагать къ занятіямъ наукой членовъ такой семьи.

Семейства, гдѣ издавна практикуется умственный трудъ, очевидно, будутъ болѣе склонны къ интеллектуальнымъ занятіямъ, чѣмъ къ физическимъ, и чѣмъ многочисленнѣе эти семейства, тѣмъ вѣрнѣе обеспечивается прогрессъ науки. Съ этой точки зрѣнія Девандоль совершенно правъ, говоря, по поводу духовенства, что для общества не все равно, воздерживается-ли извѣстная категория его образованныхъ, интеллигентныхъ членовъ отъ брака или нѣтъ. Но это справедливо, однако, не только относительно духовенства. Если для общества полезны даже браки духовенства,

если наука извлекаетъ пользу изъ его потомства, то о другихъ членахъ общества, обладающихъ такимъ-же достаткомъ и общей склонностью къ умственнымъ занятіямъ, и говорить нечего, такъ какъ на ихъ сторонѣ всегда останется важное преимущество: болѣе непосредственный, болѣе прямой переходъ отъ общей склонности къ свободному мышленію къ спеціальнымъ и научнымъ изслѣдованіямъ.

Гальтонъ въ своемъ трудѣ „о наслѣдственности генія“ не безъ основанія порицаетъ учрежденіе англійскихъ fellows, составляющее особенность университетовъ оксфордскаго и кэмбриджскаго. При этихъ университетахъ существуютъ колледжи, куда вступаютъ лучшіе студенты изъ окончившихъ курсъ, получаютъ опредѣленное содержаніе и помѣщеніе, причемъ ихъ стараются отговорить отъ вступленія въ бракъ. Если-бы такую систему провести дальше и убѣдить не вступать въ бракъ всѣхъ молодыхъ людей, наиболѣе отличившихся въ какихъ-нибудь профессіяхъ, то неизбежнымъ послѣдствіемъ этого было-бы пониженіе общаго уровня интеллигенціи. Слѣдующимъ поколѣніямъ не доставало-бы наслѣдственной склонности къ умственнымъ занятіямъ и достаточнаго числа отцовъ, которые могли-бы воспитать своихъ дѣтей въ интеллектуальномъ направленіи. Очевидно, слѣдовательно, что благотѣльное начальство кэмбриджскаго и оксфордскаго университетовъ, радѣя о пользѣ науки, должно было-бы напротивъ поощрять своихъ питомцевъ къ брачной жизни, а для этого, разумѣется, пришлось-бы увеличить и ихъ содержаніе въ виду того, что въ будущемъ они могутъ быть обременены семьей.

Съ вопросомъ о наслѣдственности, влияніе которой такъ важно въ дѣлѣ научнаго прогресса, тѣсно связанъ вопросъ о рождаемости въ средѣ интеллигентныхъ классовъ, о томъ, насколько эти классы содѣйствуютъ общему приращенію народонаселенія, и каковы результаты сравненія ихъ въ этомъ отношеніи съ классами, гдѣ преобладаетъ физическій трудъ. Къ сожалѣнію, прямое рѣшеніе этого любопытнаго вопроса едва-ли возможно, или, по крайней мѣрѣ, въ высшей степени трудно, а косвенное не совсѣмъ надежно. Принимаясь за него, Декандоль значительно уклонился отъ указанной нами постановки этого вопроса. По его мнѣнію, интеллигентный классъ близко граничитъ или даже сливается съ классомъ людей богатыхъ, потому что интеллигенція развиваетъ

предусмотрительность, благоразуміе, способность думать о будущемъ. „Если взять въ расчетъ, говоритъ Декандоль, нѣсколько тысячъ индивидовъ, то въ среднемъ выводѣ окажется, что наиболѣе интеллигентные легче приобрѣтаютъ и лучше умѣютъ сохранить приобрѣтенное. Съ одной стороны, богатая часть общества пополняется изъ умныхъ и предусмотрительныхъ рабочихъ, съ другой стороны, она теряетъ индивидовъ, которые не умѣютъ сохранить нажитое или полученное по наслѣдству, т. е. людей, которые, говоря вообще, не отличаются умомъ“ (стр. 384). Такая логика не выдерживаетъ, разумеется, самой поверхностной критики. Если еще можно предположить, что для приобрѣтенія богатствъ нужна нѣкоторая доля умственного труда, то для сохранения этихъ богатствъ, особенно, когда они достаются по наслѣдству, нужна только бережливость, но не требуется никакого особеннаго ума. Кромѣ того, умъ, направленный на приобрѣтеніе богатствъ, существенно отличается отъ ума, которымъ нужно обладать для научныхъ и интеллектуальныхъ занятій. Но тѣмъ не менѣе можно найти все-таки нѣкоторыя точки соприкосновенія между классомъ богатыхъ людей и той средой, откуда выходятъ ученые. Сами ученые должны быть людьми болѣе или менѣе достаточными и обеспеченными, хотя ихъ ни въ какомъ случаѣ нельзя смѣшивать, какъ это дѣлаетъ Декандоль, съ классомъ приобрѣтателей. Итакъ, если можно отождествить классъ интеллигентный съ классомъ людей богатыхъ, то лишь до нѣкоторой степени, съ слабымъ намекомъ на истину. Но въ такомъ случаѣ постановка нашего вопроса измѣняется, вмѣсто людей интеллигентныхъ и тѣхъ, которые занимаются физическимъ трудомъ, мы возьмемъ богатыхъ и бѣдныхъ и сравнимъ рождаемость *) у тѣхъ и другихъ. Но и въ этой формѣ вопросъ все-таки не легко рѣшается. По общепринятому мнѣнію классъ бѣдныхъ людей отличается чрезмѣрной плодовитостью, почему онъ и получилъ еще въ древности названіе пролетарьевъ; римляне убѣждены были, что они предназначены самимъ рокомъ къ размноженію рода, *ad prolem generandam*. Мальтусъ въ особенности возмущался чрезмѣрнымъ

*) Мы говоримъ о рождаемости, производительной для науки, слѣдовательно, о такой рождаемости, которая не уничтожается ранней и преждевременной смертностью.

размноженіемъ ирландскихъ и англійскихъ рабочихъ и этому обстоятельству приписывалъ ихъ нищету. Но тѣмъ не менѣе нѣтъ статистическихъ данныхъ, которыя подтверждали-бы, что бѣдный классъ размножается сильнѣе богатаго. Такъ извѣстно, что число рожденій меньше въ послѣднемъ классѣ, но съ другой стороны именно благодаря этому, меньшее количество дѣтей въ богатыхъ семействахъ пользуется лучшимъ и болѣе тщательнымъ уходомъ, а потому и средняя продолжительность ихъ жизни несравненно выше. Въ богатыхъ семействахъ рождаемость меньше, но и смертность меньше; въ бѣдныхъ-же рождаемость больше, но и смертность больше.

А для приблизительнаго опредѣленія коэффициента рождаемости или плодovitости въ средѣ богатаго класса, можно избрать нѣсколько иной путь. вмѣсто сравненія богатаго класса съ бѣднымъ, достаточно сравнить между собою нѣсколько поколѣній богатыхъ или знатныхъ (но вмѣстѣ съ тѣмъ достаточныхъ) семействъ. Въ такомъ случаѣ выводы принимаютъ болѣе опредѣленный характеръ и склоняются въ пользу слабой плодovitости богатыхъ. Въ Англiи, напр., повсемѣстно замѣченъ фактъ вымиранія богатой аристократіи. Палата перовъ давно уже не имѣла бы ни одного представителя, если-бъ она не пополнялась новыми членами. По свидѣтельству Мальтуса, старая, городская буржуазія Швейцаріи также давно уничтожилась-бы, если-бъ она не пополнялась пришлымъ населеніемъ: такъ въ Бернѣ считалось въ 1583—1654 годахъ 487 семействъ, изъ этого числа осталось въ 1783 году только 168. Вымираніе древней французской аристократіи подтверждается несомнѣнными фактами, но оно приписывается авторомъ сочиненія объ этомъ предметѣ причинамъ, изъ которыхъ одна только можетъ имѣть серьезное значеніе—единокровные браки, а остальные, какъ напр., войны и дуэли, слишкомъ легковѣсны. Пасси, одинъ изъ лучшихъ французскихъ гигиенистовъ-статистиковъ, утверждаетъ, что фамиліи знатныя, но бѣдныя, которыя сохранились въ Бретани, необыкновенно долговѣчны. Это замѣчаніе проливаетъ нѣкоторый свѣтъ на причины вымиранія богатой аристократіи.

Въ упомянутомъ нами сочиненіи Гальтона есть одна чрезвычайно остроумная глава о томъ-же предметѣ. Гальтонъ доказываетъ очевидными фактами, что фамиліи англійскихъ перовъ исче-

зають вслѣдствіе того, что новыя пары, не обладая состояніемъ, которое соотвѣтствовало-бы ихъ высокому положенію, вступаютъ въ бракъ съ богатыми т. е. единственными наслѣдницами крупнаго состоянія. Вообще, по всѣмъ законамъ о наслѣдственномъ имуществѣ, къ женщинѣ переходитъ все недвижимое и движимое имущество или въ такомъ случаѣ, если всѣ наслѣдники перемерли, такъ что она одна только осталась въ живыхъ, или, если кромѣ ея, совсѣмъ не рождалось наслѣдниковъ. Въ первомъ случаѣ, очевидно, такая наслѣдница обладаетъ слабымъ здоровьемъ, во второмъ, она происходитъ отъ бесплодныхъ родителей, а бесплодіе, какъ извѣстно, наслѣдственно. Изъ этого видно, что родъ пара, который вступилъ въ бракъ съ богатой и, слѣдовательно, единственной наслѣдницей какого-нибудь состоянія, не можетъ быть долговѣчнымъ, что и доказано Гальтономъ цифрами. Такъ у 50 новыхъ паровъ, которые женились на единственныхъ наслѣдницахъ богатыхъ родителей, родилось 104 сына и 103 дочери, тогда какъ у 50 новыхъ паровъ, вступившихъ въ бракъ съ другими женщинами, которыя не были единственными наслѣдницами, родилось 168 сыновей и 143 дочери. Мы приводимъ эти факты, потому, что они имѣютъ универсальное значеніе. Подобно англійскимъ парамъ, аристократія всѣхъ странъ вырождается именно вслѣдствіе этихъ причинъ. Вообще богатая дѣвушка легко вступаетъ въ бракъ, а онѣ-то, въ силу чисто-физиологическихъ основаній, подтверждаемыхъ фактами, открытыми Гальтономъ, имѣютъ самые слабые шансы на то, чтобы оставить потомство *). Слѣдовательно, чѣмъ больше въ

*) Чтобы доказать сравнительную бесплодность единственныхъ и богатыхъ наслѣдницъ, которыя дѣлаются матерями, Гальтонъ приводитъ слѣдующую таблицу, гдѣ показано число сыновей, родившихся отъ брака новыхъ паровъ съ единственными наслѣдницами и женщинами, происходящими изъ другихъ семействъ.

Число сыновей.	Число матерей—единствен. наслѣдницъ.	Число матерей, которыя были не единств. дочерями въ семействѣ.
0	22	2
1	16	10
2	22	14
3	22	34
4	10	20
5	6	8
6	2	8
7	0	4
Всѣ	0	0
	100	100

данномъ населеніи такихъ единственныхъ и богатыхъ наслѣдницъ, тѣмъ сильнѣе онѣ будутъ задерживать размноженіе класса людей, ищущихъ богатства. Для прогресса науки важно существованіе въ данномъ обществѣ достаточнаго числа людей обеспеченныхъ, съ наклонностью къ интеллектуальнымъ занятіямъ, и не менѣе важно также, чтобы потомство этихъ людей было какъ можно многочисленнѣе и плодovitѣе. Но насколько этотъ классъ людей выходитъ, по Декандоллю, изъ среды богатой аристократіи или изъ среды богатой и мыслящей буржуазіи, — а до нѣкоторой степени это такъ, — настолько мы имѣемъ право сказать, что прогрессу науки грозитъ нѣкоторая опасность. Силою вещей люди, наиболѣе способные къ научнымъ занятіямъ, поставлены въ необходимость поддерживать свое матеріальное положеніе такими браками, къ которымъ прибѣгаетъ аристократія всѣхъ странъ. Единственнымъ спасеніемъ противъ этого можетъ служить только содѣйствіе со стороны государства въ той формѣ, какъ это проектируется въ настоящее время въ Англіи.

Кромѣ того существуютъ еще другого рода причины, чисто фізіологическаго свойства, которыя также ослабляютъ размноженіе въ семействахъ, гдѣ слишкомъ налегаютъ на развитіе умственныхъ способностей въ ущербъ другимъ сторонамъ организма. Спенсеръ въ своей біологіи справедливо указалъ на антагонизмъ между функціями трехъ главныхъ системъ человѣческаго организма, мышечной, нервной и системы воспроизведенія. Каждая изъ этихъ функцій ослабѣваетъ, когда другія слишкомъ усиливаются. Мышечное напряженіе и неуѣренная работа мозга понижаютъ производительную энергію половыхъ органовъ. Это одинаково справедливо какъ для мужчинъ, такъ и для женщинъ. Но чрезмѣрные умственныя занятія, а также постоянное возбужденіе нервной системы музыкой, балами и т. п., несравненно чаще встрѣчаютъ

Особенно замѣчательны первый и послѣдніе ряды цифръ: совсѣмъ не было сыновей у 22 единственныхъ наслѣдницъ, тогда какъ изъ второй категоріи только въ двухъ семействахъ супружество не увѣнчалось потомствомъ. Затѣмъ, по мѣрѣ возрастанія числа дѣтей, уменьшается число единственныхъ наслѣдницъ и увеличивается число матерей второй категоріи. Такъ, трое сыновей было у каждой изъ 22 единств. наслѣдницъ, тогда какъ трое-же сыновей было у каждой изъ 34 матерей второго разряда. Семеро сыновей не имѣла ни одна изъ единств. наслѣдницъ, а во второй категоріи оказалось 4 такихъ матерей.

ся въ средѣ женщинъ богатаго или достаточнаго класса, чѣмъ бѣднаго. Это, быть можетъ, одна изъ главныхъ причинъ, почему въ богатомъ классѣ вообще меньше рождается дѣтей, чѣмъ въ бѣдномъ. Наконецъ, необходимо сюда-же присоединить сравнительно большую наклонность богатаго и достаточнаго класса людей къ умопомѣшательству, какъ послѣдствію неумѣреннаго напряженія мозга и нервной системы. А изъ всѣхъ болѣзней, поражающихъ организмъ, умопомѣшательство и душевныя страданія наиболѣе вредно отражаются на размноженіи рода. Вотъ главнѣйшія причины, которыя стремятся ограничить потомство того класса людей, откуда до сихъ поръ пополнялись ряды ученыхъ и представителей интеллигенціи. Въ виду многочисленности и чрезвычайной сложности этихъ причинъ, полезно прослѣдить на фактахъ конечный результатъ ихъ вліянія въ связи съ условіями политическими въ различныхъ государствахъ Европы и въ различныя эпохи ея цивилизаціи. Объ этомъ будетъ рѣчь въ слѣдующей главѣ.

IV.

Распределеніе ученыхъ по національностямъ и географическому расположенію тѣхъ странъ, гдѣ они родились и получили воспитаніе, даетъ возможность не только подвести общій итогъ причинамъ, вліяющимъ на прогрессъ науки, но и дополнить ихъ перечень. Такъ изъ таблицъ Декандоля мы видимъ, что *раса* играетъ неизбѣжную роль въ условіяхъ рождаемости ученыхъ. Ни въ одной части свѣта, находится-ли она въ умѣренномъ, холодномъ или жаркомъ климатѣ, не европейскія расы не производятъ ученыхъ. Но тѣмъ не менѣе нѣтъ основаній приписывать европейской расѣ нѣчто специфическое, недостижимое для остальныхъ расъ; ея преимущество въ дѣлѣ научной производительности объясняется лишь тѣмъ, что въ ней издавна накопились условія, благоприятныя для культуры мозга и даже для его физиологическаго усовершенствованія; словомъ, *раса*, какъ мы замѣтили выше, можетъ измѣняться при помощи средствъ, которыми человекъ располагаетъ по своей волѣ.

Но гораздо важнѣе расы вліяніе климата. Исслѣдованія Де-«Дѣло», № 6.

кандоля показываютъ, что только Европа и сѣверъ Америки даютъ пищу наукѣ, въ тропическихъ-же странахъ она не пускаетъ глубокихъ корней даже между потомками европейской расы. Уже на югѣ Европы научная производительность населенія замѣтно понижается; но особенно рѣзкая разница въ этомъ отношеніи замѣчается между европейскими метрополями и ихъ колоніями. Въ Европѣ крайней границей научной производительности нужно считать Пиренеи или центральную Италію, за предѣлами которой родился втеченіи двухъ столѣтій всего одинъ ученый. Югъ Франціи былъ родиной лишь двухъ ученыхъ (*Arago* и Турнфорта), Португалія-же, Испанія и Неаполитанское королевство не дали наукѣ ни одного истинно-замѣчательнаго дѣятеля.

Изъ изслѣдованій Декандоля выдается рельефно еще слѣдующій фактъ. Между государствами, принимавшими участіе въ прогрессѣ науки, самое видное мѣсто занимаютъ мелкія государства съ малочисленнымъ населеніемъ и незначительной территоріей. Швейцарія, состоящая изъ ряда микроскопическихъ государствъ, во всѣ періоды (въ 1750, 1789, 1829, 1869 гг.) стояла во главѣ европейской интеллигенціи и науки. Голландія, Швеція, Норвегія и Данія также произвели множество ученыхъ. Франція, Италія, Великобританія и Германія занимаютъ по отношенію къ научной производительности среднее мѣсто, но эти государства едва-ли противорѣчатъ собою общему выводу. Въ составъ Великобританіи входятъ Ирландія, Англія и Шотландія; изъ нихъ Шотландія всего менѣе населенная, дала наибольшій процентъ ученыхъ. Италія и Германія состояли изъ безчисленнаго множества мелкихъ государствъ особенно въ XVIII вѣкѣ, и изъ нихъ-то выходила наибольшая масса ученыхъ. Въ то время, наприм., какъ Австрія до сихъ поръ осталась чуждой движенію современнаго знанія, Баденъ и Виртембергъ были истинными разсадниками науки. Изъ большихъ компактныхъ государствъ, которыя были полезны для науки, остается только Франція, но она занимаетъ второстепенное мѣсто. Итакъ, указанный нами фактъ остается неоспоримымъ. Для объясненія его Декандоль прибѣгаетъ къ весьма вѣроятнымъ и довольно остроумнымъ соображеніямъ. Мелкія государства соприкасаются всѣми своими точками съ сосѣдними; они со всѣхъ сторонъ открыты для входа и выхода. Въ такомъ государствѣ нельзя жить, не дѣлая сравненія между политиче-

скими учрежденіями, законами и правами сосѣднихъ странъ. Это уже служить нѣкоторымъ стимуломъ умственной дѣятельности, полезной интересамъ науки.

Для опредѣленія научной производительности отдѣльныхъ государствъ Европы въ различные періоды, Декандоль вычислилъ, сколько ученыхъ приходится въ каждомъ государствѣ на 1 милліонъ населенія, и согласно этому расположилъ ихъ въ порядкѣ ихъ научной стоимости въ слѣдующей замѣчательной таблицѣ:

Научная цѣнность одного милліона населенія въ различныхъ государствахъ Европы.

1750 г.	1789 г.	1829 г.	1869 г.
Швейцарія, Голландія,	Швейцарія, Голландія,	Швейцарія, Швеція, Норв. и Данія.	Швейцарія. Франція.
Швеція, Норв. и Данія, Франція, Англія,	Швеція, Норв. и Данія Франція, Испанія и Португ.	Франція, Германія, Англія,	Германія. Англія. Швеція, Норв. и Данія.
Италія, Германія, Испанія и Португ. Россія, Польша,	Италія, Бельгія, Соед. Штаты, Англія, Германія, Россія и Польша, Венгрія,	Голландія, Италія, Бельгія, Венгрія, Испанія и Португ. Россія и Польша, Соед. Штаты.	Бельгія. Голландія. Италія. Соед. Штаты. Россія и Польша.

Итакъ, Швейцаріи всегда удавалось удерживать первое мѣсто въ ряду государствъ, способствовавшимъ прогрессу науки. Россія два раза занимала послѣднее мѣсто и два раза, въ 1789 и въ 1829 гг., ей посчастливилось стать выше Венгрии и Соединенныхъ штатовъ, не говоря объ Австріи, которой совсѣмъ нѣтъ въ таблицѣ Декандоля, такъ какъ она наравнѣ съ Турціей, дѣйствительно, не дала ни одного ученаго. Затѣмъ обращаемъ вниманіе читателя на то, что изъ большихъ европейскихъ государствъ Франція въ научномъ отношеніи стояла и стоитъ на первомъ планѣ. Особенно замѣчательно ея положеніе въ эпоху 1789 года, когда Германія занимала послѣ нея 7-е мѣсто и была только выше Россіи и Венгрии. Но въ 1829 и послѣдующихъ годахъ Германія

все болѣе и болѣе приближалась къ Франціи, и заняла послѣ нея второе мѣсто, опередивъ на этомъ пути Англію, Бельгію, Италію. Посмотримъ, насколько вообще согласенъ такой порядокъ распредѣленія государствъ съ господствовавшими въ нихъ спеціально-политическими условіями.

Намъ понятно уже, почему мелкія государства въ родѣ Швейцаріи, Голландіи и Даніи, занимаютъ видное мѣсто въ ряду другихъ государствъ. Замѣтимъ еще одно важное преимущество мелкихъ государствъ предъ большими, оно состоитъ въ томъ, что въ первыхъ всякаго рода общественныя функціи, государственная служба и т. д. привлекаютъ меньшее число лицъ, склонныхъ къ умственнымъ занятіямъ, такъ какъ они видятъ въ наукѣ болѣе широкое поприще для отличій, и притомъ сама администрація мелкихъ государствъ нуждается въ меньшемъ числѣ дѣятелей.

Франція раньше другихъ первоклассныхъ державъ заняла видное мѣсто въ наукѣ и сохранила его, хотя не безъ колебаній, до настоящей минуты. XVIII вѣкъ былъ апогеемъ ея научной славы; казалось, ея геній воспользовался для этого могучаго порыва матеріальными и умственными сокровищами всѣхъ предшествовавшихъ поколѣній. Все обратилось въ пользу умственныхъ интересовъ XVIII вѣка, и сословныя привилегіи, и вліяніе религіознаго авторитета, и многочисленная масса бѣдствій и несчастій, дававшихъ отвагу мысли и героическую самоотверженность убѣжденіямъ. Аристократія и состоятельные классы въ этотъ періодъ оказали наибольшую пользу наукѣ, ибо цѣлый рядъ предшествовавшихъ вѣковъ далъ имъ возможность скопить огромное состояніе и развить въ своей средѣ, благодаря вліянію наслѣдственности, привычку и наклонность къ умственнымъ занятіямъ. Даже католическое духовенство расположено было къ наукѣ и дало за этотъ періодъ неожиданный процентъ ученыхъ. Революція уменьшила значительно ряды этихъ дѣятелей, и, если впоследствии Франція все-таки продолжала производить въ той-же пропорціи ученыхъ, то это было благодаря той-же революціи, которая начала выводить низшіе слои населенія изъ вѣкового мрака къ свѣту науки. Низшее населеніе, какъ родившееся въ эпоху всеобщаго стремленія къ свободѣ, носило также въ себѣ задатки любви къ свободному изслѣдованію, и потому бралось за науку съ нѣкоторой общей подготовкой, неза-

висимо отъ тѣхъ мѣръ къ распространенію образованія, къ которымъ государство прибѣгло со временъ революціи. Все это дало возможность Франціи перенести, безъ вреда для своей научной репутаціи, варварскую эру наполеоновскихъ войнъ и почти 20-лѣтняго застоя. Можно сказать, что за все это время она жила на счетъ предшествовавшихъ поколѣній и великихъ событій прошлаго. Но времена второй имперіи не только ничего не прибавили къ умственнымъ ресурсамъ націи, перешедшимъ къ ней отъ старыхъ поколѣній, но, напротивъ, подавили ихъ или дали имъ ложное направленіе. Въ то время, какъ въ Англіи и въ Германіи заводились школы, во Франціи число ихъ не измѣнялось, между тѣмъ, какъ духовенство, само утратившее вслѣдствіе экспроприаціи послѣ революціи склонности къ научнымъ занятіямъ, приобрѣтало все большую и большую силу. Общественное мнѣніе, воспитанное подъ вліяніемъ второй имперіи, также утрачивало любовь къ наукѣ *), и, въ концѣ концовъ, мы видимъ, что къ Франціи начинаетъ все ближе подступать интеллигентная Германія, оспаривая у ней право на научное первенство. Но Франція, однако, не уступила еще этого права, и, по мнѣнію Декандоля, ей не трудно снова подняться на прежнюю высоту. Упадокъ любознательности въ массѣ публики, ложное направленіе ума, приобретающаго столь неблагоприятную для научной производительности склонность къ фивіціямъ, которая выражается, по мнѣнію Декандоля, въ современныхъ французскихъ романахъ и даже въ періодической прессѣ, гдѣ нельзя встрѣтить ни одной серьезной статьи по части исторіи, естествознанія, и т. д., но гдѣ вмѣсто этого предлагаются читателямъ, какъ лучшее чтеніе, нелѣпыя фельетоны, статьи о театрахъ и масса анекдотовъ. Все это, полагаетъ Декандоль, измѣнится къ лучшему, ибо были примѣры, что націи находили выходъ изъ худшаго положенія. Германія въ концѣ XVIII столѣтія и до

*) Причина эта, о которой мы не считаемъ нужнымъ слишкомъ распространяться, играетъ, по мнѣнію Декандоля, важную роль. Общественное мнѣніе, благоприятно и съ участіемъ относящееся къ людямъ, избирающимъ своей профессіей науку, безъ сомнѣнія, оказываетъ содѣйствіе ея прогрессу, но во Франціи современное общество утрачиваетъ вкусъ къ интересамъ реальной и серьезной мысли; оно ищетъ пищи для ума, въ погонѣ за удовольствіями, дешевыми наслажденіями. Поэтому, заключаетъ Декандоль, несмотря на то, что во Франціи увеличивается классъ людей состоятельныхъ, изъ него все рѣже и рѣже выходятъ такіе люди, какъ Лавуазье, Кювье и др.

1820 г. стояла гораздо ниже современной Франціи въ научномъ отношеніи; въ это время ея интеллигентная масса исключительно жила въ сферѣ фикцій и дикаго бреда натурфилософіи. Замѣчательно, что именно въ эту хваленую философскую эпоху Германія дала наименьшее число ученыхъ, меньше Англии, Соединенныхъ Штатовъ, Бельгіи, Италіи и даже Испаніи и Португаліи. Англія въ концѣ XVIII вѣка (около 1789 г.) играла весьма незавидную роль въ прогрессѣ науки и положеніе ея въ этомъ отношеніи было несравненно хуже, чѣмъ современной Франціи, однако, она быстро возвысилась и теперь производитъ значительное число ученыхъ. Декандоль считаетъ особенно неблагоприятнымъ для судьбы науки чрезмѣрный интересъ въ публикѣ къ политикѣ, поглощающей все вниманіе и весь досугъ людей, которые склонны къ научнымъ занятіямъ. Въ этомъ обстоятельствѣ Декандоль также видитъ причину относительнаго пониженія въ средѣ французской интеллигенціи научной производительности. Впрочемъ онъ не высказываетъ на этотъ счетъ опредѣленныхъ взглядовъ. Разумѣется, неразумно было-бы сѣтовать на неимущіе классы за то, что они принимаютъ слабое участіе въ движеніи знаній, и точно также нельзя порицать Францію за то, что она всецѣло погружена въ заботы о своихъ политическихъ нуждахъ и забываетъ для нихъ интересы науки. При современныхъ замѣшательствахъ политика имѣетъ для нея интересъ слишкомъ насущный [и жгучій, чтобы не думать о ней. Но можно надѣяться однако, что, устроивъ свою политическую судьбу или, по крайней мѣрѣ, залечивъ сколько-нибудь свои раны, она дастъ своему уму направленіе, болѣе выгодное для науки. Недостатокъ ученыхъ людей отразился, между прочимъ, на Испаніи и былъ одной изъ причинъ ея ничтожной научной производительности. Сильный гнетъ католическаго духовенства вызвалъ противодѣйствіе со стороны довольно многочисленной части населенія, но она вся была истреблена и страна лишилась, такимъ образомъ, обширнаго резервуара свободныхъ умственныхъ силъ, изъ которыхъ могли выработаться настоящіе двигатели науки. Испанская нація, по выраженію Гальтона, была совершенно очищена отъ свободныхъ мыслителей, при чемъ она очищалась втеченіи трехъ вѣковъ (съ 1471—1781) по 1000 человекъ ежегодно. Въ этотъ ужасный для Испаніи періодъ среднимъ числомъ погибало на эшафотѣ 100 человекъ въ годъ, а 900 подвергалось за-

точению. Кроме того втеченіи этихъ трехъ вѣковъ сожжено 32,000 человекъ, 17,000 умерло въ тюрьмѣ, а 291,000 подверглись другого рода наказаніямъ. „Нѣтъ ничего невѣроятнаго, говоритъ Гальтонъ по поводу этихъ фактовъ, что нація, вслѣдствіи такихъ условий, поплатилась вырожденіемъ, и что ея раса ухудшилась, что теперь и подтверждается на Испаніи; это—народъ, который упорно держится за свои суевѣрія и не отличается умомъ.“ Въ Италіи точно также свирѣпствовала инквизиція, но тамъ, по мнѣнію Декандоля, вслѣдствіи географическихъ условий, люди, подвергавшіеся преслѣдованіямъ въ одномъ государствѣ, находили пріютъ въ другомъ. Съ другой стороны въ Центральной и Нижней Италіи, гдѣ инквизиція дѣйствовала съ большей свободой, научная производительность была совершенно подавлена.

V.

Въ періодъ дѣтства науки, когда ученые появлялись въ ограниченномъ числѣ, въ распредѣленіи ихъ между націями трудно было подмѣтить какой-нибудь порядокъ. Талантъ и геній были тогда рѣдкимъ и исключительнымъ даромъ капризной природы, по прихоти которой вдругъ загорался свѣтильникъ науки въ какомъ-нибудь мрачномъ и далекомъ углу Европы, какъ, напр., Коперникъ въ Польшѣ, Галилей въ Пизѣ, Ньютонъ въ Англіи. Но когда съ теченіемъ времени число ученыхъ возрасло и они стали являться не единицами, но цѣлыми группами, тогда не трудно было замѣтить, что съ окраинъ Европы наука переходитъ къ центрамъ ея цивилизаціи. Такъ изъ списковъ академій видно, что, по мѣрѣ приближенія къ нашему времени, онѣ избирали ученыхъ изъ меньшаго и меньшаго числа государствъ. Французская академія, напр., избирала въ 1789 году ученыхъ изъ 14 различныхъ государствъ, въ 1829 году изъ 11, а въ 1869 г. всего изъ 7. При этомъ выборъ ученыхъ все болѣе и болѣе сосредоточивался въ центрѣ Европы. Наиболѣе благоприятныя условия для прогресса науки скопились въ обширномъ треугольникѣ европейской территоріи, который начинается тупой вершиной въ Средней Италіи, а основаніемъ своимъ имѣетъ линію, соединяющую Шотландію съ Шве-

цій. Исторія Европы въ общихъ чертахъ совершенно оправдываетъ таковой ходъ науки. Съ XV столѣтія три главныхъ событія дали рѣшительное направленіе и прочный устой европейской цивилизаціи: эпоха возрожденія наукъ и искусствъ въ Италіи, реформація, постепенное и вѣковое развитіе политической свободы въ Англіи. *) Смысль перваго событія заключался главнымъ образомъ въ томъ, чтобы приготовить второе, которое оставило болѣе глубокой слѣдъ въ исторіи Европы и оказало наибольшее вліяніе на прогрессъ науки. Третье событіе носило болѣе исключительный и спеціальныи характеръ, хотя необходимо принять во вниманіе, вопреки Декандоллю, его значительное воздѣйствіе на Францію. Такимъ образомъ, умственное движеніе въ Европѣ распространялось изъ трехъ мѣстъ, изъ Средней Италіи или изъ Тосканы, изъ Центральной Германіи и изъ Англіи. Ни одно изъ этихъ движеній не проникло въ Австрію и Испанію, скованныя цѣпями религіозныхъ и политическихъ преслѣдованій; поэтому-то пространство, гдѣ проявились результаты эпохи возрожденія, реформаціи и представительнаго правленія, должно заключаться въ трехугольникѣ, который начинается въ Тосканѣ и продолжается съ одной стороны къ сѣверо-западу, минуя Испанію, чрезъ Францію и Швейцарію до Шотландіи, а съ другой стороны къ сѣверо-востоку, минуя Австрію, отчасти Польшу и Россію, чрезъ Германію до Швеціи.

Согласно тремъ главнымъ историческимъ эпохамъ, различныя государства въ одно и то-же время находились въ различной порѣ своей научной производительности. Италія ранѣе всѣхъ начала производить ученыхъ въ наибольшемъ количествѣ; въ наукѣ она играла самую видную роль въ концѣ XVII вѣка и въ началѣ XVIII. Въ періодъ между 1666 и 1740 годами парижская академія, избирая ученыхъ изъ *всѣхъ* государствъ внѣ Франціи, почтила званіемъ членовъ 10 итальянцевъ, тогда какъ *всѣ* остальные государства вмѣстѣ дали за это время лишь 24 ученыхъ. Позднѣе Италія уже менѣе производила ученыхъ, но импульсъ, данный событіями прошлаго и преимущественно эпохой

*) Такъ какъ судьба науки почти опредѣлялась уже до французской революціи, то отчасти поэтому она и не принята во вниманіе, отчасти-же французская революція была слѣдствіемъ движенія идей въ Англіи.

Возрожденія, продолжалъ довольно успѣшно свое дѣло. Въ 1789 году она еще играла въ наукѣ весьма почетную роль, и если въ XIX вѣкѣ ея производительныя силы, повидимому, ослабли, то, въ этомъ случаѣ, слѣдуетъ принять во вниманіе, что конкуренція между учеными сильно увеличилась съ тѣхъ поръ, какъ возрасло число ихъ во всѣхъ государствахъ. Независимо отъ благопріятныхъ для науки историческихъ традицій, Италія обладала еще другимъ важнымъ преимуществомъ; благодаря тому, что она состояла изъ множества мелкихъ государствъ, политической и особенно религіозный деспотизмъ никогда не достигалъ тамъ такой силы, какъ въ другихъ компактныхъ государствахъ, какъ, напр., въ Испаніи. Втеченіи цѣлаго вѣка Тоскана пользовалась сравнительно мягкимъ и свободнымъ правленіемъ, а Венеція всегда умѣла сохранять свою независимость отъ посягательствъ Рима.

Позже Италіи, по ранѣ Франціи вступила Англія на путь научной производительности. И здѣсь, какъ и во Франціи, поколѣніе, участвовавшее въ революціи, заключало въ своей средѣ всѣ условія, чтобы изъ нея могъ выйти такой гениальный ученый, какъ Ньютонъ. Личность Ньютона стоитъ, правда, особнякомъ въ ряду англійскихъ ученыхъ его времени, но въ исторіи научнаго прогресса не рѣдко повторяется фактъ, что, чѣмъ больше умственныхъ силъ сосредоточено въ одномъ мыслителѣ, тѣмъ незначительнѣе число ученыхъ второстепенныхъ. Но замѣчательно, однако, что въ Англіи, вслѣдъ за эпохой революціи и Ньютона, научная производительность значительно понизилась. Почти втеченіи всего XVIII столѣтія Англія и Шотландія производили весьма мало ученыхъ, превосходя развѣ только Германію и Россію, какъ видно изъ вышеприведенной таблицы. Декандолъ рѣшительно отказывается отъ объясненія этого факта. Но, кажется, до нѣкоторой степени можно понять это явленіе, если взять въ расчетъ, что поколѣніе, жившее въ эпоху революціи, вмѣстѣ съ ней и окончило свое существованіе, сообщивъ слѣдующимъ поколѣніямъ сравнительно болѣе слабый импульсъ, чѣмъ, напр., поколѣніе революціонной Франціи. Англійская революція имѣла менѣе интенсивный, менѣе общій и продолжительный характеръ, чѣмъ французская, оттого слѣды ея скорѣе подавлены были вліяніемъ реакціонной реставраціи. Только послѣ того, какъ снова утвердилось въ Англіи политическая свобода, снова накопились богатства

и развилаь наслѣдственная привычка къ умственнымъ занятіямъ, она стала на высоту научнаго прогресса. Цѣлое столѣтіе формировалось новое поколѣніе, которое только къ началу XIX вѣка могло дать такихъ ученыхъ, какъ Кэвендишъ, Дэви, Воластонъ, Гершель, Дальтонъ, Фарадей, Мурчисонъ. Вообще, оцѣнивая значеніе какой-нибудь эпохи въ исторіи наукъ, нужно брать въ расчетъ не столько современное ей поколѣніе, сколько предшествовавшее. Если, напр., является въ какой-нибудь странѣ группа ученыхъ въ первой половинѣ XIX столѣтія, то они обязаны своимъ происхожденіемъ коллективной работѣ поколѣнія, которое жило и дѣйствовало въ послѣдней половинѣ XVIII вѣка. Даже въ силу физической необходимости при оцѣнкѣ настоящаго слѣдуетъ обращать вниманіе на ближайшее прошлое. Чтобы получить степень члена какой-нибудь академіи, ученый долженъ приобрѣсти достаточно огромную репутацію, а эта репутація приобрѣтается среднимъ счетомъ не ранѣе 40—50 лѣтъ.

Въ Германіи научный прогрессъ начался позже, чѣмъ во всѣхъ остальныхъ государствахъ, хотя по ходу историческихъ событій, научное движеніе должно было начаться въ ней вслѣдъ за Италіей, ранѣе даже, чѣмъ въ Англіи и во Франціи. Въ сѣверныхъ и центральныхъ государствахъ Германіи протестантизмъ развилъ въ значительной степени наклонность къ умственной независимости. Но, къ сожалѣнію, всѣ эти благоприятные моменты для прогресса науки были парализованы продолжительными гражданскими, религіозными и политическими войнами. Лишь только Германія начала оправляться отъ послѣдствій 30-лѣтней войны, какъ она снова вовлечена была въ семилѣтнюю войну, служившую, съ своей стороны, прелюдіей къ цѣлому ряду войнъ, которыя окончились въ 1815 году. Только съ тѣхъ поръ и въ первый разъ Германія вступила на путь научнаго прогресса.

О Франціи мы тоже говорили; исторія-же научнаго прогресса въ другихъ государствахъ Европы опредѣлялась общими событіями европейской исторіи и не представляетъ потому особеннаго интереса. Этимъ мы заканчиваемъ обзоръ условій прогресса въ сферѣ положительнаго знанія, не переходя къ исторіи политическихъ наукъ, такъ какъ она изслѣдована Декандалемъ весьма слабо, поверхностно и во многихъ отношеніяхъ ошибочно.

В. Фнгирскій.

НОВАЯ КНИГА.

Письма изъ Америки, М. Бутина. Спб. 1872.

Письма объ Америкѣ и русскихъ переселенцахъ, Николая Славинскаго. Спб. 1873.

Мѣсяцъ тому назадъ мы указывали читателямъ на книжку Циммермана «Соединенные штаты сѣверной Америки»; теперь передъ нами лежатъ еще двѣ книги, посвященныя все той-же Америкѣ. Наши соотечественники питаютъ, очевидно, большую слабость къ Америкѣ. Почему къ Америкѣ, а не къ Турціи или Китаю? Удивительная странность! Вѣроятно, тутъ дѣйствуетъ тотъ-же законъ, подъ вліяніемъ котораго противоположныя электричества притягиваются, а однородныя—отталкиваются. Г. Стронинъ можетъ усмотрѣть (и, вѣроятно, дѣйствительно усматриваетъ) въ этомъ фактѣ новое подтвержденіе своей мысли о тожествѣ законовъ, управляющихъ человѣческими отношеніями, съ законами, управляющими движеніемъ физическихъ и химическихъ тѣлъ. Впрочемъ, какъ-бы то ни было, естественна-ли или противуестественна, «сообразна или несообразна съ обстоятельствами» наша слабость къ «заатлантическимъ друзьямъ», она была-бы весьма похвальна и очень для насъ полезна, если-бы только она не была слишкомъ отвлеченна и, такъ-сказать, слишкомъ *платонична*. Мы симпатизируемъ американскимъ порядкамъ, но... только въ принципѣ; а такъ-какъ принципъ всегда у насъ дѣло послѣднее, то изъ симпатіи нашей ничего и не выходитъ, кромѣ эпистолярныхъ упражненій. Чуть нашъ соотечественникъ попалъ въ Америку, онъ сейчасъ-же спѣшитъ излиться въ письмахъ, и не иначе

возвращается на родину, какъ съ запасомъ исписанной бумаги, которую тотчасъ-же и спѣшитъ предать тисненію. Выносить-ли онъ изъ-за океана что-нибудь кромѣ этихъ письменныхъ упражненій? По крайней мѣрѣ, относительно г. Бутина можно съ увѣренностью отвѣчать отрицательно на этотъ вопросъ. Судя по его корреспонденціямъ къ г. Коршу («Письма» Бутина помѣщались въ газетѣ Корша), слѣдуетъ думать, что онъ не вынесъ даже изъ Америки того здраваго смысла, которымъ такъ богаты наши заатлантическіе друзья и такъ бѣдны наши газетные корреспонденты. И зачѣмъ онъ туда отправлялся? Можетъ быть, г. Коршу или кому-нибудь другому желательно было собрать доподлинныя и обстоятельныя свѣденія о сѣверо-американскихъ рудникахъ и о количествѣ добываемыхъ въ нихъ металловъ? Но вѣдь эти свѣденія всегда можно было-бы въ изобиліи найти въ сѣверо-американскихъ періодическихъ изданіяхъ и специальныхъ отчетахъ. Г. Бутинъ хотя и занимается въ своихъ письмахъ очень много рудниками, однако онъ не сообщаетъ о нихъ ничего такого, что-бы требовало какихъ-нибудь личныхъ наблюденій «на самомъ мѣстѣ»? Но если даже о рудникахъ — единственномъ предметѣ, съ которымъ авторъ хотѣлъ, кажется, познакомиться въ Америкѣ, — онъ не говоритъ ничего, что-бы заслуживало вниманія обыкновеннаго читателя, то само собою понятно, что о другихъ предметахъ, о другихъ сторонахъ американской жизни вы не найдете въ его письмахъ рѣшительно никакихъ данныхъ. Удивительно, зачѣмъ онъ писалъ ихъ, и еще удивительнѣе, зачѣмъ онъ вздумалъ ихъ печатать? Мы думаемъ, и почти увѣрены, что даже Коршъ не могъ найти въ нихъ ничего для себя поучительнаго. Любой сотрудникъ его газеты, — будь это хоть самъ де-Роберти, — не выходя изъ района Васильевскаго Острова, могъ-бы написать письма «изъ Америки» и «объ Америкѣ» въ десять разъ болѣе обстоятельныя и интересныя, чѣмъ «Письма» г. Бутина. Г. Бутинъ, несомнѣнно, былъ въ Америкѣ, а между тѣмъ, когда перелистываешь его эпистолярныя упражненія (къ счастію, впрочемъ, очень коротенькія — всего-то $4\frac{1}{2}$ печатныхъ листа разгонистой печати), такъ и кажется, что ихъ написалъ какой-нибудь сотрудникъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», весь вѣкъ свой прокорпѣвшій въ редакціи «почтенной» газеты: все въ нихъ (какъ и въ почтенной газетѣ) безсодержательно; авторъ обо всемъ говоритъ мелькомъ, отъ всего отдѣлывается общими казенными фразами, въ родѣ, напримѣръ, слѣдующихъ: «устройство школъ въ Америкѣ вполнѣ замѣчательно. Штатъ отпускаетъ большія суммы на учителей и обстановку учеб-

ныхъ заведеній. Изъ наукъ преподаются тѣ, которыя болѣе необходимы въ практической жизни» (стр. 8), — или: «театровъ въ Нью-Йоркѣ до пятнадцати, но всѣ они небольшіе и не отличаются изяществомъ»; «картинныя галлерей и музеи такъ незначительны, что о нихъ не стоитъ и упоминать»; «оркестры плохи, вкусъ публики развить мало» (стр. 7) и т. д., и т. д. Изъ послѣднихъ фразъ читатель не долженъ, однако, заключать, будто г. Бутинъ вообще недоволенъ Америкой, — нѣтъ; хотя г. Бутинъ, въ качествѣ сотрудника «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», относится къ Америкѣ крайне-осторожно, хотя онъ считаетъ ее «страною еще не установившеюся» (?) и скромно заявляетъ, «что въ ней ему трудно ориентироваться», вслѣдствіе «быстраго хода ея общественнаго развитія и безпощадной ломки (??) всякаго рода устоевъ (?)», — тѣмъ не менѣе онъ, въ качествѣ русскаго, немножко симпатизируетъ «заатлантическимъ» порядкамъ и даже многое въ нихъ одобряетъ, — наиримѣръ, устройство отелей, дешевизну и удобство путей сообщенія. По поводу послѣднихъ онъ даже пускается въ нѣкоторыя философско-экономическія умозрѣнія, хотя немножко и отзываются тѣмъ патріотическимъ духомъ, которымъ благоухаетъ газета Корша, но все-таки нелишенные своего рода оригинальности. «Въ нашихъ городахъ, философствуетъ г. Бутинъ, — чтобы проѣхать нѣсколько верстъ, нужно потратить нѣсколько рублей и достигнуть цѣли съ измятыми боками. Отчего-бы, кажется, не сдѣлать, какъ здѣсь (т. е. въ Америкѣ), по всѣмъ направленіямъ улицъ желѣзно-конныя дороги: тогда не нужно было-бы чинить ежегодно мостовыхъ (да въ большинствѣ городовъ ихъ еще нужно сначала построить, а то что-же чинить-то?) и публика имѣла-бы быстрое и дешевое сообщеніе. Это увеличить движеніе въ городѣ и дать возможность быстраго развитія нашимъ городамъ» (стр. 4—5). Не правда-ли, оригинальная мысль: содѣйствовать быстрому развитію нашихъ городовъ посредствомъ устройства въ нихъ конно-желѣзныхъ дорогъ? Какъ это просто и мило! Одобряетъ также г. Бутинъ американскія тюрьмы, но почему онъ ихъ одобряетъ—это трудно понять. «Устройство американскихъ тюремъ, говоритъ онъ,—замѣчательно. Кембриджская тюрьма устроена на 700 человекъ; зданія внутри, кругомъ окна, корридоры; комнаты съ желѣзными лѣстницами, рѣшетками и дверями; каждая комната имѣетъ въ длину три, въ ширину два и въ вышину 2 1/2 аршина; въ каждой находится кровать, столикъ и стулъ, тюфякъ, набитый соломой, простыня и суконное одѣяло» и т. д. (стр. 10).»

Позвольте, скажетъ читатель, да что-же тутъ замѣчательнаго? И не въ одной кембриджской тюрьмѣ можно встрѣтить коморки въ 2 аршина шириною, съ желѣзными рѣшетками и дверями; и не въ одной кембриджской тюрьмѣ соломенный тюфякъ, деревянный столъ и стулъ составляютъ все украшеніе арестантской конуры. Впрочемъ, все равно: «американскіе тюрьмы замѣчательны», а чѣмъ? не праздныли это вопросъ? Да, просто, хоть тѣмъ, что ихъ замѣтилъ г. Бутинъ. Вѣдь и это что-нибудь да значить! Одобрѣя американскія тюрьмы, нашъ соотечественникъ весьма не одобряетъ американское правительство за его терпимость относительно религіозныхъ сектантовъ. Съ истинно московскимъ добродушіемъ онъ удивляется, какъ это начальство допускаетъ существованіе, ну хоть, такой ужасной секты, какъ секта отца Нойаса! Какое послабленіе, ни на что не похожее. Не одобряетъ также г. Бутинъ американской женщины. За что не одобряетъ, почему не одобряетъ—это, опять-таки, никому не можетъ быть извѣстно. На счетъ «американки» нашъ соотечественникъ выражается такъ темно и съ такою дипломатическою неопредѣленностью, что, по всей вѣроятности, и самъ Коршъ, достаточно привыкшій къ потемкамъ дипломатически-неопредѣленныхъ писаній своихъ передовиковъ ничего тутъ не понялъ. Судите, читатель, сами. «Отнюдь не принадлежа къ лагерю враговъ женской эмансипаціи, дипломатизируетъ г. Бутинъ, и отъ всего сердца желая женщинѣ полнѣйшихъ успѣховъ въ достиженіи ея лучшихъ стремленій (какое доброе сердце у г. Бутина!) я, тѣмъ не менѣе, не могу не замѣтить, что, благодаря нѣкоторымъ заатлантическимъ статьямъ и корреспонденціямъ, въ русскомъ обществѣ приписываютъ американкѣ значительную долю тѣхъ совершенствъ (какихъ-же?), которыхъ она, къ несчастію, не имѣетъ (не правда-ли, какъ тонко?) Я, разумѣется, говорю не объ отдѣльныхъ личностяхъ, я имѣю въ виду только массу» (стр. 73). Очень дипломатично, такъ дипломатично, что даже и возразить нечего нельзя. Вы чувствуете только, что нашему соотечественнику американки почему-то не очень нравятся, что онъ не находитъ въ нихъ какихъ-то «совершенствъ», но какихъ именно, объ этомъ онъ скромно умалчиваетъ. «За океаномъ, такъ заключаетъ онъ свое послѣднее письмо, много хорошаго даютъ сѣмена, приносяція въ Европѣ только шишки да фиги (остроуміе, которому могъ-бы позавидовать самъ Незнакомецъ!), но вмѣстѣ съ тѣмъ (съ чѣмъ?) въ Америкѣ иногда плохо идетъ то, что приносятъ у насъ (т. е. у кого у насъ?) добрый плодъ» (стр. 75). Что-же

именно изъ *многаго хорошаго* въ Америкѣ—попавъ въ Европу, превращается въ фигу (конечно, тутъ нужно понимать фигу не въ буквальномъ смыслѣ, не въ смыслѣ очень вкуснаго и питательнаго плода, а въ смыслѣ метафорическомъ)? Пусть читатель догадывается объ этомъ самъ, это единственная умственная работа, которую задаетъ ему безтолковая книга г. Бутина. Впрочемъ, если читатель будетъ имѣть охоту дочесть «Письма» до предпоследней страницы (чего мы, однако, отнюдь ему не советуемъ), то онъ, навѣрное, освободитъ себя отъ этой умственной работы, онъ убѣдится, что не изъ-за чего хлопотать, и совершенно бесполезно отыскивать какой-нибудь смыслъ въ эпистолярныхъ упражненіяхъ автора, который самъ-же сознается, что его упражненія не болѣе, какъ «безсвязныя замѣтки» (стр. 74). На той-же страницѣ г. Бутинъ торжественно объявляетъ, что и путешествовать въ Америкѣ человѣку молодому (?), неознакомившемуся съ хорошими и дурными сторонами общественнаго строя стараго свѣта, почти бесполезно... Можетъ быть, это и справедливо, но, въ такомъ случаѣ, сколько-же лѣтъ г. Бутину? Бѣдные наши соотечественники, зачѣмъ они посѣщаютъ Америку въ такомъ возрастѣ, когда посѣщеніе ея для нихъ «почти бесполезно». Впрочемъ, къ счастью для нашихъ читателей, не всѣ соотечественники, отправляющіеся за Океанъ, походятъ въ этомъ отношеніи на г. Бутина. Г. Циммерманъ, напримѣръ, протѣхался туда не безъ нѣкоторой пользы и для себя, и для своихъ читателей. То-же можно сказать и о г. Славинскомъ. Его «Письма объ Америкѣ», печатавшіяся въ прошломъ году въ «Отечественныхъ Запискахъ», и вышедшія теперь отдѣльною книгою, прочтутся, вѣроятно, съ большимъ удовольствіемъ не только его пріятелями, но и людьми совершенно незнакомыми съ нимъ. Въ нихъ они найдутъ не мало поучительныхъ матеріаловъ для ознакомленія съ общественною жизнію Новаго Свѣта. Правда, матеріалъ этотъ, особенно послѣ писемъ г. Циммермана, не особенно новъ, собирався онъ урывками, записывался (непримѣнно записывался, безъ записыванія наши путешественники, прежде чѣмъ дойдутъ до родины, все, пожалуй, перезабудутъ) записывался кое-какъ, безъ-всякой системы и даже почти «безсвязно». Авторъ, если вѣрить ему на слово, никогда не думалъ придавать своимъ замѣткамъ тисненію, но, по возвращеніи на югъ Россіи, уступилъ желанію нѣкоторыхъ соотечественниковъ. «Я, увѣряетъ г. Славинскій, рѣшился выступить съ моими наблюденіями передъ публикою, оставляя ихъ въ той незатѣйливой, отрывочной формѣ, въ ка-

кой готовилъ для немногихъ изъ моихъ близкихъ» (предис.). Зачѣмъ авторъ оставилъ ихъ въ «стой незатѣйливой, отрывочной формѣ, въ которой готовилъ «для немногихъ изъ своихъ близкихъ»—это, конечно, его дѣло; для публики, вѣроятно, было-бы гораздо лучше, если-бы онъ отнесся къ ней съ меньшимъ *sauf façon*; мы думаемъ, что авторъ, какъ и всякій благонамѣренный гражданинъ, пользуется правомъ безпрепятственного хожденія по своей спальнѣ въ одномъ нижнемъ бѣльѣ; но если онъ вздумаетъ выйти въ подобномъ нарядѣ на улицу, то очень скоро попадетъ въ камеру мирового судьи, а, можетъ быть, подвергнется и еще худшимъ неприяностямъ. Впрочемъ, «Письма объ Америкѣ», несмотря на ихъ «незатѣйливую и отрывочную форму», настолько интересны по своему внутреннему содержанию, что читатель, вѣроятно, проститъ автору ихъ «незатѣйливость и отрывочность». Онъ это сдѣлаетъ тѣмъ охотнѣе, что, несмотря на свою «незатѣйливость», или скорѣе, *благодаря* своей незатѣйливости, они совершенно чужды тѣхъ недостатковъ, которыми обыкновенно отличаются «отдѣланныя» эпистолярныя упражненія нашихъ соотечественниковъ. Въ нихъ нѣтъ никакой ходульности, они написаны безъ всякихъ претензій, просто и толково, безъ «дѣланнаго краснорѣчія», безъ напускнаго пафоса, и безъ той казенной прилизанности и дипломатичности, которая такъ неприятно дѣйствуетъ при чтеніи писемъ г. Бутина. Что касается отношенія автора къ явленіямъ жизни описываемой имъ страны, его личнаго взгляда на различныя стороны американскаго быта, то нельзя не признать, что въ этихъ отношеніяхъ, гораздо больше правды и безпристрастія, чѣмъ у другого нашего соотечественника, выступившаго гораздо ранѣе г. Славинскаго на поприще «писаній писемъ» объ Америкѣ, Эдуарда Циммермана. Можетъ быть, это происходитъ отъ того, что г. Славинскій не считаетъ себя «специалистомъ» по Америкѣ (см. предис.); ему нѣтъ никакой надобности быть слишкомъ одностороннимъ, тщательно скрывать изнанку своего товара. Потому его письма могутъ служить прекраснымъ и даже необходимымъ дополненіемъ къ письмамъ г. Циммермана. Многое изъ того, что изображается послѣднимъ въ слишкомъ розовомъ свѣтѣ, получаетъ у него свою настоящую окраску. Для примѣра укажемъ хоть на одинъ случай. Циммерманъ, рассказывая объ удобствахъ, которыми, благодаря дѣятельности эмиграціонной комиссіи, пользуются въ Нью-Йоркѣ въ настоящее время эмигранты, упоминаетъ, между прочимъ о пріютѣ, устроенномъ комиссіею на окрестномъ островѣ на Ward's Island'ѣ для лицъ, ненашедшихъ себѣ

работы или временно неспособныхъ къ ней. Онъ представляетъ этотъ пріютъ въ довольно розовомъ свѣтѣ, и ни единымъ словомъ не намекаетъ о тѣхъ страшныхъ злоупотребленіяхъ, которыми опозорила себя администрація пріюта. Г. Славинскій безпристрастно возстановляетъ истину. «Пріютъ на Ward's Island'ѣ, говоритъ онъ, положительное мѣсто ссылки; такимъ, по крайней мѣрѣ, онъ былъ до апрѣля 1870 года.» Одинъ изъ работниковъ въ слѣдующемъ видѣ передалъ ему исторію своего трехмѣсячнаго пребыванія на этомъ островѣ. «За весь періодъ пребыванія на Ward's Island'ѣ, наша жизнь поддерживалась хорошимъ воздухомъ, водой и братскими отношеніями другъ къ другу; вражды между національностями, существующей внѣ острова, у насъ не было. Пища была слѣдующая; утромъ кофе безъ молока и микроскопическій кусокъ хлѣба. Этотъ кофе, самаго низшаго сорта, эмигранты варили вторично, чтобы уменьшить порывъ голода, и затѣмъ жадно съѣдали гущу. Въ 12 часовъ обѣдъ изъ супа, черезъ которой говядина буквально проплыла и въ котелъ котораго кладутъ много двѣ, три капусты, и тарелка картофеля. Послѣ супа кусокъ мяса такой величины, что многіе проглатывали его сразу; ѣли безъ ножей и вилокъ, да и надобности въ нихъ не было. Вечеромъ чай съ маласесомъ (въ родѣ патоки), листки котораго (чая) эмигранты сушили, курили или жевали вмѣсто табаку» (стр. 160). Взамѣнъ такого роскошнаго содержанія несчастные поселенцы обязаны были исполнять извѣстныя работы и часто очень тяжелыя: окопка деревьевъ, приготовленіе земли подъ огороды, разчистка отъ снѣга и льда дорогъ, возка камней и т. п. Въ 1870 году это варварское обращеніе съ эмигрантами вызвало съ ихъ стороны открытое возстаніе, имѣвшее своимъ послѣдствіемъ удаленіе отъ должности и отдачу подъ судъ суперъ-интенданта острова, завѣдывавшаго колоніею поселенцовъ.

Пусть теперь читатель, у котораго есть подъ рукою «Письма рускаго изъ Америки», сравнитъ этотъ печальный разсказъ о возмутительной эксплуатаціи эмигрантовъ, съ тѣмъ, что говоритъ о томъ-же предметѣ Эдуардъ Циммерманъ; по одному этому примѣру онъ ясно увидитъ, насколько безпристрастіе г. Славинскаго выше безпристрастія автора «Соединенныхъ Штатовъ сѣверной Америки». Конечно, цитированный случай, самъ по себѣ не особенно важенъ, и если-бы только одинъ онъ могъ служить пробнымъ камнемъ безпристрастія г. Славинскаго, то мы-бы не рѣшились ссылаться на него. Но нашъ авторъ не стѣняется и въ болѣе крупныхъ явленіяхъ американской жизни указывать на «темныя пятна». Съ этой точки зрѣнія чрезвычайно интересны тѣ письма, въ которыхъ г. Славинскій говоритъ о

С. Американскихъ Штатахъ относительно аборигеновъ территоріи— краснокожихъ индѣйцевъ (Письмо 23 и 24, стр. 171—189). Эта политика весьма простая и несложная по своей сущности; весьма хитрая и лицемерная по своей формѣ, политика грабежа и разбоя, шпическаго обмана и наглаго вѣроломства, лукаваго виланья и грубаго насилія, политика волка въ овчарнѣ, эта политика составляетъ безъ сомнѣнія одну изъ самыхъ гнуснѣйшихъ и позорнѣйшихъ страницъ въ исторіи сѣверо-американскаго союза, она безчеститъ человѣчество, она заставляетъ насъ краснѣть за нашу цивилизацію. И, что всего возмутительнѣе, эта преступная и постыдная политика прикрывается мнимой законностью, облекается въ формы юридическихъ договоровъ, и слѣдовательно оправдываетъ себя софистическими соображеніями «вышей пользы», «государственной необходимости». Къ стыду человѣчества, въ защиту ея вооружаются не только невѣжественные, погрязшіе въ своекорыстныхъ расчетахъ торгаши, доведенные страстью къ наживѣ до скотскаго состоянія, въ защиту ея встанутъ просвѣщенные ученые и публицисты. Они имѣютъ циническую смѣлость оправдывать ее принципомъ «борьбы за существованіе»; они увѣряютъ, будто цивилизація сильнѣйшихъ необходимо должна распространяться насчетъ гибели слабѣйшихъ; будто грабежъ и разбой — самые могущественные и цѣлесообразные двигатели человѣческаго прогресса. Въ силу этой теоріи, американское правительство считаетъ себя въ правѣ, «во имя интересовъ цивилизаціи», обманывать бѣдныхъ индѣйцевъ, спавать ихъ водкою, раззорять и сжигать ихъ жилища (стр. 185), отбирать отъ нихъ ихъ землю, лишать ихъ всѣхъ средствъ къ существованію, морить «въ пустыняхъ голодною смертью.» Г. Славинскій упоминаетъ объ одномъ, сравнительно недавнемъ, случаѣ подобнаго усмиренія. Дѣло происходило въ 1870 году. Бѣлые оскорбились за то, что индѣйцы одного сосѣдняго племени, позволили себѣ въ своихъ сношеніяхъ съ *цивилизованными* примѣнять на практикѣ тотъ-же принципъ «борьбы за существованіе», который *цивилизованные* постоянно примѣняли относительно ихъ самихъ. Нужно было наказать дерзкихъ. «Въ одинъ изъ холодныхъ дней, рассказываетъ нашъ авторъ, солдаты подъ начальствомъ полковника Бекера, напали на этихъ индѣйцевъ, убили 173 человѣка, взяли 300 лошадей и раззорили ихъ жилища. Между убитыми оказалось 90 стариковъ и женщинъ и 40 дѣтей, большею частью грудныхъ. Спаслись изъ этой банды немногіе, бывшіе въ это время на охотѣ или успѣвшіе во время рѣзни бѣжать.» Это кровавое дѣло, продолжаетъ г. Славинскій, нашло сочувствіе у многихъ; оно оправдывается даже генераломъ Шерида-

номъ, который не только не умылъ рукъ отъ варварскаго подвига своего подчиненнаго, но къ стыду своему счелъ долгомъ даже поздравить полковника Бекера и участвовавшихъ за удачное исполненіе предпріятія... (стр. 185). Частныя лица не только не уступаютъ, а иногда даже превосходятъ самое правительство въ этомъ цивилизованномъ варварствѣ; они травятъ индѣйцевъ, какъ дикихъ звѣрей, устраиваютъ на нихъ облавы, похищаютъ и насилуютъ ихъ женщинъ и т. п. Иногда они убиваютъ несчастныхъ ради простой шутки. Въ томъ-же 1870 году, рассказываетъ г. Славинскій, механикъ поѣзда, шедшаго изъ Ла-Платы, увидѣлъ вдали банду индѣйцевъ до 200 человѣкъ, перѣзжавшихъ дорогу. Воодушевленный, вѣроятно, подвигами Бекера, онъ пустилъ поѣздъ во всѣ пары, и прежде чѣмъ индѣйцы успѣли опомниться, 13 человѣческихъ труповъ и множество лошадиныхъ валялись разможенными на рельсахъ (ib).

И эти-то возмутительные факты оправдываются *необходимостью* распространять цивилизацію. Къ счастью, та-же Америка представляетъ намъ данныя, съ несомнѣнною очевидностью доказывающія всю призрачность этой *необходимости*, всю лживость софистической теоріи, защищающей, во имя интересовъ цивилизаціи, эксплуатацію слабого сильнымъ. «Брайямъ Юнгъ, говоритъ г. Славинскій, какъ глава Мормоновъ, спрошенный однимъ изъ гражданъ Индіаны по поводу отношеній къ индѣйцамъ, отвѣчалъ слѣдующимъ письмомъ, опубликованнымъ въ Journal d'Indianapolis: «Я получилъ сегодня ваше письмо, отъ 9 мая, касающееся индѣйцевъ Утахы. Мы иногда имѣли затрудненія съ индѣйцами этой территоріи, но гораздо менѣе, чѣмъ другія, сосѣднія территоріи, и притомъ эти затрудненія были кратковременными и всегда происходили отъ безразсудности иностранцевъ и путешественниковъ, которые поступали въ отношеніи краснокожихъ очень дурно. Что касается насъ, то мы всегда находили болѣе выгоднымъ кормить индѣйцевъ, чѣмъ драться съ ними; мы убѣдились, что всегда лучше встрѣчать ихъ, какъ друзей, нежели, какъ враговъ. Мы приняли за правило обходиться съ ними хорошо и стараться поднять ихъ до нашего уровня, а не самимъ опускаться до нихъ». Въ большихъ французскихъ владѣніяхъ Америки придерживались относительно краснокожихъ гуманнаго взгляда Брайяма Юнга и въ результатѣ получалось европеизированіе индѣйцевъ. «Прошло не болѣе столѣтія, говоритъ г. Славинскій, — и близъ находящіяся племена индѣйцевъ были выучены французами ихъ религіи, обычаямъ и языку. Недавно два вождя этихъ племенъ объяснялись въ Вашингтонѣ на французскомъ языкѣ. Это были уже не дикіе индѣйцы, но хорошіе, самобытные представители

политическаго ума, способные быть полными гражданами» (стр. 181). Въ англійскихъ владѣніяхъ Америки (Канадѣ) индѣйцы уже пользуются теперь полными гражданскими правами. За то въ то время, какъ въ сѣверо-американскихъ владѣніяхъ краснокожіе ведутъ до сихъ поръ кочевую жизнь и находятся въ состояніи первобытной дикости, въ Канадѣ они уже полудивилизованы, сгруппировались вокругъ церкви, имѣютъ хорошіе дома, занимаются земледѣліемъ и торговлею» (стр. 188).

3. Полное собраніе сочиненій Гофмана, перев. и издано подъ редакцію Н. В. Гербеля и А. Л. Соколовскаго. Т. I, С.-Петербургъ 1873 г.

Предисловіе къ этому изданію, несмотря на свою краткость, весьма серьезно: оно можетъ служить, если не знаменемъ—это слишкомъ громкое слово, то, по крайней мѣрѣ, маленькимъ *значкомъ* нашего времени. Гг. Гербель и Соколовскій берутъ на себя, видите-ли, трудъ защищать законность и, такъ сказать, *правомѣрность* фантастическаго въ области «человѣческаго духа». И какъ они трогательно отстаиваютъ своего кліента! Послушайте: «Отказать фантастическому въ признаніи за нимъ самостоятельности, восклицаютъ они,—значитъ отказать (слушайте!) отъ цѣлой области такихъ сердечныхъ движеній и душевныхъ свойствъ, которыя не только не чужды, но напротивъ дороги всякому человѣку, на какой-бы ступени образованія онъ ни стоялъ. Куда дѣвались-бы дорогіе для насъ (т. е. для кого-же для насъ? Vous-se n'estras vous, M-ieurs Гербель и Соколовскій) предчувствія, таинственныя стремленія молодости (?), мечты наединѣ съ самимъ собою, когда иной разъ желаешь и воображаешь невозможное фактически (напр., замѣтимъ отъ себя, переводить стихи, не будучи поэтомъ), но совершенно вѣрное и сбыточное для освобожденнаго отъ земныхъ оковъ духа. Кому не случалось слышать живые голоса въ шумѣ лѣса и волнъ? населять ихъ живыми, невидимыми существами? и т. д. (стр. 3). Въ самомъ дѣлѣ, кому не случалось? Однако, въ какое время это обыкновенно случается и съ кѣмъ это случается особенно часто? Чаше всего это случается съ дѣтьми, почему-то восхотѣвшими поступить въ штатъ литераторовъ, и вообще съ людьми не развитыми, да съ сантиментальными институтками; время, наиболее благопріятное для такихъ «случаевъ»—это ночное время всеобщей тиши-

ны и спокойствія, время умственного застоя или отдыха. Тутъ-то и разыгрывается фантазія. И зачѣмъ переводчикамъ вздумалось приподносить намъ именно гофмановщину, а не какую-нибудь другую болѣе современную чертовщину? Ихъ соблазнила, кажется, та мысль, что «Гофманъ болѣе всѣхъ (кого всѣхъ?) удовлетворяетъ потребности такъ называемой литературы «для легкаго чтенія» (стр. IV). Но и на этотъ счетъ они едва-ли не ошибаются. Гофманъ можетъ быть употребляемъ «для легкаго чтенія», въ известной средѣ нѣмецкой публики, противъ этого нельзя спорить; но наша публика обладаетъ такимъ воображеньищемъ, она такъ мало смыслить въ разныхъ субъективныхъ тонкостяхъ и поэтическихъ красотахъ, что въ сочиненіяхъ Гофмана увидить только массу скучнаго, фантастическаго пустословія, и ничего болѣе. Да едва-ли въ нихъ и дѣйствительно найдется что-нибудь другое. Нѣсколько теплыхъ, отъ души написанныхъ страницъ, нѣсколько остроумныхъ, блестяще выраженныхъ мыслей, немножко добродушнаго и совершенно невиннаго юмора — вотъ и все. Затѣмъ утомительное фразерство, тьма-тьмущая фантастическихъ нелѣпостей, преувеличеній и приторности, вымысла и резонерства... Нѣтъ для большинства нашей публики это совсѣмъ не «легкое чтеніе». Вотъ романы дю-Терайля и Габоріо—это другое дѣло. И уже если гг. Гербель и Соколовскій желаютъ поэксплуатировать нашу слабость къ «легкому чтенію», то имъ-бы слѣдовало вступить въ конкуренцію съ г-жею Ахматовою или съ гг. Львовымъ и Афанасьевымъ-Чужбинскимъ, а Гофмана оставить въ покоѣ. Пусть уже жертвцы спокойно спятъ въ своихъ гробахъ, а живые наслаждаются жизнью. Для живыхъ Габоріо гораздо интереснѣе Гофмана. Не правда-ли, г. Львовъ?

4. Еврейскія тайны. Очеркъ релігіозныхъ вѣрованій евреевъ, ихъ обычаевъ и нравовъ. Въ двухъ частяхъ. Составилъ и издалъ Л. М. Зарѣцкій. Одесса, 1873.

У г. Зарѣцкаго очень благонамѣренная цѣль. Видите: «Въ послѣднее время, по его словамъ, — и у насъ въ Россіи стало появляться не мало сочиненій и газетныхъ статей, имѣющихъ цѣль расположить русское общество къ евреямъ и ослабить, по мѣрѣ возможности, недовѣріе, какое многіе питаютъ къ еврейству вообще и къ наукамъ талмудскимъ въ особенности». Г. Зарѣцкому это не нра-

вится; ему кажется, что тѣ, которые старались, «по возможности», расположить русское общество къ евреямъ, вводили своихъ читателей въ заблужденіе; они умышленно скрывали отъ него истину. И вотъ онъ беретъ на себя трудъ возстановить ее. «Полагая, говоритъ онъ, — что всякія недоумѣнія, возбуждаемыя какими-нибудь вопросомъ, разрѣшаются тѣмъ легче, чѣмъ болѣе представляется данныхъ, относящихся къ этому вопросу; мы, съ своей стороны, будучи весьма хорошо ознакомлены съ обычаями, нравами, религією, языкомъ и литературою евреевъ, считаемъ не лишнимъ подѣлиться съ публикою нашими свѣденіями, за достовѣрность и точность которыхъ ручаемся». Можетъ быть, авторъ, и въ самомъ дѣлѣ, очень хорошо знакомъ съ «обычаями, нравами, религією и т. д. евреевъ»; но только изъ его маленькой книжки этого совѣтъ не видно. «Еврейскія Тайны» не содержатъ въ себѣ рѣшительно ничего таинственнаго: это не болѣе какъ русскій переводъ нѣсколькихъ выдержекъ изъ «Талмуда» и другихъ авторитетныхъ еврейскихъ книгъ. Выдержки сдѣланы не безъ нѣкотораго лукавства: авторъ, очевидно, подгонялъ ихъ подъ извѣстную тенденцію, и притомъ тенденцію діаметрально-противоположную той, которою были проникнуты люди, «желавшіе расположить русское общество къ евреямъ и «ослабить, по мѣрѣ возможности, недоувѣріе, какое многіе питаютъ къ еврейству вообще и къ Талмуду въ особенности». Своими тенденціозными выдержками г. Зарѣцкій старается выставить съ особенною рельефностью всю дикость и нелѣпость домашнихъ обычаевъ и религіозныхъ обрядовъ евреевъ и, главное, ихъ крайнюю нетерпимость относительно христіанъ. Нетерпимость евреевъ авторъ доказываетъ ссылками на Талмудъ; изъ этихъ ссылокъ слѣдуетъ, что еврею предписывается вездѣ и во всемъ чуждаться христіанъ, имѣть съ ними какія-бы то ни было дѣла (стр. 46), дозволяется ихъ обманывать (стр. 58, 59) и издѣваться надъ ихъ религією (стр. 81), воспрещается «разказывать о добрыхъ дѣлахъ христіанъ, даже восхвалять ихъ красоту» (стр. 56), входить въ городъ, гдѣ есть христіанская церковь, а тѣмъ болѣе подходить къ ней на близкое разстояніе и смотрѣть на нее (стр. 65) и т. д., и т. д. Г. Зарѣцкому дѣла нѣтъ, что эти строгія постановленія давно уже превратились въ мертвую букву, что даже большинство евреевъ утверждаютъ, что слова «Анимъ» или «Авайдеръ-эльylimъ» (которые г. Зарѣцкій переводитъ словомъ: христіанинъ) означаютъ только прежнихъ идолопоклонниковъ, а не христіанъ, и что въ новѣйшихъ изданіяхъ еврейскихъ книгъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они встрѣчаются, сдѣланы въ этомъ смыслѣ оговорки—ничего этого онъ знать не хочетъ

и все стоит на своемъ, что «Талмудъ подъ словами Анимъ и Авай-дерь-элылымъ разумѣтъ христіанъ» (стр. 46). Да, если-бы даже это было и такъ: имѣемъ-ли мы право выводить отсюда какія-нибудь заключенія относительно нетерпимости евреевъ къ христіанамъ *въ настоящее время*? Талмудъ—книга очень древняя и, хотя евреи свято чтутъ ее, однако, никто не станетъ утверждать, будто всѣ ея предписанія и до сихъ поръ буквально примѣняются на практикѣ. Самъ г. Зарѣцкій приводитъ нѣсколько выдержекъ изъ нея, утратившихъ въ наше время всякое практическое значеніе. Напримѣръ, Талмудъ воспрещаетъ евреямъ имѣть дѣло съ христіанами «три дня до и три дня послѣ воскресенья», т. е. въ теченіи цѣлой недѣли (стр. 63); запрещаетъ не только жить, но даже входить въ городъ, гдѣ есть христіанская церковь (стр. 65), запрещается называть христіанскіе образа ихъ именемъ, хотя-бы это было необходимо, какъ напримѣръ, « подожди меня у такой-то церкви или такого-то образа », еврей не долженъ также доводить христіанина до того, чтобы онъ вспоминалъ имя своего Бога и т. д., и т. д. Кому приходилось сталкиваться съ еврейскимъ населеніемъ нашихъ городовъ и мѣстечекъ, тотъ, конечно, согласится съ нами, что всѣ эти запрещенія въ глазахъ современнаго еврея не имѣютъ никакой существенной важности и никогда имъ не исполняются. Зачѣмъ-же авторъ «Еврейскихъ тайнъ» хочетъ увѣрить насъ въ противномъ, зачѣмъ онъ дѣлаетъ всѣ эти выписки изъ Талмуда? Можетъ быть, это тоже *тайна*,—но только мы не станемъ ее разгадывать, опасаясь, что «игра не будетъ стоить свѣчъ». Вѣрно, эта *тайна* дешевле той цѣны, которую г. Зарѣцкій назначилъ за свою маленькую книжонку. Правда, цѣна эта довольно высока: за 5 ¹/₂ листовъ, напечатанныхъ разгнаннымъ шрифтомъ, не стоитъ платить 80 коп.,—тѣмъ болѣе не стоитъ, что, прочтя ихъ, читатель едва-ли получитъ вѣрныя понятія о *дѣйствительныхъ* отношеніяхъ евреевъ къ христіанамъ.

5. Народныя чтенія въ Солянномъ городкѣ. О сохраненіи силъ и здоровья. Чтен. П. А. Ильинскаго. С.-Петербургъ. 1873.

Книжки эти (которыя издано уже около дюжины), какъ и самыя чтенія предназначаются спеціально для обученія *народа* уму-разуму. Когда лекціи въ солянномъ городкѣ только-что устраивались, «одно лицо», принимавшее нѣкоторое участіе въ ихъ устройствѣ, разговари-

лось съ нами объ нихъ. «Ну, что, думаете-ли вы, что онѣ будутъ полезны?» спросилъ мы его. «Конечно, онѣ будутъ полезны, по крайней мѣрѣ, въ томъ отношеніи, что отвѣдутъ народъ, хоть на время, отъ кабака.» Можетъ быть, «чтенія» и дѣйствительно имѣютъ такое «отвлекающее значеніе». И, разумѣется, въ предѣлахъ этого «отвлеченія» ихъ польза не подлежитъ сомнѣнію. Но есть-ли основаніе думать, что она простирается и за эти предѣлы? Передъ нами лежатъ чтенія г. Ильинскаго. Г. Ильинскій весьма простымъ и удобопонятнымъ языкомъ объясняетъ, что жить въ тѣснотѣ и грязи вредно, что жилое помѣщеніе должно быть просторно и хорошо вентилировано, что не слѣдуетъ превращать печку въ баню, что одѣваться слѣдуетъ чисто и т. д. Намъ, пожалуй, скажутъ, что если «чтенія» и не могутъ, сами по себѣ, улучшить гигиеническія условія быта народа, то онѣ все-таки могутъ заставить его *желать* такого улучшенія, могутъ привести его къ отчетливому сознанію неудовлетворительности ихъ помѣщеній, одежды, *печки* — *бани* и т. д. Конечно, если чтенія достигнутъ этого результата, то польза отъ нихъ была-бы весьма значительна. Но вотъ въ чемъ вопросъ: оттого-ли простой народъ скрывается въ тѣсныхъ, дурно провѣтриваемыхъ квартирахъ, не чисто одѣвается, не чисто живетъ, превращаетъ въ баню печку и т. д., что онъ не понимаетъ вреда такого образа жизни, или оттого, что у него нѣтъ средствъ измѣнить его? Отъ отвѣта на этотъ вопросъ зависятъ и *рѣшеніе* вопроса о пользѣ «чтеній». По нашему мнѣнію, причину тѣхъ дурныхъ гигиеническихъ условій, среди которыхъ живетъ нашъ народъ, слѣдуетъ искать не столько въ его умственномъ убожествѣ, сколько въ убожествѣ матеріальномъ. Мы думаемъ, что пока у человѣка нѣтъ средствъ нанять просторную и хорошо вентилированную квартиру, онъ и не найметъ ее, хотя-бы онъ вызубрилъ «чтенія», какъ молитву: «Отче нашъ»... Поэтому намъ кажется, что въ большинствѣ случаевъ *безсознательность* простыхъ людей насчетъ неудобствъ ихъ житья-бытья немножко преувеличивается. Въ силу простого инстинкта самосохраненія, они должны чувствовать и, дѣйствительно, чувствуютъ, что вонючее и тѣсное помѣщеніе, скудная и непитательная пища и т. п. совсѣмъ не составляетъ жизненныхъ благополучій; они, не колеблясь, предпочли бы имъ чистую и просторную квартиру, сытный и вкусный столъ. Инстинктивно они понимаютъ, что условія ихъ быта крайне неблагопріятны для ихъ здоровья; они своеобразно жалуются на нихъ и по-своему недовольны ими. Все дѣло только въ томъ, что они не въ

состояніи уразумѣть съ должною ясностью *почему* и *отчего* ихъ обстановка губительно должна дѣйствовать на ихъ здоровье, сокращаетъ ихъ жизнь. На эти-то вопросы *почему* и *отчего* и должны были отвѣтить *чтенія*. Такъ, недовольство безсознательное, превратилось въ сознательное, инстинктивное пониманіе—въ разумное. Отвѣчаютъ-ли эти чтенія на эти вопросы? Судя по чтеніямъ г. Ильинскаго, мы думаемъ, что нѣтъ. Г. Ильинскій очень удобопонятно распространяется насчетъ того, *что* вредно, но онъ ничего не говоритъ, *почему* именно оно вредно. Конечно, отвѣчать популярно и удобопонятно на вопросъ *почему* не такъ легко, какъ отвѣчать на вопросъ *что*. За то отвѣтъ на послѣдній вопросъ вноситъ очень мало новаго въ сознаніе простыхъ людей, тогда какъ отвѣтъ на первый вопросъ даетъ разумное основаніе ихъ смутному чувству недовольства окружающими гигиеническими условіями, и прольетъ много свѣта на ихъ отношенія къ нимъ. Впрочемъ, мы пока ограничимся одною этою краткою замѣткою, воздерживаясь отъ всякихъ общихъ заключеній о значеніи народныхъ чтеній въ Солянскомъ городкѣ. Когда у насъ наберется побольше матеріаловъ для характеристики этихъ чтеній, мы вернемся къ нимъ снова; теперь-же мы будемъ только надеяться, что чтенія г. Ильинскаго не будутъ гласомъ вопіющаго въ пустынь.

Ученіе о здоровьѣ. Популярное изложеніе гигиеническихъ и медицинскихъ наставленій для всѣхъ возрастовъ и различныхъ родовъ трудовой жизни. Сочиненіе д-ра Отто Шраубе, съ прибавленіемъ статьи: „Главныя основы гигиены“. Спб. 1873.

Современный интересъ этой книги исчерпывается новой обложкой, которая, дѣйствительно, вышла въ свѣтъ изъ типографіи Плотникова въ нынѣшнемъ году, но самое сочиненіе Отто Шраубе довольно древняго происхожденія, такъ-какъ оно обращалось среди русскихъ читателей еще въ шестидесятыхъ годахъ, но, не встрѣтивъ тогда успѣха, безмятежно догнивало свой вѣкъ на полкахъ книжныхъ магазиновъ. Какъ въ старой, такъ и въ новой обложкѣ ученое твореніе Отто Шраубе достаточно рутинно, сухо и скучно, такъ скучно, что способно оттолкнуть отъ себя самыхъ незвыскательныхъ читателей. Вообще во всемъ сочиненіямъ по гигиенѣ, которыя предлагаются русской пу-

бликѣ, присущъ одинъ весьма существенный недостатокъ. Въ нихъ заключаются наставленія, что нужно бѣтъ, чтобы быть здоровымъ, что пить, во что одѣваться, но, предлагая свои совѣты, авторъ держитъ передъ собою отвлеченную картину нормальной, т. е. несуществующей жизни и весьма мало заботится о согласованіи своихъ требованій съ условіями даннаго существованія, данной мѣстности и народа. Мы не говоримъ уже о томъ, что если авторъ нѣмецъ, то норма здоровой жизни невольно слагается въ его умѣ по образцу тѣхъ формъ, которыя привились въ его отечествѣ, между тѣмъ какъ условія русской жизни отличаются множествомъ своеобразныхъ особенностей. Но есть общія, повсемѣстныя уклоненія отъ нормы, которыхъ нельзя оставлять безъ вниманія, иначе гигиеническія предписанія не достигнутъ своей цѣли или принесутъ даже вредъ. Возьмемъ нѣсколько примѣровъ. Во всѣхъ руководствахъ къ гигиенѣ находятся пространныя главы о питаніи и пищѣ, изъ которыхъ вы узнаете, положимъ, что здоровый человѣкъ долженъ съѣдать 2 фунта «хорошаго» хлѣба въ день; но, за немногими исключеніями, нигдѣ не разъясняется, что такое хорошій хлѣбъ, гдѣ и откуда онъ получается. Можетъ быть, читатель замѣтитъ, что такого рода разъясненія излишни, ибо всѣмъ извѣстно, что хлѣбъ покупается на рынкѣ, въ мелочныхъ лавкахъ и въ булочныхъ. Конечно, это всѣмъ извѣстно, но не всѣмъ, можетъ быть, извѣстно, что «хорошій хлѣбъ» есть лишь фикція, *pium desiderium* гигиены и что на всѣхъ городскихъ и столичныхъ рынкахъ, во всѣхъ лавкахъ и булочныхъ хлѣбъ содержитъ примѣсь ядовитыхъ веществъ, изъ которыхъ самыя обыкновенныя: квасцы и разныя соединенія мѣди и свинца, а многіе булочники, желая парализовать вяжущее свойство квасцовъ, прибавляютъ еще ялапу, корень растенія, извѣстнаго своимъ слабительнымъ дѣйствіемъ *). Если-бъ вы пожелали сами печь хлѣбъ, а не покупать его въ лавкахъ, то это нисколько не предохранитъ васъ отъ новой опасности: вы рискуете сдѣлаться жертвою остроумія мучныхъ торговцевъ, которые прибавляютъ къ мукѣ мѣлъ, свинцовыя соли (для бѣлизны), песокъ, золу, костяную муку, гипсъ и мѣдныя соли, не считая ядовитаго растенія рожковъ, попадающихъ въ муку, которая недостаточно очищена. Нѣтъ ни одного продукта, который, попавъ въ руки торговца, сохранилъ-бы свои нормальныя свойства и

*) Вещества эти найдены въ хлѣбѣ заграничными гигиенистами (Шевалье, Летеби, Кленке и др.), но мы имѣемъ основаніе утверждать, что эти примѣсы встрѣчаются не въ одной Германіи и Франціи.

свой настоящей химическій составъ. Нѣкоторыя вещества фабрикуются за-ново и дѣликомъ, какъ, напр., мускатные орѣхи. Къ толченому испанскому перцу подмѣшивается кирпичъ, поваренная соль, квасаръ; имбирь всегда покрытъ известью и окрашенъ хлористой известью или сѣрной кислотой (Марсе, Шредеръ); въ гвоздикѣ также открыто присутствіе толченаго кирпича, сандала и муки; зерна обыкновеннаго перца размачиваются въ мочѣ и смѣшиваются съ овечьимъ каломъ (Лионъ). Замѣчательны подмѣсы къ табаку, въ особенности къ нюхательному, въ которомъ открыты: кофейная гуща, квасцы, мѣдный купоросъ, жженыя кости, охра, сода, поташъ, амміачныя соли, селитра, крахмалъ, лакрица (Кленке). Подмѣсы къ пиву и винамъ такъ многочисленны, что изученіе ихъ можетъ составить отдѣльную науку. Чай никогда не существуетъ въ продажѣ въ чистомъ видѣ: онъ содержитъ берлинскую лазурь, гипсъ, суррогаты мѣди и свинца, индиго, куркуму, желѣзный купоросъ, графитъ (для окрашиванія въ черный цвѣтъ), талькъ, углекислую известь (Варингтонъ, Гилль, Фортунъ). Графитъ и талькъ содержатся въ молотомъ кофе (Пенилло), но ошибочно было-бы полагать, что можно предохранить себя отъ подмѣсей, если покупать кофе въ видѣ бобовъ: напротивъ, потребление такого кофе едва-ли не вреднѣе, потому что торговцы, желая сообщить кофейнымъ бобамъ болѣе нѣжный зеленый цвѣтъ, окрашиваютъ ихъ мѣдной ярью или растворомъ индиго въ сѣрной кислотѣ въ соединеніи съ желѣзнымъ купоросомъ, угольнымъ порошкомъ и амміакомъ (Рейхъ). Мы не будемъ продолжать далѣе перечень этихъ подмѣсей, потому что это дѣло специальныхъ руководствъ гигиены, но читатель видитъ все-таки, что та норма здоровой жизни, отъ которой отправляется гигиена, расходится съ дѣйствительностью во многихъ существенныхъ пунктахъ. Очевидно, что и наставленія такой гигиены получаютъ двусмысленный характеръ. Если вамъ совѣтуютъ съѣдать 2 фунта хлѣба въ день, то этотъ совѣтъ весьма неполонъ, пока васъ не научили, какъ открывать подмѣсы къ хлѣбу квасцовъ и мѣдныхъ солей. Если вамъ совѣтуютъ пить шоколадъ, то этотъ совѣтъ даже вреденъ, если вы не знаете, какъ открыть въ немъ обычное присутствіе ртутныхъ препаратовъ (Кленке). Дѣло идетъ вовсе не объ исключеніяхъ, потому что вышеуказанныя подмѣсы открыты были одновременно учеными различныхъ странъ, а также официальной англійскою комиссіей, отчетъ которой привелъ въ ужасъ все населеніе Лондона. Къ сожалѣнію, у насъ еще нѣтъ такого рода изслѣдованій, но мы надѣемся однако въ скоромъ времени посвятить нашихъ читателей въ тайны отечественной торговли, ко-

торая, замѣтимъ кстати, не представляетъ существенныхъ уклоненій отъ заграничной, такъ-какъ наша столица съ давнихъ поръ служитъ мѣстопребываніемъ иностранныхъ комерсантовъ. У насъ система торговаго обмена еще не доведена до такого совершенства, какъ за-границей, но за то она и проявляется въ болѣе грубыхъ, аляповатыхъ формахъ, какъ, напр., обнаруженная недавно полиціей окраска горшка мѣдной ярью въ такихъ страшныхъ дозахъ, что употребленіе его было причиной нѣсколькихъ смертныхъ случаевъ, или прибавленіе къ огуречному разсолу мѣднаго купороса съ цѣлью поддерживать во всякую пору года зеленый цвѣтъ огурцовъ.

На подобнаго рода факты нѣтъ и намекъ въ сочиненіи Отто Шраубе, какъ-будто дѣйствительность, откуда онъ черпалъ свои выводы, цвѣла однѣми розами и благоухала только пріятнымъ ароматомъ. Но почтенный ученый недостаточно твердо стоитъ даже и на той почвѣ, которую онъ самъ избралъ. Такъ, говоря о вредныхъ послѣдствіяхъ главнѣйшихъ ремеслъ, Шраубе категорически заявляетъ, напр., что занятіе мясника совершенно безвредно (стр. 370), что безусловно ложно, потому что изслѣдованіями Neufvill'я доказано, что 10% мясниковъ умираетъ отъ рака, а 8% оканчиваютъ жизнь самоубійствомъ. Вредъ часового мастерства состоитъ по мнѣнію Шраубе, *только въ* чрезмѣрномъ напряженіи глазъ работающаго (стр. 272), тогда какъ дѣло совсѣмъ не въ этомъ; съ страданіемъ глазъ еще можно помириться, — для этого есть очки и разныя врачебныя средства, — но нельзя примириться съ неизлечимой бугорчаткой и чахоткой легкихъ — преобладающей болѣзнью часовщиковъ, которая зависитъ отъ сгорбленнаго положенія туловища и особенно отъ вдыханія мелкой металлической пыли, противъ чего извѣстный гигиенистъ Перронъ совѣтуетъ носить всѣмъ часовыхъ дѣлъ мастерамъ бороду, которая задерживаетъ значительное количество этой пыли. Въ графѣ о ремеслѣ мѣдника Шраубе ограничивается слѣдующимъ лаконическимъ замѣчаніемъ (стр. 369): «Шумъ производитъ расположеніе къ глухотѣ. Вложить въ ухо кусокъ ваты». Какъ, подумаешь, просто и какъ немного нужно для благосостоянія рабочаго — всего кусокъ ваты! Но нашъ наивный нѣмецъ, очевидно, незнакомъ съ изслѣдованіями Шевалье и Тардье, которые показали, что большинство рабочихъ этого класса не доживаетъ до 30-ти лѣтъ и умираетъ отъ чахотки, хроническихъ болѣзней сердца и органовъ пищеваженія.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ХРОНИКА.

АДОЛЬФЪ ТЬЕРЬ.

Популярность имени Тьера.—Происхождение Тьера.—Харчевня сестры министра. — Школьное свидѣтельство открываетъ Тьеру путь къ карьерѣ.—Первый шагъ Тьера къ извѣстности.—Журнальная дѣятельность Тьера.— Знакомство съ Лафитомъ.—Успѣхи въ свѣтѣ.—Сотрудничество Тьера съ Бодэномъ.—Успѣхъ «Исторіи французской революціи».—Характеристика Тьера.—Причины популярности Тьера, какъ оратора и литератора.—Его оппозиціонная дѣятельность въ «National's».—Іюльская революція.—Революціонныя рѣчи Тьера въ палатѣ.—Поворотъ его въ другую сторону.—Министерство Лафита.—Его паденіе. — Тьеръ становится министромъ.—Буржуазная теорія свободы.—Герцогиня Беррійская.—Неутомимая дѣятельность Тьера.—Борьба праваго и лѣваго центровъ, характеризующая іюльскую монархію. — Слабость французской дѣятельности. — Пораженіе Франціи по Египетскому вопросу.—Отставка Тьера.—Исторія «консульства и имперіи». —Оппозиція Тьера іюльской монархіи.—Вторая республика.—Тьеръ примыкаетъ къ реакціонерамъ.—Клубъ улицы Пуатье.—Римская экспедиція. — Государственный переворотъ.—Изгнаніе Тьера.—Дѣятельность его во время второй имперіи.—Есть-ли особенный поводъ огорчаться послѣдней неудачей Тьера.

I.

Адольфъ Тьеръ, экс-президентъ французской республики, принадлежитъ въ числу весьма замѣтныхъ и интереснѣйшихъ личностей нашего вѣка. Онъ производилъ такъ много шума, объ немъ такъ много говорили, что весьма естественно его имя стало популярнымъ во всѣхъ углахъ Европы и Америки; его знаетъ каждый, кто хотя нѣсколько слѣдитъ за политикой, кто даже только прочитываетъ газеты. Кому часто приходится ѣздить по желѣзнымъ дорогамъ и въ дилижансахъ, тотъ навѣрное встрѣчаетъ людей, замѣтныхъ уже по оригинальному покрою и цвѣту своего платья,—людей не поспѣдливыхъ, безпрестан-

но пристающихъ съ вопросомъ то къ тому, то къ другому изъ пассажировъ; у нихъ что ни секунда тухнетъ папироса и надо ее закурить о папиросу сосѣда, имъ необходимо разъяснить то или другое обстоятельство, вычитанное ими въ газетѣ; мало-по-малу, они расскажутъ вамъ и о своей женѣ и дѣтяхъ, а тетускѣ и знакомыхъ; вы хотите вздремнуть, а они продолжаютъ мучить васъ своими распросами и рассказами; отдѣлаться отъ нихъ нѣтъ никакой возможности и вы невольно подчиняетесь необходимому злу и даже входите въ нѣкотораго рода интимность съ безпокойнымъ сосѣдомъ. Такимъ именно докучливымъ человѣкомъ въ политикѣ является Тьеръ и докучаетъ не только Франціи, но и цѣлой Европѣ. Онъ такъ надоѣдалъ прекрасной Клію, музѣ исторіи, что она, хотя не безъ протеста, внесла его въ свою памятную книжку. Такимъ образомъ, онъ добился своего желанія: его имя попало въ регистръ извѣстныхъ историческихъ дѣятелей и ученые, волей-неволей, должны заниматься его особой.

Тьеръ родился въ прошломъ столѣтіи, въ 1797 году. Онъ росъ подъ впечатлѣніями рассказовъ о битвахъ и побѣдахъ первой имперіи; юношей онъ видѣлъ паденіе этой имперіи; лучшіе молодые годы его жизни прошли въ время владычества бурбонской реставраціи: лѣта мужества онъ провелъ на службѣ буржуазной монархіи; онъ вступилъ уже въ шестой десятокъ, когда во Франціи водворилась вторая республика 1848 года; въ первомъ старческомъ возрастѣ онъ присутствовалъ при бонапартистской реставраціи; онъ видѣлъ возвышеніе и паденіе Наполеона III, уже нѣсколько лѣтъ прошло какъ онъ вступилъ во второй старческій возрастъ, когда онъ былъ избранъ главою французскаго государства.

Тьеръ—этотъ выдающійся типъ, представитель французской буржуазіи, происходитъ, однакожъ, не изъ буржуазнаго семейства. Отцомъ Адольфа Тьера былъ бѣдный кузнецъ въ Э, въ Провансѣ. Можетъ быть, будущіе историки откроютъ въ пыльныхъ архивахъ какія-нибудь подробности изъ жизни этого бѣднаго пролетарія, но до сихъ поръ никто еще не промолвился ни словомъ объ отцѣ человѣка, имя котораго извѣстно во всемъ цивилизованномъ мірѣ.

Отца Тьера никто не зналъ, но существованіе его никѣмъ не опровергается; точно также не подлежитъ сомнѣнію, что матери у Адольфа Тьера вовсе не было; этимъ объясняются многія черты его характера. Люди, рожденные женщиной, всегда обладаютъ извѣстными

слабостями, которых у Тьера нѣтъ и не было. Люди, рожденные женщиной, способны увлекаться; молодость ихъ проходить довольно шумно, даже бурно; они дѣлаютъ ошибки, у нихъ сердце довольно часто беретъ верхъ надъ разсудкомъ. Тьеръ никогда не увлекался; его сердце было защищено прочной броней отъ всякихъ вѣшнихъ нападений и постоянно подчинялось волѣ разсудка. Мужчины, рожденные женщиной, рано или поздно, но непремѣнно надѣлаютъ глупостей для женщинъ; Тьеръ во всю свою жизнь не сдѣлалъ ни одной. Конечно, онъ бывалъ очень любезенъ съ женами своихъ министровъ, но это была любезность чисто официальная и, сколько извѣстно, Тьеръ никогда не ухаживалъ ни за одной женщиной, не былъ влюбленъ и ни съ одной изъ нихъ не вступилъ въ серьезную связь. Мужчины, рожденные женщиной, имѣютъ обыкновенно дѣтей; Тьеръ никогда не имѣлъ ни законныхъ, ни незаконныхъ. Правда, Тьеръ женатъ; но вступая въ бракъ, онъ бралъ не жену, а хорошее приданое, выгодное положеніе въ свѣтѣ; съ помощью этой женитьбы онъ могъ добиться извѣстнаго вліянія, могъ осуществить свои честолюбивыя надежды; этотъ бракъ дѣлалъ его солиднѣе и почтеннѣе въ глазахъ кружка тѣхъ людей, отъ которыхъ зависѣло его возвышеніе. Соединяясь бракомъ съ дѣвицей Донъ, дочерью биржевого маклера, онъ бралъ къ себѣ въ домъ хорошую хозяйку; другихъ-же качествъ отъ нея онъ не требовалъ; о любви тутъ, конечно, не могло быть и помину.

Такимъ образомъ, (у Тьера не было ни матери, ни отца, о немъ ничего не извѣстно, и онъ, какъ говорилъ самъ Тьеръ, не имѣлъ никакого вліянія на сына); не было и нѣтъ потомства. Кажется, онъ не имѣлъ братьевъ; до 1840 года никто не подозрѣвалъ, что у него есть сестра. Но въ этомъ году, въ Парижѣ, въ двухъ шагахъ отъ Монмартрскаго бульвара появилась слѣдующая вывѣска:

«Ресторанъ дѣвицы Тьеръ,

Сестры президента совѣта министровъ.

Обѣды въ 40 су, а также и по картѣ».

Публика бросилась толпами въ этотъ ресторанъ. Кормили ее плохо, но за то она была вполне удовлетворена болтливостью хозяйки, которая съ приличными жестами и слезами рассказывала всѣмъ, кто хотѣлъ ее слушать, что братъ ея, управлявшій дѣлами Франціи, бросилъ ее на произволъ судьбы, такъ что она нашлась вынужденной для добыванія средствъ къ существованію открыть харчевню... Много говорила она и плакала; чувствительные люди, окружавшіе ее, вторили ей возгласами негодованія до тѣхъ поръ, пока въ ресторанъ не вошли агенты Тьера. Они вызвали хозяйку въ отдѣльную комнату и

тамъ за довольно высокую цѣну купили у нея эту харчевню вмѣстѣ со всѣмъ обзаведеніемъ, обязавъ ее контрактомъ не открывать новыхъ харчевень и трактировъ. Что сталося впоследствии съ дѣвицей Тьеръ, исторія о томъ умалчивается.

О дѣтскихъ годахъ Тьера ничего не извѣстно. Его біографы, обыкновенно, начинаютъ исторію своего героя съ того момента, какъ сельскій учитель выдалъ ему свидѣтельство, въ которомъ отзывался съ большою похвалою объ умѣ, способностяхъ и прилежаніи маленькаго Адольфа и находилъ, что своимъ развитіемъ мальчуганъ далеко превзошелъ своихъ товарищей и сверстниковъ, по большей части оборванцевъ, сыновей пролетаріевъ. Это свидѣтельство обратило на мальчика вниманіе общины и маленькій Адольфъ былъ помѣщенъ въ коллегію сначала въ Э, а потомъ въ Марсели. Община приняла на свой счетъ какъ плату за ученіе, такъ и полное содержаніе мальчика.

Всѣмъ обязанный первоначальной школѣ, Тьеръ, сдѣлавшись министромъ, естественно долженъ-бы былъ обратить серьезное вниманіе на состояніе народнаго образованія во Франціи и пристать къ партіи, требовавшей дарового и обязательнаго обученія въ первоначальныхъ школахъ. Но вышло не такъ, Тьеръ, съ особеннымъ удовольствіемъ твердившій о томъ, что онъ всѣмъ обязанъ одному себѣ, своимъ достоинствамъ, не хотѣлъ вспомнить о томъ школьномъ свидѣтельствѣ, которое открыло ему путь къ карьерѣ и безъ котораго онъ, вѣроятно, сдѣлался-бы просто ремесленникомъ. Министръ Тьеръ ровно ничего не сдѣлалъ для первоначальной школы. Напротивъ, разъ онъ даже подалъ голосъ въ пользу предложенія передать народное образованіе въ руки іезуитовъ, проще сказать, совершенно уничтожить его.

Изъ марсельской коллегіи Тьеръ вышелъ съ первой наградой. Въ коллегіи онъ былъ очень друженъ съ двумя товарищами, дружбу съ которыми онъ продолжалъ и впоследствии: съ Минье и Кремье.

По окончаніи курса въ коллегіи, Тьеръ былъ помѣщенъ своими покровителями въ юридическій факультетъ въ Э. Изучивъ право во всѣхъ тонкостяхъ, двадцати-трехлѣтній Тьеръ выступилъ на практическую арену въ Э. Но юридическія занятія какъ здѣсь, такъ и въ Марсели его не удовлетворили и онъ посѣтилъ въ Парижъ, куда влекли его честолюбивыя надежды, гдѣ онъ рассчитывалъ завоевать себѣ славу и высокое положеніе въ свѣтѣ. Онъ, конечно, счумѣлъ зацѣпиться нѣсколькими рекомендательными письмами.

Достоверно неизвестны его дорожные приключения на пути къ столицѣ. Его друзья утвѣряютъ, что на него напала и ограбила его труппа странствующихъ актеровъ. Но другіе утверждаютъ, что онъ, послѣ чтенія романа Скаррона, вздумалъ идти по стопамъ Раготэна и для этого поступилъ въ странствующую труппу актеровъ въ качествѣ комика, лучше сказать, пѣро, такъ какъ эта труппа пробавлялась болѣе арлекинадами. Должно быть эта профессія не понравилась Тьеру, такъ какъ онъ вскорѣ былъ снова уже на пути къ Парижу, при чемъ кошелекъ его былъ почти пустъ.

Вступалъ-ли Тьеръ въ странствующую труппу актеровъ или нѣтъ, но только въ Парижъ онъ прибылъ, не имѣя въ карманѣ ни гроша денегъ и нанялъ мансарду въ Латинскомъ кварталѣ, гдѣ вскорѣ соединился съ нимъ его другъ Минье.

Минье, недавно получившій премію отъ парижской академіи, былъ при деньгахъ. Желая, чтобы и другъ его заработалъ что-нибудь, онъ предложилъ ему явиться соискателемъ преміи, предложенной академіей въ Э, за похвальное слово Вовенаргу. Не долго думая, Тьеръ бросился въ бібліотеку; три дня собиралъ матеріалы, а черезъ пятнадцать дней весь трудъ его былъ оконченъ и отправленъ въ академію, согласно правиламъ, безъ подписи автора. Академія нашла, что этотъ трудъ заслуживалъ-бы преміи по своимъ литературнымъ достоинствамъ, но какъ онъ проникнуть революціонными тенденціями, то академія не можетъ присудить за него награду; произведение Тьера было лучшимъ изъ представленныхъ на конкурсъ, слѣдовательно, и прочія не заслуживали преміи; академіи пришлось назначить новый конкурсъ. Ободренный отзывомъ академіи о своемъ трудѣ, Тьеръ взялся за перо и написалъ новое похвальное слово, которое удовлетворило всѣмъ условіямъ программы и академики удостоили его преміи. Когда-же академики вскрыли конверты, въ которыхъ заключались имена авторовъ представленныхъ статей, они взглянули другъ на друга съ неприговорнымъ изумленіемъ: и первая, забракованная, и вторая, получившая премію, статьи принадлежали одному и тому-же лицу — Адольфу Тьеру. Въ публикѣ было много толковъ и смѣха по этому поводу, но молодой Тьеръ тѣмъ не менѣе добился своего—получилъ деньги. Имя его стало извѣстно. Таковъ былъ первый шагъ Тьера къ популярности. При этомъ кстати вспомнить, что скромная провинціальная, безацсонская академія выдала премію Прудону, которая также была первымъ шагомъ его къ извѣстности.

Принадлежитъ къ людямъ того закала у которыхъ болѣе таланта, чѣмъ денегъ, а честолюбія болѣе, чѣмъ политической честности и твердости

убѣжденій, молодой Тьеръ обратился къ журналистикѣ, рассчитывая, что журнальная дѣятельность скорѣе всего откроетъ ему путь къ возвышенію на политическомъ поприщѣ, куда стремились всѣ его желанія. Съ этой-же цѣлью Тьеръ сошелся съ кружкомъ людей, гдѣ либерализмъ очень удобно уживался съ реакціонерными поползновеніями. Протежируемый депутатомъ Манюлемъ, представителемъ самой передовой партіи того времени, Тьеръ передалъ своего «Вовенарга» въ редакцію газеты „Constitutionnel“. Статья Тьера была принята и напечатана.

„Constitutionnel“ въ двадцатыхъ годахъ была газета молодая, блестящая и смѣлая; она служила органомъ либеральной буржуазіи и проявляла самую серьезную оппозицію правительству, съ которой волей-неволей оно должно было считаться. Съ особенной рѣзкостью и рѣшительностью она нападала на іезуитовъ. Юный Тьеръ присталъ къ пропагандѣ противъ іезуитизма и такъ отличился своими напаками противъ нихъ, что скорѣе сталъ самымъ замѣтнымъ сотрудникомъ въ газетѣ, въ которой только что началъ свою литературную карьеру.

Журнальная работа оставляла Тьеру такъ много свободного времени, что онъ могъ серьезно заниматься исторіей. Въ 1821 году появился его первый историческій трудъ «Французская монархія». И публика и критика приняли этотъ трудъ довольно холодно. Впрочемъ, по своей поверхностности онъ и не заслуживалъ болѣе сочувственнаго приѣма.

Въ 1822 году Тьеръ собралъ свои статьи объ искусствѣ и издалъ книгу подъ заглавіемъ „Salon de 1822“, въ которой онъ съ особеннымъ одушевленіемъ привѣтствовалъ зарождающійся талантъ Делакруа. Кстати замѣтимъ, что Тьеръ всегда считалъ себя знатокомъ искусства и съ давнихъ уже поръ собираетъ картины; его всегда можно было встрѣтить на аукціонныхъ продажахъ картинъ и рѣдкостей.

О вкусахъ не спорятъ. Тьеръ, конечно, имѣлъ полное право тратить свои деньги на покупку античныхъ вазъ и произведеній фламандской живописи и считать себя въ полномъ смыслѣ слова знаткомъ искусства. Мы допустимъ охотно, что Тьеръ, сдѣлавшись продавцемъ картинъ и древностей, составилъ-бы себѣ также легко карьеру, какъ и въ политикѣ. Но ловкій и счастливый торговецъ предметами искусства можетъ самъ и не быть артистомъ, можетъ не имѣть никакого артистическаго вкуса. Когда парижскіе комуналисты издали декретъ о разрушеніи дома Тьера, внутреннее убранство котораго, по словамъ самого Тьера, стоило миллионъ франковъ, — они разрѣшили

многимъ желающимъ осмотрѣть богатство и рѣдкости, въ немъ собранныя. По отзывамъ людей безпристрастныхъ и истинныхъ знатоковъ дѣла, любопытство ихъ далеко не было удовлетворено, они нашли совсѣмъ не то, чего ожидали. Дѣйствительно, что касается комфорта обыденной жизни, въ квартирѣ Тьера онъ былъ образцовый: все было соображено и устроено до мельчайшихъ подробностей, но какъ на мебелировкѣ дома, такъ и на собраніи картинъ и рѣдкостей лежала печать самаго банальнаго вкуса. Во всемъ виднѣнъ былъ разбогатѣвшій буржуа и только. Правда, войдя въ бібліотеку, вы могли сказать, что хозяинъ этого дома по своему развитію стоитъ далеко выше какого-нибудь разбогатѣвшаго бакалейщика, но или онъ не развили свой вкусъ параллельно съ научнымъ развитіемъ, или-же развили его на весьма сомнительныхъ образцахъ.

«Принятый въ домѣ банкира Лафита, главы тогдашней оппозиціи, говоритъ Ломени, біографъ Тьера,—Тьеръ, благодаря своей способности говорить и пылкости своего южнаго воображенія, сталъ вскорѣ замѣтнымъ лицомъ на вечерахъ этого финансоваго туза. Самая наружность его неволью обращала на него общее вниманіе: маленькаго роста, съ короткой таліей, съ огромными очками на небольшомъ носу, съ провинціальнымъ акцентомъ въ голосѣ, съ постояннымъ подергиваніемъ плечъ, вѣчно размахивающій руками, безперемонный въ своихъ приговорахъ, Тьеръ казался всѣмъ большимъ оригиналомъ».

Вѣчно веселый, говорливый, неутомимый Тьеръ очень понравился Лафиту, человѣку великодушному и довѣрчивому; мало-по-малу, изъ веселаго собесѣдника онъ сдѣлался секретаремъ, довѣреннымъ лицомъ и даже совѣтникомъ знаменитаго банкира. Благодаря Лафиту, Тьеръ былъ представленъ въ свѣтъ, введенъ всюду. Онъ умѣлъ понравиться всѣмъ: одному во время польстить, другому оказать небольшую услугу. Лафитъ съ увлеченіемъ рекомендовалъ его Лафайету, ветерану первой республики; также герцогу Орлеанскому, который уже и въ то, время раздавалъ направо и налево демократическія рукопожатія и являлся въ публикѣ въ бѣлой шляпѣ съ своимъ классическимъ зонтикомъ. Тьера въ это время ободрилъ даже самъ Талейранъ, сказавшій про него: «этотъ молодой человѣкъ общаетъ многое, изъ него выйдетъ толкъ, онъ не изъ первыхъ встрѣчныхъ». Талейранъ потомъ не разъ справлялся объ успѣхахъ Тьера въ свѣтъ и охотно давалъ

ему совѣты, такъ что Тьера можно считать отчасти ученикомъ этого знаменитаго пройдохи. Принятый всюду, Тьеръ умѣлъ вездѣ держать себя независимо; съ людьми значительными, имѣвшими вѣсь, онъ обращался съ извѣстной фамильярностью; онъ входилъ въ столовую Лафита съ шляпой на головѣ; послѣ обѣда онъ располагался въ креслѣ, у камина, въ гостиной, и дремалъ полчаса, хотя вокругъ его бывало большое общество дамъ и мужчинъ: эту привычку онъ сохранилъ до сихъ поръ. Съ улыбкой добродушія и съ фальшивой искренностью, Тьеръ всегда ловко поворачивалъ разговоръ въ ту сторону, куда ему было нужно и выпытывалъ необходимыя ему тайны. Собесѣдникъ невольно увлекался его веселостью и безцеремонностію и становился вполнѣ искрененъ съ нимъ. Да трудно было и не вѣрить этому весельчаку, съ дѣтской фигуркой, который, повидимому, ни къ чему не относился серьезно и обо всѣмъ говорилъ со смѣхомъ.

Фамильярность — могущественное средство, съ помощію котораго можно много выиграть въ свѣтѣ; но оно не единственное средство; той-же цѣли можно достигнуть сдержанностью и напущенной важностью. Два знаменитые соперника—Тьеръ и Гизо (они познакомились между собой въ домѣ Лафита), достигли высокаго положенія совершенно противоположными способами; одинъ, маленькій и толстенькій, пустилъ въ ходъ фамильярность; другой, длинный и худой, — сдержанность; одинъ старался казаться добродушнымъ человѣкомъ; другой запаивался плащемъ великаго человѣка. Царствованіе Люя Филиппа навсегда останется эпохой классическаго буржуазизма. Тьеръ представлялъ тезу, Гизо—антитезу, а король-гражданинъ, прикрывая ихъ обоимъ своимъ огромнымъ зонтикомъ, образовывалъ синтезъ. Но не станемъ упреждать событій.

Какъ «Исторія жирондистовъ», Ламартина, предшествовала революціи 1848 года, такъ-же точно «Исторія французской революціи», Тьера, предшествовала и отчасти ускорила революцію 1830 года.

Въ то время молодой Тьеръ нуждался еще въ покровителяхъ и поддержкѣ; онъ обратился къ Феликсу Бодэну, одному изъ редакторовъ „Constitutionnel“а, съ просьбой помочь ему въ осуществленіи большаго труда о французской революціи; Бодэнь принималъ на себя часть работы и давалъ деньги на изданіе. Вначалѣ предпріятія, когда Тьеръ не пользовался еще извѣстностью, сотрудничество Бодэна приносило ему порядочныя выгоды и значительная часть сочиненія составлялась имъ; но, по мѣрѣ того, какъ Тьеръ пріобрѣталъ значеніе въ свѣтѣ, Бодэнь отступалъ на второй планъ: первый томъ сочиненія принадлежалъ Феликсу Бодэну и Тьеру; второй — Тьеру и Феликсу Бо-

дэну; третій-же одному Тьеру. Этотъ случай чрезвычайно характеренъ; Тьеръ во все время своей политической карьеры поступалъ такъ-же, какъ онъ поступалъ съ Бодэномъ; съ такой-же ловкостью дѣйствовалъ онъ въ салонѣ Лафита, въ палатахъ и министерствахъ при Люи-Филиппѣ, въ собраніяхъ второй имперіи и объихъ республикъ. Люи-Филиппъ, близко знавшій Тьера, выразился о немъ слѣдующимъ образомъ: «Тьеръ всегда находитъ средство влѣзть на мое мѣсто. Я ему говорю: «Г. Тьеръ, я желаю имѣть особую постель. Здѣсь, въ комнатѣ, двѣ постели; выбирайте одну, я возьму другую». — Очень хорошо! отвѣчаетъ онъ,—значить, дѣло слажено.—Я ощущаю удовольствіе, полагая, что, наконецъ, усну спокойно... я раздѣваюсь и... и нахожу, что этотъ безпокойный маленькій человѣчекъ улегся на той самой постелѣ, которую онъ мнѣ оставилъ...»

«Исторія революціи», въ особенности первый томъ, была встрѣчена сочувственно публикой и сразу завоевала себѣ популяриность. Такой успѣхъ слѣдуетъ приписать болѣе всего тому обстоятельству, что подобное изданіе было сопряжено съ нѣкоторой опасностью и могло навлечь большія непріятности его авторамъ. На заглавномъ листѣ первыхъ изданій былъ напечатанъ бюстъ республики съ фригійской шапкой на головѣ... Вся тогдашняя либеральная Франція приняла этотъ трудъ Тьера горячими рукоплесканіями.

Теперешняя критика очень холодно относится къ «Исторіи французской революціи» Тьера, находя въ ней множество непростительныхъ ошибокъ и даже мѣстами стремленіе наѣренно исказить событія. Правда, каждое послѣдующее изданіе исправлялось и передѣлывалось Тьеромъ не въ пользу сочиненія; такъ что въ сущности остался только остовъ перваго изданія; это была та-же бочка, наполненная спиртуозной жидкостью, но только въ ней съ теченіемъ времени вино буржуазнаго либерализма превратилось въ уксусъ буржуазнаго доктринерства. Въ послѣдующихъ изданіяхъ съ особенной яркостью выступаетъ идея, проходящая черезъ все сочиненіе и вполне характеризующая направленіе автора и его нравственныя тенденціи: онъ преклоняется предъ успѣхомъ, онъ считаетъ его главнымъ и единственнымъ мѣриломъ справедливости и разумности; отсюда невольное оправданіе пороковъ и даже преступленій, когда они совершались торжествующими людьми и партіями. Авторъ послѣдовательно пишетъ панегирики Мирабо, Дантону, Робеспьеру, жирондистамъ, Сен-Жюсту и т. п., но это онъ дѣлаетъ потому, что эти люди и партіи послѣдовательно одни за другими становились побѣдителями или были представителями торжествующихъ партій, но какъ только они, въ свою

очередь, подвергались поражению, авторъ относится къ нимъ съ укоризной и тотчасъ-же забываетъ объ нихъ. Такой именно выводъ представляется моралисту послѣ чтенія книги. И въ литературномъ отношеніи эта книга не представляетъ особенныхъ достоинствъ: и языкъ, и слогъ этого сочиненія слишкомъ вульгарны; невольно представляешь себѣ ея автора съ самымъ обыкновеннымъ лицомъ, съ манерами странствующаго торговца, который вторгается на *пиръ жемрондистовъ* съ такой-же безцеремонной фамильярностью, съ какой онъ являлся въ столовую Лафита, залажа руки въ карманы и имѣя шляпу на головѣ: Хотя Тьеръ своими вставками и исправленіями сильно испортилъ свое сочиненіе, но оно и въ своемъ первоначальномъ видѣ не представляло тѣхъ достоинствъ, какія требуются отъ серьезнаго историческаго труда. Оно явилось какъ разъ во время, оно дѣйствовало на политическія страсти, тѣмъ и объясняется его значительный успѣхъ. Оно выдержало десять изданій (не считая бруссельскихъ контрафакцій) и разошлось въ огромномъ числѣ экземпляровъ, но теперь о немъ забыли; его держать еще на полкахъ книжныхъ лавокъ и библиотекъ, но на немъ лежитъ толстый слой пыли; его читаютъ, можетъ быть, какіе-нибудь завзятые почитатели старины, да литераторы, которымъ приходится выставлять его, какъ образецъ политической безтактности французской буржуазіи, представитель которой Тьеръ явился Гомеромъ, поднявшимъ на высокій пьедесталъ своего Ахилла—Наполеона I-го Бонапарта!

Однакожь, слѣдуетъ отдать справедливость Тьеру: его сочиненіе, первый томъ котораго вышелъ почти пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, обработано имъ тщательно; онъ очень часто ссылается на слова и мнѣнія участниковъ этихъ событій, которые находились въ то время еще въ живыхъ, и съ которыми ему приходилось совѣтываться и бесѣдовать; въ его сочиненіи нерѣдко появляются ссылки на Талейрана, Фуа, Жомини, на многихъ изъ дѣятелей революціи и имперіи, жившихъ вдали отъ дѣлъ. Ни одинъ интересный документъ не былъ упущенъ имъ изъ виду; онъ предварительно занялся изслѣдованіемъ вопросовъ объ ассигнаціяхъ, кредитѣ, налогахъ, подрядахъ и пр., оказавшихъ большое вліяніе на ходъ дѣлъ во время революціи и первой имперіи. Онъ желалъ прежде хорошенько понять то, о чемъ онъ намѣревался говорить въ своемъ сочиненіи. «Благодаря такому изученію, говоритъ одинъ изъ біографовъ Тьера, — его тридцатитомная исторія отъ открытія генеральныхъ штатовъ до Ватерлоо составляла въ свое время родъ энциклопедіи, которой могли пользоваться люди, занимающіеся политикой, которая могла служить

руководствомъ для людей, вздыхавшихъ по мѣстамъ префектовъ и под-префектовъ». У Тьера изумительная память: что разъ узналъ онъ, того онъ не забываетъ никогда и при случаѣ всегда сумѣетъ имъ воспользоваться. Впрочемъ, Тьеръ изучаетъ все не такъ, какъ всѣ, обыкновенные смертные: ему вѣчно кажется, что онъ сдѣлалъ открытіе, что онъ изобрѣлъ то, о чемъ узналъ отъ другихъ; онъ вѣчно открываетъ и изобрѣтаетъ. Лафонтенъ останавливалъ на улицѣ прохожихъ и спрашивалъ ихъ: читали-ли они Габакука. Тьеръ дѣлаетъ не такъ; онъ внезапно проникается энтузіазмомъ къ Діогену лаэрскому, который, по его словамъ, «до сихъ поръ, кажется, почти не извѣстенъ» и снова изобрѣтаетъ Дениса галикарнаскаго. Если-бы Тьеру удалось привести въ исполненіе его обширный планъ собственнаго путешествія и онъ прогулялся-бы по улицамъ Нью-Йорка, то произошло-бы слѣдующее: возвращается Тьеръ довольный и счастливый; онъ считаетъ себя соперникомъ Христофора Колумба; онъ издаетъ книгу, изъ которой оказывается, что Америка не была-бы открыта, если-бъ въ дѣло не вмѣшался онъ, Адольфъ Тьеръ. Изъ сочиненій Тьера видно, что авторъ ихъ имѣетъ большое довѣріе къ самому себѣ, что онъ считаетъ себя большой силой. Съ такимъ убѣжденіемъ можно сдѣлать много, конечно, если оно не составляетъ продукта самохвальства и пустого тщеславія. «Тьеръ знаетъ все, говоритъ Сен-Бевъ еще въ 1841 году,—онъ говоритъ обо всемъ, смѣло разрѣшаетъ всякія затрудненія. Не задумываясь, онъ скажетъ вамъ на которомъ берегу Рейна долженъ явиться будущій великій человѣкъ и сколько гвоздей въ пушечномъ лафетѣ. Въ этомъ заключаются его недостатки. Посмотримъ теперь на его достоинства. У него умъ ясный, живой, дѣятельный и свѣжій; онъ стоитъ всегда на высшемъ уровнѣ своего времени; въ своемъ изложеніи онъ всегда ясенъ и понятенъ для каждаго»...

Современный критикъ не сказалъ-бы того-же самаго о Тьерѣ, въ особенности относительно высшаго уровня. Извѣстно, что съ 1848 г. Тьеръ ничего не узналъ новаго, онъ остановился на одномъ уровнѣ. Такой умный и развитой человѣкъ оказался неспособнымъ понять истинный смыслъ событій; онъ потерялъ прежнюю восприимчивость; все новое проскальзывало мимо него, не задѣвая его, онъ оставался съ своимъ старымъ репертуаромъ; въ его историческомъ, экономическомъ и философскомъ багажѣ ничто не измѣнилось втеченіи двадцати лѣтъ. Онъ какъ-бы умеръ для нашего времени, онъ точно выходецъ съ того свѣта, мыслящій и дѣйствующій, какъ мыслили и дѣйствовали люди въ то время, какъ онъ дѣйствительно жилъ. Онъ

умеръ въ 1853 году и погребенъ въ Твикенгэмѣ, въ гробницѣ Люи-Филиппа вмѣстѣ съ своимъ другомъ Гизо, старымъ герцогомъ Броули и Одвлонемъ Барро. Онъ умеръ, въ этомъ никто не сомнѣвается, между тѣмъ никто не хочетъ тому вѣрить. И это вовсе не исключеніе, это скорѣе общее правило. Самое трудное въ мірѣ, это—вѣрно опредѣлить моментъ перехода отъ жизни къ смерти...

Но возвратимся къ Тьеру того времени, когда онъ былъ вполнѣ живой человекъ. Его «Исторія революціи», такъ-же какъ и нѣкоторыя другія его произведенія, обнаруживаетъ тайну, почему изложеніе Тьера отличалось дѣйствительно замѣчательной ясностью и удобопонятностью, почему читатель не находилъ въ ней такихъ мѣстъ, которыя невольно заставляли-бы его задумываться и пытаться разрѣшить дилемму: отчего событія сложились такъ, а не иначе? отчего извѣстное лицо дѣйствовало въ одномъ случаѣ честно, а въ другомъ обнаружило коварство и пустило въ ходъ ложь? Нашъ историкъ, съ безцеремонностью, характеризующею его и въ политикѣ, въ біографіяхъ лицъ, дѣйствующихъ въ его разсказѣ, и въ самомъ перечнѣ событій или опускаетъ все, что ему не нравится и что онъ самъ плохо понимаетъ, или иное измѣняетъ по своему произволу. Такимъ образомъ, въ его историческое изложеніе вкрадываются неточности, не-правильности, и даже ложь, но за то достигается гладкость стиля, ясность и простота, — именно тѣ достоинства, которыхъ добивался авторъ, отодвигая правду на задній планъ. Многіе наивные люди увѣряютъ, что правда проста, что ничего не можетъ быть проще правды... Но вѣдь извѣстно, что такъ мыслить только мечтатели... Люди же ловкіе и практическіе разсуждаютъ иначе; они находятъ, что правда облечена таинственностью, что скрыта она за семью замками и добыть ее оттуда очень трудно. Вѣроятно, раздѣляя это убѣжденіе Тьеръ и не гонится особенно за правдой... онъ часто упрощаетъ ее до самаго простѣйшаго выраженія, до полнаго ея отсутствія.

Тайна успѣха Тьера заключается именно въ томъ, что онъ умѣетъ быть проще самой правды, умѣетъ ловко придать правдоподобіе очевидной лжи. Это искусство не разъ давало ему побѣду во время парламентскихъ преній. Его слушатели и читатели, довольные тѣмъ, что они такъ легко понимаютъ доводы знаменитаго оратора и писателя, вѣрятъ въ ихъ разумность и правдивость, хотя за минуточку готовы были признать ихъ абсурдными или лживыми. Какой-нибудь ограниченный лавочникъ, съ трудомъ ведущій свои счетныя книги, принимается за чтеніе книги Тьера съ полной увѣренностью, что онъ ничего въ ней не пойметъ; берется-же онъ за нее потому, что на

него напала скука и ему хочется чѣмъ-нибудь развлечь себя. И вдругъ, къ его изумленію, въ этой книгѣ для него все ясно и многое, что онъ, въ простотѣ своей души, считалъ до сихъ поръ чернымъ, оказывается бѣлымъ и на оборотъ. Въ восхищеніи онъ бѣжитъ къ своей дражайшей половинѣ и говоритъ ей, тономъ авторитета: «А знаешь-ли, Бябишь, теперь я начинаю раздѣлять убѣжденія нашего великаго Тьера. Да, другъ мой, только я, да г. Тьеръ вполне понимаемъ другъ друга и понимаемъ вещи такъ, какъ онѣ есть!»

Не удивительно, по этому, что всѣ десять изданій «Исторіи революціи» находили массу читателей и этой книги разошлось болѣе 150,000 экземпляровъ. Она перепутала убѣжденія у многихъ людей; внесла колебанія въ ихъ воззрѣнія и болѣе всего способствовала распространенію во Франціи шатуновъ, т. е. людей, не имѣющихъ никакихъ опредѣленныхъ убѣжденій и готовыхъ пристать ко всякой партіи при томъ, впрочемъ, условіи, чтобы она была торжествующей.

Когда Тьеръ окончилъ свою «Исторію французской революціи» ему было тридцать лѣтъ отъ роду. Въ это время имя его приобрѣло уже большую популярность и достаточно сильное вліяніе въ свѣтѣ. Но онъ еще не испробовалъ политической административной дѣятельности, къ которой стремились всѣ его помыслы и пожеланія.

Маленькій ростомъ Наполеонъ I или Буонаберди, султанъ европейскихъ франковъ, какъ называетъ его Викторъ Гюго, принявъ своимъ девизомъ: «Великъ, какъ міръ!» Этотъ Наполеонъ, какъ извѣстно, былъ героемъ и образцомъ Тьера, который, подобно своему идолу, задумалъ покорить міръ, но не силой орудія, а своими путешествіями. Антрепренеры-спекуляторы предложили Тьеру написать «Всеобщую исторію міра». Обширность труда не утратила Тьера. Недостатокъ своихъ знаній онъ рассчитывалъ пополнить продолжительнымъ путешествіемъ, которое поможетъ ему собрать необходимыя свѣденія. Онъ уже купилъ себѣ мѣсто на какомъ-то пароходѣ, когда 5 августа 1829 года явился декретъ о назначеніи министерства Полиньяка. Этимъ назначеніемъ объявлялась война націи и приостанавливалось дѣйствіе конституціонной хартіи. Умы взволновались, въ воздухѣ нависли тучи, предчувствовалось приближеніе грозы... Враждебныя партіи стояли другъ противъ друга, намѣреваясь вступить въ ожесточенный бой. Въ такой рѣшительный моментъ человѣку, желавшему

играть политическую роль, не приходилось отправляться въ Индію. Тьеръ, бывшій до сихъ поръ замѣтнымъ борцомъ въ лагерѣ противниковъ легитимизма, понялъ, что для его дѣятельности открывается широкое поле и, конечно, остался во Франціи.

Въ то время, какъ мы уже замѣтили, Тьеръ пользовался извѣстностью въ литературѣ. Виѣстѣ съ своимъ другомъ Минье и республиканцемъ Арманомъ Каррелемъ, онъ основалъ газету «National» съ строго-оппозиціоннымъ направленіемъ. «National» сразу приобрѣлъ массу читателей и очень долго пользовался громаднымъ значеніемъ въ странѣ. При Карлѣ X и Люи-Филиппѣ онъ былъ едва-ли не лучшей изъ французскихъ газетъ, но послѣ 1848 года онъ перешелъ въ руки реакціонеровъ.

Въ «National'ѣ» Тьеръ провозгласилъ знаменитую фразу: «король царствуетъ, но не управляетъ», ставшую исторической, и вполне выразившую собой конституціонную теорію, полную противорѣчій и всевозможныхъ фикцій.

Въ февралѣ 1830 года «National» рѣшился на смѣлую выходку: онъ заявилъ о кандидатурѣ на тронъ герцога Орлеанскаго. Естественно за этимъ послѣдовалъ процессъ, осужденіе, тюрьма, громадный штрафъ и энтузіазмъ либеральной буржуазіи, весьма охотно уплатившей всѣ издержки процесса. Герцогъ Орлеанскій, разумѣется, поспѣшилъ заявить, что онъ не причастенъ этому скандалу, что ему крайне непріятна эта странная выходка его приверженцевъ и что онъ торжественно выражаетъ имъ свое негодованіе.

Въ іюлѣ «National» поднялъ тонъ и каждый день твердилъ, что правительство желаетъ произвести государственный переворотъ: оно пока еще не осмѣливается рѣшиться на эту мѣру, но, рано или поздно, непременно рѣшится. Тѣмъ не менѣе Тьеръ, въ это время управлявшій оппозиціей, не переставалъ твердить, что сопротивленіе должно быть легальное, чисто легальное, строго легальное. Однакомъ, когда появились знаменитые *приказы* Полиньяка, Пейроне и ихъ товарищей, утвержденные королемъ, Тьеръ взялъ на себя заботу организовать протестъ. Протестующіе намѣревались напечатать свой протестъ въ газетахъ, но сдѣлать его анонимнымъ. «Нѣтъ, господа, такимъ путемъ мы ничего не подѣлаемъ, сказалъ Тьеръ,—подишемся всѣ подъ нѣшимъ протестомъ; правда, мы жертвуемъ своими головами, но иначе мы не можемъ рассчитывать на успѣхъ». Смѣлое предложеніе Тьера было принято съ энтузіазмомъ.

Слѣдующіе за тѣмъ три дня Тьеръ скрывался въ Монморанси, такъ какъ отданъ былъ приказъ арестовать его; но 29 іюля вечеромъ онъ

снова былъ въ Парижѣ и раздавалъ сражавшимся прокламацію, въ которой исчислялись достоинства герцога Орлеанскаго, въ то время посылавшаго эстафету за эстафетой къ Карлу X съ увѣреніями въ своей преданности.

Въ ночь съ 30 на 31 іюля, Тьеръ, Лафитъ, генералы Жераръ и Себастиани импровизовали депутацію, которая отъ имени народа вручила диктатуру герцогу Орлеанскому, и 1 августа утромъ Франція узнала, что Люи-Филиппъ Орлеанскій назначенъ намѣстникомъ королевства. 8 августа, когда во всѣхъ углахъ Франціи уже восторжествовала революція, герцогъ Орлеанскій, по настоянію своихъ приверженцевъ, объявилъ себя королемъ французовъ. Тьеръ былъ вознагражденъ званіемъ государственнаго совѣтника и крупнымъ мѣстомъ въ министерствѣ финансовъ. Съ этого момента начинается владычество либеральной буржуазіи, составившее знаменательную эпоху въ лѣтописяхъ новѣйшей цивилизаціи.

II.

Во Франціи водворилась система парламентаризма. Тьеръ понималъ, что теперь необходимое всего хлопотать о томъ, чтобы попасть въ палату. Онъ представился кандидатомъ въ своемъ родномъ городѣ и былъ выбранъ почти единогласно.

Въ палатѣ на первое время Тьеръ помѣстился между самыми рѣшительными и горячими прогрессистами, требовавшими немедленныхъ реформъ, широкаго примѣненія принциповъ первой революціи и твердой, рѣшительной и воинственной вѣтшей политики. Въ это время проявился блистательный ораторскій талантъ Тьера. Въ своихъ пылкихъ рѣчахъ онъ старался провести идею, что военная слава скорѣе всего будетъ способствовать прочному утвержденію во Франціи династіи короля-гражданина. Тьеръ желалъ, чтобы французскія арміи тотчасъ-же перешли Рейнъ, перешли Альпы, освободили Бельгію, Италію, чтобы прошли Германію, внося всюду, вмѣстѣ съ грохотомъ пушекъ, проповѣдь буржуазнаго либерализма. Но Люи-Филиппъ, самъ знакомый съ случайностями войны, въ которой участвовалъ въ своей молодости, вовсе не желалъ бросаться сломя голову въ рискованныя предпріятія; по своей натурѣ онъ прочнее предпочиталъ блестящему и намѣревался держаться благоразумной и осторожной политики. Онъ оставался глухъ къ воинственнымъ воззваніямъ своихъ пылкихъ приверженцевъ; съ иронической улыбой

выслушивалъ ихъ романтическія восторженныя изліянія и, мало-помалу, убѣдилъ французскую буржуазію, все еще бредившую завоеваніями и воинскою славой, что время героическихъ безумствъ уже прошло и что гораздо лучше построить прочный комфортабельный домъ и поселиться въ немъ, чѣмъ рыскать по большимъ европейскимъ дорогамъ, отыскивая приключеній. Надо полагать, что Люи-Филиппъ умѣлъ говорить убѣдительно, потому что всинствѣнный пылъ французской либеральной буржуазіи вскорѣ остылъ и она охотно послѣдовала за своимъ королемъ по тому пути, который онъ ей предложилъ.

Въ этотъ первый періодъ своей парламентской дѣятельности, Тьеръ взялъ себѣ за образецъ ораторовъ національнаго конвента и вполне усвоилъ себѣ ихъ манеру говорить. Это замѣтилъ еще Бальзакъ въ своемъ «Revue de Paris». Бальзакъ не долбилъ Тьера, но удивлялся его таланту, и, кажется, отчасти имѣлъ его въ виду, создавая свой типъ Растиньяка, который безъ копейки въ карманѣ пришелъ въ Парижъ и въ первый-же день, проходя по городу, далъ себѣ слово добиться господства въ немъ, чего и достигъ, благодаря своему образованію, уму, граціи, сильной волѣ и безцеремонности въ вопросахъ совѣсти.

«Г. Тьеръ дебютировалъ на трибунѣ въ качествѣ революціонера, говорить Бальзакъ;— съ своей южной пылкостью онъ подражалъ дантоновскому краснорѣчію и подражалъ очень удачно; но вскорѣ онъ убѣдился, что громкія фразы, величественныя движенія какъ-то нейдутъ къ его тонкому, хриплому, слабому голосу, къ его маленькой фигуркѣ. Вѣроятно, по совѣту Талеѣрана, онъ измѣнилъ тонъ своихъ рѣчей, измѣнилъ манеру говорить: его рѣчи стали холоднѣе, онъ видимо заботился о точности и ясности выраженій и уже несравненно рѣже прибѣгалъ къ пафосу... Въ нихъ сталъ замѣтенъ характеръ добродушія, веселости, шутливости... Въ его способѣ третировать враговъ нѣтъ ни презрѣнія къ людямъ, которымъ отличался Наполеонъ, ни англійскаго лицемерія Кромвеля... вы видите, что предъ вами говоритъ провансалець, въ характерѣ котораго уживаются дерзость, эластичность, впечатлительность и беззаботность».

Съ этого времени Тьеръ вырабатываетъ въ себѣ ораторскую манеру, въ которой не имѣетъ себѣ соперника, и о которой мы уже упомянули въ прошлой книжкѣ «Дѣла». Вотъ что говоритъ Рокеплавъ, одинъ изъ біографовъ и критиковъ Тьера, о характерѣ его краснорѣчія:

«Я поступаю, сказалъ мнѣ разъ Тьеръ, какъ хирурги, которые соглашаются служить въ госпиталяхъ за ничтожное жалованье: здѣсь они набиваютъ себѣ руку въ производствѣ операцій и впоследствии ихъ пациенты щедро вознаграждаютъ ихъ за годы опытовъ и ученія. Я стараюсь говорить со многими людьми объ известномъ предметѣ, я завожу рѣчь и въ ту и другую сторону, я встрѣчаю противорѣчія, я вступаю въ споръ; такъ я провожу въ разговорахъ цѣлое утро и къ сбѣгу у меня уже готова рѣчь, которую я долженъ сказать въ палатѣ. Я натягиваю на себя нагрудникъ, и прежде, чѣмъ выйду на дуэль съ противникомъ, фехтую нѣсколько времени съ своимъ другомъ и, такимъ образомъ, набиваю себѣ руку». Какъ ни странно это покажется, но я утверждаю, что такой способъ составлять рѣчи практикуется Тьеромъ потому, что нашъ ораторъ обладаетъ небольшимъ запасомъ знаній... Онъ примѣняетъ къ краснорѣчю и исторіи тѣ-же приемы, какіе прилагаютъ къ своимъ работамъ Скрибъ, Орасъ Верне и другіе, т. е. самые легкіе, не требующіе большого труда и изъ ихъ рукъ выходятъ произведенія по плечу невзыскательной публикѣ».

Впрочемъ, Тьеръ, измѣнивъ стиль и манеру своего краснорѣчія, измѣнилъ вмѣстѣ съ тѣмъ и самое направленіе своихъ рѣчей. Разставшись съ страстнымъ краснорѣчіемъ, дѣйствующимъ на сердце и чувство, онъ пересталъ быть народнымъ трибуномъ и сдѣлался ораторомъ патриціевъ. Теперь, когда плебеи уже не обладали прежнимъ значеніемъ, образцомъ его сдѣлались дѣятели тернидорскаго переворота; онъ постарался забыть, что еще недавно бралъ себѣ за образецъ Дантона.

Перемѣна-же эта явилась результатомъ положенія, созданнаго себѣ торжествующей либеральной буржуазіей. Лафитъ, глава либеральной буржуазіи, идолъ народа, въ 1830 году былъ моральнымъ диктаторомъ страны. Если-бъ онъ захотѣлъ, послѣ побѣды іюльской революціи во Франціи была-бы провозглашена республика; а буржуазія приняла-бы ее съ охотой. Ея представители, и въ числѣ ихъ Тьеръ, толковали о конституціи, подобно той, которая дѣйствуетъ въ швейцарскихъ кантонахъ Бернѣ или Женевѣ. Тьеръ въ своихъ стагяхъ до іюльской революціи не разъ проговаривался объ этомъ. Но Лафитъ и его друзья, одержавъ побѣду, рѣшили, что лучше пойти на компромисъ съ побѣжденными. Большая часть изъ нихъ, въ особенности самъ Лафитъ дѣйствовали вполне искренно, безъ всякой задней мысли. Они рѣшили, что Францію скорѣе всего умиротворитъ конституціонная монархія, которая можетъ удовлетворить республиканцевъ сво-

нии республиканскими учреждениями и демократической внутренней политикой; монархисты-же будут довольны, что Франція осталась монархіей и во внѣшнихъ сношеніяхъ будетъ держаться вполне монархической политики. Лафитъ былъ убѣжденъ, что герцогъ Орлеанскій будетъ такимъ королемъ, противъ котораго не могутъ ничего сказать ни монархисты, ни республиканцы. Монархисты не станутъ противиться потому, что Люи-Филиппъ все-таки Бурбонъ; республиканцы потому, что Орлеанская фамилія торжественно заявляла о своихъ республиканскихъ убѣжденіяхъ и симпатіяхъ. Добродушный, честный Лафитъ забывалъ объ одномъ, что онъ предлагалъ каждой партіи оставить свои принципы и удовлетвориться сдѣлкой, результаты которой совершенно зависѣли отъ характера будущаго короля и, смотря по обстоятельствамъ, могли дѣйствительно быть благопріятными и умиротворить край, но такъ-же легко могли выйти и плачевными. Лафитъ предвидѣлъ это возраженіе и потому, въ своей прокламаціи къ народу, воздвигнувшему баррикады, онъ говорилъ: «Клянусь вамъ, что Люи-Филиппъ Орлеанскій вполне честный человекъ! Я клянусь, что этотъ король будетъ строго держаться конституціонной хартіи! Клянусь, что монархія при этомъ королѣ будетъ лучшей изъ республикъ!»

Повторяемъ, что давая эту клятву, честный Лафитъ дѣйствовалъ вполне искренно. Въ эту минуту ему не пришло на мысль, что онъ беретъ на себя обязательство, во всякомъ случаѣ, поддерживать новый порядокъ; что могутъ встрѣтиться обстоятельства, при которыхъ онъ, по своему внутреннему сознанію, долженъ будетъ протестовать, а право протеста отъ него отнималось, такъ какъ онъ заранѣе объявилъ, что поводовъ къ нему быть не можетъ. Что въ дѣйствительности и случилось.

Вмѣстѣ съ провозглашеніемъ во Франціи конституціонной монархія Лафитъ былъ назначенъ президентомъ совѣта министровъ; онъ сталъ другомъ, менторомъ, политическимъ опекуномъ Люи-Филиппа, который публично оказывалъ ему знаки величайшаго довѣрія, но въ душѣ его сильно не долюбивалъ. Извѣстно, что признательность тяготитъ человека, всѣмъ обязаннаго другому, въ особенности, если низшій обязанъ высшаго по положенію. Люи-Филиппу было неприятно думать, что онъ всѣмъ обязанъ Лафиту; королю было тяжело вѣчно видѣть предъ собой фигуру министра-опекуна и часто противъ желанія соглашаться съ его предложеніями. Люи-Филиппъ сначала довольно терпѣливо сносилъ присутствіе Лафита, но когда рѣшительная надобность въ немъ миновала, король сталъ явно выказыв-

вать ему свое неудовольствіе. Лафитъ понялъ желаніе короля и подалъ въ отставку. Отставка, конечно, была принята.

Тьеръ, тѣсно связанный съ Лафитомъ, при назначеніи Лафита президентомъ совѣта министровъ, былъ сдѣланъ официально секретаремъ министерства и оставался по-прежнему другомъ и совѣтникомъ своего покровителя. Но когда кабинетъ Лафита палъ, Тьеръ не послѣдовалъ за нимъ въ его паденіи; напротивъ, къ удивленію всей Франціи, онъ возвысилъ свой голосъ противъ своего сверженнаго патрона. Онъ сталъ ревностно осуждать политическую систему павшаго министерства, заговорилъ противъ радикальныхъ реформъ, сталъ толковать о злоупотребленіи свободой; онъ уже болѣе не требовалъ завоевательной политики, напротивъ, онъ сталъ увѣрять, что теперь необходимо всего держаться политики мирной и невмѣшательства въ дѣла сосѣднихъ государствъ. Въ его рѣчахъ уже появилась фраза, что необходимо водворить разшатавшійся порядокъ; онъ заговорилъ о возстановленіи наследственнаго царства, что сильно возбудило противъ него либераловъ. Онъ возсталъ противъ предложенія бельгійцевъ присоединиться къ Франціи, забывая, что шесть мѣсяцевъ тому назадъ самъ требовалъ завоеванія Бельгіи. Противъ присоединенія высказывались собственники каменноугольныхъ копей, которые боялись конкуренціи бельгійскихъ производителей и Тьеръ не рѣшился идти противъ нихъ, потому что чувствовалъ ихъ силу. Точно также поступилъ онъ и въ вопросѣ о свободномъ обществѣ. Въ прошлое царствованіе онъ издалъ брошюру «Путешествіе въ Пиринеи», въ которой является пропагандистомъ свободнаго общества; теперь онъ вдругъ превратился въ протекціониста.

Это внезапное, превращеніе какъ нельзя лучше устроило личные дѣла Тьера: онъ получилъ мѣсто въ кабинетѣ Казимира Перье. Выступивъ противъ Лафита Тьеръ, предчувствовалъ, что его бывший покровитель окончателно сошелъ съ политической сцены, и, продолжая поддерживать его политику, Тьеръ рисковалъ самъ остаться не у дѣла, по крайней мѣрѣ, не получить министерскаго портфеля. Вскорѣ Тьеръ выказалъ неблагодарность также и къ своему политическому крестному отцу, депутату Манюэлю. Въ томъ самомъ «Constitutionnel'ѣ», который открылъ ему политическую карьеру и въ который онъ былъ введенъ Манюэлемъ, Тьеръ ополчился противъ новаго избранія въ депутаты своего бывшего товарища.

Въ тотъ моментъ, когда Тьеръ сталъ министромъ, положеніе іюльской монархіи было не особенно блистательное; новая монархія, обаянная своимъ существованіемъ баррикадамъ, въ періодъ 1831 — 34 года встрѣчала большія затрудненія для своего упроченія. Республиканцы и легитимисты, считавшіе, что ихъ обманули, что компромились, на который они пошли, послужилъ вовсе не для умиротворенія *всѣхъ* партій, а только для удовлетворенія честолюбивыхъ стремленій одной партіи и извѣстныхъ лицъ, подняли возстаніе каждая за свое дѣло. Здѣсь не мѣсто входить въ оцѣнку правоты или не правоты ихъ протеста, мы займемся только той ролью, которая выпала на долю Тьера при этихъ обстоятельствахъ. Въ новомъ министерствѣ Тьеръ явился представителемъ воинствующей идеи противъ внутреннихъ враговъ. Возстаніе вспыхнуло въ Парижѣ, Лионѣ и Вандеѣ. Сперва Тьеръ обратилъ свое оружіе противъ легитимистовъ. Герцогиня Беррійская, по своему романтическому характеру и мужеству сходная съ экс-королевой неаполитанской, нѣсколько лѣтъ тому назадъ защищавшей Гаэту, — герцогиня Беррійская, съ своимъ бѣлымъ знаменемъ развѣзжала по Бретани и Анжу, поднимая вездѣ возстаніе. «Дѣти шуановъ, слѣдуйте за мной, я мать вашего короля!» говорила она, и толпы слѣдовали за нею. Надобно было добыть ее во что-бы то ни стало. Жидъ Деютцъ продалъ Тьеру принцессу за 500 тысячъ франковъ. Героиня легитимистскаго дѣла, беременная, была посажена въ тюрьму въ Блэ, гдѣ и разрѣшилась. Когда-же легитимистская партія была окончательно побѣждена, Тьеръ выпустилъ принцессу изъ заключенія и выслалъ за границу. Легитимисты недавно напомнили Тьеру объ этомъ случаѣ. Франлье, Дагирель, Белькастель и нѣкоторые другіе, вотируя 24 мая противъ Тьера, кричали ему: «Вспомните герцогиню Беррійскую:»

Послѣ пораженія легитимистовъ, Тьеръ принялся за республиканцевъ. Тьеръ хорошо зналъ силы республиканской партіи, такъ какъ еще недавно самъ находился въ ея рядахъ, вмѣстѣ съ Арманомъ Каррелемъ, работая въ «National'ѣ». Каррель остался вѣренъ своимъ принципамъ и когда ему предложили министерскій постъ въ министерствѣ Перье, онъ отказался, предпочитая оставаться въ оппозиціи, пока властвуетъ буржуазія. Тьеръ зналъ, говоримъ мы, силу республиканской партіи, но такъ-же точно онъ зналъ и ея слабыя стороны. Уже въ 1830 году онъ формулировалъ слѣдующую теорію французской буржуазной партіи: «буржуазія должна показывать видъ, что она либеральна въ высочайшей степени и быть въ дѣйствительности либеральной на столько, сколько позволяютъ ей ея собственные инте-

ресы. Она должна взять своимъ девизомъ: *порядокъ и свобода!* Съ помощью этихъ двухъ магическихъ словъ, Тьеръ всегда одерживалъ побѣды въ борьбѣ съ постоянными врагами буржуазіи: легитимистской аристократіей и республиканцами. Противъ республиканцевъ французская буржуазія дѣйствуетъ словомъ «порядокъ», противъ аристократіи—«свобода». Когда аристократія настолько усиливается, что начинаетъ стѣснять матеріальные и моральные интересы буржуазіи,— французская буржуазія, показывая видъ, что въ своей оппозиціи она не выходитъ изъ легальныхъ границъ, начинаетъ кричать: «свобода! свобода! необходимо защищать свободу!» Возбужденный такими воззваніями, французскій народъ ополчается противъ аристократіи. Аристократія побѣждена, буржуазія начинаетъ твердить, что свобода утвердилась теперь на вѣки, и что остается только укрѣпить порядокъ. И во имя укрѣпленія этого порядка буржуазія соединяется съ обезсиленной аристократіей и вмѣстѣ съ нею обращается противъ народа, снова ограничиваетъ его права и т. д. Такимъ образомъ, въ выигрышѣ всегда остается буржуазія, а аристократія и народъ служатъ ея орудіями. Исторія Франціи съ конца прошлаго столѣтія до нашего времени состоитъ изъ постоянно сменяющихся одинъ другой кризисовъ и переворотовъ. Французская буржуазія по-очередно соединяется то съ аристократіей, то съ народомъ, и въ результатѣ оказывается, что выигрываетъ она, а проигрываютъ ея союзники, несмотря на то, что временами они одерживаютъ надъ нею побѣду.

Дѣятельность Тьера, какъ министра, была по истинѣ изумительна. Молодой, сильный организмъ его, повидимому, не чувствовалъ усталости. Тьеръ бывалъ вездѣ, вмѣшивался во все. Онъ объявляетъ войну Голландіи. Изъ своего кабинета онъ руководитъ, или, по крайней мѣрѣ, думаетъ, что руководитъ, осадой Анвера; изъ Парижа онъ заправляетъ экспедиціями въ Алжиръ противъ арабовъ; въ самомъ Парижѣ онъ зорко слѣдитъ за тѣмъ, чтобы снова не воздвигнулись баррикады. Онъ издалъ законы, ограничивающіе право сходовъ, право ассоціацій; онъ составилъ проектъ обороны Франціи въ случаѣ вторженія въ нее непріятеля; онъ внесъ предложеніе о стратегическихъ и промышленныхъ дорогахъ; онъ поощрялъ буржуазію къ обогащенію, развивая биржевыя операціи, и положилъ начало той биржевой игрѣ, которая впоследствии, развившись до ужасающихъ размѣровъ, утвердила господство бонапартизма второй имперіи. Чтобы польстить національному шовинизму, Тьеръ поставилъ на вандомской колонѣ статую маленькаго капрала въ его классическомъ сѣромъ сюртукѣ и треугольной шляпѣ; онъ окончилъ триумфальную арку на площади Звѣз-

ды. Для легитимистовъ онъ поставилъ памятникъ на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ убитъ герцогъ Беррійскій. Ни одна болѣе или менѣе серьезная бумага не выходила изъ его министерства безъ его просмотра. Полицейскіе агенты ему лично доставляли рапорты о городскихъ событіяхъ отъ кабака и мастерской ремесленника до аристократическихъ салоновъ и домовъ посланниковъ; ежедневно онъ диктовалъ нѣсколько депешъ префектамъ и дипломатамъ, не пропускалъ ни одного заведенія совѣта министровъ; ежедневно онъ бывалъ у короля; очень часто посѣщалъ м-ль Аделанду, весьма довѣренное лицо Люи-Филиппа; постоянно бывалъ въ палатѣ; бесѣдовалъ съ разными болтунами для пополненія недостающаго матеріала для своихъ рѣчей, которыя онъ долженъ былъ говорить въ палатѣ. Затѣмъ, желая отдохнуть отъ государственныхъ дѣлъ, Тьеръ садился въ карету и ѣздилъ по мастерскимъ художниковъ, чаще другихъ посѣщая Верне, Делакура и Делароша. По дорогѣ онъ заѣзжалъ иногда къ Вятэ, чтобы поспорить съ нимъ объ археологій или къ Віоле, чтобы побесѣдовать объ архитектурѣ. Вечеромъ онъ ѣздилъ въ театръ посмотрѣть пьесы Скриба, въ антрактахъ онъ назначалъ свиданія инженерамъ, толкуя съ ними о дорогахъ и мостахъ, банкирамъ, администраторамъ и др.

Однимъ словомъ, Тьеръ считалъ себя всеобъемлющимъ гевіемъ. Онъ зналъ все и даже болѣе, чѣмъ все, и, что еще удивительнѣе, онъ имѣлъ время дѣлать все, что до него касалось и даже то, до чего ему не было никакого дѣла. Тамъ онъ приказывалъ, здѣсь совѣтовалъ, съ однимъ шутилъ, съ другимъ спорилъ о положеніяхъ Декарта или тономъ авторитета рѣшалъ чья кисть создала ту или другую древнюю картину: Монтеня, Орканья, Мурильо или Канильо. Вездѣ поспѣвающій, онъ видѣлъ все, слышалъ все и всегда умѣлъ пользоваться добытымъ матеріаломъ. Онъ былъ всезнающій, вездѣсущій министръ; отъ его вниманія ничто не укрывалось.

Съ 1832 по 1840 годъ происходили непрерывные министерскіе кризисы. Тьеръ переходилъ изъ одного министерства въ другое; выходя изъ министерства черезъ дверь, онъ тотчасъ-же входилъ въ окно. Конечно, много было комическаго въ этомъ вѣчномъ спорѣ за президентство въ совѣтѣ министровъ, въ которомъ Тьеръ являлся не изъ числа умѣренныхъ, но, тѣмъ не менѣе, эти пререканія сильно вліяли на ходъ дѣла и ни въ какомъ случаѣ не улучшали ихъ. Бѣдный король Люи-Филиппъ рѣшительно терялъ голову когда ему приходи-

лось дѣлать выборъ: Казимиръ Перье, герцогъ Бралья, Молэ, старикъ Сультъ, Тьеръ, Гизо послѣдовательно сибѣняли одинъ другого. Въ концѣ концовъ, король, палаты, страна устали отъ этой борьбы личностей и не разъ выражали свое негодованіе, но ничего не могли подѣлать. Во все царствованіе Люи-Филиппа продолжалась безцѣльная борьба между двумя первыми министрами Тьеромъ и Гизо; между лѣвымъ центромъ Тьера и правымъ центромъ Гизо. Съ 1832 по 1840 годъ Тьеръ былъ преимущественно вверху, а съ 1840 по 1848 годъ—внизу.

Апогеемъ политики Тьера во время царствованія Люи-Филиппа несомнѣнно было его президентство въ кабинетѣ, извѣстномъ подъ именемъ кабинета 1 марта (1840 года).

Люи-Филиппъ предпочиталъ мирную политику воинственной въ сношеніяхъ съ иностранными государствами отчасти, если не преимущественно, потому, что дома, во Франціи, у него было далеко не спокойно: правительство не могло удовлетворить ни одну партію, кромѣ буржуазной въ строгомъ смыслѣ этого слова. Значеніе Франціи въ Европѣ также умалялось съ каждымъ годомъ, что, конечно, еще болѣе возбуждало неудовольствіе противъ правительства. Въ Англіи въ то время руководилъ дѣлами лордъ Пальмерстонъ, создавшій свою огромную популярность въ странѣ, тѣмъ, что онъ умѣлъ во время подставлять ногу иностраннымъ государствамъ и въ особенности за то, что онъ при всякомъ удобномъ случаѣ унижалъ Францію. Вездѣ, гдѣ только англійская дипломатія встрѣчалась съ французской, послѣдняя оставалась въ проигрышѣ. Французскіе дипломаты вели длинные переговоры, хитрили на всѣ лады и, проведенные, какъ школьники, всегда бывали вынуждены еще просить извиненія у своихъ соперниковъ за то, что осмѣлились становиться имъ на дорогѣ. Лордъ Пальмерстонъ вертѣлъ французскими дипломатами во всѣ стороны, какъ ему хотѣлось. Патриотическое чувство французовъ возмущалось такимъ униженіемъ французской дипломатіи. Общественное мнѣніе страны требовало, чтобы правительство возвысило свой голосъ въ сношеніяхъ съ иностранцами, чтобъ оно заговорило тѣмъ тономъ, какой приличенъ первостепенной державѣ. Люи-Филиппъ, опасаясь, чтобы неудовольствіе его подданныхъ не обнаружилось болѣе опасными симптомами, убѣждалъ Тьера дѣйствовать рѣшительнѣе во внѣшней политикѣ, тѣмъ болѣе, что возвышеніе тона за-границей позволить возвысить его у себя, дома, напримѣръ, при обсужденіи закона о выборной реформѣ, которое было на очереди.

Важнѣйшимъ событіемъ того времени было возмущеніе египетскаго

хедива, Мехмета-Али, противъ своего сюзерена, турецкаго падишаха. Французская дипломатія, неизвѣстно по какимъ соображеніямъ, полагала, что раздробленіе Турціи будетъ полезно для интересовъ католицизма. Англійская дипломатія, напротивъ, утверждала, что цѣлость Турціи необходима для сохраненія европейскаго равновѣсія. Франція взяла сторону Египта; Великобританія — Турціи. Тьеръ приказалъ мобилизовать не только дѣйствующую армію, но даже и національную гвардію; привести флотъ въ боевое положеніе. Онъ старался дѣлать, какъ можно больше шума; безпрестанно твердилъ о важности для цивилизаціи египетскаго вопроса и показывалъ такое воинственное настроеніе, что одно время во всей Франціи о немъ говорили, какъ о героѣ, желавшемъ вернуть странѣ ея прежніе славные дни. Всѣ ожидали, что Франція начнетъ войну на морѣ и на сушѣ, что весной будетъ посланъ десантъ въ Италію.

И чтобы еще болѣе утвердить публику въ увѣренности, что правительство серьезно думаетъ о войнѣ, Тьеръ, именемъ короля, представилъ въ палату проектъ закона объ укрѣпленіи Парижа. Въ своей краснорѣчивой рѣчи первый министръ доказывалъ необходимость этихъ укрѣпленій, такъ какъ онѣ сдѣлаютъ Парижъ недоступнымъ въ случаѣ вторженія непріятели во Францію и несчастныхъ военныхъ дѣйствій, которыя заставятъ французскую армію отступить и открыть Парижъ. Оппозиція сильно противилась этому проекту; она твердила, что укрѣпленія, какъ-бы сильны они ни были, не могутъ воспрепятствовать блокадѣ, въ которой будутъ держать столицу непріятельскія арміи, и заставятъ ее сдаться вслѣдствіе голода. По этому укрѣпленія приведутъ только къ напрасной тратѣ денегъ. Далѣе, они будутъ вредны и въ томъ отношеніи, что правительство можетъ обратить ихъ пушки на городъ и заставить тѣмъ жителей безъ всякаго сопротивленія соглашаться на явно вредныя для населенія мѣры. Но, несмотря на эти доводы оппозиціи, предложенный законъ былъ принятъ. Осада Парижа нѣмецкими войсками доказала, что оппозиція была права.

Пока въ палатѣ шли эти толки объ укрѣпленіи Парижа, въ Лондонѣ, на глазахъ французскаго посланника Гизо, ничего незнавшаго объ этомъ, Россія, Англія, Австрія и Пруссія заключили между собою союзъ, главнымъ условіемъ котораго было поддержаніе Турціи въ тѣхъ границахъ, въ какихъ она находилась. Сильная согласіемъ великихъ державъ, Англія бомбардировала Бейрутъ и послала ультиматумъ Франціи, которой оставалось теперь, если она хотѣла попрежнему держать сторону Мехмета-Али, вступить въ борьбу съ

коалиціей, или-же отказаться отъ союза съ египетскимъ вице-королемъ, какъ требовала Англія. Люи-Филиппъ совершенно разумно рассудилъ, что не стоитъ настаивать на прежнемъ планѣ и отозвалъ французскій флотъ изъ Средиземнаго моря. Такимъ образомъ, рѣшительный голосъ, которымъ хотѣла заговорить французская дипломатія и на этотъ разъ оказался слабымъ. Результатомъ этого было, конечно, усиленіе неудовольствія въ странѣ. Для людей предусмотрительныхъ сдѣлалось ясно, что іюльская монархія быстрыми шагами идетъ къ своему паденію.

Послѣ этой кампаніи, окончившейся такъ безславно, Тьеръ натурально долженъ былъ удалиться, уступивъ мѣсто своему сопернику, Гизо. Въ своей прощальной рѣчи, президентъ министровъ имѣлъ безтактность сложить на короля всю отвѣтственность за поражение и, такимъ образомъ, совершилъ преступленіе противъ конституціонной теоріи, имъ-же самимъ проповѣдуемой. Люи-Филиппъ никогда не могъ простить ему этой выходки и рѣшительно перешелъ на сторону Гизо.

Товарищъ Тьера, Кузэнъ, удалившійся вмѣстѣ съ нимъ, оказался болѣе достойнымъ человекомъ. «Пора намъ удалиться къ нашимъ книгамъ», сказалъ онъ.—Своими знаніями мы еще можемъ послужить отечеству».

Тьеръ также удалился къ книгамъ. Теперь его болѣе всего ободряло, что дни іюльской монархіи сочтены и вскорѣ къ нему прибѣгутъ, какъ къ единственному человеку, который можетъ спасти іюльскую монархію. Это онъ давалъ понять при всякомъ удобномъ случаѣ. Онъ снова обратился къ литературнымъ и историческимъ трудамъ. Въ это время онъ написалъ и издалъ свою «Исторію консульства и имперіи». Онъ путешествовалъ по Бельгіи, Германіи, Италіи и Испаніи, по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ ходили и сражались арміи Наполеона. Въ мартѣ 1845 года появились два первые тома. Всѣмъ было извѣстно, что Тьеръ имѣлъ въ своихъ рукахъ богатѣйшее собраніе всякаго рода документовъ, относящихся къ описываемому имъ времени и потому появленія его книги ждали съ нетерпѣніемъ какъ друзья его, такъ вообще и вся читающая публика. Однакожъ успѣхъ этой книги не оправдалъ ожиданій ни автора, ни его друзей. Сравнительно съ «Исторіей французской революціи» успѣхъ «Консульства и имперіи» былъ далеко не блестящій, хотя новый историче-

скій трудъ Тьера былъ обработанъ имъ несравненно тщательнѣе прежняго. Надо полагать, что сравнительный неуспѣхъ «Консульства и имперіи» произошелъ оттого, что здѣсь Тьеръ является уже не народнымъ трибуномъ, не пропагандистомъ известной идеи, какъ въ «Исторіи революціи», а просто ученымъ, да еще такимъ ученымъ, который безпрестанно даетъ понять, что онъ самъ былъ государственнымъ человѣкомъ. Въ «Консульство и имперію» Тьеръ ввелъ множество излишнихъ подробностей, весьма пригодныхъ, какъ сырой матеріалъ, которымъ несомнѣнно долженъ пользоваться самъ авторъ; но эти подробности, введенныя въ текстъ сочиненія, только непомѣрно удлиннили его, и читателю приходится даромъ терять драгоценное время... шутка-ли, въ самомъ дѣлѣ, ослѣпить двадцать объемистыхъ томовъ.

Въ 1845 году, когда изданы были первые томы «Консульства и имперіи», Тьеръ потерялъ уже всякую надежду быть призваннымъ къ власти при жизни стараго короля и съ этого времени снова начинается его рѣшительная оппозиціонная дѣятельность. Онъ опять затрубилъ въ революціонную трубу; съ своимъ обычнымъ краснорѣчіемъ, онъ такъ страстно и пылко выражалъ требованія оппозиціи, что вскорѣ снова сдѣлался весьма популярнымъ человѣкомъ. Онъ порицалъ безсиліе и нелѣпное упорство Гизо, онъ нападалъ на іезуитизмъ, который вторгнулся и въ администрацію, и въ школу; онъ требовалъ пониженія ценза; съ своимъ обычнымъ сарказмомъ онъ преслѣдовалъ сентябрьскіе законы противъ прессы и суда присяжныхъ; онъ ратовалъ за изданіе закона, что депутатомъ не можетъ быть лицо, получающее казенное жалованье по мѣсту, занимаемому имъ въ администраціи. — «По всему видно, говорилъ онъ, — что правительство намѣревается наполнить палату своими чиновниками! Слѣдовало сказать объ этомъ въ 1830 году!» Такія-то рѣчи произносилъ Тьеръ въ мартѣ 1846 года; онъ доходилъ до заявленій, что Люи-Филиппъ не оправдалъ надеждъ, возложенныхъ на него націей.

Тьеръ возвратился также къ журналистикѣ; въ «Constitutionnel'ѣ» стали появляться его статьи, въ которыхъ съ постоянно возрастающей силой онъ нападалъ на правительство. Его статьи возбуждали общественное мнѣніе; онѣ переходили изъ рукъ въ руки и съ жадностью читались въ кафе и на улицахъ. Онѣ производили не меньшее впечатлѣніе, чѣмъ его-же статьи въ 1830 году. Но не желая компрометировать себя лично, Тьеръ не участвовалъ ни въ какихъ сходкахъ и въ заключеніе своихъ возбуждающихъ статей, говорилъ, что сопротивленіе должно проявляться только легальнымъ путемъ.

Прикрываясь неприкосновенностью депутата, 1 февраля 1848 года, онъ напечаталъ статью, написанную уже въ чисто-революціонномъ духѣ. Онъ напалъ на правительство со стороны финансовой, со стороны внѣшней и внутренней политики. Съ изумительной логикой, талантомъ и краснорѣчіемъ онъ указывалъ правительству на его ошибки: онъ упрекалъ правительство за его безучастіе къ положенію Италіи, за его снисходительность къ Австріи, за дурныя отношенія къ Швейцаріи. Онъ обвинялъ правительство за его тѣсный союзъ съ Меттернихомъ, обagrившимъ кровью Галицію, и съ неаполитанскимъ королемъ, бомбардировавшимъ Палермо... Тьеръ оканчиваетъ свою статью такимъ заключеніемъ: «Я принадлежу къ революціонной партіи и, клянусь, во всю свою жизнь я никогда не измѣнялъ ея принципамъ!»

Въ ночь съ 23 на 24 февраля, Люи-Филиппъ призвалъ Тьера и Одилона Баро, поручая имъ составить министерство и спасти погибавшую монархію. Тьеръ вышелъ на улицу и обратился къ народу съ такимъ воззваніемъ: «Свобода! Порядокъ! Согласіе! Реформа! Довѣріе!»

Но народъ отвѣчалъ ему криками: «да здравствуетъ республика!»

Тьеръ возвратился во дворецъ. «Государь! уже поздно!» сказалъ онъ.

III.

Какъ только была провозглашена республика, Тьеръ отправился въ Марсель и, въ качествѣ республиканца, явился передъ избирателями. Въ своей рѣчи онъ заявилъ, что будетъ хлопотать объ «утвержденіи новаго порядка на незыблемыхъ основаніяхъ», но марсельскіе республиканцы напомнили ему дѣйствія его въ тридцатыхъ годахъ противъ республиканской партіи и онъ потерпѣлъ пораженіе. Этого оскорбленія Тьеръ никогда не могъ забыть Марсели, и напомнилъ ей о томъ въ то время, когда сдѣлался президентомъ французской республики.

4 іюня онъ явился кандидатомъ консервативной партіи и былъ избранъ въ четырехъ департаментахъ. Самое огромное большинство получилъ онъ въ самомъ реакціонерномъ городѣ, въ Руэнѣ. Республиканскіе газеты того времени на избраніе Тьера посмотрѣли, какъ на серьезную опасность для республики, управляемой крайне плохо по-этомъ Ламартиномъ, астрономомъ Араго и ораторомъ Ледрю-Ролленемъ, политическими фантазерами, ровно ничего не понимавшими въ революціонномъ движеніи, которое привело ихъ къ власти, которое

они сами старательно подготавливали и теперь съ неменьшимъ стараніемъ уничтожали его результаты. Исторія скажетъ о нихъ, что они были люди вполне честные съ добрыми наміреніями, но совершенно неспособные, какъ государственные дѣтели.

Въ національномъ собраніи Тьеръ занялъ мѣсто въ правомъ центрѣ. Въ первой своей рѣчи онъ заявилъ о своей преданности республикѣ. «Республика раздѣляетъ насъ менѣе всякой другой формы правленія», сказалъ онъ, и затѣмъ сталъ развивать свою знаменитую теорію порядка. Въ послѣдующихъ засѣданіяхъ онъ уже твердилъ объ опасности, грозящей странѣ отъ красныхъ республиканцевъ. Въ то же время, не сойдясь съ временнымъ правительствомъ, онъ возстановилъ Ламартина и Кавеньяка противъ Ледрю Роллена, поссорилъ Армана Марра съ Коссидьеромъ...

Послѣ іюньскаго возстанія и рѣзни, произведенной по приказанію Кавеньяка, конституціонное собраніе назначило Тьера докладчикомъ по предложенію Прудона о ликвидаціи собственности. Докладъ свой собранію Тьеръ распространилъ, сдѣлалъ изъ него ученое сочиненіе и напечаталъ его подъ заглавіемъ: «Право собственности». Эта брошюра надѣлала большого шума въ средѣ буржуазіи, а клубъ «улицы Пуатье» напечаталъ ее въ нѣсколькихъ стахъ тысячахъ экземпляровъ и разослалъ ее въ провинціи, гдѣ она раздавалась даромъ или за весьма небольшую плату. Съ научной точки зрѣнія это сочиненіе представляетъ совершенную ничтожность и не стоитъ серьезной критики. Теперь о немъ совершенно забыли; впрочемъ, вообще жизнь его была недолговѣчна; прошло не болѣе полугода со времени его появленія и о немъ никто уже не помнилъ и не говорилъ.

Клубъ «улицы Пуатье», въ которомъ собирались всѣ такъ называемые консерваторы и защитники порядка, желавшіе остановить вообще развитіе демократическихъ идей, — избралъ Тьера своимъ президентомъ какъ-бы въ награду за его блистательную защиту собственности. Ламартинъ, несмотря на свою недалковидность, появившій куда были направлены стремленія клуба и высказавшій свои опасенія, сталъ постояннымъ предметомъ эпиграммъ, которыя исходили изъ клуба и были направлены противъ республики и республиканцевъ.

Между тѣмъ подошли президентскіе выборы. Кавеньякъ сильно рассчитывалъ на поддержку клуба «улицы Пуатье», отъ котораго онъ получилъ восторженные заявленія послѣ подавленія іюньскаго возстанія. Но клубъ, находя, что Кавеньякъ недостаточно проникнутъ консервативнымъ духомъ, выставилъ своего кандидата. Сперва голоса

склонялись на сторону Тьера, но большинство остановилось на Шангарнье.

Когда была заявлена кандидатура въ президенты принца Люи-Наполеона Бонапарта, Тьеръ возсталъ противъ нея; онъ говорилъ, что будетъ великій стыдъ для Франціи, если она допуститъ избрать Бонапарта, но кончилъ тѣмъ, что вотировалъ въ пользу принца. Трудно сказать, что побудило его измѣнить свое мнѣніе. По всей вѣроятности, онъ убѣдился, что самъ не можетъ рассчитывать на побѣду, если выставитъ себя кандидатомъ, а въ такомъ случаѣ, кто одержитъ верхъ для него было безразлично, но Бонапартъ все-таки былъ принцъ, а прочіе кандидаты всѣ стояли ниже Тьера по своему общественному положенію.

Черезъ шесть недѣль послѣ избранія Люи-Наполеона государственный переворотъ былъ рѣшенъ какъ въ Елисейскомъ дворцѣ, такъ и въ клубѣ «улицы Пуатье». Принцъ Наполеонъ рассчитывалъ произвести его въ свою пользу, а Шангарнье и Тьеръ въ пользу Орлеановъ. Но та и другая сторона отложили рѣшительный ударъ до болѣе удобнаго случая.

Какъ партія принца Наполеона, такъ и клубъ «улицы Пуатье» (по настоянію Тьера) вотировали экспедицію въ Италію для возстановленія папы, свѣтская власть котораго, по ихъ словамъ, представляла собою замокъ соціального порядка. Всѣ люди такъ называемаго умѣреннаго образа мыслей держались въ то время этого убѣжденія: Жюль Фавръ, Кавеньякъ и Одилонъ Барро; кальенистъ Гизо и вольтерьянецъ Тьеръ, пасторъ Кокерель и либеральный іезуитъ Монталамберъ. Фаллу, предложившій и устроившій эту экспедицію, публично говорилъ, что уничтоженіе римской республики, которое будетъ результатомъ экспедиціи, непременно повлечетъ за собою паденіе французской республики. Національное собраніе повѣряло этому предсказанію и потому такъ сочувственно отнеслось къ предложенію Фаллу.

Во все время существованія второй республики Тьеръ почти постоянно подавалъ свой голосъ съ крайними консерваторами. Онъ вотировалъ за самыя непопулярныя законы: противъ ассоціацій, противъ клубовъ, въ пользу отдачи народнаго образованія въ руки іезуитовъ и пр. Но болѣе всего сдѣлало его имя непопулярнымъ участіе въ изданіи закона 31 мая, ограничивающаго всеобщую подачу голосовъ; во время преній по этому вопросу Тьеръ произнесъ рѣчь противъ

дикаго, невольнаго большинства, которую до сихъ поръ не забыли во Франціи; она до сихъ поръ служить оружіемъ противъ Тьера въ рукахъ его противниковъ.

Послѣ отмѣны всеобщей подачи голосовъ, реакція, оставаясь послѣдовательною, должна была придти къ необходимости уничтоженія республики. Тьеръ взялъ на себя пропаганду этого въ салонахъ, а Шангарнье въ казармахъ. Ихъ партія составила, повидимому, превосходный планъ государственнаго переворота; оставалось только осуществить ее и всѣ факты говорили въ пользу того, что осуществленіе не замедлитъ вскорѣ послѣдовать. Но въ одну прекрасную ночь Тьеръ былъ внезапно разбуженъ полицейскими, которые попросили его поскорѣ одѣться и повезли его сперва въ Мазась, затѣмъ въ Страсбургъ, а оттуда перевезли черезъ французскую границу, воспретивъ ему именемъ новаго правительства возвращаться на родину.

IV.

Въ первый періодъ владычества второй имперіи Тьеръ, вскорѣ получившій амнистію, держался вдали отъ дѣлъ. Онъ занялся собраніемъ древностей и картинъ и, казалось, вполне удовлетворялся тѣмъ, что продолжалъ по-прежнему царствовать въ своемъ салонѣ, также, какъ въ салонахъ Минье и Ремюза, во французской академіи и въ академіи наукъ. Онъ безпрестанно твердилъ, что ему не въ чужъ упрекнуть себя, что онъ давно предвидѣлъ, что событія пойдутъ этимъ, а не другимъ путемъ, что онъ предсказывалъ обо всѣхъ перемѣнахъ, случавшихся въ послѣдніе годы во Франціи, но его не слушали, а если-бы послушались, все-бы пошло хорошо и Франція была-бы избавлена отъ печальной необходимости выносить на своихъ плечахъ слѣдствія государственнаго переворота. Но, во всякомъ случаѣ, онъ очень добродушно относился ко всему, что вокругъ него происходило и императоръ Наполеонъ III не имѣлъ никакого права быть имъ недовольнымъ, что, впрочемъ, онъ и поспѣшилъ доказать публично, пославъ Тьеру приглашеніе на придворный балъ, причемъ именовалъ его «нашимъ національнымъ историкомъ».

Тьеръ безспорно заслуживалъ особенной благодарности отъ правительства второй имперіи, потому что она болѣе всего ему обязана популяризацией бонапартистской легенды. Тьеръ въ двадцати томахъ, написанныхъ въ лучшіе годы его жизни, доказывалъ, что маленькій капралъ былъ самымъ величайшимъ человекомъ новѣйшихъ временъ.

Тьеръ поставилъ статую аустерлицкаго героя на вандомской колонѣ, построилъ триумфальную арку въ честь его побѣдъ, послалъ сына своего короля за тѣломъ великаго императора, покоившимся на отдаленномъ островѣ св. Елены; онъ принялъ это тѣло, какъ святыню, и похоронилъ его въ гробницу, подлѣ которой поставилъ статую Побѣды въ траурѣ. «Наполеонъ есть Наполеонъ, имѣлъ право сказать Тьеръ,—а я его пророкъ!»

Реставрируя культъ Наполеона I, Беранже, Тьеръ и Викторъ Гюго сдѣлали несравненно больше—конечно, безсознательно,—для восстановления второй имперіи, чѣмъ ея вѣрнѣйшіе слуги Фіалентъ, Леруа и Морни; и однакожь и Тьеръ, и Беранже, и Викторъ Гюго не воспользовались дѣлежкой послѣ побѣды, напротивъ,—стали врагами второй имперіи. Тьеръ, впрочемъ, сталъ ея врагомъ не изъ ненависти къ ней, а потому, что онъ считалъ себя слишкомъ великимъ, чтобы идти въ хвостъ племянника великаго императора, когда онъ, Тьеръ, имѣлъ право, по своимъ заслугамъ, оказаннымъ имъ памяти своего героя, Наполеона I, считать себя его законнымъ сыномъ. Не даромъ-же льстецы говорили Тьеру, что изъ всѣхъ французовъ онъ самый великій и въ немъ вполне отразился генійъ величайшаго изъ французовъ, Наполеона I. Но, шутки въ сторону, Тьеръ не сошелся со второй имперіей потому, что она поступила съ нимъ весьма безцеремонно и не только не обратилась къ нему съ просьбой руководить дѣлами въ качествѣ перваго министра, но даже выслала его за границы Франціи. Честолюбіе и самолюбіе, развитыя въ высочайшей степени, составляютъ отличительныя черты характера Тьера, и едва-ли ошибаются тѣ изъ его біографовъ, которые говорятъ, что Тьеръ навѣрное пошелъ-бы руку объ руку съ Наполеономъ III, если-бъ императоръ предложилъ ему составить министерство.

Но не смотря на очевидность услугъ, оказанныхъ Тьеромъ второй имперіи, Персигни яростно напалъ на Тьера, когда этому послѣднему въ 1863 году пришла фантазія снова выступить на политическую арену.

Дѣятельность Тьера въ законодательномъ собраніи второй имперіи принадлежитъ къ очень близкой къ намъ эпохѣ и, вѣроятно, сохранилась еще въ памяти нашихъ читателей. Каждый годъ онъ критически относился къ бюджету и къ вѣншей политикѣ второй имперіи и, какъ извѣстно, по нѣкоторымъ вопросамъ оказался несравненно менѣ либераленъ, чѣмъ даже бонапартистское правительство. Тьеръ никогда не могъ простить второй имперіи ея приверженности къ системѣ свободной торговли; онъ порицалъ ее за то, что она не

воспрепятствовала объединенію Германіи послѣ побѣды подѣ Садовой; что она не помѣшала единству и усиленію Италіи послѣ Мадженты и Сольферино. Онъ говорилъ въ пользу свѣтской власти папы и могъ радоваться, что, поощренный его рѣчами, Рузъеъ произнесъ свои знаменитыя слова: «Никогда итальянцы не войдутъ въ Римъ?»

Правда, время отъ времени Тьеръ выкупалъ свои реакціонныя рѣчи блистательными оппозиціонными рѣчами: съ поразительной смѣлой и логикой онъ напалъ на мексиканскую экспедицію; онъ требовалъ ответственности министровъ; въ одной изъ своихъ самыхъ блистательныхъ рѣчей онъ заявилъ о крайней необходимости расширенія свободы, безъ чего Франція будетъ доведена до послѣдней слабости и перестанетъ существовать, какъ самостоятельная великая держава; это расширеніе должно было обнять собою свободу прессы, сходокъ, ассоціацій и т. д. При этомъ, однакожь, Тьеръ забывалъ, что когда онъ самъ былъ министромъ и управлялъ судьбами страны, онъ не особенно щедро расточалъ дары свободы. Но люди, неотличающіеся особенно твердыми убѣжденіями, вообще забывчивы и обыкновенно на министерскомъ посту говорятъ одно, а прикинувъ къ оппозиціи—другое.

V.

Продолженіе біографіи Тьера составляютъ вчерашнія и сегодняшнія событія. О нихъ мы много говорили въ нашихъ предъидущихъ хроникахъ, касавшихся Франціи и, вѣроятно, не разъ возвратимся къ Тьеру, такъ какъ несомнѣнно ему предстоитъ еще играть важную роль въ судьбахъ Франціи.

Мы готовы вѣрить, что Тьеръ въ послѣднее время дѣйствовалъ несравненно искреннѣе, чѣмъ прежде, во время своей долготѣной политической карьеры, но мы не совсѣмъ согласны съ европейскими либералами и французскими республиканцами, утверждающими, что паденіе Тьера составляетъ великое несчастіе для Франціи. Посмотрите, Брольи, Батби, Беле и ихъ товарищи, замѣнившіе Тьера, увидѣли необходимость слѣдовать его политикѣ какъ внѣшней, такъ даже и внутренней, слѣдовательно, съ этой стороны не произошло почти никакой перемѣны для Франціи. Къ тому-же—и это главное—Тьеръ никогда не былъ такъ блестящъ, такъ либераленъ, никогда не приносилъ такой пользы, какъ принадлежа къ оппозиціи. Будемъ-же

ожидать его оппозиціонной дѣятельности; она, навѣрное, будетъ плодотворнѣе его правительственной дѣятельности.

Кстати замѣтимъ здѣсь, что Тьеръ дѣйствительно сдѣлалъ ошибку, позволивъ свергнуть себя, когда совершенно отъ него зависѣло не допустить этого. Національное собраніе приняло конституцію Риве, и эта конституція стала основнымъ закономъ страны. По конституціи Риве, Тьеръ долженъ былъ оставаться президентомъ до тѣхъ поръ, пока не разоидется національное собраніе, избранное народомъ для заключенія мира и самовольно продлившее свои полномочія. Собраніе не имѣло-бы права уволить Тьера, но онъ, по юношеской пылкости, всегда его характеризующей, погорячился; подавъ въ отставку, онъ рассчитывалъ, что собраніе смирится и попроситъ его остаться... Онъ считалъ себя слишкомъ необходимымъ человекомъ, котораго нельзя никѣмъ замѣнить. Но собраніе на этотъ разъ подняло перчатку...

ЗЕМСТВО И ГОРОДЪ.

I.

Существуетъ-ли въ Россіи такъ называемое третье сословіе (*tiers état*), которое играло такую важную историческую роль въ Западной Европѣ? И возможно-ли ея существованіе на русской исторической почвѣ, въ томъ именно значеніи, какое соединяется съ этимъ понятіемъ на Западѣ?

Вопросъ этотъ у насъ уже поставленъ самою жизнью. Какъ онъ рѣшенъ будетъ и скоро-ли будетъ рѣшенъ—это неизвѣстно; но что онъ стоитъ на очереди своего рѣшенія — это несомнѣнно. Какіе элементы могутъ войти въ его составъ и какое значеніе оно получить въ будущемъ? — все это будетъ зависѣть отъ тѣхъ или другихъ условій нашей общественной жизни. У всякаго историческаго явленія есть своя преемственность, свои переходные фазисы, черезъ которые проходитъ всякая идея, вводимая въ жизнь. Только тѣ явленія и можно считать прочными, такъ сказать, узаконенными, которыя имѣютъ корень въ народной жизни и въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи опираются на историческую почву. Все произвольное, фиктивное въ этомъ отношеніи существуетъ только случайно и временно.

Есть два мнѣнія относительно того или другого пониманія названной нами исторической преемственности: одни утверждаютъ, что всѣ народы, конечно, историческіе, живутъ болѣе или менѣе наследственной преемственностью другъ отъ друга извѣстныхъ понятій, вѣрованій и даже культурныхъ образцовъ, что всѣ, по крайней мѣрѣ, индо-европейскіе народы имѣли—что несомнѣнно доказано—одинъ типическій языкъ, воспитывались даже въ младенчествѣ одними и тѣми-же мифами, конечно, видоизмѣняемыми сооб-

разно условіямъ мѣста и времени, росли на однѣхъ и тѣхъ-же сказкахъ, выражали народную мудрость одними и тѣми-же пословицами, и проч., и проч., въ подтвержденіе чего приводятъ тысячи доказательствъ; другіе, напротивъ, отстаиваютъ мнѣніе, что каждая народность всегда жила своею собственною жизнью, и если есть у нихъ общія черты въ вѣрованіяхъ, въ понятіяхъ, общіе корни въ языкахъ, близкія подобія мифическихъ представленій, почти коренное сходство въ преданіяхъ, сказкахъ, пословицахъ,—то это потому, что всѣ индо-европейскіе народы болѣе или мѣнѣе жили подъ одними почти условіями природы, грѣлись однимъ и тѣмъ-же солнцемъ и т. д., и что прямой преемственности тутъ нѣтъ никакой, равно нѣтъ заимствованій, а есть только естественное и неизбѣжное совпаденіе формъ развитія какъ физическаго, такъ и моральнаго. Одни говорятъ, что у всѣхъ индо-европейскихъ народовъ былъ, напр., фиктивный родъ (римскій gens), какъ ячейка государственности, а другіе—что нѣтъ, что даже у русскихъ его не было, а была семья, потомъ община и т. д. На этомъ основаніи иные утверждаютъ, что у насъ средняго сословія нѣтъ и быть не можетъ, а если и будетъ, то привитіе его къ нашей жизни возможно лишь искусственное и потому непрочное.

Что попытки искусственнаго привитія къ намъ средняго сословія или „буржуазіи“ существуютъ—это несомнѣнно. Правда, въ нашемъ языкѣ нѣтъ даже слова для выраженія этого понятія; но слово тутъ ничего не значитъ: когда будетъ существовать понятіе и это понятіе отольется въ живую форму, явится его выраженіе въ жизни, то слово можно цѣликомъ заимствовать и чужое, какъ мы заимствовали у другихъ народовъ, которые старѣе насъ, виѣсть съ понятіемъ и жизненною формою, слово „аристократія“, котораго не знали прежніе русскіе, слова „цивилизатія“, „прогрессъ“, „культура“ и тысячи чужихъ словъ, означающихъ заимствованныя нами извнѣ не только понятія, но и реальное выраженіе ихъ въ самой жизни.

Искусственное созданіе „буржуазіи“ является прямымъ отрицаніемъ началъ, положенныхъ въ основу земскихъ учрежденій. Земство, какъ извѣстно, соединило въ себѣ, для выполненія одной общей задачи, на него возложенной, городъ и уѣздъ, отождествило до извѣстной степени интересы городского и уѣзднаго населенія и, образовавъ изъ нихъ нѣчто въ родѣ козлейственной общины,

связало этой общинностью капиталъ и достатокъ богача съ безденежьемъ и недостаточностью бѣдняка, такъ что, въ одномъ случаѣ, уѣздное населеніе, пропорціонально своему имущественному положенію, помогаетъ городскому въ отбываніи имъ извѣстныхъ обще-земскихъ повинностей, въ другомъ—городское отдаетъ часть своихъ достатковъ на удовлетвореніе нуждъ уѣздовъ.

Въ послѣднее время, въ городскихъ представителяхъ земскаго дѣла явилось опасеніе, что уѣзды большею частью начинаютъ жить на счетъ городовъ, т. е. болѣе слабые на счетъ сильныхъ. Опасеніе это поддержано и усилено было тѣмъ, что когда привлечены были къ изслѣдованію цифры, означавшія процентное участіе городовъ въ земской помощи уѣздамъ, то найдено было, что города, косвенно, посредствомъ земскихъ раскладокъ, даютъ свои деньги и на содержаніе дорогъ въ уѣздахъ, и на обезпеченіе народнаго здоровья и на народное обученіе, т. е. по расчету выходило такъ, что бѣдные уѣзды являются какими-то паразитами по отношенію къ своимъ богатымъ городамъ. Въ это время употреблено было въ первый разъ слово „буржуазія“, въ томъ смыслѣ, что горожане, будто-бы, кормятъ на свой счетъ сельское населеніе и что, поѣтому, слѣдовало-бы подумать о томъ, какъ-бы избавиться городамъ отъ необходимости такого кормленія массы населенія, которое должно жить своимъ собственнымъ трудомъ и устранивать свое земское дѣло, не рассчитывая на карманъ сосѣда.

Подобнаго рода сужденія первоначально высказаны были въ нѣкоторыхъ земскихъ собраніяхъ. Когда городскіе гласные въ преніяхъ при разсмотрѣніи земскихъ бюджетовъ стали открыто заявлять, что уѣзды по отношенію къ нимъ становятся въ положеніе паразитовъ, тогда со стороны уѣздныхъ гласныхъ имъ было отвѣчено, что, напротивъ, роль паразитовъ давно играютъ города, что если они разбогатѣли и продолжаютъ богатѣть, то не въ себѣ самихъ они нашли исключительные источники для обогащенія, но что составляя экономическіе и административные центры своихъ губерній или уѣздовъ, города питались чужими силами, вытягивая все изъ своихъ уѣздовъ: и лучшую часть населенія и результаты его труда въ видѣ снятаго въ уѣздахъ хлѣба и прочихъ продуктовъ, и, такимъ образомъ, составляя свои богатства на счетъ тѣхъ-же уѣздовъ. Гласные отъ крестьянъ и помѣщиковъ говорили даже, что уѣзды—не только житницы городовъ, но и ихъ рабочія ло-

пади, и потому, чтобы лошадь отвѣчала своему назначенію рабочей силы — ее слѣдуетъ и кормить хорошо тому, кто на ней ѣздить, и держать въ хорошей по возможности конюшнѣ и заботиться, наконецъ, о лучшемъ устройствѣ дорогъ, по которымъ рабочая лошадь возить въ городъ результаты своего труда. Не будь уѣзднаго населенія—говорили они—не было-бы и города, потому что городъ съ одной своей выгонной землей существовать не можетъ; между тѣмъ уѣздное населеніе безъ города могло-бы существовать. Вотъ тутъ-то уѣздные гласные высказали, что города, эти питомцы своихъ уѣздовъ, обязанные своимъ благосостояніемъ чужому труду и силамъ, хотятъ теперь выдѣлиться въ какую-то новую, до сихъ поръ неизвѣстную экономическую единицу, не желая возвращать своимъ уѣздамъ то, или даже самую малую долю того, что они взяли отъ этихъ-же уѣздовъ. Нѣкоторые изъ уѣздныхъ гласныхъ, собственно помѣщики, откровенно заявили даже: „Мы не отрицаемъ, что, при существованіи крѣпостного права, мы въ значительной мѣрѣ жили на счетъ своихъ крестьянъ; тѣмъ благосостояніемъ, которымъ мы теперь располагаемъ, мы также въ значительной мѣрѣ обязаны своимъ бывшимъ крестьянамъ, ихъ даровому труду, безъ котораго наши земли не имѣли-бы никакого значенія; наши амбары наполнялись хлѣбомъ, который ссыпали туда наши-же крестьяне; наши кассы пополнялись ихъ-же оброчными платежами. И вотъ, когда пришло время освободить ихъ, мы не сказали своимъ крестьянамъ: „живите, какъ знаете и питайтесь, чѣмъ знаете“, какъ теперь города, эти новые помѣщики, говорятъ своимъ уѣздамъ. Нѣтъ, мы этого не сказали. За то, что они работали на насъ, мы надѣлили ихъ пахатнымъ полемъ и усадьбою. Теперь мы вмѣстѣ съ ними несемъ на себѣ общія государственныя и земскія тягости, и чѣмъ я богаче по сравненію съ своимъ бывшимъ крестьяниномъ, тѣмъ я больше и поднимаю на себѣ этихъ тягостей; но я не говорю крестьянину: „чини ты одинъ уѣздные мосты изъ твоего кармана, содержи ты одинъ въ исправности земскія дороги“. Напротивъ, я больше трачу, чѣмъ онъ, на общее дѣло, потому что больше, чѣмъ онъ, имѣю. А вы теперь, разжившись на счетъ своихъ уѣздовъ, хотите всю земскую

уѣздную тяготу взвалить на плечи одного уѣзднаго населенія и остаться въ роли паразитовъ на вѣчныя времена“.

II.

Въ такія приблизительно рамки вставленъ былъ неожиданно возникшій вопросъ объ отношеніи земства къ городу. Самое возникновеніе вопроса до извѣстной степени обнаруживало, что между этими двумя частицами одной земской силы родился антагонизмъ, который, конечно, не предвидѣлся, когда предположенія о земской реформѣ проходили чрезъ всѣ фазисы теоретической ихъ разработки, а если и былъ предвидимъ, то не во всей его рѣзкости, съ какою онъ выступилъ въ первое-же трехлѣтіе по введеніи въ дѣйствіе положенія о земскихъ учрежденіяхъ.

Затѣмъ, когда уже обсуждались предположенія о преобразованіяхъ въ городскомъ общественномъ устройствѣ, когда составлялось положеніе о городахъ, то возникшій между земствомъ и городомъ антагонизмъ успѣлъ получить такія опредѣленныя формы и представить такіе вѣскіе доводы съ той и другой стороны каждый въ свою пользу, что дѣло становилось въ разрядъ вопросовъ первой важности, неосмотрительное рѣшеніе котораго, съ одной стороны, могло подорвать экономическую силу городовъ, съ другой—лишить навсегда уѣзды возможности выйти изъ того жалкаго положенія, въ которомъ они находятся.

Поэтому, при составленіи городского положенія и обращено было особенное вниманіе на опасность, грозившую въ такомъ положеніи дѣлу городамъ. Явилась необходимость какъ-бы защищать города отъ излишнихъ притязаній уѣздовъ и вообще земства. Мотивами къ этой защитѣ ставились слѣдующіе доводы: „По объясненію всѣхъ вообще лицъ, участвовавшихъ въ обсужденіи предположеній о преобразованіяхъ въ городскомъ общественномъ устройствѣ, городскія поселенія, въ большинствѣ случаевъ, находятся вообще *въ тягостныхъ отношеніяхъ* къ мѣстному уѣздному земству. Плата въ пользу земства весьма значительную часть общей суммы земскихъ доходовъ съ недвижной собственности, неся, въ то-же время, немалозначительные расходы на собственныя свои, а также земскія (пособія земству на содержаніе благотворительныхъ заве-

деній) и общегосударственныя нужды, — каковыя расходы падаютъ главною своею тяжестью опять на недвижимыя имущества; наконецъ, уплачивая особый налогъ въ пользу казны съ той-же недвижимой собственности, которая, независимо отъ того, обременена одною изъ самыхъ тягостныхъ и наиболѣе неуравнительныхъ повинностей — повинностью постоянной, почти исключительно падающею на городскія поселенія, — города, сравнительно съ уѣздами, болѣею частію, слишкомъ обременены налогами, размѣръ коихъ въ пользу земства опредѣляется притомъ не по оцѣнкамъ, точно установившимся, а по оцѣнкамъ болѣе или менѣе произвольнымъ и измѣняемымъ по усмотрѣнію земства; между тѣмъ, не имѣя въ земскихъ собраніяхъ такого числа представителей, которое въ состояніи было-бы замѣтно вліять на постановленія земскихъ собраній, города рѣдко достигаютъ уменьшенія земскихъ налоговъ, падающихъ на владѣльцевъ недвижимыхъ имуществъ въ оныхъ“ (Объясн. къ город. полож., стр. 198).

Такимъ образомъ, первый голосъ адвокатуры раздается не въ пользу уѣздовъ, а въ пользу городовъ, хотя обстоятельство это слѣдуетъ объяснить тѣмъ, что составители городского положенія прежде всего должны были имѣть въ виду огражденіе интересовъ городовъ, общественное переустройство которыхъ было ихъ спеціальною задачею. Нѣтъ сомнѣнія, что если-бы адвокатура могла исходить отъ составителей положенія о земскихъ учрежденіяхъ, то она непремѣнно поставила-бы на первомъ планѣ интересы уѣздовъ предпочтительно передъ городами, несмотря даже на то, что города являются въ земской жизни ничѣмъ другимъ, какъ дробями тѣхъ-же земскихъ единицъ; но въ то время, когда составлялось положеніе о земскихъ учрежденіяхъ не могло никому прийти въ голову, что почти вслѣдъ затѣмъ уѣзды поставлены будутъ въ необходимость самозащиты, и что въ земствѣ возникнетъ расколъ, существенное значеніе котораго можетъ быть выражено словами — „городовая рознь.“

Дѣйствительно, города въ этомъ случаѣ проявили въ полномъ смыслѣ сепаративныя стремленія. Что они имѣли на это законное право и достаточно побудительныя причины — мы объ этомъ не говоримъ; мы констатируемъ только самое явленіе розни.

Въ губернскихъ городахъ стремленія сепаратизма обнаружались еще съ болѣею настойчивостью, на что города эти имѣли свои

уважительныя причины и притомъ въ болѣеиш мѣрѣ, чѣмъ города уѣздныя. Это признають даже и составители городского положенія, говоря въ „объясненіяхъ“ къ этому закону, что „*потребности и интересы губернскихъ городовъ постоянно находятся въ противорѣчій съ потребностями и интересами ихъ уѣздовъ*, и обыкновенно послѣдніе удовлетворяются въ ущербъ первымъ“ (Город. полож. съ объясн., стр. 202). Ясно изъ этого, что не только антагонизмъ, но даже вражда до извѣстной степени неизбежна между двумя силами или частями одной силы, когда интересы этихъ частей взаимно другъ друга отрицають.

Чѣмъ-же собственно подкрѣпляется основательность жалобъ со стороны городовъ, будто интересы ихъ, какъ дробей земскихъ единицъ, нарушаются этими послѣдними и на чемъ можетъ быть основана возможность этого нарушенія?

Возможность эта основывается на несоразимѣрности числа представителей, назначаемыхъ въ земство какъ со стороны городовъ, такъ и со стороны уѣздовъ. Извѣстно, что каждое земство объимаетъ собою и уѣздъ и уѣздный городъ — это уѣздное земство; а въ губернскомъ земствѣ совмѣщается вся губернія вмѣстѣ съ губернскимъ городомъ, который въ то-же время составляетъ дробь и своей уѣздовой земской единицы, т. е. является уѣзднымъ городомъ по отношенію къ своему уѣзду. Извѣстно также, что въ составъ уѣздныхъ земскихъ собраній, выражающихъ собою всю сумму земской силы, входятъ гласные, избираемые: уѣздными землевладѣльцами — то, что прежде были помѣщики, городскими обществами и сельскими обществами. Такимъ образомъ, въ земство входятъ представители отъ крупныхъ землевладѣльцевъ и отъ крестьянъ — это со стороны уѣзда, и представители отъ города, т. е. двѣ доли единицы отъ уѣзда и одна только доля отъ города. Большинство гласныхъ, слѣдовательно, во всякомъ случаѣ должно быть на сторонѣ уѣздовъ, и отсюда возможность численнаго преобладанія послѣднихъ въ земскомъ собраніи. Ту-же роль, по отношенію къ своимъ уѣздамъ, должны играть и губернскіе города: по силѣ положенія о земскихъ учрежденіяхъ, число гласныхъ, избираемыхъ въ уѣздныя земскія собранія отъ губернскихъ городовъ, должно составлять не болѣе $\frac{1}{3}$ всего числа гласныхъ уѣзднаго собранія, но менѣе — всегда можетъ: такъ, число гласныхъ отъ губернскаго города можетъ выражать собою *только четвертую долю зем-*

скаго собранія, *пятую* и даже *меньше шестой доли*. Это мы говоримъ объ *уѣздномъ* земскомъ собраніи и о той силѣ представительства, какая въ немъ дана губернскому городу. Что же касается *губернскаго* земскаго собранія, то въ немъ губернской городъ выражаетъ собою еще болѣе слабую общественную силу, потому что гласныхъ отъ губернскаго города въ губернское собраніе избираетъ не городъ, а свое уѣздное собраніе, которое можетъ, конечно, не безъ земской тенденціозности, дать свое полномочіе въ губернское земство однимъ лишь сторонникамъ уѣзда, совершенно не пуская туда представителей отъ города. Повторяемъ однако, что это возможно лишь при намѣренной земской тенденціозности уѣзда, къ чему, впрочемъ, ни та, ни другая сторона, въ случаѣ надобности, не отказывали себѣ въ удовольствіи прибѣгать, особенно, когда первоначальная земская гармонія между городами и уѣздами была нарушена и произнесено было слово „паразиты“. Въ виду такого положенія дѣлъ нельзя, конечно, отрицать, что уѣзды, пользуясь численною гегемоніей въ земскихъ собраніяхъ и сознавая свою матеріальную бѣдность, могли налагать на богатые города свою тяжелую руку въ составленіи земскихъ раскладокъ, какъ города, съ своей стороны, не отказываются налагать руку на уѣзды, самовластно распоряжаясь, вслѣдствіе своей экономической гегемоніи, возвышеніемъ и пониженіемъ цѣнъ на продукты уѣзднаго производства: уѣзды берутъ съ городовъ дань земскими раскладами, а города берутъ еще большую дань съ уѣздовъ базарами и т. п.

Защитники городовъ указываютъ на Тулу, какъ на „замѣчательный примѣръ обремененія, при такомъ положеніи дѣла, губернскаго города въ пользу уѣзднаго земства“. Земское собраніе этого города состоитъ изъ 48 гласныхъ. Губернской городъ имѣетъ въ этомъ собраніи только 14 своихъ представителей, а остальные 34 гласныхъ выражаютъ собою представительство уѣздное. Гегемонія уѣзда, поэтому, проявила себя слѣдующимъ образомъ: при раскладѣ суммъ тульскаго губернскаго сбора на 1870 г., стоимость недвижимыхъ имуществъ, подлежащихъ земскому налогу, была показана:

по городу Тулѣ.	4,526,010 р.
„ тульскому уѣзду.	514,500 „

т. е. сумма цѣнности всѣхъ домовъ города превышала стоимостью сумму всѣхъ домовъ въ уѣздѣ *въ десять разъ*.

Далѣе, когда привлечена была къ раскладкѣ стоимость земель и другихъ предметовъ обложенія земскими налогами, то оказались еще болѣе поразительные контрасты. Вотъ они:

Въ Тулѣ земли оцѣнены въ 23,230 р.

Въ тульскомъ уѣздѣ 6,809,015 „

т. е. уѣздъ богаче города земельною собственностью *въ 292 раза*.

Наконецъ, капиталъ, представляемый торговыми свидѣтельствами, билетами и патентами, составлялъ 7,035,000 р. Почти весь этотъ семимилліонный капиталъ находится въ городѣ и выражаетъ степень его торговаго уровня. Приложивъ къ этому капиталу стоимость домовъ въ городѣ, тульское земство получало земскую цѣнность для города въ *одинадцать* слишкомъ *милліоновъ*, для уѣзда въ *семь* съ небольшимъ *милліоновъ*. Пропорціоально этихъ двумъ капиталамъ можно было-бы безобидно сдѣлать и раскладку земскихъ сборовъ, но тульское земство, руководимое гегемоніей уѣзда и пользуясь дозволеніемъ закона, въ силу котораго можно было вполнѣ безнаказанно—потому что вполнѣ законно—обидѣть городъ, обидѣло, будто-бы, его въ томъ именно пунктѣ, который, повидимому, и былъ самымъ неуязвимымъ отъ нападеній со стороны уѣзда. Объяснимъ это. Существующими узаконеніями установлено, что земство можетъ облагать въ свою пользу торговныя и промышленныя заведенія не по суммѣ ихъ оборотовъ, а только извѣстнымъ процентомъ (10 и 25%) съ той пошлины, которую это заведеніе платитъ казнѣ; это осторожное ограниченіе сдѣлано было въ тѣхъ видахъ, что въ первое время своего существованія земства вздумали-было облагать торговныя и промышленныя заведенія по суммѣ ихъ оборотовъ, что, конечно, могло-бы давать земству громадныя деньги. Такъ вотъ въ защиту этихъ-то заведеній отъ слишкомъ неумѣренныхъ посягательствъ на нихъ земства и было постановлено ограниченіе, крайнія рамки котораго были 10 и 25%. Теперь эти рамки оказались самою слабою защитой для городовъ отъ нападеній со стороны уѣздовъ. Пользуясь тѣмъ, что торговныя свидѣтельства, билеты и патенты можно облагать десятью и двадцатью пятью процентами съ патентной платы, и имѣя въ своемъ распоряженіи дозволеніе привлечь къ этому обложенію семимилліонный капиталъ, подлежащій патентной

платѣ почти исключительно по одному городу, земство и привлекло его преимущественно передъ своими уѣздными землями. Очевидно, говорятъ по этому случаю защитники городовъ, — что тульское земство, пользуясь подобнымъ оружіемъ, всегда находитъ „возможность облагать земли тульского уѣзда на половину менѣе, чѣмъ облагаются земли другихъ уѣздовъ той-же губерніи, тогда какъ самъ городъ Тула для удовлетворенія своихъ собственныхъ надобностей (на содержаніе больницъ, богадѣленъ, полиціи, на разные предметы благоустройства и проч.) вынужденъ довольствоваться довольно скудными денежными средствами, находящимися въ распоряженіи городского управленія. Изъ огромной-же суммы, взимаемой въ пользу земства, можно съ увѣренностью сказать, что на городъ ничего не отдѣляется, кромѣ развѣ назначенія известной суммы на содержаніе мировыхъ судей“.

Дѣлая окончательные выводы на основаніи такого положенія, въ которое города неожиданно поставлены обиднымъ для нихъ распределеніемъ земскаго представительства, отдавашаго ихъ состояніе въ руки уѣзднаго населенія, защитники городовъ утверждаютъ, что „послѣдствія установившагося порядка предвидѣть не трудно“, что „наши губернскіе города, столь настоятельно нуждающіеся въ улучшеніи условій своего благоустройства, будутъ осуждены терпѣть постоянный недостатокъ въ средствахъ для удовлетворенія своихъ потребностей и надолго оставаться въ настоящемъ положеніи неустройства“, что „не то было-бы, конечно, если-бы городъ былъ увѣренъ, что собственные его средства могутъ быть употреблены только на его нужды, что обязательныя по закону издержки въ пользу земства будутъ падать равномерно на все земство, безъ облегченія однихъ на счетъ другихъ, и что представительство города не будетъ безслѣдно теряться въ массѣ представителей съ чуждыми городу интересами“ (Городов. полож. съ объясн., 203).

Какъ выскажется противъ этого другая сторона и чѣмъ отразить эти, повидимому, уважительные доводы, мы увидимъ ниже, теперь-же мы полагаемъ болѣе удобнымъ выставить всю массу обвиненій противъ ненормальнаго положенія, занятаго земствомъ, — положенія, изъ котораго оно не желало-бы быть выбитымъ по чувству самосохраненія.

III.

Возьмемъ для сравненія положеніе столицъ, занятое ими въ составѣ земскихъ учрежденій по отношенію къ своимъ уѣздамъ и цѣлымъ губерніямъ.

Если уѣздные и губернскіе города находятъ обиднымъ для себя и тягостнымъ положеніе свое по отношенію къ уѣздамъ, то тѣмъ обиднѣе должно быть это положеніе для столицъ.

Надо замѣтить, что Петербургъ и Москва по земскимъ дѣламъ не составляютъ нераздѣльныхъ земскихъ общинъ съ своими уѣздами, какъ прочіе города имперіи, а выдѣлены въ самостоятельныя земскія единицы, т. е. образуютъ изъ себя отдѣльныя уѣздныя земства. Само собою разумѣется, что при такомъ положеніи объ столицахъ, пользуясь, если можно такъ выразиться, полною эмансипаціею отъ своихъ уѣздовъ, не могутъ уже подчиняться ни нравственной гегемоніи своихъ уѣздовъ, ни ихъ бюджетнымъ раскладкамъ. Петербургъ и Москва сами избираютъ своихъ гласныхъ и *только* эти гласные составляютъ петербургское и московское уѣздныя земскія собранія, помимо уѣздныхъ собраній своихъ уѣздовъ, какъ-бы отрѣзанныхъ отъ столицъ. Слѣдовательно, Петербургъ и Москва сами дѣлаютъ свои земскія раскладки и потому о зависимости ихъ отъ своихъ уѣздовъ тутъ не можетъ быть и рѣчи. Но Петербургъ и Москва находятся въ земской зависимости отъ своихъ губернскихъ земскихъ собраній: тутъ уже гегемонія утрачивается ими и они приравниваются къ обыкновеннымъ губернскимъ городамъ, со всѣми шансами этихъ послѣднихъ — стать въ незавидное положеніе денежнаго сундука, раскрытаго для всей губерніи. Представляя собою уѣздныя земства, Петербургъ и Москва входятъ въ губернское земское собраніе наравнѣ съ прочими уѣздами своихъ губерній — первый 25-ю гласными въ общее число 62-хъ губернскихъ гласныхъ, Москва — 24-мя гласными въ общее число 93-хъ губернскихъ гласныхъ, т. е. Петербургъ изображаетъ собою земскую силу *въ два съ половиною раза слабѣе* всей земской силы своей губерніи, а Москва почти *вчетверо слабѣе* своей губернской земской силы. Между тѣмъ и Петербургъ, и Москва, по размѣрамъ своего населенія, равняются нѣкоторымъ губерніямъ, а по цѣнности находящихся въ нихъ не-

движимыхъ имуществъ, по суммѣ капиталовъ, обращающихся въ мѣстной торговлѣ, и по своимъ городскимъ бюджетамъ превышаютъ вѣскольکو губерній разомъ. Петербургъ, напр., по городской смѣтѣ своей, составленной на 1869 годъ, исчислялъ свои доходы и расходы въ суммѣ 3.400,744 р.; земство-же всей петербургской губерніи по своей росписи исчисляло доходовъ только 79,000 р. и столько-же расходовъ. Москва въ томъ-же году исчисляла размѣръ своего городского бюджета въ 2,824,769 р. прихода и столько-же расхода, а между тѣмъ земская роспись московской губерніи доходила только до 832,000 р., одинъ-же московскій уѣздъ — до 366,000 р.

Посмотримъ-же теперь, сколько Петербургъ и Москва обязательно должны были изъ своихъ средствъ расходовать на земство. Мы видѣли, что вся земская роспись петербургской губерніи составляла только 79,000 р., и изъ этой суммы одинъ Петербургъ далъ на земство 48,217 р., т. е. гораздо больше половины всего бюджета. Москва-же должна была давать своему земству болѣе 200,000 р. Далѣе, капитальная стоимость недвижимыхъ имуществъ Петербурга составляла 193,000,000 р., а стоимость всѣхъ недвижимыхъ имуществъ, вмѣстѣ съ землями, по цѣлой петербургской губерніи не превышала 37,000,000 р. По Москвѣ—то-же самое: недвижимыя имущества, обложенныя сборомъ въ пользу города, капитализировались въ 90,000,000 р.; торговныя свидѣтельства и патенты, капитализируясь по величинѣ платимыхъ въ казну пошлинъ, представляли болѣе, чѣмъ стомилліонную цифру.

Въ какой-же мѣрѣ земство эксплуатируетъ финансовыя средства хотя-бы, напр., въ Москвѣ? По закону 21 ноября 1866-года, коимъ разрѣшалось облагать въ пользу земства извѣстнымъ процентомъ торговныя свидѣтельства, билеты и патенты, земство московской губерніи нашло для себя выгоднымъ обложить богатую Москву *вышшимъ* процентомъ сбора съ показанныхъ предметовъ. По этому обложенію земство собрало съ Москвы 261,000 р. и раздѣлило эту сумму на земскія нужды слѣдующимъ образомъ: въ пользу Москвы собственно оно оставило 104,000 р., а большую половину сбора—157,000 р., которые въ нѣскольکو разъ превышаютъ сумму, собираемую съ торговыхъ свидѣтельствъ и патентовъ по остальнымъ городамъ и уѣздамъ губерніи, обратило

на губернска земскія потребности, „которыя, по выраженію защитниковъ городовъ,—конечно, для Москвы безразличны, такъ какъ между расходами губернскаго земства нѣтъ ни одного, который имѣлъ-бы прямое отношеніе къ Москвѣ“. Слѣдующія цифрн еще болѣе объясняютъ характеръ и величину финансовыхъ захватовъ, допускаемыхъ московскимъ земствомъ по отношенію къ Москвѣ: по земской росписи московской губерніи сумма сборовъ на губернска потребности съ торговыхъ свидѣтельствъ, билетовъ и патентовъ, вмѣстѣ съ Москвою, показана въ 195,000 р.; выше мы видѣли, что въ число этой суммы одна Москва даетъ 157,000 р., слѣдовательно, на всю губернію безъ Москвы падаетъ такого сбора только 38,000 р.; а когда примемъ во вниманіе, что сумма *обязательныхъ расходовъ* всего московскаго губернскаго земства по росписи исчислена въ 200,752 р., а *необязательныхъ*—въ 165,285 р., то величина захвата и выразится суммою, по малой мѣрѣ, въ 350,000 р. Защитники городскихъ интересовъ говорятъ по этому случаю, что „само московское губернскае земство облагаетъ себя лишь настолько, насколько это необходимо для покрытія первой категоріи расходовъ (обязательныхъ); *вся-же почти сумма необязательныхъ расходовъ губернскаго земства, т. е. вся роскошь земской жизни въ губерніи, покрывается сборомъ взимаемымъ исключительно съ г. Москвы*“ (Город. полож. съ объясн., 204—205).

Вотъ всё эти обстоятельства и были причиною того, что принятіе мѣръ „противъ такого ненормальнаго порядка вещей“ представилось совершенно необходимымъ. Поэтому, при составленіи городского положенія уже явилась мысль, что „самымъ дѣйствительнымъ средствомъ къ освобожденію городовъ отъ настоящаго тягостнаго ихъ положенія“ было-бы выдѣленіе наиболѣе значительныхъ изъ нихъ въ самостоятельныя уѣздныя земскія единицы, что города слѣдуетъ оградить отъ излишнихъ притязаній на нихъ уѣздовъ и оградить именно отнятіемъ ихъ у уѣздовъ, и эти послѣдніе предоставить ихъ собственнымъ средствамъ, т. е. указать имъ на пословицу относительно протягиванья ногъ по величинѣ одѣяла. Но въ то-же время самое реализированіе этой мысли вызвало не мало разнорѣчій, тѣмъ болѣе, что вопросъ объ оставленіи уѣздовъ на ихъ собственныхъ средствахъ становился оружіемъ обоюдострымъ, и многимъ не безъ основанія казалось,

что бросить все уѣздное населеніе на произволъ его собственныхъ слабыхъ силъ, значило, можетъ быть, ослабить эти силы до конечнаго паденія и убить возможность экономического подъема уѣздовъ даже въ будущемъ. Сторонники-же немедленнаго выдѣленія городовъ въ самостоятельныя земскія единицы шли далѣе: они положительно утверждали, что такъ какъ ненормальность отношеній городовъ къ земству не можетъ быть оспариваема и оставлять существованіе такой ненормальности было-бы несправедливостью по отношенію къ городамъ, то именно теперь, при вступленіи въ городскую реформу, слѣдовало-бы воспользоваться самымъ благоприятнымъ и законнымъ поводомъ къ включенію въ городское положеніе особаго правила объ отдѣленіи значительнѣйшихъ городовъ отъ своихъ уѣздныхъ земствъ и о предоставленіи имъ самостоятельнаго завѣдыванія своими собственными земскими дѣлами чрезъ посредство городскихъ думъ и городскихъ управъ, которыя въ данномъ случаѣ могли-бы быть вполне правомѣрны съ уѣздными земскими собраніями и управами. Если подобная мѣра не признана была соотвѣтственною еще въ то время, когда организовались земскія учрежденія, то она не могла быть признана такою единственно лишь потому, что при прежнемъ городскомъ управленіи ее невозможно было-бы реализовать, такъ какъ города не имѣли тогда соотвѣтственныхъ земскихъ органовъ управленія, а теперь такое нововведеніе не казалось-бы даже новостью, такъ какъ оно давно уже было примѣнено къ обѣимъ столицамъ и къ Одессѣ, гдѣ раньше, чѣмъ въ прочихъ городахъ, послѣдовало организованіе городского общественнаго управленія на новыхъ началахъ.

Но тутъ само собой возникало одно весьма существенное сомнѣніе. Что скажутъ земства, заявленіями отъ которыхъ никто не заручался до сихъ поръ, и слѣдовательно изъятіе изъ ихъ вѣденія городовъ послѣдовало-бы безъ ихъ на то согласія, какъ-бы насильственно? Вѣдь мнѣнія отъ нихъ никто не спрашивалъ, и если земства, въ отдѣльныхъ случаяхъ, высказывались сами собой по этому предмету, то всегда отрицательно. Какимъ-же образомъ не выслушать мнѣній земства по такому существенному для его интересовъ предмету, когда не сочли возможнымъ обойти мнѣнія городовъ при составленіи предположеній о преобразованіи городского общественнаго управленія? Это было-бы и несправед-

ливо и не вопль осторожно. Но тогда явилось противное заявленіе, что такъ какъ въ данномъ случаѣ вопросъ не касается совершеннаго выдѣленія городовъ изъ общаго состава земскихъ учреждений, а рѣчь идетъ только о предоставленіи имъ равноправнаго значенія самостоятельныхъ земскихъ-же единицъ, а не дробей ихъ, „то ставить осуществленіе означенной мѣры въ зависимость отъ заключенія земства было-бы *положительно неудобно*, ибо нѣтъ сомнѣнія, что земство, извлекающее нынѣ наибольшія для себя выгоды отъ находженія городовъ въ составѣ земства, выскажется противъ упомянутой мѣры, и тогда правительство, сознавая между тѣмъ ея пользу, было-бы поставлено въ немалое затрудненіе“. При всѣхъ этихъ разнорѣчіяхъ, въ томъ и другомъ случаѣ высказывалось мнѣніе, что если-бы даже при всей вѣскости приведенныхъ выше цифръ и соображеній, оказалось почему-либо невозможнымъ немедленное выдѣленіе, вмѣстѣ съ городской реформою, наиболѣе крупныхъ городовъ, въ томъ числѣ губернскихъ и нѣкоторыхъ уѣздныхъ, въ самостоятельныя уѣздныя земскія единицы, то, по мнѣнію этихъ сторонниковъ земско-городского сепаратизма, едва-ли было-бы не осмотрительно—въ самое городское положеніе внести правило, въ силу котораго города, по ихъ собственному усмотрѣнію, *могли-бы* ходатайствовать о земскомъ раздѣлѣ ихъ съ уѣздами и о прекращеніи этой обязательной для нихъ общинности, при которой неимущій живетъ на счетъ имущаго, хотя и на это нашлось равносильное возраженіе, что имущему еще менѣе справедливо жить на счетъ неимущаго.

Таковою представляется въ зародышѣ идея созданія на почвѣ нашихъ городовъ того общественнаго фактора, который на Западѣ такъ давно исполняетъ свою громкую историческую роль подъ именемъ „буржуазіи“. Но осуществленіе этой идеи едва-ли можетъ совершиться безъ упорной борьбы съ началами, лежащими въ основѣ всего нашего гражданскаго и историческаго развитія. Мы говоримъ о началахъ общинности, органической связи которой съ нашей жизнью не можетъ не завидовать Западъ: общинность всегда была спасительной поддержкой въ экономической жизни всего нашего сельскаго населенія; общинность дала нашимъ городамъ лучшее и прочнѣйшее изъ всего, что они имѣютъ; общинность-же, этотъ экономическій уравнитель, долж-

на-бы быть надежной заручкой въ благотворности существованія для будущаго нашихъ общинно-земскихъ учрежденій. Прямымъ послѣдствіемъ такого разумнаго отношенія къ дѣлу было заявленіе съ разныхъ сторонъ мнѣній, что „прямое указаніе на предоставленіе городамъ права ходатайства относительно образованія изъ нихъ самостоятельныхъ уѣздныхъ земскихъ единицъ, — *ходатайства никѣмъ не воспрещаемаго*, — заключало-бы въ себѣ, въ нѣкоторомъ родѣ, вызовъ ихъ къ такимъ ходатайствамъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ предрѣшеніе вопроса въ существѣ, которое не могло-бы не быть обязательнымъ для правительства“. Кроимъ того, если-бъ возникли такія ходатайства (а что они возникли-бы десятками и сотнями—это несомнѣнно), то при разсмотрѣніи и обсужденіи ихъ могли-бы встрѣтиться такія существенныя затрудненія, которыя обойти было-бы не легко, не поставивъ въ безвыходное положеніе земства, или пришлось-бы, съ лишеніемъ земства матеріальной поддержки со стороны богатыхъ городовъ, какъ богатыхъ собственниковъ, избавить земство отъ нѣкоторыхъ непосильныхъ для него расходовъ и опять-таки отнести эти расходы на средства городовъ, что и вышло-бы то-же на то-же, да только уже въ видѣ прямого налога на города. Между тѣмъ, при общинномъ несеніи земскихъ тягостей и тою и другою стороною, можно было-бы оказать защиту городамъ инымъ способомъ, не подрывая коренныхъ началъ, на которыхъ всегда держался общественный строй городской и сельской жизни: можно было-бы положить такъ-называемымъ захватамъ земства извѣстные предѣлы, ограничить право обложенія городскихъ имуществъ указаніемъ максимума и минимума процента съ ихъ стоимости или доходности, болѣе уравнительнымъ распредѣленіемъ постоянной повинности между городами и уѣздами, такъ какъ, съ одной стороны, жалуются города, что квартирующіе въ нихъ полки почти не выходятъ отъ нихъ, съ другой, села—что войска постоянно ихъ обременяютъ своимъ постоемъ, а въ города приходятъ только на нѣсколько недѣль въ году, на такъ-называемыя „тѣсвыя квартиры“, т. е. на передлагерное время, и что *иные города никогда не видали войскъ*, какъ квартирантовъ, что также совершенно справедливо по отношенію къ нѣкоторымъ городамъ. Однимъ словомъ, мнѣнія эти дружно упирали на то, что окончательное рѣшеніе даннаго вопроса, „столь важнаго для земства“

безъ истребованія заключенія земскихъ собраній, представлялось-бы едва-ли удобнымъ и правильнымъ; что какъ-бы не высказались по этому вопросу земскія собранія, изъ коихъ нѣкоторыя, статья можетъ, и сочувственно отнеслись-бы къ предположенію по сказанному предмету, за *правительствомъ всегда остается последнее слово*, и за тѣмъ оно всегда будетъ имѣть возможность принять нужныя въ этомъ отношеніи мѣры" (Город. полож. съ объясн., 199—200).

Какъ-бы то ни было, несмотря на разнорѣчія въ способахъ разрѣшенія даннаго вопроса, рѣшеніе его тѣмъ или инымъ способомъ признано положительно необходимымъ; но, во всякомъ случаѣ, послѣдовало соглашеніе и относительно земства, что оно должно быть приглашено къ выраженію своего мнѣнія по предмету, существенно для него важному.

Относительно Петербурга и Москвы предположено: изъять ихъ изъ состава губернскаго земства и введенія мѣстныхъ губернскихъ собраній, образовавъ изъ нихъ самостоятельныя единицы въ ряду губернскихъ земскихъ учрежденій и поставивъ ихъ городскія думы и городскія управы въ тѣ-же отношенія къ общей администраціи, въ какихъ состоятъ къ ней губернскія земскія собранія и губернскаія земскія управы. Правда, предполагалось возможнымъ устранить преобладаніе земства надъ столицами тѣмъ, чтобы число гласныхъ въ губернское собраніе избиралось по-ровну, какъ отъ Петербурга и Москвы, такъ и отъ ихъ губерній; но въ этомъ найдено не мало практическихъ затрудненій, когда дѣло дошло до примѣненія этого способа на практикѣ, и при всемъ томъ онъ оказался полумѣрою, и огражденіе городскихъ интересовъ подвергалось-бы постоянному риску, равно, съ другой стороны, и земство рисковало-бы попасть, при этой палліативѣ, въ крѣпостную зависимость отъ столицы: такъ какъ, обыкновенно, рѣдко бываетъ, чтобы всѣ гласные являлись въ собранія, то всегда можно ожидать, что одинъ разъ лишніе голоса изъ горожанъ одержать верхъ надъ уѣздами, въ другой разъ уѣзды одолѣютъ противную сторону своею совершенно случайною численностью.

Относительно губернскихъ городовъ тѣхъ губерній, гдѣ уже введено положеніе о земскихъ учрежденіяхъ, тоже предположено образовать собою самостоятельныя земскія единицы, возложивъ за-вѣдываніе земскими дѣлами, относящимися до тѣхъ городовъ

на городскія думы и управы, которыя и должны замѣнять собою для городовъ земскія собранія и управы.

Относительно, наконецъ, прочихъ городовъ, озаботиться установленіемъ болѣе равнаго отношенія числа гласныхъ отъ городовъ къ числу гласныхъ отъ уѣздныхъ землевладѣльцевъ и сельскихъ обществъ, чтобъ не было преобладанія ни съ той, ни съ другой стороны.

Но все это, однако, ни болѣе, ни менѣе, какъ предположенія, по которымъ состоялось предварительное соглашеніе двухъ спорящихъ сторонъ,—защитниковъ городовъ и защитниковъ земства или уѣздовъ; законодательной-же санкціи по этому предмету еще не послѣдовало, а состоялось лишь Высочайшее повелѣніе о предоставленіи министру внутреннихъ дѣлъ войти съ представленіемъ въ государственный совѣтъ — *„о лучшемъ, по ближайшемъ соображеніи, устройствѣ отношеній городовъ, не исключая и столицъ, къ учрежденіямъ земскимъ“* (Мнѣн. госуд. совѣта, 16—28 іюня, 1870 г.).

Вотъ для этихъ-то „ближайшихъ соображеній“ земство и городъ должны были быть поставлены лицомъ къ лицу, чтобы рѣшить или окончательное выдѣленіе городовъ въ самостоятельныя земскія особи или пойти на безобидный компромисъ съ своими уѣздами.

Во всякомъ случаѣ, вопросъ о городскомъ сепаратизмѣ уже поставленъ на очередь, и чѣмъ онъ будетъ разрѣшенъ—неизвѣстно; только борьба съ обѣихъ сторонъ будетъ упорная, какъ объ этомъ можно судить по ея началу.

IV.

Въ настоящее время борьба эта ведется уже во всѣхъ городахъ, въ которыхъ ведено новое городское положеніе.

Еще въ 1871-мъ году, министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, во исполненіе сейчасъ нами цитированнаго мнѣнія государственнаго совѣта, отъ 16—28 іюня 1870 года, предложено было губернаторамъ—въ тѣхъ городахъ, въ которыхъ введено въ дѣйствіе городское положеніе, немедленно образовать особыя комиссіи изъ представителей городовъ и уѣздныхъ земствъ для всесторонняго

обсужденія вопроса о лучшемъ устройствѣ отношеній городовъ къ земскимъ учрежденіямъ. Комисіи эти должны были состоять изъ равнаго числа членовъ, какъ со стороны городовъ, такъ и со стороны уѣздовъ, чтобы ни въ какомъ случаѣ равновѣсіе въ преніяхъ не могло быть нарушено преобладаніемъ или ослабленіемъ той или другой группы. Всѣ соображенія этихъ комиссій, постановленія, отдѣльныя, сколько-нибудь выдающіяся, мнѣнія и выводы предлагалось представить въ министерство, съ особыми, по обстоятельствамъ дѣла, заключеніями губернаторовъ.

Губернаторы дѣйствительно распорядились организованіемъ особыхъ комиссій по городамъ, предоставивъ этимъ послѣднимъ и земству избрать членовъ въ комисіи по своему усмотрѣнію. Предсѣдательство въ губернскихъ комиссіяхъ возлагалось на губернаторовъ, а въ уѣздныхъ городахъ—на особо избранныхъ комисіями, изъ своей среды, членовъ.

Многія комисіи, сколько намъ извѣстно, не знали какъ приступить къ дѣлу. Ихъ смущала даже непонятная для нихъ специальность ихъ задачи—разсуждать „о лучшемъ устройствѣ отношеній городовъ къ земскимъ учрежденіямъ“. Чѣмъ же не хороши эти отношенія, что ихъ приходится дѣлать лучшими? спрашивали нѣкоторые, не вполне понимая въ чемъ дѣло, хотя сами-же въ земскихъ собраніяхъ и въ городскихъ думахъ не рѣдко говорили, что „уѣзды объѣдаютъ города“, что „города — не батраки для уѣздовъ“, или, что „не уѣзды паразиты, а города“ и т. д. Но скоро комисіи освоились съ предметомъ, подлежащимъ ихъ разработкѣ, и въ составѣ ихъ рѣзко обозначились партіи, которыя твердо помнили, за что имъ предстоитъ бороться и чьи интересы отстаивать. Такъ какъ вопросъ былъ слишкомъ прямо поставленъ, то городскіе члены комиссій, понявъ, что для нихъ и легче, и выгоднѣе разрубить гордіевъ узелъ, чѣмъ трудиться его развязывать, большею частью, почти всѣ превратились въ Александровъ македонскихъ, и требовали покончить съ вопросомъ однимъ ударомъ,—подписать протоколъ объ отдѣленіи отъ уѣздовъ. Но это не значило разработать столь жизненный для всего сельскаго населенія вопросъ о лучшемъ отношеніи города къ селу, для чего требовалось-бы серьезное и безпристрастное изученіе даннаго предмета, а это значило—просто отвязаться отъ села и живущаго въ немъ мужика и предоставить ихъ своей собственной участи, т. е.,

взвалить на нихъ почти всю тяжесть государственныхъ и земскихъ повинностей.

Въ самомъ дѣлѣ, для городовъ, при настоящемъ положеніи дѣлъ, ничего не было легче, какъ сказать селамъ: „вы будете сами-по-себѣ, а мы сами-по-себѣ“. Это значило, что городъ, территория котораго ограничивается, въ большинствѣ случаевъ, площадью отъ 1,000 до 2,000 дес. земли подъ городской усадьбой (эти цифры могутъ быть примѣнены къ любому изъ губернскихъ городовъ) и выгонною землею, въ размѣрѣ тысячъ пяти или десяти десятинъ, образуетъ изъ себя отдѣльную земскую единицу и знать не хочетъ своего уѣзда, который питалъ и обогащалъ его въ продолженіи двухъ или трехъ столѣтій. У города есть свои гласные, свое земское собраніе, своя управа. Остальные 700 — 800,000 дес. остаются за уѣздомъ. „Мы вѣдаемъ свое земское дѣло, а вы свое“, говорятъ города.

Казалось-бы, дѣйствительно, что это самое простое отношеніе къ дѣлу: каждый знай самъ себя, и каждый самъ себя помогай—какъ это практиковалось нашими предками цѣлые вѣка и на цѣлые вѣка задержало развитіе общественныхъ силъ, разъединивъ ихъ рознью и особнячествомъ, которыя, въ концѣ концовъ, повліяли такъ невыгодно на общій экономическій строй Россіи. Только благодаря этой сословной розни и внутреннему антагонизму общественная инициатива равнялась нулю, община сдѣлалась предметомъ нападокъ, и мы всего стали ожидать и во всемъ рассчитывать на вмѣшательство государства. Но когда явились земскія учрежденія, такой порядокъ вещей фактически сталъ невозможнымъ. Когда уѣзды мысленно провели демаркаціонную линію между собою и городами, между своими обязанностями по отношенію къ земству и городскими, то прежде всего они наткнулись на земскую роспись. Каждая земская роспись, какъ извѣстно, вращаетъ перечисляетъ тѣ случаи, когда и для чего должны браться деньги изъ земскаго кармана. Всѣ комиссіи о лучшемъ устройствѣ отношеній городовъ къ земству должны были неизбѣжно имѣть дѣло съ этой росписью.

Большая часть комиссій, сколько намъ извѣстно, слѣдующимъ образомъ приступила къ дѣлу:

Разложена на столѣ земская роспись. Въ ней на первомъ планѣ стоитъ „перечень земскихъ потребностей“. Въ рубрикѣ „предме-
„Дѣло“, № 6.

товъ потребностей“, обязательныхъ и необязательныхъ, первое мѣсто занимаетъ „устройство и содержаніе дорогъ, мостовъ, трубъ, плотинъ, гатей и перевозовъ“. Потребность эта оцѣнена въ 40,000 рублей, въ иной губерніи больше, въ иной меньше; но это все равно: мы говоримъ только о процессѣ реализованія идеи земско-городского сепаратизма.

При чтеніи этой первой рубрики городскіе члены комиссій заявляютъ: „У насъ въ городѣ нѣтъ ни дорогъ, ни плотинъ, ни гатей, ни перевозовъ, а есть только улицы, по которымъ мы ходимъ и ѣздимъ, да два моста черезъ оврагъ. Это наше и на устройство этого мы даемъ деньги, а на содержаніе дорогъ, плотинъ, гатей и проч. мы не даемъ: пусть ихъ устраиваетъ тотъ, на чьей землѣ онѣ лежатъ и кто ими пользуется“.

Уѣздные члены на это возражаютъ: „Да вѣдь и вы ѣздите по нашимъ уѣзднымъ дорогамъ, ваши обозы съ хлѣбомъ и пенькой, на которыхъ вы наживаете деньги на счетъ уѣздовъ, разбиваютъ наши мосты и дамбы. Погонная величина вашихъ улицъ нѣсколько верстъ, а протяженіе нашихъ дорогъ—на сотни и тысячи: мы не въ силахъ одни содержать ихъ“.

„Но и мы не обязаны крыть крышу у сосѣда, когда своя течетъ“, говорятъ городскіе члены.

Какъ-бы то ни было, городъ вычеркиваетъ совсѣмъ изъ перечня „предметовъ земскихъ потребностей“ настоящую статью и всецѣло относитъ ее на уѣздъ. То-же самое онъ дѣлаетъ и съ слѣдующею затѣмъ статьею перечня „устройство и ремонтъ верстовыхъ столбовъ“.—„У насъ всего только одинъ верстовой столбъ—у городскихъ станціонныхъ воротъ, и только этотъ столбъ мы должны имѣть въ виду, а потому и эту статью вычеркивайте изъ нашего городского бюджета“. И статья вычеркивается, упавая опять-таки на уѣздъ въ видѣ цифры тысячи въ двѣ-три рубля, а смотря по величинѣ уѣзда—и болѣе.

Слѣдуютъ затѣмъ, по земской росписи, прогонныя и порціонныя деньги чиновникамъ строительнаго отдѣленія губернскаго правленія, командируемымъ по дѣламъ земства:—„эти чиновники командированы въ уѣздъ для техническихъ надобностей по уѣзднымъ дорожнымъ и другимъ сооруженіямъ; въ городъ ихъ командировать нечего, потому что они живутъ въ городѣ, и прогоновъ имъ получать не для чего: значить, и это все на уѣздъ, потому что

это уѣздная земская потребность“, говорятъ городскіе члены. И статья снова вычеркивается, падая на уѣздъ.

Содержаніе канцеляріи посреднической комиссіи, посредника полюбиваго размежеванія и чиновниковъ при посреднической комиссіи, содержаніе уполномоченныхъ и особаго стола при управленіи государственными имуществами—все это потребность уѣздовъ, а не городовъ. „Намъ нечего размежевываться и содержать полюбившихъ посредниковъ, мы давно размежеваны закономъ (говорятъ члены комиссій отъ городовъ): пусть уѣзды размежеваются на свой счетъ, а не на нашъ“.

Еще тысячь пять-шесть отпадаютъ отъ города и возлагаются на село.

Наемъ квартиръ для судебныхъ слѣдователей снова возбуждаетъ пренія въ комиссіяхъ. Изъ 25—30 судебныхъ слѣдователей городъ беретъ себѣ только двухъ или одного, а остальныхъ накидываетъ на село, тоже въ видѣ тысячь пяти или шести расхода изъ крестьянскаго кармана.

Мало того, на уѣзды относятъ производство пенсій чиновникамъ, *служившимъ* нѣкогда въ несуществующихъ уже комиссіяхъ народнаго продовольствія, обязанности коихъ перешли на земство. На уѣзды-же относятъ содержаніе членовъ губернскихъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій, жалованье секретарямъ, канцелярскіе расходы присутствій, содержаніе членовъ отъ правительства при мировыхъ съѣздахъ, суточное содержаніе кандидатовъ въ мировымъ посредникамъ, во время исполненія ими обязанностей посредниковъ и при рекрутскихъ наборахъ, путевые расходы членовъ губернскихъ присутствій въ командировкахъ по дѣламъ службы, уплату страховыхъ денегъ при пересылкѣ по почтѣ суммъ на мировыя учрежденія, и наконецъ, такіе расходы, которые городамъ дѣйствительно никогда не могутъ предстоять, какъ-то: заготовленіе окладныхъ листовъ для крестьянскихъ обществъ и владѣльцевъ, заготовленіе штамповъ для клейменія межевыхъ знаковъ и государственныхъ печатей и заготовленіе бланковъ для полевыхъ сторожей; отъ всего этого отказываются города, говоря, что они ни отъ кого не получали ни надѣловъ, ни уставныхъ грамотъ, а потому имъ не зачѣмъ имѣть ни губернскихъ присутствій, ни мировыхъ посредниковъ: „все это атрибуты жизни уѣздной, сельской, а не городской, ибо города ни у кого не были въ

крѣпостной зависимости, и мы, горожане, ни отъ кого не получали свободы, потому что всегда были свободными гражданами: пусть-же мужики сами заготавливаютъ для себя окладные листы, штемпели и государственныя печати“, настаиваютъ по-прежнему гласные отъ городовъ.

На плечи уѣздовъ снова, такимъ образомъ, накидывается тысячь тридцать.

Затѣмъ слѣдуютъ необязательные по закону, но неизбѣжныя по существу расходы и потребности земства, или то, что составители городского положенія, какъ мы видѣли выше, назвали „роскошью земской жизни въ губерніи“. Но это въ сущности не роскошь, а необходимость, которая становится роскошью только тогда, когда заходитъ за предѣлы умѣренности и должной бережливости: тутъ разумѣется содержаніе земскихъ учреждений—жалованье предсѣдателямъ и членамъ управъ, содержаніе канцелярій, техникумовъ и всего состава лицъ, служащихъ непосредственно земскому дѣлу. Это, впрочемъ, такія потребности, удовлетвореніе которыхъ не можетъ быть возложено на одно уѣздное населеніе: здѣсь роли и города, и села, по возможности, уравниваются. Но обременительность земскаго дѣла не можетъ не испытываться сельскимъ населеніемъ, преимущественно передъ городскимъ, по удовлетворенію всѣхъ остальныхъ потребностей, по коимъ малѣйшій недостатокъ заботы со стороны земства, т. е. опять-таки почти исключительно со стороны крестьянъ, вызываетъ на земство укоры со всѣхъ сторонъ, и со стороны губернаторовъ, и со стороны исправниковъ, становыхъ приставовъ, со стороны суда, со стороны всѣхъ категорій чиновниковъ разныхъ вѣдомствъ, начиная отъ судебныхъ слѣдователей, лицъ прокурорскаго надзора, контрольныхъ и акцизныхъ ревизоровъ, чиновниковъ казенныхъ палатъ и проч., и кончая архіереемъ, объѣзжающемъ свою епархію, и, наконецъ, со стороны печати, которая не щадитъ ни малѣйшихъ упущеній земства, на воихъ теперь города взваливаютъ всѣ сложныя заботы по земскому дѣлу, очень дорого обходящемуся для каждой крестьянской семьи.

Мы говоримъ о томъ, что, выдѣлившись въ самостоятельныя земскія единицы, города оставляютъ на рукахъ сель заботу о народномъ продовольствіи, о народномъ здоровьи, о народномъ обра-

зованіи, о народномъ судѣ, т. е. о волостномъ и мировомъ, и, наконецъ, о военномъ постоеѣ.

Посмотримъ теперь, въ силахъ-ли будутъ вынести все это на себѣ одни села, безъ помощи со стороны городовъ.

V.

Предположимъ, что города выдѣлились въ самостоятельныя земскія единицы, и села съ деревнями предоставлены своей собственной земской участи.

Прежде всего на селахъ и деревняхъ остается вся сумма заботъ о народномъ продовольствіи. Правда, народъ и до сихъ поръ самъ себя продовольствовалъ, не ожидая хлѣба отъ городовъ: онъ самъ устраивалъ свои общественныя запашки, свои запасныя хлѣбныя магазины, самъ пополнялъ ихъ хлѣбомъ и самъ кое-какъ сколачивалъ для губернскаго земства „продовольственный капиталъ“. Онъ, слѣдовательно, и теперь, не попроситъ хлѣба у горожанина, развѣ только въ голодный годъ, да и то, по закону онъ этого дѣлать не смѣетъ, такъ какъ законъ всякаго нищаго крестьянина высылаетъ изъ города по этапу на попеченіе и продовольствіе своего собственнаго сельскаго общества. Но и въ этомъ отношеніи городъ беретъ себѣ львиную долю: въ городѣ есть заведенія бывшихъ приказовъ общественнаго призрѣнія, перешедшія теперь въ вѣденіе земства; въ городѣ есть богадѣльня для неимущихъ, калѣкъ и для лишенныхъ средствъ питаться своимъ трудомъ; эти заведенія устроилъ не городъ, а народъ, потому что народъ участвовалъ въ составленіи капиталовъ общественнаго призрѣнія. Теперь эти заведенія, столько-же принадлежащія городу, сколько и селу, даже больше этому послѣднему, — городъ, выдѣляясь въ самостоятельную земскую особь, оставляетъ исключительно за собой, а селу говорить: „для своихъ неимущихъ ты можешь устроить свою собственную богадѣльню, а въ мою я твоихъ неимущихъ не пушу“. Прежде, слѣдовательно, городъ говорилъ селу: „что твое—то и мое, а до моего тебѣ дѣла нѣтъ“, теперь-же: „что было наше—то теперь мое, а не твое“.

За выдѣленіемъ городовъ въ земскія единицы, на село и деревню ложится исключительная забота о народномъ здоровьѣ. Они

должны содержать на свой счетъ отдѣльныхъ земскихъ врачей, фельдшеровъ, повивальныхъ бабокъ, устраивать на свой счетъ больницы, аптеки и т. д. Городу и въ этомъ отношеніи опять-таки несравненно легче: у города есть уже больницы, устроенныя большею частью на средства бывшихъ приказовъ общественнаго призрѣнія, т. е. почти исключительно на средства сель и деревень; при больницахъ есть врачи, фельдшера, аптеки, содержащія на счетъ тѣхъ-же суммъ, въ составленіи коихъ участвовало село; теперь городъ оставляетъ за собою и эти общенародныя заведенія, а селу предоставляетъ всею обзаводиться вновь. Въ городѣ и безъ того есть, хоть и мало, но все-же есть казенные и частные врачи и медицинскія средства; даже уѣздные врачи большею частью живутъ въ городахъ, какъ и „уѣздные“ исправники. Неудивительно, что въ селахъ и деревняхъ населеніе болѣетъ и мретъ, безъ медицинской помощи, въ нежелательной пропорціи, деревенскія дѣти остаются безъ оспопрививанія; сифилисъ поражаетъ цѣлыя области; народъ вырождается, какъ это уже и замѣчено нѣкоторыми земствами. Села и деревни должны сами позаботиться и о ветеринарной части, чтобъ ихъ скоть не погибала поголовно отъ каждагодневныхъ эпизоотій, а между тѣмъ ветеринары живутъ въ городахъ, гдѣ скота несравненно меньше, чѣмъ въ селѣ, потому что скоть для крестьянина и рабочая сила, и кормилецъ.

На селахъ лежитъ и народное образованіе. Да оно такъ и слѣдуетъ: каждый долженъ самъ заботиться о своемъ образованіи, конечно, при матеріальномъ содѣйствіи отъ правительства. Народъ такъ и дѣлаетъ. Но городъ и тутъ обижаетъ село и деревню: въ городѣ есть гимназія, даже двѣ и три; есть институтъ и проч. среднія заведенія. На устройство и содержаніе всѣхъ этихъ заведеній шла и деревенская копейка обязательно. А теперь все это остается за городомъ, какъ земскія больницы, богадѣльни, аптеки.

Натурально, что городамъ выгодно выдѣлиться въ самостоятельныя земскія единицы; но только невыгодно это селамъ и деревнямъ: за этимъ выдѣломъ у нихъ отнимаютъ многое имъ принадлежащее, не вознаграждая ихъ ничѣмъ за это отчужденіе общественной собственности. Вѣдь въ созданіи богатства и благосостоянія городовъ участвовало, волей-неволей, все населеніе, поэтому было-бы несправедливо, чтобы и города, до извѣстной

степени, участвовали съ своей стороны въ созданіи если не богатства и благосостоянія сель и деревень, то хоть серединой экономической обезпеченности. Городъ — это тоже отчасти, что церковь — достояніе всего общества, всѣхъ вѣрующіхъ, и потому церковь нельзя выдѣлять въ самостоятельную единицу: въ нее идетъ всякій вѣрующій и считаетъ церковь своею потому, что и его копейка участвовала въ созданіи и поддержаніи благодѣнія храма.

Такіе, или приблизительно такіе голоса раздавались въ упомянутыхъ нами комиссіяхъ со стороны представителей уѣздовъ. Они продолжаютъ раздаваться и теперь, потому что во многихъ городахъ комиссіи эти только организуются и приступаютъ къ разрѣшенію столь жизненнаго для сельскаго населенія вопроса, превратившагося изъ вопроса „о лучшемъ устройствѣ отношеній городовъ къ земствамъ“ въ задачу о созданіи у насъ искусственной „буржуазіи“.

За всѣмъ вышеупомянутымъ, у сель и деревень остаются еще, такъ-сказать, на хлѣбахъ волостной судъ и судебный мировой институтъ, въ которомъ каждый мировой судья стоитъ народу по нѣскольку тысячъ, а волостной судъ, при дурной его организаціи и при маломъ образованіи народа и его собственныхъ судей, нерѣдко объѣзжаетъ и опиваетъ свои волости. Между тѣмъ у городовъ подъ руками и судебныя палаты, и окружныя суды, и всѣ власти, такъ что даже, въ случаѣ какого-либо дѣла, горожанину не приходится издерживаться на путевое довольствіе и на кормъ лошади, какъ все это приходится испытывать и выносить на себѣ сельскому обывателю, у котораго городъ все взялъ — и больницу, и богадѣльню, и судъ, и начальство, и казначейство, и даже острогъ, и теперь еще хочетъ самъ отъ него отдѣлиться даже въ общемъ земскомъ дѣлѣ.

Наконецъ, селу и деревнѣ предстоитъ еще одна крупная работа — о безопасности селеній отъ огня. Кому не извѣстно, что наши соломенные села выгораютъ, по малой мѣрѣ, въ 25-лѣтній періодъ времени, почти всѣ до тла, и потомъ вновь выстраиваются? Горятъ и деревянные города, но все-же меньше, чѣмъ соломенные села и деревни: въ городахъ есть хоть какая-нибудь пожарная помощь; городамъ въ устройствѣ пожарной части нерѣдко помогало правительство; а селамъ въ этомъ отношеніи никто не помогалъ. Поэтому только на ихъ долю въ данномъ случаѣ, какъ и

во всѣхъ выше перечисленныхъ, выпадаетъ буквальная „самопомощь“ — обезопасить себя отъ ужасовъ огня должны сами села, на плечахъ которыхъ и безъ того лежитъ не мало заботъ, начиная отъ дорогъ, взваленныхъ на нихъ городами, и кончая школами. Что наши села въ выгоратъ до тла въ 25-лѣтній періодъ времени—это не фраза, а къ сожалѣнію—фактъ, подтверждаемый цифрами. Напримѣръ, въ одной изъ „соломенныхъ губерній“, въ пензенской, съ апрѣля по 15 сентября 1869 года, т. е. въ полгода, было 378 пожарныхъ случаевъ, такъ что истреблено огнемъ 6,165 дворовъ, 111 отдѣльныхъ хозяйственныхъ построекъ (маслобоенъ, круподранокъ, хлѣбныхъ амбаровъ и т. п.), 211 кладей хлѣба и 448 десятинъ лѣсу, всего стоимостью *до двухъ миліоновъ рублей*. Между тѣмъ изъ всѣхъ этихъ 378 пожаровъ только 26 приходится на города, остальные—на селенія. По соображеніи этихъ цифръ съ количествомъ всѣхъ дворовъ по городамъ и селеніямъ пензенской губерніи, мы можемъ вывести слѣдующія процентныя отношенія числа погорѣвшихъ дворовъ къ числу наличныхъ. Это отношеніе представляетъ слѣдующіе угрожающіе размѣры:

	Число дворовъ:		процентное отношеніе.
	а) наличныхъ.	б) погорѣвшихъ	
По пензенскому уѣзду	12,929	413	1:31
„ краснослободскому.	16,810	918	1:18
„ инсарскому.	19,394	767	1:25
„ саранскому.	15,552	560	1:27
„ мокшанскому.	9,771	546	1:18
„ чембарскому.	16,190	381	1:42
„ городищенскому.	17,484	693	1:25
„ нижнеомовскому.	14,111	810	1:17
„ наровчатскому.	13,107	594	1:22
„ веренскому.	11,214	473	1:23
Итого.	146,592	6,165	1:24

Уже самая равномѣрность распредѣленія пожарныхъ опустошеній по уѣздамъ доказываетъ, что это не случайность, а ужасная неизбѣжность: это уже почти физическій законъ, въ силу котораго въ каждые помода обречено выгорать $\frac{1}{24}$ части всей губерніи, и слѣдовательно въ 24 полугодія, а не годы даже, неизбѣжно должна выгорѣть вся губернія, чтобы потомъ вновь

выстроиться (Пам. кн. пензен. губ. 1870 г. стр. 171 — 172). Только города и въ этомъ случаѣ составляютъ счастливое исключеніе.

VI.

Въ заключеніе всего вышесказаннаго и для возможно полнаго и правильнаго освѣщенія будущей картины нашихъ селъ и деревень, въ случаѣ, если города покинутъ ихъ, что называется, на произволъ судьбы, подведемъ валовые итоги тѣмъ экономическимъ и общественнымъ контрастамъ, въ которые поставлены вообще современнымъ положеніемъ дѣлъ и своимъ прошлымъ наши поселенія, какъ городскія, такъ и сельскія.

Вотъ эти итоги.

На селенія, отчасти *исключительно*, отчасти *предпочтительно* передъ городами падаютъ весьма солидные и едва-ли выполнимые расходы: на устройство и содержаніе дорогъ, мостовъ, трубъ, плотинъ, гатей и перевозовъ на такихъ протяженіяхъ, передъ которыми всѣ городскія протяженія являются величинами безконечно малыми; на устройство и ремонтъ верстовыхъ столбовъ; на прогоны и порціоны чиновникамъ администраціи, командироваемымъ въ уѣзды по дѣламъ земства; на наемъ квартиръ для судебныхъ слѣдователей; на содержаніе посредническихъ комиссій, посредниковъ полюбовнаго размежеванія и другихъ чиновниковъ при комиссіи; на производство пенсій чиновникамъ бывшихъ комиссій народнаго продовольствія, на содержаніе статистическихъ комитетовъ (совмѣстно съ городами); на содержаніе губернскихъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій, членовъ отъ правительства при мировыхъ сѣздахъ; на заготовленіе оладныхъ листовъ для крестьянскихъ обществъ—плательщиковъ, заготовленіе штемпелей и государственныхъ печатей при межеваніи земель, бланковъ для полевыхъ сторожей, рабочихъ книжекъ, выдаваемыхъ при паспортахъ въ волостныхъ правленіяхъ; наконецъ, на „роскошь земской жизни“—на самое содержаніе органовъ земскаго управленія, не говоря уже о расходахъ по продовольственной, благотворительной, учебной, судебной, пожарной, этапной, постоянной и инымъ частямъ.

Отъ городовъ большая часть этихъ расходовъ отпадаетъ совсѣмъ, а иные остаются уменьшенными вдвое, трое, четверо и т. д. — это уже неоспоримыя выгоды на сторонѣ городовъ. Но и во всякомъ случаѣ города наши не были и до настоящаго времени разорены и не будутъ разорены; села-же, между тѣмъ, рискуютъ быть разоренными при возбужденномъ теперь вопросѣ о городскомъ земскомъ отдѣленіи, и потому о селахъ слѣдовало-бы подумать, пока это земское разьединеніе не совершилось. Защитники земско-городского сепаратизма говорятъ, что, въ случаѣ невывдѣленія городовъ въ самостоятельные земскіе особи, эти города, „столь настоятельно нуждающіеся въ улучшеніи условій своего благоустройства, будутъ осуждены терпѣть постоянный недостатокъ въ средствахъ для удовлетворенія своихъ потребностей и надолго оставаться въ настоящемъ положеніи неустройства“; но села еще настоятельнѣе нуждаются въ улучшеніи условій своего благоустройства, потому что въ городахъ оно уже есть до извѣстной степени, а въ селахъ ровно ничего нѣтъ, и потому именно села, а не города, будутъ осуждены терпѣть постоянный недостатокъ въ средствахъ для удовлетворенія своихъ потребностей. Намъ скажутъ, что города много тратятъ денегъ на свою внутреннюю администрацію, на мощеніе улицъ, на весь строй своей городской жизни. Это правда. Но вѣдь и села не мало тратятъ на свою администрацію, не на казну, не на земство, а на такъ-называемыя „мирскія надобности“, на волостныя правленія и проч., — этихъ расходовъ у нихъ сходитъ съ души отъ 60 в. до рубля! У городовъ, между тѣмъ, есть свои городскіе доходы, свои оброчныя статьи и проч.; у городовъ есть общественныя земли, которыя они сдаютъ съ торговъ и арендныя деньги вкладутъ въ городскую кассу; у городовъ есть доходныя базарныя площади, доходныя пристани, постоянныя дворы, вѣсы и мѣры, гостиницы и все, что облагается сборомъ въ пользу города. Ничего этого нѣтъ у селъ; у нихъ только одна, нерѣдко очень скудная земля.

Во всякомъ случаѣ, если уже необходимо освободить города и уѣзды отъ взаимной между собою зависимости въ земскомъ дѣлѣ, если въ дальнѣйшей исторической жизни долженъ между ними порваться послѣдній, связующій ихъ, общественный цементъ — земство, то было-бы болѣе, чѣмъ несправедливо, оставлять сельское населеніе при тѣхъ-же обязательныхъ земскихъ повинностяхъ, со-

ставляющихъ въ сущности повинности общегосударственныя, которыя, какъ устройство путей сообщенія, народное продовольствіе, народное призрѣніе, повинность воинская, народное образованіе, народное здоровье, являясь уже обще-государственными бенефиціями, и должны быть съ надлежащей равномѣрностью, соотвѣтствующею состоянію каждаго, отбываемы каждымъ безъ исключенія поданнымъ государства.

При этомъ непремѣнно должна быть выработана самая правильная система оцѣнокъ всего, что можетъ подлежать обложенію въ пользу всѣхъ фисковъ—государственныхъ, земскихъ, городскихъ, общественныхъ, сословныхъ. Оцѣнка эта должна быть безусловно однообразная, а не такъ, какъ теперь, когда существуютъ всевозможныя, чисто-фиктивные цѣнности одного и того-же предмета, такъ что, когда домъ закладывается въ банкѣ, то оцѣнивается въ 10 тысячъ; когда оцѣнивается для государственнаго имущественнаго налога — въ 5 тысячъ, для квартирнаго налога — въ 3 тысячи, для страхованія—въ 15 тысячъ, для публичной продажи въ 2 тысячи и т. д. Наконецъ, самое опредѣленіе предметовъ, подлежащихъ обложенію, должно быть абсолютно справедливое: обложенію должно подлежать не только имущество недвижимое, приносящее доходъ, но и не приносящее его, а могущее приносить, всякое, наконецъ, уловимое для оцѣнки имущество движимое, какъ, напр., всякій доходъ, всякій капиталъ, величина котораго всегда уловима въ процентныхъ бумагахъ, въ акціяхъ, въ денежныхъ знакахъ и т. д. Вообще въ этомъ случаѣ должно быть принято за неизмѣнный принципъ правило: кто больше имѣетъ, тотъ больше долженъ давать государству и обществу.

Тогда, если и совершится готовящійся нынѣ земско-городской сепаратизмъ, если на почвѣ нашихъ городовъ и будетъ выращена искусственная „буржуазія“, то она, надо надѣяться, станетъ для общества тѣмъ добромъ, которымъ она, какъ извѣстно, далеко не была въ исторіи Западно-европейскаго общества.

Д. С—о.

ЗАНЕСЕНА
ВЪ
ИНВЕНТАРЬ

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ

АЛЕКСАНДРА БОРТНЕВСКАГО

Въ С.-Петербургѣ, на углу Троицкаго и Графскаго
переулковъ.

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ:

Исторія контръ-революціи въ Англіи. Соч. Армана Карреля. Ц. 1 р. 75 к.

Исторія французской литературы. Юліана Шмидта. Ц. 4 р.

Финансовое управленіе и финансы Пруссіи. Заблоцкаго-Десятковскаго. 2 т. Ц. 5 р.

Изъ недавнихъ воспоминаній о недалекомъ Западѣ. Повѣсть Е. Львова. Ц. 1 р. 50 к.

Ученіе о здоровьѣ. Популярное изложеніе гигиеническихъ и медицинскихъ наставленій для всѣхъ возрастовъ и различныхъ родовъ трудовой жизни. Соч. Отто Шраубе, удостоенное преміи въ Берлинѣ. Ц. 1 р. 50 к.

Историческія судьбы женщины, дѣтоубійство и проституція. С. С. Шашкова. Ц. 3 р.

Объ организованныхъ тѣлахъ, существующихъ въ атмосферѣ. Л. Пастера. Ц. 75 к.

Старая Руса и ея литературныя и врачебныя средства. Состав. Вертеръ, съ двумя планами. Ц. 60 к.

Пролетаріатъ во Франціи 1789 — 1852 г. Историческіе очерки А. Михайлова. Часть I-я. Ц. 1 р. 50 к.

Разказы судебного слѣдователя. (Какъ люди погнѣбають.—Въ сильномъ подозрѣніи.—Женскій трудъ.) Соч. А. Шляревскаго. Ц. 1 р.

Номоканонъ при большомъ требникѣ. Павлова. Ц. 2 р.

Еврейскія тайны. Зарѣцкаго. 2 части. Цѣна 80 к. Книга эта представляетъ живой интересъ для всякаго, кто захочетъ познакомиться съ внутренней, намъ невѣдомой, стороною еврейскаго быта. Она содержитъ много таинхъ вещей, которыя евреи тщательно скрываютъ предъ христіанами. Во 2-й части приведены извлеченія изъ Талмуда объ отношеніи евреевъ къ христіанамъ, съ указаніемъ, какъ евреи должны относиться къ религіи, имуществу и личности христіанъ.

Популярный курсъ земледѣлія Соковнина. Ц. 1 р. 25 к.

Земства и школы за пересылку не платятъ.

Тьера. — «Исторія консульства и имперіи». — Оппозиція Тьера іюльской монархіи. — Вторая республика. — Тьеръ примыкаетъ къ реакціонерамъ. — Клубъ улицы Пуатье. — Римская экспедиція. — Государственный переворотъ. — Изгнаніе Тьера. — Дѣятельность его во время второй имперіи. —
Есть-ли особенный поводъ огорчаться послѣдней неудачей Тьера?

XIX. ЗЕМСТВО И ГОРОДЪ. Д. С — 0.

ПРИ ГЛАВНОЙ КОНТОРѢ ЖУРНАЛА

„ДѢЛО“

(въ С.-Петербургѣ, по Надеждиной ул., д. № 89)

ВЫШЛА И ПРОДАЕТСЯ НОВАЯ КНИГА:

ИЗБРАННЫЯ РѢЧИ

ДЖОНА БРАЙТА

ПО ВОПРОСАМЪ ПОЛИТИЧЕСКОЙ И ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ.

Съ биграфическими очерками и портретами автора.

Переводъ съ англійскаго подъ редакцію Г. Е. Благосвѣтлова.

Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 30 к.

ВЫШЛА И ПРОДАЕТСЯ НОВАЯ КНИГА:

ВОПРОСЫ ОБЩЕСТВЕННОЙ ГИГИЕНЫ

В. О. ПОРТУГАЛОВА.

Оболо 40 печатн. листовъ. Цѣна 3 р. с., съ перес. 3 р. 30 к.

Адресоваться въ контору редакціи журнала «Дѣло».

При этой книгѣ помѣщены слѣдующія объявленія: 1) объ изданіи журнала **Дѣло** въ 1873 году; 2) объ изданіяхъ редакціи журнала **Дѣло** и 3) отъ книгопродавца А. Бортиевскаго.

ПОДПИСКА НА ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЬ

„Д Ъ Л О“

въ 1873 году

принимается въ С.-Петербургѣ, въ Главной конторѣ редакціи (въ Надеждинской улицѣ, д. № 39), и у книгопродавцевъ:

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:

Въ книжномъ магазинѣ М. О. Вольфа, на Невскомъ проспектѣ, по Гостинному двору, №№ 18, 19 и 20, и въ Книжномъ Магазинѣ для Иногороднихъ, на Невскомъ, противъ Думы, въ д. № 36.

ВЪ МОСКВѢ:

Въ книжномъ магазинѣ П. Г. Соловьева, на Страстномъ бульварѣ, въ д. Алексѣева; а также въ книжномъ магазинѣ М. М. Черенина, на Рождественкѣ, въ д. Торлецкаго.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

годовому изданію журнала „ДЪЛО“:

Безъ пересылки и доставки	14 р. 50 к.
Съ пересылкою иногородн.	16 »
Съ доставкою въ С.-Петербургѣ	15 » 50 к.

Подписная цѣна для заграничныхъ абонентовъ:

Пруссія и Германія—18 р. 50 к. Бельгія, Нидерланды и Придунайскія княжества—19 р. 50 к.; Франція и Данія—20 р. 50 к.; Англія, Швеція, Испанія, Португалія, Турція и Греція—21 р. 50 к.; Швейцарія 22 р. 50 к.; Италія—23 р. 50 к.

Для служащихъ дѣлается разсрочка, но не иначе какъ за поручительствомъ гг. казначеевъ.

Редакторъ-издатель Н. ШУЛЬГИНЪ.

This book should be returned to
the Library on or before the last date
stamped below.

A fine is incurred by retaining it
beyond the specified time.

Please return promptly.

~~DUE APR '65 H~~

~~315~~

~~AUG 14 '64 H~~

~~315-892~~

Widener Library

3 2044 079 301 941